LUX
LIBERTAS

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАЗВИТІЯ ВЪ РОССІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ВЪ 1825—1902 Г. Г.

Столѣтіе Военнаго Министерства

1802 — 1902

IV.

Часть 2.

Кн. 2. Отд. 1.

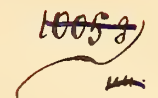
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАЗВИТІЯ ВЪ РОССІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ВЪ 1825 — 1902 Г.Г.

Составилъ

П. А. ГЕЙСМАНЪ

СТОЛѢТІЕ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА

1802–1902



ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАЗВИТІЯ ВЪ РОССІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ВЪ 1825–1902 Г. Г.

ВЫПУСКЪ II

Съ 12-ью картами

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОРЪ ГЕНЕРАЛЪ-ОТЪ-КАВАЛЕРІИ Д. А. СКАЛОНЪ

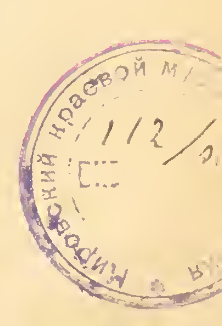
СОСТАВИЛЪ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ П. А. ГЕЙСМАНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Васильевскій Островъ, 16 линія, д. 5–7

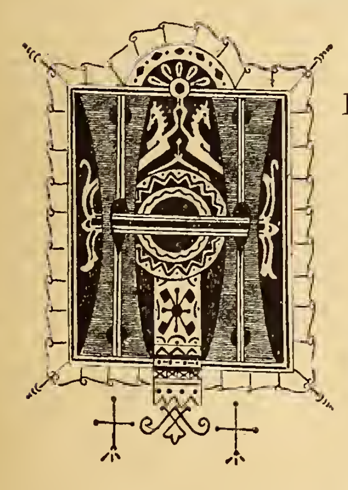
1910



ПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА
ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 2200 ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ,
изъ коихъ
200—ДЛЯ ВѢЧНАГО ХРАНЕНІЯ.

ГЛАВА I.

СВИТА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ПО КВАРТИРМЕЙСТЕРСКОЙ ЧАСТИ ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.



Недостатки военной системы России

ЕДОСТАТКИ нашей военной системы начала царствованія Императора Николая I были унаслѣдованы отъ предшествовавшаго царствованія.

Неудовлетворительность команднаго состава. Значеніе, придаваемое квартирмейстерской части.

Однимъ изъ важнѣйшихъ, если не самымъ важнымъ ея недостаткомъ была неудовлетворительность команднаго состава въ войскахъ [1]). Слишкомъ большое значеніе придавалось вспомогательному органу высшаго командованія, квартирмейстерской части, которая, именно въ царствованіе Императора Александра I, быстро двинулась впередъ и достигла возможной по тому времени степени совершенства [2]).

---

[1]) С. В. М. (Столѣтіе Военнаго Министерства), Г. Ш. (Главный Штабъ), ч. I, кн. 2, отд. 1 (нашъ очеркъ развитія генеральнаго штаба), 372—376.

[2]) Тамъ же, 234—344 и др.

Сравненіе съ рѣшеніемъ того же вопроса въ наполеоновской Франціи и въ Пруссіи послѣ наполеоновскихъ войнъ.

Предполагалось, что хорошая квартирмейстерская часть сдѣлаетъ все дѣло и за себя, и за начальниковъ. Въ этомъ отношеніи мы разошлись съ Наполеономъ, у котораго войсковые начальники были хороши, а офицеры генеральнаго штаба ихъ дополняли, при чемъ тѣ и другіе вырабатывались въ школѣ чисто практической; разошлись мы и съ пруссаками, которые, подобно намъ, заимствовали многое отъ наполеоновской Франціи, но и заимствуемое претворяли сообразно съ особенностями своей арміи, а главное были послѣдовательны и не лишали свою военную систему настоятельно необходимой ей цѣльности: послѣ 1815 года они долго не вели войнъ, но, тѣмъ не менѣе, подготовили себѣ хорошихъ начальниковъ и хорошій корпусъ офицеровъ вообще, а потому имъ было сравнительно легко устроить и генеральный штабъ, находившійся вполнѣ на высотѣ своего назначенія.

Наполеоновская военная система была создана для войны благодаря войнѣ; она пала, потому что Франція, надорвавшаяся уже при республиканскомъ режимѣ и истощившаяся окончательно при Наполеонѣ, не была въ состояніи ее поддерживать; за то прусская военная система шла къ расцвѣту и во время мира прекрасно подготовлялась къ войнѣ.

Разстройство военной системы, а съ нею и квартирмейстерской части.

Одно это сравненіе приводитъ къ заключенію, что наша военная система должна была разстраиваться, ибо одна квартирмейстерская часть не была въ состояніи поправить дѣло въ то время, когда тѣ начальники, коимъ подчинялись офицеры квартирмейстерской части, полагали, что «война портитъ войска», когда самъ фельдмаршалъ Барклай-де-Толли «свою высокую фигуру наги(балъ) до земли, чтобы ровнять носки гренадеръ» [1]), когда «ряды арміи..... наполня(лись) лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава» и когда «лишь это знаніе мо(гло) дать полное право на командованіе различными частями войскъ»..... [2]).

Мало того, квартирмейстерская часть, не имѣя возможности оставаться оторванною отъ другихъ частей вооруженной силы государства, не взирая на наличность прекрасной организаціи, соотвѣтственной по-

---

[1]) Шильдеръ, И. Н. П. («Императоръ Николай Первый. Его жизнь и царствованіе». Спб. 1903). Томъ I, 103 (слова Паскевича).

[2]) Тамъ же, 104 (слова Д. В. Давыдова).

становки и даже талантливыхъ руководителей, также шла по пути разстройства.

Положеніе дѣлъ ко времени вступленія на престолъ Императора Николая I. Заговоръ декабристовъ.

Ко времени вступленія на престолъ Императора Николая I, по мнѣнію многихъ современниковъ, разстройство было «всеобщее» [1]). Недовольныхъ было, во всякомъ случаѣ, очень много, но причины недовольства были различны.

Сравнительно немногочисленные русскіе люди, но зато принадлежавшіе къ русскому образованному обществу, къ первому государственному сословію и даже къ составу арміи, стремились къ государственному перевороту и къ увлеченію Россіи на путь конституціонализма, а наиболѣе крайніе мечтали даже о превращеніи Россіи въ республику. Рядомъ съ этимъ, масса русскаго дворянства приходила въ ужасъ не только отъ возможности осуществленія ихъ плановъ, но даже отъ возможности освобожденія крестьянъ!

Затѣи «буйныхъ головъ» [2]) почвы подъ собою не имѣли, но могли вызвать смуту и кровопролитіе при благопріятномъ случаѣ. Такой случай и представился въ концѣ 1825 года, когда, послѣ кончины Императора Александра I [3]), въ виду отреченія отъ права наслѣдованія Цесаревича Константина Павловича [4]), престолъ долженъ былъ перейти къ великому Князю Николаю Павловичу, что, впрочемъ, не было обнародовано и даже тщательно сохранялось въ тайнѣ. Цесаревичъ подтвердилъ свое отреченіе и въ письмѣ на имя «Брата Николая» именовалъ его «Государемъ», а между тѣмъ Великій Князь Николай Павловичъ прежде всѣхъ присягнулъ на вѣрность старшему брату и этимъ побудилъ принести таковую же присягу и всѣхъ сомнѣвавшихся въ цѣлесообразности ея принесенія...

Эта «великодушная борьба» между двумя братьями, изъ коихъ каждый уступалъ другому корону, и создала положеніе, коимъ воспользовались заговорщики и устроили военный бунтъ, окончившійся разгромомъ бунтовщиковъ на Сенатской площади 14-го декабря [5]).

---

[1]) По мнѣнію Цесаревича Константина Павловича «зараженіе умовъ» было «генеральное». С. В. М., Г. Ш., I, кн. 2, отд. 1, 368 и др.

[2]) По опредѣленію генералъ-адъютанта Бенкендорфа. Тамъ же, 370 и др.

[3]) 19-го ноября 1825 года, въ Таганрогѣ.

[4]) Состоявшагося еще въ началѣ 1822 года.

[5]) См. Шильдеръ, I.

Въ это время начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, генерала барона Дибича [1]) не было въ Петербургѣ; генералъ-квартирмейстеръ Адеркасъ [2]), по болѣзни, не выѣзжалъ изъ дому. Поэтому, въ то время, какъ войска были выведены изъ казармъ по особымъ распоряженіямъ высшаго строевого начальства, штабы не трогались съ мѣста. Въ это же время многіе офицеры свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части были также въ отсутствіи, будучи уволены въ отпускъ; остававшіеся, не получая приказанія генералъ-квартирмейстера, не считали себя обязанными явиться на площадь [3]).

При такихъ условіяхъ, возлѣ новаго Императора почти вовсе не было видно квартирмейстерскихъ мундировъ: хотя чиновъ свиты выѣхало пять, но трое изъ нихъ (генералъ-адъютантъ Толь [4]) и полковники князь А. М. Голицынъ 1-й и Н. Д. Дурново) были въ мундирахъ генералъ-и флигель-адъютантовъ; только начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-маіоръ А. И. Нейдгардтъ [5]) и гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Траскинъ были въ квартирмейстерскихъ мундирахъ..... [6]).

Отношеніе общества къ квартирмейстерской части.

Одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы повредить цѣлой свитѣ по квартирмейстерской части.

Тотчасъ послѣ событія 14-го декабря начались усиленные аресты, которымъ подверглись и многіе чины квартирмейстерской части. Вслѣдъ затѣмъ въ Петербургъ пришли смутные слухи о какомъ-то возстаніи войскъ на югѣ Россіи, во главѣ котораго стояли Муравьевы [7]).

Въ народѣ и даже въ военныхъ кругахъ происшедшія событія представлялись чѣмъ-то ужаснымъ; главная роль приписывалась квартирмейстерской части и въ особенности Муравьевымъ. Носились слухи,

---

[1]) См. о немъ С. В. М., Г. Ш., I, кн. 2, отд. 1, 336, 337, 377 и др.

[2]) Тамъ же 235 и 378.

[3]) Послѣднее говоритъ не въ пользу какъ этихъ офицеровъ, такъ отчасти и ихъ начальниковъ.

[4]) Тамъ же 333—335, 348 и 377.

[5]) Тамъ, 340 и 341.

[6]) Шильдеръ, И. Н. П. I. Глиноецкій. «Исторія русскаго генеральнаго штаба» (Спб. 1894), II, 1—5. Богдановичъ. «Исторія царствованія Императора Александра I» и др.

[7]) С. В. М., Г. Ш., I, кн. 2, отд. 1, 278—280, 355—357, 359, 360.

что Муравьевы были учредителями тайныхъ обществъ и составителями для нихъ уставовъ; что они произвели военное возстаніе въ Кіевской губерніи и что они же имѣли надежныхъ помощниковъ въ числѣ колонновожатыхъ и офицеровъ квартирмейстерской части, которыхъ заблаговременно и искусно къ тому подготовляли.

Степень участія офицеровъ свиты по квартирмейстерской части въ заговорѣ декабристовъ.

При первоначальныхъ дознаніяхъ, произведенныхъ Высочайше учрежденною слѣдственною коммисіею, арестовано было около двадцати офицеровъ свиты по квартирмейстерской части, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько лицъ, прежде въ ней служившихъ. Въ числѣ послѣднихъ были два сына Н. Н. Муравьева, Алексанръ [1]) и Михаилъ [2]), а также и нѣкоторыя другія лица, близкія къ нему же и къ его Московскому училищу [3]). Однако невинность многихъ изъ арестованныхъ не замедлила обнаружиться и они постепенно были освобождены; въ числѣ послѣднихъ находился и М. Н. Муравьевъ [4]).

Въ числѣ 121 человѣкъ, окончательно признанныхъ виновными и подвергнутыхъ верховному уголовному суду, офицеровъ квартирмейстерской части оказалось только 16. Изъ нихъ къ числу преступниковъ перваго разряда былъ отнесенъ только одинъ, Никита Алексѣвичъ Муравьевъ [5]), служившій капитаномъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, причемъ и ему, въ виду полной откровенности и чистосердечнаго сознанія, смертная казнь была замѣнена ссылкою на 20 лѣтъ въ каторжныя работы. Къ такому же наказанію былъ приговоренъ и поручикъ Крюковъ 2-й [6]).

---

[1]) и [2]) Тамъ же, 276 и др. Пр. К. Ч. (приказы по квартирмейстерской части). Глиноецкій, II, 2—4. Шильдеръ, И. Н. П., I и его же: И. А. П. (Императоръ Александръ Первый). IV, 210—214, 618. Оба находились въ отставкѣ.

[3]) Колошинъ (одинъ изъ двухъ Колошиныхъ, членовъ «Союза Благоденствія») и Бурцовъ (членъ того же союза, служилъ въ штабѣ 2-й арміи). Глиноецкій, II, 2. Шильдеръ, И. А. П., IV, 210—214 и друг.

[4]) Впослѣдствіи графъ, главнокомандующій войсками въ сѣверо-западномъ краѣ.

[5]) По запискѣ ген.-адъют. А. Х. Бенкендорфа, вышелъ въ отставку послѣ того, какъ не былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ; одинъ изъ главныхъ членовъ союза, Шильдеръ, И. А. П., IV, 210—214. По доносу Шервуда, сочинялъ, вмѣстѣ съ Пестелемъ «Русскую правду». Тамъ же, 415. Источники тѣ же.

[6]) Глиноецкій, II, 2. Шильдеръ. И. А. П., IV, 411.

Трое, Фаленбергъ, Корниловичъ и Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й были сосланы въ каторгу на 12 лѣтъ, а четверо, Черкасовъ, Загорецкій, Аврамовъ и Лихаревъ—на 2 года; трое, Враницкій, Заикинъ и Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, были сосланы на поселеніе и одинъ, графъ Коновницынъ—рядовымъ въ дальніе гарнизоны безъ выслуги; всѣ тринадцать были лишены чиновъ и дворянства. Сверхъ того двое, подпоручикъ Искрицкій и прапорщикъ Палицынъ, по выдержаніи въ крѣпости, переведены тѣми же чинами въ гарнизонные баталіоны [1]).

Участіе всѣхъ этихъ пятнадцати лицъ въ тайныхъ обществахъ и особенно въ декабрьскихъ событіяхъ было «весьма пассивное» [2]). Къ тому же слѣдуетъ принять во вниманіе, что они были увлечены вліяніемъ Пестеля [3]) и что они были большею частью люди молодые: только одному Враницкому было 40 лѣтъ, двумъ, Никитѣ Муравьеву и Фаленбергу по 33 года и двумъ, Корниловичу и Загорецкому—свыше 25 лѣтъ; изъ остальныхъ же десяти двое, Палицынъ и графъ Коновницынъ, едва достигали 18-лѣтняго возраста. Наконецъ, не лишено значенія и то, что ни одинъ изъ нихъ не принималъ участія въ открытомъ возстаніи на Сенатской площади 14-го декабря. Точно также и участіе квартирмейстерскихъ чиновъ въ революціонномъ движеніи, обнаруженномъ на югѣ Россіи, было преувеличено.

Въ возстаніи Черниговскаго пѣхотнаго полка, предводимаго Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ [4]), участвовалъ только одинъ офицеръ квартирмейстерской части. Это былъ 18-лѣтній Ипполитъ Муравьевъ-Апостолъ, только что произведенный въ офицеры [5]). Само собою разумѣется, что этотъ юноша не могъ имѣть никакого вліянія на войска, къ которымъ прибылъ лишь за нѣсколько дней до возста-

[1]) Изъ нихъ Корниловичъ Александръ Осиповичъ, Аврамовъ (командиръ Казанскаго полка) и Лихаревъ (подпоручикъ) упоминаются у Шильдера, И. А. П., IV, 411 и 419, 415, 339 и 411. Объ остальныхъ см. Глиноецкій, II, 2—3 и Шильдеръ, И. Н. П., I, а также Сб. И. Р. И. О. (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества), томъ 60-й, 62-й, 90-й и 2 П. С. З. (2-е Полное Собраніе Законовъ), I, № 464.

[2]) По опредѣленію Глиноецкаго.

[3]) Пестель, Павелъ Ивановичъ, полковникъ Вятскаго полка, одинъ изъ главныхъ руководителей бунта 14-го декабря. Источники тѣ же.

[4]) Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ заговора 1825 года. Источники тѣ же.

[5]) По однимъ извѣстіямъ, убитъ въ дѣлѣ подъ Королевкою, а по другимъ, застрѣлился самъ, видя, что братъ его раненъ и дѣло проиграно. 2 П. С. З., I, № 514.

нія, чуть ли не единственно изъ любви къ братьямъ—Сергѣю и Матвѣю [1]), чтобы раздѣлить съ ними ихъ опасное положеніе.

По суду, производившемуся при 2-й арміи, штабъ которой считался главнымъ очагомъ революціоннаго движенія [2]), только одинъ поручикъ Лачиновъ былъ разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ чиновъ и дворянства за то, что, зная о заговорѣ, не донесъ о немъ.

Независимо отъ поименованныхъ офицеровъ свиты по квартирмейстерской части, въ спискѣ осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ оказались еще четыре лица, которыя прежде принадлежали къ составу той же свиты, а именно: А. Н. Муравьевъ [3]), Петръ Мухановъ [4]), графъ Захаръ Чернышевъ [5]) и Николай Басаргинъ [6]). Послѣдніе трое воспитывались въ Муравьевскомъ училищѣ и служили колонновожатыми, а А. Н. Муравьевъ служилъ въ свитѣ до чина полковника. Всѣ они были подвергнуты слабымъ наказаніямъ; Муравьевъ же былъ сосланъ въ Сибирь на жительство даже безъ лишенія чиновъ и дворянства, а черезъ три года принятъ въ гражданскую службу; мало того, изъ всѣхъ декабристовъ только ему одному былъ возвращенъ мундиръ квартирмейстерской части, съ переводомъ его (въ 1851 году) въ генеральный штабъ [7]).

Всего изъ служащихъ въ свитѣ по квартирмейстерской части было осуждено 16 человѣкъ, въ томъ числѣ 2 штабъ-офицера [8]) и 14 оберъ-офицеровъ [9]) или около $3^1/_2\%$ всего числа штабъ-офицеровъ

---

[1]) Отставной подполковникъ. 2 П. С. З., № 464.

[2]) Положеніе самого начальника главнаго штаба 2-й арміи, генералъ-адъютанта Киселева, чуть было не пошатнулось. См. Заблоцкій-Десятовскій «Графъ Киселевъ и его время».

[3]) См. выше, стр. 5.

[4]) Штабсъ-капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка. Глиноецкій, II, 3 и Шильдеръ, И. Н. П., I.

[5]) Ротмистръ Кавалергардскаго полка. Тамъ же и Шильдеръ, И. А. П., IV, 412, 419, 488, 629.

[6]) Поручикъ л. гв. Егерскаго полка; состоялъ въ должности старшаго адъютанта главнаго штаба 2-й арміи. Въ литературѣ извѣстны его «Записки».

[7]) Въ 1837—39 г.г. и. д. Архангельскаго губернатора; въ 1839—1843 г.г. въ отставкѣ; въ 1851 г. изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ зачисленъ въ генеральный штабъ полковникомъ; въ чинѣ ген.-лейтенанта назначенъ присутствующимъ въ моск. деп. прав. сената. Умеръ въ 1864 году.

[8]) Изъ 58.

[9]) Изъ 227.

и нѣсколько менѣе 7% всего числа оберъ-офицеровъ свиты. Сравнивая свиту съ нѣкоторыми частями гвардіи, напр. съ гвардейскимъ флотскимъ экипажемъ [1]), Кавалергардскимъ полкомъ [2]), л.-гв. Измайловскимъ и Финляндскимъ полками [3]), не трудно видѣть, что процентъ участвовавшихъ въ заговорѣ изъ этихъ частей былъ значительно выше, чѣмъ изъ чиновъ свиты по квартирмейстерской части.

Такимъ образомъ чины свиты, ни по своей числительности, ни по своему значенію въ средѣ заговорщиковъ, вовсе не играли первой роли въ рядахъ декабристовъ, а между тѣмъ въ обществѣ установилось и долго держалось мнѣніе, въ силу коего именно «свитскіе», т. е. квартирмейстерскіе офицеры и были главными зачинщиками, участниками и даже руководителями волненій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Императора Николая I.

Несправедливость осужденія свиты общественнымъ мнѣніемъ.

Въ связи съ этимъ, не только въ обществѣ, но и у многихъ начальствующихъ лицъ военнаго вѣдомства, сложилось убѣжденіе, что мундиръ квартирмейстерской части «служитъ какъ бы вывѣскою вольнодумства, какого-то анти-правительственнаго настроенія» [4]). Хотя этотъ упрекъ не былъ заслуженъ квартирмейстерскою частью въ цѣломъ, но все же онъ укоренился настолько, что даже смѣнившему эту часть генеральному штабу приходилось считаться съ этимъ еще долго послѣ 1825 года.

Это общественное и т. п. осужденіе, строго говоря, не совпадало съ видами правительства, которое вовсе не предполагало переносить виновность заговорщиковъ на ихъ семьи, а тѣмъ болѣе на ихъ сослуживцевъ. Въ Высочайшемъ Манифестѣ Императора Николая I, данномъ 13 іюля 1826 года, было сказано: «Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ Мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорб-

---

[1]) Осуждено 10 офицеровъ.

[2]) Осуждено 6 офицеровъ.

[3]) Осуждено по 5 офицеровъ изъ каждаго полка. Глиноецкій, II, 4 и его источники, но вмѣсто «именнаго списка квартирмейстерской части» приказы по этой части до 1825 г. включительно. Сопоставляя нѣкоторые изъ этихъ приказовъ (напр. 1826 г. №№ 89 и 91) съ данными Шильдера, И. Н. П., I, можно допустить, что нѣкоторые чины свиты остались подъ подозрѣніемъ).

[4]) Глиноецкій, II, 4—5

нымъ ихъ чувствамъ, Мы вмѣняемъ Себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что, въ глазахъ Нашихъ, союзъ родства передаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому-либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій и болѣе еще претитъ законъ христіанскій» [1]).

Эти слова Императора, высказанныя относительно семьи, могутъ быть примѣнены и къ тѣмъ служебнымъ коллективнымъ единицамъ и организаціямъ, къ коимъ принадлежали провинившіеся декабристы. Само собою разумѣется, что ихъ сослуживцы за нихъ отвѣчать не могли. Скорѣе можно было обвинять ихъ начальниковъ, какъ строевыхъ, такъ и квартирмейстерской части. То, что было извѣстно уже въ 1820 году генералъ-адъютанту А. Х. Бенкендорфу [2]), должно было обратить на себя вниманіе и всѣхъ вообще начальствующихъ лицъ. Хотя Императоръ Александръ I и оставилъ записку Бенкендорфа безъ вниманія и даже эта записка чуть ли не навлекла на ея автора нѣкоторую немилость [3]), но это не освобождало никого изъ начальствующихъ лицъ отъ обязанности знать своихъ подчиненныхъ настолько, чтобы не выдвигать на отвѣтственные посты лицъ, къ занятію ихъ непригодныхъ, и не довѣрять тѣмъ, кои могли бы во зло употребить это довѣріе.

На кого должна пасть отвѣтственность?

Съ этой точки зрѣнія, по отношенію къ квартирмейстерской части, равно какъ и ко всей арміи, отвѣтственность падаетъ прежде всего на главнаго начальника свиты, стоявшаго во главѣ и всего военнаго вѣдомства.

До тѣхъ поръ, пока во главѣ свиты стоялъ князь Волконскій, нельзя было ожидать отъ него измѣненія системы управленія военнымъ вѣдомствомъ вообще и свитою въ особенности, которая дала хорошіе результаты во время наполеоновскихъ войнъ и которая вполнѣ гармонировала со взглядами Императора Александра I въ первую половину его царствованія, а равно и со взглядами самого князя Волконскаго; но со времени ухода князя Волконскаго, т. е. съ весны 1823 года [4]), вновь назначенному и. д. начальника главнаго штаба Его

[1]) Тамъ же, 6.

[2]) С. В. М., Г. Ш., I, кн. 2. отд. 1, 368—370. Шильдеръ, И. А. П., IV, 204—215.

[3]) Шильдеръ, И. А. П., IV, 215 и 472 (прим. 257).

[4]) Пр. К. Ч.. 1823 г., 24 апрѣля № 120 и 26 апрѣля № 121.

Императорскаго Величества генералъ-адъютанту барону Дибичу слѣдовало внести въ упомянутую систему управленія надлежащую перемѣну. Прежде всего необходимо было замѣстить должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Е. И. В., освободившуюся съ назначеніемъ генералъ-адъютанта барона Толя начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи [1]). Между тѣмъ, съ начала мая 1823 до іюля 1824 г., исполненіе обязанностей генералъ-квартирмейстера было возложено на директора корпуса колонновожатыхъ генералъ-маіора Хатова [2]); только въ іюлѣ 1824 года на эту должность былъ назначенъ генералъ-маіоръ Гартингъ [3]), который вскорѣ умеръ [4]), послѣ чего, повидимому, никто не былъ назначенъ для исполненія обязанностей генералъ-квартирмейстера; во время отсутствія барона Дибича, управленіе квартирмейстерскою частью возлагалось на генералъ-маіора Селявина [5]); наконецъ, въ маѣ 1825 года генералъ-квартирмейстеромъ былъ назначенъ вновь опредѣленный на службу изъ отставки генералъ-маіоръ Адеркасъ [6]).

Непонятное назначеніе генер.-маіора Адеркаса.

Назначеніе на должность генералъ-квартирмейстера генералъ-маіора Гартинга вполнѣ понятно [7]), но почему приходилось ожидать этого назначенія почти цѣлый годъ, понять нельзя. Еще болѣе непонятно назначеніе генералъ-маіора Адеркаса, которымъ были недовольны уже въ кампанію 1807 года; въ 1812 году онъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ во 2-ую армію, но вскорѣ уволенъ въ отставку [8]). Продолжительное пребываніе въ отставкѣ и болѣзненное состояніе дѣлали его непригоднымъ для занятія столь важной и отвѣтственной должности. Было ли это извѣстно барону Дибичу, или нѣтъ, въ обоихъ случаяхъ онъ одинъ является отвѣтственнымъ

---

[1]) Пр. К. Ч., 1823 г., 1 мая № 125.

[2]) Тамъ же. О г.-м. Хатовѣ см. С. В. М., Г. Ш., I, кн. 2, отд. 1, 208, 210, 270, 271, 276—278, 357, 378.

[3]) Тамъ же, 340 (съ источниками), 377, 378 и др. Пр. К. Ч., 1824 г., 15 іюля № 140.

[4]) Пр. К. Ч., 1824 г., 23 августа № 154.

[5]) Пр. К. Ч. 1824 г., 12 августа № 150 и 1825 г., 31 марта № 93.

[6]) Пр. К. Ч., 1825 г., 14 мая № 125.

[7]) Въ виду высокихъ его достоинствъ. С. В. М., Г. Ш., I, 2, 1, стр. 377 и 378.

[8]) Тамъ же, 310 и др. Глиноецкій (II, 7) находимъ, что даже послѣ 14-го декабря 1825 года «замѣстить его было некѣмъ», но приведенныя имъ объясненія не серьезны и вообще не удовлетворительны.

лицомъ въ этомъ дѣлѣ. Неужели онъ боялся допустить назначеніе на эту должность вполнѣ способнаго генерала, дабы не подготовить себѣ преждевременнаго преемника?

Казалось бы, онъ именно долженъ былъ заботиться о подготовкѣ себѣ вполнѣ достойнаго замѣстителя и даже преемника, ибо въ направленіи и веденіи столь важнаго дѣла настоятельно необходима преемственность.

Характеристика управленія квартирмейстерскою частью.

Такъ или иначе, въ послѣднее время передъ событіями, происшедшими въ декабрѣ 1825 года, въ управленіи квартирмейстерскою частью не было должной системы, послѣдовательности, порядка и твердости, но того же недоставало и управленію всею арміею и военнымъ вѣдомствомъ вообще. Отсюда и всѣ вышеуказанныя послѣдствія, какъ во всемъ военномъ вѣдомствѣ вообще, такъ и въ квартирмейстерской части въ особенности.

Характеристика Императора Николая I. Вліяніе его личности на судьбы Россіи, арміи и свиты.

Характеръ новаго Императора достаточно извѣстенъ даже и не историкамъ. «Если буду императоромъ хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ», сказалъ онъ утромъ 14-го декабря собраннымъ въ Зимнемъ дворцѣ начальникамъ частей войскъ гвардіи «и въ этотъ грозный день торжественно оправдалъ свое первое державное слово» [1]).

Теперь на недостатокъ твердости и опредѣленности направленія жаловаться было нельзя. Это отразилось на судьбахъ всей Россіи, русской арміи и квартирмейстерской части.

Мысль Императора о преобразованіи квартирмейстерской части.

Мысль о необходимости преобразованія послѣдней занимала Императора Николая I съ первыхъ же дней его царствованія, но осуществленіе этой мысли замедлялось: а) болѣе важными или точнѣе неотложными государственными дѣлами; б) необходимостью согласовать преобразованіе квартирмейстерской части съ соотвѣтствующими измѣненіями во всей военной системѣ и въ организаціи военнаго управленія и в) затрудненіемъ въ отношеніи выбора лица, которому можно было бы поручить разработку Высочайшихъ указаній и приведеніе ихъ въ исполненіе [2]).

---

[1]) Шильдеръ. И. А. П., IV, 426.

[2]) Дѣло было не въ томъ, что никто изъ 36 генераловъ свиты не могъ замѣстить генералъ-квартирмейстера Адеркаса, а въ томъ, что нужно было подыскать такого, который удовлетворялъ бы требованіямъ времени.

Императоръ видѣлъ недостатки квартирмейстерской части въ концѣ царствованія своего брата, но среди ближайшихъ къ престолу государственныхъ людей и сановниковъ не видѣлъ ни одного, который могъ бы объяснить причины этихъ недостатковъ и доказать свою способность уразумѣть идеи Императора и провести ихъ въ жизнь такъ, чтобы указанные недостатки были разъ навсегда устранены.

Отсюда необходимость совѣтоваться не съ однимъ, а съ нѣсколькими лицами, брать у каждаго только то, что заслуживало вниманія, и попытаться гармонически сочетать ихъ совмѣстную работу, дополняя ее собственными указаніями.

Совѣтники Императора: Дибичъ и Жомини. Ихъ взгляды.

Императоръ удостоилъ наибольшаго своего довѣрія представителей двухъ противоположныхъ направленій, генералъ-адъютантовъ бароновъ Жомини [1] и Дибича.

Генералъ-адъютантъ Жомини ставилъ на первый планъ высшія военно-научныя познанія, считая ихъ крайне необходимыми для штабной службы вообще; Дибичъ же былъ сторонникомъ преобладанія строевого начала въ подготовкѣ офицеровъ генеральнаго штаба и ставилъ на первое мѣсто знаніе войскъ, знаніе строя и всѣхъ тонкостей фронтовой службы; этотъ взглядъ былъ имъ проведенъ и въ проектъ положенія о Могилевской офицерской школѣ [2]), учрежденіемъ которой онъ старался парализовать установленную княземъ Волконскимъ систему комплектованія квартирмейстерской части; еще будучи начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи, онъ обращалъ вниманіе на привлеченіе офицеровъ свиты къ строевымъ занятіямъ, а сдѣлавшись начальникомъ всей квартирмейстерской части, онъ настойчиво старался упрочить строевое образованіе колонновожатыхъ. Послѣ декабрьскихъ событій 1825 года взглядъ этотъ еще болѣе въ немъ укоренился.

Сочетаніе этихъ взглядовъ.

Императоръ во многомъ съ нимъ соглашался. Поэтому и главнымъ упрекомъ свитѣ по квартирмейстерской части было поставлено то, что дисциплина въ ней была въ упадкѣ и что офицеры свиты, большею частью слишкомъ молодые, мало знакомы съ строевою службою.

---

[1]) О немъ см. С. В. М., Г. Ш., I, 2, 1, стр. 329 и 330.
[2]) Тамъ же, 361 и 362.

Въ то же время, соглашаясь съ генераломъ Жомини, Императоръ призналъ, что для службы по квартирмейстерской части нужно достаточно солидное, высшее военное образованіе, а не такое, какое получали колонновожатые [1]).

Такимъ образомъ Императоръ находилъ возможнымъ сочетать требованія дисциплины и строевой подготовки или такъ называемаго «фронта» съ одной стороны и высшаго образованія съ другой, что вообще въ то время считалось не поддающимся сочетанію.

Генералъ-квартирмейстеръ П. П. Сухтеленъ.

Вышеизложенныя обстоятельства не могли не повліять прежде всего на выборъ новаго генералъ-квартирмейстера. Въ апрѣлѣ 1826 года генералъ-лейтенантъ Адеркасъ былъ уволенъ по болѣзни отъ службы [2]), а на его мѣсто назначенъ командиръ гусарской бригады, генералъ-маіоръ графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ 2-й [3]).

Новый генералъ-квартирмейстеръ получилъ прекрасное воспитаніе подъ руководствомъ своего отца, П. К. Сухтелена [4]), и началъ службу колонновожатымъ [5]), а затѣмъ подпоручикомъ квартирмейстерской части [6]). Въ 1803 году, по собственному желанію, переведенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, участвовалъ съ этимъ полкомъ въ походѣ 1805 года; во время атакъ нашей кавалеріи подъ Аустерлицомъ, израненный, былъ взятъ въ плѣнъ [7]). Съ тѣмъ же полкомъ участвовалъ въ кампаніи 1807 года. Затѣмъ, состоя при своемъ отцѣ, участвовалъ въ обозрѣніи западной границы Россіи и въ войнѣ съ Швеціею 1808—1809 г.г., при чемъ неоднократно исполнялъ обязанности офицера генеральнаго штаба [8]).

По окончаніи шведской войны, опять таки вслѣдствіе его собственнаго желанія, ему было разрѣшено отправиться въ молдавскую армію, которою командовалъ Кутузовъ.

---

[1]) Императоръ лучше другихъ современниковъ понялъ сущность всеподданнѣйшаго письма г.-ад. Жомини 21 марта (2 апрѣля) 1826 г. (см. дѣло Никол. Акад. Ген. Штаба, 1832 г., № 1).

[2]) Пр. К. Ч., 1826 г., 9 апрѣля, № 106.

[3]) 20 мая того же года. П. П. Сухтеленъ родился 23 августа 1788 года.

[4]) О немъ см. С. В. М., Г. Ш., I, кн. 2., отд. 1, 201 и т. д.

[5]) О началѣ его службы см. тамъ же, 203. Колонновожатымъ съ 26 января 1802 года.

[6]) Съ 11 сентября 1802 года.

[7]) На него обратилъ вниманіе Наполеонъ. За Аустерлицъ онъ получилъ золотую шпагу и вскорѣ произведенъ въ поручики. См. Глиноецкій, II, 9.

[8]) Особенно при переговорахъ о сдачѣ Свеаборга, за что былъ назначенъ флигель-адъютантомъ (31 марта 1808 года). С. В. М., И. Г. К. (Императорская Главная Квартира), II, приложенія, 122.

И здѣсь «онъ пріобрѣлъ репутацію храбраго и расторопнаго офицера», а главное увеличилъ свой боевой опытъ. Вернувшись въ Петербургъ, ротмистръ Сухтеленъ былъ посланъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Англію, откуда возвратился осенью 1812 года и присоединился къ корпусу графа Витгенштейна на берегахъ Березины. Въ дѣлѣ подъ Зеегаузеномъ 23-го февраля 1813 года полковникъ Сухтеленъ былъ раненъ пулею въ правую руку [1]). Едва вылѣчившись отъ раны, онъ присоединился къ партизанскимъ отрядамъ Чернышева и Дернберга; исправлялъ должность начальника штаба отряда Вальмодена; состоя при Витгенштейнѣ, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ [2]). Въ декабрѣ 1813 года назначенъ командиромъ Волынскаго уланскаго полка, съ которымъ, въ теченіе почти всей кампаніи 1814 года, находился въ головѣ отряда генералъ-адъютанта Чернышева. За отличіе при взятіи Соассона произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ началѣ 1815 года состоялъ при шведскомъ наслѣдномъ принцѣ и сопутствовалъ ему въ походѣ въ Норвегію; затѣмъ состоялъ при Императорѣ Александрѣ I (въ Вѣнѣ). При вторичномъ вступленіи нашихъ войскъ во Францію командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ; затѣмъ управлялъ департаментомъ Объ, гдѣ снискалъ полное уваженіе населенія; наконецъ, былъ, назначенъ командиромъ гусарской бригады, съ которою (въ декабрѣ 1815 года) возвратился въ Россію и которою командовалъ болѣе 10 лѣтъ, до самаго назначенія его генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества [3]).

Положеніе Сухтелена. Его отношеніе къ дѣлу.

На новомъ поприщѣ графъ П. П. Сухтеленъ былъ поставленъ въ весьма трудное положеніе, такъ какъ служилъ очень мало въ свитѣ, относился съ почтеніемъ къ дѣятельности своего отца по квартирмейстерской части и не сочувствовалъ намѣченному преобразованію свиты, такъ какъ находилъ, что она оправдала на дѣлѣ свое устройство [4]), а что касается недостатковъ ея организаціи, то онъ допускалъ ихъ только въ частностяхъ и въ зависимости отъ личностей, а вовсе не въ цѣломъ организмѣ [5]).

---

[1]) Съ поврежденіемъ кости. Награжденъ орденомъ св. Анны 2 степени съ алмазами.

[2]) За свою «отличную храбрость» получилъ орденъ св. Георгія 4 степени, нѣсколько другихъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ.

[3]) Глиноецкій, II, 8—10. Военная Галл. Зимняго Дворца, VI, Біографія П. П. Сухтелена. С. В. М., И. Г. К., II, 93, 180, 196, 390, 398, 430, 460; прил. 122; портр. 391 и 393.

[4]) Въ доказательство этого онъ указывалъ на славные успѣхи нашихъ армій, на огромныя геодезическія работы внутри и внѣ Россіи, на прекрасныя карты (изд. воен.-топогр. депо), на маневры мирнаго времени, исполненные большими массами войскъ по диспозиціямъ и т. д., на изданіе прекрасныхъ сочиненій и т. п. и на все болѣе и болѣе распространяющееся влеченіе къ изученію военныхъ наукъ.

[5]) См. записку гр. П. П. Сухтелена, представленную въ коммиссію ген.-адъют. бар. Жомини, разсматривавшую проектъ новаго устройства генеральнаго штаба.

Такимъ образомъ Сухтеленъ не оправдалъ тѣхъ ожиданій, которыя на него возлагались при его назначеніи. Какъ кажется, онъ и самъ тяготился своимъ положеніемъ [1]). Этимъ можно объяснить, во-первыхъ, кратковременность его генералъ-квартирмейстерства [2]) и, во вторыхъ, то, что большую часть этого времени онъ провелъ въ командировкахъ [3]), во время которыхъ не могъ посвящать себя не только преобразованію, но даже и управленію квартирмейстерскою частью. Перемѣны, совершившіяся въ этой части, были произведены безъ его участія.

Упраздненіе училища колонновожатыхъ.

Обычные экзамены въ училищѣ колонновожатыхъ начались еще до назначенія П. П. Сухтелена генералъ-квартирмейстеромъ [4]), но выпуска въ свиту по квартирмейстерской части не послѣдовало [5]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣно: училище колонновожатыхъ упразднить, а впредь въ квартирмейстерскую часть не переводить чиновъ ниже поручичьяго [6]). Этимъ уничтожалась возможность комплектованія квартирмейстерской части изъ кадетскихъ корпусовъ и открывалось болѣе широкое поприще для Могилевской офицерской школы, которая такимъ образомъ становилась единственнымъ источникомъ комплектованія свиты по квартирмейстерской части.

Исторіографъ нашего генеральнаго штаба оцѣниваетъ это «важное событіе» въ жизни названнаго штаба слѣдующимъ образомъ:

Мѣрою этого «уничтожены были колонновожатые, учрежденіе, которое ...... постепенно совершенствовалось въ теченіе своего 53-хъ-лѣтняго существованія и принесло для нашего генеральнаго штаба неоспоримую пользу. Изъ рядовъ колонновожатыхъ вышло очень

---

[1]) Глиноецкій, II, 11 и его важнѣйшій источникъ.

[2]) Съ 20 мая 1826 до 21 апрѣля 1830 года.

[3]) Въ іюлѣ и августѣ 1826 г. въ Москву по случаю Коронованія Императора Николая I, съ мая 1827 г. до апрѣля 1828 г. въ Закавказьѣ при Паскевичѣ; съ мая 1828 г. до февраля 1829 г. при войскахъ въ европейской Турціи; съ марта до іюля 1829 г. заграницею (въ отпуску).

[4]) Пр. К. Ч., 1826 г. 2 апрѣля, № 103. Въ комитетъ назначены: г.-м. Хатовъ, Шубертъ, Чуйкевичъ и Краузъ, флиг.-ад. гв. ген. шт. полк. Дурново и кварт. части подполк. Христіани 2-й.

[5]) 15 колонновожатыхъ произведены въ прапорщики гвардіи и арміи, а 16 (младшаго класса) распредѣлены на службу въ полки.

[6]) Пр. К. Ч., 1826 г. 14 іюля, № 156. Глиноецкій (выноска 6 къ гл. XII, ч. II) ссылается на «архивъ ген. штаба, дѣло № 715 1826 г.». Въ Петербургѣ мы его не нашли.

много лицъ, которыми вполнѣ можетъ гордиться и генеральный штабъ, и вообще русская армія; изъ ихъ рядовъ выходили именно тѣ рабочіе, которые, съ младшихъ чиновъ исполняя квартирмейстерскую службу, постепенно свыкались, вѣрнѣе говоря, роднились съ нею и привязывались къ ней всѣми силами своей души. Въ эпоху упраздненія колонновожатыхъ и предназначеннаго для ихъ образованія училища, конечно, ни одинъ голосъ не отозвался въ ихъ пользу ...... Но прошло 25 лѣтъ послѣ этой реформы, и вотъ какъ одинъ изъ старыхъ служакъ генеральнаго штаба [1]), постоянно близко стоявшій къ жизни этого вѣдомства, высказался о прежней системѣ комплектованія генеральнаго штаба, сравнительно съ введенною послѣ 1826 года».

«Есть множество работъ по службѣ генеральнаго штаба, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, которыя весьма необходимы и въ своемъ родѣ даже могутъ быть важны и которыя весьма удобно могутъ быть исполняемы молодыми офицерами первыхъ оберъ-офицерскихъ чиновъ. Таковыя работы суть: обозрѣніе дорогъ, дислокаціи, маршруты, разбитіе лагерей, переписка бумагъ [2]), глазомѣрныя или военныя небольшія съемки, передача приказаній [3]), черченіе плановъ [4]) и проч. [5]).

Училище колонновожатыхъ доставляло генеральному штабу множество молодыхъ офицеровъ для этихъ работъ. Нельзя сказать, чтобы Муравьевское училище было собственно военно-учебное заведеніе, но офицеры, изъ онаго выпускаемые, имѣли хорошія общія познанія, были хорошо образованы, большею частію знали хорошо математику, а будучи всѣ молоды, легко привыкали къ работамъ чертежнымъ, по канцеляріи и съемкамъ. Въ то время всѣ офицеры генеральнаго штаба были знакомы между собою [6]), между всѣми офицерами былъ

[1]) Генералъ-отъ-инфантеріи (въ 1851 г.) Ф. Ф. Шубертъ. О немъ см. С. В. М., Г. Ш., I, кн. 2, отд. 1, 203, 206, 395, 403. И. К. В. Т. («Истор. очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ»), 63, 80, 102—105 и др.

[2]) Какихъ?

[3]) Не всѣхъ?

[4]) Это могутъ дѣлать и чертежники.

[5]) Можно ли держать на этомъ упомянутыхъ офицеровъ въ теченіе всей ихъ службы?

[6]) По мѣрѣ численнаго роста арміи ростетъ и генеральный штабъ. Поэтому съ теченіемъ времени это окажется невозможнымъ.

духъ товарищества, они всѣ любили службу генеральнаго штаба и гордились въ немъ служить, а причина къ тому была та, что они всѣ носили мундиръ генеральнаго штаба съ прапорщичьяго чина, и что по ограниченному тогда числу штабъ-офицеровъ, каждый видѣлъ передъ собою блестящую карьеру въ самомъ генеральномъ штабѣ» [1]).

Конечно, упраздненная система комплектованія квартирмейстерской части имѣла свои положительныя и даже сильныя стороны, но рядомъ съ ними были стороны отрицательныя и даже непоправимо слабыя, а именно тѣ, на кои и обратилъ вниманіе Императоръ Николай I. Вѣдь дѣйствительно уровень образованія колонновожатыхъ былъ довольно низокъ. Затѣмъ, при постоянной службѣ въ свитѣ, начиная съ прапорщичьяго чина, едва ли эти офицеры могли хорошо знать бытъ войскъ и ихъ потребности, а безъ этого знанія они не могли хорошо выполнять и обязанности генеральнаго штаба. Наконецъ, дисциплина также нѣсколько хромала въ средѣ молодежи, довольно многочисленной въ составѣ свиты.

Исправить все это безъ коренного преобразованія квартирмейстерской части было невозможно, а для этого нужно было время, даже при условіи правильнаго пониманія дѣла и правильнаго рѣшенія вопроса.

Переименованіе свиты по квартирмейстерской части въ генеральный штабъ.

На время командировки графа П. П. Сухтелена въ Закавказье, во главѣ квартирмейстерской части былъ поставленъ старый ветеранъ свиты, генералъ-отъ-инфантеріи Довре [2]), при которомъ и послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переименованіи свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части въ генеральный штабъ [3]). При этомъ управленіе генеральнымъ штабомъ, вмѣстѣ съ военно-топографическимъ депо и корпусомъ топографовъ, было ввѣрено генералъ-квартирмейстеру [4]).

---

[1]) Курсивъ составителя очерка.

[2]) О немъ см. С. В. М., Г. Ш., I, кн. 2, отд. 1, 335, 336 и др.

[3]) Такимъ образомъ этому корпусу возвращено наименованіе, которое было ему присвоено при Императрицѣ Екатеринѣ II. Тамъ же, 131—149. См. также приказъ начальника главнаго штаба 27 іюня 1827 года. № 150.

[4]) С. В. М. I, 297 и его источники.

Значеніе этой перемѣны.

Въ глазахъ общества названіе «свитскихъ офицеровъ» придавало всему этому корпусу гораздо болѣе значенія, чѣмъ названіе «генеральнаго штаба», или вообще «штабныхъ» чиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, «покрывались завѣсой забвенія тѣ славныя воспоминанія о наполеоновскихъ войнахъ», съ которыми такъ тѣсно связано названіе свиты по квартирмейстерской части. Поэтому отмѣченное переименованіе послужило нашему генеральному штабу не на пользу, но въ ущербъ. Впрочемъ, наступившія войны дали возможность офицерамъ генеральнаго штаба, съ теченіемъ времени, доказать, что на войнѣ, по своему усердію, самоотверженію и преданности дѣлу, они нисколько не уступаютъ своимъ предшественникамъ, офицерамъ свиты по квартирмейстерской части.

Новый путь генеральнаго штаба.

Тѣмъ не менѣе, новый генеральный штабъ, такъ или иначе, былъ выведенъ на путь приниженія и, конечно, не вслѣдствіе перемѣны его названія [1]), но вслѣдствіе совершившагося, въ новое царствованіе, преобразованія системы высшаго военнаго управленія и командованія, что не могло не отразиться на вспомогательномъ органѣ того и другого, какимъ и долженъ являться генеральный штабъ.

Зло было замѣчено и опредѣлено вполнѣ вѣрно, но таковы ли были мѣры, кои слѣдовало принимать въ видахъ его устраненія, этотъ вопросъ предстоитъ еще разъяснить.

Разстройство квартирмейстерской части къ концу царствованія Императора Александра I.

Реформы и усовершенствованія, произведенныя въ царствованіе Императора Александра I, коснулись всѣхъ частей военной системы Россіи, но изъ нихъ быстрѣе другихъ двинулась впередъ квартирмейстерская часть, совершенствуемая по образцу наполеоновскаго генеральнаго штаба; достаточно сказать, что уже въ 1813 году она заняла первое мѣсто въ ряду генеральныхъ штабовъ союзныхъ армій, дѣйствовавшихъ противъ Наполеона [2]), и сослужила великую службу арміи и Россіи. По окончаніи наполеоновскихъ войнъ она получила прекрасную организацію [3]), въ связи съ преобразованіемъ всего нашего военнаго управленія, но опять-таки это преобразованіе не шло рука

---

[1]) Или вѣрнѣе возвращенія ему прежняго названія.
[2]) С. В. М., Г. Ш., I, кн. 2, отд. 1, 343 и др.
[3]) Тамъ же, 344—353 и др.

объ руку съ соотвѣтственнымъ усовершенствованіемъ всей военной системы государства, а въ особенности команднаго состава арміи, который вмѣсто улучшенія подвергся ухудшенію [1]).

При такихъ условіяхъ военная система не могла совершенствоваться; мало того, она должна была остановиться въ своемъ развитіи и даже вступить на путь разстройства. Въ свою очередь, и квартирмейстеркая часть не могла удержаться (въ одиночку) на пути правильнаго развитія и также начала разстраиваться. Не помогли ей ни хорошая организація, ни соотвѣтственная постановка, ни талантливые и свѣдущіе спеціальные ея руководители.

Рѣшеніе произвести перемѣны въ квартирмейстерской части.

Ко времени вступленія на престолъ Императора Николая I разстройство было всеобщее, но перемѣны въ видахъ усовершенствованія признавались необходимыми далеко не во всѣхъ частяхъ нашей военной системы, а лишь въ нѣкоторыхъ. Такъ на командный составъ арміи, чинамъ котораго были подчинены офицеры квартирмейстерской части, необходимость усовершенствованія распространена не была; правда, предполагалось распространить ее и на все вообще военное управленіе въ видахъ установки въ немъ полнаго единства, но эту реформу рѣшено было сочетать съ умаленіемъ значенія квартирмейстерской части, которая представлялась поставленною слишкомъ высоко.

Начало перемѣнъ въ квартирмейстерской части.

Уже въ 1826 году, въ главномъ управленіи этой части послѣдовали нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ, которыя вызвали соотвѣтственныя измѣненія и въ степени подчиненности частей свиты генералъ-квартирмейстеру.

На мѣсто генералъ-лейтенанта Селявина [2]), правителемъ канцеляріи начальника главнаго штаба Е. И. В. и квартирмейстерской части былъ назначенъ флигель-адъютантъ, гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Дурново; но изъ его вѣдѣнія были изъяты: военно-топографическое депо, библіотека, литографія и механическое заведеніе главнаго штаба, отнесенныя въ непосредственное подчиненіе генералъ-квартирмейстера; въ вѣдѣніи же полк. Дурново остались только домъ

[1]) Тамъ же, 372—376 и др.
[2]) 14-го ноября 1826 г. назначенъ вице-президентомъ Кабинета Его Величества.

главнаго штаба и всѣ денежныя и хозяйственныя дѣла, по которымъ генералъ-квартирмейстеръ сносился черезъ него съ начальникомъ главнаго штаба Е. И. В., оставшимся попрежнему завѣдывающимъ всею квартирмейстерскою частью [1]. Когда, затѣмъ, въ началѣ 1827 года, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ былъ командированъ на Кавказъ [2], то и непосредственное управленіе всею квартирмейстерскою частью, со всѣми ея подраздѣленіями, было ввѣрено графу П. П. Сухтелену, подъ главнымъ начальствомъ военнаго министра генералъ-отъ-инфантеріи графа Татищева [3], которому было присвоено званіе управляющаго главнымъ штабомъ Е. И. В. [4]. Въ это же время, въ видахъ облегченія графа Татищева [5], генералъ-адъютантъ графъ А. И. Чернышевъ [6] былъ назначенъ товарищемъ управляющаго главнымъ штабомъ Е. И. В., что послужило первымъ шагомъ къ дальнѣйшему его возвышенію и чувствительно отразилось на судьбѣ квартирмейстерской части.

Объединеніе центральнаго управленія вооруженными силами государства. Графъ Чернышевъ во главѣ главнаго штаба Его Величества.

26 августа 1827 года графъ Татищевъ былъ уволенъ [7] отъ должности военнаго министра, а управленіе военнымъ министерствомъ ввѣрено графу Чернышеву, назначенному вмѣстѣ съ тѣмъ, товарищемъ начальника главнаго штаба Е. И. В.; 12-го же апрѣля 1828 года, въ виду отъѣзда графа Дибича ко 2-й арміи, графъ Чернышевъ былъ назначенъ управляющимъ главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ въ должности военнаго министра [8].

Такимъ образомъ центральное управленіе всѣми вооруженными силами Россіи объединилось въ рукахъ одного лица.

---

[1] Глиноецкій, II, 16, 17. Пр. К. Ч., 1826 г., №№ 238—250. С. В. М., И. Г. К., II, 162 и др.

[2] Для изслѣдованія недоразумѣній между Ермоловымъ и Паскевичемъ.

[3] Графъ Александръ Ивановичъ (1763—1833).

[4] Это дѣлалось не въ первый разъ.

[5] Такъ какъ состояніе здоровья гр. Татищева не позволяло ему успѣшно выполнять обязанности по одновременному управленію и главнымъ штабомъ Е. И. В., и военнымъ министерствомъ.

[6] См. о немъ С. В. М., I, 293—296.

[7] и [8] Тамъ же, 290—292. В. Пр. (Высочайшіе приказы), 1827 г., 3 февраля и т. д.

Характеристика графа А. И. Чернышева.

Невозможно отрицать выдающіяся способности Александра Ивановича Чернышева. До назначенія на постъ управляющаго главнымъ штабомъ Его Величества онъ былъ и строевымъ начальникомъ, и дипломатомъ, и администраторомъ и такимъ образомъ получилъ отличную подготовку къ новой дѣятельности въ качествѣ главнаго начальника всего военно-сухопутнаго вѣдомства; но онъ не вполнѣ понималъ значеніе образованія и особенно науки и относился съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ къ квартирмейстерской части.

Записка графа Чернышева о военномъ управленіи.

Въ началѣ 1831 года графъ Чернышевъ представилъ Императору записку подъ заглавіемъ: «Краткое обозрѣніе порядка военнаго управленія и способа преобразованія онаго» [1]), въ которой, изложивъ историческій очеркъ развитія военнаго управленія, старался дать характеристику современнаго его состоянія и представлялъ на Высочайшее воззрѣніе способы его преобразованія.

Неудобства существовавшаго «порядка управленія», по мнѣнію графа Чернышева, заключались въ слѣдующемъ: «Таковое раздробленіе частей одного и того же управленія, въ особенности отдѣленіе дѣлъ по фронтовой части отъ дѣлъ хозяйственныхъ, требующихъ при всѣхъ важнѣйшихъ военныхъ предпріятіяхъ совокупнаго соображенія, ведетъ ко многимъ неудобствамъ, увеличиваетъ переписку и крайне затрудняетъ дѣйствія высшаго военнаго начальства. Неудобство сіе равно ощутительно, когда штабъ и министерство управляется разными лицами или однимъ. Въ первомъ случаѣ, начальникъ главнаго штаба, производя всѣ распоряженія Высочайшимъ Именемъ, самъ не несетъ никакой отвѣтственности, а по неимѣнію въ главномъ штабѣ подробныхъ свѣдѣній о хозяйственной части не всегда можетъ воспользоваться всѣми способами, какіе часть сія имѣетъ, а иногда поставляется даже въ необходимость предписывать такія мѣры, которыя вовсе неудобны къ исполненію со стороны министерства; военный же министръ, неся всю отвѣтственность за исполненіе, не участвуетъ въ общихъ соображеніяхъ, не имѣетъ свѣдѣній ни о прямыхъ намѣреніяхъ Государя, ни о политическихъ и военныхъ соотношеніяхъ, на коихъ оныя основаны, и, слѣдственно, не имѣетъ

[1]) С. В. М., I, 298—302 и Приложенія, I, 1—9.

возможности сдѣлать никакихъ пріуготовительныхъ распоряженій, столь важныхъ въ военномъ дѣлѣ; въ послѣднемъ случаѣ лицо, управляющее обѣими частями, крайне обременено, находясь нерѣдко въ необходимости по одному и тому же предмету работать въ двухъ мѣстахъ: въ штабѣ и министерствѣ» [1]).

Обращаясь затѣмъ къ «способамъ преобразованія» военнаго управленія, графъ Чернышевъ писалъ:

«Нѣтъ сомнѣнія, что соединеніемъ... частей фронтовой и хозяйственной отвратятся многія неудобства и доставится военному управленію болѣе единства и успѣшности въ дѣйствіяхъ. Соединеніе сіе можетъ быть произведено на слѣдующемъ основаніи: I) Всѣ мѣста, составляющія нынѣ главный штабъ и военное министерство, соединить въ одинъ составъ, причисливъ всѣ части, безъ изъятія, къ главному штабу, или подъ прежнимъ наименованіемъ военнаго министерства. II) При начальникѣ главнаго штаба или военномъ министрѣ учредить двѣ канцеляріи: общую и особенную. Въ общей канцеляріи должны сосредоточиваться всѣ дѣла военнаго управленія въ высшемъ отношеніи [2]). На сей конецъ прибавить къ настоящему составу канцеляріи военнаго министра еще одно отдѣленіе для дѣлъ инспекторскихъ, квартирмейстерской части [3]) и общихъ, производящихся нынѣ въ канцеляріи начальника главнаго штаба.... [4]). III) Самое преобразованіе произвесть.... указомъ на имя правительствующаго сената. IV) Въ семъ указѣ со всею ясностью и точностью опредѣлить новыя отношенія всѣхъ мѣстъ и лицъ военнаго управленія. На сей конецъ необходимо разрѣшить предварительно слѣдующіе вопросы: а) По чрезвычайной обширности и многосложности частей, поручаемыхъ начальнику главнаго штаба или военному министру, не признано ли будетъ полезнымъ, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ министерствъ, назначить ему въ помощь товарища? Если сія мысль удостоится одобренія, то нужно будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ начертать и

---

[1]) Ничто не мѣшало назначить ему двухъ товарищей или помощниковъ, завѣдывающихъ обѣими названными частями, которымъ общій ихъ начальникъ могъ бы приказывать.

[2]) Это выраженіе довольно неопредѣленно.

[3]) Курсивъ составителя очерка.

[4]) Остальныя дѣла, подробно перечисляемыя, гр. Чернышевъ предлагалъ предоставить «особенной канцеляріи».

предметы его занятій [1].... в) Какимъ образомъ устроить управленія квартирмейстерской части и генеральнаго штаба: оставить ли оныя въ настоящемъ видѣ, присвоивъ начальнику главнаго штаба или министру званіе управляющаго генеральнымъ штабомъ, или же соединить обѣ части въ одинъ департаментъ и поручить генералъ-квартирмейстеру на правахъ директора?.... з) Съ поступленіемъ дежурнаго генерала и генералъ-квартирмейстера въ составъ военнаго министерства, обязаны ли они присутствовать въ совѣтѣ военнаго министра, наравнѣ съ прочими членами, или только по дѣламъ, до ихъ частей относящимся? V) Въ томъ же указѣ поручить начальнику главнаго штаба или военному министру истребовать отъ всѣхъ мѣстъ военнаго управленія проекты правилъ для ихъ дѣйствій и составить изъ нихъ общій наказъ по военному министерству» [2].

Оцѣнка проекта графа Чернышева.

Предлагаемый графомъ Чернышевымъ способъ преобразованія военнаго управленія сводился къ возврату къ устройству военнаго министерства, введенному генераломъ Барклаемъ-де-Толли, съ измѣненіями по нѣкоторымъ вопросамъ, подлежавшимъ переработкѣ, т. е. къ тому самому рѣшенію этого вопроса, которое было признано не цѣлесообразнымъ на основаніи опыта войнъ 1812, 1813 и 1814 г.г. Произошло это главнымъ образомъ по той причинѣ, что графъ Чернышевъ видѣлъ недостатки реформы 12-го декабря 1815 года, но не понималъ ея достоинствъ, въ ряду коихъ главнымъ было приспособленіе всей военной системы государства къ потребностямъ военнаго времени, при наличности коего вопросы подготовки къ войнѣ считались преобладающими надъ всѣми остальными. Нужно было устранить недостатки военной системы, не трогая ея достоинствъ; графъ же Чернышевъ предлагалъ уничтожить не только первые, но и послѣднія.

Записка Императора Николая I. Основанія реформы.

Императоръ Николай I отнесся къ докладу графа Чернышева съ большимъ вниманіемъ. Докладъ этотъ послужилъ основаніемъ для личной работы Государя надъ созданіемъ новаго образованія военнаго

---

[1]) Противъ этого пункта Императоръ написалъ: «Трудное разграниченіе».

[2]) Вопросы, не относящіеся къ «части генеральнаго штаба», пропущены.

министерства, главныя основанія коего Онъ изложилъ въ особой запискѣ, переданной Имъ графу Чернышеву, слѣдующаго содержанія:

«1) Всею военною частью управляетъ военный министръ. Онъ есть докладчикъ Государю по всѣмъ частямъ военнаго управленія.

2) При военномъ министерствѣ учреждается военный совѣтъ.

3) Совѣту сему поручается главное управленіе всею хозяйственною частью военнаго вѣдомства (перечислены шесть департаментовъ)....

5) Предсѣдатель сего совѣта есть самъ военный министръ, хотя бы и моложе былъ членовъ онаго....

6) Военный министръ управляетъ непосредственно: а) инспекторскимъ департаментомъ, б) квартирмейстерскою частью, в) артиллерійскою и инженерною частью, г) нынѣшнимъ главнымъ штабомъ военныхъ поселеній, впредь до окончательнаго образованія сей части и д) частью военно-учебныхъ заведеній.

7) Названіе главнаго штаба Его Величества упраздняется и относится отнынѣ токмо для лица военнаго министра, генералъ-квартирмейстера, генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора инженеровъ, дежурнаго генерала, командующаго главною Его Величества квартирою, начальника военно-походной Его Величества канцеляріи, генералъ и флигель-адъютантовъ и главнаго по арміи медицинскаго инспектора.

8) При военномъ министрѣ учреждается одна общая канцелярія.

9) Канцелярія сія состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣленій: а) изъ хозяйственнаго и в) изъ военнаго.

10) Хозяйственное—по частямъ, подчиненнымъ военному совѣту.

11) Военное—по прочимъ частямъ и по судной.

12) При каждомъ изъ сихъ двухъ главныхъ отдѣленій состоитъ особое походное отдѣленіе, которое при отсутствіяхъ Государя Императора слѣдуетъ съ нимъ подъ начальствомъ начальника военно-походной Его Величества канцеляріи....

19) Управленіе генералъ-квартирмейстера остается на прежнемъ основаніи, съ присоединеніемъ къ оному всего, что нынѣ уже отъ поселенной части отдѣлить можно будетъ» [1]).

---

[1]) С. В. М., I, 304—306 и Приложенія, I, 10, 11.

Конечно, разъ было рѣшено преобразовать военное управленіе въ духѣ идей Барклая-де-Толли и графа Чернышева, то данныя Императоромъ Николаемъ I основанія для этой реформы представляютъ лучшее рѣшеніе вопроса.

Указанія, данныя Императоромъ въ приведенной запискѣ, послужили руководящими основаніями для разработки новаго «проекта образованія военнаго министерства»; при составленіи этого проекта возникъ цѣлый рядъ вопросовъ, за разрѣшеніемъ которыхъ графъ Чернышевъ входилъ къ Государю съ всеподданнѣйшими докладами, на которыхъ были положены Его Величествомъ, какъ всегда, точно опредѣленныя и безусловно ясныя резолюціи.

Образованіе военнаго министерства 1-го мая 1832 года.

Разработанный, на основаніи всѣхъ этихъ Высочайшихъ указаній, «проектъ образованія военнаго министерства» былъ Высочайше утвержденъ 1-го мая 1832 года [1]).

Новый законъ въ главныхъ чертахъ устанавливалъ слѣдующее: а) высшее военное управленіе соединяется въ одинъ составъ подъ наименованіемъ военнаго министерства; б) званіе начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества въ мирное время упраздняется; названіе же главнаго штаба Его Величества сохраняется за группою должностныхъ лицъ, въ составъ которой входятъ: военный министръ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-инспекторъ по инженерной части, генералъ-квартирмейстеръ, дежурный генералъ, командующій Императорскою главною квартирою, начальникъ военно-походной Его Величества канцеляріи, генералъ-адъютанты, генералы свиты Его Величества и флигель-адъютанты, главный по арміи медицинскій инспекторъ, комендантъ главной квартиры, инспекторъ госпиталей, генералъ-вагенмейстеръ, капитанъ надъ вожатыми и оберъ-священникъ; в) военное министерство составляется изъ всѣхъ департаментовъ и особыхъ установленій бывшаго главнаго штаба Его Величества и военнаго министерства, а также изъ временнаго департамента военныхъ поселеній [2]); г) при

---

[1]) 2 П. С. З. (2-е Полное Собраніе Законовъ), VII, № 5318.

[2]) Образованнаго изъ Главнаго Штаба военныхъ поселеній и экономическаго комитета этихъ поселеній.

военномъ министерствѣ учреждается военный совѣтъ [1]); д) управленіе военнымъ министерствомъ ввѣряется военному министру; черезъ него доходятъ до Его Величества всѣ дѣла военно-сухопутнаго управленія, Высочайшаго разрѣшенія или утвержденія требующія, и онъ принимаетъ и объявляетъ по онымъ повелѣнія Его Величества; частями строевою и распорядительною министръ управляетъ непосредственно [2]), а частью хозяйственною совокупно съ военнымъ совѣтомъ; е) въ числѣ департаментовъ и тому подобныхъ учрежденій, состоящихъ въ непосредственномъ управленіи военнаго министра, долженъ былъ находиться и департаментъ генеральнаго штаба, образуемый, подъ начальствомъ генералъ-квартирмейстера, изъ: управленія генеральнаго штаба [3]), военно-топографическаго депо [4]) и корпуса топографовъ [5]).

Оцѣнка реформы 1832 года.

Такимъ образомъ было дѣйствительно положено прочное основаніе тому единству военнаго управленія, которое призналъ за благо установить Императоръ Николай I. Но это единство могло быть достигнуто и безъ того приниженія генеральнаго штаба, которое характеризуется низведеніемъ главнаго его начальника, въ составѣ главнаго штаба Его Величества, съ перваго на четвертое мѣсто. Основная мысль Императора не была бы нисколько нарушена, если бы военный министръ состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ главнаго штаба Его Величества. Графъ Чернышевъ былъ въ значительной степени правъ, когда указывалъ на «неудобство», являвшееся слѣдствіемъ раздѣленія власти и управленія военнымъ вѣдомствомъ, но онъ былъ неправъ, утверждая, что «неудобство сіе равно ощутительно» и въ томъ случаѣ, когда штабъ и министерство управляются однимъ лицомъ. Кто же мѣшалъ оставить генеральный штабъ въ положеніи, соотвѣтствующемъ важности и назначенію его начальника, генералъ-квартирмейстера, въ положеніи перваго лица послѣ военнаго министра,

---

[1]) Соотвѣтствующій департаменту военныхъ дѣлъ государственнаго совѣта по закону Императора Александра I.

[2]) На основаніи «общаго учрежденія министерствъ» и особаго этихъ частей образованія.

[3]) Бывшее до 1827 г. управленіе квартирмейстерской части.

[4]) Съ принадлежавшими къ нему заведеніями.

[5]) 2 П. С. З., VII, № 5318. С. В. М., I, 306 — 315 и Приложенія, I, 12—18.

для чего нужно было отнять у нихъ только то, что отходило къ самому военному министру, какъ главному начальнику всего военнаго вѣдомства, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить (а еще лучше развить) ту организацію генеральнаго штаба, благодаря которой онъ былъ въ значительной степени приспособленъ въ достаточно-хорошему исполненію одной изъ самыхъ главныхъ своихъ обязянностей—подготовкѣ къ войнѣ [1]), а вся военная система государства была также приспособлена къ выдѣленію, въ случаѣ войны, дѣйствующихъ армій и отдѣльныхъ корпусовъ такъ, какъ она не была къ этому приспособлена ни до 1815, ни послѣ 1826—1832 г.г.

Графъ Чернышевъ, подобно многимъ другимъ генераламъ нашей арміи, какъ кажется, не былъ вполнѣ объективенъ въ дѣлѣ оцѣнки дѣятельности генеральнаго штаба и въ особенности нѣкоторыхъ его представителей, вслѣдствіе чего и относился къ нимъ съ предубѣжденіемъ, а что всего хуже, не понималъ ни значенія генеральнаго штаба, какъ важнѣйшаго вспомогательнаго органа высшаго командованія, ни необходимости приспособленія всей военной системы вообще, а слѣдовательно и военнаго управленія въ частности, къ потребностямъ военнаго, а не мирнаго времени.

Если бы графъ Чернышевъ изложилъ свои доклады въ духѣ вышеприведенныхъ разъясненій, то, по всему вѣроятію, и указанная реформа была бы произведена на иныхъ основаніяхъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ генеральному штабу, а самое главное — не былъ бы до такой степени возвеличенъ бюрократическій элементъ во всемъ нашемъ военномъ управленіи.

Возвеличеніе этого элемента, въ связи съ другими данными, не могло не отразиться на всей военной системѣ въ смыслѣ постепеннаго приниженія представителей стратегіи и тактики въ пользу представителей высшей военной администраціи, т. е. въ смыслѣ постепеннаго приниженія не только генеральнаго штаба, но за нимъ и командаго состава арміи, а слѣдовательно въ смыслѣ постепеннаго ухудшенія всей военной системы государства вообще и подготовки его къ войнѣ въ особенности.

---

[1]) У насъ распространено мнѣніе, что это есть чуть ли не единственная обязанность генеральнаго штаба. Вопросъ этотъ будетъ разъясненъ ниже.

При такихъ условіяхъ «департаментъ генеральнаго штаба» долженъ былъ, въ большей или меньшей степени, превратиться въ бюрократическое учрежденіе, которому, ранѣе или позднѣе, должно было оказаться не по силамъ выполненіе лежавшихъ на немъ задачъ и обязанностей.

ГЛАВА II.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ ВЪ ВОЙНУ СЪ ТУРЦІЕЮ 1828—1829 г.г.

Вопросъ о комплектованіи генеральнаго штаба.

Съ упраздненіемъ училища колонновожатыхъ пришлось поднять вопросъ о томъ, какъ обезпечить на будущее время комплектованіе генеральнаго штаба. Вопросъ этотъ былъ даже поставленъ на очередь въ 1826 году [1]), но, по всему вѣроятію, вслѣдствіе наступившихъ войнъ съ Персіею и Турціею, онъ былъ отложенъ и вновь возбужденъ въ 1829 г., а окончательно рѣшенъ лишь въ 1832 году [2])

Такимъ образомъ генеральному штабу пришлось участвовать въ упомянутыхъ войнахъ въ періодъ перехода отъ одного положенія къ другому, сопряженнаго съ извѣстнымъ его приниженіемъ, что не могло не уменьшить результаты его дѣятельности.

Война съ Турціею 1828—1829 г.г. Подготовка къ этой войнѣ

Особенно важное значеніе имѣла война съ Турціею [3]), разрывъ съ которою ожидался еще въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, когда и началась подготовка къ этой войнѣ.

---

[1]) См. А. Н. А. Г. Ш. (Архивъ Николаевской академіи генеральнаго штаба), 1832 г., дѣло № 1. Глиноецкій, II, 14—16 и др.

[2]) Съ учрежденіемъ военной академіи.

[3]) С. В. М., Г. Ш., 1, 2, 1, стр. 384—388 Глиноецкій, II, 21—23. Епанчинъ, I, 128—137.

Свѣдѣнія о противникѣ.

Свѣдѣнія о предполагаемомъ противникѣ собирались задолго до войны; меньшая часть этой работы производилась въ Петербургѣ, а большая часть въ главномъ штабѣ 2-й арміи, въ Тульчинѣ, гдѣ это дѣло направлялось начальникомъ этого штаба, генералъ-адъютантомъ Киселевымъ [1]). Въ общемъ свѣдѣнія наши о туркахъ были недостаточны [2]).

Планы кампаніи, составленные въ 1826 году.

Планъ дѣйствій, достойный этого названія, заблаговременно разработанъ не былъ. Въ апрѣлѣ 1826 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о готовности къ походу 2-й арміи [3]). Тогда же начались работы по подготовкѣ 2-й арміи къ походу въ Турцію, а также по разработкѣ данныхъ для установленія плана войны.

Въ маѣ того же года баронъ Дибичъ [4]) сообщилъ главнокомандующему 2-ю арміею графу Витгенштейну [5]) «планъ дѣйствій Россійскихъ войнъ противъ Турціи» [6]), сущность котораго заключалась въ томъ, чтобы занять княжества войсками второй арміи [7]), а затѣмъ «только въ случаѣ необходимости обезпечить свободу плаванія по Дунаю», перейти его, но не идти далѣе Траянова вала.

Генералъ-адъютантъ Киселевъ, съ своей стороны, представилъ барону Дибичу рядъ докладныхъ записокъ съ соображеніями о подготовкѣ къ войнѣ съ Турціею, при чемъ [8]) указывалъ, что рѣшительный образъ дѣйствій при началѣ новаго царствованія можетъ впослѣдствіи имѣть полезнѣйшее вліяніе на всѣ внѣшнія сношенія.

Во 2-й своей запискѣ [9]) онъ предлагалъ: немедленно занять «Болгарію до Траянова вала» или, по крайней мѣрѣ, Молдавію и Валахію и учредить крейсерство у устья Дуная и у Варны [10]), въ теченіе зимы

---

[1]) С. В. М., Г. Ш., 1, 2, 1, стр. 384—388. Глиноецкій, II, 21—23. Епанчинъ, I, 128—137.

[2]) Тамъ же, 137—158.

[3]) И Бугской уланской дивизіи. Епанчинъ, I, 159.

[4]) Давно уже занимавшійся вопросомъ о войнѣ съ Турціею.

[5]) Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ, герой войны 1812 года и кампаній 1813 и 1814 г.г. 22 августа 1826 г. произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы.

[6]) В. У. А., № 2591 и 2592. Епанчинъ, I, 160.

[7]) Съ Бугскою уланскою, но безъ 20-й пѣхотной дивизіи.

[8]) Въ запискѣ 4-го августа 1826 года.

[9]) Отъ 24-го августа 1826 года.

[10]) Дабы затруднить подвозъ припасовъ къ турецкой крѣпости.

принять энергическія мѣры для сбора припасовъ въ княжествахъ [1]); въ апрѣлѣ 1827 года перейти Дунай и занять проходы въ Малыхъ Балканахъ [2]), направивъ конницу черезъ Тырновъ, а въ Сербію особый вспомогательный отрядъ. Окончательнымъ предметомъ дѣйствій долженъ быть Константинополь, который можетъ быть лишенъ прѣсной воды. Высадка можетъ быть произведена въ заливѣ у Килія-Калоси [3]).

Такимъ образомъ генералъ-адъютантъ Киселевъ предложилъ планъ, предусматривавшій совмѣстныя дѣйствія арміи и флота.

Этотъ же вопросъ разработывался и графомъ Сухтеленомъ, предположенія котораго были тѣ же, но они были изложены не такъ ясно и опредѣленно, какъ соображенія генералъ-адъютанта Киселева. Самъ Дибичъ уже въ 1821 году составилъ записку «о дѣйствіяхъ противу турокъ», въ которой проводилъ мысль о необходимости перейти Балканы и взять Царьградъ [4]). Онъ внимательно разсмотрѣлъ записку Сухтелена [5]) и помѣстилъ на поляхъ ея вѣскія замѣчанія. Опять-таки изъ этихъ замѣчаній видно, что у него сложилось убѣжденіе о необходимости придать походу самый рѣшительный характеръ и перенести военныя дѣйствія не только за Дунай, но и за Балканы, наступая отъ нижняго теченія Дуная черезъ восточный участокъ Балканскаго хребта къ Адріанополю [6]). При этомъ Черноморскій флотъ долженъ былъ содѣйствовать операціямъ арміи.

Далѣе этого Дибичъ пока не шелъ, по всему вѣроятію, вслѣдствіе того, что ему было извѣстно, что главное начальство надъ войсками, кои будутъ дѣйствовать противъ Турціи, будетъ поручено другому лицу [7]), которое, въ свою очередь, не будетъ пользоваться

---

[1]) Чтобы имѣть съ марта 1827 года 6-мѣсячное довольствіе на 140,000 чел.

[2]) У Эминэ, Праводы, Субаши, Чаликавакъ, Доброль, Джумаи и Казана.

[3]) Нѣсколько западнѣе сѣвернаго выхода изъ Босфора.

[4]) Собственноручная записка Дибича 7 іюля 1821 г. В. У. А. (Военно-Ученый Архивъ), № 198, отд. 4. Объ этомъ см. у Глиноецкаго, I, гл. XI-й и II, гл. XII, 21 и у Епанчина («Очеркъ похода 1829 г. въ Евр. Турціи»), I, 160.

[5]) Епанчинъ, I, 165—168.

[6]) Дибичъ, повидимому, предполагалъ, что занятіе Адріанополя вынудитъ турокъ просить мира.

[7]) Графу Витгенштейну.

полною самостоятельностью. Нельзя признать, чтобы эти обстоятельства оправдывали его вполнѣ въ томъ, что дѣло разработки плана дѣйствій не получило должнаго развитія [1].

Первоначальный составъ арміи.

Для занятія Молдавіи и Валахіи первоначально назначались войска 2-й арміи: 16-я, 17-я и 18-я пѣхотныя и 3-я драгунская дивизіи; изъ 19-й же пѣхотной и 1-й Бугской уланской дивизій рѣшено составить первый резервъ на границѣ [2])

Картографическія работы.

Весь раіонъ, занимаемый войсками 2-й арміи, былъ снятъ къ серединѣ 1826 года [3]).

Имѣлись карты: а) большею частью 5-верстнаго и отчасти 10-верстнаго масштаба Херсонской и Подольской губерній, Бессарабіи и частей Екатеринославской, Таврической и Кіевской губерній; б) генеральная карта всего пространства, занимаемаго войсками 2-й арміи (10-верстная) и в) маршрутная карта того же раіона (20-верстная). Сверхъ того оканчивалась съемка Бессарабіи и историческое топографическое описаніе карты р. Прута и нижней части теченія Дуная [4]).

Матеріалы для составленія карты Европейской Турціи были частью получены изъ депо картъ Его Императорскаго Величества, частью пріобрѣтены отъ частныхъ лицъ. Составлены были слѣдующія карты: а) топографическая (10-верстная) карта главнѣйшихъ дорогъ въ части Валахіи, Болгаріи и Румеліи [5]); б) семитопографическая (20-верстная) карта Европейской Турціи, заключающая Болгарію, Румелію, Албанію и прилежащія къ нимъ области Македоніи, Ѳессаліи, Босніи и Сербіи, части Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи [6]); в) семитопографическая карта части Европейской Турціи, Молдавіи, Валахіи, Болгаріи и Румеліи [7]); г) 10-верстная карта Евро-

---

[1]) О подготовкѣ по частямъ инженерной, артиллерійской и т. д. см у Епанчина, I, 169—178.

[2]) Рапортъ Дибича графу Витгенштейну 15 августа 1826 г. № 108.

[3]) Результатъ 7-лѣтнихъ трудовъ офицеровъ квартирмейстерской части подъ руководствомъ генералъ-квартирмейстера Хоментовскаго.

[4]) Рапортъ г.-адъют. Киселева г.-адъют. бар. Дибичу 7-го іюля 1826 г. № 657.

[5]) Составленная въ 1820 г. ген.-маіоромъ Хоментовскимъ.

[6]) Составленная подполковникомъ Комаровымъ.

[7]) Составленная подполковниками Фаленбергомъ и фонъ-Руге. Послѣднія двѣ карты были составлены на измѣненномъ проложеніи Флемстида.

пейской Турціи 1823—1824 г.г.; д) генеральная карта западной половины владѣній Турціи на 12-ти листахъ [1]); е) военно-топографическая карта части Болгаріи и Румеліи на 32-хъ листахъ [2]), которая, по мнѣнію Дибича и Толя, одна только и могла служить въ 1828—1829 г.г., за неимѣніемъ лучшихъ матеріаловъ.

Отмѣтимъ кстати сформированіе «геодезическаго отряда» (изъ офицеровъ генеральнаго штаба и топографовъ) для астрономическихъ опредѣленій и съемокъ; одна половина этого отряда должна была работать въ княжествахъ, а другая между Дунаемъ и Балканами.

Въ общемъ, въ отношеніи картографической части, хотя и были пробѣлы, но все же было много сдѣлано квартирмейстерскою частью 2-й арміи для снабженія войскъ возможно лучшими картами какъ пограничнаго пространства, занимаемаго этою арміею, такъ и Европейской Турціи [3]).

Работы по квартирмейстерской части.

По квартирмейстерской части были исполнены слѣдующія работы: а) опредѣлено направленіе дорогъ къ Дунаю (главныхъ и поперечныхъ); б) важнѣйшія дороги осмотрѣны офицерами генеральнаго штаба, которые назначили переходы (для командъ 20—28, а для транспортовъ 10—17 верстъ) и мѣста ночлеговъ (для командъ въ болѣе многолюдныхъ селеніяхъ, а для транспортовъ въ мѣстахъ, удобныхъ для водопоя); в) черезъ каждыя 100 верстъ выбраны пункты для складовъ продовольствія, этапныхъ командъ и (за границею) для лазаретовъ; г) разработаны маршруты; д) составлены положеніе для этаповъ и руководство для ихъ начальниковъ; е) избраны мѣста переправъ на Днѣстрѣ, Прутѣ и Дунаѣ.

Оберъ-квартирмейстерамъ и дивизіоннымъ квартирмейстерамъ разосланы топографическія карты Молдавіи, Валахіи и Болгаріи и копіи съ маршрутовъ [4]); всѣмъ офицерамъ генеральнаго штаба роздана и во всѣ штабы разослана литографированная карта Турціи.

---

[1]) Составленная генералъ-маіоромъ Хатовымъ въ 1820 году.

[2]) Составленная офицерами генеральнаго штаба 2-й арміи и переработанная въ 1828 году генералъ-маіоромъ Хатовымъ.

[3]) Сверхъ того офицеры 2-й арміи собрали матеріалы для описанія нашихъ походовъ въ Турцію. Епанчинъ, 178—181. Глиноецкій, I и II. И. О. К. В. Т. (Истор. оч. дѣят. корп. воен. топогр.), 155, 173, 176—180 и 188.

[4]) Снятыхъ въ Турціи въ 1827 году.

По приказанію генералъ-адъютанта Киселева, генералъ-квартирмейстеръ князь Горчаковъ составлялъ «инструкцію для офицеровъ генеральнаго штаба», въ которую вошли разныя формы, таблицы, правила письмоводства, черченія и съемки, могущія служить руководствомъ къ точному и неупустительному исполненію обязанностей по части генеральнаго штаба, какъ ихъ понимали въ то время. Работы эти завершились составленіемъ «Руководства для г.г. офицеровъ генеральнаго штаба при корпусахъ, дивизіяхъ и отрядахъ 2-й арміи, въ военное время» [1]).

Заслуживаетъ вниманія приступъ къ этому руководству:

«На офицеровъ Генеральнаго Штаба въ особенности возложено правительствомъ пріобрѣтеніе и безпрестанное пополненіе свѣдѣній о краѣ, въ которомъ происходятъ дѣйствія. Въ подробности должны имъ быть извѣстны: составъ, расположеніе и движеніе той части войска, къ которой они прикомандированы, а также по мѣрѣ возможности положеніе и дѣйствіе непріятеля. Дабы всегда быть готовымъ отдать о сихъ предметахъ отчетъ своему начальству, необходимо имъ имѣть и содержать во всегдашней исправности: а) журналъ общей переписки; б) журналъ диспозиціонный; в) журналъ секретный; г) журналъ историческій; д) журналъ для записки счетныхъ свѣдѣній; е) журналъ маршрутный. Сверхъ того оберъ-квартирмейстеры и прочіе отдѣльные офицеры генеральнаго штаба должны вести записку о составѣ той части, при коей находятся.

На основаніи этихъ матеріаловъ составляются донесенія срочныя [2]) и экстренныя.

Затѣмъ слѣдуютъ указанія: о вожденіи колоннъ, о дислокаціи, о расположеніи и размѣщеніи войскъ въ разныхъ случаяхъ, о позиціяхъ, о рекогносцировкахъ и т. п.

Вообще въ этомъ руководствѣ заключался цѣлый рядъ цѣнныхъ практическихъ указаній [3]).

---

[1]) Подписано генералъ-квартирмейстерами: въ 1828 г. генералъ-маіоромъ княземъ Горчаковымъ 2-мъ, а въ 1829 г. генералъ-маіоромъ Бергомъ. Мы пользовались экземпляромъ, имѣющимся въ библіотекѣ главнаго штаба.

[2]) Число срочныхъ донесеній увеличилось въ 1829 году, о чемъ будетъ сказано ниже.

[3]) Въ 1-й арміи было составлено «Наставленіе для руководства г.г. офицеровъ генеральнаго штаба 1-й арміи при выборѣ лагерей и позицій»,

Стѣсненіе главнокомандующаго и его штаба постоянными мелочными указаніями изъ Петербурга.

Дѣятельность начальника штаба 2-й арміи «высоко цѣнилась въ Петербургѣ». Казалось бы, что можно было обойтись безъ мелочныхъ распоряженій изъ Петербурга же, сильно стѣснявшихъ дѣятельность главнокомандующаго 2-ю арміею и ея штаба. Однако изъ Петербурга продолжали сыпаться многочисленныя распоряженія, касавшіяся разныхъ мелочей, а между тѣмъ главнокомандующій не получалъ необходимыхъ указаній по весьма важнымъ вопросамъ.

23-го сентября 1827 года графъ Витгенштейнъ писалъ Дибичу:

«Между тѣмъ, соображая готовность къ походу, въ которой войска пребывать долженствуютъ, съ имѣющимися свѣдѣніями объ умноженіи турецкихъ силъ на Дунаѣ и въ крѣпостяхъ, я обязываюсь благовременно испросить Высочайшее соизволеніе, въ случаѣ турки, по примѣру 1821 г., вторгнутся въ княжества для опустошенія оныхъ, долженъ ли я буду, не ожидая Высочайшаго повелѣнія, собрать армію на Прутъ и даже, смотря по необходимости, перейти черезъ оный, или же, во всякомъ случаѣ, не приступая ни къ какому движенію, надлежитъ мнѣ ожидать разрѣшенія. Я представляю сіе на благоуваженіе Его Императорскаго Величества... потому еще, что турецкое правительство требуетъ уже изъ Молдавіи различныхъ припасовъ и тѣмъ угрожаетъ провинцію сію привести въ оскудѣніе, которое при переходѣ черезъ границу нашихъ войскъ будетъ для нихъ весьма ощутительно»... [1]).

На это отношеніе былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

«Государь Императоръ... Высочайше повелѣть соизволилъ, что какъ скоро получится достовѣрное извѣстіе, что турки сдѣлали вторженіе въ княжества, то дабы немедленно войска 2-й арміи были собраны у Прута и находились въ ежечасной готовности перейти за оный, съ тѣмъ, чтобы о таковомъ случаѣ Его Императорскому Величеству было донесено немедленно съ нарочнымъ. Для перехода же за Прутъ ожидать особаго Высочайшаго повелѣнія»... [2]).

Изъ этого, конечно, видно, что стратегическія соображенія приносились въ жертву политическимъ. Повліять на измѣненіе этихъ отношеній начальникъ главнаго штаба Е. И. В. не могъ; но онъ долженъ былъ стараться предоставить главнокомандующему 2-ю арміею

подписанное генералъ-квартирмейстеромъ генералъ-маіоромъ Бутурлинымъ 2-мъ 15-го іюля 1827 года и изданное въ 1828 году въ С.-Петербургѣ. Въ немъ имѣется больше тактическихъ (и къ тому же отчасти устарѣвшихъ) разсужденій, чѣмъ практическихъ указаній. Это наставленіе имѣетъ лишь историческое значеніе. Мы ознакомились съ нимъ по экземпляру, имѣющемуся въ библіотекѣ главнаго штаба.

[1]) Отношеніе гр. Витгенштейна Дибичу отъ 23 сентября, № 501.

[2]) Рапортъ г.-а. Дибича главнокомандующему 2-й арміи отъ 1-го октября, № 405.

должную самостоятельность [1]) и, во всякомъ случаѣ, своевременно сообщать ему необходимыя указанія.

Планъ войны, составленный въ 1827 г.

24-го августа 1817 года Дибичъ послалъ Витгенштейну соображенія объ общихъ распоряженіяхъ на случай войны, съ просьбою высказать свое мнѣніе для доклада Государю Императору [2]).

Составъ арміи былъ увеличенъ до 8 дивизій пѣхоты [3]) и 6 дивизій кавалеріи [4]) съ соотвѣтственными артиллеріею [5]), инженерными частями, парками и т. д., всего же до 153,000 человѣкъ, состоящихъ на довольствіи, въ томъ числѣ около 130,000 строевыхъ и 110,000—115,000 штыковъ и сабель при 284 орудіяхъ [6]).

Кромѣ того въ распоряженіе главнокомандующаго поступила дунайская флотилія (47 судовъ, вооруженныхъ 97 орудіями).

Первоначальною цѣлью, какъ и раньше, ставилось занятіе княжествъ. Затѣмъ шло изложеніе частностей. Очень подробно указывались частности исполненія дессанта подъ Варною или близъ Бургаса, но не указывалась цѣль, преслѣдуемая этою высадкою.

Главнокомандующій, разбирая это общее предположеніе по пунктамъ, писалъ Дибичу:

«Расписаніе войскъ на корпуса или отряды, заготовленіе продовольствія и военныхъ снарядовъ, ровно какъ и многія другія частныя соображенія зависятъ отъ общей цѣли войны, которая, не бывъ мнѣ извѣстна, не дозволяетъ опредѣлительно судить о частностяхъ оной. Не менѣе того, въ намѣреніи удовлетворить желанію Вашему, я предположу, что общая цѣль войны съ Турціею долженствуетъ состоять въ томъ, чтобы заставить Оттоманскую Порту согласиться на предложенія, ей сдѣланныя, безъ всякаго посторонняго содѣйствія или препятствія; а для сего война въ отдаленныхъ провинціяхъ недостаточна, и медлительная система, коей прежде слѣдовали, принята быть не можетъ. Напротивъ того, надобно быстро перенести

---

[1]) Или же представить Императору мотивированный докладъ о неспособности гр. Витгенштейна къ командованію арміею на войнѣ.

[2]) Рапортъ Дибича главнокомандующему 2-ю арміею № 335.

[3]) По 2 баталіона въ полку и по 12 баталіоновъ въ дивизіи, а всего 96 баталіоновъ.

[4]) 4 полка Бугской уланской дивизіи по 6 эскадроновъ; 3-я драгунская, 3-я и 4-я гусарскія, 3-я кирасирская и 3-я уланская дивизіи, по 4 полка или по 16 эскадроновъ въ каждой, а всего 104 эскадрона. Кромѣ того 8 казачьихъ полковъ.

[5]) 20-фунтовыхъ единороговъ—32, 12-фунтовыхъ единороговъ — 110, 12-фунтовыхъ пушекъ—32 и 6-фунтовыхъ пушекъ—110.

[6]) Подробности см. у Епанчина, I, 192 и 193.

театръ военныхъ дѣйствій въ Румелію, овладѣть Цареградомъ, или подъ стѣнами его подписать выгодный миръ. Для этой цѣли числительную силу арміи, какъ оная назначена въ общемъ соображеніи, Вами составленномъ, я полагаю достаточною» [1]).

Главнокомандующій предлагалъ раздѣлить армію на три части: наступательную армію, дѣйствующій резервъ и Днѣстровскій резервъ. Наступательная армія (115,000 чел.) должна исполнить быстрое движеніе черезъ Балканы въ Румелію, а затѣмъ [2]) предпринять «второе свое наступательное движеніе черезъ Факи на Адріанополь или Киркилисъ, смотря по мѣрамъ непріятеля». Дѣйствующій резервъ, или Дунайскій корпусъ (40,000 чел.), занимая оба берега Дуная, осаждаетъ или блокируетъ крѣпости отъ Варны до Рущука, наблюдаетъ далѣе пространство до австрійской границы, даетъ твердое основаніе военнымъ нашимъ дорогамъ и, по мѣрѣ движенія наступательной арміи и взятія крѣпостей, подвигается за нею и служитъ дѣйствительнымъ резервомъ, прикрывающимъ ея тылъ на самомъ театрѣ войны; наконецъ онъ можетъ усилить армію и возстановить ея «числительную силу» въ самый рѣшительный моментъ ея дѣйствій. Днѣстровскій или пограничный резервъ будетъ заниматься комплектованіемъ кадровъ, оставшихся отъ арміи, и содержать кордонъ до Керченскаго пролива. Въ случаѣ перехода дунайскаго корпуса за Балканы, на его попеченіи остается охраненіе Болгаріи.

Дунайская флотиллія, усиленная до 100 судовъ, должна подчиняться начальнику пограничнаго резерва. Экспедицію на Анапу слѣдуетъ совершить независимо отъ главной арміи, отнюдь не частью войскъ, предназначенныхъ къ дѣйствію за Дунаемъ. Важнѣйшею операціею всей войны является экспедиція на Бургасъ; дессантъ при Бургасѣ долженъ быть произведенъ лишь тогда, когда силы противника будутъ отвлечены переходомъ арміи черезъ Балканы [3]).

---

[1]) Отношеніе Витгенштейна къ Дибичу отъ 31 октября 1827 года № 598. Дѣйствительнымъ авторомъ этого отвѣта Витгенштейна Дибичу (какъ и другихъ отвѣтовъ) былъ Киселевъ, докладъ котораго и послужилъ основаніемъ для отвѣта.

[2]) Выславъ пѣхотную бригаду для высадки въ Бургасъ, для устройства тамъ склада продовольствія, присоединивъ послѣ того этотъ отрядъ и возобновивъ свои запасы.

[3]) Пунктомъ отправленія экспедиціи на Бургасъ главнокомандующій считалъ Одессу и Николаевъ, а не Севастополь, какъ предполагалось въ Петербургѣ.

Флотъ долженъ быть подчиненъ главнокомандующему сухопутными войсками [1]).

15 ноября 1827 года Дибичъ увѣдомилъ главнокомандующаго о рѣшеніяхъ, принятыхъ въ Петербургѣ по вопросамъ и ходатайствамъ, представленнымъ изъ штаба 2-й арміи.

Оказалось, что многіе вопросы еще не были разрѣшены; по другимъ производилась переписка; относительно третьихъ должно было послѣдовать разрѣшеніе, о чемъ главнокомандующій долженъ былъ «своевременно» получить увѣдомленіе. Рѣшительное наступленіе нашей арміи на Константинополь могло начаться только весною; если бы военныя дѣйствія начались ранѣе, то они должны были ограничиться занятіемъ Молдавіи и Валахіи и только «при увѣренности въ полномъ непремѣнномъ успѣхѣ» можно было совершить экспедицію для взятія Тульчи и Исакчи. Весною армія переходитъ Дунай и приступаетъ къ операціямъ противъ Варны и Шумлы, а также къ занятію Кюстенджи и Коварны. Затѣмъ слѣдуетъ переходъ черезъ Балканы и занятіе Бургаса и, наконецъ, «главныя силы подступаютъ къ Константинополю» [2]).

Главнокомандующему не предоставлялось право распоряжаться резервомъ дѣйствующей арміи, который назначался только для дѣйствій противъ крѣпостей и для занятія части страны въ тылу арміи.

Для занятія княжествъ зимою главнокомандующій могъ имѣть 48 баталіоновъ [3]), 40 эскадроновъ и 6 казачьихъ полковъ при 180 орудіяхъ [4]), а для дѣйствій за Дунаемъ весною—72 баталіона, 72 эскадрона и 10 казачьихъ полковъ при 312 орудіяхъ; 1-й резервъ долженъ былъ состоять изъ 24 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 2 казачьихъ полковъ при 96 орудіяхъ [5]).

Въ концѣ ноября главнокомандующій считалъ, что армія еще недостаточно подготовлена къ занятію княжествъ и вообще къ началу

---

[1]) Епанчинъ, I, 191—200.

[2]) Рапортъ Дибича Витгенштейну отъ 15 ноября 1827 года № 515. Епанчинъ, I, 241—246.

[3]) Епанчинъ, I, 247 (48 бат.) и 249 (42 баталіона).

[4]) 1-й резервъ, назначенный для движенія весною, 36 бат., 32 эск. и 124 орудія; 2-й резервъ 36 бат., 48 эск. и 64 орудія.

[5]) Днѣстровскій резервъ 48 бат., 84 эск., 4 каз. полка и 72 орудія. Епанчинъ, I, 246 - 249.

похода, а между тѣмъ въ Петербургѣ считали, что она къ этому готова, и требовали дополнительнаго заявленія о томъ, что нужно еще сдѣлать немедленно и что можетъ быть отложено до открытія войны. Хотя это и объясняется тѣмъ, что въ Петербургѣ хотѣли возможно болѣе уменьшить расходы на армію [1]), но это не говоритъ въ пользу лица, стоявшаго во главѣ центральнаго военнаго управленія, т. е. Дибича, ибо подобное уменьшеніе расходовъ должно было, съ теченіемъ времени, привести къ весьма большому ихъ увеличенію.

16 декабря Дибичъ сообщилъ Витгенштейну о томъ, что состоялось Высочайшее повелѣніе о безотлагательномъ приведеніи 2-й арміи на военное положеніе и въ полную готовность къ походу, а 31-го декабря онъ препроводилъ ему же «общее предположеніе» для дѣйствія арміи [2]).

Арміи ставились задачи: а) до іюня—занять княжества, обложить Браиловъ, частью силъ перейти Дунай, занять Траяновъ валъ и Кюстенджи, обложить Тульчу, Исакчи и Силистрію; б) въ іюнѣ—перейти Балканы и овладѣть Бургасомъ; в) въ іюлѣ и первой половинѣ августа—оставаться на мѣстѣ, окончить осаду Браилова и Силистріи и начать осаду Варны, г) около 20-го августа начать наступленіе къ Адріанополю съ 5-ю дивизіями пѣхоты и 4-мя дивизіями конницы; д) съ 15-го сентября по 15-е октября дѣйствовать противъ Константинополя [3]).

Роль главнокомандующаго.

Такимъ образомъ главнокомандующій былъ совершенно лишенъ самостоятельности; не взирая на сознанную неизбѣжность начать походъ въ серединѣ марта, не считалось необходимымъ сосредоточить дѣйствующую армію къ началу похода, а передовыя части получали подкрѣпленія только постепенно и съ значительными промежутками времени; даже къ веснѣ 1828 года все еще не рѣшались привести армію въ полную готовность.

Роль стратегическаго искусства.

Въ лицѣ Дибича представитель стратегіи совершенно стушевывался передъ неправильно понимаемыми интересами высшей военной администраціи.

---

[1]) Тамъ же, 263—266.

[2]) Высочайше утвержденное 25-го декабря.

[3]) Рапорты Дибича Витгенштейну 16-го и 31-го декабря 1827 года. Епанчинъ, I. 288—292.

Оцѣнка плана.

Этотъ планъ нельзя не признать образцомъ поучительнымъ въ смыслѣ отрицательномъ; самая возможность его составленія указываетъ на какое-то неестественное исходное положеніе, создаваемое политикою для стратегическаго искусства, которое низводилось на степень слѣпого исполнителя указаній дипломатіи и высшей военной администраціи, при чемъ для проявленія военнаго искусства почти вовсе не оставалось простора. Понималъ ли сущность этого дѣла Дибичъ, или же онъ самъ еще заблуждался, рѣшить трудно. Вопросъ этотъ требуетъ тщательнаго изслѣдованія.

Недостаточность нашихъ силъ.

Въ апрѣлѣ 1828 года силы турокъ находились въ слѣдующемъ положеніи: въ Добруджѣ и на нижнемъ Дунаѣ—до 30,000; въ Шумлѣ и Варнѣ — 20,000; въ Адріанополѣ — 30,000; въ Константинополѣ и Дарданеллахъ—37,000; въ прочихъ областяхъ—35,000; всего въ Европейской Турціи—150,000 чел. [1]).

Какъ ни слаба была Турція, все же силы, первоначально нами назначенныя, были недостаточны.

Занятіе княжествъ.

Въ началѣ апрѣля 6-ой и 7-ой русскіе корпуса [2]) перешли Прутъ, къ серединѣ мая заняли Молдавію и Валахію и обложили Браиловъ.

Штабъ главнокомандующаго. Число офицеровъ генеральнаго штаба при арміи и ихъ распредѣленіе

Къ ранней веснѣ былъ сформированъ походный штабъ главнокомандующаго изъ 34 главныхъ чиновъ [3]). Офицеровъ генеральнаго штаба состояло: а) въ составѣ штаба главнокомандующаго 15 [4]); б) при войскахъ дѣйствующей арміи 18 офицеровъ [5]); в) при главной квар-

---

[1]) Въ Малой Азіи до 30,000 чел. Тамъ же, 361.

[2]) Сосредоточеніе ихъ началось въ августѣ 1827 года и сочеталось съ маневрами, при чемъ войска практиковались въ малой войнѣ и въ форпостной службѣ; предположенія составлялись въ управленіи генералъ-квартирмейстера и утверждались главнокомандующимъ.

[3]) Стоявшихъ во главѣ особыхъ управленій.

[4]) При начальникѣ штаба пор. Петровъ: при ген.-квартирмейстерѣ подполковники фонъ Руге и Никлевичъ, гвард. генер. штаба капитанъ бар. фонъ-деръ-Ховенъ, шт.-кап. Насакинъ, подпор. Фонтонъ-де-Верраіонъ и Каменскій, прапорщики Скалонъ и Мильковскій; въ управленіи ген.-квартирмейстера шт.-кап. Вельтманъ и Андреевскій и подпор. Лугининъ, шт.-кап. Мендъ, подпор. Роговскій и прапорщикъ Шмаковъ.

[5]) Въ VI корпусѣ: подполк. Кекъ, подпор. Прибытковъ, Вердеревскій и Беренгеймъ; при VII корпусѣ: полк. Гедихинъ, пор. Лопухинъ и подпор. Карновичъ и Тавастъ; при дивизіяхъ: 16-й шт.-кап. Прибытковъ и пор. Ситниковъ, 17-й шт. кап. Розаліонъ-Сошальскій и прап. Болдыревъ, 18-й кап. Эренкронъ и подпор. Куликовскій, 19-й кап. Нюбергъ и подпор. Ивановъ и 4-й уланской — пор. Ушаковъ и прап. Харламовъ. Глиноецкій, II, 26 и В. У. А., отд. 2, № 4443.

тирѣ Императора, не считая самого Дибича и графа Сухтелена, 15 офицеровъ [1]). Добавляя офицеровъ, находившихся при позднѣе притянутыхъ гвардейскомъ, III пѣхотномъ и IV резервномъ кавалерійскомъ корпусахъ, и, принимая въ соображеніе дополнительныя назначенія, можно опредѣлить весь составъ генеральнаго штаба не менѣе, какъ въ 100 офицеровъ, изъ коихъ болѣе половины находилось постоянно при главной квартирѣ. При этой же квартирѣ находились еще 3 офицера польскаго генеральнаго штаба, 4 офицера польскихъ войскъ, прикомандированныхъ къ этому штабу, и 6 офицеровъ, причисленныхъ къ нашему генеральному штабу [2]). Такимъ образомъ на театрѣ дѣйствій находилось вполнѣ достаточное число офицеровъ генеральнаго штаба, но распредѣленіе ихъ едва ли было цѣлесообразно.

Начало кампаніи 1828 года. Переправа черезъ Дунай у Сатунова.

Кампанія 1828 года открылась переправою у Сатунова и взятіемъ Анапы. Въ обоихъ случаяхъ представители генеральнаго штаба обратили на себя вниманіе Императора Николая I.

Приготовленія къ переправѣ у Сатунова были сдѣланы самимъ барономъ Дибичемъ. Затѣмъ при переправѣ главными распорядителями, кромѣ того же Дибича, были: командиръ III корпуса генералъ Рудзевичъ [3]), генералъ-маіоръ князь М. Д. Горчаковъ [4]), графъ Сухтеленъ 2-й и генералъ-адъютантъ Киселевъ. Генералъ-квартирмейстеръ 2-й арміи князь П. Д. Горчаковъ отказался отъ этой должности, былъ назначенъ командующимъ войсками въ Малой Валахіи и въ переправѣ не участвовалъ.

---

[1]) При главной квартирѣ: гвард. ген. шт. шт.-кап. Дюгамель и пор. бар. Ливенъ, ген. шт. кап. Гастферъ, пор. Шеміотъ, подпор. Веригинъ и прап. Герасимовъ; при канцеляріи бар. Дибича: гвард. ген. шт. ген.-маіоръ Дурново 1-й и ген. шт. пор. Ризенкампфъ 2-й; въ канцеляріи генералъ-квартирмейстера: шт.-кап. Тучковъ (капитанъ надъ вожатыми), штабсъ-капитанъ Чевкинъ, кап. Вельяминовъ-Зерновъ и Крюковъ, штабсъ-капитанъ Ладыженскій и подпор. Кобяковъ; при походной литографіи подпор. Норденстамъ.

[2]) Въ томъ числѣ Хржановскій. Глиноецкій, II, 27 и 28. С. В. М., И. Г. К., II, 556—616 (о польскихъ войскахъ и свитѣ Его Величества).

[3]) С. В. М., IV, 1, 2, 1, 337 и др.

[4]) Переведенъ въ свиту по квартирмейстерской части изъ строя, съ производствомъ въ полковники, въ 1817 г. Назначенъ начальникомъ штаба 3-го корпуса въ 1820 году.

Генералъ-квартирмейстеръ Бергъ.

Его замѣнилъ генералъ-маіоръ Бергъ [1]), назначенный вслѣдствіе желанія графа Витгенштейна [2]), что возбудило неудовольствіе старыхъ служакъ генеральнаго штаба [3]). Весьма возможно, что это обстоятельство не осталось безъ вліянія на тѣ неблагопріятные слухи, которые были распространяемы въ 1828 году насчетъ генеральнаго штаба и его представителя въ дѣйствующей арміи на Дунаѣ [4]).

Графъ Сухтеленъ недолго оставался подъ Браиловымъ [5]), что облегчило выдвиженіе Берга, который, впрочемъ, дѣятельно распоряжался въ расположеніи осаднаго корпуса, проводя утренніе и вечерніе часы на конѣ, ночью за бумагами и отдыхая только среди дня [6]). Выборъ и отдѣлка Императорскаго кургана, разбивка лагеря въ такомъ порядкѣ, что онъ болѣе походилъ на учебный, чѣмъ на боевой, составляли предметъ первой дѣятельности Берга, сразу расположившей въ его пользу Государя Императора, а равно и Великаго Князя Михаила Павловича. При неусыпной его энергіи довѣріе къ нему росло съ каждымъ днемъ, и онъ могъ надѣяться, что ему удастся поставить свою должность на ту степень значенія, на которой она должна стоять въ арміи.

Офицеры генеральнаго штаба подъ Браиловымъ и Анапою.

О ближайшихъ своихъ помощникахъ Бергъ отозвался, что это были большею частью люди весьма достойные. Осада Браилова представляла для генеральнаго штаба не обширное поприще, такъ какъ при арміи имѣлось достаточно инженеровъ. При штурмѣ особенно от-

---

[1]) Федоръ Федоровичъ Бергъ (1793—1874) въ 1812 г. поступилъ въ Либавскій пѣх. полкъ юнкеромъ и вскорѣ прикомандированъ къ квартирмейстерской части; въ 1813 г. состоялъ при партизанскихъ отрядахъ Кутузова, Теттенборна и др., а затѣмъ при арміи Витгенштейна и въ авангардѣ Палена 3-го; въ январѣ 1814 года капитанъ Бергъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Послѣ наполеоновскихъ войнъ изучилъ поля сраженій Италіи и Швейцаріи и составилъ военно-статистическое описаніе Турціи. Въ 1823 и 1825 г.-г. совершилъ экспедиціи въ Киргизъ-Кайсацкую степь. Передъ войною 1828—29 г.г. состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ.

[2]) Знавшаго Берга съ первыхъ годовъ его службы.

[3]) Особенно флигель-адъютанта полковника князя А. М. Голицына 1-го, оберъ-квартирмейстера гвардейскаго корпуса.

[4]) Глиноецкій, II, 29.

[5]) Тамъ же, 30—31.

[6]) Когда невыносимая жара приводила всѣхъ въ бездѣйствіе.

личились поручики Тюфяевъ [1]) и Тавастъ [2]); изъ числа же 11 офицеровъ генеральнаго штаба, находившихся подъ Браиловымъ, ни одинъ не былъ обойденъ наградою [3]).

Начало этой же кампаніи было ознаменовано другимъ блестящимъ эпизодомъ, взятіемъ Анапы. Во главѣ предпріятія противъ этой крѣпости находился генералъ-адъютантъ князь А. С. Меншиковъ [4]), сподвижниками коего были полковники В. А. Перовскій [5]) и А. Г. Вилламовъ [6]).

Краткій очеркъ кампаніи 1828 г. послѣ паденія Браилова.

Паденіе Браилова повлекло за собою сдачу Мачина, Гирсова, Тульчи и Кюстенджи. Особенно важное значеніе принадлежало Кюстенджи, посредствомъ коей открывался для арміи кратчайшій и удобнѣйшій путь подвоза всякаго рода запасовъ моремъ изъ Россіи.

---

[1]) Въ свитѣ по квартирмейстерской части съ 1824 г. (изъ подпор. Орловскаго пѣх. полка). Пр. К. Ч., 1824 г., 28 іюля № 145. Ведя колонну въ правую брешь, контуженъ въ лѣвую руку осколкомъ гранаты, а затѣмъ раненъ картечью въ правую ногу. Получилъ золотую шпагу «за храбрость».

[2]) Въ свитѣ по кварт. части съ 1821 г. (изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса). Пр. К. Ч., 1821 г., 12 сентября № 141. Ведя колонну въ лѣвую брешь, раненъ тремя пулями: въ правую руку легко, въ лѣвую руку безъ поврежденія костей и въ голову тяжело. Получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени, чинъ штабсъ-капитана и 6-мѣсячный отпускъ съ содержаніемъ.

[3]) Глиноецкій, II, 31.

[4]) Родился въ 1787 г. Съ 1805 г. на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ 1809 г. подпоручикомъ въ гвард. артилл. баталіонъ; отправился въ молдавскую армію; отличился въ 1810 и 1811 г.г. Въ 1812 г. дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 1-й гренадерской дивизіи; въ 1813 году посланъ къ Бернадотту съ важнымъ порученіемъ (черезъ расположеніе непріятельской арміи); отличился при Кульмѣ, подъ Лейпцигомъ и въ 1814 г. при взятіи Парижа. Въ 1816 г. назначенъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба Е. И. В.; въ 1818 г. исправлялъ должность генералъ-квартирмейстера того же штаба. Въ 1823 г. зачисленъ по министерству иностранныхъ дѣлъ; въ 1824 г. уволенъ въ отставку; въ 1826 г. снова зачисленъ ген.-маіоромъ по квартирмейстерской части и выполнилъ важное порученіе въ Персію. Назначенъ и. д. начальника морского штаба Е. В. съ переименованіемъ въ контръ-адмиралы; поручено ему составить проектъ преобразованія морского министерства. Въ апрѣлѣ 1828 г. получилъ начальство надъ дессантнымъ отрядомъ для овладѣнія Анапою; за выполненіе этого предпріятія получилъ орденъ Св. Георгія 3 степени и чинъ вице-адмирала.

[5]) С. В. М., IV, 1, 2, 1, 340 и др.

[6]) Глиноецкій, II, 29—30. Пр. К. Ч., 1823 г., 7 сентября № 174. Въ свитѣ по квартирмейстерской части съ 1815 до 1832 года. За Анапу получилъ золотую шпагу «за храбрость».

Для сосредоточенія освободившихся войскъ III и VII корпусовъ къ Карасу, гдѣ стояли главныя силы арміи, требовалось время, что дало непріятелю возможность сильно занять Шумлу и Варну. Между тѣмъ армія начала таять отъ болѣзней.

Въ 20-хъ числахъ іюня главнокомандующій могъ располагать для наступательныхъ дѣйствій III и VII корпусами и 1-ю конно-егерскою дивизіею (всего до 45,000 человѣкъ).

Наступая на Шумлу, пришлось бы бросить путь подвозовъ по Черному морю и замѣнить его линіею Сатупово-Базарджикъ-Шумла, представлявшею по бездорожью и по скудости фуража величайшія затрудненія для движенія транспортовъ. Направленіе на Варну было болѣе выгодно. Во всякомъ случаѣ нашъ путь отступленія находился бы подъ ударами гарнизоновъ Шумлы и Силистріи, не говоря уже о томъ, что турки могли попытаться отрѣзать сообщенія нашей арміи, которой пришлось бы остановиться подъ Варною. Такимъ образомъ для обезпеченія операціонной линіи представлялось необходимымъ овладѣть Силистріею.

Было рѣшено наступать отъ Карасу къ Варнѣ и осадить Силистрію.

29-го іюня главныя силы арміи (III и VII корпуса) сосредоточились у Базарджика; туда же прибылъ и Императоръ. Авангардъ 30-го занялъ Козлуджу и оттѣснилъ турецкую конницу къ Шумлѣ. Авангардныя дѣла выяснили, что турки сосредоточили въ Шумлѣ значительныя силы. Въ виду этого было признано необходимымъ обезопасить себя отъ Шумлы, для чего рѣшено двинуться къ этой крѣпости съ цѣлью разбить главную турецкую армію сераскира Гуссейна-паши (до 40.000 человѣкъ). Наша армія (всего не болѣе 30,000 человѣкъ) двинулась къ Шумлѣ и принуждена была остановиться въ виду сильныхъ ея укрѣпленій.

На военномъ совѣтѣ въ Іени-Базарѣ 7-го іюля было рѣшено: главною арміею обложить Шумлу, а отдѣльными отрядами генерала Рота и князя Меншикова осадить Силистрію и Варну. Такимъ образомъ армія приковывалась къ тремъ крѣпостямъ, при чемъ подъ каждою изъ нихъ наши силы оказывались малочисленнѣе гарнизоновъ соотвѣтственной крѣпости. Въ то же время не оставалось ни одной части для дѣйствій въ полѣ и для прикрытія осадъ и блокады турецкихъ крѣпостей.

Вскорѣ выяснилось, что всякое рѣшительное предпріятіе противъ Шумлы не соотвѣтствуетъ нашимъ силамъ и средствамъ. Въ концѣ августа, съ прибытіемъ гвардіи къ Варнѣ, рѣшено было ускорить паденіе этой крѣпости.

29-го сентября сдалась Варна [1]), послѣ чего продолженіе блокады Шумлы становилось безцѣльнымъ. 4-го октября блокада эта была снята; войска наши отошли частью къ Варнѣ, частью къ Силистріи.

Взятіе Варны представляло важнѣйшій нашъ успѣхъ въ 1828 году; оно дало намъ возможность утвердиться за Дунаемъ и, перезимовавъ въ Болгаріи, начать слѣдующую кампанію; продолжать же наступательныя дѣйствія въ этомъ же году мы не могли думать вслѣдствіе крайняго утомленія войскъ и разстройства ихъ отъ болѣзней.

Движеніе арміи къ Шумлѣ обезпечивалось а): 10,000 чел. генерала Бороздина, оставленными въ Валахіи, при чемъ Малая Валахія прикрывалась отрядомъ генерала барона Гейсмара въ 3000—4200 чел. [2]); б) отрядомъ, направленнымъ противъ Силистріи (сначала 10,000 чел. генерала Рота, смѣненные затѣмъ 20,000—25,000 чел. II корпуса) и в) войсками, дѣйствовавшими противъ Варны, начиная съ небольшого отряда (4 баталіона, 12 эскадроновъ и 1 сотня при 12 орудіяхъ, всего около 4,500 чел.) графа Сухтелена, который долженъ былъ прикрывать главныя силы къ сторонѣ Варны, собрать свѣдѣнія о мѣстности и силахъ турокъ и открыть сообщеніе съ флотомъ; Сухтеленъ отлично исполнилъ возложенную на него задачу; сражаясь иногда по 12 часовъ сряду, отрядъ его держался 6 дней, пока не былъ смѣненъ отрядомъ ген-лейт. Ушакова [3]); это и было началомъ обложенія Варны и изслѣдованія ея окрестностей.

Офицеры генеральнаго штаба подъ Варною.

Во время начальствованія осаднымъ корпусомъ князя Меншикова, начальникомъ штаба этого корпуса былъ прежній его сподвижникъ генералъ-маіоръ В. А. Перовскій; ближайшимъ же ихъ помощ-

---

[1]) Во главѣ осаднаго корпуса былъ поставленъ князь А. С. Меншиковъ, располагавшій 10,000 чел. при 47 полевыхъ орудіяхъ; съ моря дѣйствовалъ флотъ Грейга. Въ концѣ августа сила осаднаго корпуса возросла до 30,000 чел. при 118 полевыхъ и 52 морскихъ орудіяхъ.

[2]) 14-го сентября генералъ этотъ разбилъ превосходныя силы турокъ въ ночномъ бою при Боелештахъ.

[3]) Лукьяновичъ. Описаніе турецкой войны 1828—1829 г г. Глиноецкій, II, 32.

никомъ по части квартирмейстерской, а въ началѣ осады и по части инженерной, былъ оберъ-квартирмейстеръ того же корпуса, генеральнаго штаба капитанъ Менде. Ему было поручено выбрать мѣсто для первой параллели; произведя смѣлую рекогносцировку, онъ дошелъ до гласиса и заложилъ параллель (въ ночь на 7-е августа) всего лишь въ 117 саж. отъ крѣпостного рва. Онъ же велъ военно-историческій журналъ осады Варны, по которому составлено и подробное описаніе этой осады [1]).

Въ это же время гвардейскаго генеральнаго штаба капитаны Брюмеръ и Жемчужниковъ и подпоручикъ Веригинъ и генеральнаго штаба подпоручикъ Львовъ составили военно-топографическія описанія окрестностей Варны [2]).

Офицеры генеральнаго штаба при движеніи къ Шумлѣ и подъ Шумлою.

При движеніи главныхъ силъ арміи къ Шумлѣ, почти постоянно впереди колоннъ слѣдовалъ съ летучими отрядами, генеральнаго штаба полковникъ Липранди [3]), который оттѣснялъ турецкіе передовые посты и производилъ развѣдки расположенія противника; онъ же произвелъ рекогносцировки лѣваго фланга турокъ у Джумаи.

При рекогносцировкахъ генерала Ридигера, въ направленіи на Эски-Стамбулъ и Котешъ, оберъ-квартирмейстеръ VII корпуса полковникъ Гедихинъ командовалъ особою колонною; здѣсь же находился съ своею бригадою [4]) генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Дурново [5]), о которомъ Бергъ даетъ самый лучшій отзывъ; достаточно сказать, что Бергъ выдѣляетъ его изъ ряда тогдашнихъ бригадныхъ генераловъ, о которыхъ отзывы его крайне неблагопріятны.

Подъ Шумлою приходилось съ слабыми сравнительно силами занимать пространную блокадную линію, при чемъ нужно было при-

---

[1]) Тамъ же онъ названъ «Мендъ». См. С. И. Р. И. О., LXII, 24.

[2]) Глиноецкій, II, 32. Пр. К. Ч., 1823 г., 19 февраля № 48 (Веригинъ), 1824 г., 11 октября 171 и 1825 г., 29 марта № 86 (Жемчужниковъ и Брюммеръ), 1825 г., 24 марта № 80 (Львовъ) и т. д.

[3]) Липранди, Павелъ Петровичъ (1796—1864). Въ военной службѣ съ 1813 г.; участвовалъ въ кампаніяхъ 1813, 1814, 1828 — 1829, 1831 и 1853—1856 г.; Пр. К. Ч., 1825 г., 25 октября № 219 и др.

[4]) Украинскій пѣхотный и 35-й егерскій полки.

[5]) Бывшій правитель канцеляріи начальника главнаго штаба Е. И. В. и квартирмейстерской части. См. выше, главу I.

крыть малочисленность нашихъ войскъ ихъ подвижностью. На долю генералъ-квартирмейстера и его ближайшихъ помощниковъ выпала очень нелегкая работа. Энергія и неутомимость ген.-маіора Берга все это преодолѣвали. 16-го іюля онъ писалъ:

«Днемъ я въ главномъ штабѣ работаю надъ составленіемъ диспозиціи и въ канцеляріи; ночью приходится направлять и вести колонны; на разсвѣтѣ разбивать редуты и подступы къ крѣпости. Болѣе чѣмъ занятый, можно сказать, заваленный работою, я, тѣмъ не менѣе, доволенъ; я люблю широкую дѣятельность»... [1]).

Бергъ былъ сначала вполнѣ доволенъ своими отношеніями къ Киселеву и Дибичу; въ особенности онъ восхвалялъ Дибича. Но вскорѣ взглядъ этотъ сталъ измѣняться; явились жалобы на интриги въ главной квартирѣ, на слишкомъ большое число совѣтниковъ [2]) и начальниковъ, на слишкомъ большую мелочность всѣхъ распоряженій. Генералъ-квартирмейстеръ начинаетъ жаловаться на то, что ему «приходится по цѣлымъ днямъ выравнивать ряды палатокъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы дѣйствовать энергичнѣе, подобно Паскевичу, который, конечно, никого не выравниваетъ» [3]).

Въ свою очередь, и лица, состоявшія при главныхъ квартирахъ, жаловались на генералъ-маіора Берга и на офицеровъ генеральнаго штаба вообще, приписывая имъ медленность и неудачу нашихъ дѣйствій подъ Шумлою.

Защищаясь отъ этихъ нареканій, Бергъ даетъ о своихъ подчиненныхъ самый лучшій отзывъ, поясняя, что изъ большого числа офицеровъ генеральнаго штаба, находившихся при арміи, только двое были имъ арестованы въ теченіе камнаніи за частныя ошибки, а «всѣ вообще служили очень хорошо, чему доказательствомъ служатъ полученныя ими награды, число раненыхъ и убитыхъ, не считая умершихъ отъ трудовъ и лишеній, которымъ они подвергались» [4]).

---

[1]) Изъ частныхъ писемъ Ф. Ф. Берга барону Е. Ф. Мейендорфу. Глиноецкій, II, 33.

[2]) Показаніе это подтверждается сохранившимся въ архивныхъ дѣлахъ большимъ числомъ проектовъ «о лучшей системѣ дѣйствій противъ турокъ». Отмѣчая это, Глиноецкій (тамъ же) относится съ ироніею къ запискамъ барона Жомини. Едва ли однако можно признать эту иронію обоснованною. Странно было бы, если бы Жомини одобрялъ то, что дѣлалось.

[3]) Тамъ же, со ссылкою на В. У. А., отд. 2, № 2704.

[4]) Письма Ф. Ф. Берга. Глиноецкій, II, 34.

Заключеніе о дѣятельности генеральнаго штаба въ кампанію 1828 года.

Конечно, неудачный исходъ кампаніи 1828 г. не зависѣлъ отъ деталей исполненія высшихъ стратегическихъ соображеній, въ которыхъ могли бы обнаружиться недостатки генеральнаго штаба. Жалобъ на незнаніе офицерами генеральнаго штаба своего дѣла при исполненіи этихъ деталей не встрѣчается вовсе. Зато встрѣчаются нареканія на недостаточное ихъ число при войскахъ, не взирая на наличность большого ихъ числа на театрѣ военныхъ дѣйствій. Конечно, это объясняется отчасти большимъ числомъ больныхъ въ генеральномъ штабѣ вслѣдствіе тяжелой службы на передовыхъ постахъ, въ разъѣздахъ и на рекогносцировкахъ [1]), но это не единственная причина указанныхъ нареканій; была и другая причина: не вполнѣ цѣлесообразное распредѣленіе офицеровъ генеральнаго штаба; слишкомъ много ихъ находилось въ большихъ штабахъ, вслѣдствіе чего слишкомъ мало оставалось для войскъ [2]).

Обсужденіе условій кампаніи 1829 года. Оборонительный планъ Императора Николая I.

По возвращеніи Императора Николая I изъ Варны въ Петербургъ, Государь приступилъ, въ перепискѣ съ Дибичемъ, къ обсужденію условій будущей кампаніи противъ турокъ. Предполагалось не переходить Балканы [3]), удержать за собою то, что было покорено, и овладѣть тѣми пунктами, которые еще не находились въ нашей власти. Вторая кампанія должна была привести къ постепенному занятію линіи Дуная [4]). Этотъ планъ долженъ былъ доказать «всему міру, что мы продолжаемъ дѣло не какъ завоеватели, но какъ подобаетъ благоразумнымъ и осторожнымъ людямъ, преслѣдующимъ планъ, который не можетъ привести насъ къ большимъ результатамъ». Для исполненія подобной роли Витгенштейнъ признавался вполнѣ способнымъ; предполагалось его оставить [5]).

Отношеніе къ дѣлу Дибича.

Дибичъ, еще въ 1821 году считавшій, что слѣдуетъ рѣшительно наступать за Балканы, одобрялъ всѣ предположенія относительно овладѣнія линіею Дуная и предлагалъ только сначала овладѣть Шумлою, а затѣмъ уже дунайскими крѣпостями:

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ подобныхъ случаяхъ большіе штабы должны заботиться не о заполненіи своихъ штатовъ, а о равномѣрномъ распредѣленіи офицеровъ генеральнаго штаба между ними и войсками.

[3]) «Здравый смыслъ и благоразуміе настоятельно требуютъ оставить всякую о томъ мысль».

[4]) Какъ это уже и примѣнялось на дѣлѣ въ войну 1806—1812 г.г.

[5]) Письмо Императора Дибичу отъ 10 ноября 1828 года.

«Это вполнѣ оборонительное и даже въ нѣкоторой степени отступательное движеніе главныхъ силъ выказало бы самымъ очевиднымъ образомъ наши миролюбивыя намѣренія и принятую систему дѣйствій» [1]).

Такимъ образомъ, убѣдившись, что наступательныя предпріятія не угодны Государю, онъ не нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы откровенно доложить свой взглядъ. Государь не получилъ искренняго отвѣта отъ своего ближайшаго докладчика, которому безусловно довѣрялъ и который былъ обязанъ докладывать Государю только правду [2]).

Записка генералъ-адъютанта Васильчикова.

Между тѣмъ генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ [3]) представилъ Государю записку подъ заглавіемъ «Aperçu sur la campagne de l'année 1828» [4]), въ которой говорилъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Кампанія... не рѣшила вопроса о мирѣ и открыла обширное поле интригамъ кабинетовъ. Поэтому слѣдуетъ готовиться къ новой войнѣ, пользуясь пріобрѣтеннымъ опытомъ и остерегаясь впасть въ тѣ же ошибки, которыя воспрепятствовали намъ въ достиженіи болѣе положительныхъ результатовъ. Цѣль этого обзора заключается въ изслѣдованіи причинъ, которыя вызвали неудачный исходъ кампаніи, и въ указаніи средствъ, могущихъ обезпечить успѣхъ похода... Я не имѣю намѣренія представить плана военныхъ дѣйствій и еще менѣе принять на себя роль строгаго критика. Я хочу только высказать моему Государю тѣ замѣчанія, которыя мнѣ удалось сдѣлать. Оканчивая свою военную карьеру, одержимый недугами, я не могу быть обвиненъ въ честолюбивыхъ замыслахъ или въ интригѣ. Я буду вполнѣ счастливъ, если хоть одна мысль, заключающаяся въ семъ обзорѣ, будетъ признана полезною и послужитъ къ славѣ моего Государя.

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 25 ноября 1828 г. изъ Яссъ. Епанчинъ, II, 15.

[2]) Такимъ образомъ Дибичъ свое личное благополучіе ставилъ выше блага Государя и Россіи: опасаясь потерять расположеніе Государя, онъ не рѣшался доложить Ему истину.

[3]) Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ (1777—1847); въ 1792 г. унтеръ-офицеръ л. гв. Коннаго полка; въ 1793 г. корнетъ; въ 1801 г. генералъ-маіоръ и генералъ-адъютантъ; въ 1803 г. командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка; участвовалъ въ кампаніяхъ 1807, 1812, 1813 и 1814 г.г.; подъ Бородинымъ раненъ и за это сраженіе произведенъ въ генералъ-лейтенанты; подъ Бауценомъ, при Кайзерсвальдѣ раненъ вторично; за сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени; въ 1817 г. командиръ гвардейскаго корпуса; въ 1823 году членъ государственнаго совѣта; въ 1831 году графъ; въ 1839 г. князь. О службѣ въ свитѣ см. С. В. М., II. Г. К. (царств. Имп. Александра I), алф. указ. II.

[4]) «Обзоръ кампаніи 1828 года». В. У. А. № 4445, 1, отд. 2. Епанчинъ, II, 17.

Причины неудачнаго исхода этой кампаніи не слѣдуетъ искать ни въ дурно избранной операціонной линіи, ни въ стратегическихъ или тактическихъ ошибкахъ, наконецъ, ни въ превосходствѣ и искусствѣ непріятеля: легко узнать ихъ въ ошибочныхъ расчетахъ относительно численности войскъ, которыя должны были быть введены въ дѣло, и *въ невѣрныхъ свѣдѣніяхъ*, которыя имѣлись о *наступательныхъ средствахъ султана и относительно духа, воодушевляющаго его войска; пренебрегли своимъ противникомъ*; къ несчастью, *возмечтали о тріумфальномъ шествіи до Константинополя и не обращали вниманія на безчисленныя затрудненія, представляемыя этой войной* [1]). Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на силы, съ которыми заставляли шествовать Русскаго Императора для покоренія Оттоманской имперіи; при этомъ окажется, что эта армія Ксеркса, какъ называли ее иностранные дипломаты въ С.-Петербургѣ, заключала въ себѣ едва 90,000 человѣкъ. Этими силами предполагали занять Молдавію и Валахію, блокировать дунайскія крѣпости, произвести осаду Браилова и двинуться противъ Варны и Шумлы; очевидно, что надежда одержать успѣхъ столь незначительными силами была основана только на убѣжденіи, что дунайскія крѣпости падутъ при нашемъ приближеніи, и что Шумла представляетъ собою открытую позицію, какъ это говорили лица, утверждавшія, что изслѣдовали ее [2]).

Пытались объяснить результаты этой кампаніи занятіемъ Малой Валахіи и осадою Браилова; но признавая даже въ этихъ дѣйствіяхъ ошибку (хотя я очень далекъ отъ того, чтобы съ этимъ согласиться), оно нисколько не измѣняетъ моего разсужденія. Дѣйствительно, мы имѣли въ Малой Валахіи 6,000 человѣкъ, а корпусъ Воинова не превышалъ 25,000 человѣкъ; измѣняя осаду Браилова въ блокаду, нельзя было употребить для этой цѣли менѣе 10,000 человѣкъ, ибо этотъ пунктъ былъ слишкомъ близокъ къ нашимъ сообщеніямъ; но паденіе Браилова повлекло за собою сдачу Гирсова, Мачина, Тульчи и Кюстенджи, а въ противномъ случаѣ всѣ эти пункты продолжали бы сопротивленіе и заняли бы, по крайней мѣрѣ, четыре бригады; гдѣ же здѣсь избытокъ силъ, которыхъ мы лишились, осаждая Браиловъ?.. Едва началась кампанія, какъ опытные военные люди предвидѣли уже въ лагерѣ при Карасу, что она не увѣнчается успѣхомъ; вмѣсто 100,000 человѣкъ... къ удивленію насчитывалось едва только 18,000; пять недѣль самаго драгоцѣннаго времени употреблены были на сосредоточеніе разсѣянныхъ корпусовъ, а для ускоренія сбора 50,000 человѣкъ были вынуждены дозволить гарнизонамъ дунайскихъ крѣпостей свободный выходъ, несмотря на то, что ими усиливались войска, съ которыми предстояло еще сразиться. Безъ сомнѣнія, сосредоточеніе столь слабыхъ средствъ можетъ быть только объяснено ошибочными свѣдѣніями относительно мѣстныхъ обстоятельствъ и силы сопротивленія, на которое слѣдовало намъ разсчитывать. Но развѣ въ этомъ можно было ошибиться? Развѣ можно было не знать, что хотя легко побѣждать турокъ въ открытомъ полѣ, но за своими ретраншаментами и стѣнами они защищаются такъ же хорошо, какъ и любое войско? Развѣ можно было не знать, что, подвигаясь къ Варнѣ и Шумлѣ, при-

---

[1]) Курсивъ составителя очерка.

[2]) О сборѣ свѣдѣній о турецкихъ крѣпостяхъ см. у Епанчина, I, 138—154. О Шумлѣ сверхъ того см. тамъ же, 366 и 367.

дется вступить въ пересѣченную и гористую мѣстность и, независимо отъ войскъ, имѣть дѣло съ вооруженнымъ и фанатическимъ населеніемъ? Развѣ можно было, наконецъ, не знать силы Шумлинской позиціи и воображать, что достаточно будетъ 50,000 чел. въ пересѣченной и трудной мѣстности для нанесенія рѣшительнаго удара? Очевидно, что начальникъ штаба основалъ приготовленія къ этой войнѣ на неточныхъ данныхъ и что онъ отстранилъ всякое обсужденіе съ военными людьми, опытность которыхъ могла бы представить болѣе положительныя свѣдѣнія. Даже геній не можетъ все сдѣлать самъ собою и нѣтъ настолько талантливыхъ людей, которые могли бы обойтись безъ обмѣна мыслей съ другими лицами. Осмѣливаюсь обратить вниманіе Государя на сію истину. Его Императорское Величество не располагаетъ въ своей арміи и въ своихъ совѣтахъ столь превосходнымъ геніемъ, которому одному можно было бы поручить съ полною безопасностью разработку приготовленій ко второй кампаніи, но онъ имѣетъ нѣсколько талантливыхъ людей, опытностью и мнѣніями коихъ нельзя пренебречь; собравъ въ комитетѣ тѣхъ изъ нихъ, качества которыхъ вселяютъ наибольшее довѣріе, и поручивъ имъ въ своемъ присутствіи обсужденіе плана дѣйствій и принятіе мѣръ, обезпечивающихъ успѣхъ его, Государю представилась бы возможность къ всестороннему обсужденію дѣла и къ принятію мнѣнія, соотвѣтствующаго Его намѣреніямъ [1])...

Обзоръ этотъ... имѣетъ только цѣлью выяснить ошибки, сдѣланныя въ приготовленіяхъ къ этой войнѣ, дабы избѣжать ихъ въ предстоящей кампаніи; я начну поэтому съ указанія главнѣйшей ошибки, состоящей въ назначеніи фельдмаршала главнокомандующимъ арміи, когда Императоръ командуетъ ею лично; неизбѣжное при семъ столкновеніе властей не можетъ принести пользы дѣлу; новѣйшая исторія представляетъ намъ не одинъ примѣръ; дѣйствительно, если фельдмаршалъ даровитый и заслуженный, онъ не захочетъ играть роли подобія главнокомандующаго; если же...... выборъ падетъ на неспособнаго человѣка, который позволитъ съ собою все дѣлать, я не вижу пользы отъ его назначенія... Предположимъ даже, что найдутъ достойнаго человѣка, готоваго жертвовать своимъ самолюбіемъ, его начальникъ штаба будетъ находиться въ положеніи столько же ложномъ, какъ и трудномъ; столкновеніе двухъ властей—главнокомандующаго и начальника штаба Его Величества—стѣснитъ и затруднитъ его работу; вынужденный угождать обоимъ, онъ не дерзнетъ исполнить приказаніе главнокомандующаго, не заручившись одобреніемъ начальника штаба Его Величества; онъ будетъ терять время на пустые переговоры; дѣла будутъ накопляться, рѣшенія пострадаютъ отъ слишкомъ большой поспѣшности и слѣдствіемъ всего этого явится безпорядокъ... Итакъ, принимая за исходную точку убѣжденіе, что централизація и единство власти есть одно изъ главнѣйшихъ условій существованія хорошо организованной арміи, я твердо стою на томъ, что если Государь командуетъ лично, главнокомандующій представляется лишнимъ колесомъ, которое только затрудняетъ движеніе машины. Ошибка, на которую я здѣсь указываю, была, смѣю сказать, источникомъ многихъ заблужденій; вмѣсто того, чтобы собрать въ С.-Петербургѣ всѣхъ лицъ, которыя должны были принять участіе въ приготовленіяхъ къ войнѣ и, располагая всѣми необходимыми дан-

---

[1]) Далѣе слѣдуютъ объясненія относительно желательнаго состава комитета.

ными, приступить къ обсужденію и разработкѣ плана, который обнималъ бы всѣ части администраціи, фельдмаршалу предоставили, изъ предупредительности къ нему [1]), устройство продовольственной и административной части арміи; его начальникъ штаба, очень умный, честный и дѣятельный, не имѣлъ достаточной опытности; зная умственное ничтожество своего начальника, онъ опасался взять на себя слишкомъ большую отвѣтственность; отсюда проистекали запросы, переписка и даже недоразумѣнія [2])......

Эти неслыханныя ошибки доказываютъ не только полную несвязность и отсутствіе плана, съ которыми производили приготовленія къ войнѣ, но выставляютъ также въ полномъ свѣтѣ неспособность лицъ административнаго состава арміи. Если начальникъ штаба не имѣлъ должной опытности, то генералъ-квартирмейстеръ [3]) лишенъ былъ послѣдней въ еще большей степени, не обладая къ тому же дѣятельностью и взглядомъ [4]). Дежурный генералъ [5]) былъ ниже всякой посредственности, безпорядочный, не дѣятельный, при отсутствіи малѣйшей предусмотрительности; генералъ-интендантъ [6]) далеко не обладалъ всѣми необходимыми качествами для столь важнаго поста,—неучъ, неспособный обнять обширныхъ комбинацій, непредусмотрительный, безъ малѣйшаго знакомства съ военнымъ дѣломъ. Вотъ на комъ держалась администрація арміи, предводительствуемой лично Государемъ.

Но кого же назначить, скажутъ мнѣ?.. Вотъ къ чему я желалъ придти, чтобы обратить вниманіе на существованіе руководящаго начала, пользу коего я не признаю. Ничего не можетъ быть справедливѣе, какъ поставить генерала во главѣ войскъ, которыми онъ командовалъ въ мирное время, если только его считаютъ способнымъ; но если этотъ генералъ достигъ высшихъ чиновъ только благодаря старшинству и слишкомъ частымъ производствамъ, если онъ безъ образованія и способностей, если, наконецъ, онъ годенъ только обучать войска, но не водить ихъ въ бой, то руководство подобнымъ началомъ можетъ послужить источникомъ многихъ бѣдствій [7])... Существованію указаннаго мною руководящаго начала при производствѣ слѣдуетъ приписать образованіе столь страннаго штаба; не желали никого перемѣстить и вмѣсто того, чтобы окружить Государя людьми, опытность и дарованія которыхъ служили бы ручательствомъ къ поддержанію Его славы, предпочли предоставить эту заботу неопытнымъ рукамъ, не имѣющимъ въ прошедшемъ никакихъ заслугъ. Отчего не вызвали Толя въ С.-Петербургъ и не дали ему мѣста, занимаемаго Киселевымъ, который командовалъ бы хорошо дивизіею и не могъ бы обижаться, что его замѣнили генераломъ Толемъ [8])?.. Итакъ, собраніе лицъ съ такими ничтожными способностями вызвано было не отсут-

---

[1]) Предоставить то предоставили, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ его связали, что и «предупредительность» не могла этого возмѣстить.

[2]) Далѣе слѣдуютъ поясненія ошибокъ.

[3]) Князь Горчаковъ (замѣненный вскорѣ ген.-маіоромъ Бергомъ).

[4]) Военнымъ взглядомъ?

[5]) Генералъ-маіоръ Байковъ.

[6]) Мельгуновъ.

[7]) Далѣе слѣдуютъ весьма вѣрныя соображенія относительно вреда, приносимаго производствомъ по старшинству.

[8]) Толь былъ старше Дибича и могъ быть его соперникомъ.

ствіемъ людей, но вслѣдствіе примѣненія къ дѣлу начала, противъ котораго я только что ратовалъ [1])...

Всѣ заблужденія, на которыя я только что указалъ, служатъ къ подтвержденію начала, признаваемаго мною непреложнымъ, а именно, что на войнѣ, въ виду непріятеля, главнокомандующій долженъ руководствоваться исключительно собственными соображеніями, но, занимаясь подготовленіемъ кампаніи, нельзя достаточно окружить себя людьми опытными и способными. Поэтому я продолжаю настаивать на убѣжденіи, что для упроченія успѣха предстоящей кампаніи необходимо, чтобы Государь, не теряя времени, призвалъ къ себѣ лицъ, извѣстныхъ ему своими свѣдѣніями и опытностью; пусть поручитъ имъ, въ своемъ присутствіи, обсужденіе плана кампаніи, равно какъ принятіе мѣръ къ обезпеченію успѣха, предоставивъ въ ихъ распоряженіе всѣ необходимыя данныя и пусть находятся въ С.-Петербургѣ всѣ лица, которымъ предстоитъ содѣйствовать административному исполненію плана, подлежащаго утвержденію, для полученія инструкцій.

Я не могу достаточно повторить: война съ Турціей есть война чисто административнаго характера [2]); Государь занятъ другими, болѣе важными предметами, и не можетъ никакъ вникать въ мелочныя подробности, связанныя съ приготовленіями къ кампаніи; начальникъ главнаго штаба Его Величества слишкомъ обремененъ дѣлами, чтобы одному справиться съ этою задачею. Отсюда слѣдуетъ, что онъ долженъ быть окруженъ людьми способными, могущими помочь ему въ столь сложномъ предпріятіи. Я признаю эту мѣру тѣмъ болѣе умѣстною, что политическій горизонтъ далеко не ясенъ, и зима можетъ надѣлить насъ не однимъ врагомъ; обстоятельства потребуютъ, можетъ быть, развитія большихъ силъ, и время дорого. Поэтому крайне необходимо принять самыя дѣйствительныя мѣры, чтобы будущая кампанія могла быть открыта въ первыхъ числахъ апрѣля и чтобы задержки и безпорядки, съ которыми сопровождалось формированіе резервовъ графа Витта, не могли бы повториться. Въ противномъ случаѣ, наилучшія военныя соображенія будутъ имѣть только плачевныя послѣдствія» [3]).

Выводы изъ записки ген.-адъют. Васильчикова. Вліяніе ея на перемѣну плана кампаніи.

Итакъ, въ кампанію 1828 года, собственно офицеры генеральнаго штаба внѣ упрековъ. Нельзя сказать того же о главномъ начальникѣ генеральнаго штаба, Дибичѣ: онъ не далъ дѣлу подготовки къ войнѣ надлежащаго направленія, а что всего хуже не докладывалъ Императору всего того, что долженъ былъ докладывать, вслѣдствіе чего главнымъ образомъ и произошли ошибки, указанныя Васильчиковымъ. Понималъ ли все это Дибичъ до кампаніи, или нѣтъ, въ обоихъ случаяхъ исторія едва ли сниметъ съ него отвѣтственность [4]).

---

[1]) Далѣе Васильчиковъ снова указываетъ допущенныя въ 1828 году «заблужденія».

[2]) Точнѣе, это была такая война, на которой значеніе военно-административнаго элемента было преобладающимъ.

[3]) Тамъ же, II, 17—23.

[4]) Если понималъ съ самаго начала, то трудно подыскать слова для опредѣленія степени его виновности; если уразумѣлъ съ теченіемъ времени, то долженъ былъ доложить безотлагательно.

Императоръ вѣроятно придалъ бы должное значеніе правильному докладу Дибича. Это можно допустить въ виду того, что онъ оцѣнилъ по достоинству откровенное слово генералъ-адъютанта Васильчикова и воспользовался его совѣтами, что привело къ коренной перемѣнѣ плана кампаніи.

Засѣданіе Комитета 19-го ноября 1828 г. Наступательный планъ кампаніи 1829 года.

19-го ноября 1828 года, въ Петербургѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, собрался Комитетъ, въ которомъ приняли участіе: графъ В. П. Кочубей [1]) и генералъ-адъютанты Чернышевъ, Толь и Васильчиковъ.

Въ этомъ «историческомъ засѣданіи» рѣшено было, взамѣнъ оборонительной войны на Дунаѣ, предпринять Забалканскій походъ и установлены были общія черты предположенной новой кампаніи: дѣйствія нашихъ войскъ должны были заключаться во взятіи Силистріи и Шумлы, въ переходѣ черезъ Балканы, въ занятіи Бургаса, Айдоса и Карнабата, и только, въ случаѣ, если бы турки и тогда не согласились на наши требованія — въ движеніи къ Константинополю [2]).

Назначеніе Дибича главнокомандующимъ 2-ю арміею.

9-го февраля 1829 года графъ Витгенштейнъ былъ уволенъ отъ должности главнокомандующаго 2-ою арміею «по совершенно разстроенному турками прошедшаго похода здоровью», а на его мѣсто назначенъ генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ. Это назначеніе нельзя не признать соотвѣтственнымъ, такъ какъ онъ пользовался довѣріемъ Государя, былъ близко знакомъ съ событіями прошлаго года и еще съ начала двадцатыхъ годовъ занимался изученіемъ соображеній о военныхъ дѣйствіяхъ въ Европейской Турціи.

Вопросъ о выборѣ начальника штаба арміи.

Выборъ начальника штаба не обошелся безъ затрудненій, такъ какъ Дибичъ высказывался въ пользу упраздненія этой должности. Въ запискѣ, представленной Государю [3]) 10-го декабря 1828 года, онъ указывалъ на излишне увеличившееся значеніе должности на-

---

[1]) Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей (1768 + 1834), позже князь, государственный канцлеръ.

[2]) См. записку, составленную гр. Чернышевымъ 26-го ноября 1828 г. подъ заглавіемъ: Mémoire sur les discussions du 19 Novembre 1828. В. У. А., № 4445. Епанчинъ, II, 23—30.

[3]) Изъ Яссъ.

чальника штаба, какъ на одну изъ причинъ неудачъ кампаніи 1828 года [1]), при чемъ пояснялъ:

«Хотя пользу сей должности [2]) не могу оспаривать, но не менѣе того считаю заведеніе штабовъ вообще болѣе вреднымъ, по легко рождающемуся черезъ нихъ злу—дать какому-либо подчиненному довѣренность иногда превыше начальника. Сіе приведетъ легко къ пагубной для службы привычкѣ принимать не только отъ начальниковъ штабовъ, но иногда и отъ другихъ умныхъ подчиненныхъ неявное донесеніе противъ начальника; ибо по несчастью умъ человѣческій находитъ ошибки другихъ всегда скорѣе, хотя не всегда самъ сдѣлаетъ лучше; а между тѣмъ острый глазъ подчиненныхъ, примѣтя уменьшеніе довѣренности противъ начальника, отнимаетъ у него всю нравственную силу» [3]).

Во избѣжаніе этого, Дибичъ предлагалъ упразднить должность начальника штаба съ тѣмъ, чтобы его права и обязанности по части исполнительной и распорядительной раздѣлялись по прежнему между дежурнымъ генераломъ и генералъ-квартирмейстеромъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ послѣдняго, отчего всѣ дѣла должны выиграть въ скорости и силѣ. Если же должность начальника штаба не можетъ быть упразднена, то, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы установить, какъ правила:

а) «Чтобы выборъ начальника штаба зависѣлъ отъ самого начальника, коему было бы предоставлено право и выбрать другого, обращая начальника штаба къ строевымъ должностямъ; б) чтобы непремѣнно всѣ сношенія были отъ лица главнокомандующаго, а не именемъ начальника штаба и в) положить общимъ и твердымъ правиломъ, чтобы никому изъ лицъ арміи не давать прямыхъ Высочайшихъ повелѣній, а еще менѣе доносить отъ сихъ лицъ прямо Государю Императору, исключая только тѣхъ частей войскъ, кои вовсе отдѣлены отъ арміи» [4]).

Дибичъ стремился главнымъ образомъ къ тому, чтобы обезпечить въ арміи единство власти въ своихъ рукахъ, какъ главнокомандующаго. Этого можно было достичь и безъ упраздненія должности начальника штаба; нужно было только не нарушать установленнаго закономъ порядка. Виноватъ былъ въ 1828 году вовсе не начальникъ штаба 2-й арміи, а болѣе другихъ самъ Дибичъ. Признать это ему могло казаться неудобнымъ; поэтому онъ и обратился къ указанному косвенному способу выясненія вреда, происходящаго отъ умаленія власти главнокомандующаго.

---

[1]) Къ этому указанію лучше всего примѣнить нижеприведенныя слова самого Дибича: «Умъ человѣческій находитъ ошибки другихъ всегда скорѣе, хотя не всегда самъ сдѣлаетъ лучше».

[2]) Начальника штаба арміи.

[3]) Зло подмѣчено Дибичемъ вѣрно, но нужно же было сказать, отъ кого зависитъ его устраненіе и какъ оно должно быть устраняемо.

[4]) Глиноецкій, II, 35 (со ссылкою на архивъ канц. военнаго министерства), 1828 г., № 405.

Назначеніе Толя начальникомъ штаба арміи. Отношенія между Дибичемъ и Толемъ.

Несмотря на вышеприведенный взглядъ на должность начальника штаба, Дибичъ, соглашаясь съ желаніемъ Государя, принялъ на эту должность своего бывшаго соперника по службѣ въ генеральномъ штабѣ, генералъ-адъютанта Толя, который былъ старше Дибича и лѣтами, и службою [1]), имѣлъ въ своемъ прошломъ много славныхъ воспоминаній и боевой практики, могъ самъ быть кандидатомъ на должность главнокомандующаго и, тѣмъ не менѣе, съ замѣчательнымъ самопожертвованіемъ, принялъ должность начальника штаба 2-й арміи и на первыхъ же порахъ сталъ въ отношенія полной подчиненности къ Дибичу. Дибичъ, въ свою очередь, за все время кампаніи не могъ нахвалиться Толемъ и исходатайствовалъ ему самъ графское достоинство [2]) и орденъ Св. Георгія 2-й степени [3]). Ходатайствуя о послѣдней наградѣ, Дибичъ писалъ, что Толь «былъ всегда и вездѣ его первымъ помощникомъ и лучшимъ другомъ, который, принеся свое самолюбіе въ жертву долгу службы, выполнилъ ее самымъ благороднымъ образомъ» [4]). О замѣчательномъ согласіи между Дибичемъ и Толемъ свидѣтельствуетъ и генералъ-маіоръ Бергъ, который (6/18 мая 1829 г.) пишетъ нижеслѣдующее:

«Генералъ Дибичъ, будучи самымъ честнымъ, благороднымъ, безкорыстнымъ человѣкомъ, такъ отлично распредѣлилъ обязанности, что онъ самъ вполнѣ начальствуетъ и ничто не дѣлается безъ его вѣдома, но зато всю заботу о мелочахъ онъ предоставилъ начальнику штаба, нисколько уже ими не безпокоясь. Взамѣнъ того, генералъ Толь столь добросовѣстно и буквально исполняетъ волю главнокомандующаго, что этимъ самымъ подаетъ всѣмъ прекрасный примѣръ подчиненности, тѣмъ болѣе важный, что въ арміи онъ состоитъ старшимъ послѣ графа Дибича генераломъ [5]).

Генералъ-квартирмейстеры Бутурлинъ и (вторично) Бергъ.

Генералъ-квартирмейстеромъ, по ходатайству Толя, былъ назначенъ изъ 1-й арміи генералъ-маіоръ Д. П. Бутурлинъ [6]), явив-

---

[1]) См. о немъ С. В. М., Г. Ш., 1, 2, 1, стр. 333—335, 348 и 377.

[2]) За Кулевчу.

[3]) По заключеніи Адріанопольскаго трактата.

[4]) Глиноецкій, II, 36. Генералъ-адъютантъ Киселевъ былъ назначенъ командующимъ 4-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ. Епанчинъ, II, 81 и 82.

[5]) Письма Ф. Ф. Берга барону Е. Ф. Мейендорфу. Глиноецкій, II, 36.

[6]) Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (1790 + 1846), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ военныхъ писателей (писалъ, впрочемъ, по-французски); служилъ въ Ахтырскомъ и Кавалергардскомъ полкахъ и въ свитѣ по квартирмейстерской части; участвовалъ въ походахъ 1809, 1812,

шійся въ Яссы только въ концѣ марта, тогда какъ главнокомандующій прибылъ туда же въ серединѣ февраля, и вступившій въ должность лишь за два дня до выступленія главной квартиры изъ Яссъ. Такимъ образомъ весь трудъ по начатію новой кампаніи и по приведенію арміи въ движеніе выпалъ на долю генерала Берга, которому пришлось работать вмѣстѣ съ Толемъ и близко съ нимъ сойтись [1]). Генералъ-маіоръ Бутурлинъ недолго оставался въ должности генералъ-квартирмейстера; непривычный къ боевой жизни [2]), онъ не могъ ужиться съ живою, боевою личностью Толя; разстроенное здоровье не позволяло ему даже ѣздить верхомъ, такъ что въ день сраженія при Кулевчѣ онъ не былъ вовсе въ огнѣ, а послѣ сраженія самъ просилъ объ увольненіи отъ должности [3]). На его мѣсто, опять-таки по ходатайству Толя, снова былъ назначенъ Бергъ, въ уваженіе «необыкновенной дѣятельности, образцоваго усердія и замѣчательной храбрости, выказываемыхъ имъ при всякомъ случаѣ» [4]). Въ этой должности онъ и оставался до конца войны.

ОЦѢНКА ОРГАНИЗАЦІИ ВЕРХА АРМІИ.

Удаченъ былъ выборъ и дежурнаго генерала, В. А. Обручева [5]). Такимъ образомъ организація верха арміи могла выдержать самую строгую критику, т.-е. урокъ кампаніи 1828 года не пропалъ даромъ.

СТЕПЕНЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ, ПРЕДОСТАВЛЕННОЙ ДИБИЧУ.

Хотя со стороны Государя и послѣдовало ограниченіе силы арміи размѣрами, кои Дибичъ признавалъ недостаточными [6]), но затѣмъ [7])

1813 и 1814 г.г. (и въ 1823 году съ французской арміею въ Испаніи). См. о немъ С. В. М., Г. Ш., 1, 2, 1, стр. 391; С. В. М., И. Г. К. (царств. Имп. Александра I), алфав. указ. II; Глиноецкій II, 36—37 и Епанчинъ, II.

[1]) За это Бергу было исходатайствовано сохраненіе генералъ-квартирмейстерскаго содержанія; затѣмъ онъ былъ назначенъ въ помощь генералу Красовскому для завѣдыванія осадными работами подъ Силистріей.

[2]) По мнѣнію Берга онъ былъ лишенъ военнаго взгляда, чрезвычайно самолюбивъ и надмененъ.

[3]) Дибичъ исходатайствовалъ ему назначеніе въ сенатъ.

[4]) Письма Дибича Императору Николаю I. Глиноецкій, II, 37.

[5]) Владиміръ Афанасьевичъ Обручевъ; въ 1808—1813 г.г. служилъ въ инженерномъ корпусѣ; въ 1813—1816 г.г. былъ адъютантомъ Дибича; въ 1817—1823 г.г. командовалъ Нарвскимъ полкомъ; съ 1823 г. въ свитѣ по квартирмейстерской части (въ виду назначенія нач. штаба II пѣх. корпуса, Пр. К. Ч., 1823 г., 28 сентября № 190). Глиноецкій, II, 38, 269 и 270. По занятіи Адріанополя, вслѣдствіе его болѣзни, его смѣнилъ ген.-маіоръ Михайловскій-Данилевскій. Епанчинъ, II, 94.

[6]) Тамъ же, 46—48 (и письмо Дибича отъ 24 марта 1829 г.).

[7]) Въ концѣ мая и послѣ сраженія при Кулевчѣ.

и эти силы были увеличены; вообще же Дибичу была предоставлена достаточная самостоятельность, которою онъ и воспользовался съ несомнѣннымъ искусствомъ.

Понятіе о кампаніи 1829 года.

Когда визирь двинулся противъ Рота [1]), Дибичъ взялъ съ собою изъ-подъ Силистріи [2]) около 18,000 человѣкъ, двинулся противъ визиря, сосредоточилъ около 30,000 человѣкъ и разбилъ турокъ въ сраженіи при Кулевчѣ 30-го мая, въ первой половинѣ іюля перешелъ черезъ Балканы и 8-го августа вступилъ съ главными силами арміи въ Адріанополь, гдѣ 2-го сентября былъ подписанъ мирный трактатъ, закончившій эту войну [3]).

Политика, высшая военная администрація и стратегическое искусство въ войну 1828—1829 годовъ.

Если результаты этой войны не соотвѣтствовали нашимъ усиліямъ, расходамъ и потерямъ, то это приходится объяснить прежде всего чрезвычайно неблагопріятными политическими условіями. Участіе Россіи въ Священномъ союзѣ и заботы ея о поддержаніи должнаго благополучія во всей Европѣ вообще лишали ее возможности поставить стратегическому искусству такую цѣль, которая могла бы считаться соотвѣтствующею ея интересамъ въ широкомъ смыслѣ. Отсюда стремленіе дѣйствовать, «не какъ завоеватели», но «какъ подобаетъ благоразумнымъ и осторожнымъ людямъ, преслѣдующимъ планъ, который не можетъ насъ привести къ большимъ результатамъ». Отсюда же стремленіе обойтись возможно меньшимъ числомъ войскъ, которое являлось слѣдствіемъ также и финансовыхъ соображеній, побуждавшихъ высшую военную администрацію уменьшить, во что бы ни стало, расходы.

Отсюда же скованное состояніе стратегіи въ 1828 году со всѣми его послѣдствіями, усугубляемыми еще неправильною организаціею верха арміи и неизбѣжными во всякой кампаніи ошибками.

Въ 1829 году создались сносныя условія, какъ въ отношеніи объединенія власти въ рукахъ главнокомандующаго и соотвѣтственной организаціи верха арміи, такъ и въ отношеніи силъ и средствъ, находившихся въ рукахъ полководца, и ходъ операцій принялъ совершенно иной характеръ. Рѣдко въ распоряженіи главнокомандующаго,

---

[1]) Епанчинъ, II, 170 и 171.

[2]) Изъ 44,500, а считая лишь строевыхъ, изъ 39,500 человѣкъ; подъ Силистріею оставлено около 21,500 человѣкъ. Тамъ же, 172.

[3]) Епанчинъ, II и III.

въ рѣшительный моментъ кампаніи, находилось такъ мало силъ, какъ въ августѣ 1829 года, и, тѣмъ не менѣе, противникъ былъ вынужденъ просить мира и согласиться на принятіе условій, предписанныхъ побѣдителемъ, что свидѣтельствуетъ о проявленіи Дибичемъ несомнѣннаго искусства [1]).

Какъ повліялъ генеральный штабъ на веденіе операцій?

Это лучше всего доказываетъ, что не генеральный штабъ былъ причиною неудачи въ кампанію 1828 года. Во всякомъ случаѣ, генеральный штабъ повліялъ не мало на успѣшное веденіе операцій въ 1829 году.

Число офицеровъ генеральнаго штаба при арміи и распредѣленіе ихъ въ 1829 году.

Увеличеніе числа срочныхъ донесеній и его послѣдствія.

Зимою 1828—1829 г.г. числительность офицеровъ генеральнаго штаба при 2-й арміи значительно уменьшилась вслѣдствіе болѣзней и откомандированій, но къ веснѣ 1829 года новыя назначенія пополнили этотъ недостатокъ, такъ что къ началу движенія арміи съ зимнихъ квартиръ [2]) всего находилось: генераловъ — 8, штабъ и оберъ-офицеровъ—105 [3]) и причисленныхъ: строевыхъ офицеровъ — 9, изъ польскаго генеральнаго штаба — 3 и изъ польскихъ войскъ — 4, а всего 129, изъ коихъ при главной квартирѣ—64 и при войскахъ—65.

Передъ началомъ похода, считая съ нестроевыми, парками и т. д., въ арміи состояло около 145,000 человѣкъ; боевая сила арміи едва ли многимъ превышала половину этого числа [4]). Не взирая на это, офицеровъ генеральнаго штаба при войскахъ было недостаточно: для службы при 12-ти пѣхотныхъ и 6-ти кавалерійскихъ дивизіяхъ требовалось 36 [5]), при чемъ на 4 корпусныхъ штаба оставалось 20 офицеровъ [6]). Между тѣмъ Толь увеличилъ число срочныхъ донесеній [7]); установлены правильныя семидневныя, полумѣсячныя и

---

[1]) Правда, и побѣдитель долженъ былъ быть умѣреннымъ, но на это вліяли политическія условія.

[2]) 1-го апрѣля.

[3]) Около половины всего числа офицеровъ русскаго генеральнаго штаба того времени.

[4]) Епанчинъ, II, 108 и 109.

[5]) Считая по 2 на дивизію.

[6]) Всего при войскахъ состояло: 1 генералъ, 9 штабъ и 46 оберъ-офицеровъ.

[7]) Еще ранѣе Дибичъ предписалъ Киселеву «отправлять въ С.-Петербургъ еженедѣльно по одному курьеру..... Съ сими курьерами кромѣ прочихъ донесеній представлять записки о распоряженіяхъ..... по вопросу объ устройствѣ дѣйствующей арміи». Епанчинъ, II, 71

мѣсячныя донесенія отъ войскъ въ штабъ, а именно: а) семидневныя записки о происходившихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ (историческія), о предположеніяхъ и распоряженіяхъ (распорядительныя) и о приготовленіяхъ и укомплектованіи; б) полумѣсячныя — строевые рапорты и записки о больныхъ и в) мѣсячныя — донесенія о состояніи штабовъ. Кромѣ того во всѣхъ управленіяхъ заведены настольные реестры и велись подробные военно-историческіе журналы, которые слѣдовало представлять съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій [1]).

Все это повліяло на увеличеніе переписки въ войскахъ и на усиленіе канцелярскихъ занятій въ штабахъ.

Особыя порученія. Убыль.

Въ это же время на генеральный штабъ дѣйствующей арміи были возложены и нѣкоторыя особыя обязанности: а) съ декабря 1828 года, въ вѣдѣніе генералъ-квартирмейстера этой арміи переданы всѣ военныя сообщенія въ княжествахъ и за Дунаемъ (до 1,770 — 1780 верстъ); б) прикомандированный къ генеральному штабу поручикъ [2]) И. И. Бутурлинъ обучался у лейтенанта флота Шипунова употребленію оптическаго телеграфа; в) другой прикомандированный, поручикъ [3]) Бларамбергъ, былъ отправленъ въ Одессу для приготовленія прессованнаго сѣна [4]) и т. п.

Подобныя порученія отвлекали офицеровъ генеральнаго штаба отъ ихъ прямыхъ обязанностей и уменьшали число находившихся при войскахъ. Къ тому же и убыль была значительна прежде всего вслѣдствіе сильной болѣзненности; почти постоянно 10—15% наличнаго числа числилось больными [5]); имѣлись также убитые [6]) и умершіе отъ ранъ, не говоря уже объ остальныхъ раненыхъ [7]).

---

[1]) Приказъ начальника штаба II арміи 4 марта 1829 г. № 8. Глиноецкій, II, 39.

[2]) Арханг. пѣх. полка. Переведенъ въ генер. штабъ въ 1830 г.

[3]) Инженеръ путей сообщенія. Переведенъ въ генеральный штабъ въ 1830 году.

[4]) Глиноецкій, II, 39.

[5]) Въ 1828 и 1829 г.г. въ Турціи умерло отъ болѣзней 30 офицеровъ генеральнаго штаба. Тамъ же, 40 и 270.

[6]) Убиты: ген.-маіоръ Дурново 1-й, капитанъ Вельяминовъ-Зерновъ, шт.-капитанъ Насакинъ и поручикъ баронъ Корфъ.

[7]) Умерли отъ ранъ: подполк. Лихонинъ и шт.-капитанъ Лопухинъ. Ранены: въ 1828 г., кромѣ кап. Таваста и поруч. Тюфяева, шт.-капит. Бѣлоскурскій и поруч. Розаліонъ-Сошальскій (контуженъ) и въ 1829 году шт.-кап. Дюгамель, пор. Левшинъ и подпор. Искрицкій. Тамъ же, 40—41.

Большое число офицеровъ генеральнаго штаба при главной квартирѣ.

Какъ въ 1828 году главная квартира Витгенштейна, такъ и въ 1829 году главная квартира Дибича была переполнена офицерами генеральнаго штаба, а рядомъ съ этимъ были жалобы на недостатокъ ихъ при войскахъ, какъ напр. подъ Варною, при Гассанъ Ларѣ и въ 1829 г. при Эски-Арнаутларѣ, гдѣ неимѣніе ихъ для веденія колоннъ привело къ неудовлетворительнымъ результатамъ [1]).

Служба генеральнаго штаба при главной квартирѣ арміи. Диспозиціи на основаніи руководства въ отправленіи службы дивизіоннаго генералъ-штаба.

Во всякомъ случаѣ наибольшаго вниманія заслуживаетъ служба генеральнаго штаба при главной квартирѣ арміи.

При движеніи главныхъ силъ Дибича изъ-подъ Силистріи къ Каургѣ и далѣе противъ визиря, ежедневно отдавались диспозиціи на основаніи правилъ, изложенныхъ въ «Руководствѣ въ отправленіи службы чиновниками дивизіоннаго генералъ-штаба» (изд. 1811 г.) [2]). Въ этомъ руководствѣ было сказано:

«Подъ названіемъ диспозиціи разумѣются повелѣнія, по коимъ часть войскъ перемѣщается или цѣлая армія съ одного мѣста на другое переходитъ. Подробности относительно такихъ повелѣній не могутъ быть ограничены. Часто происходятъ онѣ отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ или случаевъ, требующихъ движеній, коихъ примѣненіе исчислено быть не можетъ. Итакъ, не находя возможнымъ представить всѣ таковыя подробности, предписываются здѣсь только тѣ, кои чаще могутъ или должны быть помѣщаемы въ диспозиціяхъ и коихъ содержаніе по обстоятельствамъ бываетъ слѣдующее.

Содержаніе 20 пунктовъ, которые могли встрѣтиться въ диспозиціяхъ, опредѣлялось слѣдующимъ образомъ: а) по чьему повелѣнію дается приказаніе; б) названіе бригады и отряда, долженствующихъ чинить по оному исполненіе; в) мѣсто, откуда войско сіе должно выступить; г) часъ выступленія; д) мѣсто, куда слѣдовать и гдѣ ожидать новыхъ повелѣній; е) маршрутъ съ означеніемъ всѣхъ ночлеговъ; ж) мѣста, въ которыхъ во время перехода можно получать продовольствіе; з) приказаніе идти въ устройствѣ, наблюдать порядокъ и дисциплину; и) повелѣніе имѣть всегда впереди офицера генеральнаго штаба и провіантскаго чиновника для заготовленія квартиръ и продовольствія; і) повелѣніе о смѣнѣ всѣхъ карауловъ, пикетовъ и ординарцевъ того войска, которое обязано исполнить означенное движеніе; к) увѣдомленіе, по которому назначается мѣсто соединенія при первомъ возможномъ случаѣ всѣми отрядами, получившими или не имѣющими на то приказанія; л) если отряжаемое войско расположено недалеко отъ главной квартиры, то чтобы доставляло немедленно требованія, касающіяся до вооруженія, аммуниціи и снабженій; м) приказаніе коменданту или начальнику округа, изъ коего выступаетъ войско, о снабженіи онаго нужными подводами для больныхъ и для поклажи офицерскихъ и солдатскихъ вещей. Сіе разумѣется въ землѣ непріятельской; н) повелѣніе брать надежныхъ проводниковъ; о) подробныя наставленія, нужныя движенію

[1]) Епанчинъ, I, 373—377, II, 191—195. Глиноецкій, II, 41.
[2]) С. В. М., Г. Ш., 1, 2, 1, стр. 272—275.

арміи, корпуса или отряда; п) повелѣніе о взятіи или оставленіи офицеровъ, наряженныхъ въ коммиссіи военныхъ судовъ, и проч.; р) порядокъ, коимъ войска въ колоннѣ слѣдовать обязаны; с) имя начальника колонны; т) повелѣніе о вступленіи въ города и деревни въ надлежащемъ порядкѣ и со всѣми военными осторожностями и у) приказаніе назначать при каждой вечерней зарѣ сборное мѣсто и ордеръ де баталь на случай тревоги въ ночное время» [1]).

Диспозиціи обыкновенно подписывались генералъ-квартирмейстеромъ и утверждались главнокомандующимъ. Въ нихъ нерѣдко не указывалось ни цѣли движенія, ни свѣдѣній о непріятелѣ; не назначались войска, выдѣляемыя въ авангарды и т. п.

Диспозиція 22 мая 1829 г. и ея исполненіе.

Диспозиціею отъ 22-го мая ближайшею цѣлью движенія арміи было поставлено занятіе Каурги, откуда армія могла или двинуться къ Козлуджѣ [2]), или же ударить во флангъ визирю при его движеніи между Шумлою и Козлуджею или Праводами. Скорость движенія назначена около 20-ти верстъ въ день, что нельзя не считать быстрымъ движеніемъ, въ виду дурного состоянія дорогъ и удушливой жары. Приказано было «послѣдніе два марша дѣлать обѣими колоннами со всѣми военными предосторожностями, имѣя впереди себя въ четырехъ или пяти верстахъ авангарды, а на флангахъ боковые патрули» [3]). Непонятно, почему первый переходъ считали возможнымъ сдѣлать безъ мѣръ охраненія. Повидимому, Дибичъ предполагалъ, что начальники колоннъ не примутъ мѣръ охраненія, или же не сумѣютъ ихъ принять.

Въ общемъ, организація этого марша, являвшагося фланговымъ по отношенію къ Рущуку и Разграду, была обдумана и отвѣчала обстановкѣ.

Оріентировка и рѣшеніе Дибича.

Соединившись 26-го мая въ Каургѣ, обѣ колонны продолжали движеніе 27-го къ Козлуджилару и 28-го къ Туркъ-Арнаутлару по такимъ же диспозиціямъ [4]). 27-го и 28-го прибыли въ главную квартиру начальники штабовъ VI и VII корпусовъ [5]) и доложили, что визирь занимаетъ сильную позицію на ровненскомъ и кривненскомъ

---

[1]) Епанчинъ, II, 233—234.
[2]) Диспозиція эта была утверждена Дибичемъ 23 мая. Тамъ же, 229—230.
[3]) Тамъ же, 231.
[4]) Тамъ же, 236—242.
[5]) Генералы Вахтенъ и Деллингсгаузенъ.

плато, которую весьма трудно атаковать съ фронта. Генералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ совѣтовалъ двинуться форсированными маршами къ Шумлѣ и овладѣть этою крѣпостью [1]) посредствомъ нечаяннаго нападенія. Другіе предлагали освободить Праводы отъ блокады. Дибичъ рѣшилъ расположиться между Праводами и Шумлою такъ, чтобы отрѣзать визирю путь къ этой крѣпости и вынудить его принять сраженіе [2]).

Положеніе, созданное исполненіемъ диспозицій 22—29-го мая 1829 года.

На основаніи диспозиціи на 29-е мая, войска наши, въ числѣ около 30,000 человѣкъ, готовились стать въ тылу визиря, на его пути отступленія въ Шумлу; но они были раздѣлены на двѣ части (колонны генераловъ Рота и гр. Палена), по 15,000 чел. въ каждой [3]). Вечеромъ 29-го колонна графа Палена расположилась у Мадарды, а колонна Рота у Тауманъ-Козлуджи; въ то же время генералъ Купреяновъ съ 6,000 чел. оставался у Праводъ. Между тѣмъ около 40,000 турокъ Решида-паши были расположены у Марковчи и 12,000—15,000 Вели-бея въ Шумлѣ. Такимъ образомъ противъ 36,000 русскихъ, развернувшихся въ трехъ группахъ, на 40 верстахъ, находилось 52,000—55,000 турокъ, въ двухъ группахъ, удаленныхъ другъ отъ друга на 25 верстъ. Гр. Паленъ находился въ весьма опасномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что Ротъ былъ удаленъ отъ него слишкомъ на 20 верстъ.

Визирь не пользуется своимъ выгоднымъ положеніемъ. Значеніе инпціативы Рота. Сраженіе при Кулевчѣ.

Визирь не воспользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ, принялъ 30-го мая оборонительное положеніе противъ нашихъ войскъ, сосредоточенныхъ у Мадарды и даже перешелъ въ наступленіе въ обратномъ направленіи, противъ отряда, который преслѣдовалъ его со стороны Праводъ [4]). Между тѣмъ Ротъ, получивъ извѣстіе о движеніи визиря, двинулся, по собственной инпціативѣ, на соединеніе съ колонною Палена и 30-го мая, въ 11 часовъ утра, прибылъ къ Мадардѣ [5]). Дибичъ, опредѣлявшій силы находившагося противъ него противника не болѣе, какъ въ 5,000 чел., рѣшилъ произвести уси-

---

[1]) Гдѣ, по его расчету, оставалось только 6,000 чел. Тамъ же, 243.

[2]) Такое рѣшеніе было имъ принято еще до обсужденія плана дѣйствій (28-го мая въ главной квартирѣ).

[3]) Епанчинъ, II, 248 и 249.

[4]) Тамъ же, 249—259.

[5]) Тамъ же, 260.

ленную развѣдку непріятельскаго расположенія, что и привело къ сраженію при Кулевчѣ. Въ этомъ сраженіи, противъ нашихъ 10,000 чел. [1]), визирь ввелъ въ дѣло около 15,000 человѣкъ [2]) и столько же имѣлъ въ резервѣ, но снова не воспользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ и началъ отступленіе; съ нашей стороны была произведена атака только $^1/_3$ наличной пѣхоты; тѣмъ не менѣе, изъ 40,000 турокъ осталась безпорядочная толпа, разсѣявшаяся въ лѣсу по разнымъ направленіямъ.

Оцѣнка дѣятельности Дибича, Толя, Бутурлина и генеральнаго штаба.

Наши войска одержали блестящую побѣду, имѣвшую «огромные результаты», но, по мнѣнію Д. В. Давыдова, ни Толь, ни Дибичъ не виновны въ ея одержаніи [3]). Конечно, этотъ отзывъ слишкомъ строгъ, но все же и въ немъ есть извѣстная доля правды. Тактическое искусство и съ нашей стороны здѣсь оставляетъ желать лучшаго. Значительная доля отвѣтственности должна быть отнесена на долю генералъ-квартирмейстера Бутурлина, который раннимъ утромъ 30-го мая производилъ развѣдку по дорогѣ въ Чебанкіой (Марашъ), но не нашелъ здѣсь непріятеля [4]). Онъ долженъ былъ его найти и доложить главнокомандующему то, что было необходимо для его оріентировки. Не сумѣвъ исполнить этой своей обязанности, онъ поставилъ самого Дибича въ весьма трудное положеніе. Дибичъ самъ былъ вынужденъ производить развѣдку, чтобы восполнить недостатокъ свѣдѣній; этою развѣдкою онъ кое-что выяснилъ, но этого было также недостаточно.

Отвѣтственность падаетъ и на Толя, и на Дибича, главнымъ образомъ за то, что они такъ долго держали Бутурлина, дѣятельность коего имѣетъ по преимуществу отрицательное значеніе.

Въ стратегическомъ отношеніи Кулевчинская операція, не взирая на нѣкоторыя тѣневыя стороны, представляетъ образецъ, несомнѣнно весьма поучительный въ смыслѣ положительномъ, и если принять въ соображеніе, что и въ этомъ случаѣ игралъ немалую роль Бутурлинъ, котораго приходится, пожалуй, признать непричастнымъ къ этой положительности, то нельзя не остановиться на

---

[1]) За вычетомъ потерь (1,500 чел.) оставалось не болѣе 8,500 чел.
[2]) Епанчинъ, II, 272.
[3]) Тамъ же, 282.
[4]) Епанчинъ, II, 263. Глиноецкій, II, 37.

выводѣ, что дѣятельность всего вообще генеральнаго штаба дѣйствующей арміи въ эту операцію, какъ и вообще въ первый періодъ кампаніи 1829 года, можетъ выдержать даже довольно строгую критику. То, что требовалось высшимъ командованіемъ, этотъ генеральный штабъ дѣлалъ честно, добросовѣстно и умѣло.

Распоряженіе Дибича для перехода черезъ Балканы и его исполненіе.

Для перехода черезъ Балканы Дибичъ сдѣлалъ распоряженіе, названное «общій обзоръ движенія войскъ при предназначенномъ переходѣ черезъ Балканы, какъ войскъ, имѣющихъ слѣдовать за оными, и тѣмъ, кои остаются по сю сторону Балканъ, для наблюденія нашихъ сообщеній». Этотъ «общій обзоръ» былъ изданъ въ видѣ таблицы съ указаніемъ маршрута для слѣдованія войскъ по днямъ съ 30-го іюня по 8-е іюля включительно. 8-го іюля колонны должны были занять: а) лѣвая ген. Рота (17 батал., 16 эск., 2 каз. полка и $^{3}/_{4}$ піон. батальона при 44-хъ орудіяхъ)—Монастыркіой, пройдя въ 7 дней 128—129 верстъ, и б) правая ген.-лейт. Ридигера (14 батал., 3 каз. полка и $^{3}/_{4}$ піон.-бат. при 44-хъ орудіяхъ)—Келелеръ, пройдя въ 6 дней 121 версту [1]).

Едва ли слѣдовало отдавать приказанія на 9 и хотя бы даже на 6 дней впередъ [2]), какъ будто бы непріятеля не было вовсе. Это объясняется тѣмъ, что Дибичъ теперь уже не ожидалъ отъ турокъ серьезнаго сопротивленія. Принимая смѣлое рѣшеніе совершить первый переходъ черезъ Балканы, Дибичъ стремится къ достиженію цѣли, въ общемъ, весьма осторожно; резервъ идетъ за лѣвою колонною; въ Сизополь, кромѣ находившихся тамъ 8 баталіоновъ съ 8 орудіями, должна прибыть 12-я пѣхотная дивизія; фронтъ наступленія при переходѣ черезъ Камчикъ около 30 верстъ, затѣмъ колеблется въ предѣлахъ 10 — 25, а 8-го іюля уменьшается до 15 верстъ, при чемъ резервъ перемѣщается за правую колонну, обезпечивая ея тылъ и правый флангъ отъ возможныхъ покушеній турокъ со стороны Шумлы, въ то время, какъ лѣвая колонна входила въ связь съ флотомъ [3]).

---

[1]) Епанчинъ, III, 17—21.
[2]) Правая колонна выступала изъ-подъ Шумлы на 4 дня позже лѣвой, такъ какъ путь ея наступленія былъ короче.
[3]) Тамъ же, 21—28.

8-го іюля войска приблизились къ тѣмъ мѣстамъ, которыя они должны были занять 6-го іюля, но еще не достигли этихъ мѣстъ [1]). 8-го, 9-го и 10-го іюля отданы были диспозиціи по арміи, изъ коихъ первая давала широкій просторъ инициативѣ колонныхъ начальниковъ [2]), а въ послѣдней рядомъ съ мелочами были и пропуски [3]); по исполненіи этихъ диспозицій переходъ черезъ Балканы могъ считаться совершеннымъ [4]).

Наступленіе къ Адріанополю.

Послѣ перехода черезъ Балканы наша армія распространяется въ долинѣ, пролегающей къ югу отъ этого хребта отъ моря до рѣки Тунджи [5]), а затѣмъ начинается наступленіе къ Адріанополю. Характеръ дѣйствій рѣшительный.

Диспозиціи на 2-е августа и на слѣдующіе дни.

Въ диспозиціи на 2-е августа, отданной въ Сливнѣ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія обстоятельства: а) главнокомандующій со штабомъ находится на привалѣ при авангардѣ; б) офицеры генеральнаго штаба всѣхъ корпусовъ [6]) еще 1-го августа отправляются въ Ямболь [7]) для выбора бивачныхъ мѣстъ [8]). То же практикуется и на слѣдующихъ переходахъ, кромѣ послѣдняго, когда готовились къ бою и офицеры генеральнаго штаба должны были вести войска на тѣ мѣста, гдѣ имъ пришлось бы развертываться для боя [9]).

Оцѣнка дѣятельности генеральнаго штаба во второй періодъ и во всю кампанію 1829 года.

Несомнѣнно, въ работахъ генеральнаго штаба, въ этотъ періодъ кампаніи, можно найти слабыя стороны и недостатки [10]), но, въ общемъ, служба генеральнаго штаба исполнялась хорошо; мало того, былъ замѣтенъ успѣхъ, въ сравненіи съ первымъ періодомъ (до Кулевчи включительно).

Генеральный штабъ 2-й арміи оказался на высотѣ своего назначенія, въ качествѣ важнѣйшаго вспомогательнаго органа высшаго

---

[1]) Тамъ же, 57.

[2]) Тамъ же, 59—60.

[3]) Тамъ же, 66—68.

[4]) Дибичъ донесъ Государю объ окончаніи перехода черезъ Балканы 12-го іюля. Тамъ же, 74.

[5]) Тамъ же, 82—130.

[6]) Имѣя во главѣ полковника Рокасовскаго.

[7]) Ямболь, повидимому, былъ уже занятъ частью нашихъ силъ, но указанія на это въ источникахъ нѣтъ.

[8]) Тамъ же, 133—135.

[9]) Тамъ же, 135—140 и 147—151.

[10]) Важнѣйшіе были отмѣчены выше.

командованія, что объясняется: а) достаточно хорошею организаціею, постановкою и подготовкою нашего генеральнаго штаба [1]) на основаніи реформы 1813—1815 годовъ, при чемъ и вышеотмѣченное его разстройство не успѣло еще получить большого развитія, и б) наличностью достаточно хорошаго высшаго командованія и соотвѣтственнаго руководства, въ лицѣ главнокомандующаго, начальника штаба арміи и (во второй періодъ) генералъ-квартирмейстера.

Изложенный выводъ подтверждается прежде всего военными результатами кампаніи, а затѣмъ и оцѣнкою дѣятельности какъ высшаго командованія [2]), такъ и генеральнаго штаба, выразившеюся тогда же въ полученныхъ ими наградахъ.

Главнокомандующій, генералъ-адъютантъ Дибичъ получилъ титулъ графа, наименованіе Забалканскаго, орденъ Св. Георгія 1-й степени и чинъ генералъ-фельдмаршала; начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ Толь—титулъ графа и орденъ Св. Георгія 2-й степени; генералъ-маіоры князь М. Д. Горчаковъ (за переправу у Сатунова) и Бергъ (за Силистрію)—орденъ Св. Георгія 3-й степени [3]); гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Коцебу — тотъ же орденъ 4-й степени «за постоянное пребываніе въ траншеяхъ и участіе въ отбитіи вылазокъ подъ Силистріею» [4]). Золотое оружіе получили 4 генерала, 4 полковника, 4 капитана, 1 штабсъ-капитанъ, 1 поручикъ и 1 подпоручикъ, а всего 15 чиновъ генеральнаго штаба [5]).

Большая часть офицеровъ генеральнаго штаба получили по 2, 3 и 4, а двое даже по 5 наградъ, а именно: а) штабсъ-капитанъ Чевкинъ [6]) — званіе флигель-адъютанта, чины капитана и полковника, ордена Св. Анны 2-й степени и Св. Владиміра 4-й сте-

---

[1]) Бывшей свиты по квартирмейстерской части.

[2]) Главнокомандующій принадлежалъ къ составу генеральнаго штаба. См. выше, стр. 56.

[3]) Дибичъ, въ день перехода черезъ Балканы, далъ Бергу свой собственный крестъ, полученный имъ за бой при Клястицахъ 1812 г.

[4]) Глиноецкій, II, 36—38, 42 и др. Епанчинъ, II и III.

[5]) Генералъ-адъютанты графъ Сухтеленъ и Киселевъ, ген.-маіоры князь Горчаковъ и Дурново; полковники Вилламовъ, Рихтеръ, Кекъ и бар. Ховенъ; капитаны Вельяминовъ-Зерновъ, Крюковъ, Гастферъ и Богаевскій; шт.-капит. бар. Ливенъ, поруч. Тюфяевъ и подпор. Искрицкій. Глиноецкій, II, 270.

[6]) Тамъ же, 27 и 42.

пени [1]) и поручикъ Лугининъ — чинъ штабсъ-капитана, ордена Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней и Св. Владиміра 4-й степени [2]).

Изъ остальныхъ можно поименовать: а) получившихъ по 4 награды: подполковника Ладыженскаго [3]), штабсъ-капитана барона Ливена [4]), капитана Фантонъ-де-Верраіона [5]) и штабсъ-капитана барона Корфа [6]) и б) получившихъ по 3 награды: полковниковъ Стиха [7]), Кека [8]) и барона Ховена [9]), подполковника Нюберга [10]), капитана Веймарна [11]), штабсъ-капитана Тюфяева [12]), поручиковъ Герасимова [13]) и Дурново [14]).

Нельзя пройти молчаніемъ поручика Левшина, который, состоя въ осадномъ корпусѣ подъ Силистріею, былъ командированъ 25-го мая 1829 года съ 50-ю казаками, съ поста при с. Акаданларѣ для обозрѣнія дорогъ въ Шумлу. Исполнивъ это порученіе, онъ на обратномъ пути, въ лѣсныхъ дефиле близъ с. Эмбелера, былъ встрѣченъ выстрѣлами скрывшихся въ засадѣ турокъ, при чемъ раненъ пулею въ бокъ; несмотря на это, онъ привелъ обратно къ Силистріи ввѣренную ему партію и двухъ плѣнныхъ; за это отличіе ему были пожалованы орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и годовой окладъ жалованья [15]).

---

[1]) Послѣдній орденъ онъ получилъ, когда привезъ въ Петербургъ на ратификацію условія Адріанопольскаго мира.

[2]) Тамъ же, 26 и 42. О службѣ до войны см. Пр. К. Ч., 1820 г., № 93 (Лугининъ), 1823 г., № 249 (прап. Чевкинъ), № 255 (прап. Лугининъ) и др.

[3]) и [4]) Тамъ же, 27, 28 и 42.

[5]) Тамъ же, 26 и 42. Пр. К. Ч., 1823 г., № 255.

[6]) Глиноецкій, II, 41 (пор. баронъ Корфъ палъ отъ непріятельскаго огня) и 42 (шт.-кап. бар. Корфъ, тяжело раненый подъ Раховымъ). Пр. К. Ч., 1823 г., № 38.

[7]) Тамъ же, 28 и 42.

[8]) и [9]) Тамъ же, 42.

[10]) Тамъ же, 26, 42 и 43.

[11]) Иванъ Федоровичъ Веймарнъ (1802†1846); въ свитѣ по квартирмейстерской части съ 1820 г. и въ гвард. генерал. штабѣ съ 1823 г. Пр. К. Ч., 1823 г., № 236 и 1824 г., № 165; съ 19 апрѣля 1829 года и. д. оберъ-квартирмейстера войскъ праваго фланга арміи; находился подъ Силистріею и противъ Скодрскаго паши; въ 1832 году адъюнктъ военной академіи и въ 1833 г. профессоръ тактики; въ 1842 г. начальникъ штаба гвардейскаго корпуса; въ 1845 г. генералъ-адъютантъ. Авторъ «Высшей Тактики».

[12]) Тамъ же, 31, 41 и 43.

[13]) и [14]) Тамъ же, 43.

[15]) Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ. Тамъ же, 41 — 42.

Участіе генеральнаго штаба въ военныхъ дѣйствіяхъ на азіатскомъ театрѣ.

Участіе генеральнаго штаба въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ на азіатскомъ театрѣ этой же войны было незначительно. Генералъ-адъютантъ (позже фельдмаршалъ) Паскевичъ [1]) не любилъ офицеровъ генеральнаго штаба и не довѣрялъ имъ; за все время своего пребыванія на Кавказѣ, онъ не могъ пріискать себѣ подходящаго начальника штаба и генералъ-квартирмейстера; его не удовлетворяли такіе представители генеральнаго штаба, какъ генералы Вельяминовъ [2]), Н. Н. Муравьевъ [3]), полковникъ Коцебу 1-й и Вальховскій [4]), которыми дорожили вездѣ, какъ людьми талантливыми и способными; всѣ они оставались при немъ самое короткое время. Вслѣдствіе этого и младшіе офицеры генеральнаго штаба, при первой возможности, оставляли службу на Кавказѣ, а потому число штабныхъ офицеровъ при Кавказскомъ отдѣльномъ корпусѣ, во время командованія имъ Паскевича, было незначительно; было даже время, когда управленіемъ оберъ-квартирмейстера завѣдывалъ армейскій капитанъ Семеновъ, а отдѣленіями этого управленія — поручики артиллеріи, Пикуловъ и Ушаковъ [5]).

Всего при Кавказскомъ корпусѣ въ первую половину 1828 года было свыше 10, затѣмъ не болѣе 10, а весною 1829 года только 6 офицеровъ генеральнаго штаба.

---

[1]) Иванъ Θедоровичъ Паскевичъ (1782+1856); въ 1800 году былъ выпущенъ изъ пажей въ Преображенскій полкъ поручикомъ и флигель-адъютантомъ; участвовалъ въ кампаніяхъ 1806—1811, 1812—1814 г.г., въ 1810 г. за Варну получилъ орденъ Св. Георгія 3 степени; въ 1812 г. начальникъ 26-й пѣх. дивизіи; въ 1817 г. начальникъ 2-й гвардейск. и въ 1821 г. начал. 1-й гвард. пѣх. дивизіи; въ 1825 г. генералъ-адъютантъ; въ 1826 г. командированъ на Кавказъ для командованія войсками противъ персіянъ и на пути произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи; въ 1827 г. приводилъ въ исполненіе планъ Ермолова, повелъ кампанію самостоятельно и за эту кампанію получилъ титулъ графа Эриванскаго; въ этомъ же году смѣнилъ Ермолова и въ 1828—29 г.г. велъ операціи противъ турокъ. О немъ см. Кн. Щербатовъ, «Ген.-фельдмаршалъ князь Паскевичъ».

[2]) Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ (1785+1838); участвовалъ въ кампаніяхъ 1805, 1810 и 1812—1814 г.г.; въ 1816—1818 г.г. начальникъ штаба Грузинскаго корпуса; въ 1818 году генералъ-маіоръ; въ 1816—1826 г.г. участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ; во время персидской кампаніи, за отличіе въ сраженіи при Елисаветполѣ, получилъ орденъ Св. Георгія 3-й степени.

[3]) С. В. М., Г. Ш., 4, 2, 1, 282 и др.

[4]) Глиноецкій, II, 43. Пр. К. Ч., 1820 г., № 131, 1823 г., № 153, 1824 г., № 19 и др.

[5]) Тамъ же, 43.

При такихъ условіяхъ едва ли стоитъ останавливаться на дѣятельности генеральнаго штаба такъ, какъ это было сдѣлано по отношенію къ европейскому театру дѣйствій. Можно только указать офицеровъ, получившихъ важнѣйшія награды: полковникъ Вальховскій, исправлявшій должность оберъ-квартирмейстера Кавказскаго корпуса, получилъ за Карсъ орденъ Св. Георгія 4-й степени, а за Ахалцыхъ—золотое оружіе «за храбрость»; таковое же оружіе получили: генералъ-маіоръ баронъ Ренненкампфъ [1]) и поручики: Бломъ, баронъ Ашъ и Ковалевскій [2]). Баронъ Ренненкампфъ замѣчателенъ и тѣмъ, что пользовался наибольшимъ расположеніемъ и довѣріемъ Паскевича изъ всѣхъ находившихся на Кавказѣ офицеровъ генеральнаго штаба [3]).

Картографическія и военно-топографическія работы.

Съ окончаніемъ турецкой войны, войска, дѣйствовавшія въ Европейской Турціи, возвратились въ Россію и были присоединены къ 1-й арміи. Штабъ 2-й арміи былъ упраздненъ; офицеры, при немъ состоявшіе, были, частью возвращены въ Петербургъ, частью же оставлены для съемки части бывшаго театра войны, въ распоряженіи полномочнаго предсѣдателяывановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, генералъ-адъютанта Киселева [4]).

При генералъ-адъютантѣ Киселевѣ находились: а) полковники Руге и Менде [5]), принимавшіе участіе въ составленіи организаціоннаго положенія для княжествъ; первый сверхъ того былъ главнымъ комиссаромъ по разграниченію Дуная между Россіею и Турціею на основаніи адріанопольскаго договора, а второй былъ занятъ устройствомъ мѣстной земской стражи; б) капитанъ Коцебу былъ командированъ для разграниченія Сербіи съ Турціею [6]) и в) капитанъ

[1]) Баронъ Павелъ Яковлевичъ Ренненкампфъ; въ 1812 г. колонновожатый и прапорщикъ свиты по кварт. части; въ 1813 г. подпоручикъ; въ 1815 г. переведенъ въ гвард. ген. штабъ; въ 1816 г. при посольствѣ въ Персію, а затѣмъ оставленъ при Кавказскомъ корпусѣ; въ 1824 году полковникъ; оберъ-квартирмейстеръ 1-го резервнаго кавалер. и 4-го пѣх. корпусовъ; въ 1827 году въ составѣ Кавказскаго корпуса; по окончаніи персидской кампаніи генералъ-маіоръ и назначенъ въ свиту Его Величества; въ турецкую войну командовалъ отрядами въ арміи Паскевича. О дальнѣйшей службѣ его см. у Глиноецкаго, II, 44 и 45. Пр. К. Ч., 1823 г., № 153, 1824 г., № 188 и др.

[2]) и [3]) Тамъ же, 43.

[4]) и [5]) Глиноецкій, II, 45.

[6]) Онъ оставался въ Сербіи до начала 1831 г., когда безпорядки въ Босніи прервали дальнѣйшія работы по разграниченію.

Розаліонъ-Сошальскій произвелъ въ Сербіи глазомѣрную съемку [1]) и составилъ описаніе этого княжества: военно-топографическое важнѣйшихъ рѣкъ и дорогъ и статистическое.

Наибольшее число офицеровъ было оставлено на Дунаѣ для производства съемокъ [2]). Работы эти производились подъ главнымъ руководствомъ полковника Дитмарса [3]); въ нихъ участвовало почти постоянно: 10—15 офицеровъ генеральнаго штаба, 5—10 офицеровъ корпуса топографовъ и нѣсколько строевыхъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ генеральному штабу. Результатомъ этихъ работъ были слѣдующія съемки, въ масштабѣ 2 версты въ дюймѣ: а) Валахіи, на 41 листѣ, пространства въ 66,471 кв. верстъ; б) Молдавіи, на 26 листахъ, пространства въ 36,045 кв. верстъ и в) Бабадагской области, на 10 листахъ, пространства въ 10,740 кв. верстъ.

При съемкѣ княжествъ было сдѣлано болѣе 400 маршрутовъ, сняты планы болѣе значительныхъ городовъ, въ масштабѣ 200 саж. въ дюймѣ, и составлено статистическое описаніе Молдавіи и Валахіи.

Сверхъ того были произведены съемочныя и чертежныя работы для окончанія карты Болгаріи и восточной части Румеліи, подъ руководствомъ гвардейскаго генеральнаго штаба полковника барона фонъ-деръ-Ховена. Карта эта (также 2-верстная), обнимавшая пространство въ 42,900 кв. верстъ, была окончена въ 1831 году; въ составленіи ея участвовало до 15 офицеровъ генеральнаго штаба (взятыхъ по преимуществу отъ войскъ), одинъ капитанъ корпуса топографовъ [4]) и около 20 топографовъ нижняго званія.

Къ этимъ работамъ нужно присоединить съемку западной части Болгаріи, произведенную въ 1829 году подъ руководствомъ генеральнаго штаба капитана Веймарна [5]), обнимавшую пространство въ 13,000 квадр. верстъ.

---

[1]) Результатомъ этихъ его занятій явилась глазомѣрная карта Сербіи, на 8 листахъ, въ масштабѣ 4 версты въ дюймѣ.

[2]) Работы эти были окончены въ 1833 году.

[3]) Глиноецкій, II, 46. По приказамъ квартирмейстерской части Дитмаръ?

[4]) Капитанъ Безкорниловичъ.

[5]) См. выше, стр. 68.

Общій итогъ пространства, снятаго въ 1828—1833 г.г. на европейскомъ театрѣ войны, подъ руководствомъ генеральнаго штаба, при содѣйствіи корпуса топографовъ, опредѣляется почти въ 200,000 кв. верстъ. Этотъ огромный матеріалъ послужилъ главнымъ основаніемъ для составленія извѣстной карты театра войны 1828—1829 г.г. въ Европейской Турціи, на семи листахъ, въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ [1]).

Заключеніе объ участіи генеральнаго штаба въ войнѣ 1828—1829 г.г.

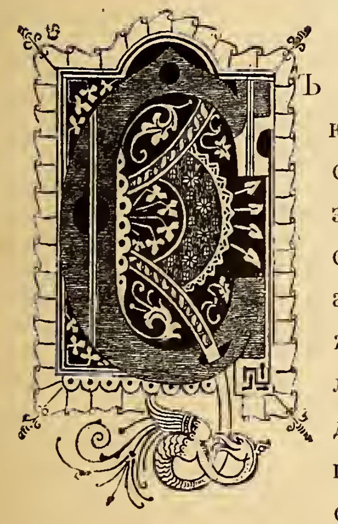
Въ общемъ, участіе нашего генеральнаго штаба, какъ вспомогательнаго органа высшаго командованія, въ войнѣ 1828—1829 г.г., не взирая на вышеотмѣченные недочеты, говоритъ въ его пользу. Недочеты наши въ эту войну были велики, но отвѣтственность за нихъ падаетъ не на генеральный штабъ, а прежде всего на высшую военную администрацію, на главнаго начальника генеральнаго штаба и на высшее командованіе.

---

[1]) Глиноецкій, II, 45—47 и «Историческій очеркъ дѣятельн. корп. воен. топографовъ».

ГЛАВА III.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ ВЪ КАМПАНІЮ 1831 ГОДА.



Дислокація 1829 г. связанныя съ нею работы офицеровъ генеральн. штаба.

Съ окончаніемъ турецкой войны расширился кругъ занятій офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшихъ при войскахъ. Войска I арміи заняли раіоны согласно съ дислокаціею, Высочайше утвержденною 22-го августа 1829 г. [1]), а на офицеровъ генеральнаго штаба былъ возложенъ выборъ пунктовъ подъ постоянное расположеніе штабовъ и составленіе на мѣстѣ подробной дислокаціи войскъ. Работа эта, при полномъ отсутствіи въ то время статистическихъ учрежденій, представляла весьма большія трудности и требовала непосредственнаго обозрѣнія каждаго пункта, избираемаго подъ штабныя управленія. Неудивительно, что даже черезъ годъ она далеко еще не была окончена, будучи прервана польскою кампаніею 1831 года.

Новое назначеніе графа Сухтелена 2.

Въ апрѣлѣ 1830 года числившійся еще генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Величества, генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ 2-й былъ назначенъ Оренбургскимъ губернаторомъ и коман-

---

[1]) Высочайшій приказъ 21-го апрѣля 1830 года.

диромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса. Хотя причиною этого и было несоотвѣтствіе его тѣмъ требованіямъ, кои, въ то время, предъявлялись лицу, занимающему должность генералъ-квартирмейстера, но самый фактъ назначенія его на другую должность, повидимому, не считался, въ то время, Монаршею немилостью [1]).

Генералъ-квартирмейстеръ генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ 2-й.

На мѣсто графа Сухтелена, къ исправленію должности генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества былъ призванъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ 2-й [2]).

Выборъ новаго генералъ-квартирмейстера казался въ высшей степени удачнымъ: онъ былъ близко знакомъ съ службою и генеральнаго штаба, и войскъ, какъ въ мирное такъ и въ военное время; не будучи связанъ началомъ своей службы съ колонновожатыми, онъ

---

[1]) Незадолго до назначенія въ Оренбургъ ему была пожалована брилліантовая табакерка съ портретомъ Государя, а при новомъ назначеніи онъ получилъ «Высочайшее благоволеніе и совершенную признательность, за отличное усердіе и дѣятельность, оказанныя во время исправленія должности генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, къ полному удовольствію Его Величества». Монаршія милости не оставляли его и на новомъ посту, который онъ, къ сожалѣнію всѣхъ его знавшихъ и подчиненныхъ, занималъ недолго. Онъ скончался 20-го марта 1833 года (на 46-мъ году) отъ нервнаго удара. Отецъ его, графъ П. К. Сухтеленъ, до самой смерти сохранялъ почетный титулъ генералъ-квартирмейстера и пережилъ его время годами. См. Глиноецкій, II, 48 и 271.

[2]) См. выше, гл. I, 4. Александръ Ивановичъ Нейдгардтъ началъ службу при Императорѣ Павлѣ; офицеромъ съ 1798 года; въ 1807 г., въ Финляндіи, состоялъ при графѣ Буксгевденѣ и часто исполнялъ обязанности офицера квартирмейстерской части; переведенъ въ свиту въ началѣ 1812 года, съ назначеніемъ въ корпусъ Витгенштейна. Здѣсь, на глазахъ Дибича, онъ оказалъ первыя, болѣе значительныя боевыя отличія, при чемъ получилъ: за Клястицы — чинъ подполковника, а въ 1813 года за Кульмъ—чинъ полковника и зачисленъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Вступленіе на престолъ Императора Николая I разомъ выдвинуло Нейдгардта впередъ: 14-го декабря 1825 г. онъ находился неотлучно при Императорѣ, за что былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ; походъ же гвардіи въ Турцію доставилъ ему чинъ генералъ-лейтенанта. Возвышенію Нейдгардта не мало способствовалъ Дибичъ; къ концу войны 1829 года, когда гр. Толь, по болѣзненному состоянію, не могъ остаться при арміи и просилъ объ увольненіи отъ должности, то гр. Дибичъ ходатайствовалъ о назначеніи на его мѣсто Нейдгардта, но Императоръ на это не согласился въ виду того, что здоровье Нейдгардта еще не вполнѣ поправилось послѣ перенесенной имъ тяжкой болѣзни, а также и потому, что онъ былъ уже предназначенъ для занятія другой должности. Тамъ же, 49 и 271, со ссылкою на письма Дибича Императору Николаю I.

могъ вполнѣ самостоятельно приступить къ преобразованію генеральнаго штаба согласно видамъ и желаніямъ Государя; наконецъ всѣми [1]) признанная его безукоризненная честность, прямота убѣжденій, привязанность къ мундиру (который онъ носилъ болѣе двадцати лѣтъ) и привычка къ усидчивой и добросовѣстной работѣ—служили гарантіей въ томъ, что вопросъ о преобразованіи и новомъ устройствѣ генеральнаго штаба будетъ разработанъ съ полнымъ тщаніемъ и подробностью.

Однако непредвидѣнныя обстоятельства не дали возможности приступить немедленно къ занятіямъ по этому предмету.

Мѣры по подготовкѣ арміи къ походу въ концѣ 1830 года.

24-го ноября 1830 года пришло въ Петербургъ первое извѣстіе о возстаніи поляковъ въ Варшавѣ. Возстаніе это вызвало цѣлый рядъ мѣръ по подготовкѣ нашей арміи къ походу, при чемъ А. И. Нейдгардту пришлось играть весьма видную роль, отвлекшую его отъ исполненія прямыхъ его обязанностей по должности генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба Его Величества; 29-го ноября онъ выѣхалъ уже, по Высочайшему повелѣнію, къ западнымъ границамъ, для ускоренія на мѣстѣ мѣръ по мобилизаціи пограничныхъ корпусовъ и по сосредоточенію ихъ къ границамъ. Исправленіе должности генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества было возложено на управлявшаго военно-топографическимъ депо, генералъ-маіора Шуберта [2]).

Польская армія ко времени возстанія 1830 года.

Старыя польскія войска [3]), благодаря неусыпнымъ стараніямъ Цесаревича Константина Павловича были превосходно обучены строю [4]); полевыя занятія и маневры [5]) велись далеко нераціонально: большая часть времени посвящалась строевымъ занятіямъ баталіоновъ и ротъ; маневры производились на одной и той же мѣстности, по за-

---

[1]) И сослуживцами, и подчиненными.

[2]) См. Глиноецкій, II, 50.

[3]) 29 баталіоновъ и 38 эскадроновъ, или 28,000 пѣхоты и 7,000 кавалеріи при 106 орудіяхъ.

[4]) С. В. М., Г. Ш., 1, 2, 1, стр. 373 и 374. Пузыревскій (см. его «Польско-русская война 1831 г.,» I, 26 и 27) отмѣчаетъ, что плаваніе и фехтованіе были ведены въ польской арміи систематически и съ должнымъ вниманіемъ, чего не было въ русской арміи.

[5]) По мнѣнію Пузыревскаго, польскіе начальники въ нихъ «оказывались весьма искусными».

ранѣе составленной программѣ, иногда даже съ предварительною репетиціею. Штабная дѣятельность польской арміи «сосредоточивалась въ лицѣ генерала Куруты при номинальныхъ исполнителяхъ высшихъ штабныхъ должностей». Корпусъ офицеровъ квартирмейстерской части «былъ дурно составленъ» и употреблялся главнымъ образомъ для съемки Царства Польскаго. Въ 1816 — 1818 г.г. нѣкоторые свѣдущіе офицеры открыли курсы по теоріи военнаго искусства, но должны были ихъ прекратить въ виду заявленія военнаго министра, что это не понравится Великому Князю [1]).

Дисциплина въ польской арміи хотя и считалась по внѣшности образцовой, но по существу покоилась далеко не на прочныхъ основаніяхъ. «Всѣ силы военной іерархіи сравнивались передъ страхомъ, внушаемымъ главою арміи и генераломъ Курутою»... Въ результатѣ «начальники не имѣли должнаго авторитета въ своихъ частяхъ» [2]).

Силы поляковъ къ началу похода. Генералъ Хлопицкій.

Къ открытію военныхъ дѣйствій силы поляковъ простирались до 130,000—140,000 человѣкъ; для дѣйствій въ полѣ они располагали не болѣе, какъ 60,000 человѣкъ [3]).

Старые, болѣе или менѣе опытные генералы были частью убиты во время возстанія, частью же устранены или добровольно оставили службу, не находя возможнымъ примѣниться къ тогдашнимъ требованіямъ. Впрочемъ, возстаніе выдвинуло нѣсколько талантливыхъ лицъ. Во главѣ ихъ должно поставить Хлопицкаго [4]), первоначально бывшаго «диктаторомъ», а затѣмъ негласнымъ руководителемъ операцій при главнокомандующемъ князѣ Михаилѣ Радзивиллѣ [5]).

Польскій генеральный штабъ. Генералы Прондзынскій и Хржановскій.

Въ польскомъ генеральномъ штабѣ отличались Прондзынскій и Хржановскій. Прондзынскій «обладалъ обширнымъ, серьезнымъ образованіемъ, творческимъ умомъ, блескомъ и смѣлостью проницательныхъ, часто геніальныхъ стратегическихъ соображеній, въ которыхъ былъ неистощимъ»; но у него не было равновѣсія ума и воли, вслѣдствіе чего онъ могъ съ особеннымъ успѣхомъ работать, какъ гене-

[1]) Тамъ же.
[2]) Энтузіазмъ могъ замѣнить дисциплину не надолго. См. Пузыревскій, I, 27.
[3]) Тамъ же, 28.
[4]) Тамъ же, 29 и 30.
[5]) Достоинство его заключалось лишь въ томъ, что онъ безусловно полагался на совѣты Хлопицкаго.

ралъ-квартирмейстеръ штаба арміи, но не какъ главнокомандующій; къ тому же онъ отличался необыкновенною пылкостью и недостаткомъ уваженія къ противнику [1]); онъ признавалъ авторитетомъ только Хлопицкаго, а къ остальнымъ генераламъ относился свысока.

Хржановскій тоже обладалъ серьезнымъ образованіемъ, имѣлъ достаточный военный опытъ, участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ 1828 — 29 г.г., гдѣ привыкъ уважать русскаго солдата и цѣнить его доблесть; въ блескѣ и смѣлости стратегическихъ соображеній онъ уступалъ Прондзынскому. Въ началѣ возстанія оба они были назначены комендантами: Прондзынскій (вторымъ) въ Замостье, а Хржановскій—въ Модлинъ. При Радзивиллѣ оба они были приняты въ главный штабъ арміи, при чемъ Прондзынскій назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ, а Хржановскій начальникомъ штаба арміи [2]).

Русская армія въ концѣ 1830 г. Дѣйствующая армія.

Польское возстаніе застало нашу армію врасплохъ; въ концѣ 1830 года она имѣла мирную организацію и была расквартирована весьма широко; но такъ какъ Императоръ Николай предполагалъ принять участіе въ рѣшеніи бельгійскаго вопроса, то 5 пѣхотныхъ [3]) и 2½ кавалерійскихъ корпуса [4]), въ теченіе осени, приводились на военное положеніе.

Войска эти были расположены: а) ближе всѣхъ къ польской границѣ пѣхотныя дивизіи „литовскаго" корпуса со штабами въ Гроднѣ (24-я) и въ Дубнѣ (25-я); между ними и позади ихъ „литовская" гренадерская бригада и отступившій изъ Польши гвардейскій отрядъ Цесаревича; уланская дивизія въ Слуцкѣ, Слонимѣ и Несвижѣ; б) дивизіи 1-го пѣхотнаго корпуса—въ Остзейскихъ губерніяхъ и въ части Литвы, со штабами въ Митавѣ (1-я), Динабургѣ (2-я) и Вильнѣ (3-я); гусарская дивизія въ окрестностяхъ Вилькомира, Россіенъ, Тельшей и Поневѣжа; в) кирасирская и уланская дивизіи 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса (въ ноябрѣ) въ западной части Подольской губерніи; г) драгунская и конно-егерская дивизіи 5-го ре-

[1]) Недостатокъ весьма существенный для офицера генеральнаго штаба.
[2]) Тамъ же, 30 и 31.
[3]) Гренадерскій, 1-й и 2-й пѣхотные, литовскій и гвардейскій корпуса.
[4]) 3-й и 5-й резервные кавалерійскіе корпуса и 1-я уланская дивизія.

зервнаго кавалерійскаго корпуса, направлявшіяся въ Волынскую и Кіевскую губерніи, въ концѣ ноября подходили къ Днѣпру у Кіева и Переяслава. Всего въ 1-й линіи находилось 82 баталіона и 108 эскадроновъ при 324 орудіяхъ (86—87,000 чел.).

Кромѣ этихъ войскъ назначались въ составъ дѣйствующей арміи: а) гренадерскій корпусъ, расположенный въ Новгородской, Псковской и Тверской губерніяхъ; б) гвардейскій корпусъ, расположенный въ Петербургѣ и окрестностяхъ, и в) 2-й пѣхотный корпусъ, понесшій большія потери въ войнѣ съ Турціею и приводившій себя въ порядокъ и боевую готовность въ мѣстахъ квартированія, на пространствѣ между Великими Луками, Орломъ и Черниговымъ. Итого, въ 1-й, 2-й и 3-й линіяхъ 172 баталіона и 244 эскадрона при 664 орудіяхъ, или около 183,000 человѣкъ; кромѣ того 13 казачьихъ полковъ [1]). Боевая сила этой арміи едва ли превышала 150,000 человѣкъ [2]).

Условія сосредоточенія арміи.

Сосредоточеніе арміи затруднялось громадными разстояніями и дурными дорогами; 1-я линія была растянута отъ Митавы до Летичева на 1200 верстъ; корпуса могли сосредоточиться: Литовскій, на пространствѣ Брестъ—Бѣлостокъ, въ серединѣ декабря; 3-й резервный кавалерійскій — въ серединѣ или не ранѣе первой половины января; 1-й пѣхотный къ Бресту — къ началу января; гренадерскій—въ началѣ февраля: 2-й корпусъ — не ранѣе марта; гвардейскій—въ концѣ февраля и началѣ марта. Между тѣмъ поляки могли быстро сосредоточить всѣ свои силы и попытаться атаковать наши войска послѣдовательно, по мѣрѣ ихъ подхода [3]).

Боевая подготовка. Начальники. Генеральный штабъ.

Въ отношеніи чисто строевой выучки наши войска нѣсколько уступали польской арміи; въ отношеніи же подготовки къ войнѣ и бою недостатки обоихъ противниковъ были болѣе или менѣе одинаковы; духъ нашихъ войскъ былъ необыкновенный, кромѣ части Литовскаго корпуса; корпусъ офицеровъ въ массѣ уступалъ польскому въ отношеніи теоретической подготовки; начальниковъ, способныхъ къ проявленію частнаго почина, у поляковъ было, пожалуй, больше;

---

[1]) Пузыревскій, I, 32 и 33.
[2]) Глиноецкій, II, 57.
[3]) Пузыревскій, I, 28, 33 и 34.

нашъ генеральный штабъ, только что продѣлавшій походъ 1828—29 г.г., во всякомъ случаѣ стоялъ выше польскаго [1]).

Главнокомандующій графъ Дибичъ-Забалканскій

Главнокомандующимъ дѣйствующею арміею былъ назначенъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, начальникомъ штаба арміи графъ Толь и генералъ-квартирмейстеромъ генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ.

Хотя графъ Дибичъ былъ моложе обоихъ своихъ сотрудниковъ, но, по наблюденіямъ лицъ, знавшихъ его прежде, въ немъ произошла большая перемѣна: онъ потерялъ много прежней живости; его сложеніе пріобрѣло особую тучность; походка сдѣлалась тише и разсчитаннѣе, какъ будто бы онъ хотѣлъ придать ей больше значенія и достоинства; самое же главное значеніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ [2]), имѣло нарушеніе въ немъ равновѣсія ума и воли. «Забота о сохраненіи своей славы ослабила его смѣлость въ такой же степени, въ какой увеличила его осторожность и стремленіе составлять, во что бы ни стало, искусные и сложные планы стратегическихъ движеній. И въ дѣйствительности онъ уже не былъ юнымъ, пылкимъ воиномъ, какимъ являлся нѣкогда на берегахъ Эльбы, Сены, Двины и даже на вершинахъ Балкановъ. Тайная скорбь, разстроенное здоровье, заботы, внушенныя недоброжелательствомъ его враговъ и завистниковъ, преждевременно ослабили его энергію и твердость духа» [3]).

По свидѣтельству фельдмаршала Сакена [4]), Дибичъ обладалъ вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, сразу понималъ обстановку и могъ быстро создать хорошій планъ дѣйствій, но не умѣлъ остановиться на разъ принятомъ рѣшеніи; аналитическій умъ его продолжалъ ра-

---

[1]) Пузыревскій характеризуетъ литовскій корпусъ, а на весь этотъ вопросъ (по отношенію ко всей нашей арміи) прямого отвѣта не даетъ. Составитель очерка высказываетъ свое собственное заключеніе.

[2]) Ф. Смита и Глиноецкаго.

[3]) Глиноецкій, II, 51 и 271 со ссылкою на «Исторію польскаго возстанія»... Ф. Смита.

[4]) Князь Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ (1752—1837); участвовалъ въ походахъ 1771—72, 1794, 1799, 1806—1807, 1812, 1813, 1814 и 1815 г.г. За бои подъ Лейпцигомъ получилъ орденъ Св. Георгія 2-й степени. Волковыскъ, Краковъ, Кацбахъ, Бріеннъ, Ла-Ротьеръ, Монмираль, Краонъ и Парижъ прославили его имя. Въ 1831 г. онъ усмирилъ возстаніе въ юго-западномъ краѣ.

ботать, замѣчалъ недостатки въ принятомъ планѣ и тотчасъ же создавалъ другой, третій, а между тѣмъ время уходило [1]).

Въ общемъ, въ Дибичѣ произошла перемѣна къ худшему.

Начальникъ штаба арміи графъ Толь.

О ближайшемъ сотрудникѣ Дибича исторіографъ этой кампаніи Смитъ говоритъ нижеслѣдующее:

«На ряду съ фельдмаршаломъ, главнѣйшимъ дѣятелемъ предстоящей войны является графъ Толь, имя котораго было такъ часто связано съ именемъ Дибича и обращало на себя вниманіе не столько большинства, сколько отдѣльныхъ просвѣщенныхъ наблюдателей. Вся наружность его выказывала что-то энергическое, смѣлое и рѣшительное. Еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ (ему было 53 года), онъ былъ болѣе чѣмъ средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія: онъ имѣлъ твердую походку, говорилъ рѣзко и отрывисто, а обращеніе его отличалось прямотою и гуманностью; наружность его служила выраженіемъ внутреннихъ качествъ, въ которыхъ преобладали положительность, энергія и твердость. Всякій вопросъ онъ могъ обсудить съ полною ясностью, и такъ какъ онъ никогда не упускалъ изъ виду свою цѣль, то всякое приказаніе и распоряженіе отдавались имъ коротко и точно. Ничто не могло вывести его изъ обычнаго спокойствія; при самыхъ неожиданныхъ извѣстіяхъ онъ быстро обсуждалъ обстоятельства и тотчасъ принималъ рѣшеніе. Ко всему этому онъ былъ одаренъ прекрасною памятью и особымъ достоинствомъ характера, которое не дозволяло ему обращать вниманіе на постороннія побужденія, когда дѣло шло объ исполненіи долга» [2]).

По отзывамъ лицъ, служившихъ подъ начальствомъ Толя, онъ являлся совершенно инымъ человѣкомъ въ кабинетѣ, за письменными занятіями и въ полѣ: мрачный, суровый, неразговорчивый въ кабинетѣ, онъ производилъ впечатлѣніе педанта-формалиста, погруженнаго въ бумаги; на конѣ, въ полѣ, онъ преображался, какъ бы вступая въ болѣе привычную для него сферу; спокойный и неустрашимый подъ выстрѣлами, онъ съ какою-то особенною привѣтливостью выслушивалъ донесенія, передавалъ приказанія, заставляя получающихъ непремѣнно повторять ихъ, видимо смягчая при этомъ свою наружность, дабы не суетить и не запугивать окружающихъ. Своей памятью мѣстности онъ поражалъ даже знатоковъ этого дѣла; одного взгляда на карту ему было достаточно, чтобы, выѣхавъ потомъ на мѣстность, вполнѣ уже понимать и помнить ее [3]).

---

[1]) Интересный отзывъ о Дибичѣ даетъ польскій офицеръ, Ѳаддей Іосифовичъ Вылежинскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ». См. К. Военскій. «Императоръ Николай и Польша въ 1830 году» (Мат. для ист. польск. возстанія 1830—31 г.г., Спб. 1905), 20—41.

[2]) Глиноецкій, II, 52, со ссылкою на сочиненіе Смита.

[3]) Глиноецкій, II, 52 и 53.

Генералъ-квартирмейстеръ генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ.

Генералъ Нейдгардтъ былъ моложе Толя нѣсколькими годами, но далеко уступалъ ему въ энергіи и особенно въ самостоятельности. Лично храбрый, онъ былъ, однако, болѣе человѣкомъ кабинетныхъ занятій, чѣмъ боевымъ; онъ предпочиталъ руководить всѣмъ изъ канцеляріи, выѣзжая верхомъ лишь въ случаяхъ, болѣе важныхъ, когда того настоятельно требовала служба и необходимость. Такой взглядъ его на свои обязанности отражался и на самомъ ходѣ дѣлъ, на занятіяхъ офицеровъ генеральнаго штаба: въ эту кампанію управленіе генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи держало всю переписку въ большой исправности, несмотря на то, что число срочныхъ донесеній было увеличено и переписка усложнилась [1]).

Главная квартира арміи. Генеральный штабъ.

Штабъ дѣйствующей арміи организовался въ Петербургѣ. Дибичъ самъ выбралъ въ составъ главной квартиры 16 офицеровъ: а) гвардейскаго генеральнаго штаба полковника Вальховскаго, капитановъ Дюгамеля и Иванова 1-го, штабсъ-капитана барона Ливена и поручиковъ Веригина и Миткевича; б) генеральнаго штаба полковника Галямина, штабъ-капитановъ Жеребцова и Лугинина, поручиковъ Ширкова, Татаринова 2-го, Шишлова и Сазоновича, подпоручиковъ Миллера, Дена и Кобякова [2]).

Въ составѣ главной квартиры преобладали оберъ-офицеры; на нихъ представители прежняго генеральнаго штаба смотрѣли, какъ на болѣе энергическихъ и дѣятельныхъ работниковъ во время войны.

Организація главной квартиры была закончена въ Гроднѣ, въ серединѣ января; въ ея составѣ оказался, чуть-ли не впервые, организованный обозъ управленія генералъ-квартирмейстера, ограниченный всего лишь четырьмя повозками [3]).

---

[1]) Тамъ же. Авторъ противопоставляетъ Нейдгардту Берга, который, во время турецкой войны, поражалъ своею неутомимостью и котораго рѣже всего можно было застать въ канцеляріи. Тамъ же авторъ приводитъ объясненіе: А. И. Нейдгардтъ родился въ 1780 г., а Ф. Ф. Бергъ въ 1793 году.

[2]) Тамъ же, 53 и 54. Пр. К. Ч. и Пр. Г. Ш. (приказы по генеральному штабу). Обращаютъ на себя вниманіе Пр. К. Ч., 1825 г., 30 мая № 159 (объ увольненіи кап. Вольховскаго отъ службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ) и 1826 г., 20 марта № 91 (о переводѣ подполк. Галямина въ Петровскій пѣх. полкъ).

[3]) 1 полуфурокъ для дѣлъ въ 3 лошади; 1 полуфурокъ для картъ, плановъ, чертежныхъ и письменныхъ принадлежностей и артельныхъ

Всего въ арміи находилось: 81 офицеръ генеральнаго штаба, 15 прикомандированныхъ и 50 топографовъ, т. е. около трети всего нашего генеральнаго штаба того времени [1]), но при войскахъ ихъ все же было недостаточно.

Командиры корпусовъ.

Изъ командировъ корпусовъ обращалъ на себя вниманіе, по своему хладнокровію, рѣшительности и способности къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, командиръ 1-го корпуса графъ Паленъ 1-й. За нимъ слѣдовали: баронъ Розенъ, человѣкъ образованный, но слабый, что составляло важный недостатокъ въ командирѣ такого, отчасти не вполнѣ благонадежнаго корпуса, какъ Литовскій; командиръ гренадерскаго корпуса князь Шаховской, герой Бородина, любимецъ солдатъ, (о которыхъ онъ отечески заботился), безъ особыхъ дарованій, подчинялся вліянію своего начальника штаба В. Гурко [2]); командиръ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса баронъ Крейцъ, способный кавалерійскій генералъ, также подчинявшійся вліянію своего даровитаго начальника штаба барона Деллингсгаузена [3]).

Заключеніе о высшемъ командованіи и о генеральномъ штабѣ.

Въ общемъ, въ отношеніи высшаго командованія, большой разницы между противниками не было; въ отношеніи же генеральнаго штаба перевѣсъ находился на сторонѣ русскихъ, не взирая на наличность у поляковъ такихъ талантливыхъ представителей этого рода службы, какъ Прондзынскій и Хржановскій.

Театръ дѣйствій.

Театръ дѣйствій арміи Дибича составляло Царство Польское; позже сформированная резервная армія дѣйствовала въ западной полосѣ Россіи.

Царство Польское представляетъ обширный четыреугольникъ, простирающійся по меридіану на 300, а по параллели на 350 верстъ, съ выдающеюся на сѣверо-востокъ частью (въ то время—Августов-

---

котловъ (для писарей и топографовъ)—въ 3 лошади; 1 фургонъ для возки походной литографіи — въ 4 лошади; 1 двухколесная повозка для возки наиболѣе необходимыхъ дѣлъ и принадлежностей—въ 2 лошади; послѣдняя должна была всегда слѣдовать непосредственно съ главною квартирою.

[1]) Около 50 офицеровъ были заняты разными порученіями и службою въ центральномъ управленіи и почти столько же находились на съемкахъ. Дибичъ ходатайствовалъ объ отправленіи послѣднихъ въ дѣйствующую армію; гродненская и минская съемки были прекращены, что освободило 10 офицеровъ. Глиноецкій, II, 56, 57 и 271.

[2]) Отецъ фельдмаршала І. В. Гурко

[3]) Пузыревскій, I, 38 и 39.

скимъ воеводствомъ). Большая часть поверхности Царства представляетъ равнину [1]). При этомъ однако весь театръ пересѣченъ. Огромные лѣса, часто трудно проходимые по густотѣ и болотистой почвѣ, болѣе или менѣе обширныя болотистыя пространства, множество рѣкъ и ручьевъ—все это можетъ представить не только препятствія, но и серьезныя преграды, могущія затруднить движенія и дѣйствія значительныхъ массъ. Затрудненія еще болѣе возрастаютъ въ ненастное время, особенно весною, когда рѣки переполняются водою, затопляютъ окрестныя мѣстности, почва растворяется и, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, всякія передвиженія становятся почти невозможными. Зимою рѣки и болота замерзаютъ и дѣлаются удобовосходимыми, а потому въ это время военныя дѣйствія могли бы достичь значительной степени независимости, если бы только не крайнее непостоянство зимы; часто среди зимы вдругъ наступаетъ продолжительная оттепель, которая можетъ совершенно неожиданно разстроить всѣ предположенія и расчеты наступающаго и поставить его въ опасное положеніе. Лѣто составляетъ обыкновенно наиболѣе дождливое время въ году. Наиболѣе благопріятнымъ для операцій временемъ является осень.

Рѣкою Вислою Царство дѣлится на двѣ почти равныя части, а притоками Вислы на нѣсколько раіоновъ.

Висла, въ предѣлахъ Царства, обладаетъ весьма значительными размѣрами и, сверхъ того, отличается еще крайнимъ непостоянствомъ своихъ свойствъ: теченіе ея весьма измѣнчиво; послѣ каждаго половодія или сильныхъ дождей она измѣняетъ свой фарватеръ; постоянныхъ бродовъ нѣтъ; расчеты по постройкѣ моста могутъ оказаться никуда негодными; скорость теченія подвержена рѣзкимъ измѣненіямъ; на устройство переправъ вліяетъ и непостоянство уровня рѣки, нѣсколько разъ въ году подверженной разливамъ, къ тому же разновременнымъ и не всегда одинаково продолжительнымъ. Зимою Висла замерзаетъ и находится подъ льдомъ около 2—2$^1/_2$ мѣсяцевъ; однако

---

[1]) Возвышенности находятся только въ двухъ мѣстахъ: а) на сѣверѣ черезъ Августовское воеводство тянется полоса бугристыхъ возвышеній (съ высшими точками не болѣе 450 ф. надъ уровнемъ моря); б) южная часть театра заполнена отрогами Карпатъ и Силезскихъ горъ, средняя высота которыхъ не превышаетъ 900—1000 ф.

время ея замерзанія и вскрытія подвержено сильнымъ колебаніямъ, а оттепели настолько ослабляютъ ледъ на рѣкѣ, что дѣлаютъ переправу ненадежною.

На Вислѣ имѣлось два укрѣпленныхъ пункта: а) Варшава, политическій, административный и торговый центръ Царства, важнѣйшій на всемъ театрѣ предметъ дѣйствій, средоточіе и главный очагъ революціи и б) Модлинъ [1]). Оба эти пункта имѣли огромную важность потому, что, обезпечивая за поляками переправу черезъ рѣку, они не только облегчали имъ наблюденіе за нашими дѣйствіями, но и способствовали быстрому перенесенію наступательныхъ операцій на противоположный берегъ. Вслѣдствіе этого Висла, прикрывая поляковъ, не прикрывала насъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служа для насъ преградою, она не останавливала наступленія противника.

Наиболѣе удобными пунктами для устройства переправы съ праваго берега на лѣвый были: Раховъ, Юзефовъ, Казимержъ, Модржице, Тырчинъ, Таргувекъ, Карчевъ, Вышгородъ, Плоцкъ и Осѣкъ.

Важнѣйшими правыми притоками Вислы являются: Наревъ и Западный Бугъ, сливающіеся въ Буго-Наревъ и Вепржъ.

Наревъ, на большей части своего протяженія, представляетъ довольно серьезную преграду, особенно во время весеннихъ разливовъ. Важнѣйшій притокъ его Бобръ, хотя и имѣетъ незначительные размѣры, но большею частью непроходимъ вслѣдствіе сопровождающихъ его теченіе обширныхъ болотъ.

Западный Бугъ самъ по себѣ не представляетъ серьезной преграды; однако форсированіе его весьма затруднительно по причинѣ болѣе или менѣе широкой болотистой его долины [2]). Таковы же свойства и Вепржа [3]).

Пространство между Вислой и Нарево-Бобромъ до Нѣмана [4]) представляетъ слегка приподнятую равнину, которая р. Оржицемъ дѣлится на двѣ части: восточную—преимущественно лѣсистую, боло-

[1]) Нынѣ Новогеоргіевскъ.

[2]) Долина эта три раза въ годъ (въ первой половинѣ марта, лѣтомъ и осенью) затопляется во всю ширину, а весною остается подъ водою въ теченіе 2—3 недѣль.

[3]) Онъ можетъ имѣть значеніе преграды только ниже Коцка.

[4]) «1-й раіонъ» по опредѣленію Пузыревскаго.

тистую и пересѣченную, и западную, болѣе открытую. Восточная часть была почти сплошь заполнена лѣсами; неудобопроходимость ея увеличивалась малымъ числомъ пересѣкавшихъ ее путей, обиліемъ болотъ, многочисленными рѣчками и (отчасти) озерами. Мѣстность эта весьма неудобна для движенія и дѣйствій значительныхъ силъ. Важнѣйшимъ операціоннымъ путемъ въ восточной части этого раіона было Ковенское шоссе, по которому былъ направленъ только гренадерскій корпусъ. Въ западной части раіона р. Вкра (притокъ Буго-Нарева) могла представить серьезное препятствіе для движенія только во время половодія; но движеніе въ этомъ направленіи представляло для насъ опасность вслѣдствіе флангового положенія кр. Модлина.

Пространство между Наревомъ и Бугомъ [1]) также представляетъ равнину, прорѣзанную только по рединѣ грядою бугристыхъ возвышеній [2]). Уголъ, образуемый сліяніемъ Нарева съ Бугомъ, до линіи Рожанъ-Островъ-Брокъ, заполненъ обширными лѣсами; дороги представляютъ длинныя дефиле; страна слабо населена, мало обработана и вообще неудобна для операцій большихъ массъ. Напротивъ, восточная часть раіона преимущественно открыта, болѣе населена, изобилуетъ путями и вообще благопріятствуетъ военнымъ дѣйствіямъ даже въ обширныхъ размѣрахъ. Черезъ этотъ раіонъ проходилъ кратчайшій операціонный путь къ Варшавѣ отъ Бѣлостока [3]) черезъ Замбровъ, Островъ, Вышковъ и Радзыминъ, но, двигаясь въ этомъ направленіи, приходилось бы втягиваться въ обширные лѣса къ западу отъ Острова, а затѣмъ переправляться черезъ Бугъ всего только въ двухъ переходахъ отъ Варшавы. Только зимою, когда Бугъ покрытъ льдомъ, переправа черезъ него не могла представить затрудненій и послѣднее изъ указанныхъ неудобствъ отпадало.

Пространство между Бугомъ и Вепржемъ [4]), имѣя характеръ равнинный, вообще представляетъ мѣстность довольно закрытую и пересѣченную. Въ сѣверо-западной части лѣса широкой полосой со-

---

[1]) «2-й раіонъ» по опредѣленію Пузыревскаго.

[2]) Бугры эти (Червонный Боръ) тянутся отъ Ломжи на югъ до Шумова, отсюда принимаютъ юго-западное направленіе и, значительно понижаясь, доходятъ до Острова.

[3]) У котораго сосредоточивалась наша армія.

[4]) «3-й раіонъ» по опредѣленію Пузыревскаго.

провождали теченіе Вислы и Буга и почти сплошною массою заполняли уголъ между этими рѣками до линіи Гарволинъ-Калушинъ-Брокъ. Юго-восточная часть раіона лѣсиста и болотиста; пролегающіе здѣсь пути большею частью плохого качества; передвиженіе войскъ и тяжестей можетъ встрѣтить значительныя затрудненія. Наиболѣе открыта и удобопроходима средняя часть раіона. Страна особенно богата скотомъ и можетъ обезпечить армію мѣстнымъ мясомъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Несмотря на обиліе путей, раіонъ этотъ, вслѣдствіе своей пересѣченности, не можетъ быть признанъ удобнымъ для наступательныхъ операцій и болѣе способствуетъ упорной оборонѣ. Здѣсь пролегаетъ кратчайшій операціонный путь къ Варшавѣ—Брестское шоссе (180 верстъ); но для того, чтобы имъ могла воспользоваться наша армія, сосредоточивавшаяся у Бѣлостока, необходимо было совершить восьмидневный фланговый маршъ къ Бресту. Выгоды наступленія по этому пути: а) наименьшая длина операціонной линіи; б) не приходилось переправляться, въ виду непріятеля, черезъ такія рѣки, какъ Бугъ или Наревъ. Важнѣйшими препятствіями на этомъ пути были болотистыя долины Мухавца [1]) и Костржина, а затѣмъ сплошные лѣса между Калушиномъ и Прагой, обращающіе его въ почти непрерывное 45-верстное дефиле. Лѣса эти лишали насъ преимуществъ превосходства силъ, особенно въ кавалеріи, давали полякамъ возможность оказывать сопротивленіе на каждомъ шагу и вообще могли въ значительной мѣрѣ стѣснить наши наступательныя дѣйствія. Параллельно Брестскому шоссе, черезъ эту же лѣсную площадь, проходили еще дороги—отъ Сѣдлеца (Сѣдльце) или Венгрова черезъ Станиславовъ и Окуневъ и промежуточная—отъ Калушина, которая соединялась съ первою и, вмѣстѣ съ Брестскимъ шоссе, выходила, не доходя корчмы Вавра, на Гроховское поле близъ Праги.

Пространство къ югу отъ Вепржа [2]), представляющее мѣстность частью гористую [3]), вообще же лѣсистую и пересѣченную, было довольно густо населено и богато средствами. Здѣсь поляки имѣли опор-

[1]) Притокъ Ливца системы З. Буга.
[2]) «4-й раіонъ» по опредѣленію Пузыревскаго.
[3]) Оно занято люблинскою возвышенностью, составляющею продолженіе отроговъ Карпатъ.

ный пунктъ—небольшую крѣпость Замостье. По удаленности отъ главнаго театра дѣйствій, стратегическое значеніе ея было маловажно; но она служила весьма удобнымъ этапомъ и сборнымъ пунктомъ для формированія народныхъ ополченій изъ австрійскихъ выходцевъ, а также временнымъ пріютомъ для укрывавшихся въ ней отрядовъ. Операціоннымъ путемъ здѣсь могло служить шоссе Владиміръ — Волынскъ—Устилугъ—Люблинъ—Пулавы—Варшава.

Такимъ образомъ операціонные пути—Ковенское шоссе, путь отъ Бѣлостока, Брестское и Люблинское шоссе—сходились къ Варшавѣ, одному изъ важнѣйшихъ предметовъ дѣйствій. Главнѣйшими были средніе пути, Бѣлостокскій и Брестскій.

Театръ праваго берега Вислы дѣлился р. Пилицею на два раіона.

Раіонъ къ сѣверу отъ Пилицы, представляя мѣстность ровную и преимущественно открытую, былъ густо населенъ, довольно богатъ средствами, необходимыми для арміи, обладалъ весьма развитою сѣтью путей и вообще былъ вполнѣ удобенъ для движенія и дѣйствія самыхъ значительныхъ массъ; раіонъ же къ югу отъ Пилицы, представляя мѣстность гористую, весьма лѣсистую и вообще сильно пересѣченную, являлся весьма удобнымъ для обороны и для партизанскихъ дѣйствій и могъ служить надежнымъ убѣжищемъ для формирующихся бандъ и народныхъ ополченій [1]).

Важнѣйшее значеніе для обѣихъ сторонъ имѣлъ прежде всего театръ праваго берега Вислы, а затѣмъ участокъ линіи этой рѣки Варшава—Модлинъ. Владѣя этими пунктами, армія, оборонявшая Царство Польское, могла дѣйствовать на обоихъ берегахъ рѣки и переходить въ наступленіе противъ непріятеля, значительно удаленнаго отъ своей базы. Съ паденіемъ Варшавы и Модлина кампанія должна была окончиться [2]).

Переходъ главныхъ силъ поляковъ въ наступленіе въ предѣлы русскихъ сѣверо-и юго-западныхъ губерній не могъ дать имъ успѣха вслѣдствіе несоразмѣрности въ силахъ обѣихъ сторонъ и враждебнаго

---

[1]) Назовемъ ихъ 5-мъ и 6-мъ раіонами. Здѣсь же, въ 6-мъ раіонѣ, имѣлось въ то время много фабрикъ и заводовъ, изготовлявшихъ оружіе.
[2]) Пузыревскій, I, 39—49.

къ нимъ настроенія русскаго большинства населенія этихъ губерній (за исключеніемъ собственно литовскихъ), не говоря уже о раздѣленіи наступающихъ польскихъ отрядовъ болотами Полѣсья и вообще обо всѣхъ затрудненіяхъ, представляемыхъ мѣстными условіями этого обширнаго края, который могъ служить театромъ дѣйствій только для польскихъ партизанскихъ отрядовъ и наскоро формируемыхъ бандъ [1]).

Планы дѣйствій поляковъ. Первый планъ Хржановскаго.

Хлопицкому было предложено нѣсколько плановъ дѣйствій. Хржановскій, въ началѣ декабря, предлагалъ сосредоточить армію между Бугомъ и Наревомъ, устремиться на Бѣлостокъ и разбить литовскій корпусъ, развернувшійся въ видѣ двухъ массъ, удаленныхъ на 120 верстъ одна отъ другой [2]); затѣмъ захватить Вильну, воспользоваться всѣми средствами края и потомъ, смотря по обстоятельствамъ, или дѣйствовать противъ подходившихъ по частямъ 1-го и гренадерскаго корпусовъ, или же отойти къ Бресту [3]).

Планъ этотъ отличался смѣлостью и рѣшительностью, но былъ сопряженъ съ большимъ рискомъ, такъ какъ требовалъ энергическаго приведенія его въ исполненіе, при томъ не позже 20-хъ чиселъ декабря [4]), а между тѣмъ немногочисленная, только что созданная польская армія удалялась бы отъ своей базы, при чемъ даже возможные первоначальные ея успѣхи могли бы послужить къ постановкѣ ея въ критическое положеніе, послѣ чего и кампанія могла бы окончиться гораздо скорѣе, чѣмъ при условіи затяжного сопротивленія въ своей собственной странѣ [5]).

Планъ Прондзынскаго.

Хлопицкій, находившій нецѣлесообразными какія бы то ни было наступательныя дѣйствія, отвергъ этотъ планъ, послѣ чего Прондзынскій представилъ оборонительный планъ, основанный на мнѣніи Наполеона, что тотъ, кто владѣетъ Варшавой, Модлиномъ и Сѣ-

---

[1]) Пузыревскій какъ бы допускаетъ возможность нѣкотораго успѣха поляковъ при переходѣ ихъ въ наступленіе въ предѣлы западнаго края.

[2]) Штабы дивизій находились въ Гроднѣ и Дубнѣ; на пространствѣ Брестъ-Бѣлостокъ корпусъ могъ сосредоточиться къ серединѣ декабря.

[3]) О позиціи у Брестъ-Литовска см. у Пузыревскаго, 49.

[4]) Когда поляки превосходили насъ въ отношеніи сосредоточенія силъ.

[5]) Составитель очерка нѣсколько расходится съ Пузыревскимъ (см. у него стр. 50).

роцкомъ, владѣетъ всей Польшей, такъ какъ имѣетъ въ своихъ рукахъ переправы на Вислѣ и Наревѣ, пользуясь которыми, господствуетъ на всѣхъ раіонахъ польскаго театра военныхъ дѣйствій. Прондзынскій вовсе не рекомендовалъ пассивной обороны, но предлагалъ лишь выжидать благопріятнаго случая для перехода въ наступленіе; всякая ошибка русской арміи, всякое препятствіе ея операціямъ должны были служить на пользу полякамъ и давать имъ возможность одерживать частные успѣхи. Важное неудобство этого плана состояло въ томъ, что сразу отдавалась въ руки русскихъ половина страны, что значительно уменьшало и безъ того скудныя средства борьбы, а подкрѣпленій полякамъ неоткуда было ожидать. Планъ этотъ тоже не былъ принятъ.

Второй планъ Хржановскаго.

По второму плану Хржановскаго, слѣдовало сосредоточить армію на р. Ливцѣ у Венгрова, выславъ небольшіе отряды къ Остроленкѣ и къ Сѣдлецу. Если бы русская армія переправилась черезъ Бугъ, то можно было бы принять бой на позиціи у р. Ливца; если бы она двинулась на Варшаву по пути отъ Бѣлостока, то поляки угрожали бы ей фланговымъ нападеніемъ; въ случаѣ неудачи можно было отступить на вторую позицію у Грохова.

Недостатокъ этого плана заключался въ томъ, что Ливецъ представляетъ преграду только во время разливовъ; въ остальное же время года онъ не имѣлъ серьезнаго значенія, а зимою значеніе его сводилось къ нулю; сверхъ того избранная позиція допускала стратегическій обходъ слѣва на Сѣроцкъ.

Планъ, принятый Хлопицкимъ.

Окончательно былъ принятъ [1]) слѣдующій планъ: такъ какъ неизвѣстно, съ которой стороны непріятель будетъ наступать, то было рѣшено расположить армію эшелонами по двумъ дорогамъ, ведущимъ къ Варшавѣ изъ Ковно и изъ Брестъ-Литовска; при наступленіи русскихъ отступать къ центральной позиціи у Грохова и принять тамъ бой.

Выгоды этого плана видѣли въ слѣдующемъ: хорошихъ позицій, въ данное время года, не было, такъ какъ рѣки и болота замерзли; на Гроховской позиціи нельзя было быть охваченнымъ; мѣстность не дозволяла Дибичу развернуть всѣ его силы; поляки опирались на обшир-

---

[1]) На военномъ совѣтѣ, на которомъ главнокомандующій игралъ совершенно пассивную роль.

ные источники средствъ Варшавы и на Прагскій тетъ-де-понъ. Однако при этомъ было упущено, что протяженіе фронта позиціи поляковъ не соотвѣтствовало ихъ силамъ; лѣвый ея флангъ висѣлъ на воздухѣ; въ этомъ направленіи они и могли быть охвачены; въ тылу находилась Висла, сообщеніе черезъ которую производилось по одному мосту.

Развертываніе польской арміи.

На основаніи этого плана польская армія [1]) расположилась въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-я пѣхотная дивизія Круковецкаго и кавалерійская дивизія Янковскаго (13 бат. и 16 эск. при 24 орудіяхъ) на Ковенскомъ шоссе; 2-я пѣх. дивизія Жимирскаго (12 бат. при 28 орудіяхъ) на Брестскомъ шоссе; 3-я пѣх. дивизія Скржинецкаго (9 бат. при 12 орудіяхъ) у Станиславова и Добре; впереди 2-й и 3-й дивизій уланская дивизія Сухоржевскаго (16 эскадроновъ) на линіи Сѣдлецъ-Венгровъ, для охраненія границы; 4-я пѣх. дивизія Шембека (11 бат. при 16 орудіяхъ), резервная артиллерія (6 батарей) и кавалерійскія дивизіи Лубенскаго, Томицкаго и Рутье у Окунева и Варшавы [2]).

Распоряженія относительно сосредоточенія русской арміи.

Изъ Петербурга послѣдовали распоряженія, развитыя позже Дибичемъ и сводившіяся къ слѣдующему: а) 6-му (литовскому) корпусу возможно скорѣе сосредоточиться въ Бѣлостокѣ (24-я пѣх. дивизія и литовская гренадерская бригада) и въ Брестѣ (25-я пѣх. и уланская дивизіи); б) 1-му корпусу двинуться на присоединеніе къ 6-му, оставивъ одну дивизію въ Вильнѣ [3]); в) 3-му резервному кавалерійскому корпусу двинуться прямо на Холмъ и принять на себя, въ случаѣ нужды, отрядъ Цесаревича; г) 5-му резервному кавалерійскому корпусу возможно быстрѣе двинуться на присоединеніе къ главной арміи; д) гренадерскому корпусу двинуться двумя колоннами на Ковно и Вильну; е) гвардіи начать движеніе 26-го декабря и идти на Вильну [4]); ж) дивизіямъ 2-го корпуса [5]) слѣдовать: 5-й въ Вильну, 7-й

---

[1]) Точнѣе главныя силы поляковъ—45 баталіоновъ и 80 эскадроновъ при 136 орудіяхъ.

[2]) Пузыревскій, 49—52.

[3]) Вильна имѣла важное политическое и административное значеніе; въ ней же находились запасы и склады провіанта и артиллерійскихъ припасовъ.

[4]) 1-й дивизіи и 2-й бригадѣ 3-й дивизіи—на Ковну; 2-й дивизіи черезъ Вильну на Гродну, а 1-й и 3-й бригадамъ 3-й дивизіи съ артиллеріею—въ Вильну.

[5]) Который долженъ былъ занять нѣкоторые пункты въ Литвѣ, смѣняя части гренадерскаго корпуса.

въ Минскъ, 6-й въ Минскъ, Могилевъ, Борисовъ и Витебскъ и 2-й гусарской въ Новогрудокъ, Миръ, Ружаны и Пружаны.

Командиръ 6-го корпуса баронъ Розенъ [1]), еще до полученія приказаній изъ Петербурга, озаботился сосредоточеніемъ корпуса: онъ приказалъ третьимъ (резервнымъ) баталіонамъ полковъ остаться въ болѣе важныхъ пунктахъ [2]); корпусъ собрался безъ этихъ баталіоновъ. Онъ не рѣшился двинуться на выручку великаго князя въ Царство Польское, зная, что поляки уже сосредоточили значительныя силы [3]). Цесаревичъ, присоединившись къ Розену, одобрилъ его намѣреніе не переступать предѣловъ Царства и даже приказалъ Палену 1-му идти правымъ берегомъ Нѣмана. Въ свою очередь, и Дибичъ одобрилъ распоряженія Розена и приказалъ: 3-му резервному кавалерійскому корпусу, не вступая въ Царство, идти къ Брестъ-Литовску; 6-му корпусу не начинать наступательныхъ дѣйствій; если поляки вступятъ въ Литву, принимать бой только съ самыми вѣрными шансами на успѣхъ; въ противномъ случаѣ отступать на корпусъ Палена [4]).

Свѣдѣнія о противникѣ, планъ Дибича.

Собранныя о противникѣ свѣдѣнія, въ общихъ чертахъ, вѣрно опредѣляли положеніе непріятельскихъ войскъ [5]).

Задача Дибича заключалась въ томъ, чтобы разбить непріятельскую армію и овладѣть Варшавой. Дибичъ составилъ слѣдующій планъ: сосредоточивъ большую часть арміи между Бѣлостокомъ и Бѣльскомъ, перейти границу 24 и 25 января (съ 1-мъ и 6-мъ пѣхотными и 3-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусами, со 2-ю гренадерскою дивизіею и отрядомъ Цесаревича), между Бугомъ и Наревомъ, имѣя еще нѣсколько колоннъ съ обоихъ фланговъ для демонстрацій и для связи между всѣми частями арміи; при этомъ предполагалось держать главную массу войскъ сосредоточенною. Стянувъ войска

---

[1]) Розенъ былъ облеченъ властью командира отдѣльнаго корпуса.

[2]) Брестъ, Бѣлостокъ, Гродна, Дубно, Владиміръ-Волынскъ и Кременецъ.

[3]) Розенъ получилъ письмо отъ Хлопицкаго, который выражалъ надежду удержать страну въ повиновеніи верховной власти, но только при условіи, что русскіе не обнаружатъ намѣренія вступить въ предѣлы Царства Польскаго.

[4]) Пузыревскій, I, 52—54.

[5]) Тамъ же, 54.

между Ломжею и Нуромъ, Дибичъ полагалъ дѣйствовать въ зависимости отъ обстановки: а) если непріятель сосредоточитъ свои войска на лѣвомъ берегу Буга, эшелонируясь къ Варшавѣ, — перейти на тотъ же берегъ рѣки, принудить противника возможно скорѣе отойти въ Варшаву и, въ то же время, при помощи 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, подготовить надежную переправу на нижней Вислѣ; б) если поляки останутся въ первоначальномъ расположеніи, — отрѣзать войска, стоявшія на Наревѣ, и энергически дѣйствовать противъ расположенныхъ на Бугѣ; в) если бы поляки заняли правый берегъ Нарева, стараться отбросить ихъ къ Пруссіи или же дѣйствовать противъ Варшавы; г) если же поляки сосредоточатъ свои силы между Венгровымъ и Сѣдлецомъ, по направленію къ Бресту, перейти Бугъ и маневрировать правымъ флангомъ, чтобы принудить непріятеля къ рѣшительному дѣлу прежде, нежели онъ углубится въ лѣса между Калушинымъ и Варшавой [1]).

Основная мысль Дибича заключалась въ слѣдующемъ: держать главныя силы сосредоточенными, чтобы разбить непріятеля на лѣвомъ берегу Буга или на правомъ берегу Нарева, стараясь сколь возможно болѣе отдѣлить ихъ отъ Варшавы; если же это не удастся,— перейти верхнюю Вислу, окружить Варшаву и, голодомъ или штурмомъ, заставить ее сдаться на капитуляцію.

Планъ Дибича былъ поставленъ въ строгую зависимость отъ обстановки и преслѣдовалъ важныя цѣли [2]), но въ немъ не была принята въ соображеніе возможность перемѣны погоды [3]): русская армія могла бы быть поставлена въ весьма затруднительное положеніе, втянувшись въ «cul-de-sac» Буго-Нарева, если бы рѣки вскрылись или ледъ на нихъ сильно ослабѣлъ; поляки, занявъ переправы на Бугѣ, заставили бы Дибича отойти назадъ къ Бѣлостоку и оттуда снова начать наступленіе по Брестскому шоссе; если бы даже поляки были разбиты, они могли бы укрыться за Вислу, переправа черезъ которую у Варшавы и ниже ея была бы невозможна.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Дѣйствія противъ арміи и столицы противника.

[3]) Дибичъ полагалъ, что морозы еще продержатся и что Бугъ и Наревъ не представятъ серьезныхъ затрудненій при переправѣ.

Въ виду послѣдняго соображенія нѣкоторые совѣтники предлагали Дибичу избрать базою Брестъ-Литовскъ и оттуда уже дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, къ Варшавѣ или къ верхней Вислѣ; но фельдмаршалъ не согласился на это предложеніе, сопряженное съ слѣдующими неудобствами: а) всѣ подкрѣпленія подходили съ сѣвера; б) необходимо было бы потерять время на передвиженіе войскъ къ новой базѣ и на устройство базы, а между тѣмъ скоро должна была наступить распутица и вскрытіе рѣкъ; в) пришлось бы базироваться на уголъ Полѣсья, страны бѣдной, малонаселенной и почти вовсе не имѣвшей магазиновъ; г) чѣмъ дольше русскіе не вступали въ Царство, тѣмъ дольше поляки могли пользоваться средствами края, истощивъ его до прибытія нашихъ войскъ, продовольствіе которыхъ было сильно разсчитано на реквизиціи [1]); д) важно было сберечь мѣстныя средства въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ, для довольствія этапныхъ пунктовъ, проходящихъ войскъ и различныхъ находившихся тамъ учрежденій, въ виду чего и слѣдовало торопиться открытіемъ кампаніи [2]).

Начало исполненія плановъ обѣихъ сторонъ.

24-го января 1831 года русская армія была сосредоточена на указанныхъ ей сборныхъ пунктахъ; перейдя затѣмъ въ наступленіе, она дошла 27-го главными силами до линіи Ломжа — Чижевъ съ резервами у Высокомазовецка; на правомъ флангѣ отрядъ князя Шаховского дошелъ до Кальваріи, а на лѣвомъ Крейцъ перешелъ изъ Красностава въ Пяски. Въ эти три дня наши войска прошли 60 верстъ [3]), а между тѣмъ переходы были форсированные [4]);

---

[1]) Генералъ-интендантъ сенаторъ Абакумовъ разсчитывалъ довольствіе на 280,000 человѣкъ и 100,000 лошадей, при чемъ предполагалъ добыть путемъ реквизицій $^1/_4$ хлѣбныхъ и $^1/_6$ зерновыхъ фуражныхъ средствъ. Этотъ расчетъ на реквизиціи и отсутствіе парковъ для перевозки запасовъ отъ базы къ арміи составляли главныя наши ошибки.

[2]) Толь предложилъ измѣненіе въ планѣ Дибича: двинуться къ Дрогичину, а оттуда на Варшаву, черезъ Сѣдлецъ, или же къ верхней Вислѣ. Выгоды такого плана заключались въ томъ, что войска наши находились сравнительно болѣе продолжительное время вблизи границъ, а потому продовольствіе ихъ облегчалось и уменьшалась возможность разныхъ случайностей; но зато операціонная линія была длиннѣе и главныя силы отдѣлялись отъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

[3]) Авангарды около 72-хъ верстъ.

[4]) Ибо трудность марша измѣряется не столько его величиною, сколько количествомъ усилій, потраченныхъ для его совершенія.

затрудненій было множество: вслѣдствіе оттепелей дороги превратились въ топи и болота; 27-го января пошелъ дождь, который согналъ снѣгъ съ полей; измѣнилась погода, 21-го было 13° ниже, а 27-го 16° выше нуля; войска не могли дѣлать болѣе двухъ верстъ въ часъ; обозы, поставленные на санный путь, должны были остановиться. 28-го фельдмаршалъ далъ войскамъ дневку; тѣмъ временемъ оттепель усиливалась; 29-го было 3,7° выше нуля.

Дибичъ понялъ опасность, съ которою было сопряжено продолженіе исполненія указаннаго плана, и созвалъ военный совѣтъ изъ Толя и командировъ корпусовъ. Толь и нѣкоторые другіе члены совѣта говорили, что одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха на войнѣ заключается въ томъ, чтобы придерживаться однажды принятаго плана и не колебаться ни при какихъ затрудненіяхъ; въ 2 — 3 перехода можно достигнуть Вышкова, въ 3 дня ледъ не очень ослабѣетъ, а между тѣмъ могутъ опять появиться морозы; въ крайнемъ случаѣ, можно переправиться на понтонахъ; для достиженія такой важной цѣли, какъ разобщеніе непріятельской арміи, не должно обращать вниманія ни на какія затрудненія, но стремиться неуклонно къ предположенной цѣли. Другіе члены совѣта возражали.

Дибичъ рѣшилъ видоизмѣнить свой планъ слѣдующимъ образомъ: войска должны были переправиться на лѣвый берегъ Буга у Нура и Брока [1]), гдѣ мѣстность болѣе благопріятствовала военнымъ дѣйствіямъ, и затѣмъ всѣми силами обрушиться на правое крыло поляковъ прежде, чѣмъ оно успѣетъ соединиться съ лѣвымъ; предполагалось стянуть войска къ Венгрову и Сѣдлецу, а затѣмъ перейти на Брестскую дорогу, при чемъ для коммуникаціи могла служить дорога на Дрогичинъ. Этотъ планъ положено привести въ исполненіе 29-го января.

Между тѣмъ, 26-го января, главная квартира польской арміи была перенесена въ Окуневъ. Хржановскій [2]) произвелъ развѣдку отъ Ливца за Венгровъ, но не былъ поддержанъ Скржинецкимъ [3]) и отошелъ назадъ. Отправившись въ Окуневъ, онъ узналъ о принятомъ рѣшеніи отступить и принять сраженіе у Праги [4]).

---

[1]) VI корпусъ долженъ былъ идти къ Броку, а I къ Нуру.
[2]) Въ должности начальника штаба дивизіи Жимирскаго.
[3]) Изъ Добре.
[4]) Пузыревскій, I, 64—71.

Переправа черезъ Бугъ была совершена русскими 30-го января, а къ 2-му февраля русская армія стояла по р. Ливцу въ двухъ большихъ массахъ: у Венгрова и у Сѣдлеца; поляки же предполагали было перейти также черезъ Бугъ, навстрѣчу русскимъ, но, уяснивъ себѣ намѣренія Дибича, заняли прежнее свое расположеніе (Калушинъ—Добре—Окуневъ—Радзыминъ).

Дѣло у Сточека.

2-го февраля польскій генералъ Дверницкій [1]) разбилъ часть русскаго отряда барона Гейсмара [2]) у Сточека. Съ нашей стороны обнаружились слѣдующіе недочеты: а) движеніе совершается двумя колоннами, но не уравнивается; нѣтъ должной связи; сборный пунктъ въ раіонѣ расположенія противника; б) нѣтъ охраненія и развѣдки [3]); в) въ бою конница дѣйствуетъ несообразно съ своими свойствами; г) колонны терпятъ пораженіе порознь; нѣтъ должнаго управленія войсками.

Ни по нашимъ матеріальнымъ потерямъ [4]), ни по своему стратегическому значенію, дѣло подъ Сточекомъ не было важно, но моральное его вліяніе на поляковъ было огромное и подняло ихъ духъ въ высокой степени; оно способствовало укорененію убѣжденія въ возможности борьбы съ русскими и вселяло всему польскому народу увѣренность въ успѣхѣ.

Во главѣ нашего отряда стоялъ одинъ изъ героевъ наполеоновскихъ войнъ и войны 1828—29 г.г. [5]), который погрѣшилъ тѣмъ, что относился къ противнику съ презрѣніемъ, вслѣдствіе чего не сдѣлалъ надлежащихъ распоряженій и заботился только о томъ, чтобы противникъ отъ него не ушелъ. Такимъ образомъ русскій генеральный штабъ нисколько не причастенъ къ этой, равно какъ и ко многимъ другимъ неудачамъ нашимъ въ эту кампанію.

---

[1]) Отрядъ Дверницкаго состоялъ изъ 3-хъ батальоновъ, 15 эскадроновъ и 6 орудій. См. о немъ у Пузыревскаго, I, 77—80 и др.

[2]) Изъ отряда Гейсмара въ этомъ бою участвовали 2 конно-егерскихъ полка съ 10 орудіями.

[3]) То же было и въ другихъ случаяхъ. Брандтъ писалъ (о русскихъ): «Въ продолженіе всего моего пути меня изумила проявившаяся повсюду безпечность; нигдѣ не было и слѣдовъ строгой аванпостной службы».

[4]) 280 чел. и 241 лошадь.

[5]) Въ эту войну онъ одержалъ блестящій успѣхъ въ ночномъ бою при Боелештахъ, который приводится, въ качествѣ образца, въ курсахъ тактики.

Бой у Калушина и Вавра. Дѣйствія Толя, Нейдгардта и Дибича.

5-го февраля Дибичъ рѣшилъ продолжать наступленіе къ Варшавѣ. При этомъ наступленіи произошли бои у Калушина и Добре, а затѣмъ (7-го февраля) при Ваврѣ.

Въ бою у Калушина главную роль сыгралъ Толь, несмотря на то, что онъ былъ только начальникомъ резерва [1]): опередивъ 1-й корпусъ [2]), онъ рѣшилъ обойти сильную позицію противника съ обоихъ фланговъ, привелъ это рѣшеніе въ исполненіе и вынудилъ противника къ отступленію [3]).

Въ бою при Ваврѣ, когда нашъ авангардъ былъ тѣснимъ превосходными силами поляковъ [4]), Дибичъ приказалъ: Сухозанету выбрать позицію для артиллеріи; Нейдгардту отыскать выгодный, на первое время, опорный пунктъ на позиціи, а Толю возможно быстрѣе выяснить положеніе непріятеля и содѣйствовать усиленію авангарда. Толь поспѣшилъ къ правому флангу, опрокинутому новою атакою противника, и тотчасъ же замѣтилъ, что значительныя силы поляковъ были устремлены между шоссе и Окуневскою дорогою; дивизія Жимирскаго тѣснила нашъ слабый правый флангъ съ двухъ сторонъ; хотя прибывшій вскорѣ Новоингерманландскій полкъ уже продолжилъ и усилилъ этотъ флангъ, однако такая поддержка была слишкомъ слаба и пѣхота наша отступила. Толь понимаетъ, что при такихъ условіяхъ полякамъ представляется возможность совершенно разрѣзать русскую армію пополамъ, а потому выдвигаетъ на правый флангъ Староингерманландскій полкъ и баталіонъ 4-го морского полка; артиллерію же 3-й дивизіи располагаетъ весьма выгодно уступомъ за конною батареею лѣвѣе шоссе. Въ то же время 3-й морской полкъ былъ выдвинутъ Нейдгардтомъ влѣво, для поддержки егерей и кавалеріи. Эти подкрѣпленія содѣйствовали возстановленію боя въ нашу пользу, но правый флангъ оставался все-таки уступомъ назади отно-

---

[1]) Резерву было приказано слѣдовать по шоссе отъ Сѣдлеца и остановиться у с. Брошковъ.

[2]) 1-й корпусъ слѣдовалъ отъ Лива на Калушинъ.

[3]) Тамъ же, 82—83.

[4]) Хлопицкій понялъ необходимость воспрепятствовать русскимъ выйти изъ лѣса и соединить обѣ свои колонны и приказалъ немедленно атаковать корпусъ Палена; поляки пошли въ атаку и потѣснили нашихъ егерей; частямъ, выдвинутымъ съ нашей стороны гр. Паленомъ, удалось задержать напоръ поляковъ до 10 часовъ утра.

сительно войскъ, дѣйствовавшихъ лѣвѣе шоссе. Въ такомъ положеніи засталъ дѣло прибывшій [1]) на поле сраженія Дибичъ, который принялъ на себя управленіе боемъ и продолжалъ дѣло, начатое Толемъ при содѣйствіи Нейдгардта. Когда затѣмъ [2]) Дибичъ, не опасаясь болѣе за свой правый флангъ, приказалъ начать общее наступленіе въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ, то Толь опрокинулъ Жимирскаго въ то время, какъ Паленъ тѣснилъ по шоссе Шембека [3]).

Бой при Ваврѣ былъ случайный; въ такихъ бояхъ управляютъ ходомъ дѣла частные начальники; первостепенное значеніе пріобрѣтаетъ ихъ иниціатива, находчивость и предпріимчивость. Въ этомъ отношеніи наибольшія заслуги принадлежатъ прежде всего гр. Палену [4]), но затѣмъ чуть ли не наравнѣ съ нимъ нельзя не поставить Толя. Не приходится умалчивать и о заслугѣ Нейдгардта. Такимъ образомъ старшіе генералы нашего генеральнаго штаба въ этомъ случаѣ сдѣлали, по меньшей мѣрѣ, все, чего можно было отъ нихъ ожидать.

Дѣйствія Дибича и князя Шаховского передъ сраженіемъ при Гроховѣ.

Тотчасъ послѣ боя при Ваврѣ, Дибичъ послалъ къ князю Шаховскому адъютанта [5]) съ приказаніемъ идти къ нему на соединеніе; адъютантъ этотъ передалъ это приказаніе Шаховскому въ Пултускѣ 10-го; утромъ 11-го всѣ войска Шаховского соединились у Сѣроцка, а затѣмъ онъ перешелъ Буго—Наревъ и вечеромъ 11-го же февраля расположился бивакомъ у Непорента. Здѣсь къ нему прибылъ другой адъютантъ Дибича [6]) съ приказаніемъ: если удалось перевезти артиллерію, идти по старой дорогѣ; въ противномъ случаѣ — оставить артиллерію на той сторонѣ рѣки и идти кружнымъ путемъ на соединеніе съ арміею. Шаховской донесъ, что продолжаетъ движеніе по старой дорогѣ. Это донесеніе было послано въ двѣнадцать часовъ ночи и могло быть получено только къ разсвѣту 12-го февраля. Дибичъ тотчасъ же отвѣчалъ, что Шаховской долженъ оставаться все двѣнадцатое число у Непорента, а 13-го перейти въ Кобелку; Толь же

---

[1]) Около 11 часовъ дня.
[2]) По вступленіи въ бой нашей правой колонны.
[3]) Тамъ же, 87—92.
[4]) О дѣйствіяхъ его см. у Пузыревскаго, 89—92.
[5]) Гвардіи капитана Муханова.
[6]) Львовъ.

приписалъ, что если онъ уже выступилъ, то остановиться тамъ, гдѣ застанетъ приказаніе. Поляки 12-го утромъ произвели нечаянное нападеніе на войска Шаховского у Непорента, но были отражены, послѣ чего Шаховской двинулся по пути къ Прагѣ съ цѣлью занять ранѣе противника дефиле между Кобелкой и Бялоленкою [1]). Приказаніе Дибича объ остановкѣ у Непорента опоздало: казакъ, везшій его, наткнулся на поляковъ, отступавшихъ отъ Непорента [2]), сдѣлалъ большой объѣздъ и настигъ Шаховского уже въ то время, когда онъ втянулся въ дефиле у Кобелки; Шаховской же, считая необходимымъ овладѣть выходомъ изъ дефиле [3]), рѣшилъ не исполнить приказанія главнокомандующаго и взять Бялоленку, тогда какъ Дибичъ имѣлъ въ виду выдвинуть Шаховского, по возможности внезапно и скрытно, противъ лѣваго фланга и тыла польской арміи и нанести ей въ этомъ направленіи рѣшительный ударъ. Шаховской не долженъ былъ высовываться, чтобы не навести поляковъ на мысль относительно направленія готовившагося имъ главнаго удара. Но такъ какъ Шаховской не былъ посвященъ въ тайну намѣреній Дибича, то онъ и выдвинулся къ Бялоленкѣ, что привело къ бою у этого селенія 12-го февраля. Бой этотъ смутилъ Дибича; всѣ его предположенія готовы были рушиться; къ тому же поляки могли разгромить Шаховского. Въ 10—11 часовъ вечера 12-го Дибичъ получилъ отъ Шаховского донесеніе о занятіи Бялоленки. Онъ тотчасъ же послалъ ему приказаніе остановиться и не завязывать вновь боя; если же поляки нападутъ на него, то наши главныя силы атакуютъ непріятеля съ фронта. Шаховской, въ свою очередь, былъ смущенъ тѣмъ, что фельдмаршалъ остался недоволенъ занятіемъ Бялоленки; утромъ 13-го, вообразивъ, что вся польская армія обратится противъ него, онъ началъ отходить по дорогѣ на Марки для соединенія съ главною арміею. Это отступленіе вызвало атаку со стороны Круковецкаго. Шаховской отошелъ къ Маркамъ вполнѣ благополучно. Тѣмъ не менѣе, Дибичъ, 13-го февраля, услыхавъ канонаду со стороны Бялоленки и опасаясь, чтобы поляки

---

[1]) Чтобы прикрыть дорогу изъ Кобелки на Марки, Гродзискъ и Зомбки къ Кавенчину.

[2]) На дивизію Янковскаго.

[3]) Онъ хотѣлъ также отрѣзать путь отступленія Янковскому.

не обрушились превосходными силами на Шаховского, рѣшилъ атаковать поляковъ главными силами съ фронта, чтобы отвлечь ихъ отъ Шаховского. Такимъ образомъ рухнулъ планъ Дибича и, вмѣсто преднамѣреннаго сраженія 14-го, разыгралось подъ Гроховымъ случайное сраженіе 13-го февраля [1]).

Опять-таки отвѣтственность въ этомъ случаѣ падаетъ не на генеральный штабъ, а на самого Дибича.

Сраженіе при Гроховѣ. Дѣйствія Дибича и Толя.

Въ сраженіи при Гроховѣ, ко времени послѣдней атаки нашей на Ольховую рощу, Дибичъ узналъ объ отступленіи Шаховского отъ Бялоленки, что окончательно разстраивало его первоначальный планъ, такъ какъ поляки легко уже могли отступить на Прагу. Чтобы сколько-нибудь поправить дѣло, онъ рѣшилъ усилить пѣхоту, атаковавшую рощу, а правѣе пѣхоты выдвинуть 3-ю кирасирскую дивизію [2]), чтобы обходомъ кавалеріи облегчить овладѣніе рощею, а вмѣстѣ съ тѣмъ ударомъ ея разорвать фронтъ отступавшихъ поляковъ и попытаться хотя бы правый ихъ флангъ отбросить къ болотамъ у Брестскаго шоссе. Руководство дѣйствіями конницы было поручено Толю. Наступленію кавалеріи препятствовали многія канавы и въ особенности большой ровъ [3]). Толь соединилъ подъ начальствомъ Герштенцвейга батарею изъ 24 конныхъ и 8 пѣшихъ орудій, подъ покровительствомъ огня которыхъ развертывались головные полки нашей конницы, за которыми слѣдовали остальные. Толь собралъ полковыхъ командировъ, объяснилъ имъ цѣль атаки, важность роли кавалеріи въ этомъ случаѣ и приказалъ начать атаку по его сигналу, такъ какъ необходима была единовременность усилій, чтобы отбросить поляковъ къ Гоцлавскимъ болотамъ и отрѣзать ихъ отъ Праги. Къ сожалѣнію, самъ Толь увлекся частною атакою противъ вышедшаго изъ рощи польскаго баталіона [4]), вслѣдствіе чего знаменитая атака двухъ дивизіоновъ кирасирскаго принца Альберта полка [5]) не

---

[1]) Пузыревскій, I, 94—99.

[2]) Съ л.-гв. уланскимъ Его Высочества полкомъ.

[3]) Кавалерія должна была совершать обходъ по греблѣ въ колоннѣ по шести и, только пройдя препятствія, перестраиваться въ боевой порядокъ подъ огнемъ батарей противника.

[4]) 4-го линейнаго полка.

[5]) Имѣвшихъ во главѣ подполковника Зона и полковника барона Мейендорфа (см. ниже).

была поддержана и противникъ избавился отъ угрожавшаго ему удара [1]).

Около 4-хъ часовъ пополудни подошелъ Шаховской, къ которому выѣхалъ навстрѣчу [2]) самъ Дибичъ. Онъ лично повелъ впередъ гренадеръ, но когда они подошли къ непріятельской позиціи, день уже склонялся къ вечеру [3]). Фельдмаршалъ, послѣ нѣкотораго колебанія, приказалъ прекратить бой [4]).

Опять и здѣсь на самого Дибича ложится отвѣтственность за то, что Гроховскій полупогромъ поляковъ [5]) не обратился для нихъ въ катастрофу, но, въ то же время, слѣдуетъ признать, что извѣстная часть этой отвѣтственности [6]) должна быть отнесена на долю его ближайшаго помощника, Толя.

Второй планъ Дибича.

Разстройство хозяйственной части, неблагопріятное время года и неудовлетворительное санитарное состояніе арміи заставили Дибича отвести армію назадъ (въ окрестности Станиславова, Желехова и Шеницы) и расположить ее на квартирахъ, въ ожиданіи возможности приведенія въ исполненіе новаго плана, заключавшагося въ томъ, чтобы, по вскрытіи Вислы, переправиться черезъ эту рѣку выше Варшавы [7]) и атаковать ее съ лѣваго берега.

Дѣйствія Толя противъ Дверницкаго.

Между тѣмъ новый польскій главнокомандующій, генералъ Скржинецкій [8]) выслалъ партизанскій отрядъ Дверницкаго на Волынь для возбужденія тамъ возстанія. Съ своей стороны Дибичъ поручилъ Толю общее начальство надъ войсками, назначенными дѣйствовать противъ Дверницкаго. Дѣйствія эти привели къ тому, что Дверницкій былъ вынужденъ укрыться въ кр. Замостьи [9]).

Исполненіе второго плана Дибича, дѣйствія поляковъ.

Русская армія начала движеніе къ переправѣ 17-го марта, оставивъ на Брестскомъ шоссе корпусъ Розена, который долженъ былъ:

---

[1]) Все же эта атака имѣла слѣдствіемъ панику у поляковъ; самъ кн. Радзивилъ со свитою ускакалъ въ Варшаву.

[2]) По порученіи веденія кавалерійской атаки Толю.

[3]) Было около 5 часовъ пополудни.

[4]) Пузыревскій, I, 99—108—112.

[5]) Дибичъ не зналъ, въ какомъ состояніи находилась польская армія.

[6]) За веденіе кавалерійской атаки.

[7]) Тамъ же, 126, 132, 133, 134, 135.

[8]) О немъ Цесаревичъ говорилъ, что онъ «можетъ разсказать все, что заключается въ англійскихъ и французскихъ газетахъ, но ничего не знаетъ о томъ, что происходитъ у него въ полку». См. Пузыревскій, 113.

[9]) Тамъ же, 127—132.

наблюдая Прагу, прикрывать тылъ, обезпечивать край и въ особенности охранять Сѣдлецъ (базу) и сообщеніе съ Брестомъ. Между тѣмъ Прондзынскій предложилъ атаковать Розена, разбить и оттѣснить его, послѣ чего направиться на флангъ русской арміи и отрѣзать ее отъ коммуникаціоннаго пути на Брестъ. Скржинецкому пришлось принять этотъ планъ. Польская армія перешла въ наступленіе 19-го марта. Наступленіе это привело къ пораженію Розена въ бою при Дембе-Вельке [1]) и къ отступленію его по пути на Сѣдлецъ. Дибичъ, получивъ донесенія Розена, согласился съ мнѣніемъ Толя и предполагалъ идти противъ Скржинецкаго и отрѣзать его отъ Праги [2]), но такъ какъ фельдмаршалъ не могъ распоряжаться нѣкоторыми отрядами [3]), то этотъ планъ былъ представленъ на усмотрѣніе Государя [4]). 23-го марта рѣшено было идти прямо противъ поляковъ и атаковать ихъ въ занятомъ ими расположеніи [5]).

Въ то время, какъ была задумана и близилась къ осуществленію эта рѣшительная операція, новое неблагопріятное обстоятельство [6]) снова разрушило расчеты русскаго полководца: когда, 27-го марта, армія получила приказаніе выступить къ Желехову и диспозицію для движенія къ Гарволину, генералъ-интендантъ донесъ фельдмаршалу, что довольствіе арміи не обезпечено [7]). Дибичъ рѣшилъ фланговымъ маршемъ къ Лукову сблизиться съ запасами въ Сѣдлецѣ и Мендзыржецѣ и съ транспортами изъ Бреста и Дрогичина.

Между тѣмъ вспыхнуло возстаніе въ Литвѣ; дѣйствія на флангахъ получили значительное развитіе, а отрядъ Дверницкаго былъ двинутъ въ юго-западный край съ цѣлью поднять тамъ возстаніе [8]). Все это отвлекало значительную часть нашихъ силъ и затрудняло положеніе главной нашей арміи.

---

[1]) Тамъ же, 138—145.
[2]) Тамъ же, 147—150.
[3]) Онъ не могъ распоряжаться корпусомъ Ридигера, не входившимъ въ составъ дѣйствующей арміи, и былъ стѣсненъ въ употребленіи гвардейскаго корпуса.
[4]) Тамъ же, 150.
[5]) Тамъ же. Общее наступленіе было назначено на 25-е марта.
[6]) Не случайное по существу, а представлявшее естественный результатъ дурного устройства въ арміи продовольствія и недостатка перевозочныхъ средствъ.
[7]) Тамъ же, 153 и 154.
[8]) Тамъ же, 161—166, 172—180.

Съ прибытіемъ этой арміи къ Сѣдлецу наступилъ періодъ бездѣйствія. Впрочемъ, Дибичъ рѣшилъ обратиться снова къ наступательнымъ дѣйствіямъ, для чего сосредоточить гвардію къ Нуру, а съ главными силами арміи произвести фланговое движеніе черезъ Водыне и Іерузалемъ къ Куфлеву, обойти такимъ образомъ расположеніе польскаго авангарда у Костржина и, дѣйствуя черезъ Цегловъ и Минскъ или чрезъ Калушинъ, отбросить непріятеля съ шоссе на Ливецъ и къ Бугу, гдѣ гвардія была въ готовности содѣйствовать главнымъ силамъ въ нанесеніи противнику рѣшительнаго удара. Къ сожалѣнію, польскій главнокомандующій былъ заблаговременно увѣдомленъ о предпріятіи Дибича [1]). Въ концѣ концовъ этотъ планъ, хорошо задуманный въ основной своей идеѣ, но исполненный безъ должныхъ предосторожностей и при томъ вяло, не далъ никакихъ положительныхъ результатовъ [2]).

Указанія Императора Николая I относительно плана дѣйствій. Дѣятельность Дибича.

Въ это время Императоръ Николай [3]) самъ рѣшилъ дать главнокомадующему слѣдующія указанія относительно плана дальнѣйшихъ дѣйствій: а) водвореніе порядка въ пограничныхъ съ Царствомъ Польскимъ губерніяхъ и охраненіе тыла дѣйствующей арміи возложить на 1-ую и вновь образуемую резервную армію; б) части 2-го корпуса и 1-й уланской дивизіи [4]) присоединить къ дѣйствующей арміи и тогда двинуть ее для переправы не на верхнюю, а на нижнюю Вислу, обезпечивъ продовольствіемъ первоначально покупкою запасовъ въ Пруссіи, а впослѣдствіи подвозами изъ Россіи через Данцигъ.

Съ этого времени Дибичъ обратилъ всѣ усилія къ скорѣйшему, насколько отъ него зависѣло, выполненію воли Государя [5]).

Планъ дѣйствій поляковъ противъ русской гвардіи и исполненіе этого плана.

Между тѣмъ поляки захватили иниціативу дѣйствій. Прондзынскій составилъ слѣдующій планъ: а) съ главными силами (45,000—46,000 чел.) быстро двинуться противъ русской гвардіи и разбить ее прежде, нежели Дибичъ явится на помощь, а затѣмъ, отбро-

---

[1]) Врачъ Беніовскій (полякъ) перешелъ на сторону противника и сообщилъ имъ то, что зналъ. См. Пузыревскій, 197.

[2]) Тамъ же, 191—203.

[3]) Тревожно слѣдившій за ходомъ кампаніи.

[4]) Находившіяся въ Литвѣ.

[5]) Тамъ же, 203—207 и др.

сивъ остатки ея на значительное разстояніе, войти въ связь съ литовскими инсургентами и послать имъ подкрѣпленіе; б) при наступленіи главныхъ силъ русскихъ противъ Скржинецкаго расположиться на оборонительной позиціи на правомъ берегу Нарева, чтобы отрѣзать русскимъ сообщеніе съ Пруссіею и воспрепятствовать движенію Дибича къ нижней Вислѣ [1]); в) возвести у Сѣроцка укрѣпленный лагерь; опираясь на этотъ пунктъ и на Ломжу, можно было дѣйствовать во флангъ и тылъ русской арміи; г) когда такимъ образомъ главныя силы русскихъ будутъ притянуты къ Нареву, Уминскій (съ 25,000 человѣкъ) долженъ перейти въ энергическое наступленіе и очистить весь край до Буга [2]).

При исполненіи этого «превосходно составленнаго» [3]) плана Скржинецкій обнаружилъ окончательно полную свою неспособность предводительствовать арміею и руководить ея дѣйствіями.

Великій князь Михаилъ Павловичъ сосредоточилъ гвардію у Снядова [4]), отразивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, первый напоръ противника; когда же сообщеніе съ главною арміею было прервано, то онъ началъ отходить на Бѣлостокъ съ цѣлью прикрыть этотъ важный складочный пунктъ, увлечь за собою непріятеля, давая Дибичу время зайти ему въ тылъ, и возстановить свои сообщенія съ главною нашею арміею.

Наступленіе Дибича. Сраженіе при Остроленкѣ. Дѣйствія Дибича и Толя.

Дибичъ, долго не вѣрившій наступленію поляковъ противъ гвардіи, перешелъ наконецъ въ наступленіе, которое, впрочемъ, произвелъ чрезвычайно осторожно; сблизившись съ гвардіею, онъ разбилъ Скржинецкаго въ сраженіи 14-го мая при Остроленкѣ, не взирая на то, что поляки были вдвое сильнѣе русскихъ, и мѣстныя условія также благопріятствовали полякамъ, а не русскимъ [5]).

Въ этомъ сраженіи, когда наши войска должны были форсировать переправу, Дибичъ приказалъ Толю возможно поспѣшнѣе занять берегъ Нарева и послать разъѣзды къ сторонѣ Сѣроцка [6]). Толь,

---

[1]) Въ польской главной квартирѣ имѣлись свѣдѣнія о томъ, что русскіе предполагаютъ совершить это движеніе.

[2]) Съ присоединеніемъ отряда Хржановскаго. Пузыревскій, I, 224—226.

[3]) По опредѣленію Пузыревскаго.

[4]) Тамъ же, 227—234, 236—242.

[5]) Тамъ же, 244—267.

[6]) Дибичъ предполагалъ, что польская армія отойдетъ въ этомъ направленіи.

имѣвшій въ своемъ непосредственномъ распоряженіи Лубенскій гусарскій полкъ съ 2 орудіями, поставилъ эти орудія на берегу, а гусаръ укрылъ за ближайшими песчаными холмами. Эта «батарея» Толя, возросшая затѣмъ до 34 орудій, наносила особенный вредъ непріятелю [1]), а что всего важнѣе, она обезпечивала флангъ нашихъ войскъ, перешедшихъ на лѣвый берегъ Нарева и удерживавшихся тамъ, несмотря на рядъ атакъ превосходныхъ силъ противника. Само собою разумѣется, что Толь и здѣсь оказывалъ Дибичу все то содѣйствіе и исполнялъ его волю, насколько въ томъ и другомъ была надобность.

Въ 2 часа ночи Толь получилъ донесеніе, что у непріятеля большой шумъ. Онъ разбудилъ фельдмаршала и доложилъ ему объ отступленіи противника и о необходимости преслѣдованія, но Дибичъ на это не согласился, такъ какъ считалъ необходимымъ предварительно организовать продовольствіе войскъ [2]). Только съ разсвѣтомъ 15-го мая фельдмаршалъ выслалъ вслѣдъ за противникомъ [3]) по правому берегу Нарева 2 полка казаковъ. Если бы была выслана, по возможности, вся кавалерія съ конною артиллеріею, то можно было бы отрѣзать значительную часть непріятельскихъ войскъ и ихъ матеріальнаго снабженія и этимъ окончательно подорвать нравственныя силы поляковъ [4]).

Подготовка къ движенію къ нижней Вислѣ. Кончина Дибича. Временное командованіе арміею Толя.

Къ концу мая Дибичемъ были приняты всѣ мѣры и подготовлены всѣ средства для скорѣйшаго движенія къ нижней Вислѣ. Но ему самому не пришлось привести въ исполненіе этихъ предположеній: 29-го мая онъ скончался отъ холеры. Во временное командованіе арміею вступилъ графъ Толь, впредь до прибытія новаго главнокомандующаго, графа Паскевича-Эриванскаго [5]).

Толь, полагая, что кончина Дибича могла вызвать со стороны поляковъ покушеніе противъ расположенія русскихъ, предупредилъ корпусныхъ командировъ, что, въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій непріятеля на правый берегъ Нарева, онъ предполагаетъ встрѣтить противника и принять бой у Винницы или на нагорной равнинѣ впе-

---

[1]) Пузыревскій, I, 257—266.
[2]) Тамъ же, 267.
[3]) Въ это время противникъ уже скрылся изъ виду.
[4]) Тамъ же, 268, 269—272.
[5]) Тамъ же, 273—280.

реди Пултуска. Но Скржинецкій не отваживался думать ни о чемъ подобномъ [1]).

Получивъ свѣдѣнія объ ударѣ, направленномъ противъ отрядовъ Ридигера и Крейца, и не имѣя возможности оказать имъ поддержку рѣшительными дѣйствіями главныхъ силъ, Толь ограничился демонстраціею. Прежде всего онъ послалъ приказаніе Власову, назначенному для поиска къ нижней Вислѣ и пріостановленному у Голымина [2]), продолжать движеніе по назначенію. 5-го іюня (на разсвѣтѣ) самъ Толь, съ Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ, отправился въ Сѣроцкъ, произвелъ, въ виду непріятельскихъ постовъ, развѣдку мѣстности и продолжилъ ее затѣмъ до Зегржа. Прибывшая послѣ того бригада пѣхоты (съ 4 орудіями) расположилась бивакомъ и приступила къ предварительнымъ работамъ по устройству моста. Польскіе начальники послѣдовательно донесли по командѣ о наступленіи русской арміи и о готовящейся ея переправѣ. 6-го іюня русскіе продолжали свои работы; къ пункту переправы было еще притянуто два саперныхъ баталіона.

Скржинецкій, получивъ упомянутое донесеніе, совершенно растерялся. Тщетно Прондзынскій увѣрялъ его, что Толь производитъ только «грубую» демонстрацію, и предлагалъ принять соотвѣтственныя мѣры. Скржинецкій отвергъ его предложеніе и приказалъ своимъ войскамъ двинуться къ переправѣ у Потыча, а другимъ отрядамъ имѣть въ виду, что главнокомандующій спѣшитъ къ Варшавѣ, которой угрожаетъ русская армія, и исполнить соотвѣтственные маневры. Послѣдній изъ этихъ отрядовъ [3]) переправился на лѣвый берегъ Вислы 10-го іюня, два дня спустя послѣ переправы Скржинецкаго [4]).

Ожидая, съ часу на часъ, благопріятныхъ извѣстій изъ Литвы, Толь полагалъ, что армія можетъ начать движеніе къ нижней Вислѣ 15-го или 16-го іюня въ составѣ собранныхъ уже на Наревѣ главныхъ силъ (38,000 штыковъ и 15,000 сабель при 250 орудіяхъ), тогда какъ отрядъ Муравьева (7000 штыковъ и 300 сабель при 60 орудіяхъ)

---

[1]) Тамъ же, 301 и слѣд.
[2]) По случаю движенія поляковъ.
[3]) Войска Янковскаго.
[4]) Тамъ же, 310 и 311.

будетъ прикрывать сообщеніе арміи черезъ Остроленку и Ломжу. По мнѣнію Толя, самое утвержденіе арміи на лѣвомъ берегу Вислы должно уже было доставить значительныя выгоды, хотя бы недостатокъ силъ и не позволилъ немедленно подступить къ Варшавѣ, потому что одно приближеніе къ ней должно было принудить польскую армію оставаться передъ своею столицею и стянуть всѣ частные отряды на лѣвый берегъ Вислы. Тогда можно было бы притянуть къ нашей арміи и отряды Муравьева, Крейца и Розена, а корпусъ Ридигера переправить черезъ верхнюю Вислу, послѣ чего и онъ могъ бы оказать главной арміи надлежащее содѣйствіе.

7-го іюня соединенныя силы Гелгуда, Хлаповскаго, Огинскаго и др. были разбиты нашими войсками подъ Вильною. Еще ранѣе былъ уничтоженъ отрядъ Дверницкаго. Польская армія лишилась лучшихъ людей подъ Остроленкою; ея главнокомандующій окончательно лишился довѣрія правительства; армія уже испытывала на себѣ вліяніе анархическихъ идей...

Новый главнокомандующій графъ Паскевичъ-Эриванскій.

Окончательный успѣхъ русской арміи былъ хорошо подготовленъ; оставалось нанести врагу рѣшительный ударъ. Къ этому времени (13-го іюня) и явился къ арміи графъ Паскевичъ-Эриванскій [1]).

Явившись въ Польшу, онъ заботился о сохраненіи пріобрѣтенной репутаціи и былъ предрасположенъ къ излишней осторожности въ дѣйствіяхъ. Къ тому же онъ не зналъ хорошо состоянія ни русской, ни польской арміи. Въ польской арміи онъ все еще продолжалъ видѣть героевъ Гроховскаго сраженія, тогда какъ она состояла преимущественно изъ плохо обученныхъ, мало дисциплинированныхъ рекрутъ. Напротивъ того, русская армія состояла изъ закаленныхъ въ бояхъ ветерановъ; она гордилась недавно одержанной блистательной побѣдой, была всѣмъ хорошо снабжена и готова къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Между тѣмъ Паскевичъ, при мнительности и нерѣшительности своего характера, видѣлъ во всемъ дурное, выказывалъ недовѣріе какъ къ войскамъ, такъ и къ окружающимъ его лицамъ, предполагая при томъ въ послѣднихъ (изъ бывшаго штаба Дибича) предумышленное къ нему недоброжелательство. Мало предпріимчивый, хотя и

---

[1]) Тамъ же, 313—316.

упорный въ разъ принятомъ рѣшеніи, онъ отказывался отъ всякаго смѣлаго предпріятія и постоянно имѣлъ столкновенія съ Толемъ, всегда энергичнымъ и рѣшительнымъ. Онъ считалъ необходимымъ держать войска сосредоточенными, но держалъ ихъ сосредоточенными не съ цѣлью наносить рѣшительные удары противнику, а для того только, чтобы, будучи готовымъ отразить всякую случайность, предоставлять дѣла своему собственному теченію. Желая подражать Наполеону, онъ постоянно твердилъ: «Jl faut porter un grand coup; un jour de bataille il faut réunir tout ce qu'on peut» [1]), а между тѣмъ достаточно было непріятельскому отряду появиться гдѣ-нибудь на флангѣ или въ тылу, чтобы фельдмаршалъ предавался живѣйшимъ опасеніямъ, принимая цѣлый рядъ ненужныхъ мѣръ и задерживая общія операціи. Свои азіатскія кампаніи онъ считалъ образцомъ искусства и старался примѣнявшіяся тамъ правила перенести и на европейскій театръ, хотя бы обстановка тому не благопріятствовала: онъ боялся высылать партизановъ [2]), а между тѣмъ самъ опасался нападенія польскихъ партизановъ на наши обозы; это заставляло его таскать обозы при войскахъ или, самое большое, не далѣе перехода, что стѣсняло операціи; на походѣ войска должны были двигаться такъ сосредоточенно, какъ бы движеніе совершалось по персидскимъ степямъ, имѣя въ виду такого противника, какъ персіяне и т. п.

Въ общемъ, Паскевичъ, будучи лично весьма храбрымъ и распорядительнымъ въ роли второстепеннаго начальника, не обладалъ дарованіями выдающагося полководца. Способностью вліять своею личностью на войска онъ не владѣлъ; неограниченное самолюбіе и высокое самомнѣніе—черты его характера, которыя тоже имѣли отрицательное значеніе.

Должно признать, что фельдмаршалъ обладалъ замѣчательными дарованіями по интендантской части и въ дѣлѣ обезпеченія войскъ довольствіемъ обнаруживалъ столько же искусства, сколько предусмотрительности и заботливости [3]).

---

[1]) Должно наносить (и нанести) рѣшительный ударъ; въ день сраженія слѣдуетъ сосредоточить все, что можно притянуть.

[2]) Въ Азіи это было вполнѣ понятно въ виду малонаселенности страны, недостатка удовлетворительныхъ картъ и т. п.

[3]) См. Пузыревскій, I, 353—354. Составитель очерка согласенъ въ этомъ случаѣ съ Пузыревскимъ, а не съ панегиристами Паскевича.

Исполненіе Паскевичемъ плана, присланнаго Государемъ Дибичу. Паскевичъ отвергаетъ планъ Толя.

Прежде чѣмъ исполнять планъ, присланный Государемъ Дибичу, Паскевичъ счелъ необходимымъ выждать присоединенія Муравьева, что увеличивало главныя силы до 60,000 чел., и началъ движеніе 22-го іюня. Мосты были устроены у Осѣка [1]) гр. Паленомъ, корпусъ котораго и переправился первымъ; за нимъ начали дебушировать на лѣвый берегъ Вислы главныя силы 7-го іюля. Переправившіяся войска (до 54,000 чел.) расположились въ окрестностяхъ Нешавы. Здѣсь Толь представилъ Паскевичу планъ дѣйствій, строго соображенный съ тѣмъ состояніемъ распущенности и нравственной подавленности, въ которыхъ находилась польская армія послѣ погрома подъ Остроленкою: онъ ставилъ главною цѣлью разбитіе непріятельской арміи, а если поляки и тогда не покорятся, то находилъ необходимымъ взять Варшаву штурмомъ. Планъ этотъ не отвѣчалъ ни характеру Паскевича, ни тому мнѣнію, которое онъ имѣлъ о польской арміи, ни его методу веденія войны вообще. Фельдмаршалъ вовсе не желалъ встрѣчаться съ польскою арміею; онъ хотѣлъ, избѣгая боя, привести свои войска въ цѣлости въ окрестности Варшавы и затѣмъ принудить ее капитулировать посредствомъ блокады [2]).

Въ этомъ духѣ и велись имъ операціи. Къ 27-му іюля наша армія, въ составѣ 55,000 чел. при 318 орудіяхъ, сосредоточилась въ окрестностяхъ Ловича, имѣя противъ себя у Болимова и Сохачева польскую армію въ составѣ 49—50,000 чел. при 142 орудіяхъ [3]).

Наша армія оставалась въ занятомъ ею расположеніи до 2-го августа. Толь (еще съ 27-го іюля) произвелъ развѣдку позиціи противника и предложилъ Паскевичу планъ атаки, но предложеніе это не было принято; мало того, фельдмаршалъ самъ опасался быть атакованнымъ непріятелемъ, вслѣдствіе чего были приняты различныя изнурительныя для войскъ мѣры предосторожности [4]).

Въ ночь на 3-е августа польская армія начала отступленіе къ Шиманову и Олтаржеву [5]); лѣвый ея флангъ былъ задержанъ на пе-

[1]) Близъ прусской границы (ниже Влоцлавска).
[2]) Пузыревскій, I, 357—361, 366—369.
[3]) Тамъ же, 369—376.
[4]) Тамъ же, 386.
[5]) Дембинскій предполагалъ перенести центръ тяжести операцій въ Литву, раздѣливъ армію на 2 части. Объ этомъ его «фантастическомъ планѣ» см. у Пузыревскаго, 385 и 386.

реправѣ черезъ р. Писсію. Наши войска преслѣдовали поляковъ. Толь, прибывшій къ авангарду и по пути приказавшій гренадерамъ двигаться безостановочно впередъ, намѣревался атаковать противника, какъ только подойдутъ гренадеры; къ величайшей досадѣ онъ узналъ, что они были остановлены фельдмаршаломъ на привалѣ и остались тамъ, несмотря на просьбы двинуть ихъ скорѣе впередъ [1]).

Военный совѣтъ подъ Варшавою. Принятіе мнѣнія Толя.

На военномъ совѣтѣ передъ штурмомъ Варшавы [2]) Нейдгардтъ предлагалъ вести демонстрацію со стороны Воли и главную атаку со стороны Мокотова, а Горчаковъ [3])—наканунѣ штурма вести ложную атаку на Мокотовъ и Повонзки, а съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня рѣшительно атаковать Іерусалимскую аллею [4]). Окончательно было принято большинствомъ голосовъ мнѣніе Толя — вести атаку между Калишскимъ и Краковскимъ шоссе безъ всякихъ демонстрацій и штурмовать Волю [5]).

25-го августа. Взятіе Воли.

25-го августа, для подготовки штурма укрѣпленій Воли съ южной стороны, Толь выдвинулъ 16 орудій корпуса Крейца и усилилъ ихъ конною батареею Паскевича [6]); когда поляки стали показываться въ нѣсколькихъ колоннахъ со стороны Маримонта, угрожая нашему лѣвому флангу, онъ же приказалъ уланамъ Хилкова двинуться впередъ и при надобности атаковать и отбросить непріятеля; когда Паскевичъ, находившійся противъ юго-западнаго угла Воли, приказалъ двинуть къ укрѣпленію 2-й эшелонъ колонны Крейца [7]), то онъ же сталъ во главѣ этихъ войскъ и направилъ ихъ съ южной стороны (гдѣ находился редюитъ).

Послѣ взятія Воли поляки произвели вылазку. Паскевичъ, получивъ извѣстіе о томъ, что они готовятся къ вылазкѣ, приказалъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Здѣсь имѣется въ виду второе засѣданіе военнаго совѣта, на которомъ Толь отстаивалъ мнѣніе Горчакова и его единомышленниковъ, отказавшись отъ прежняго своего предположенія.

[3]) Начальникъ артиллеріи (послѣ Сухозанета), человѣкъ отлично образованный, предпріимчивый и храбрый. Позже онъ измѣнился подъ давленіемъ Паскевича.

[4]) Къ этому мнѣнію присоединились Крейцъ и Шаховской.

[5]) Тамъ же, 403 и 404.

[6]) Которая подскакала къ противнику на полукартечный выстрѣлъ.

[7]) Шлиссельбургскій и Ладожскій полки подъ начальствомъ генерала Малиновскаго.

пріостановить дальнѣйшія наступательныя дѣйствія, несмотря ни на представленія Толя, ни на то, что войска были воодушевлены одержаннымъ уже успѣхомъ [1]).

Диспозиція на 26-е августа.

Диспозиція на 26-е августа была составлена Толемъ и утверждена Паскевичемъ; по существу она не отличалась отъ отданной наканунѣ и заключала въ себѣ лишь нѣкоторыя измѣненія и перемѣщенія въ развертываніи войскъ [2]).

Выбытіе Паскевича изъ строя. Временное командованіе арміею Толя.

Въ началѣ канонады 26-го Паскевичъ былъ раненъ и передалъ командованіе арміею Толю, который, для лучшаго обозрѣнія поля сраженія, взошелъ на брустверъ укрѣпленія № 54. Желая по возможности развить артиллерійскій огонь, онъ приказалъ князю Горчакову усилить большую батарею до 120 орудій [3]) и возможно ближе подъѣхать къ укрѣпленіямъ 2-й линіи. Затѣмъ онъ разъяснилъ всѣ приказанія собравшимся командирамъ корпусовъ.

Внимательно слѣдя за ходомъ боя, Толь дѣлалъ распоряженія, вызывавшіяся требованіями обстановки, но «полною мочью» онъ все-таки не пользовался, такъ какъ Паскевичъ отъ времени до времени присылалъ ему приказанія относительно пріостановки наступленія нашихъ войскъ, въ связи съ переговорами, которые велись съ представителями польскаго правительства, начиная съ вечера 25-го августа [4]).

Толь намѣревался начать штурмъ около 4-хъ часовъ пополудни [5]), но фельдмаршалъ приказалъ остановить наступленіе еще на $^3/_4$ часа.

Настала минута движенія. Колонна Крейца, при которой находился Толь, направилась къ Чистенскимъ садамъ и Іерусалимской заставѣ, а колонна Палена къ Вольской заставѣ и къ укрѣпленіямъ впереди ея. За ними наступалъ частный резервъ — гренадерскій корпусъ, приведенный Нейдгардтомъ по приказанію Толя. Гвардія (общій резервъ) тоже приблизилась къ боевой части.

---

[1]) Тамъ же, 405—410.

[2]) Тамъ же, 410.

[3]) Противъ нихъ поляки располагали 112 крѣпостными и полевыми орудіями.

[4]) Тамъ же, 410—415.

[5]) Горчаковъ, желая взять, въ свою очередь, во флангъ, загнутыя подъ угломъ 30 орудій Бема, выдвинулъ противъ нихъ конную батарею, что, въ связи съ наступленіемъ Муравьева, вынудило артиллерію Бема къ отступленію.

Наступленіе производилось съ успѣхомъ, но дѣло еще не было приведено къ концу, какъ начали наступать сумерки [1]). Нѣкоторые генералы [2]) предлагали Толю отложить штурмъ до утра. Толь отвѣтилъ: «теперь или никогда» и рѣшилъ, не теряя времени, овладѣть городскимъ валомъ и близъ лежавшими укрѣпленіями, для чего тотчасъ же и сдѣлалъ необходимыя распоряженія и продолжалъ ихъ дѣлать по мѣрѣ необходимости. Послѣ трехчасового боя была взята Іерусалимская застава, а около 10 часовъ вечера городской валъ до самой Вольской заставы находился во власти русскихъ. Толь переѣхалъ къ редуту № 22 и, тотчасъ по взятіи его, продиктовалъ диспозицію [3]).

Занятіе Варшавы и Праги русскими войсками.

Между тѣмъ переговоры между Паскевичемъ и польскимъ главнокомандующимъ привели къ тому, что съ разсвѣтомъ 27-го августа польская армія перешла въ Прагу и потянулась далѣе къ Модлину. Наши войска заняли Варшаву и Прагу безъ боя [4]).

Оцѣнка дѣятельности Толя при штурмѣ Варшавы.

Героемъ обоихъ дней штурма Варшавы былъ Толь: диспозиціи на оба дня были составлены имъ и Паскевичъ не сдѣлалъ въ нихъ никакихъ перемѣнъ [5]); 25-го онъ былъ лично на всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ и нерѣдко самъ становился во главѣ колоннъ, чтобы вести ихъ въ бой; ему принадлежали почти всѣ частныя отступленія отъ диспозиціи, соотвѣтствовавшія измѣнчивому ходу сраженія; онъ же рѣшительно возражалъ противъ пріостановки штурма; 26-го онъ былъ полнымъ распорядителемъ дѣла, а приказанія Паскевича только замедляли ходъ наступленія.

Реляція.

Реляція, составленная Чевкинымъ, соотвѣтствовала дѣйствительности: въ ней дѣятельность и заслуги Толя были выяснены въ достаточной степени, но фельдмаршалъ вычеркнулъ изъ нея многое, касавшееся распоряженій достойнѣйшихъ нашихъ генераловъ, а относительно Толя хотя и отозвался съ похвалою, но упомянулъ, что онъ, фельдмаршалъ, отдавалъ ему приказанія, которыхъ Толь на самомъ дѣлѣ никогда не получалъ [6]).

---

[1]) Впрочемъ, пламя пожара освѣщало окрестности.
[2]) Въ томъ числѣ Нейдгардтъ.
[3]) Пузыревскій, I, 415—417.
[4]) Тамъ же, 417—418.
[5]) Вторая заключала въ себѣ лишь нѣкоторыя измѣненія и перемѣщенія войскъ, а по существу не отличалась отъ отданной наканунѣ диспозиціи.
[6]) Пузыревскій, I, 420.

Дальнѣйшія дѣйствія нашей арміи.

При дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ главной нашей арміи, сводившихся къ вытѣсненію главныхъ силъ поляковъ [1]) изъ Царства Польскаго въ предѣлы Пруссіи, Паскевичъ былъ вѣренъ себѣ, вслѣдствіе чего Толю приходилось ограничиваться исполненіемъ повседневныхъ обязанностей начальника штаба арміи и ничего особенно замѣчательнаго отмѣчать не приходится.

Отъ графа Дибича въ 1831 году ожидали слишкомъ многаго. Неудачи этой кампаніи имѣли слѣдствіемъ паденіе его въ общественномъ мнѣніи. Смерть сразила его именно въ то время, когда польская армія была почти уничтожена и вполнѣ деморализована, когда уже успѣшно были начаты приготовленія къ переправѣ черезъ Вислу, и все указывало на возможность близкаго окончанія кампаніи. Плодами всего этого Дибичу воспользоваться не удалось; не довелось ему окончательнымъ результатомъ загладить свои ошибки, недостатокъ энергіи въ первую половину кампаніи, и вся прежняя его слава осталась какъ бы затемненною счастливою звѣздою смѣнившаго его графа Паскевича, который, во всякомъ случаѣ, много уступалъ ему дарованіями [1]).

Оцѣнка дѣятельности Толя въ кампанію 1831 года.

Въ 1831 году въ высшей степени рельефно выступаетъ энергическій характеръ начальника штаба арміи графа Толя, который какъ бы старается восполнить недостатки главнокомандующихъ и котораго цѣнитъ по достоинству и самъ первый главнокомандующій (Калушинъ, Вавръ, Гроховъ, дѣйствія противъ Дверницкаго, Остроленка и т. д.).

Назначеніе главнокомандующимъ графа Паскевича не могло не задѣть самолюбія Толя, который, по своей прежней службѣ, могъ надѣяться, что на него будетъ возложено окончаніе кампаніи. Въ теченіе своего временнаго командованія арміею, онъ вполнѣ разработалъ новый операціонный планъ, собравъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ свѣдѣнія, необходимыя для движенія арміи къ нижней Вислѣ, и передалъ преемнику Дибича самую армію въ отличномъ состояніи.

Дальнѣйшая служба Толя при новомъ главнокомандующемъ представляла немало непріятностей. Пылкій, предпріимчивый Толь, не высоко оцѣнивавшій противника [2]), нерѣдко сталкивался съ излишне

---

[1]) Тамъ же, 421—440.

[2]) Замѣчательно, что такъ же относился къ противнику, съ своей стороны, и Прондзынскій.

осторожнымъ, расчетливымъ до мелочей фельдмаршаломъ, который къ тому же смотрѣлъ недоброжелательно на весь штабъ Дибича, считая его пристанищемъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ вытѣснилъ изъ Кавказскаго корпуса, и который имѣлъ о противникѣ преувеличенно выгодное понятіе [1]). Соображенія Толя, равно какъ и его предложенія вполнѣ соотвѣтствовали обстановкѣ и оправдывались послѣдствіями. Паскевичъ старался уменьшить заслуги Толя [2]), но судъ исторіи за нимъ послѣдовать не можетъ и, по всему вѣроятію, признаетъ, что во второй періодъ кампаніи, при Паскевичѣ, онѣ были еще болѣе существенны, чѣмъ въ первый періодъ, при Дибичѣ. Толь своею энергіею, особенно въ послѣдній день штурма Варшавы, приложилъ значительную долю своего участія къ заключительному акту польскаго возстанія; вообще же онъ способствовалъ скорѣйшему окончанію этой кампаніи въ гораздо большей степени, чѣмъ Паскевичъ [3]).

Оцѣнка дѣятельности ген. Нейдгардта.

Заслуживаетъ вниманія дѣятельность ближайшаго помощника обоихъ главнокомандующихъ и Толя, генералъ-квартирмейстера Нейдгардта, котораго можно было встрѣтить въ боевыхъ линіяхъ и притомъ во всѣхъ болѣе значительныхъ дѣлахъ этой кампаніи: а) подъ Вавромъ [4]); б) въ сраженіи при Гроховѣ ему было поручено вести 3-ю дивизію въ атаку на Ольховую рощу; онъ двинулъ въ рощу 6 баталіоновъ, а самъ, съ Староингерманландскимъ, Кутузовскимъ и Бѣлостокскимъ полками, началъ обходить ее слѣва, при чемъ одно время шелъ въ первыхъ рядахъ застрѣльщиковъ, дабы подать солдатамъ примѣръ мужества и самоотверженія [5]); в) подъ Остроленкою онъ содѣйствовалъ успѣху дѣйствій нашихъ войскъ, установивъ батарею правѣе города [6]); г) наконецъ, подъ Варшавою [7]), онъ принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ совѣтахъ и выказывалъ неоднократно полную распорядительность и замѣчательное мужество. На немъ же

---

[1]) Эта крайность, пожалуй, хуже противоположной.

[2]) И не безуспѣшно.

[3]) Желающему ознакомиться вполнѣ съ личностью Толя и его дѣятельностью можно рекомендовать сочиненія Пузыревскаго, Глиноецкаго Смита и Бернгарди, а также князя Щербатова (о Паскевичѣ).

[4]) См. Пузыревскій, I, 89, 90.

[5]) См. Пузыревскій, I, 104. Сравнить съ соч. Глиноецкаго, II, 61, 62.

[6]) Глиноецкій, 62. Пузыревскій объ этомъ не говоритъ.

[7]) Пузыревскій, I, 403, 404, 415, 416. Глиноецкій, 62.

лежали многочисленныя обязанности по штабной службѣ, по рекогносцировкамъ и съемкамъ [1]).

Нейдгардтъ былъ въ высшей степени строгъ и въ дѣлахъ канцелярской переписки аккуратенъ до педантизма; требуя какія-либо свѣдѣнія, онъ тутъ же указывалъ и обязательную форму, по которой требуемое надлежало представлять. При своей неутомимой дѣятельности онъ находилъ время довольно подробно слѣдить за всѣми работами своихъ подчиненныхъ, просматривалъ ихъ и провѣрялъ [2]).

Оцѣнка дѣятельности ген. Берга.

Къ числу ближайшихъ помощниковъ обоихъ главнокомандующихъ и Толя нельзя не отнести и генералъ-маіора Берга [3]), который прибылъ къ арміи въ виду желанія Дибича и принималъ въ ея дѣйствіяхъ столь дѣятельное участіе, что заслужилъ отъ поляковъ названіе «злого духа» ихъ возстанія [4]): а) возвращаясь въ апрѣлѣ изъ-за границы и узнавъ въ Радзивиловѣ, что мятежники вторгнулись въ Волынскую губернію, онъ присоединился къ корпусу Ридигера и участвовалъ въ преслѣдованіи отряда Дверницкаго и въ изгнаніи его въ предѣлы Австріи; при этомъ на него было возложено порученіе вести переговоры съ австрійскими властями относительно обезоруженія польскихъ войскъ, удалившихся въ Галицію, что онъ и исполнилъ съ успѣхомъ; сами поляки придавали весьма важное значеніе участію Берга въ этомъ событіи, говоря, что вмѣстѣ съ Дверницкимъ ихъ покинуло счастіе [5]); б) 4-го мая Бергъ прибылъ въ главную квартиру Дибича, въ с. Жуковъ, а 7-го онъ уже былъ командированъ въ м. Гранно для выбора и устройства переправы черезъ Бугъ [6]); в) съ этого времени до подхода къ Варшавѣ, онъ состоялъ почти непрерывно при передовыхъ войскахъ графа Витта, неодно-

---

[1]) и [2]) См. оба вышеупомянутыхъ сочиненія. Орденъ св. Георгія 3-й степени былъ наградою его заслугъ въ польскую кампанію.

[3]) Только то обстоятельство, что въ началѣ кампаніи онъ находился въ заграничномъ отпуску, помѣшало ему быть снова генералъ-квартирмейстеромъ въ арміи Дибича. Глиноецкій, II, 62.

[4]) По выраженію Шпацира, «во всѣхъ бѣдственныхъ для поляковъ періодахъ этой войны Бергъ игралъ значительную роль». Тамъ же.

[5]) Тамъ же и Пузыревскій, I, 179 — 187 — 189. За участіе въ операціи Ридигера противъ Дверницкаго Бергъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною.

[6]) Глиноецкій, 63. Онъ былъ назначенъ состоять при авангардѣ ген. Угрюмова. Пузыревскій, 244.

кратно командуя авангардомъ, при чемъ нѣсколько разъ выказалъ замѣчательную распорядительность и отвагу; г) подъ Нуромъ Дибичъ поручилъ ему обойти флангъ противника съ тремя полками кирасиръ; непріятель, отрѣзанный отъ пути отступленія, былъ разсѣянъ съ потерею одного орудія [1]); д) подъ Остроленкою Бергъ слѣдовалъ въ авангардѣ (за конницею графа Ностица) съ 3-мъ карабинернымъ и Екатеринославскимъ гренадерскимъ полками, первый открылъ присутствіе непріятеля въ лѣсу впереди города и получилъ отъ Бистрома приказаніе наступать лѣсомъ по средней дорогѣ изъ Замостья; завязавъ бой головнымъ карабинернымъ баталіономъ и 2-мя орудіями, онъ выдвинулъ Екатеринославскій полкъ вправо, приказавъ командиру полка [2]) съ однимъ баталіономъ обойти непріятеля слѣва, но этотъ баталіонъ принялъ слишкомъ много вправо, попалъ въ болото и не могъ перейти черезъ вытекавшій изъ него ручей, а между тѣмъ поляки держались стойко; тогда Бергъ, выбравъ мѣсто для перехода черезъ ручей, лично повелъ туда другой баталіонъ Екатеринославскаго полка [3]); непріятель былъ выбитъ изъ лѣса штыками и отброшенъ на позицію у с. Ржекунь; участвуя затѣмъ въ общемъ наступленіи нашихъ войскъ къ Остроленкѣ и вступивъ въ городъ, Бергъ своевременно поддержалъ первыя наши части, переправившіяся на правый берегъ Нарева, Астраханскій и Суворовскій гренадерскіе полки, которые хотя и отбили атаку поляковъ, но все же находились въ крайне опасномъ положеніи, въ виду всей польской арміи, такъ какъ одинъ изъ мостовъ въ тылу у нихъ былъ разобранъ, другой разорванъ движеніемъ нашихъ лейбъ-уланъ, а поляки готовились къ новой атакѣ [4]); въ эту критическую минуту подходитъ къ переправѣ Бергъ, приказываетъ солдатамъ сложить шинели и ранцы, наскоро связываетъ канатами разорванный мостъ, проводитъ черезъ него бѣгомъ карабинеръ и Екатеринославцевъ и атакуетъ поляковъ съ лѣваго фланга въ то время, какъ Астраханцы и Суворовцы дѣйствуютъ съ фронта; непріятель отброшенъ; карабинеры захватываютъ одно орудіе; успѣхъ переправы обезпеченъ; затѣмъ Бергъ, вмѣстѣ съ прочими нашими вой-

---

[1]) Тамъ же, 246 и 247. Сравнить съ редакціею Глиноецкаго.
[2]) Рейценштейну.
[3]) Пузыревскій, I, 254 и 255.
[4]) Тамъ же, 258—260.

сками, удерживается до конца дня противъ превосходныхъ силъ поляковъ, находясь подъ непрерывнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ [1]); ж) 5-го августа, при наступленіи нашихъ войскъ къ Варшавѣ, когда Бергъ съ графомъ Виттомъ находился въ гостиницѣ въ С. Утратѣ, было получено донесеніе отъ передовыхъ постовъ, что колонна польской пѣхоты съ артиллеріею и конницею [2]) наступаетъ къ Олтаржеву; Бергъ, раскрывъ карту, тотчасъ же сообразилъ опасность положенія непріятеля, о чемъ доложилъ графу Витту [3]) и, получивъ отъ него соотвѣтственное приказаніе, принялъ подъ свое начальство Украинскій и Новоархангельскій уланскіе, Иркутскій гусарскій и Атаманскій казачій полки съ 4 орудіями, и пошелъ противъ поляковъ: командовавшій польскою колонною полковникъ Галлоа прошелъ уже было сел. Бронише, но, замѣтивъ приближеніе русской конницы, повернулъ назадъ къ селенію; Бергъ приказалъ Атаманскому полку обойти селеніе съ лѣвой, а гусарамъ съ правой стороны, разсчитывая угрозою пути отступленія поляковъ заставить ихъ выйти въ открытое поле; Галлоа сталъ отступать изъ Бронише по шоссе къ Варшавѣ; тогда уланы бросились въ атаку съ фронта, перескочили черезъ шоссейные рвы и врубились въ каре противника; въ то же время гусары опрокинули польскую конницу, а казаки старались перехватить часть этой конницы съ тыла; почти весь отрядъ полковника Галлоа [4]) былъ взятъ въ плѣнъ [5]); з) во время штурма Варшавы, 25-го августа, фельдмаршалъ, замѣтивъ, что, вслѣдствіе дѣйствія нашей артиллеріи, огонь съ укрѣпленій Воли ослабѣлъ, поручилъ Бергу осмотрѣть вблизи состояніе этихъ укрѣпленій; Бергъ [6]) поскакалъ къ

---

[1]) Тамъ же, 260—266. Глиноецкій, II, 63 и 64.

[2]) 2 баталіона, 2 орудія и 2 эскадрона; отрядъ этотъ былъ высланъ Замойскимъ, начальникомъ штаба отряда Ромарино на развѣдку (вмѣсто конницы, бывшей на аванпостахъ), во исполненіе приказанія начальника штаба польской арміи, Лубенскаго. Прондзынскій находилъ эту развѣдку безполезною, такъ какъ вся эта мѣстность была видна въ подзорную трубу съ Лютеранской церкви.

[3]) Глиноецкій, 64.

[4]) Самъ полковникъ Галлоа, 16 офицеровъ и 1322 нижнихъ чина съ 2 орудіями.

[5]) Небольшая часть польской кавалеріи ускакала въ Варшаву. Пузыревскій, I, 388.

[6]) Тамъ же, 408. Глиноецкій, 64. Бергъ былъ ловкій и смѣлый ѣздокъ.

Волѣ, на близкомъ разстояніи осмотрѣлъ укрѣпленія, особенно тыльную часть, обращенную къ городу, и, возвратившись къ фельдмаршалу, доложилъ, что и тамъ можно начать штурмъ; Паскевичъ поручилъ ему произвести эту атаку съ юго-востока, независимо отъ двухъ другихъ колоннъ [1]), назначивъ для этого изъ резерва Старо-ингерманландскій и Ново-ингерманландскій пѣхотные и 11-й егерскій полки съ 6 орудіями; Бергъ обошелъ (подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ) укрѣпленіе съ южной стороны, чтобы стать противъ юго-восточнаго бастіона, выставилъ, подъ прикрытіемъ егерскаго полка, свои орудія для противодѣйствія непріятельской артиллеріи 2-й линіи [2]), а самъ съ остальными двумя полками ворвался въ укрѣпленіе [3]); е) 26-го августа онъ же, по приказанію главнокомандующаго, два раза ѣздилъ въ Варшаву съ присланными оттуда парламентерами, при продолжавшемся штурмѣ, между сражавшимися, подъ сильнѣйшимъ (съ обѣихъ сторонъ) картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, и при веденіи переговоровъ выказалъ необыкновенную находчивость и ловкость [4]); за успѣшное веденіе переговоровъ Бергу была предоставлена честь первымъ вступить на слѣдующій день въ Варшаву, съ лейбъ-гвардіи Егерскимъ и Финляндскимъ полками [5]).

Такимъ образомъ Бергъ отличался и какъ начальникъ отряда, и какъ офицеръ генеральнаго штаба, и какъ смѣлый рекогносцеръ, и какъ храбрый начальникъ штурмовой колонны, и, наконецъ, какъ ловкій дипломатъ. Вообще кампанія 1831 года представляетъ апогей его боевой извѣстности [6]).

Дибичъ и Толь не получили наградъ, соотвѣтствовавшихъ ихъ положенію: первый въ виду неудачъ, преслѣдовавшихъ его въ эту кам- *НАГРАДЫ.*

---

[1]) Лидерса и Мартынова.

[2]) Подъ прикрытіемъ 11-го егерскаго полка. Для поддержки 6 орудій Берга, Толь направилъ лѣвѣе Воли еще 12 орудій, а Горчаковъ двинулъ туда остальную артиллерію Палена и Крейца; всего собралось до 70 орудій, которыя препятствовали движенію подкрѣпленій къ атакуемому пункту.

[3]) Пузыревскій, 408.

[4]) Тамъ же, 417. Глиноецкій, 64 и 65.

[5]) Тамъ же и Пузыревскій, 418.

[6]) Къ концу кампаніи Бергъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи, на мѣсто Нейдгардта, возвратившагося въ Петербургъ.

нанію, а второй, повидимому, вслѣдствіе недружелюбнаго къ нему отношенія Паскевича. Изъ наградъ, полученныхъ ихъ помощниками, слѣдуетъ отмѣтить: Нейдгардтомъ—орденъ Св. Георгія 3-й степени (за штурмъ Варшавы) и Бергомъ—орденъ Св. Анны 1-й степени съ короною (за участіе въ дѣйствіяхъ противъ Дверницкаго), званіе генералъ-адъютанта (за дѣло при Бронише) и чинъ генералъ-лейтенанта (на 38 году отъ роду).

Дѣятельность остальныхъ старшихъ генераловъ, принадлежавшихъ къ генерал. штабу.

Изъ числа старшихъ генераловъ арміи нельзя не упомянуть двухъ лицъ, принадлежавшихъ къ генеральному штабу по прежней болѣе или менѣе продолжительной въ немъ службѣ, а въ эту кампанію дѣйствовавшихъ съ полнымъ отличіемъ: дежурнаго генерала арміи, генерала В. А. Обручева [1]) и начальника артиллеріи арміи, генералъ-адъютанта князя М. Д. Горчакова [2]), а также бывшаго ближайшаго помощника Цесаревича, генерала-отъ-инфантеріи графа Курута, начальствовавшаго отдѣльнымъ гвардейскимъ отрядомъ и получившаго даже высокую боевую награду, орденъ Св. Георгія 3-й степени (за сраженіе подъ Вильною, на Понарскихъ высотахъ), хотя и не имѣвшаго никакой военной опытности и крайне нерѣшительнаго [3]). Должно также отмѣтить, что и герой сраженія при Гроховѣ, командиръ кирасирскаго принца Альберта полка, полковникъ баронъ Мейендорфъ [4]) также началъ службу въ генеральномъ штабѣ [5]).

Къ числу наиболѣе отличившихся и заслужившихъ столь высокую награду, какъ орденъ Св. Георгія 3-й степени, должно отнести генералъ-маіора Гурко, которому эта награда была пожалована за Варшаву и который числился въ генеральномъ штабѣ по должности начальника штаба гренадерскаго корпуса [6]). Заслуживаетъ также вниманія дѣятельность начальниковъ штабовъ: 1-й арміи, генерала Красовскаго (командированнаго Сакеномъ къ Розену) и корпуса Ро-

---

[1]) Владиміръ Афанасьевичъ Обручевъ. О немъ см. главу II, стр. 57. Глиноецкій, 65.

[2]) Тамъ же и Пузыревскій, 38 и др.

[3]) См. выше и сочиненія Пузыревскаго и Глиноецкаго.

[4]) Пузыревскій, I, 105—107.

[5]) Глиноецкій, 65.

[6]) Тамъ же, 69.

зена, Гасфорта, во время дѣйствій Розена противъ польскаго отряда Ромарино [1]).

МЛАДШІЕ ГЕОРГІЕВСКІЕ КАВАЛЕРЫ.

Орденъ Св. Георгія 4-й степени получили: гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Сливицкій и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Тюфяевъ [2]).

КАПИТ. СЛИВИЦКІЙ

Сливицкій, въ чинѣ штабсъ-капитана, вступилъ въ Царство Польское съ войсками 6-го пѣхотнаго корпуса; за сраженіе при Гроховѣ произведенъ въ капитаны; въ апрѣлѣ, состоя въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Угрюмова, въ дѣлѣ при переправѣ у Лива, онъ велъ колонну 1-го карабинернаго полка, подъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, для овладѣнія мостовымъ укрѣпленіемъ, которое и было взято штыками; при этомъ Сливицкій былъ раненъ пулею въ шею; за этотъ подвигъ онъ и получилъ георгіевскій крестъ. Бывъ назначенъ въ авангардъ генералъ-маіора Берга, онъ былъ постоянно посылаемъ съ казачьими партіями и на аванпосты. Участвовалъ въ сраженіи подъ Остроленкою [3]), а затѣмъ безсмѣнно находился въ авангардѣ и на аванпостахъ до 18-го іюня, когда онъ былъ откомандированъ отъ авангарда по требованію генерала Берга, который послалъ тогда же генералу Нейдгардту слѣдующій рапортъ: «сегодня утромъ я далъ предписаніе капитану Сливицкому обозрѣть дороги до д. Попельчинъ, съ тѣмъ, чтобы завтра онъ возвратился съ донесеніемъ; на это Сливицкій рапортомъ донесъ, что всякое сильное движеніе для его болѣзненнаго состоянія вредно, почему, находя этого офицера лишнимъ и безполезнымъ въ авангардѣ, испрашиваю указаній, куда его надлежитъ отправить». Вслѣдствіе этого рапорта Сливицкій былъ возвращенъ къ 6-му корпусу, о чемъ еще ранѣе этого ходатайствовалъ и баронъ Розенъ, только по инымъ соображеніямъ [4]). Въ 6-мъ корпусѣ

---

[1]) Пузыревскій, 423—429. Во время похода Дембинскаго изъ Литвы въ Польшу, Гасфортъ состоялъ начальникомъ штаба войскъ ген. Савоини, который поручилъ ему объединеніе дѣйствій этихъ войскъ, отряда Никитина и войскъ, находившихся въ Бѣлостокской области. Пузыревскій, 349.

[2]) Поступилъ въ свиту по квартирмейстерской части прапорщикомъ изъ 27-й арт. бригады; въ 1829 г. (за отличіе) переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ.

[3]) За это ему было объявлено Высочайшее благоволеніе.

[4]) Въ авангардъ былъ назначенъ капитанъ П. Е. Коцебу.

онъ снова находился на передовыхъ постахъ и участвовалъ въ самыхъ отчаянныхъ предпріятіяхъ. Въ концѣ іюля онъ участвовалъ въ преслѣдованіи Дембинскаго, при чемъ сдѣлалъ (съ сотнею казаковъ), отъ Каменца-Литовска къ Цѣхановцу, 120 верстъ въ 36 часовъ. Въ началѣ августа баронъ Розенъ, дойдя до Дембе-Вельке, призналъ необходимымъ сжечь мостъ, соединяющій Прагу съ Варшавою; Сливицкій, хорошо знавшій мѣстность [1]), вызвался стать во главѣ охотниковъ и руководить этимъ смѣлымъ предпріятіемъ. Въ ночь съ 7-го на 8-е августа онъ и подпоручикъ Горскій, съ 13-ю охотниками, отплыли изъ Мендзиржеца [2]) на трехъ лодкахъ внизъ по Вислѣ; Сливицкій собственноручно прикрѣпилъ кольца съ привязанными къ нимъ смоляными вѣнками къ пятому понтону моста, бросилъ связки соломы въ ближайшіе плашкоуты и зажегъ все это, между тѣмъ какъ солдаты (всѣ ученые пловцы) бросились въ воду, чтобы обрубить якорные канаты; когда вспыхнуло пламя, въ Варшавѣ и Прагѣ распространилось смятеніе, раздались набатные колокола и противъ лодокъ былъ направленъ ружейный огонь; Сливицкій и Горскій, съ 4-мя охотниками, поплыли внизъ по рѣкѣ и благополучно вышли на берегъ у с. Зеранъ, гдѣ ихъ ожидали казаки; остальные охотники пропали безъ вѣсти. Это смѣлое предпріятіе не удалось, такъ какъ пламя, не успѣвъ распространиться, было потушено [3]). Къ концу кампаніи Сливицкій находился при генералѣ Варпаховскомъ, отрядъ котораго былъ подавленъ превосходными силами непріятеля; во время неудачной атаки Волынскаго уланскаго полка, прикрывавшаго отступленіе, Сливицкій, весь израненный [4]), въ безчувственномъ состояніи, былъ взятъ въ плѣнъ; несмотря на такое состояніе, едва только стали заживать его раны, какъ (27-го августа) онъ ушелъ изъ плѣна, въ ко-

---

[1]) Какъ варшавскій уроженецъ.

[2]) Не слѣдуетъ смѣшивать съ Мендзиржецомъ, находящимся въ 2-хъ переходахъ къ ю.-в. отъ Сѣдлеца.

[3]) Тѣмъ не менѣе Императоръ Николай наградилъ Сливицкаго орденомъ Св. Анны 2-й степени и впослѣдствіи, желая увѣковѣчить его подвигъ, повелѣлъ похоронить его въ теть-де-понѣ Варшавской цитадели, который и получилъ названіе форта Сливицкаго.

[4]) Контуженъ картечью въ правую руку ниже локтя и въ лѣвую ногу, раненъ пулею въ шею на-вылетъ съ поврежденіемъ челюсти, штыкомъ въ правый бокъ и избитъ прикладами.

торомъ пробылъ только 10 дней. Герою этому, искавшему смерти на поляхъ сраженій, суждено было умереть въ постели [1]).

Штабсъ-капитанъ Тюфяевъ

Штабсъ-капитанъ Тюфяевъ [2]) находился почти безотлучно при 2-й пѣхотной дивизіи въ качествѣ дивизіоннаго квартирмейстера. Съ этою дивизіею онъ участвовалъ въ сраженіи при Гроховѣ и въ бояхъ подъ Минскомъ и Сѣдлецомъ [3]); подъ Варшавою онъ, съ полками принца Вильгельма и принца Карла, состоялъ въ штурмовой колоннѣ генералъ-маіора Лидерса, атаковавшей укрѣпленіе № 57 и Волю; Тюфяевъ, слѣдуя съ охотниками, былъ въ числѣ первыхъ на валахъ; при занятіи Воли, онъ, подъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, водилъ нижнихъ чиновъ на штурмъ редюита съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ и неустрашимостію [4]); за штурмъ Варшавы онъ получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степени [5]).

Офицеры, награжд. золот. оружіемъ.

Золотое оружіе «за храбрость» получили слѣдующіе офицеры генеральнаго штаба: полковники Брюммеръ, Галяминъ, Брадке и Райскій; подполковникъ Сахатскій; капитаны Дюгамель, Коцебу, Похитоновъ, баронъ Зальца [6]), Левшинъ и Бутовскій; штабсъ-капитаны графъ Остенъ-Сакенъ, Эссенъ 2-й, фонъ-Венцель, Семякинъ, Тютчевъ, Прибытковъ и Шредеръ; поручики Татариновъ, Длотовскій, Миткевичъ, Сазоновичъ и Фроловъ [7]).

Остальныя выдающіяся отличія.

Изъ остальныхъ наградъ, полученныхъ офицерами генеральнаго штаба въ эту кампанію, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ, пріобрѣтенныхъ болѣе выдающимися отличіями.

Штабсъ-капитанъ Цухановъ.

Штабсъ-капитанъ Цухановъ [8]) прибылъ, съ передовою бригадою 2-го корпуса [9]), на подкрѣпленіе барона Розена и принялъ блиста-

---

[1]) Глиноецкій, II, 65—68.

[2]) См. главу II, 43, 60.

[3]) За Гроховъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, за Минскъ—Высочайшее благоволеніе и за Сѣдлецъ произведенъ въ капитаны.

[4]) Сохранился разсказъ, что Тюфяевъ при штурмѣ не вынималъ даже шпаги изъ ноженъ, но, взобравшись съ первыми охотниками на валъ, сталъ набрасывать на бумагу планъ внутренняго расположенія непріятельскаго укрѣпленія.

[5]) Глиноецкій, II, 68—69.

[6]) Глиноецкій его называетъ: баронъ Зальцъ.

[7]) Тамъ же, 69.

[8]) Служившій въ генеральномъ штабѣ съ 1828 года.

[9]) 13-й и 14-й егерскіе полки («варнскіе львы»). Пузыревскій, 156—158.

тельное участіе въ бою при Игане, гдѣ полкамъ этой бригады пришлось оборонять доступы къ плотинѣ черезъ Мухавецъ и вся тяжесть боя легла на эти два полка; Цухановъ находился при нихъ безотлучно; когда застрѣльщики, потерявъ почти всѣхъ офицеровъ, стали приходить въ разстройство, Цухановъ собралъ ихъ остатки и, несмотря на полученную рану, храбро оборонялъ съ ними самый мостъ черезъ Мухавецъ и отбилъ всѣ попытки непріятеля къ его овладѣнію. За этотъ подвигъ онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Вылѣчившись затѣмъ отъ раны, Цухановъ, въ серединѣ іюля, появляется при войскахъ Головина на Брестскомъ шоссе и, командуя летучимъ отрядомъ изъ 300 казаковъ, до самаго конца кампаніи дѣйствуетъ въ раіонѣ между этимъ шоссе и Бугомъ, дѣлая поиски къ Варшавѣ и Модлину. За эти дѣйствія онъ получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени [1]).

Офицеры генеральнаго штаба ведутъ колонны въ атаку и на переправахъ черезъ рѣки.

Кромѣ вышеуказанныхъ, въ эту кампанію было много примѣровъ того, что офицеры генеральнаго штаба съ отличнымъ мужествомъ водили колонны въ атаку: а) при взятіи Люблина барономъ Крейцемъ, полковникъ баронъ Притвицъ велъ на штурмъ спѣшенный дивизіонъ драгунскаго герцога Александра Виртемберскаго полка, а поручикъ князь Друцкой-Сокольницкій — дивизіонъ Казанскаго драгунскаго полка; за выказанное при этомъ мужество и распорядительность, баронъ Притвицъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ 2-й бригады 26-й пѣхотной дивизіи, а князь Друцкой произведенъ въ штабсъ-капитаны; б) подъ Остроленкою, подъ сильнымъ огнемъ, вели черезъ мостъ 2-ю и 3-ю бригады 3-й гренадерской дивизіи поручики Печковскій и Шредеръ, которые затѣмъ участвовали въ бою на правомъ берегу Нарева до конца сраженія [2]).

Полковникъ Стихъ, пріобрѣвшій репутацію боевого офицера въ 1828—29 г.г. [3]), теперь, состоя въ должности начальника штаба 3-го корпуса [4]), командовалъ передовыми войсками при переправѣ черезъ Вислу у Юзефова 18-го іюля, первымъ съ охотниками переправился

---

[1]) Глиноецкій, II, 69—70.
[2]) Тамъ же.
[3]) См. выше и Глиноецкій, 42.
[4]) Ридигера.

на лодкахъ на лѣвый берегъ рѣки и занялъ его. За это отличіе онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры [1]).

Въ кампанію 1831 года офицеры нашего генеральнаго штаба произвели множество развѣдокъ. Это вполнѣ понятно въ виду того, что оба главнокомандующіе отличались осторожностью, иногда даже излишнею, а между тѣмъ имѣвшіяся карты страны были неудовлетворительны; къ тому же противникъ, особенно въ началѣ кампаніи, имѣлъ довольно хорошую кавалерію, которая отбывала сторожевую службу исправно [2]). Всѣ эти условія вызывали необходимость развѣдокъ частыхъ, усиленныхъ и добросовѣстныхъ, которыя и производились постоянно какъ старшими, такъ и младшими чинами генеральнаго штаба: а) передъ сраженіемъ при Гроховѣ оберъ-квартирмейстеръ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, полковникъ Брадке, съ цѣлою партіею офицеровъ генеральнаго штаба, осматриваетъ расположеніе противника, нерѣдко въѣзжая въ сферу ружейнаго огня; б) послѣ сраженія при Остроленкѣ офицеры генеральнаго штаба рекогносцируютъ всю страну, по которой предполагалось совершить передвиженіе арміи къ нижней Вислѣ; в) во время стоянки арміи у Осѣка, у Ловича и подъ Варшавою, самъ графъ Толь съ генераломъ Нейдгардтомъ, сопровождаемые офицерами генеральнаго штаба, почти ежедневно выѣзжаютъ осматривать позиціи поляковъ; между офицерами генеральнаго штаба, состоявшими при войскахъ, расположенныхъ подъ Варшавою, поѣздки на рекогносцировку укрѣпленій сдѣлались какъ бы потребностью того выжидательнаго положенія, въ которомъ находилась вся армія: войска готовились къ штурму, обучаясь взлѣзать на валы, а офицеры генеральнаго штаба, даже безъ приказаній, въ видѣ проѣздки или прогулки, изучали окрестную мѣстность.

Развѣдки.

Въ это именно время и обратилъ на себя особое вниманіе, какъ находчивый и ловкій рекогносцеръ, молодой офицеръ, Фрейтагъ.

Штабсъ-капитанъ Фрейтагъ.

Робертъ Карловичъ **Фрейтагъ** выпущенъ въ 1821 году изъ 1-го кадетскаго корпуса въ 3-ю гренадерскую артиллерійскую бригаду, въ томъ же году прикомандированъ къ свитѣ по квартирмейстерской части (1-й арміи), а въ 1822 году, по выдержаніи экзамена, переве-

---

[1]) Глиноецкій, 70.
[2]) Тамъ же, 70—71.

денъ въ свиту [1]). Первые шаги его на новомъ поприщѣ были неудачны: въ томъ же (1822 году) ему было поручено произвести маршрутную съемку отъ Брянска до Орла; работу эту онъ исполнилъ небрежно, за что получилъ выговоръ отъ генералъ-квартирмейстера 1-й арміи Гартинга; выговоръ этотъ былъ для него весьма чувствителенъ и онъ далъ себѣ слово быть исправнымъ [2]); это слово онъ сдержалъ вполнѣ добросовѣстно: безпечный отъ природы въ отношеніи своихъ собственныхъ дѣлъ, онъ служилъ образцомъ добросовѣстнаго и точнаго исполнителя всѣхъ служебныхъ требованій. Въ январѣ 1831 года Фрейтагъ вступилъ въ Царство Польское съ войсками 1-го корпуса.

«Весело забилось сердце Фрейтага при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ. Назначенный къ передовымъ войскамъ, онъ не зналъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Едва авангардъ приходилъ на бивакъ, какъ Фрейтагъ на свѣжемъ конѣ, съ двумя, тремя казаками, осматривалъ пути, ведущіе къ непріятелю, разставлялъ и повѣрялъ передовую цѣпь и караулы. Его неутомимая дѣятельность, вѣрный взглядъ на мѣстность, умѣніе ею пользоваться и угадывать намѣренія непріятеля обратили на него особенное вниманіе корпуснаго командира графа Палена. Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ непріятелемъ, Фрейтагъ пріобрѣлъ общее довѣріе, отчетливо и съ полнымъ хладнокровіемъ исполнялъ онъ возлагаемыя на него порученія; храбрый капитанъ! говорили солдаты, указывая на Фрейтага. Во всѣхъ дѣлахъ Фрейтагъ, находясь постоянно въ самомъ сильномъ огнѣ, казалось, не замѣчалъ опасности. Въ дѣлахъ подъ Вавромъ (7-го февраля), подъ Минскомъ (14-го апрѣля) и въ сраженіи подъ Остроленкою (14-го мая) подъ Фрейтагомъ было убито шесть лошадей и двѣ ранены, но ни одна пуля, однако, не коснулась его. Подъ Варшавою его смѣлыя рекогносцировки обращали на себя особое вниманіе: пользуясь утреннимъ туманомъ и оплошностью польскихъ аванпостовъ, Фрейтагъ въ казачьей шинели, съ пикою въ рукахъ, проникалъ въ тылъ первой ли-

---

[1]) Пр. К. Ч., 1822 г., 12 февраля № 44.

[2]) Онъ писалъ матери: «Не привыкнувъ къ подобнымъ занятіямъ, я по вѣтренности своей не исполнилъ порученія, какъ слѣдуетъ... выговоръ... былъ чувствителенъ для Роберта. Робертъ далъ себѣ слово быть исправнымъ и, конечно, сдержитъ свое слово на цѣлую жизнь!»

ніи варшавскихъ укрѣпленій и, только благодаря своему скакуну, уходилъ отъ погони поздно всполошившагося непріятеля» [1]).

За польскую кампанію Фрейтагъ получилъ слѣдующія награды: за сраженіе при Гроховѣ—орденъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ, за дѣло при Ендржеевѣ — Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, за сраженіе при Остроленкѣ—чинъ капитана и за Варшаву—орденъ Св. Анны 2-й степени.

Съ этого времени и упрочилась репутація Фрейтага [2]), будущаго героя Кавказа [3]).

Умершіе отъ ранъ и раненые.

Въ эту кампанію генеральный штабъ понесъ слѣдующія потери: а) умерли на театрѣ войны отъ смертельныхъ ранъ трое: генералъ-маіоръ Насакинъ [4]), сначала начальникъ штаба отряда Гейсмара, командовалъ затѣмъ особыми отрядами [5]); умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Остроленкою; поручикъ Кобяковъ, весьма дѣльный и способный офицеръ, палъ жертвою запальчивости въ кавалерійскомъ дѣлѣ подъ Колачиномъ, получивъ шесть ранъ; поручикъ Дурново 3-й, состоявшій въ началѣ кампаніи при отрядѣ Гейсмара, а въ маѣ мѣсяцѣ исключенный изъ списковъ умершимъ отъ ранъ, неизвѣстно гдѣ полученныхъ; б) ранены: полковникъ Комаровъ, состоявшій при главной квартирѣ, въ сраженіи при Гроховѣ; капитанъ Сливицкій — при Ливѣ и Рагозницѣ [6]); штабсъ-капитанъ Цухановъ—при Игане [7]); штабсъ-капитанъ Ши-

---

[1]) По окончаніи кампаніи онъ писалъ матери: «Варшава наша и все кончено... Робертъ вашъ здоровъ, былъ счастливъ, въ продолженіе всей кампаніи ни разу не раненъ. Вся потеря моя состоитъ изъ шести убитыхъ и двухъ раненыхъ лошадей. Товарищи зовутъ меня храбрымъ, начальники внимательны. Царь наградилъ и совѣсть довольна исполненіемъ долга; я служилъ съ честью, награжденъ хорошо! Довольны-ли Вы мною?»

[2]) Назначенный командующимъ 1-мъ корпусомъ, ген.-лейт. Головинъ, сказалъ ему: «Весьма радъ, что имѣю удовольствіе съ вами познакомиться... вы сдѣлали себѣ прекрасную репутацію; я былъ далеко отъ васъ, но ваше имя доходило до меня». Въ 1832 году фельдмаршалъ также сказалъ ему: «Очень радъ васъ видѣть, вы славно служили... я слышалъ, что подъ вами убито шесть лошадей. — Это былъ только случай, ваша свѣтлость. — Случай, который бываетъ только съ тѣми, кто его ищетъ; я желалъ бы, чтобы вы всегда служили съ такимъ счастьемъ; пусть бьютъ вашихъ лошадей, лишь бы не трогали васъ».

[3]) Глиноецкій, II, 70—73.

[4]) Назначенъ въ дѣйствующую армію по Высочайшему повелѣнію.

[5]) Нѣкоторые писатели называютъ его неправильно: «Насакенъ».

[6]) и [7]) См. выше.

пиловъ, находившійся въ авангардѣ генералъ-маіора барона Деллингсгаузена—у Ворни [1]); поручикъ Львовъ, состоявшій при фельдмаршалѣ Дибичѣ — у Лива; поручикъ Шабельскій контуженъ при Выгодѣ, 7-го февраля, а при Цыганкѣ, 19-го марта, израненъ въ рукопашномъ бою и взятъ въ плѣнъ; поручикъ Раевскій, состоявшій при 6-мъ корпусѣ, раненъ въ сраженіи при Гроховѣ картечью въ голову, но, несмотря на эту рану, остался въ бою; поручикъ Ширковъ контуженъ въ голову, при атакѣ кирасиръ принца Альберта, на батареѣ между Гроховымъ и Прагою; штабсъ-капитанъ Раговской—подъ Остроленкою [2]).

Заключеніе о боевой службѣ офицеровъ генеральнаго шт.

Вышеприведенные примѣры дѣйствій и подвиги офицеровъ генеральнаго штаба [3]) въ кампанію 1831 года, полученныя ими тогда же раны, контузіи и награды достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что они несли боевую службу съ знаніемъ дѣла, честно и добросовѣстно, какъ бы стараясь своими трудами, а когда требовалось, то и кровью, поддержать добрую репутацію и честь своего мундира, чего и достигли.

Штабная служба офицеровъ генеральнаго штаба.

Изъ числа офицеровъ генеральнаго штаба, находившихся при главной квартирѣ арміи, нѣкоторые, еще до открытія военныхъ дѣйствій, были командированы для осмотра границъ Царства Польскаго; двое назначены старшими адъютантами канцеляріи генералъ-квартирмейстера: для управленія 1-мъ отдѣленіемъ—полковникъ Галяминъ и 2-мъ отдѣленіемъ — капитанъ Ивановъ 1-й; на должность капитана надъ вожатыми назначенъ первоначально капитанъ Дюгамель, замѣненный въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поручикомъ Гассингомъ. Въ это же время [4]), въ составѣ канцеляріи генералъ-квартирмейстера было

[1]) У Глиноецкаго сказано неправильно: «Варни».

[2]) Глиноецкій, II, 74 и 75.

[3]) Были и такіе случаи, когда извѣстно было только, что подвигъ совершенъ офицеромъ генеральнаго штаба, но чинъ и фамилія его оставались неизвѣстными; такъ напримѣръ, когда Сакенъ двигался отъ Насельска къ Остроленкѣ, то онъ направилъ на Нове-Място и Малушинъ полковника Лахмана съ эскадронами и 70 казаками, для нападенія на непріятеля. Лахманъ (24-го февраля) быстро подошелъ къ Малушину и выслалъ «офицера генеральнаго штаба съ 50 казаками, чтобы разрушить мостъ въ тылу противника, что и было исполнено», а вслѣдствіе этого 2 польскихъ уланскихъ полка не могли поддержать свои передовыя части въ Малушинѣ. См. Пузыревскій, 116 и 117.

[4]) Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

образовано еще одно отдѣленіе — топографическое, на которое возложено составленіе военныхъ обозрѣній, глазомѣрныя съемки, исправленіе военно-топографической карты и черченіе плановъ сраженій. Начальникомъ этого отдѣленія былъ назначенъ полковникъ Рихтеръ, а помощникомъ къ нему подполковникъ Озерскій; при отдѣленіи состояли: 3 — 5 офицеровъ генеральнаго штаба и всѣ топографы, находившіеся при главной квартирѣ [1]). За Остроленку полковникъ Рихтеръ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ на вновь установленную должность помощника генералъ-квартирмейстера; тѣмъ не менѣе, онъ остался завѣдывающимъ топографическимъ отдѣленіемъ.

Образованіе особаго топографическаго отдѣленія было вызвано тѣмъ, что, въ самомъ началѣ кампаніи, семитопографическая карта Царства Польскаго оказалась весьма невѣрною: многія дороги и селенія, существовавшія на мѣстности, на ней не были показаны. Тогда же было предписано всѣмъ офицерамъ генеральнаго штаба обратить вниманіе на исправленіе этой карты и наносить на нее всѣ замѣченныя измѣненія. Затѣмъ, въ теченіе кампаніи, неоднократно были отдаваемы приказанія о томъ, чтобы оберъ-квартирмейстеры и офицеры, находящіеся при отрядахъ, осматривали дороги въ раіонахъ расположенія войскъ, при которыхъ они состояли, дѣлали кроки мѣстности, занимаемой войсками, и всѣ работы представляли въ главную квартиру.

Отношеніе Дибича къ службѣ генеральнаго штаба на маршѣ.

При дурномъ состояніи дорогъ въ Царствѣ Польскомъ, особенно въ первые 3 — 4 мѣсяца кампаніи, необходимо было обращать строгое вниманіе на ихъ выборъ для слѣдованія войскъ. Объ этомъ заботился даже самъ Дибичъ: 12-го апрѣля, обогнавъ 2-ю гренадерскую дивизію между д. д. Волынце и Домбровка-лукъ и замѣтивъ, что дивизія шла по весьма испорченной дорогѣ, крайне затруднявшей движеніе, а между тѣмъ самая неудобная часть дороги могла быть обойдена влѣво съ весьма небольшимъ кругомъ,—фельдмаршалъ тутъ же сдѣлалъ строгій выговоръ оберъ-квартирмейстеру гренадерскаго корпуса, полковнику барону Зеддереру [2]) за то, что онъ не осмотрѣлъ заблаговременно пути, предстоявшаго гренадерамъ, не избралъ

[1]) Не болѣе 16.

[2]) Несмотря на то, что послѣдній считался однимъ изъ лучшихъ офицеровъ генеральнаго штаба.

удобнѣйшей дороги и не позаботился объ исправленіи мостовъ, которые вообще на всемъ переходѣ оказались неисправными [1]).

Наставленіе офицерамъ генеральнаго штаба.

Въ Гроднѣ Дибичъ, послѣ совѣщанія съ Толемъ, окончательно утвердилъ «Правила для наблюденія во время марша, на бивакахъ, на тѣсныхъ квартирахъ и въ самомъ бою», которыя были отпечатаны [2]) и тогда же разосланы для руководства во всѣ корпуса и отряды [3]). Это наставленіе заключало въ себѣ сжатое изложеніе основныхъ положеній военнаго искусства, выработанныхъ въ эту эпоху [4]).

Условія службы при войскахъ.

Служба генеральнаго штаба при войскахъ была тяжела главнымъ образомъ по причинѣ недостаточности числа офицеровъ генеральнаго штаба при корпусахъ и отрядахъ, на что постоянно жаловались какъ генералъ-квартирмейстеръ, такъ, въ особенности, высшіе строевые начальники. Вслѣдствіе этихъ жалобъ генералъ Нейдгардтъ неоднократно предписывалъ оберъ-квартирмейстерамъ выбирать, съ разрѣшенія командировъ корпусовъ, строевыхъ офицеровъ для несенія службы генеральнаго штаба; къ концу кампаніи число офицеровъ, прикомандированныхъ къ генеральному штабу (въ дѣйствующей арміи), увеличилось до 27 человѣкъ.

Уменьшеніе числа офицеровъ генеральнаго штаба при войскахъ являлось слѣдствіемъ весьма значительной болѣзненности въ ихъ средѣ, а еще болѣе усиленными занятіями въ канцеляріяхъ, вслѣдствіе «увеличившейся переписки въ войскахъ» [5]).

Срочныя донесенія.

Генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ установилъ формы срочныхъ донесеній: семидневныхъ свѣдѣній о расположеніи войскъ (съ обозначеніемъ сборныхъ пунктовъ и совершенныхъ передъ тѣмъ передвиженій), семидневныхъ же вѣдомостей о численности войскъ и ежемѣсячныхъ реестровъ всѣмъ произведеннымъ съемкамъ. Въ самомъ началѣ кампаніи онъ потребовалъ, чтобы въ ян-

---

[1]) Глиноецкій, II, 55.

[2]) Въ числѣ 400 экземпляровъ.

[3]) См. В. У. А., отд. 2. № 3138. Правила эти напечатаны въ сборникѣ, изданномъ Смитомъ и переведенномъ на русскій языкъ В. Квитницкимъ подъ заглавіемъ: «Отзывы и мнѣнія военноначальниковъ о польской войнѣ 1831 г.» Они же перепечатаны въ извлеченіи у Пузыревскаго, I, 35—37.

[4]) Многія указанія этихъ правилъ примѣнимы и въ настоящее время.

[5]) Глиноецкій, II, 57.

варѣ мѣсяцѣ всѣ оберъ-квартирмейстеры не замедлили представить формулярные и кондуитные списки офицеровъ генеральнаго штаба въ двухъ экземплярахъ [1]); періодически, послѣ каждаго болѣе или менѣе значительнаго дѣла, требовались свѣдѣнія о томъ, кто изъ офицеровъ генеральнаго штаба участвовалъ въ бояхъ противъ непріятеля, въ какихъ именно и въ какой степени, съ приложеніемъ свидѣтельствъ тѣхъ частныхъ начальниковъ, при которыхъ эти офицеры состояли; свѣдѣнія эти считались необходимыми для немедленнаго пополненія послужныхъ списковъ, которые подлежали отправленію въ инспекторскій департаментъ къ 1-му іюля [2]). Оберъ-квартирмейстеръ и офицеры, состоявшіе при отрядахъ, должны были еще представлять чертежи въ карандашѣ каждаго бивака, а также съемки и рекогносцировки множества дорогъ и окрестныхъ мѣстъ, занятыхъ войсками. Въ общемъ, въ эту кампанію, офицерамъ генеральнаго штаба приходилось исполнять много канцелярской и чертежной работы.

Заключеніе объ исполненіи офицерами генеральнаго штаба обязанностей службы при войскахъ.

Несмотря на свою малочисленность (при войскахъ), офицеры генеральнаго штаба дѣйствующей арміи исполняли свои обязанности чрезвычайно добросовѣстно и усердно. Только одинъ изъ нихъ, состоявшій при 24-й пѣхотной дивизіи подполковникъ Пасхальскій вызвалъ рѣзкія нареканія со стороны и. д. оберъ-квартирмейстера 6-го корпуса, полковника Вальховскаго [3]). Вслѣдствіе этого, генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ предложилъ генералъ-маіору Шуберту отправить Пасхальскаго на съемку лѣсовъ Олонецкой губерніи, такъ какъ штабъ-офицеръ этотъ, не имѣя совершенно никакихъ военныхъ способностей, не можетъ принести никакой пользы своимъ присутствіемъ въ дѣйствующей арміи [4]). За исключеніемъ этого единичнаго случая, вообще отзывы строевыхъ начальниковъ о службѣ офицеровъ гене-

---

[1]) 1 для отправки въ Петербургъ и 1 для канцеляріи генералъ-квартирмейстера арміи.

[2]) (Приказы по генеральному штабу дѣйствующей арміи) П. Г. Ш. Д. А., В. У. А., отд. 2, № 3121.

[3]) Пасхальскій. Въ свитѣ по квартирмейстерской части съ 1815 г., изъ Екатеринбургскаго пѣх. полка; Вальховскій же назначенъ въ началѣ кампаніи на мѣсто оберъ-квартирмейстера 6-го корпуса полковника Ренофанца, который по болѣзни не могъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. См. его рапортъ ген. Нейдгардту отъ 26 мая 1831 г. за № 99.

[4]) Предписаніе Нейдгардта Шуберту отъ 31 мая 1831 г. за № 944.

ральнаго штаба въ кампанію 1831 года были вполнѣ благопріятны, что потверждается и полученными ими многочисленными наградами: многіе изъ нихъ получили по 2, по 3 и даже по 4 награды [1]).

Военно-административная служба.

Съ окончаніемъ кампаніи, на долю офицеровъ генеральнаго штаба выпали занятія по устройству военно-административной части въ Царствѣ Польскомъ: полковникъ Брадке [2]) былъ назначенъ правителемъ канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора графа Витта; въ ту же канцелярію назначены: начальникомъ отдѣленія капитанъ Похитоновъ и въ помощь ему штабсъ-капитанъ Стіернсканцъ и поручикъ Длотовскій [3]).

Военная агентура.

Тогда же генералъ-маіоръ П. Я. Ренненкампфъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ военнымъ агентомъ въ Австрію для окончанія разсчетовъ по содержанію польскихъ войскъ, перешедшихъ границу, а въ помощь къ дѣйствительному статскому совѣтнику Пейкеру, назначенному для той же цѣли въ Пруссію, были командированы гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Дюгамель и штабсъ-капитанъ Ширковъ.

Работы по описанію кампаніи 1831 года.

Послѣ окончанія кампаніи 1831 года, нѣкоторые офицеры генеральнаго штаба приступили къ собиранію матеріаловъ о происходившихъ дѣйствіяхъ и къ описанію самой кампаніи, независимо отъ тѣхъ военно-историческихъ журналовъ, которые были ведены въ штабахъ войскъ [4]). Изъ числа этихъ работъ обращаютъ на себя вниманіе труды генерала Окунева [5]), капитана Дюгамеля [6]), полковниковъ Иванова 1-го [7]), Иванова 2-го [8]) и князя Тенишева [9]).

---

[1]) Глиноецкій, II, 58, 59.

[2]) Бывшій оберъ-квартирмейстеръ 5-го резервнаго кав. корпуса, находившійся постоянно съ графомъ въ авангардѣ.

[3]) Тамъ же, 75.

[4]) Труды эти своевременно напечатаны не были.

[5]) Николай Александровичъ Окуневъ началъ службу юнкеромъ въ Семеновскомъ полку; участвовалъ въ кампаніяхъ 1812—1814 г.г. въ рядахъ Калужскаго полка; съ 1821 до 1828 г. командовалъ 1-мъ егерскимъ полкомъ; пробылъ годъ въ отставкѣ; въ 1829 г. вновь опредѣленъ на службу въ генеральный штабъ полковникомъ. О трудахъ его см. ниже.

[6]) Его труды: «Histoire de le guerre contre les rebelles polonais en 1831» и «Essai critique sur les opérations de l'armée Russe en Pologne en 1831».

[7]) [8]) и [9]). О трудахъ ихъ см. у Пузыревскаго, I, предисловіе, IV и V.

Окуневъ былъ зачисленъ въ генеральный штабъ благодаря той репутаціи, которую онъ пріобрѣлъ, какъ единственный въ то время стратегическій русскій писатель, писавшій, впрочемъ, на французскомъ языкѣ [1]). Паскевичъ, отправляясь въ Польшу, взялъ съ собою Окунева, какъ будущаго исторіографа; за штурмъ Варшавы Окуневъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Онъ трудился 2 года, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ фельдмаршала, надъ составленіемъ исторіи его военныхъ дѣйствій въ Польшѣ и издалъ этотъ трудъ въ 1833 году [2]), за что былъ зачисленъ въ Свиту Его Величества. Сочиненіе это представляетъ панегирикъ фельдмаршалу.

Трудъ Дюгамеля имѣетъ характеръ стратегическаго обзора польской кампаніи, работа Иванова 1-го и князя Тенишева представляетъ какъ бы подробный историческій журналъ военныхъ дѣйствій въ первую половину 1831 года, при чемъ особое вниманіе обращено на военно-хозяйственную часть; работа же Иванова 2-го является общею сводкою труда Иванова 1-го и кн. Тенишева [3]).

Причины продолжительности кампаніи 1831 года.

Кампанія 1831 года затянулась и велась гораздо дольше, чѣмъ можно было ожидать, имѣя въ виду отношеніе между силами обѣихъ сторонъ. Причины этой затяжки суть: а) постановка польскаго элемента въ слишкомъ благопріятное положеніе въ сравненіи съ русскимъ, не только въ Царствѣ Польскомъ, образованномъ на основаніи Вѣнскаго трактата 1815 года, но и въ самой Россіи, а въ особенности въ литовскихъ и западно-русскихъ губерніяхъ; б) несоотвѣтственность дислокаціи нашихъ войскъ мирнаго времени, приводившая къ тому, что поляки, въ первое время послѣ начала возстанія, располагали превосходствомъ въ силахъ; в) недостаточность нашей подготовки къ войнѣ вообще, а въ военно-административномъ и военно-хозяйственномъ отношеніи въ особенности; г) перемѣна, совершившаяся въ Дибичѣ, его «забота о сохраненіи своей славы», его опасенія въ виду того, что скажутъ въ «Европѣ» въ случаѣ повторенія ужасовъ штурма

---

[1]) Его труды: «Histoire de la campagne de 1800 en Italie» и «Mémoires sur les principes de la stratégie».

[2]) Оно было переведено на русскій языкъ въ 1835 году.

[3]) Глиноецкій, II, 75—76. См. также по «Каталогу Военно-Ученаго Архива Гл. Штаба» (Спб., 1905), I, №№ 3091 (42533)—**5062**, 3093 (42096)—**5066**, 3094 (42097)—**5067** и т. д.

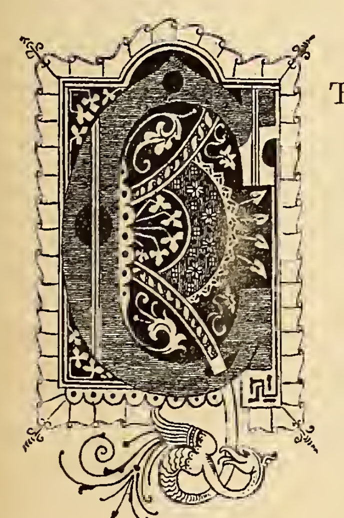
Праги 1794 года, а въ особенности его излишняя осторожность, часто расходившаяся съ требованіями обстановки; наконецъ, д) еще болѣе излишняя осторожность Паскевича, при отсутствіи у него такого военнаго таланта, которымъ несомнѣнно обладалъ Дибичъ.

Заключеніе о генеральномъ штабѣ въ кампанію 1831 года.

Генеральный штабъ нашей дѣйствующей арміи, въ эту кампанію, находился на высотѣ своего назначенія и исполнилъ свои обязанности съ полнымъ успѣхомъ. Неудачи и замедленіе операцій являлись слѣдствіемъ погрѣшностей политическаго характера, недостатковъ нашей военной системы и погрѣшностей высшаго командованія, а не генеральнаго штаба.

ГЛАВА IV.

УЧРЕЖДЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ.



Ъ окончаніемъ кампаніи 1831 года насталъ довольно продолжительный періодъ мира [1]); военныя дѣйствія во все это время происходили лишь на Кавказѣ и сверхъ того во время похода въ Венгрію 1849 года.

Періодъ мира.

Въ этотъ періодъ въ генеральномъ штабѣ были произведены преобразованія, въ ряду коихъ особенно важное значеніе имѣло учрежденіе новаго источника комплектованія этого корпуса—военной академіи.

Вопросъ о комплектованіи генеральнаго штаба.

Вопросъ этотъ находился въ связи съ вопросами не только состоянія военнаго и общаго образованія офицеровъ нашей арміи того времени, но и «народнаго просвѣщенія» вообще.

Связь его съ состояніемъ воен. и общаго образов. офиц. арміи и съ «народн. просвѣщен.» вообще.

Уже въ концѣ XVIII вѣка мечты русскаго военнаго человѣка выливались въ слѣдующія формы:

Идеи передовыхъ военныхъ людей конца XVIII столѣтія.

«Есть-либъ я былъ полковымъ командиромъ, то ...... завелъ бы вмѣсто тѣхъ пустыхъ, безполезныхъ и убыточныхъ забавъ, которыми иногда нѣкоторые изъ нынѣшнихъ молодыхъ начальниковъ одинъ передъ другимъ щеголяютъ, нѣкоторый родъ собранія подъ названіемъ военнаго редута и приглашалъ бы на оное по два раза въ недѣлю всѣхъ офи-

[1]) До восточной войны 1853—1856 г.г.

церовъ. Для таковаго общества собралъ бы я небольшую библіотеку, содержащую въ себѣ лучшія на иностранныхъ языкахъ писанія или съ оныхъ на природный языкъ переведенныя книги, относящіяся до математики, географіи, исторіи всеобщей и военнаго искусства въ особенности, инженерной науки ...... и тому подобныхъ знаній. Рисунки, ландкарты и инструменты, нужные къ объясненію теоретическихъ свѣдѣній и къ облегченію уразумѣнія оныхъ, были бы также мною ...... искуплены; словомъ, такой мой разумъ не имѣлъ бы ни въ чемъ томъ недостатка, что бы могло удовлетворить похвальную охоту къ пріобрѣтенію просвѣщенія молодыхъ благородныхъ мыслящихъ офицеровъ, каковыхъ по нынѣшнему просвѣщенному времени конечно въ каждомъ полку найдется весьма много» [1]).

Такимъ образомъ въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, лучшіе люди нашего военнаго общества понимали всю важность возможно большаго развитія въ арміи образованія вообще и спеціально военнаго въ особенности, а такъ какъ никакого высшаго военно-учебнаго заведенія [2]) не было, то явилась мысль насадить это дѣло въ полкахъ. Мало того, былъ данъ совѣтъ лицамъ, отъ коихъ это зависѣло, дать ему еще болѣе обширную организацію.

Въ царствованіе Императора Павла I рѣшеніе указанныхъ вопросовъ не могло получить сколько-нибудь ощутительнаго развитія.

«Народное просвѣщеніе» въ царствованіе Императора Александра I.

Въ началѣ царствованія Императора Александра I народное просвѣщеніе было объявлено составляющимъ въ Россіи «особую государственную часть», во главѣ которой стояли министръ и подчинявшееся ему главное училищное правленіе [3]). Государство, въ отношеніи учебнаго управленія, дѣлилось на шесть полосъ или округовъ, во главѣ которыхъ стояли шесть членовъ главнаго правленія, именовавшіеся попечителями этихъ округовъ; но каждый изъ этихъ попечителей былъ представителемъ своего округа въ Петербургѣ, а на мѣстѣ во главѣ того же округа стоялъ университетъ, являвшійся высшею инстанціею по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ. Каждый изъ губернскихъ городовъ округа долженъ былъ имѣть свое губернское училище или гимназію, находившуюся подъ наблюденіемъ университета. Директоръ гимназіи былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и директоромъ уѣздныхъ училищъ, которыхъ должно было быть, по крайней мѣрѣ, по одному

---

[1]) См. А. Л. Писаревъ. «Изъ переписки двухъ адскихъ вельможъ Альгобеки и Альгомеки». Москва 1792—1793.

[2]) Или высшаго военно-учебнаго учрежденія.

[3]) П. С. З., XXVII, №№ 20406, 20407, 20582 и т. д.

въ каждомъ уѣздномъ и губернскомъ городѣ. Наконецъ, смотритель уѣзднаго училища былъ, въ свою очередь, начальникомъ приходскихъ училищъ своего уѣзда, которыя должны были учреждаться въ одномъ или двухъ приходахъ вмѣстѣ.

Такимъ образомъ была намѣчена стройная система народнаго просвѣщенія, но среда, въ которой были призваны дѣйствовать университеты, не была подготовлена къ надлежащему ея использованію, не говоря уже о томъ, что вся западная Россія была отдана въ руки поляковъ вслѣдствіе соотвѣтственнаго вліянія виленскаго университета, сообщенія школамъ польскаго характера и назначенія попечителемъ виленскаго учебнаго округа князя Адама Чарторыйскаго [1]), а его помощникомъ гр. Ѳ. Чацкаго [2]).

Противогосударственное направленіе «народнаго просвѣщенія» въ западныхъ частяхъ имперіи.

Остававшееся еще въ западной Россіи русское дворянство, при первыхъ двухъ преемникахъ Екатерины II, быстро денаціонализировалось и приняло совершенно польскій обликъ, что, въ тѣ времена, не могло способствовать воспитанію дворянской молодежи западнаго края въ такомъ направленіи и въ такомъ духѣ, чтобы изъ нея вырабатывались хорошіе русскіе дѣятели вообще и хорошіе русскіе военные люди въ особенности. Напротивъ того, считавшая себя польскою дворянская молодежь западно-русскихъ губерній стремилась сначала въ польскія войска арміи Наполеона I, а затѣмъ въ польскую армію Императора Александра I, состоявшую подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича [3]).

Въ то же время, въ остзейскихъ губерніяхъ преобладаніе было упрочено за нѣмецкою культурою, а въ связи съ этимъ и за нѣмец-

---

[1]) Князь Адамъ Чарторыйскій (1770+1861) прибылъ въ Петербургъ въ 1795 г. и пріобрѣлъ расположеніе великаго князя Александра I; съ 1801 г. до 1805 г.—министръ иностранныхъ дѣлъ; сопровождалъ Императора въ походахъ 1807 и 1814 г.г.; до 1821 г. попечитель Виленскаго учебнаго округа; въ 1831 г. президентъ временнаго польскаго правленія; затѣмъ удалился въ Парижъ.

[2]) Основатель Кременецкаго лицея.

[3]) Императоръ Александръ I не скрывалъ своего намѣренія возстановить связь западно-русскихъ губерній съ Царствомъ Польскимъ. См. 1-е П. С. З., XXXIII, № 26140 (о дозволеніи военноплѣннымъ полякамъ, хотя бы изъ западныхъ губерній, поступать въ ихъ прежніе польскіе полки) и т. д.

кимъ просвѣщеніемъ. Точно также, во вновь присоединенной Финляндіи господство было предоставлено шведской культурѣ и шведскому просвѣщенію.

Въ общемъ, въ западныхъ частяхъ имперіи, ближайшихъ къ культурной Западной Европѣ, просвѣщеніе насаждалось въ противогосударственномъ духѣ, что, естественно, должно было привести къ такимъ результатамъ, которые, ранѣе или позднѣе, не могли не вызвать реакцію.

Воспитаніе и образованіе дворянства во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ.

Во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ дворянство питало традиціонное уваженіе къ государственной, особенно къ военной службѣ; но къ службѣ дворянъ привлекало не столько желаніе работать и быть полезнымъ, сколько убѣжденіе, что дворянинъ долженъ имѣть оффиціальное положеніе, а для этого долженъ служить.

Антипатріотическій или космополитическій характеръ воспитанія будущихъ офицеровъ изъ дворянъ.

Матеріально обезпеченное дворянство предпочитало домашнее воспитаніе при содѣйствіи иностранныхъ гувернеровъ. Къ сожалѣнію, у насъ въ то время принимали съ распростертыми объятіями и притомъ безъ разбора всѣхъ французскихъ эмигрантовъ, бѣжавшихъ во время революціи, ради того, что они могли служить для насъ примѣромъ внѣшняго лоска и образованія, а въ ихъ числѣ людей со свѣдѣніями, честныхъ и съ чистымъ нравомъ было, пожалуй, меньше, чѣмъ людей, отличавшихся различными пороками [1]).

Этотъ иностранный элементъ оказывалъ самое вредное вліяніе на жизнь дворянства вообще и его воспитанія въ частности. Образованіе молодежи не могло быть національнымъ и не отличалось глубиною. Оно было настолько недостаточно, что лица, получившія его, не могли даже считаться просто людьми образованными, но оно было вполнѣ достаточно для того, чтобы сдѣлать ихъ глухими къ интере-

[1]) «Эмигранты,—говоритъ Н. Дубровинъ,—набѣжали, нанесли и водворили у насъ тысячи дотолѣ незнаемыхъ нами предразсудковъ, разврата, бездѣльничества—словомъ всего, что было сквернаго, гнуснаго и преступнаго во Франціи ...... Люди низкаго состоянія, не имѣвшіе достатка и имущества въ своемъ отечествѣ, не привыкшіе трудомъ и знаніемъ снискивать себѣ пропитаніе, потянулись въ Россію «pour se faire outchitel des enfants» ...... Они принимались въ дворянскіе дома безъ всякой оцѣнки ихъ знаній и нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для тѣхъ обязанностей, которыя принимали на себя» ...... «Русская Старина», 1899 г., № 3. («Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка»), 540 и т. д.

самъ своего же народа. Юношамъ внушали «если не презрѣніе, то полное равнодушіе ко всему русскому и сочувствіе ко всему иностранному». Твердили, что «во Франціи все превосходно... въ Россіи же все мрачно... О вѣрѣ... вселяли сомнѣніе. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ юноши узнавали отъ своихъ воспитателей, что дѣлалось въ Лондонѣ, Парижѣ, но о Россіи не слыхали ни слова» [1]).

Между тѣмъ родители этихъ юношей, за рѣдкими исключеніями, о нихъ не заботились [2]).

Лица, не имѣвшія возможности запастись такими воспитателями или же недовольныя результатами ихъ занятій, отдавали своихъ дѣтей въ пансіоны, въ которыхъ однако распоряжались точно такіе же иноземцы, заботившіеся лишь объ одномъ, какъ бы собрать побольше денегъ и воспитывавшіе своихъ учениковъ въ томъ же антипатріотическомъ духѣ. Другіе помѣщали дѣтей въ благородные пансіоны, не носившіе иностраннаго отпечатка и дававшіе даже большія преимущества, но эти пансіоны не обременяли своихъ питомцевъ занятіями и также не давали хорошаго образованія. Весьма немногіе проводили своихъ дѣтей черезъ гимназіи, которыя также не соотвѣтствовали своему назначенію, но въ которыхъ все же давалось болѣе основательное образованіе. Наконецъ, еще меньшее число родителей мечтало о томъ, чтобы ихъ дѣти проходили полный курсъ университета [3]).

Подобныя условія способствовали созданію космополитически настроенныхъ людей, не имѣвшихъ ни родины, ни настоящей вѣры, безъ уваженія относившихся къ труду, плохо знавшихъ Россію и ея народъ, который какъ бы не былъ ихъ народомъ. Эти же условія препятствовали вполнѣ удовлетворительному рѣшенію вопроса о воспитаніи и образованіи будущихъ офицеровъ нашей арміи.

«Непремѣнный Совѣтъ о военныхъ училищахъ».

Во главѣ «военнаго воспитанія» былъ поставленъ учрежденный въ 1805 году «Непремѣнный Совѣтъ о военныхъ училищахъ» [4]), подъ

---

[1]) Тамъ же, 542.

[2]) Въ концѣ концовъ забота о дѣтяхъ переходила къ нянькамъ и лакеямъ.

[3]) Тамъ же. Левшинъ Д. М. «Т. Н. Грановскій», 29 и 30. Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, I, 23—28. Ссылки на П. Панова, кн. Енгалычева, Д. Н. Свербеева и др.

[4]) П. С. З., XXVIII, №№ 21675, 21685 и 21815.

предсѣдательствомъ Цесаревича Константина Павловича, въ составѣ членовъ: министровъ — народнаго просвѣщенія гр. Завадовскаго и «военныхъ сухопутныхъ силъ» Вязмитинова, инженеръ-генерала Сухтелена [1]), инспектора артиллеріи гр. Аракчеева, товарищей министровъ — иностранныхъ дѣлъ кн. Чарторыйскаго и юстиціи — Новосильцева и генералъ-маіоровъ Клингера и Клейнмихеля. При Совѣтѣ былъ учрежденъ особый комитетъ для составленія подробныхъ плановъ курсовъ ученія и «устава учебной части» [2]).

Военно-учебныя заведенія.

Къ началу царствованія императора Александра I, не считая морского кадетскаго корпуса, у насъ имѣлось четыре благоустроенныхъ офицерскихъ разсадника: 1-й, 2-й и гродненскій корпуса и военно-сиротскій домъ.

Въ теченіе этого царствованія были учреждены, въ довольно значительномъ числѣ, новыя и частью подверглись перемѣнамъ прежнія военно-учебныя заведенія: а) губернскія военныя училища и частныя дворянскія училища, получившія въ большей или меньшей степени военный характеръ; б) преобразованный Пажескій корпусъ; в) волонтерный корпусъ или дворянскій полкъ съ кавалерійскимъ эскадрономъ; г) школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ; д) гродненскій кадетскій корпусъ, перемѣщавшійся изъ одного мѣста въ другое нѣсколько разъ и притомъ съ перемѣною наименованія; е) училища для колонновожатыхъ и вообще для подготовки офицеровъ квартирмейстерской части: казенныя въ С-Петербургѣ и частное въ Москвѣ [3]); ж) Гапанеемскій топографическій, позже Финляндскій кадетскій корпусъ [4]); з) Варшавская школа подпрапорщиковъ и Калишскій кадетскій корпусъ [5]); и) главныя училища, инженерное и артиллерійское (послѣднее съ офицерскимъ отдѣленіемъ); і) приспособленные отчасти и къ военнымъ цѣлямъ, Дерптскій университетъ и Царскосельскій лицей [6]); к) школы при штабахъ 1-й и 2-й армій (для офицеровъ и юнкерскія) и при штабахъ нѣкоторыхъ корпусовъ [7]).

---

[1]) Стоявшаго во главѣ квартирмейстерской части.
[2]) О дѣятельности этого совѣта см. С. В. М., X, 70—75 и т. д.
[3]) и [4]) С. В. М., IV, 1, 2, 1, стр. 276—280 и 354—360.
[5]) С. В. М., X, 101 и 102.
[6]) С. В. М., IV, 1, 2, 1, стр. 360 и 402.
[7]) Тамъ же, 361, 362 и X, 98—101.

Произведены были также болѣе или менѣе соотвѣтственныя преобразованія и улучшенія (или измѣненія) въ существовавшихъ уже учебныхъ заведеніяхъ.

Отсутствіе цѣльной, стройной и законченной системы военнаго воспитанія и образованія.

Учрежденіемъ непремѣннаго совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ было положено начало централизаціи управленія этими заведеніями, но первый главный ихъ начальникъ, пребывавшій въ Варшавѣ, не могъ сосредоточить этого управленія на достаточно правильныхъ основаніяхъ, если не сказать болѣе.

Разъединен. школы. Отсутствіе гармоніи между разными отдѣлами военной науки.

Признано было необходимымъ учредить въ Петербургѣ должность директора Пажескаго и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, хотя и подчиненнаго Цесаревичу, но облеченнаго большими полномочіями. При такихъ условіяхъ, рѣшеніе многихъ вопросовъ должно было проходить черезъ три инстанціи: канцелярію главнаго директора, канцелярію Цесаревича (въ Варшавѣ) и главный штабъ Его Величества. Прочной, вполнѣ однообразной организаціи военно-учебныя заведенія не имѣли; каждое изъ нихъ управлялось по усмотрѣнію своего непосредственнаго начальника. Нѣкоторыя заведенія имѣли характеръ временный; по минованіи въ нихъ надобности, они закрывались. Въ общемъ работа была произведена не малая, но все это не было приведено въ одну цѣльную, стройную и законченную систему: система воспитанія, предметы ученія, постановка курсовъ были различны. Этому разъединенію школы соотвѣтствовало и разъединеніе родовъ войскъ и службы, которое весьма легко развивается во всякой арміи, если только ему не противодѣйствуютъ надлежащими мѣропріятіями, а въ особенности правильною организаціею войскъ, учрежденій и заведеній.

Неудивительно, что въ одномъ заведеніи преобладало преподаваніе тактики, въ другомъ артиллеріи, въ третьемъ фортификаціи, но нигдѣ не было должной гармоніи между разными отдѣлами военной науки, нигдѣ не имѣлось ни прочно установившихся программъ, ни курсовъ.

Короче, имѣлись отдѣльныя части, но стройнаго цѣлаго не было.

Стремленіе Императора Николая I къ приведенію въ надлежащую систему какъ общаго, такъ и военнаго воспитанія и образованія.

Императоръ Николай I, тотчасъ по вступленіи на престолъ, обратилъ особенное вниманіе на приведеніе какъ общаго, такъ и военнаго воспитанія и образованія въ надлежащую систему и на подчиненіе того и другого извѣстнымъ общимъ положеніямъ, въ соотвѣтствіи съ извѣстною программою государственной дѣятельности.

Высшая школа.

Университеты, въ это царствованіе, сдѣлали шагъ впередъ. Въ 1835 г. они получили новый уставъ, который, сравнительно съ германскимъ университетскимъ уставомъ того же времени, могъ считаться «либеральнымъ» [1]). Хотя теперь университеты не вѣдали уже учебныхъ заведеній, находившихся въ ихъ округѣ, и юрисдикція ихъ была значительно сужена, но зато, по новому уставу, было вновь возстановлено право выбора и право получать книги изъ-за границы безъ предварительной цензуры. Въ уставѣ проводилась мысль о необходимости нравственнаго и наружнаго воспитанія. Студенты были подвергнуты болѣе бдительному надзору. Попечители перемѣстились въ тѣ города, въ которыхъ находились университеты, за соблюденіемъ дисциплины въ коихъ они должны были слѣдить. Учреждены были новыя каѳедры—русской исторіи и исторіи литературы славянскихъ нарѣчій. Установился обычай посылать молодыхъ людей за границу, съ тѣмъ, чтобы они могли тамъ поучиться у европейскихъ ученыхъ. Эти молодые люди, по возвращеніи въ Россію, познакомили университетскую молодежь съ традиціями настоящей науки, заронили въ умахъ своихъ слушателей сѣмя критики и зажгли въ ихъ сердцахъ искреннее желаніе работать и всѣми силами добиваться познанія истины [2]). Энциклопедизмъ, господствовавшій въ предыдущее царствованіе вслѣдствіе недостатка хорошо подготовленныхъ спеціалистовъ, теперь мало-по-малу уступилъ мѣсто спеціализаціи [3]).

Средняя и низшая школы.

Въ основаніе преобразованія школъ среднихъ и низшихъ были положены двѣ идеи: а) «расположить ученіе въ каждомъ изъ учебныхъ заведеній такъ, чтобы оно могло служить окончательнымъ образованіемъ того класса людей, для котораго таковыя училища преимущественно учреждаются» [4]); б) школа должна не только учить, но и воспитывать, при чемъ воспитаніе должно находиться въ рукахъ государства.

---

[1]) Левшинъ, 80.
[2]) Тамъ же, 82.
[3]) Тамъ же, со ссылкою на статью В. Иконникова.
[4]) Такъ, напримѣръ, приходскія школы должны были существовать преимущественно для крестьянъ и мѣщанъ, уѣздныя — для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ, а гимназіи — преимущественно для дворянъ.

Оцѣнка воспитательной системы Императора Николая I.

Можно критиковать эту систему [1]), но нельзя отказать ей въ извѣстной цѣльности и законченности. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно принять въ соображеніе, что проведенію программы Императора Николая I въ жизнь препятствовали обстоятельства, которыя не могли быть устранены не только при немъ, но даже и въ ближайшее время послѣ него.

Гувернеры съ одной стороны и пансіоны съ другой продолжали воспитывать дворянскую молодежь въ анти-національномъ духѣ. Подражательный процессъ продолжалъ еще свое развитіе. Между тѣмъ Императоръ Николай I объявилъ основаніемъ своей внутренней политики «православіе, самодержавіе и народность», вслѣдствіе чего творческій процессъ получилъ возможность расти и какъ бы рѣзче обозначился. Императоръ сталъ на сторону тѣхъ, которые хотѣли покончить съ подражаніемъ и работать независимо отъ иностраннаго вліянія; но осуществленію этой цѣли воспрепятствовали: его «друзья 14-го декабря, европейскія событія его времени, польское возстаніе, боязнь, которую онъ испытывалъ вновь увидать попытку примѣненія къ Россіи вкривь и вкось европейскихъ теорій»... Онъ всѣми силами старался остановить въ своемъ развитіи еще очень сильный подражательный процессъ, что и привело къ извѣстнымъ «крайностямъ правительственной опеки» и въ глазахъ людей, не умѣвшихъ въ этомъ разобраться, придало царствованію Императора-рыцаря «видъ похода противъ цивилизаціи» [2]).

Несправедливость подобной односторонней оцѣнки этого царствованія лучше всего видна при оцѣнкѣ того, что было сдѣлано Императоромъ Николаемъ I въ отношеніи военнаго воспитанія и образованія будущихъ офицеровъ русской арміи.

Систематизированіе военно-воспитательнаго и военно-образовательнаго дѣла. Дальнѣйшее развитіе военно учебныхъ заведеній.

Предметъ заботъ Императора въ этомъ отношеніи составляли: упроченіе правильнаго устройства кадетскихъ корпусовъ, приведеніе ихъ въ стройную систему и вообще какъ коренное устраненіе вышеуказанныхъ недостатковъ всей совокупности нашихъ военно-учеб-

---

[1]) Какъ это и дѣлаетъ авторъ выше цитированнаго труда «Т. Н. Грановскій», къ сожалѣнію, слишкомъ часто соглашающійся съ другимъ критикомъ, г. П. Милюковымъ, примѣшивающимъ къ наукѣ многое, чему въ ней не должно быть мѣста.

[2]) Левшинъ, 91—93.

ныхъ заведеній безъ исключенія, такъ и дальнѣйшее ея развитіе, согласуемое съ потребностями времени [1]).

Вопросъ объ устройствѣ высшаго военно-учебнаго заведенія.

Особенно важное значеніе принадлежало постановкѣ на очередь и проведенію въ жизнь замѣчательнаго рѣшенія весьма важнаго вопроса объ устройствѣ высшаго военно-учебнаго заведенія.

Вопросъ этотъ находился въ тѣсной связи какъ съ вопросомъ о комплектованіи генеральнаго штаба [2]), такъ и съ вопросомъ объ устраненіи недостатковъ, усмотрѣнныхъ во всѣхъ уже существовавшихъ у насъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Комитетъ по разсмотрѣнію курсовъ военно-учебныхъ заведеній и порученіе, данное генералу Жомини.

Для разработки соотвѣтственнаго рѣшенія послѣдняго вопроса, въ маѣ 1826 года, былъ образованъ особый «комитетъ по разсмотрѣнію учебныхъ курсовъ военно-учебныхъ заведеній». Сверхъ того Императоръ поручилъ генералъ-адъютанту Жомини изложить свои соображенія по вопросу о преподаваніи военныхъ наукъ, имѣющихъ отношеніе къ веденію «большой войны» [3]), въ связи съ устройствомъ особой «стратегической школы» [4]).

Всеподданнѣйшее письмо генералъ-адъютанта Жомини 21 марта (2 апрѣля) 1826 г.

Генералъ-адъютантъ Жомини представилъ Императору соотвѣтственную записку при всеподданнѣйшемъ письмѣ слѣдующаго содержанія [5]):

---

[1]) Н. Ак. Г. Ш. («Историческій очеркъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба», ген.-маіора Н. П. Глиноецкаго. Спб. 1882), 1.

[2]) См. выше, стр, 12, 15—19, 29 и т. д.

[3]) «....Idées sur l'éducation militaire relative à la Grande Guerre».

[4]) «Ecole de stratégie».

[5]) «Sire. J'ai l'honneur de soumettre à Votre Majesté Impériale quelques idées sur une école de stratégie qu'Elle a daigné me faire demander.

Je n'ai pas cru devoir m'étendre dans ces notes sur l'importance de la stratégie, car je sais que Votre Majesté en est déjà penetrée.

Une seule manoeuvre stratégique sauva la France en 1793 des efforts de toute l'Europe coalisée.

Une autre lui ouvrit la hollande et la Belgique en 1794.

Un plan habilement conçu, valut en 1800 aux français l'Italie entière et la paix la plus avantageuse.

En 1805 une manoeuvre toute semblable ruina l'armée entière de Mack et valut à Napoléon l'empire de l'Allemagne.

En 1806 la Prusse succomba en 15 jours parcequ'aucun de ses généraux n'avait compris les principes de la grande guerre.

En 1807 Beningsen faillit perdre son armée, et l'eut perdue si la prise d'un courier français ne lui eut signalé le précipice où il allait la jeter par un oubli formel de ces principes.

L'Autriche succomba en 1809 pour avoir perdu les mémorables batailles stratégiques autour de Ratisbonne.

«Ваше Величество!

Имѣю честь представить мои соображенія о школѣ стратегіи, которыя Вашему Императорскому Величеству благоугодно было отъ меня потребовать.

Я не считалъ себя обязаннымъ распространяться въ этой запискѣ

En 1812 la Russie risqua son salut pour avoir oublié les principes au début de la campagne. Si Napoléon eut opéré avec la même vivacité qu'à Ratisbonne tout était perdu.

Les Russes revinrent sagement aux vrais principes, la marche sur Smolensk et celle de Moscou à Taroutin sauvèrent l'Empire et l'opération concentrique sur la Beresina couronna cette belle campagne.

En 1813—1814. Les principes apliqués tantôt par les alliés tantôt par Napoléon triomphèrent alternativement et conduisirent enfin à Paris les masses supérieures et victorieuses des alliés.

Comment nier désormais la necessité d'enseigner une science qui peut avoir tant d'influence sur la destinée des Etats qui decide souvent de leur grandeur ou de leur décadence.

Comment expliquer la legereté avec laquelle ou l'enseigne dans les écoles qui doivent fournir à l'armée des officiers appellés un jour ou l'autre à la commander.

Je m'arrête ...... de crainte d'abuser des momens précieux d'un Monarque, aussi convaincu que moi de ces vérités, et qui n'a point besoin de ma faible logique pour s'en pénétrer. D'ailleurs les notes ci jointes disent tout ce qui reste à dire sur cette matière.

Je prends la liberté d'appeller l'attention de Votre Majesté sur les mémoires écrits que je demande aux jeunes officiers autant pour développer leur jugement que pour en connaître la portée.

Il faut se garder de confondre les épreuves d'un élève envers son précepteur, avec la manie des mémoires prétentieux dont tant de faiseurs de projets assiègent les souverains. Personne n'est plus éloigné que moi de cette manie, car je me suis abstenu pendant dix ans de présenter à Sa Majesté l'Empereur Alexandre d'autres mémoires que ceux qu'il m'avait demandés, bien qu'il m'eut ordonné de le faire toutes les fois que le bien de son service m'en suggererait l'idée.

Je suis avec la plus profonde vénération! Sire.

De Votre Majéste Impériale et Royale le plus humble et dévoué serviteur lieutenant-général Jomini. Petersbourg le 21 mars/2 avril 1826. См. Арх. Акад. (Архивъ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба), дѣло 1832 г., № 1.

Н. П. Глиноецкій, какъ въ своемъ Историческомъ очеркѣ академіи (стр. 2), такъ и въ своей «Исторіи русскаго генеральнаго штаба» (II, 15) только упоминаетъ объ этомъ письмѣ барона Жомини и совершенно не касается его содержанія. Составитель настоящаго очерка, съ своей стороны, считаетъ этотъ документъ въ высшей степени важнымъ и желаетъ дать читателямъ возможность лично его оцѣнить, а потому и пополняетъ этотъ пропускъ. Письмо приведено здѣсь съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника, а въ текстѣ помѣщенъ переводъ не буквальный.

о важности стратегіи, такъ какъ знаю, что Ваше Величество въ ней вполнѣ убѣждены.

Одинъ только стратегическій маневръ спасъ Францію въ 1793 году въ борьбѣ съ европейскою коалиціею.

Стратегическій же маневръ предоставилъ Франціи Голландію и Бельгію въ 1794 году.

Искусно задуманный планъ доставилъ французамъ въ 1800 году всю Италію и въ высшей степени выгодный миръ.

Въ 1805 году подобный же маневръ привелъ къ гибели всю армію Макка и отдалъ Германію въ руки Наполеона.

Въ 1806 году Пруссія была ниспровергнута въ какихъ-нибудь двѣ недѣли, такъ какъ ни одинъ изъ ея генераловъ не уразумѣлъ принциповъ, лежащихся въ основу веденія большой войны [1].

Въ 1807 году Беннигсенъ едва не погубилъ свою армію; онъ погубилъ бы ее, если бы взятіе въ плѣнъ французскаго курьера [2] *не указало ему ту пропасть, въ которую онъ ее направлялъ вслѣдствіе полнаго забвенія этихъ принциповъ.*

Австрія была ниспровергнута въ 1809 году вслѣдствіе проигрыша достопамятныхъ сраженій въ окрестностяхъ Регенсбурга, имѣвшихъ стратегическое значеніе.

Въ 1812 году Россія поставила на карту свое спасеніе, позабывъ эти же принципы въ началѣ кампаніи. Если бы Наполеонъ дѣйствовалъ съ такою же быстротою, какъ подъ Регенсбургомъ, то все было бы потеряно.

Русскіе поступили мудро, возвратившись къ истиннымъ принципамъ: маршъ къ Смоленску, а затѣмъ движеніе отъ Москвы къ Тарутину спасли имперію; наконецъ, концентрическая операція на Березинѣ достойнымъ образомъ завершила [3] *этотъ прекрасный походъ.*

---

[1]) Точнѣе, пожалуй, будетъ такая редакція: «принциповъ веденія войны въ самомъ широкомъ смыслѣ».

[2]) 15—27 января 1807 г. Наполеонъ готовился атаковать нашу армію съ лѣваго фланга, а Бернадотту приказалъ отступать къ нижней Вислѣ, увлекая за собою Беннигсена. Депеша, посланная имъ Бернадотту, была перехвачена нашими гусарами и выяснила Беннигсену опасность его расположенія, что дало ему возможность ускользнуть отъ удара, задуманнаго Наполеономъ.

[3]) Буквально: «увѣнчала».

Въ 1813 и 1814 годахъ принципы, примѣняемые то союзниками, то Наполеономъ, торжествовали попеременно и, въ концѣ концовъ, привели къ Парижу превосходныя и побѣдоносныя массы союзныхъ войскъ.

Можно ли послѣ этого отрицать необходимость преподаванія науки, которая можетъ оказывать такое вліяніе на судьбы государствъ, которая часто рѣшаетъ вопросы о томъ, сохранятъ ли они свое величіе, или же погибнутъ.

Какъ объяснить легкомысліе, съ которымъ ведутъ дѣло преподаванія въ школахъ, которыя должны давать арміи офицеровъ, могущихъ быть призванными ранѣе или позднѣе къ командованію ею?

Останавливаюсь на этомъ... изъ боязни злоупотреблять драгоцѣннымъ временемъ Монарха, столь же убѣжденнаго, какъ и я, въ этихъ истинахъ и не имѣющаго надобности въ моей слабой логикѣ, чтобы ими проникнуться. Къ тому же, въ прилагаемой запискѣ сказано все, что еще остается сказать по этому вопросу.

Осмѣливаюсь обратить вниманіе Вашего Величества на письменныя работы, которыя мною требуются отъ молодыхъ офицеровъ, какъ для развитія ихъ кругозора, такъ и для распознаванія ихъ способностей.

Слѣдуетъ остерегаться смѣшенія упражненій, подаваемыхъ ученикомъ учителю, съ претенціозными проектами, которыми многіе прожектеры безпокоятъ Государей. Никто болѣе меня не чуждается этой маніи, такъ какъ я, въ теченіе десяти лѣтъ, воздерживался отъ представленія Императору Александру какихъ бы то ни было записокъ, за исключеніемъ тѣхъ, коихъ Онъ отъ меня требовалъ, не взирая на Его повелѣніе представлять Ему таковыя всякій разъ, какъ только представленіе ихъ вызывалось бы пользою Его службы...».

Въ вышеупомянутой запискѣ «объ учрежденіи центральной школы высшей тактики» [1]), Жомини писалъ нижеслѣдующее:

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ЖОМИНИ ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ВЫСШЕЙ ТАКТИКИ.

«Его Величество потребовалъ, чтобы я представилъ ему мои соображенія относительно преподаванія военныхъ наукъ и всѣхъ работъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу веденія большой войны [2]) ...... Постараюсь

---

[1]) «Notes sur l'établissement d'une Ecole Centrale de Grande Tactique». См. Арх. Ник. Ак. Ген. Шт., дѣло 1832 г., № 1.

[2]) «Mes idées sur l'éducation militaire relative à la Grande Guerre»...

сдѣлать это, избѣгая многословія. Не буду посягать на драгоцѣнное время Его Величества, излагая здѣсь всю систему воспитанія, установившуюся въ соотвѣтственныхъ [1]) правительственныхъ учрежденіяхъ, и отмѣчая злоупотребленія, которыя могли бы вредить процвѣтанію большей части этихъ учрежденій: для этого нужно было бы потратить весьма много [2]) времени на изслѣдованія, болѣе точныя и болѣе положительныя, чѣмъ тѣ обзоры, которые я могъ составить. Къ тому же, этимъ я вышелъ бы за предѣлы, мнѣ указанные.

Я разсмотрю единственно лишь то, что касается военнаго образованія, или точнѣе высшей тактики; не выступая съ рѣзкою критикою существующихъ въ этомъ дѣлѣ несовершенствъ, я представлю проектъ рѣшенія этого вопроса, который покажется мнѣ наиболѣе подходящимъ, съ точки зрѣнія интересовъ какъ государства, такъ и молодыхъ офицеровъ, которые посвящаютъ себя службѣ тому же государству.

Считаю безполезнымъ выяснять здѣсь важность стратегіи; каждый военный человѣкъ, сколько-нибудь размышлявшій о войнѣ, въ этомъ убѣжденъ. Могущественныя государства были завоеваны менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, большія арміи были уничтожены въ какихъ-нибудь 2 недѣли благодаря только одному стратегическому маневру. Можно ли послѣ этого отрицать вліяніе этой науки, выясняющей судьбу государствъ? Нелѣпо отрицать эти истины. Тѣмъ не менѣе, по вопросу о пользѣ ихъ изученія существуетъ разногласіе [3]).

Происходило много споровъ относительно необходимости преподаванія военной исторіи, высшей тактики [4]) и стратегіи какъ въ спеціальныхъ училищахъ, такъ и въ заведеніяхъ, которыя должны выпускать офицеровъ въ армію. Сторонники противоположнаго мнѣнія утверждали, что *распространять слишкомъ много знанія* въ средѣ подпоручиковъ пѣхоты и кавалеріи, карьера которыхъ, ограниченная, въ среднемъ, чиномъ маіора или полковника, требуетъ способности къ послушанію и точности болѣе, чѣмъ какихъ бы то ни было другихъ военныхъ качествъ,—*было бы по меньшей мѣрѣ безполезно, если не опасно* [5]). Въ результатѣ появились бы резонеры. Пѣхотный полкъ, располагающій для командованія взводами только такими офицерами, какъ Фоларъ, Фёкьеръ, и Гиберъ [6]), былъ бы, по всему вѣроятію, весьма плохо предводимъ (и управляемъ?) [7]). Въ свою очередь сторонники возможно большаго распространенія науки [8]) веденія большой войны говорятъ: «изъ ста офицеровъ, оканчивающихъ школы, только десять или 20 будутъ современемъ генералами; въ арміи никогда не будетъ излишка начальниковъ, проникнутыхъ истинными принципами войны; сто сраженій были проиграны вслѣдствіе того, что армейскіе генералы не умѣли связать движенія своихъ дивизій съ главнымъ маневромъ, входившимъ въ намѣренія главнокомандующаго; въ наше время въ

---

[1]) Буквально: въ высшихъ учрежденіяхъ государства.

[2]) Un tems infini»...

[3]) «Mais s'il parait absurde de contester ces verités on n'est pas aussi bien d'accord sur l'avantage de les enseigner».

[4]) «Grande Tactique».

[5]) Курсивъ составителя очерка.

[6]) «Des Follard, des Feuquières ou des Guibert».

[7]) «Fort mal commandé».

[8]) Буквально: «изученія большой войны».

особенности многія арміи были уничтожены вслѣдствіе одного только важнаго нарушенія принциповъ стратегіи; напротивъ, можно указать многія рѣшительныя операціи, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ только потому, что простой офицеръ генеральнаго штаба, посвященный въ сущность правилъ веденія войны [1]), оказывалъ счастливое вліяніе на своихъ начальниковъ и умѣлъ согласовать ихъ маневры съ видами главнокомандующаго».

Они прибавляютъ: «невозможно рѣшить вопросъо призваніи будущаго офицера, когда ему только 15 лѣтъ отъ роду; офицеръ, выпущенный изъ кадетскаго корпуса въ пѣхоту, можетъ быть болѣе способенъ къ усвоенію сущности веденія большой войны, чѣмъ самый ученый офицеръ генеральнаго штаба; дарованія его обнаружатся и разовьются только благодаря соотвѣтственному его обученію».

Въ виду столь убѣдительныхъ мотивовъ, я, не колеблясь, полагаю, что правы послѣдніе, что не слѣдуетъ смущаться возможностью появленія въ полкахъ нѣсколькихъ полу-ученыхъ офицеровъ съ большими претензіями, такъ какъ поставить ихъ на соотвѣтствующее мѣсто было бы не трудно, и что слѣдовало бы во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ давать обучающимся предварительное знакомство съ тактикою и даже со стратегіею.

Этого можно достичь двумя способами. Одинъ заключается въ томъ, чтобы имѣть въ каждомъ заведеніи офицера, могущаго преподавать начала этихъ наукъ, а затѣмъ совершенствовать воспитанниковъ этихъ заведеній послѣ того, какъ они уже будутъ произведены въ офицеры, учредивъ для этого особую центральную школу, въ которую слѣдовало бы принимать тѣхъ, кои обнаружатъ наибольшія способности къ этой отрасли образованія.

Другой способъ заключается въ томъ, чтобы имѣть въ Петербургѣ только одну школу стратегіи и тактики, которая вела бы предварительное обученіе въ различныхъ заведеніяхъ [2]) и затѣмъ заканчивала бы это обученіе въ болѣе распространенномъ курсѣ по выходѣ воспитанниковъ въ офицеры.

Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ свои выгоды и невыгоды и можетъ быть принятъ при условіи принятія предосторожностей, необходимыхъ въ видахъ устраненія злоупотребленій.

Первый способъ устанавливаетъ первоначальное обученіе подъ ближайшимъ наблюденіемъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, подъ отвѣтственностью начальника каждаго заведенія.., [3]); но онъ представляетъ менѣе цѣльности, менѣе единства въ обученіи; въ случаѣ его принятія, было бы необходимо подвергать офицеровъ, получившихъ подготовку этого рода, экзамену и контролю начальства центральной школы; безъ этого получилось бы столько же методовъ и, можетъ быть, даже столько же различныхъ ученій [4]), сколько имѣется учебныхъ заведеній.

---

[1]) «Les règles de la guerre». Къ сожалѣнію Жомини не установилъ точнаго понятія объ этихъ «правилахъ» и этимъ подалъ поводъ къ недоразумѣніямъ.

[2]) Буквально: «которая начинала бы первоначальное обученіе въ различныхъ заведеніяхъ».

[3]) «Это его выгодная сторона».

[4]) Буквально: столько же различныхъ методовъ и быть можетъ различныхъ правилъ, сколько имѣется учебныхъ заведеній.

Въ случаѣ, если бы было отдано предпочтеніе второму способу [1]), можно было бы опасаться возникновенія вреднаго (для дѣла) соперничества между начальникомъ центральной школы и начальниками остальныхъ учебныхъ заведеній.

Дабы устранить эти затрудненія и резюмировать рѣшеніе вопроса, согласованное съ моими идеями, осмѣливаюсь представить проектъ указа, который удовлетворитъ всѣмъ тѣмъ требованіямъ, кои слѣдовало бы стараться выполнить.

Не знаю, достигъ ли я цѣли, которую поставилъ себѣ Государь, требуя отъ меня работы по этому вопросу. Предполагаю, что Его Величество не требовалъ отъ меня представленія учебной программы и еще менѣе того курса высшей тактики, на составленіе [2]) котораго потребовалось бы 1—2 года.

Программа могла бы быть составлена въ 2—3 дня; но такъ какъ я считаю ее относящеюся къ деталямъ дѣла, чуждою его сущности, то ограничиваюсь лишь краткимъ перечисленіемъ въ проектѣ указа главнѣйшихъ отдѣловъ, включаемыхъ въ программу знаній.

Изъ этого проекта видно, что послѣдняя степень обученія будетъ производиться посредствомъ письменныхъ сочиненій по важнѣйшимъ предметамъ преподаванія. Этотъ методъ даетъ бо́льшую возможность развитія таланту учащагося, чѣмъ простое объясненіе въ классѣ. При этомъ молодому человѣку дается время для того, чтобы его мысли могли созрѣть и чтобы онъ могъ ихъ упорядочить; онъ является болѣе самъ собою въ работахъ этого рода; его заставляютъ вносить въ свои идеи надлежащую послѣдовательность и придавать имъ необходимую цѣльность [3]).

Только избранные изъ двухъ первыхъ классовъ могутъ попасть въ третій классъ, который, въ свою очередь, явится разсадникомъ лучшихъ офицеровъ арміи.

Считаю возможнымъ утверждать, что школа, устроенная на такихъ началахъ, дала бы самые благопріятные результаты.

Наибольшее затрудненіе ощущалось бы въ отношеніи выбора профессоровъ: хотя принципы стратегіи и просты, тѣмъ неменѣе, число офицеровъ, хорошо понимающихъ эти принципы, удивительно мало. Къ тому же, недостаточно понять эти положенія и умѣть примѣнять ихъ къ изученію войны; для того, чтобы быть въ состояніи преподавать ихъ обучаемымъ офицерамъ, нужно обладать еще особымъ талантомъ, соотвѣтствующимъ этому призванію.

Я не знаю генеральный штабъ настолько, чтобы судить о томъ, имѣются ли въ немъ необходимые для этого дѣла офицеры; лица, стратегическія заслуги которыхъ испытаны, занимаютъ высокіе посты, на которыхъ они болѣе полезны государству и своей собственной славѣ; взять ихъ съ этихъ постовъ невозможно. Мнѣ кажется, что генералъ Хатовъ, и по своей прежней дѣятельности, и по характеру своихъ познаній, могъ бы стать во главѣ этой школы; если бы мои совѣты могли ему принести пользу, я былъ бы готовъ дать ихъ ему съ удовольствіемъ. Я прочелъ отрывки работъ полковника Окунева; они не лишены достоинствъ; не знаю, можно ли было бы поручить ему отдѣленіе этой школы и нашелъ ли бы онъ это дѣло для себя подходящимъ.

---

[1]) «Si l'on préférait que l'Ecole Centrale fit donner elle-même l'instruction élémentaire dans les établissements» ......

[2]) Буквально: редактированіе.

[3]) «On le force à mettre de la suite et de l'ensemble dans ses idées»

Его Высокопревосходительство генералъ Дибичъ можетъ лучше меня указать лицъ, соотвѣтствующихъ различнымъ должностямъ, если только ему извѣстны еще и другія, кромѣ названныхъ мною. Я же, за исключеніемъ трехъ генераловъ, занимающихъ важнѣйшія должности, и генерала Хатова, знаю только одно лицо, могущее стать во главѣ этой школы; но, къ несчастію, это французъ и онъ уже занимаетъ такой именно постъ во Франціи.

Я могъ бы только испытать способности тѣхъ офицеровъ, которыхъ начальникъ штаба Его Величества направилъ бы ко мнѣ съ этою цѣлью, и дать имъ нѣкоторые совѣты, когда дѣло дошло бы до установленія курсовъ [1]).

Проектъ указа объ учрежденіи центральной школы высшей тактики.

Составленный барономъ Жомини «проектъ указа объ учрежденіи центральной школы стратегіи и высшей тактики» былъ редактированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Его Императорское и Царское Величество [2]), сознавая необходимость приведенія къ единству принциповъ и метода преподаванія высшей тактики и стратегіи въ различныхъ заведеніяхъ столицы, повелѣваетъ:

I. Для преподаванія тактики и стратегіи учреждается центральная школа.

II. Эта школа ввѣряется генералу . . . . , которому подчиняются два полковника (или маіора), въ качествѣ начальниковъ отдѣловъ, и четыре капитана, о назначеніи коихъ будетъ сдѣлано Намъ немедленно представленіе начальникомъ главнаго штаба по соглашенію съ начальникомъ школы.

III. Предварительное обученіе будетъ производиться во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомствъ главнаго штаба, инженернаго, артиллерійскаго и Пажескаго корпуса, офицерами, уже прикомандированными къ этимъ заведеніямъ. Во всякомъ случаѣ, въ видахъ необходимости установленія единства идеи и метода обученія, офицеры, на которыхъ таковое будетъ возложено, должны слѣдовать указаніямъ, которыя будутъ имъ даны начальникомъ центральной школы; послѣдній, впрочемъ, не долженъ вмѣшиваться въ дѣла этихъ заведеній.

IV. Высшая школа будетъ раздѣлена на два отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ будутъ обучаться веденію большой войны офицеры, вышедшіе изъ колонновожатыхъ генеральнаго штаба, инженернаго корпуса, артиллеріи и Пажескаго корпуса, въ томъ же году, въ которомъ они будутъ выпущены изъ своихъ заведеній офицерами.

Въ этотъ курсъ будутъ принимаемы только тѣ воспитанники названныхъ заведеній, которые обнаружатъ наибольшія способности къ этой наукѣ.

V. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ преподаваемы: а) тактика различныхъ родовъ войскъ, включая сюда все то, что касается ихъ употребленія въ день боя или сраженія; б) изученіе элемента мѣстности съ точки зрѣнія

---

[1]) Глиноецкій (И. Ак. Г. Ш., 2 и 3) приводитъ лишь въ крайне общихъ чертахъ содержаніе этой записки, имѣющей несомнѣнно высокое историческое значеіе.

[2]) Жомини, какъ иностранецъ, не вполнѣ уяснилъ себѣ сущность нашихъ основныхъ законовъ: хотя Государь Императоръ и былъ Царемъ Польскимъ, но въ указѣ не должно было находиться слѣда этой связи Царства Польскаго съ Россіею.

маневровъ, относящихся къ сферѣ высшей тактики [1]); в) то же по отношенію къ тактикѣ и къ полю сраженія съ точки зрѣнія стратегіи [2]); г) военная географія Европы и ея примѣненіе къ сущности веденія большой войны; д) военная и морская статистика различныхъ государствъ; е) оборонительная и наступательная система этихъ государствъ на основаніи указанныхъ данныхъ [3]); ж) военная исторія отъ Петра Великаго до нашихъ дней; з) важность стратегіи; составленіе плановъ операцій; устройство операціонной базы; выборъ операціонныхъ линій [4]); отношеніе операціонныхъ линій, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія стратегическихъ маневровъ, къ принципамъ войны [5]); и) опасность ложныхъ доктринъ въ этой наукѣ; примѣры цѣлыхъ армій, которыя были уничтожены, и государствъ, которыя были поставлены въ критическое положеніе единственно вслѣдствіе одной лишь только стратегической ошибки; і) сраженія и различные порядки, кои могутъ въ нихъ примѣняться; порядки: параллельный, облическій [6]), двойной облическій [7]); эшелонированный изъ середины [8]); к) хозяйственная система и снабженія, разсматриваемыя въ связи съ операціонными планами; л) сравненіе древней системы веденія войны съ системою, принятою въ наше время.

VI. Къ этому отдѣлу будетъ прикомандированъ инженерный офицеръ, который объяснитъ основанія полевой фортификаціи, атаки и обороны крѣпостей, а также отношеніе системы крѣпостей къ стратегіи.

VII. Обученіе во второмъ отдѣлѣ будетъ то же, что и въ первомъ, служа ему дальнѣйшимъ развитіемъ; разница будетъ заключаться лишь въ томъ, что во второмъ отдѣлѣ оно будетъ производиться посредствомъ письменныхъ упражненій по различнымъ вопросамъ большой войны и обороны государствъ; тема для этихъ работъ будетъ дана обучающимся начальникомъ школы.

Независимо отъ этихъ работъ, будетъ разрѣшено обучающимся представлять, по ихъ личному выбору, упражненія по слѣдующимъ вопросамъ: а) военныя описанія границъ съ соображеніями относительно ихъ выгодъ и невыгодъ; б) разсужденія по нѣкоторымъ вопросамъ тактики, стратегіи и фортификаціи; в) записки о военномъ устройствѣ различныхъ европейскихъ государствъ и ихъ отношенія къ русской арміи; г) соображенія о новыхъ изобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ за границею, и о пользѣ введенія ихъ въ имперіи; д) отношенія различныхъ операцій изъ послѣднихъ войнъ къ соотвѣтствующимъ принципамъ [9]).

VIII. Начальникъ школы подчиняется непосредственно начальнику главнаго штаба. По соглашенію между собою они установятъ программу обученія и распредѣленіе курсовъ въ теченіе учебнаго года [10]).

---

[1]) Буквально: отношенія мѣстности къ маневрамъ высшей тактики.

[2]) Буквально: отношенія тактики и поля сраженія къ стратегіи.

[3]) «Le système défensif ou offensif de ces états d'après ces données».

[4]) «Le choix des lignes d'opérations territoriales».

[5]) Буквально: отношенія операціонныхъ линій, разсматриваемыхъ какъ стратегическіе маневры, къ принципамъ войны.

[6]) «Oblique sur une aile».

[7]) «Oblique sur deux ailes».

[8]) «Echelonné sur le centre».

[9]) «Des relations de différentes opérations des dernières guerres rapportées aux principes».

[10]) См. то же дѣло А. Н. А. Г. Ш., 1832 г., № 1. «Projet d'Oukase pour l'établissement d'une Ecole Centrale de Stratégie et de Grande Tactique».

Заключеніе генер. лейт. Хатова.

По Высочайшему повелѣнію записку барона Жомини разсматривалъ генералъ-лейтенантъ Хатовъ, который находилъ, что вообще трудно будетъ снабдить проектируемую школу хорошими преподавателями, а потому признавалъ необходимымъ заблаговременно избрать офицеровъ, которые могли бы приготовиться къ преподаванію военныхъ наукъ [1]).

Резолюція Императора Николая I.

Мысль Жомини понравилась Императору. На проектѣ значится слѣдующая Высочайшая резолюція:

«Il y a de fort bonnes idées. Cette école sera formée de meilleurs sujets de tous les corps sans exception, placés sous les ordres de Jomini et sous les ordres immédiats du Major Général; elle sera tenue dans la plus exacte discipline, et seront logés tout le monde ensemble; le cours sera de deux ans; et je n'y veux que la haute Stratégie, la Géographie et l'Histoire militaire» [2]).

Записка генералъ-адъютанта Жомини о надлежащемъ устройствѣ генеральнаго штаба.

Послѣ упраздненія училища колонновожатыхъ [3]), естественно возникаетъ вопросъ о томъ, какъ обезпечить комплектованіе генеральнаго штаба въ будущемъ и какую степень подготовки должны имѣть лица, предназначаемыя для этого рода службы?

Жомини, по своей собственной инициативѣ, возбуждаетъ этотъ вопросъ и представляетъ Императору особую записку о надлежащемъ устройствѣ генеральнаго штаба [4]).

«Хорошій генеральный штабъ для арміи столь же важенъ, какъ хорошее правительство [5]) для народа. Безъ него можно имѣть хорошіе полки, но тѣмъ не менѣе не имѣть хорошей арміи».

Такъ начинаетъ свою записку Жомини, послѣ чего переходитъ къ указанію на весьма крупный недостатокъ нашего генеральнаго

---

[1]) И. Ак. Г. Ш., 3.

[2]) «Въ проектѣ есть очень хорошія идеи. Эта школа будетъ составлена изъ лучшихъ офицеровъ всѣхъ частей войскъ безъ исключенія, подъ начальствомъ Жомини и въ непосредственномъ вѣдѣніи начальника главнаго штаба; она будетъ содержима въ самой строгой дисциплинѣ; всѣ будутъ жить вмѣстѣ; курсъ будетъ продолжаться два года и я хочу, чтобы въ этой школѣ преподавались только высшая стратегія, географія и военная исторія».

[3]) См. выше, стр. 12—15.

[4]) И. Ак. Г. Ш., 4, со ссылкою на А. Н. А. Г. Ш., 1832 г., дѣло № 1.

[5]) Понимая «правительство», какъ вспомогательный органъ верховной власти.

штаба, заключавшійся, по его мнѣнію, въ томъ, что отъ субалтернъ-офицеровъ требовали слишкомъ однообразныхъ познаній, между тѣмъ какъ служба эта крайне разносторонняя и нуждается въ офицерахъ разныхъ категорій.

Въ виду этого онъ предлагаетъ раздѣлить офицеровъ генеральнаго штаба на двѣ части: одни должны заниматься топографическими съемками, выборомъ лагерей, размѣщеніемъ въ нихъ войскъ и производствомъ обозрѣній мѣстности, тогда какъ другіе посвятятъ себя занятіямъ въ канцеляріяхъ, будутъ производить рекогносцировки непріятеля, составлять диспозиціи, военные журналы и вообще будутъ вѣдать тактическую и стратегическую часть службы.

Первыхъ слѣдуетъ назвать квартирмейстерскими офицерами, а вторыхъ офицерами генеральнаго штаба; тѣ и другіе должны состоять въ чинѣ капитана [1]). Сверхъ того необходимо еще образовать особый разрядъ офицеровъ, причисленныхъ къ генеральному штабу, въ чинахъ отъ прапорщика до капитана, которые составляли бы резервъ для пополненія этого рода службы въ военное время.

Жомини придавалъ большое значеніе такому раздѣленію генеральнаго штаба на спеціальности въ тѣхъ видахъ, дабы каждый офицеръ могъ быть назначаемъ на службу согласно съ своими способностями и призваніемъ; по мнѣнію же Глиноецкаго, самыя спеціальности генеральнаго штаба были раздѣлены имъ весьма сбивчиво: къ занятіямъ квартирмейстерскихъ офицеровъ, приравниваемыхъ имъ къ французскимъ инженеръ-географамъ и подходящихъ къ нашимъ военнымъ топографамъ, онъ относилъ выборъ лагерей и размѣщеніе въ нихъ войскъ, что находится въ зависимости отъ стратегическихъ и тактическихъ условій и «прямо подлежитъ вѣдѣнію офицеровъ генеральнаго штаба». Замѣтимъ по этому вопросу, что Жомини судилъ съ точки зрѣнія своего времени, на основаніи опыта наполеоновскихъ войнъ и организаціи генеральнаго штаба французской арміи, вышедшей изъ рукъ самого Наполеона, которая была принята за образецъ и у насъ при преобразованіяхъ 1812—1815 г.г.; во времена же дѣятельности Н. П. Глиноецкаго эта точка зрѣнія, конечно, являлась нѣсколько устарѣвшею.

---

[1]) Впрочемъ, для квартирмейстерскихъ офицеровъ это не признается крайне необходимымъ.

По вопросу о комплектованіи генеральнаго штаба Жомини находилъ, что генеральный штабъ долженъ быть открытъ для строевыхъ офицеровъ, имѣющихъ призваніе къ военному дѣлу, хотя бы они и не были съемщиками. Для этихъ офицеровъ онъ считаетъ достаточными слѣдующія познанія: а) небольшое знаніе «рисованія» [1]) съ тѣмъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлать кроки; б) знаніе новой военной исторіи отъ Петра Великаго и Людовика XIV до настоящаго времени; в) знакомство съ военною литературою, какъ древнею, такъ и новѣйшею, главнымъ образомъ съ дидактическими писателями [2]); г) понятіе о стратегіи и тактикѣ и д) знаніе уставовъ.

Изъ этихъ позн.ній Жомини дѣлалъ еще уступку въ отношеніи «рисованія» въ виду того соображенія, что самъ Наполеонъ не былъ бы въ состояніи представить удовлетворительные кроки на экзаменѣ и что многіе начальники штабовъ находятся въ томъ же положеніи [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Жомини признава.ъ, что для генеральнаго штаба «почти необходима» спеціальная школа, что и «военная академія», устроенная на подобіе той высшей центральной школы, которая была проектирована два года тому назадъ,—будетъ учрежденіемъ вполнѣ пригоднымъ для подготовки прекрасныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, и что образцомъ можетъ служить и англійская школа генеральнаго штаба въ Сандгёрстѣ, которой однако все же слѣдуетъ предпочесть военную академію, подготовляющую офицеровъ съ высшимъ военнымъ образованіемъ для всѣхъ спеціальностей [4]).

Комиссія для составленія положенія о военной академіи.

Эта записка Жомини была представлена Императору въ самый разгаръ приготовленій къ энергическимъ дѣйствіямъ противъ Турціи, а потому временно была оставлена безъ послѣдствій и только по окончаніи войны, въ началѣ октября 1829 года, по Высочайшему пове-

[1]) Въ это «рисованіе» входило и черченіе.

[2]) Дидактика — часть педагогики, указывающая правила найболѣе успѣшнаго преподаванія наукъ.

[3]) Намекъ на генералъ-адъютантовъ барона Дибича и Чернышева.

[4]) Глиноецкій (стр. 6) высказываетъ предположеніе, что Жомини самъ еще не остановился окончательно на той или другой системѣ подготовки офицеровъ къ службѣ генеральнаго штаба. Едва-ли это вѣрно. Скорѣе можно допустить, что Жомини имѣлъ на этотъ счетъ вполнѣ ясное и окончательно установившееся понятіе, но ему приходилось считаться съ такими противниками, какъ генералы Дибичъ, Чернышевъ, Сухтеленъ 2-й и Нейдгардтъ, не говоря уже о Хатовѣ.

лѣнію, была образована комиссія, подъ предсѣдательствомъ барона Жомини, изъ графа Сухтелена, генералъ-лейтенанта Хатова и генералъ-маіора Шуберта, для разсмотрѣнія указанной записки и составленія положенія о высшемъ военно-учебномъ заведеніи, которое предназначалось бы для комплектованія генеральнаго штаба. Комиссіи была выражена Высочайшая воля, чтобы проектируемое заведеніе не было исключительно школой генеральнаго штаба, но военною академіею, которая распространяла бы свое вліяніе и на другія части нашей арміи и въ которую принимались бы оберъ-офицеры до чина штабсъ-капитана, а слѣдовательно болѣе способные къ изученію высшихъ военныхъ наукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было Высочайше повелѣно, чтобы, при составленіи распредѣленія занятій въ академіи, непремѣнно одинъ день въ недѣлю былъ посвящаемъ практическимъ строевымъ ученіямъ всѣхъ родовъ оружія, «дабы эти занятія отнюдь не были пренебрегаемы, а напротивъ того тѣсно связаны съ теоретическимъ преподаваніемъ другихъ отраслей военнаго искусства» [1]).

На занятіяхъ комиссіи не могло не отразиться столкновеніе между приверженцами прежняго устройства генеральнаго штаба и новыми стремленіями къ его преобразованію [2]). Съ перваго же засѣданія комиссіи обнаружилось разногласіе въ пониманіи самой цѣли ея занятій.

Баронъ Жомини понималъ задачу комиссіи весьма широко: по его мнѣнію, она должна была преобразовать генеральный штабъ по смыслу его записки и, сообразно съ потребностями этого учрежденія въ новомъ его видѣ, проектировать заведеніе для его комплектованія. Съ своей стороны графъ Сухтеленъ (въ качествѣ генералъ-квартирмейстера) отстаивалъ существующую организацію генеральнаго штаба и ограничивалъ задачу комиссіи только разработкою, на основаніи Высочайшихъ указаній, положенія для высшаго учебнаго заведенія, которое могло бы комплектовать нашъ генеральный штабъ. До оды Сухтелена были поддержаны Хатовымъ и Шубертомъ. Тогда возникло новое разногласіе.

---

[1]) Письмо генералъ-адъютанта Чернышева на имя генералъ-адъютанта Жомини отъ 3-го октября 1829 г., № 2218. См. То же дѣло Арх. Н. А. Г. Ш., 1832 г., № 1.

[2]) И. Ак. Г. Ш., 7.

Жомини, основываясь на томъ, что проектируемое заведеніе должно удовлетворять всѣмъ многоразличнымъ требованіямъ службы генеральнаго штаба, въ особенности если ему дается названіе академіи, полагалъ, что заведенію этому необходимо придать весьма широкое развитіе. Исходя изъ того положенія, что офицерамъ генеральнаго штаба приходится не только нести службу при войскахъ, но также и руководить картографическими и геодезическими работами, онъ считалъ необходимымъ дать въ проектируемомъ заведеніи развитіе не только военнымъ, но и математическимъ наукамъ; онъ находилъ страннымъ, если нашъ генеральный штабъ, имѣя для своего комплектованія академію, будетъ въ то же время посылать своихъ офицеровъ въ Дерптъ для усовершенствованія ихъ въ математическихъ и астрономическихъ познаніяхъ, какъ это дѣлалось прежде. Дабы этого избѣжать, онъ полагалъ необходимымъ, кромѣ двухъ классовъ академическихъ, — установить еще одинъ приготовительный классъ, въ которомъ преподавались бы: сферическая тригонометрія, начертательная геометрія, коническія сѣченія, геодезія и всѣ познанія, относящіяся къ съемкѣ и картографіи, а изъ военныхъ предметовъ низшая тактика. Изъ приготовительнаго класса офицеры должны были бы переходить въ младшій, учебный классъ академіи, гдѣ имъ преподавались бы всѣ военныя науки теореотически; затѣмъ слѣдующій, собственно академическій курсъ былъ бы посвященъ исключительно однимъ практическимъ занятіямъ, по преимуществу письменнымъ упражненіямъ. Наконецъ, Жомини предлагалъ придать проектируемой академіи всю обстановку высшаго, не только учебнаго, но и ученаго, заведенія, учредивъ академическій совѣтъ, почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ изъ числа окончившихъ курсъ офицеровъ, дабы академія, и по выпускѣ ихъ на службу, могла слѣдить за ихъ учеными занятіями [1]).

Комитетъ съ участіемъ ген.-адъют. Нейдгардта продолжаетъ работы коммиссіи.

Послѣднія предположенія генералъ-адъютанта Жомини не были одобрены Государемъ. Вскорѣ, по Высочайшему повелѣнію, былъ назна-

---

[1]) Глиноецкій (стр. 9) отмѣчаетъ отсутствіе указаній на то, чтобы послѣднія предположенія генерала Жомини встрѣчали въ комиссіи особыя возраженія. Возможно однако, что внѣ засѣданій комиссіи противники ген. Жомини старались опровергнуть нѣкоторыя его предположенія.

ченъ въ составъ комиссіи генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ [1]), который и принялъ участіе въ ея занятіяхъ съ 27-го октября 1829 года. Съ этого времени направленіе занятій комиссіи нѣсколько измѣнилось, а самая комиссія получила названіе комитета, который долженъ былъ покончить съ даннымъ ей вопросомъ.

Явились новыя предположенія о томъ, чтобы офицеры проектируемаго заведенія жили всѣ вмѣстѣ на казенныхъ квартирахъ, для лучшаго надзора за ними; чтобы на время пребыванія въ заведеніи они состояли въ прикомандированіи къ гвардейскимъ полкамъ Петербургскаго гарнизона и вмѣстѣ съ ними несли гарнизонную и строевую службу, посѣщая лекціи въ свободное отъ занятій время и по вечерамъ, получая содержаніе изъ полковъ и вообще подчиняясь не академическому, но строевому начальству. Генералъ-адъютантъ Жомини энергически противодѣйствовалъ этимъ предложеніямъ, при чемъ входилъ съ представленіями къ генералъ-адъютанту графу Чернышеву и даже лично представлялся и докладывалъ Императору.

Въ серединѣ декабря графъ Чернышевъ увѣдомилъ генералъ-адъютанта Жомини [2]), что Государь согласенъ, чтобы обучающіеся офицеры жили на частныхъ квартирахъ и подчинялись непосредственно академическому начальству и прикомандировывались къ полкамъ гвардіи лишь для отбыванія гарнизонной службы и для строевыхъ ученій; чтобы никто изъ обучающихся не былъ изъемлемъ отъ этихъ занятій и чтобы занятія эти не стѣсняли классныхъ, допускается не требовать одиночныхъ офицеровъ въ полки для очередныхъ строевыхъ ученій, но разъ въ недѣлю производить таковыя ученія цѣлому классу, входя для сего въ соглашеніе съ штабомъ войскъ гвардіи; въ караулы же обучающіеся офицеры должны ходить въ общей очереди съ полковыми, что потребуетъ отсутствія каждаго изъ нихъ изъ классовъ не болѣе какъ черезъ 15 дней. Вмѣстѣ съ тѣмъ было сообщено, что Государь Императоръ имѣетъ въ виду назначить нѣсколько строевыхъ штабъ-офицеровъ для надзора за офицерами, и наконецъ, что относительно примѣненія къ проектируемому заведенію академической обстановки, Государь соизволитъ дать рѣшеніе,

---

[1]) Позже генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Величества.

[2]) Отношеніе графа Чернышева къ ген.-адъютанту Жомини отъ 23 декабря 1829 г., № 2834. Арх. Н. А. Г. Ш., 1832, № 1.

когда проектъ будетъ представленъ на Высочайшее утвержденіе, но Его Величеству благоугодно, чтобы при составленіи проекта по этому предмету не была упущена изъ виду прямая цѣль заведенія и чтобы вообще въ немъ не было излишней внѣшности, существующей въ нѣкоторыхъ другихъ заведеніяхъ.

Окончаніе работъ комитета.

Послѣ этихъ Высочайшихъ указаній, въ комиссіи уже не возбуждались никакіе новые вопросы, а 8-го апрѣля 1830 года генералъ-адъютантъ Жомини представилъ, при письмѣ, графу Чернышеву рапортъ на Высочайшее Имя съ приложеніемъ къ нему проекта «положенія о военной академіи» [1]).

Письмо генералъ-адъютанта Жомини на имя ген.-адъют. графа Чернышева съ проектомъ положенія о военной академіи.

Въ письмѣ своемъ Жомини высказываетъ, что хотя представляемый проектъ нѣсколько расходится съ первоначально предложенными основаніями, но, тѣмъ не менѣе, онъ все же обѣщаетъ дать Россіи лучшихъ въ Европѣ офицеровъ генеральнаго штаба и, во всякомъ случаѣ, это новое учрежденіе прославитъ царствованіе просвѣщеннаго Монарха, которому принадлежитъ первая мысль его основанія [2]).

Замѣчанія генералъ-адъютанта графа Чернышева.

Графъ Чернышевъ представилъ этотъ проектъ на Высочайшее воззрѣніе съ своими замѣчаніями, сущность коихъ сводилась къ слѣдующему: а) проектируемой академіи дано какое-то отдѣльное существо-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 8-го апрѣля 1830 г., генералъ-адъютантъ баронъ Жомини писалъ: «Ваше Императорское Величество, убѣжденные въ необходимости учредить заведеніе, въ коемъ съ вѣрнѣйшимъ успѣхомъ и сколь можно въ кратчайшее время, могли бы образоваться офицеры для службы по Генеральному Штабу; соизволили признать, что Военная Академія будетъ наидѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ достиженію сей цѣли, по нижеслѣдующимъ причинамъ: а) потому что дозволяется помѣщать въ оную оберъ-офицеровъ до Штабсъ-Капитанскаго чина, имѣющихъ уже нѣкоторую опытность по службѣ, и слѣдовательно болѣе способныхъ постигать военныя науки. б) Что вмѣстѣ съ симъ, доставляя средства къ распространенію полезнаго вліянія ея и на другія части Арміи, можетъ принести гораздо болѣе пользы нежели Высшее Училище, исключительно для Генеральнаго Штаба учрежденное. в) Что таковая Академія не мало способствовать будетъ введенію единообразія въ преподаваніи военныхъ наукъ въ прочихъ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ. По симъ уваженіямъ Вашему Величеству благоугодно было учредить особый Комитетъ, для составленія проэкта положенія о Военной Академіи, согласно съ Высочайшею Инструкціею, сообщенною мнѣ Управляющимъ Главнымъ Штабомъ Вашего Императорскаго Величества Ген.-Адъютантомъ Гр. Чернышевымъ. Во исполненіе таковаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, я имѣю счастіе подвергнуть у сего проэктъ положенія о Военной Академіи, вышеозначеннымъ Комитетомъ составленный». 2 П. С. З., V, отд. 2, №3675, выноска.

ваніе, съ особымъ президентомъ и съ чрезвычайно многосложнымъ управленіемъ; на 50 обучающихся офицеровъ, устанавливались, кромѣ профессоровъ и преподавателей: президентъ съ адъютантомъ, директоръ, вице-директоръ, два инспектора отдѣленій, два правителя дѣлъ (одинъ для совѣта и конференціи, другой для канцеляріи), адъютантъ, казначей, докторъ, фельдшеръ, цирюльникъ, 6 писарей и 2 рисовальщика [1]); б) на жалованье профессорамъ опредѣлено штатныхъ 30,000 рублей (ассигнаціонныхъ), но какъ эта сумма, такъ и предметы ученія не были распредѣлены между профессорами; в) не опредѣлены ни число профессоровъ и ихъ адъюнктовъ, ни ихъ оклады; г) не были указаны способы комплектованія профессорскаго состава; д) не указано никакихъ преимуществъ, которыя могли бы привлечь въ академію людей, болѣе извѣстныхъ своими познаніями и опытностью [2]); е) не выяснены вполнѣ опредѣленно права учащихся; наконецъ ж) нѣкоторые параграфы изложены неясно и вообще слогъ всего положенія требовалъ многихъ исправленій [3]).

Передѣлка положенія объ академіи.

Передѣлка положенія объ академіи, согласно съ замѣчаніями графа Чернышева, была возложена на генералъ-адъютанта Нейдгардта. Ему же было поручено доложить проектъ устава фельдмаршалу графу Дибичу.

Заключеніе фельдмаршала графа Дибича.

Графъ Дибичъ находилъ, что двухъ лѣтъ для выполненія всѣхъ проектированныхъ программъ и занятій было крайне недостаточно и что слѣдовало бы установить въ академіи 3-лѣтній курсъ [4]); онъ же высказался въ пользу установленія курса древней военной исторіи во всей ея полнотѣ [5]) и въ пользу выдачи особыхъ медалей офицерамъ, кончающимъ курсъ академіи съ отличіемъ [6]).

---

[1]) Позже президентъ былъ назначенъ, только почетный, имѣвшій и безъ академіи адъютанта; директоръ и вице-директоръ остались; вмѣсто 2-хъ инспекторовъ и 2-хъ правителей дѣлъ оказалось 4 штабъ-офицера и 1 правитель дѣлъ. Вообще это замѣчаніе не повлекло за собою существенныхъ результатовъ.

[2]) Объ этомъ Жомини и не помышлялъ. Онъ опережалъ свой вѣкъ и эта ошибка дѣлаетъ ему честь.

[3]) И. Ак. Г. Ш., 10 и 11.

[4]) Гр. Дибичъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ замѣчательное пониманіе дѣла и предусмотрительность.

[5]) Такимъ образомъ въ пользу включенія въ курсъ древней военной исторіи высказался не «теоретикъ», но высокоталантливый практикъ службы генеральнаго штаба и, что еще важнѣе, полководецъ, покрывшій славою русское оружіе.

[6]) Тамъ же, 11.

Утвержденіе устава военной академіи.

Передѣланное генераломъ Нейдгардтомъ положеніе о военной академіи было Высочайше утверждено 4-го октября 1830 года и появилось въ печати подъ названіемъ «Устава Военной Академіи», за подписью одного лишь генералъ-адъютанта Нейдгардта.

Это оскорбило генерала Жомини, который жаловался Государю. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе припечатать, въ самомъ началѣ устава академіи, всеподданнѣйшій рапортъ барона Жомини отъ 8-го апрѣля 1830 года, а въ концѣ устава и штата помѣстить всѣхъ членовъ бывшаго комитета по составленію проекта положенія о военной академіи [1]).

Общія положенія устава военной академіи.

Академіи, какъ «высшему въ государствѣ учебному заведенію по военной части», было присвоено наименованіе Императорской.

По уставу цѣлью учрежденія академіи поставлены: а) «образованіе офицеровъ къ службѣ генеральнаго штаба» и б) «вящшее распространеніе (въ арміи) военныхъ познаній». Вмѣстѣ съ тѣмъ академіи вмѣнялось въ обязанность—преподавать извѣстному числу офицеровъ изъ артиллерійскаго и главнаго инженернаго училищъ курсъ высшей тактики и стратегіи, по тѣмъ же «правиламъ» и въ томъ же объемѣ, какъ и офицерамъ, подготовляемымъ къ службѣ генеральнаго штаба. Число офицеровъ, образуемыхъ въ академіи, опредѣлено: подготовляемыхъ къ службѣ генеральнаго штаба отъ 40 до 50, а командируемыхъ отъ артиллеріи и инженернаго корпуса—до 10.

Академія подчиняется непосредственно начальнику главнаго штаба Его Величества и управляется президентомъ [2]), который предсѣдательствуетъ въ особомъ совѣтѣ академіи [3]) и имѣетъ помощникомъ вице-президента [4]). Офицеры, подготовляемые къ службѣ генеральнаго штаба, состоятъ подъ начальствомъ четырехъ штабъ-офицеровъ, а въ отношеніи учебныхъ заведеній, раздѣляются, какъ и самый курсъ наукъ, на два отдѣленія: теоретическое и практическое. Число профессоровъ, адъюнктовъ и учителей опредѣляется по предварительному соображенію совѣта академіи, съ утвержденія начальника главнаго штаба Его Величества.

[1]) И. Ак. Г. Ш, 12. 2 П. С. З., V, о. 2, № 3975.

[2]) Назначаемымъ Высочайшимъ приказомъ.

[3]) На совѣтъ возложены: «разсмотрѣніе и соображенія важнѣйшихъ дѣлъ по частямъ учебной и хозяйственной».

[4]) Назначаемаго также Высочайшимъ приказомъ.

«Всѣ чины, составляющіе академію, особенно же начальствующіе и преподающіе науки, имѣя постоянно въ виду предначертанную ей цѣль, должны вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ познаній образуемыхъ офицеровъ, внушать имъ наставленіями и собственнымъ примѣромъ, правила чистѣйшей нравственности; точнаго и вѣрнаго исполненія обязанностей службы, безусловнаго повиновенія начальству и непоколебимой приверженности къ Престолу и Отечеству.

Поступленіе офицеровъ въ академію.

Въ академію разрѣшено поступать офицерамъ гвардіи, артиллеріи и сапернымъ до чина штабсъ-капитана и арміи до чина капитана. Директорамъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Пажескаго корпуса и кадетскихъ корпусовъ (1-го, 2-го, Павловскаго, Московскаго и Финляндскаго) было предоставлено право представлять «къ помѣщенію въ военную академію, отличнѣйшихъ офицеровъ», выпускаемыхъ изъ этихъ заведеній.

Офицеры, представляемые къ поступленію въ академію, должны быть не моложе 18 лѣтъ, отличные по способностямъ, трудолюбію, прилежанію къ наукамъ, нравственности и поведенію. Поступающіе изъ частей войскъ должны представлять отъ начальниковъ дивизій и командировъ саперныхъ бригадъ аттестаты о хорошей нравственности, отличномъ поведеніи и усердномъ исполненіи всѣхъ обязанностей по службѣ. Выдающіе аттестаты «отвѣтствуютъ, по всей строгости, за правильность всего въ нихъ написаннаго»; точно также начальники военно-учебныхъ заведеній отвѣчаютъ «за способность и достоинства представляемыхъ ими офицеровъ».

Для поступленія въ академію офицеры должны выдержать «строгое испытаніе» по слѣдующимъ предметамъ: а) по языкамъ: русскому, нѣмецкому и французскому; б) по математикѣ (ариѳметикѣ, алгебрѣ до уравненій 2-й степени, планиметріи, стереометріи и прямолинейной тригонометріи); в) по военнымъ наукамъ (по начальнымъ основаніямъ фортификаціи полевой и долговременной и артиллеріи); г) по ученьямъ: батальонному, стрѣлковому, эскадронному и линейному; по разсыпному строю и «форпостной» службѣ; д) по исторіи: всеобщей до XVI столѣтія въ главныхъ ея эпохахъ, въ особенности относительно Россіи; подробной, новѣйшихъ временъ, въ особенности европейскихъ государствъ; е) по географіи: всеобщей и въ особенности Россіи и сосѣднихъ съ нею державъ. Сверхъ того тре-

буется «ясное понятіе о ситуаціонныхъ планахъ и топографическихъ картахъ».

ПРЕПОДАВАНІЕ НАУКЪ.

Въ теоретическомъ отдѣленіи высшія военныя науки преподаются профессорами, адъюнктами и учителями на общемъ основаніи; въ практическомъ же отдѣленіи, офицеры, подъ надзоромъ профессоровъ, сами упражняются: а) въ сочиненіяхъ «по предложеніямъ, даннымъ имъ по части военныхъ наукъ»; б) въ составленіи «военныхъ описаній всякаго рода» и в) въ практической съемкѣ «мѣстоположеній» и военныхъ обозрѣніяхъ. Въ каждомъ отдѣленіи состоитъ 20—25 офицеровъ, подготовляемыхъ къ службѣ генеральнаго штаба, и 4—5 офицеровъ изъ артиллерійскаго и главнаго инженернаго училищъ.

Офицеры эти поступаютъ въ теоретическое или практическое отдѣленіе, смотря по ихъ способностямъ и познаніямъ въ военныхъ наукахъ, и остаются въ каждомъ отдѣленіи по одному году; весь же академическій курсъ продолжается два года.

Въ теоретическомъ отдѣленіи преподаются слѣдующіе предметы: а) русская словесность, примѣненная «къ искусству правильнаго изложенія сочиненій по части военной и къ военному письмоводству»; б) общія понятія объ артиллеріи и подробнѣйшія объ ея устройствѣ, какъ рода войскъ; употребленіе ея въ полевой войнѣ и при осадѣ крѣпости; в) «малая тактика одной дивизіи, дабы совершенно утвердиться въ знаніи оной, какъ наукѣ, необходимой для всѣхъ вообще офицеровъ; къ сему присовокупляется: познаніе о свойствѣ и дѣйствіи колоннъ и пальбы; изложеніе разныхъ построеній, употребляемыхъ во всѣхъ трехъ родахъ войска, для движенія, развертыванія и боя»; г) начальныя основанія топографіи и геодезіи, черченіе плановъ и глазомѣрной съемки «мѣстоположеній»; д) глазомѣръ и искусство «судить о мѣстоположеніи въ отношеніи тактическомъ и вообще военномъ»; е) кастраметація, или «наука о лагеряхъ и позиціяхъ»; ж) логистика или «все, касающееся до подробностей маршей, какъ вообще при передвиженіи войскъ, такъ и предъ непріятелемъ»; з) фортификація «полевая и долговременная, какъ въ разсужденіи участія, которое войска могутъ брать при атакѣ и оборонѣ укрѣпленныхъ лагерей и крѣпостей, такъ и относительно вліянія сихъ лагерей и крѣпостей

на дѣйствія арміи въ полѣ»; и) «высшая тактика, заключающая въ себѣ разборъ различныхъ системъ сраженій, разсужденіе о построеніи и надлежащемъ употребленіи разныхъ родовъ войскъ; о внезапныхъ сраженіяхъ или встрѣчѣ двухъ противныхъ армій на походѣ»; к) военная географія Европы, въ особенности же Россіи и сосѣднихъ съ нею государствъ; л) военная статистика, или познаніе о сухопутныхъ и морскихъ силахъ европейскихъ государствъ [1]); м) стратегія «во всемъ ея пространствѣ, съ приложеніемъ оной къ послѣднимъ войнамъ, и съ приведеніемъ событій, доказывающихъ великое вліяніе сей науки на дѣйствія цѣлой кампаніи»; н) военная исторія, начиная исторію древнихъ, продолжать до временъ Петра Великаго, въ главныхъ основаніяхъ и достопримѣчательнѣйшихъ эпохахъ; а отъ сего времени до настоящаго во всемъ пространствѣ»; о) «собственно военная литература, или разборъ лучшихъ древнихъ и новѣйшихъ сочиненій объ исторіи и наукѣ военной, съ показаніемъ тѣхъ, которыя могутъ служить преимущественно къ усовершенствованію познаній офицера, по оставленіи имъ военной академіи»; п) обязанности и должности офицера генеральнаго штаба какъ въ военное, такъ и въ мирное время» [2]); р) верховая ѣзда [3]).

Офицеры практическаго отдѣленія занимаются тѣми же науками, но уже не на лекціяхъ, а практически, подъ надзоромъ профессоровъ и «по предложеніямъ, даннымъ начальникомъ академіи». Занятія эти производятся по слѣдующимъ предметамъ: а) описанія «мѣстныхъ обозрѣній, въ отношеніи топографическомъ и тактическомъ»; б) по военной географіи и статистикѣ, логистикѣ, высшей тактикѣ, стратегіи, военной исторіи и военной литературѣ; в) черченіе плановъ сраженій и маневровъ, служащихъ упражненіемъ въ топографіи, логистикѣ и тактикѣ»; г) «донесенія историческія» и веденіе «журналовъ, употребляемыхъ по службѣ генеральнаго штаба»; д) упра-

---

[1]) Жаль, что азіатскимъ государствамъ придавалось слишкомъ малое значеніе. Это объясняется господствовавшимъ даже и въ это время слѣпымъ преклоненіемъ предъ «Европою».

[2]) Главное начальство академіи должно было составить подробныя и постепенныя программы всѣхъ перечисленныхъ военныхъ наукъ.

[3]) Обученіе верховой ѣздѣ должно было быть установлено по сношенію академическаго начальства съ начальствомъ гвардейскаго корпуса.

женія «во всемъ относящемся до съемки мѣстоположеній, практическаго дѣйствія артиллеріи и осадныхъ работъ»; е) упражненія въ верховой ѣздѣ.

При академіи находятся учителя французскаго и нѣмецкаго языковъ для тѣхъ офицеровъ, которые должны совершенствоваться въ знаніи этихъ языковъ.

Всѣ науки преподаются на русскомъ языкѣ и только въ случаѣ «совершенной необходимости» допускается, съ разрѣшенія начальника главнаго штаба Его Величества, преподаваніе наукъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; въ практическомъ же отдѣленіи офицеры должны писать сочиненія непремѣнно на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ 1—2 сочиненій, которыя академическимъ начальствомъ будетъ имъ поручено писать на иностранныхъ языкахъ.

Въ лѣтнее время офицеры теоретическаго отдѣленія отправляются въ полки, къ коимъ они причислены, для несенія лагерной службы, а офицеры практическаго отдѣленія занимаются съемкою и военными обозрѣніями, а также разбивкою лагерей и полевыхъ укрѣпленій, сообразно съ мѣстными условіями; на время же большихъ маневровъ, они прикомандировываются къ войскамъ, въ помощь офицерамъ генеральнаго штаба и посылаются на «практическое ученье» артиллеристовъ и саперъ, чтобы на дѣлѣ видѣть дѣйствіе артиллеріи и производство осадныхъ работъ.

Положеніе офицеровъ во время прохожденія курса академіи и по окончаніи этого курса преимущества ихъ и служба.

Офицеры, обучающіеся въ академіи, считаются въ своихъ частяхъ сверхъ комплекта и въ командировкѣ отъ нихъ, но сохраняютъ старшинство по службѣ, производятся въ чины, получаютъ содержаніе и пользуются вообще всѣми преимуществами наравнѣ съ офицерами, налицо при войскахъ состоящими. Офицеры, поступившіе въ академію изъ полковъ с.-петербургскаго гарнизона, остаются для фронтовой службы при своихъ полкахъ; поступившіе же изъ артиллеріи, изъ саперъ и изъ полковъ, находящихся внѣ С.-Петербурга, причисляются для фронтовой службы къ полкамъ с.-петербургскаго гарнизона по распоряженію начальства гвардейскаго корпуса [1]).

---

[1]) Офицеры артиллерійскаго и главнаго инженернаго училищъ, слушая въ академіи только курсъ стратегіи и высшей тактики, остаются «при своихъ мѣстахъ».

Штабъ-офицеры, подъ начальствомъ коихъ состоятъ обучающіеся въ академіи офицеры, «неослабно» наблюдаютъ за ними и доносятъ о ихъ поведеніи вице-президенту; офицеры получаютъ всѣ приказанія черезъ этихъ штабъ-офицеровъ и обо всемъ относятся къ нимъ по службѣ.

Обучающіеся офицеры одинъ день въ недѣлю бываютъ на практическомъ фронтовомъ ученьи; каждый же день двое изъ нихъ вступаютъ въ караулъ съ войсками с.-петербургскаго гарнизона. Въ теченіе всего остального времени они занимаются исключительно науками, преподаваемыми въ академіи, и совершенно подчиняются всѣмъ академическимъ постановленіямъ.

Для обезпеченія этихъ офицеровъ (кромѣ гвардейскихъ) въ отношеніи ихъ содержанія, они получаютъ, во время прохожденія академическаго курса, въ прибавку къ окладу ихъ жалованья, по 500 рублей ассигнаціями ежегодно [1]). Офицеры, посылаемые на съемку и для военныхъ обозрѣній, получаютъ прогонныя деньги по положенію.

Ежегодно въ октябрѣ производится выпускъ изъ академіи офицеровъ, окончившихъ въ ней курсъ наукъ; въ это же время офицеры теоретическаго отдѣленія переходятъ въ практическое, а мѣста ихъ замѣщаются вновь поступающими офицерами [2]).

Офицеры артиллерійскаго и главнаго инженернаго училищъ поступаютъ въ распоряженіе высшаго начальства этихъ училищъ; офицеры же, готовившіеся къ службѣ генеральнаго штаба, отправляются въ свои части, но считаются въ нихъ сверхъ комплекта и именуются причисленными къ генеральному штабу [3]) до перевода въ этотъ штабъ впослѣдствіи, по представленіямъ генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, по мѣрѣ надобности въ офицерахъ, для пополненія генеральнаго штаба [4]). Перевода въ генеральный штабъ удостоива-

---

[1]) И сверхъ того квартирныя деньги на общемъ основаніи.

[2]) При выпускѣ изъ академіи выдаются офицерамъ отъ совѣта свидѣтельства о ихъ поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ, съ показаніемъ полученныхъ ими при выпускѣ наградъ.

[3]) Находясь при генеральномъ штабѣ, они носятъ на мундирѣ аксельбанты по цвѣту пуговицъ мундира.

[4]) Первые три офицера, получившіе при выпускѣ изъ академіи полное число балловъ по наукамъ, по удовлетворительности сочиненія (на данную тему, касающуюся «большой войны»), по нравственности и поведенію,

ются тѣ изъ офицеровъ, окончившихъ полный курсъ академіи съ удовлетворительнымъ успѣхомъ и предназначенныхъ къ причисленію къ генеральному штабу, которые и по возвращеніи къ своимъ полкамъ продолжаютъ прилежно заниматься военными науками и отличаются усердіемъ къ службѣ, соблюденіемъ строгой дисциплины и хорошимъ поведеніемъ, по прослуженіи года въ послѣднемъ своемъ чинѣ [1]).

Обязанности генералъ-квартирмейстера и войскового начальства по отношенію къ занятіямъ причисленныхъ къ генеральному штабу.

Командиры частей, ежегодно 1-го января, представляютъ начальнику главнаго штаба Его Величества, черезъ генералъ-квартирмейстера того же штаба, формулярные и кондуитные списки офицеровъ, причисленныхъ къ генеральному штабу и состоящихъ подъ ихъ начальствомъ; эти же списки представляются ими и по командѣ. Сверхъ того, два раза въ годъ, 1-го мая и 1-го сентября, они доносятъ тѣмъ же порядкомъ о степени усердія къ службѣ, поведеніи и нравственности упомянутыхъ офицеровъ, присоединяя къ этому донесенію подробное свѣдѣніе о занятіяхъ каждаго по фронтовой службѣ [2]).

Генералъ-квартирмейстеръ, въ случаѣ надобности усилить генеральный штабъ въ военное время, или ускорить производство какихъ-либо нужныхъ работъ въ мирное время, требуетъ, съ разрѣшенія начальника главнаго штаба Его Величества, изъ войскъ, черезъ высшее начальство, поименно тѣхъ изъ нихъ, коихъ сочтетъ нужными. По минованіи надобности они возвращаются къ своимъ частямъ. Они не могутъ быть вытребованы изъ войскъ на временную службу по генеральному штабу ранѣе прошествія 2-хъ лѣтъ со времени прибытія къ своимъ частямъ, а если командуютъ ротами или эскадронами,

---

награждаются: первый слѣдующимъ чиномъ и золотою медалью, второй—большою серебряною медалью и годовымъ окладомъ жалованья и третій—малою серебряною медалью и годовымъ окладомъ жалованья. Имена ихъ вырѣзываются на медаляхъ и на особыхъ таблицахъ, поставленныхъ въ одномъ изъ залъ академіи.

[1]) Офицеры молодой гвардіи, артиллеріи и саперъ награждаются при переводѣ въ генеральный штабъ слѣдующимъ чиномъ, офицеры арміи переводятся тѣмъ же чиномъ, а офицеры старой гвардіи соотвѣтствующимъ чиномъ.

[2]) Офицеры эти не должны быть избираемы ни въ казначеи, ни въ квартирмейстеры, а генеральскими адъютантами назначаются не иначе, какъ по предварительному сношенію съ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Величества.

то не ранѣе прошествія года со времени вступленія въ командованіе тою или другою частью [1]).

«Дабы утвердить офицеровъ, къ генеральному штабу причисленныхъ, но при войскахъ налицо остающихся, въ непреложныхъ правилахъ военной науки, и побудить къ постоянному занятію тѣми предметами, которые необходимы для будущей ихъ службы въ генеральномъ штабѣ, возлагается на генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Е. И. В. обязанность давать имъ приличныя занятія, которыя, не отрывая ихъ отъ фронтовой службы, могли бы способствовать большему развитію ихъ способностей. Сіи предложенія генералъ-квартирмейстера доставляются офицерамъ по командѣ, а непосредственному ихъ начальству поставляется въ обязанность, не только имѣть бдительный надзоръ, чтобы офицеры занимались данными имъ порученіями, но всемѣрно тому способствовать» [2]).

Главное и внутреннее управленіе военной академіи. Совѣтъ. Профессора. Конференція.

«Благосостояніе академіи во всѣхъ отношеніяхъ лежитъ на непосредственной отвѣтственности президента» [3]), который, какъ главный мѣстный начальникъ академіи, «строгимъ надзоромъ и неусыпнымъ попеченіемъ, отвращаетъ всѣ недостатки и неудобства, могущіе открыться въ способахъ преподаванія наукъ». Онъ «утверждаетъ программы наукъ, порядокъ времени и расположенія курсовъ» [4]), вмѣстѣ съ вице-президентомъ, который «есть непосредственный начальникъ военной академіи по всѣмъ частямъ» [5]).

---

[1]) Ближайшіе ихъ начальники доносятъ генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба Его Величества о времени прибытія къ части каждаго причисленнаго къ генеральному штабу офицера.

[2]) §§ 1—51 устава.

[3]) Президентъ есть почетный членъ военно-ученаго комитета главнаго штаба Его Величества и имѣетъ право препровождать въ этотъ комитетъ статьи и сочиненія, признаваемыя имъ подлежащими напечатанію въ «Военномъ Журналѣ».

[4]) «Не упуская изъ виду главной цѣли: образованія достойныхъ офицеровъ для службы генеральнаго штаба».

[5]) Ему подчинены всѣ чины, служащіе въ академіи. Онъ состоитъ и почетнымъ членомъ военно-ученаго комитета главнаго штаба. Академія, въ свою очередь, имѣетъ «нѣсколько почетныхъ членовъ, назначаемыхъ по Высочайшему соизволенію «изъ числа особъ, извѣстнѣйшихъ своими заслугами и военными познаніями». Почетные члены, не имѣя никакой постоянной обязанности по академіи, могутъ «своими сочиненіями и трудами способствовать распространенію военныхъ познаній и тѣмъ споспѣшествовать къ достиженію цѣли учрежденія академіи».

Совѣтъ академіи, кромѣ особъ, назначаемыхъ Государемъ Императоромъ, состоитъ изъ шести непремѣнныхъ членовъ: генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества, начальника штаба гвардейскаго корпуса, вице-президента академіи и трехъ генераловъ: генеральнаго штаба, артиллерійскаго и инженернаго, по выбору ихъ начальствъ, съ Высочайшаго утвержденія. Въ совѣтѣ предсѣдательствуетъ президентъ академіи, который и назначаетъ засѣданія по мѣрѣ надобности.

Главнѣйшая обязанность совѣта заключается въ общемъ направленіи хода ученія въ академіи и въ предварительномъ соображеніи всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ по управленію академіею. «Какъ сословіе совѣщательное, совѣтъ никакой распорядительной власти не имѣетъ»; опредѣленія же его приводятся въ дѣйствіе не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника главнаго штаба Его Величества.

Президентъ обязанъ вносить въ совѣтъ для разсмотрѣнія и рѣшенія слѣдующія дѣла: а) всякія новыя учрежденія, касающіяся усовершенствованія академіи; б) утвержденіе программъ курсовъ, по коимъ будутъ преподаваемы военныя науки; в) утвержденіе программъ и правилъ для испытанія въ наукахъ офицеровъ, какъ вновь поступающихъ въ академію, или переводимыхъ изъ теоретическаго отдѣленія въ практическое, такъ и по совершенномъ окончаніи курса; г) разрѣшеніе употребленія экономической суммы на какіе-либо полезные предметы [1]).

Для начальствованія надъ офицерами, обучающимися въ академіи, избираются штабъ-офицеры, достойнѣйшіе по своимъ способностямъ, благоразумію и нравственности, немолодыхъ лѣтъ, бывшіе въ походахъ и дѣйствительныхъ сраженіяхъ; словомъ, такіе, которые во всѣхъ отношеніяхъ могли бы служить полезнымъ примѣромъ для своихъ подчиненныхъ [2]).

Профессоровъ и ихъ адъюнктовъ должно «допускать сперва только къ исправленію сихъ должностей, и не прежде утверждать въ оныхъ, какъ по совершенномъ удостовѣреніи въ продолженіе года о ихъ познаніяхъ и способностяхъ къ преподаванію наукъ. Профес-

---

[1]) Въ извѣстныхъ предѣлахъ. См. «Главное управленіе военной академіи», §§ 52—84 и «внутреннее управленіе военной академіи», §§ 85—105 устава.

[2]) Тамъ же, §§ 106—108 и «объ отношеніяхъ офицеровъ ...... къ внутреннему управленію», §§ 109—114.

сора обязаны: а) преподавать курсы наукъ лучшимъ и понятнѣйшимъ образомъ, соединяя теорію съ практикою тамъ, гдѣ это возможно; б) «преподавая наставленіе, пополнять курсы свои новыми открытіями, учиненными въ другихъ странахъ Европы»; в) присутствовать при испытаніяхъ офицеровъ, какъ поступающихъ въ академію, такъ и обучающихся въ ней; г) разсматривать, по назначенію вице-президента, сочиненія офицеровъ практическаго отдѣленія по военнымъ наукамъ; д) направлять дѣятельность адъюнктовъ по общимъ правиламъ, принятымъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]).

Конференція составляется изъ штабъ-офицеровъ, начальствующихъ надъ офицерами, и всѣхъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи, и созывается имъ, когда надобность того потребуетъ.

Дѣла, предварительно разсматриваемыя конференціею, по предложеніямъ вице-президента, и потомъ вносимыя на утвержденіе совѣта, суть: а) программы для преподаванія военныхъ наукъ; б) вновь составляемыя дополненія, или перемѣны въ этихъ программахъ; в) программы для испытанія въ наукахъ и правила, которыя должно соблюдать при испытаніяхъ; г) вообще все относящееся къ преподаванію наукъ. Конференція производитъ всѣ вообще испытанія въ наукахъ; она же разсматриваетъ сочиненія офицеровъ практическаго отдѣленія «по военной части» [2]).

Канцелярія академіи состоитъ изъ адъютанта и правителя дѣлъ съ писцами (изъ военныхъ кантонистовъ).

Адъютантъ состоитъ при вице-президентѣ академіи и завѣдываетъ письмоводствомъ по строевой части, а правитель дѣлъ завѣдываетъ всѣмъ письмоводствомъ по совѣту, конференціи и академической канцеляріи [3]).

Оцѣнка учрежденій военной академіи.

Таковы были главныя положенія вновь проектированнаго военно-учебнаго заведенія, которое, по Высочайшей волѣ Императора Нико-

---

[1]) Тамъ же, §§ 115—129 («о профессорахъ»).

[2]) Тамъ же, §§ 130—136. Затѣмъ пропускаются: §§ 137—143 (объ учебныхъ пособіяхъ), 144—151 (управленіе по части хозяйственной; обязанности вице-президента по хозяйственной части) и 152 и 153 (о казначеѣ).

[3]) Тамъ же, §§ 154—157, а также 78 и 136 (о правителѣ дѣлъ въ совѣтѣ и конференціи).

лая I, должно было стать выше простой школы генеральнаго штаба. По мнѣнію генерала Жомини, наша военная академія должна была стать выше всѣхъ существовавшихъ въ то время за границею подобныхъ заведеній, наиболѣе близко подходя къ Берлинской военной школѣ, которая одна включала въ свои курсы нѣкоторыя высшія отрасли военныхъ познаній [1]).

Хотя въ выработкѣ устава военной академіи и участвовали лица, во многомъ несогласныя съ генераломъ Жомини, хотя проектъ, имъ представленный, и вызвалъ замѣчанія графа Чернышева и передѣлывался затѣмъ генераломъ Нейдгардтомъ, тѣмъ не менѣе, благодаря воздѣйствію самого Императора Николая I, идеи генерала Жомини преобладали надъ идеями остальныхъ участниковъ этой работы, которые, въ свою очередь, принесли извѣстную долю пользы, такъ какъ способствовали согласованію идеи генерала Жомини съ особенностями военной системы государства.

Главный недостатокъ новаго высшаго военно-учебнаго заведенія заключался въ томъ, что оно имѣло цѣлью давать соотвѣтственную подготовку однимъ лишь будущимъ офицерамъ генеральнаго штаба, оставляя въ сторонѣ будущихъ высшихъ строевыхъ начальниковъ, что должно было привести къ такому положенію, при которомъ помощники этихъ начальниковъ обладали бы лучшею военною подготовкою (въ широкомъ смыслѣ), чѣмъ сами эти начальники.

Во всякомъ случаѣ Жомини былъ правъ: наша военная академія должна была быть поставлена выше соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній другихъ государствъ или, по меньшей мѣрѣ, не ниже самаго лучшаго изъ нихъ, устроеннаго къ тому же времени въ Пруссіи.

---

[1]) Съ 1810 г. прусское высшее военно-учебное заведеніе получило наименованіе «Общей военной школы» (Allgemeine Kriegsschule) или «Общей военной академіи»; къ этому времени существовавшія ранѣе академіи: военная дворянская, инженерная, артиллерійская и «для молодыхъ офицеровъ»—были упразднены.

Бронзартъ (Бронсаръ)-фонъ-Шеллендорфъ. «Служба генеральнаго штаба». См. французское изданіе, I, 60 и 61.

Упраздняя различныя академіи и замѣняя ихъ одною «общею военною школою», позднѣе названною «военною академіею», прусское правительство дало краснорѣчивое доказательство пониманія важности установки полнаго единства во всей арміи вообще. Эта же идея была проведена и въ учрежденіи нашей военной академіи, но не такъ рельефно.

Распоряженія по открытію военной академіи.

Политическія событія 1830—31 г.г. пріостановили на время осуществленіе проекта учрежденія военной академіи, и только въ началѣ 1832 года было повелѣно генералъ-адъютанту графу Чернышеву приступить къ распоряженіямъ по открытію академіи въ августѣ того же года.

Назначеніе почетнаго президента академіи.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ былъ облеченъ званіемъ Почетнаго Президента академіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы лицамъ, управляющимъ академіею, были присвоены наименованія директора и вице-директора [1]) со всѣми правами и обязанностями, опредѣленными по уставу президенту и вице-президенту.

Назначеніе директора академіи.

Прямымъ, непосредственнымъ начальникомъ академіи, съ званіемъ директора, былъ назначенъ генералъ-адъютантъ И. О. Сухозанетъ, вовсе не принадлежавшій по своему прошлому къ генеральному штабу, служившій постоянно во фронтѣ и извѣстный по своей суровости въ дѣлѣ дисциплины и строгаго воинскаго порядка.

Генералъ-адъют. Сухозанетъ.

Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ [2]) выпущенъ въ 1803 году изъ инженернаго [3]) кадетскаго корпуса въ офицеры въ артиллерію; онъ завершилъ свое военное образованіе въ боевой школѣ войнъ съ Франціею 1806—1815 г.г. Въ 1812 году онъ командовалъ уже конно-артиллерійскою ротою и за сраженіе подъ Полоцкомъ 6-го августа награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1813 году за сраженіе подъ Бауценомъ произведенъ въ генералъ-маіоры и нѣкоторое время [4]) управлялъ артиллеріею дѣйствующей арміи. Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ 4-го октября, по приказанію Императора Александра I, онъ развернулъ 100 орудій нашей резервной артиллеріи, которая своимъ огнемъ встрѣтила знаменитую атаку французской кавалеріи; значеніе отраженія этой атаки общеизвѣстно. Съ 1819 года Сухозанетъ былъ начальникомъ гвардейской артиллеріи. 14-го декабря 1825 года пожалованъ генералъ-адъютантомъ. Въ кампанію 1828 г. былъ начальникомъ штаба войскъ, осаждавшихъ Браиловъ, а за штурмъ этой крѣпости 3-го іюля награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Въ кампанію 1831 года былъ начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи; 7-го февраля, подъ Вавромъ, едва только онъ ввелъ въ дѣло нашу артиллерію, какъ ядро оторвало ему ногу и убило подъ нимъ лошадь [5]).

---

[1]) Президентъ, директоръ и вице-директоръ предполагались и по проекту, представленному генераломъ Жомини. Теперь только президенту присвоено наименованіе почетнаго.

[2]) Родился въ 1785 г., умеръ въ 1861 г.

[3]) Второго корпуса.

[4]) За болѣзнью князя Яшвилля.

[5]) И. Ак. Г. Ш., 24.

Выборъ и назначеніе вице-директора академіи.

Генералъ Сухозанетъ полагалъ наиболѣе важнымъ избрать себѣ помощника, вице-директора, какъ онъ самъ говорилъ, такого, который дополнялъ бы то, чего недоставало ему самому, настолько, чтобы оба они, «хотя въ двухъ лицахъ, составляли одно цѣлое, могущее обезпечить успѣхи и пользу, ожидаемые Государемъ Императоромъ отъ сего вновь учреждаемаго заведенія» [1]).

Кандидатами онъ предложилъ трехъ генералъ-маіоровъ: генеральнаго штаба Окунева, командира 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи барона Зедделера и состоящаго по арміи Михайловскаго-Данилевскаго.

Государь выбралъ и утвердилъ генералъ-маіора барона Л. И. Зедделера [2]).

Генералъ-маіоръ баронъ Зедделеръ.

Баронъ Людвигъ Ивановичъ Зедделеръ [3]) воспитывался въ Австріи и началъ службу въ австрійской арміи, сперва въ гусарскомъ полку, а затѣмъ въ генеральномъ штабѣ; въ сраженіи подъ Ваграмомъ онъ былъ тяжело раненъ, и своею храбростью обратилъ на себя вниманіе эрцгерцога Карла; за это сраженіе былъ произведенъ въ поручики. Въ 1813 году поступилъ въ русскую службу, въ сраженіи подъ Лейпцигомъ 6-го октября былъ раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости, а 9-го октября зачисленъ поручикомъ въ русскій генеральный штабъ, которому и была посвящена почти вся дальнѣйшая его служба. Наиболѣе замѣчательными эпизодами этой службы были: а) участіе его въ занятіяхъ Могилевскаго офицерскаго училища [4]); б) устройство лагеря подъ Княжимъ дворомъ для гренадерскаго корпуса, при которомъ онъ былъ оберъ-квартирмейстеромъ; Государь лично узналъ его при устройствѣ этого лагеря и познакомился здѣсь съ его опытностью и дарованіями, что и повліяло впослѣдствіи на выборъ его на должность вице-директора академіи; в) дѣятельность его въ польскую кампанію 1831 года, гдѣ онъ участвовалъ во многихъ бояхъ и, независимо отъ другихъ наградъ, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ бригады.

Получивъ блестящее образованіе, баронъ Зедделеръ имѣлъ богатый запасъ военныхъ познаній, постоянно освѣжаемый широкимъ изученіемъ военныхъ наукъ, слѣды чего и остались въ нашей военной литературѣ. Благородный, прямой его характеръ, доброта души, безпредѣльное стремленіе къ пользѣ дѣла, по общему признанію современниковъ, располагали къ нему всѣхъ знавшихъ его и имѣвшихъ къ нему какія бы то ни было отношенія.

---

[1]) Докладная записка генералъ-адъютанта Сухозанета отъ 29 февраля 1832 г., № 66.

[2]) Высочайшій приказъ 16-го мая 1832 г.

[3]) Родился въ Петербургѣ въ 1791 г., умеръ въ 1852 г. См. выше, стр. 127 и др.

[4]) С. В. М., IV, 1, 2, 1, 360.

Къ сожалѣнію, назначеніе барона Зедделера вице-директоромъ академіи послѣдовало нѣсколько поздно и застало его за границею, гдѣ онъ лѣчился отъ послѣдствій полученныхъ въ бояхъ ранъ; онъ прибылъ къ новому мѣсту служенія только въ началѣ сентября 1832 года.

Назначеніе правителя дѣлъ и штабъ-офицеровъ академіи.

Организація административнаго состава академіи не представляла особенныхъ затрудненій. Правителемъ дѣлъ академіи былъ назначенъ, въ началѣ 1832 года, гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ князь Циціановъ [1]), а штабъ-офицерами: 26-й артиллерійской бригады полковникъ Жуковскій [2]), 1-й поселенной саперной бригады подполковникъ Блау [3]) и генеральнаго штаба полковники Рокасовскій [4]) и Ивановъ [5]).

Выборъ и назначеніе профессоровъ и организація учебной части.

Труднѣе было пополнить учебный составъ и вообще организовать учебную часть академіи. На вызовъ лицъ, желающихъ принять на себя преподаваніе въ академіи, сдѣланный по генеральному штабу и по военно-учебнымъ заведеніямъ, отозвался лишь одинъ, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Болотовъ [6]), бывшій уже ранѣе преподавателемъ математики въ училищѣ колонновожатыхъ. Въ виду этого онъ и былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ геодезіи и топографіи. Остальныхъ избралъ самъ генералъ Сухозанетъ изъ числа лицъ, занимавшихся преподаваніемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, руководствуясь при этомъ болѣе всего своими собственными впечатлѣніями, вынесенными изъ бесѣдъ съ этими лицами.

Первыми преподавателями прочихъ военныхъ предметовъ были назначены: а) профессора: тактики и военнаго искусства—конной артиллеріи полковникъ баронъ Медемъ [7]); стратегіи, исторіи военныхъ походовъ и военной литературы—онъ-же [8]); военной географіи и военной статистики — корпуса инженеровъ путей сообщенія маіоръ Языковъ [9]); артиллеріи—л.-гв. 1-й артиллерійской бригады полков-

---

[1]) Дмитрій Ивановичъ, И. Ак. Г. Ш., 26, 27 и др.

[2]) Александръ Михайловичъ. Сб. И. Р. И. О., LX, 258.

[3]) Василій Ивановичъ? Тамъ же, LXII, 574. И. Ак. Г. Ш., 27 и списки, 7.

[4]) См. тамъ же и выше, стр. 66.

[5]) Аполлонъ Алексѣевичъ. См. выше, главу III.

[6]) Алексѣй Павловичъ. И. Ак. Г. Ш., 27 и 29; списки 22.

[7]) Николай Васильевичъ. Состоялъ при артиллерійскомъ училищѣ.

[8]) Каѳедру тактики онъ уступилъ адъюнкту этого предмета, полковн. Веймарну. Тамъ же, 28 и др.

[9]) Тамъ же и Сб. И. Р. И. О., LXII, 479.

никъ Вессель [1]); обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба полковникъ Ивановъ [2]); адъюнктъ-профессора: тактики—генеральнаго штаба полковникъ Веймарнъ [3]) и фортификаціи инженеръ штабсъ-капитанъ Ласковскій [4]).

Всѣ лица, избранныя на учебныя должности, были обязаны составить по своимъ предметамъ программы, которыя, по разсмотрѣніи ихъ директоромъ, вносились въ совѣтъ академіи.

Назначеніе членовъ совѣта.

Въ составъ совѣта, кромѣ непремѣнныхъ членовъ, директора, вице-директора, генералъ-квартирмейстера главнаго штаба (генералъ-адъютанта Нейдгардта) и начальника штаба гвардейскаго корпуса (генералъ-маіора Петра Ѳедоровича Веймарна), были назначены еще генералъ-лейтенантъ Шубертъ, инженеръ генералъ-маіоръ Христіани [5]) и артиллеріи генералъ-маіоръ Перренъ [6]).

Дѣятельность совѣта и конференціи.

Первое засѣданіе совѣта состоялось 28-го марта. Первымъ предметомъ занятій совѣта была разработка программъ пріемнаго экзамена и правилъ, какъ для производства этого экзамена, такъ и для аттестаціи на немъ. Выработанныя совѣтомъ «Правила и программы испытанія офицеровъ, поступающихъ въ Императорскую Военную Академію», были объявлены по военному вѣдомству [7]). Разработку курсовыхъ академическихъ программъ совѣтъ предоставилъ личной заботливости генерала Сухозанета, который и занялся этимъ дѣломъ съ свойственною ему энергіею, работая непосредственно съ самими профессорами и преподавателями.

Первое засѣданіе конференціи состоялось лишь 13-го сентября и было посвящено разсмотрѣнію разныхъ вопросовъ, касающихся академическихъ курсовъ. Затѣмъ опредѣленія конференціи представлялись на разсмотрѣніе совѣта, причемъ на первыхъ же порахъ выяснилась возможность столкновеній между директоромъ и вице-директоромъ академіи, отчасти вслѣдствіе неопредѣленности нѣкоторыхъ статей

---

[1]) Георгій Христіановичъ. Тамъ же, LX, 98 и И. Ак. Г. Ш., 28 и др.
[2]) См. стр. 172, выноску 5. Тотъ же самый.
[3]) Иванъ Федоровичъ. См. выше, стр. 68.
[4]) И. Ак. Г. Ш., 29 и др. Тамъ же о прочихъ профессорахъ и преподавателяхъ.
[5]) Тамъ же и Сб. И. Р. И. О., LXII, 408.
[6]) Тамъ же, 145 и И. Ак. Г. Ш. 29 и др.
[7]) Въ приказѣ военнаго министра 3-го іюля 1832 года.

устава, главнымъ же образомъ вслѣдствіе властолюбиваго характера генерала Сухозанета и неуступчивости генерала Зедделера, отстаивавшаго, впрочемъ, права, предоставленныя ему уставомъ [1]).

Утвердивъ программы для перваго учебнаго года, совѣтъ установилъ распредѣленіе, какъ годовыхъ, такъ и ежедневныхъ занятій офицеровъ: зимнихъ съ 1-го ноября: въ теоретическомъ отдѣленіи по 1-е іюня и въ практическомъ отдѣленіи по 1-е мая, и лѣтнихъ въ теоретическомъ отдѣленіи—съ 1-го іюня по 1-е сентября, въ лагерѣ съ войсками и на инструментальной съемкѣ, и въ практическомъ отдѣленіи—съ 1-го мая по 1-е августа—различныя занятія въ полѣ. Затѣмъ, въ теоретическомъ отдѣленіи, сентябрь полагался на приготовленіе къ экзаменамъ, а октябрь на производство экзаменовъ; въ практическомъ же отдѣленіи—августъ на приготовленіе къ экзаменамъ, сентябрь на экзамены, а октябрь для разныхъ письменныхъ и другихъ практическихъ занятій.

Пріемные экзамены положено было начинать съ 1-го ноября [2]).

Всѣ предположенія совѣта были Высочайше одобрены [3]).

Первый пріемный экзаменъ и пріемъ офицеровъ въ академію.

Къ первому пріемному экзамену явилось въ академію 36 офицеровъ, которымъ былъ произведенъ экзаменъ съ 27-го сентября по 3-е ноября. Подлежащими зачисленію въ академію были признаны 24 офицера [4]); къ нимъ прибавилось впослѣдствіи еще двое, приня-

---

[1]) И. Ак. Г. Ш., 32 и 33.

[2]) Если не будутъ ускорены предыдущіе два экзамена.

[3]) Предположенія эти подробно указаны въ И. Ак. Г. Ш., 33 и 34. Отмѣнены были только уроки верховой ѣзды, такъ какъ манежъ Берейторской школы, гдѣ предполагалось вести обученіе, былъ постоянно занятъ; въ виду этого офицерамъ было предоставлено учиться верховой ѣздѣ въ частныхъ манежахъ.

[4]) Въ порядкѣ по экзаменному старшинству: л.-гв. Семеновскаго полка прапорщикъ Голенищевъ-Кутузовъ, 10-го егерскаго полка подпоручикъ Ненарокомовъ, л.-гв. Кирасирскаго полка корнетъ Бибиковъ, л.-гв. Семеновскаго полка прапорщикъ Линдефорсъ, 3-го резервнаго сапернаго баталіона поручикъ Никифоровъ, л.-гв. Московскаго полка прапорщикъ Жуковскій, 5-й артиллерійской бригады подпоручикъ Иванинъ, Пензенскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Чайковскій 2-й, л.-гв. Сапернаго баталіона прапорщикъ Старкъ, л.-гв. конной артиллеріи прапорщикъ князь Четвертинскій, л.-гв. Финляндскаго полка прапорщикъ Бѣлозоръ, 23-й артиллерійской бригады прапорщикъ Индреніусъ, Орловскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Вишневъ, л.-гв. Преображенскаго полка прапорщикъ Непокойчицкій, л.-гв. Коннаго полка корнетъ баронъ Тизенгаузенъ, л.-гв. Волынскаго полка прапорщикъ Алехинъ, Пензенскаго пѣхотнаго полка

тыхъ по вторичному экзамену [1]), и одинъ, зачисленный въ академію безъ экзамена, какъ офицеръ, окончившій курсъ главнаго инженернаго училища [2]).

Открытіе академіи 26 ноября 1832 года.

Открытіе академіи состоялось 26-го ноября 1832 года, въ день праздника Св. Великомученика Георгія, который считается и праздникомъ всего генеральнаго штаба.

Въ этотъ день, въ домѣ Императорской военной академіи [3]) собрались: всѣ находившіеся въ Петербургѣ иностранные послы и посланники, генералъ-адъютанты Его Величества, директоры военно-учебныхъ заведеній, генералы, штабъ и оберъ-офицеры генеральнаго штаба.

Во второмъ часу пополудни прибылъ Государь Императоръ въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича [4]) и Почетнаго Президента Академіи. Послѣ молебствія Государь обошелъ все помѣщеніе академіи, при чемъ въ разныхъ залахъ представились Его Величеству: члены совѣта, всѣ назначенные на службу въ академію и офицеры, принятые въ число обучающихся.

Государь остался весьма доволенъ всѣмъ устройствомъ академіи и удостоилъ вновь поступившихъ офицеровъ особымъ привѣтствіемъ, въ которомъ «въ милостивыхъ, но строгихъ выраженіяхъ, изволилъ указать на важность, какъ назначенія этихъ офицеровъ, такъ и принятыхъ ими на себя обязанностей» [5]).

Первый академическій курсъ былъ начатъ 29-го ноября 1832 года.

Заключеніе по вопросу объ учрежденіи военной академіи.

Тѣ или другіе результаты дѣятельности новаго высшаго военно-

подпоручикъ Чайковскій 1-й, 3-й артиллерійской бригады прапорщикъ Веймарнъ, Троицкаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Фалькенгагенъ, л.-гв. Преображенскаго полка прапорщикъ баронъ Корфъ, 14-й конно-артиллерійской роты подпоручикъ Пестовъ, л.-гв. Коннаго полка корнетъ баронъ Крейцъ, 2-й артиллерійской бригады поручикъ Нагель и л.-гв. Уланскаго Его Высочества полка корнетъ Липгартъ.

[1]) Состоящій по кавалеріи поручикъ Шубертъ и 2-й конно-артиллерійской бригады поручикъ Васильевъ.

[2]) Гвардіи инженеръ поручикъ Нейманъ.

[3]) Академіи былъ Высочайше пожалованъ домъ на англійской набережной, который до того былъ занимаемъ квартирами чиновъ главнаго штаба Его Величества. Черезъ 69 лѣтъ этотъ домъ былъ снова переданъ главному штабу, а затѣмъ главному управленію генеральнаго штаба.

[4]) Впослѣдствіи Императора Александра II.

[5]) И. Ак. Г. Ш., 35—37, со ссылкою на «Дневникъ барона Л. II. Зедделера».

учебнаго заведенія находились въ зависимости отъ соотвѣтственныхъ качествъ и способностей тѣхъ лицъ, которыя были поставлены во главѣ академіи и вообще у этого дѣла, главнымъ же образомъ въ зависимости отъ общихъ условій, вытекавшихъ изъ особенностей русской арміи и вообще всей военной системы русскаго государства.

ГЛАВА V.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I ПОСЛѢ ПОЛЬСКОЙ КАМПАНІИ 1831 ГОДА.

Устройство и постановка Генеральнаго Штаба.

ЕРІОДЪ мира, наступившій съ окончаніемъ польской кампаніи 1831 года, продолжался до восточной войны 1853—1856 г.г. и былъ прерванъ лишь кратковременною венгерскою кампаніею 1849 года, если не считать сравнительно мелкихъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ.

Періодъ мира съ 1831 до 1853 года.

Въ этотъ періодъ, по мнѣнію Н. П. Глиноецкаго, «можно было ожидать, что наши войска и вообще наши военныя учрежденія получатъ широкое и многостороннее развитіе, вслѣдствіе той особой заботливости и любви къ военному дѣлу, которую выказалъ Императоръ Николай съ первыхъ дней своего царствованія...» [1]).

Что же произошло въ дѣйствительности и почему?

Реформа 1832 года. Какъ она отразилась на Генеральномъ Штабѣ?

Прежняя разрозненность военнаго управленія была замѣнена полною централизаціею военной власти и установленіемъ строго си-

[1]) Глиноецкій, II, 139.

стематическаго порядка, при которомъ все занимало соотвѣтственное ему мѣсто, съ строго опредѣленными правами, обязанностями и отношеніями между собою. Реформа 1832 года въ крупныхъ чертахъ представляла дѣло самого Императора и въ этихъ чертахъ ей были присущи и крупныя достоинства, независимо отъ извѣстныхъ недостатковъ. Затѣмъ, по мѣрѣ перехода къ частностямъ и деталямъ новой системы военнаго управленія, все болѣе и болѣе ощущалось вліяніе графа Чернышева и вмѣстѣ съ тѣмъ недостатки получали перевѣсъ надъ достоинствами, слабыя стороны надъ сильными.

Болѣе всего и сильнѣе всего эта перемѣна отразилась на генеральномъ штабѣ, который, во время управленія военнымъ вѣдомствомъ графа Чернышева, подвергся систематически проводимому приниженію [1]).

Положеніе генер.-квартирмейстера ген. Нейдгардта.

Поставленный во главѣ генеральнаго штаба генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ былъ ему безгранично преданъ, и это вполнѣ понятно, ибо съ генеральнымъ штабомъ связывались лучшія воспоминанія его служебной карьеры [2]). А. И. Нейдгардтъ принадлежалъ къ числу поклонниковъ и приверженцевъ покойнаго фельдмаршала Дибича, но, послѣ кампаніи 1831 года, прежній авторитетъ и значеніе Дибича совершенно упали... [3]). Появилось новое свѣтило въ лицѣ фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго, князя Варшавскаго, имѣвшаго первостепенное значеніе въ теченіе всего царствованія Императора Николая I: Государь не только называлъ фельдмаршала «отцомъ командиромъ» [4]), но и выказывалъ полнѣйшее къ нему довѣріе.

При такихъ условіяхъ все преклонялось передъ княземъ Варшавскимъ; его авторитетъ и вліяніе давали себя чувствовать на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи. Между тѣмъ генералъ Нейдгардтъ не

---

[1]) См. главу I, стр. 21—27.

[2]) См. главу III, стр. 74 (выноска 2), 75 и т. д.

[3]) По словамъ Глиноецкаго (II, 141), «его памяти не охраняли теперь ни прежняя его слава, ни даже свѣжая, только что закрывшаяся могила».

[4]) Въ царствованіе императора Александра I, Паскевичъ командовалъ 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, одною изъ бригадъ которой командовалъ Великій Князь Николай Павловичъ.

вполнѣ ладилъ съ фельдмаршаломъ Паскевичемъ еще во время кампаніи 1831 года, причемъ постоянно поддерживалъ графа Толя и даже одновременно съ нимъ уѣхалъ изъ дѣйствующей арміи.

Предположенія ген. Нейдгардта о преобразованіи генеральнаго штаба.

Возвратившись въ Петербургъ, онъ дѣятельно занялся вопросомъ о преобразованіи генеральнаго штаба, но его предложенія не удостоивались одобренія графа Чернышева.

Въ ноябрѣ 1831 года, генералъ Нейдгардтъ представилъ графу Чернышеву записку, въ которой доказывалъ, что современная организація генеральнаго штаба «не обезпечиваетъ для служащихъ въ ономъ офицеровъ того, чтобы они имѣли въ виду собственную отъ той службы пользу, или по крайней мѣрѣ, чтобы, посвящая себя трудной службѣ въ генеральномъ штабѣ, они не теряли никакихъ выгодъ и преимуществъ, со службою другого рода сопряженныхъ».

Въ подтвержденіе сказаннаго Нейдгардтъ приводилъ нижеслѣдующія соображенія:

Гвардейскіе офицеры, которые пожелали бы черезъ военную академію попасть въ генеральный штабъ, теряютъ очень много, и при выпускѣ изъ академіи, и на самой службѣ въ генеральномъ штабѣ, сравнительно съ своими сослуживцами въ гвардіи; существованіе особаго гвардейскаго генеральнаго штаба представляетъ также препятствіе къ справедливому уравненію офицеровъ генеральнаго штаба въ пріобрѣтаемыхъ службою преимуществахъ, такъ какъ безъ вреда для службы не могутъ быть допускаемы особые разряды въ корпусѣ офицеровъ, который, подобно генеральному штабу, долженъ состоять изъ офицеровъ самыхъ отличныхъ, какъ по образованію и познаніямъ, такъ и по существу занятій, совершенно одинаковыхъ, при какомъ бы родѣ войскъ они ни находились.

Признавая въ существѣ дѣла полезнымъ полное упраздненіе гвардейскаго генеральнаго штаба, самъ же Нейдгардтъ находилъ, однако, эту мѣру неудобною, такъ какъ начало этому учрежденію дано блаженной памяти Императоромъ Александромъ I по окончаніи достопамятной войны противъ французовъ въ 1814 году. Поэтому онъ полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ изыскать способъ приведенія гвардейскаго генеральнаго штаба въ большее единообразіе съ генеральнымъ штабомъ въ отношеніи къ преимуществамъ и производству.

Въ этихъ видахъ генералъ Нейдгардтъ предлагалъ: а) уничто-

жить всякое внѣшнее различіе между гвардейскимъ генеральнымъ штабомъ и генеральнымъ штабомъ, предоставивъ послѣднему мундиръ, присвоенный первому; б) дать генеральному штабу всѣ преимущества гвардіи; в) опредѣлить, хотя приблизительно, число чиновъ генеральнаго штаба для того, чтобы, ограничивъ оное штатнымъ положеніемъ, установить въ немъ порядокъ чинопроизводства; г) присвоить нѣкоторымъ должностямъ по генеральному штабу постоянныя выгоды, какъ, напримѣръ, дивизіоннымъ квартирмейстерамъ, по примѣру дивизіонныхъ адъютантовъ, — столовыя деньги; д) гвардейскому генеральному штабу сохранить преимущество одного чина надъ генеральнымъ штабомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить точно, сколько должно быть въ немъ офицеровъ и отъ этой нормы уже никакъ не отступать, а самые переводы изъ генеральнаго штаба въ гвардейскій генеральный штабъ дѣлать не иначе, какъ на вакансію и съ пониженіемъ чина; е) производство по гвардейскому генеральному штабу установить такъ, чтобы капитаны этого штаба равнялись съ подполковниками генеральнаго штаба и производились въ полковники наравнѣ съ ними въ генеральный штабъ; въ гвардейскій же генеральный штабъ производить въ полковники только тѣхъ, которые должны оставаться въ числѣ штабъ-офицеровъ, положенныхъ при гвардейскомъ корпусѣ и въ главномъ штабѣ; въ прочіе чины производить на вакансіи, когда таковыя будутъ открываться, а также и въ общемъ производствѣ по генеральному штабу, дабы при производствѣ по старшинству офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба ни въ какомъ случаѣ не могли быть обходимы офицерами генеральнаго штаба.

Такимъ образомъ генералъ Нейдгардтъ имѣлъ въ виду принять въ основаніе преобразованія генеральнаго штаба увеличеніе преимуществъ этого рода службы и установленіе въ немъ опредѣленныхъ штатовъ и правильнаго чинопроизводства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ необходимымъ дать внутреннему управленію генеральнаго штаба новое устройство, составивъ его изъ трехъ главныхъ частей: военной, геодезической и распорядительной, которыя должны были составлять управленіе генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества и находиться подъ непосредственнымъ его надзоромъ.

Часть военная, заключающая въ себѣ канцелярію генералъ-квартирмейстера и управляемая директоромъ (канцеляріи), должна была состоять попрежнему изъ трехъ отдѣленій: исполнительнаго—по движенію и расположенію войскъ, пріуготовительнаго—по собиранію историческихъ и статистическихъ свѣдѣній, относящихся какъ до Россіи, такъ и до всѣхъ пограничныхъ государствъ, по разсмотрѣнію разнаго рода военныхъ сочиненій и т. п., и чертежнаго. Въ случаѣ, если бы Государь Императоръ изволилъ отправиться въ походъ, первое отдѣленіе должно было слѣдовать при главной квартирѣ Его Величества.

Часть геодезическая, подъ управленіемъ особаго начальника съ званіемъ генералъ-географа, должна была завѣдывать: военно-топографическимъ депо, механическимъ заведеніемъ главнаго штаба Его Величества, всѣми вообще государственными съемками и училищемъ топографовъ; состоящій при этой части корпусъ топографовъ долженъ былъ быть раздѣленъ на роты, изъ которыхъ каждая имѣла бы особаго ротнаго командира и офицеровъ не изъ этого же корпуса, но произведенныхъ изъ фронтовыхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, преимущественно же изъ саперныхъ баталіоновъ.

Часть распорядительная, соотвѣтственно существовавшей канцеляріи управляющаго генеральнымъ штабомъ, должна была заключать въ себѣ инспекторскую, хозяйственную и контрольную части; сверхъ того ей были бы подчинены: управленіе домомъ главнаго штаба, Финляндскимъ кадетскимъ корпусомъ и типографіею генеральнаго штаба. Начальникъ ея имѣлъ бы званіе правителя канцеляріи управленія генеральнаго штаба.

Приведенныя предложенія генерала Нейдгардта сводились къ возстановленію того порядка, который былъ созданъ для квартирмейстерской части княземъ Волконскимъ въ 1815 году: тогда части военная и хозяйственная (или распорядительная) были раздѣлены и имѣли особыхъ представителей въ лицѣ Толя и Селявина; и теперь предполагалось сдѣлать то-же самое, поставивъ ихъ только въ прямую зависимость отъ генералъ-квартирмейстера; послѣднее признавалось необходимымъ въ виду того, что званіе особаго управляющаго генеральнымъ штабомъ предполагалось упразднить, вслѣдствіе соединенія долж-

ностей начальника главнаго штаба Его Величества и военнаго министра, въ одномъ лицѣ графа Чернышева.

Участь предложенія генерала Нейдгардта.

Предложенія генерала Нейдгардта остались безъ послѣдствій: въ расширеніи правъ генеральнаго штаба было отказано, съ тѣмъ, чтобы ограничиться лишь составленіемъ ему опредѣленнаго штата, а обѣ канцеляріи (генералъ-квартирмейстера и управлявшаго генеральнымъ штабомъ) — Высочайше повелѣно было соединить въ одну, какъ это было въ началѣ XIX столѣтія, при генералъ-квартирмейстерѣ Сухтеленѣ 1-мъ.

Проектъ новаго штата генеральнаго штаба.

Въ мартѣ 1832 года генералъ Нейдгардтъ представилъ графу Чернышеву составленный имъ по Высочайшему повелѣнію, совмѣстно съ генералъ-лейтенантомъ Шубертомъ, новый штатъ генеральнаго штаба, при чемъ возбудилъ снова ходатайство о предоставленіи этому корпусу преимуществъ гвардіи.

Записка генерала Нейдгардта 8-го марта 1832 года.

Въ особой запискѣ, отъ 8-го марта, онъ еще разъ указываетъ, что съ введеніемъ новаго штата, ограничивающаго составъ гвардейскаго генеральнаго штаба, офицерамъ гвардіи будетъ представляться еще менѣе прежняго выгодъ къ поступленію въ названный штабъ.

«При всемъ пламенномъ желаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ посвятить себя полезной, отличной, но вмѣстѣ съ тѣмъ многотрудной службѣ генеральнаго штаба, неминуемо остановитъ ихъ въ исполненіи онаго, особенно въ мирное время, то обстоятельство, что они съ переходомъ въ генеральный штабъ лишаются всѣхъ тѣхъ лестныхъ преимуществъ и выгодъ, коими они въ бытность на службѣ въ гвардіи пользуются и которыя, для образованнаго и благомыслящаго дворянина русскаго, наиболѣе драгоцѣнны.

«Перемѣщеніе въ генеральный штабъ преграждаетъ имъ входъ къ Высочайшему Двору, воспрещаетъ участіе въ празднествахъ, исключаетъ ихъ изъ числа удостаиваемыхъ приглашенія къ представленіямъ, бывающимъ въ эрмитажѣ. Посвятивъ себя наукамъ и многосложнымъ занятіямъ по различнымъ отраслямъ военнаго искусства, обрекаясь въ военное время на большіе труды и большія опасности, офицеры сіи, въ кругу высшаго общества, къ коему многіе изъ нихъ принадлежатъ по рожденію и связямъ, даже при Высочайшемъ Дворѣ, должны уступать свое мѣсто бывшимъ своимъ товарищамъ, за то единственно,

что превосходство способностей увлекло ихъ къ желанію посвятить себя исключительно на службу въ генеральномъ штабѣ».

Записка эта также осталась безъ послѣдствій [1]).

Такое отношеніе генералъ-адъютанта графа Чернышева къ докладамъ генералъ-квартирмейстера вполнѣ гармонировало съ его отношеніемъ къ генеральному штабу вообще и даже съ духомъ реформы 1832 года, въ силу коей во всемъ нашемъ военномъ управленіи былъ возвеличенъ бюрократическій элементъ въ ущербъ прежде всего генеральному штабу, а затѣмъ и командному составу арміи [2]).

При такихъ условіяхъ, генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ, не видя возможности провести задуманныя имъ преобразованія, видимо утомленный борьбою и сознаніемъ своего безсилія, въ апрѣлѣ 1832 года уѣхалъ въ заграничный отпускъ, а возвратившись изъ этого отпуска, онъ уже относился къ своей должности съ замѣтною апатіею. Въ январѣ 1834 года онъ былъ отчисленъ отъ должности генералъ-квартирмейстера и назначенъ командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса [3]). Графъ Чернышевъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ оставить должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества не замѣщенною, поручивъ временное исправленіе этой должности, въ теченіе почти 10 лѣтъ, директору военно-топографическаго депо, генералъ-лейтенанту Шуберту.

И. Д. генералъ-квартирмейстера генералъ-лейтенантъ Шубертъ.

Федоръ Федоровичъ Шубертъ [4]) сблизился съ генераломъ Чернышевымъ въ 1831 г., когда, за отсутствіемъ Нейдгардта, управлялъ генеральнымъ штабомъ. Назначенію его, послѣ ухода Нейдгардта, на должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества препятствовало то обстоятельство, что генералъ-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ Бергъ былъ старше его по производству въ генералъ-лейтенанты [5]); къ тому же назначеніе генерала

---

[1]) Глиноецкій, (II, 148) предполагаетъ, что она вовсе не была докладываема Государю, такъ какъ на ней нѣтъ никакой помѣтки графа Чернышева.

[2]) См. выше, стр. 20—28.

[3]) Высочайшій приказъ 26-го января 1834 г.

[4]) С. В. М., Г. Ш., IV. 1, 2, 1, стр. 203, 206, 395, 396, 399, 400 и др. (Историч. очеркъ дѣят. корп. воен. топографовъ) И. К. В. Т., 63 и др., 80, 102—105 и т. д. Глиноецкій, I и II. См. настоящій очеркъ, стр. 15—17, 75 и др.

[5]) Шубертъ произведенъ 6-го октября, а Бергъ 5-го сентября 1831 г.

Шуберта генералъ-квартирмейстеромъ повело бы за собою необходимость оставленія имъ нѣкоторыхъ другихъ должностей, съ которыми были связаны значительные оклады содержанія и по которымъ дѣятельность Ф. Ф. Шуберта была полезна.

Вступивъ въ исправленіе должности генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества, генералъ Шубертъ остался и при прежнихъ должностяхъ: директора военно-топографическаго депо, директора гидрографическаго департамента главнаго морского штаба и начальника съемокъ Псковской и Виленской губерній; вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ еще непремѣннымъ членомъ совѣта военной академіи и членомъ военно-ученаго комитета. Изъ всѣхъ этихъ должностей для генерала Шуберта наиболѣе близкими и вполнѣ подходящими были должности начальника съемокъ, директора депо и директора гидрографическаго департамента: на нихъ онъ могъ вполнѣ сохранять свою самостоятельность; на нихъ онъ и обращалъ главное свое вниманіе. Напротивъ того, въ управленіи дѣлами генеральнаго штаба онъ не имѣлъ ни авторитета, ни извѣстности своего предшественника, не могъ имѣть и не старался проявить свою собственную иниціативу. Поэтому, за время его управленія генеральнымъ штабомъ, все, что дѣлалось въ отношеніи этого рода службы, обходилось безъ его въ томъ участія и исходило или непосредственно изъ канцеляріи военнаго министра, или же шло черезъ гвардейскій генеральный штабъ, по иниціативѣ непосредственнаго его начальства. А между тѣмъ, во время его управленія генеральнымъ штабомъ (съ 26 января 1834 г. до 31 октября 1843 г.) были составлены положеніе и штаты военнаго министерства (въ томъ числѣ и департамента генеральнаго штаба), установлены безсрочные отпуски, изданъ сводъ военныхъ постановленій и приступлено къ составленію новаго устава объ управленіи арміями въ мирное и военное время, не считая многихъ болѣе мелкихъ узаконеній, относящихся до службы, содержанія и положенія офицеровъ генеральнаго штаба.

Результаты этого почти десятилѣтняго управленія были весьма неблагопріятны для генеральнаго штаба. Отвѣтственность за это падаетъ прежде всего на графа Чернышева, который допускалъ это управленіе главнымъ образомъ потому, что хотѣлъ имѣть во главѣ генеральнаго штаба безгласнаго исполнителя своей воли или даже без-

молвнаго свидѣтеля того, что дѣлалось нерѣдко помимо его. Въ этомъ отношеніи генералъ Шубертъ вполнѣ оправдалъ и даже превзошелъ требованія и ожиданія военнаго министра: равнодушіе его къ дѣламъ генеральнаго штаба достигло, съ теченіемъ времени, крайнихъ предѣловъ. Кончилось тѣмъ, что, вслѣдствіе неисправности срочныхъ донесеній, было несвоевременно подано Государю Императору ежемѣсячное росписаніе сухопутныхъ войскъ и не сдѣлано представленія къ наградамъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Послѣ этого генералъ Шубертъ внезапно [1]) былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта, а на постъ генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества былъ призванъ генералъ-адъютантъ Бергъ [2]).

Генералъ-квартирмейстеръ генералъ-адъютантъ Бергъ.

Казалось, что настало, наконецъ, время генеральному штабу воспрянуть къ новой жизни «подъ управленіемъ начальника вполнѣ боевого, умнаго, отлично понимавшаго службу этого вѣдомства» [3]). И дѣйствительно, все какъ бы встрепенулось отъ продолжительнаго усыпленія, закипѣла въ генеральномъ штабѣ новая дѣятельность, но это была дѣятельность односторонняя, которая доставила новую извѣстность генералу Бергу, какъ картографу и статистику, но генеральному штабу она принесла мало пользы, нисколько не приблизивъ его къ войскамъ [4]).

Правда, въ это время были приняты нѣкоторыя мѣры, клонившіяся къ тому, чтобы вывести генеральный штабъ изъ очерченнаго (въ настоящей книгѣ) его положенія, но эти мѣры были предпринимаемы «какъ бы съ опасеніемъ поколебать тѣ начала, на которыхъ основывались прежнія преобразованія; только въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ явилось сознаніе въ необходимости болѣе крупныхъ реформъ, но и тогда было сдѣлано немного; къ тому же восточная война прервала всякія дальнѣйшія къ тому попытки.

Штатъ генеральнаго штаба 1832 г.

Выше разъясненное приниженіе генеральнаго штаба нашло себѣ отчасти выраженіе въ новомъ штатѣ этого корпуса, утвержденномъ въ томъ же 1832 году [5]), какъ это видно изъ сопоставленія числа

---

[1]) См. Высочайшій приказъ 31 октября 1843 г.
[2]) Произведенный въ генералы отъ инфантеріи 10 октября 1843 г.
[3]) Глиноецкій, II, 143.
[4]) По мнѣнію Глиноецкаго, она даже отдалила генеральный штабъ еще болѣе «отъ прямой его спеціальности при войскахъ» (тамъ же).
[5]) 2 П. С .З., VII, 28 марта 1832 года, № 5255.

чиновъ генеральнаго штаба, находившихся на службѣ ко времени утвержденія штата 1832 года, съ числомъ тѣхъ же чиновъ, положенныхъ по новому штату:

	Состояло на службѣ къ 28 марта 1832 года.	Положено по новому штату.
Генераловъ:		
Генераловъ гвардейскаго генеральнаго штаба и генеральнаго штаба . . .	37	17
Гвардейскаго генеральнаго штаба:		
Полковниковъ	12	2
Капитановъ	11	4
Штабсъ-капитановъ	12	4
Поручиковъ.	7	6
Подпоручиковъ	5	4
Итого гвардейскаго генеральнаго штаба.	47	20
Генеральнаго штаба:		
Полковниковъ	23	30
Подполковниковъ	17	48
Капитановъ.	22	54
Штабсъ-капитановъ	32	60
Поручиковъ.	60	68
Подпоручиковъ.	7	—
Итого генеральнаго штаба	161	260

Сокращеніе числа генераловъ генеральнаго штаба и его значеніе по мнѣнію современниковъ.

Въ генеральскихъ чинахъ полагались: а) въ главномъ штабѣ Его Императорскаго Величества: военный министръ, занявшій мѣсто бывшаго управляющаго квартирмейстерскою частью, генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Величества, директоръ военно-топографическаго депо, начальникъ отдѣленія военно-ученаго комитета по части генеральнаго штаба, 5 генераловъ для особенныхъ порученій по генеральному штабу [1]) и 2 гене-

[1]) Изъ числа этихъ генераловъ одинъ долженъ былъ находиться постоянно при главномъ штабѣ Его Величества, для занятій по военно-статистической, исторической и ученой частямъ, подъ руководствомъ гене-

рала при государственныхъ съемкахъ, а всего 11; б) при отдѣльномъ гвардейскомъ корпусѣ: оберъ-квартирмейстеръ всего гвардейскаго корпуса, генералъ-маіоръ—1; в) при главной квартирѣ арміи: генералъ-квартирмейстеръ—1; г) при отдѣльныхъ корпусахъ, Кавказскомъ и внутренней стражи, по одному оберъ-квартирмейстеру, а всего генералъ-маіоровъ — 2; д) при военныхъ поселеніяхъ: оберъ-квартирмейстеръ, генералъ-маіоръ — 1; итого 16 [1]).

Въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, кромѣ начальника штаба [2]) и оберъ-квартирмейстера отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, другихъ генераловъ не состояло; прочіе генералы состояли въ генеральномъ штабѣ.

Директоръ военной академіи, начальники главныхъ штабовъ армій и начальники штабовъ отдѣльныхъ и другихъ корпусовъ, если они назначались на эти должности изъ генеральнаго штаба, то оставались въ послѣднемъ до тѣхъ поръ, пока занимали эти мѣста [3]), а съ назначеніемъ на другую должность не по генеральному штабу, переводились изъ этого штаба въ соотвѣтственный родъ войскъ или службы.

Такимъ образомъ число генераловъ генеральнаго штаба было уменьшено нѣсколько болѣе, чѣмъ вдвое, при чемъ изъ генеральнаго штаба были исключены генералы, составлявшіе, почти безъ исключеній, его гордость и славу: графъ Сухтеленъ 1-й, князь Волконскій, Довре, графъ Толь, графъ Курута, Селявинъ, графъ Сухтеленъ 2-й, Киселевъ, два Эйхена, князь Голицынъ, Хоментовскій, Готовскій, баронъ Икскюль, Линденъ, баронъ Ренненкампфъ 2-й, Ренненкампфъ 1-й и Чевкинъ.

ралъ-квартирмейстера; прочіе же для командированія въ военное время въ главную квартиру арміи и для другихъ порученій, требующихъ «особой довѣренности», какъ въ военное, такъ и въ мирное время.

[1]) По разсчету Глиноецкаго, (II, 149)—17.

[2]) Въ числѣ 16 не показанъ, т. е. является 17-мъ.

[3]) Точно также генералы, назначаемые начальниками главныхъ штабовъ армій и начальниками корпусныхъ штабовъ не изъ генеральнаго штаба, но съ переводомъ въ этотъ штабъ, оставались въ немъ, пока занимали эти мѣста. Въ 1835 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, по которому начальникамъ штабовъ армій и корпусовъ, не принадлежавшимъ къ генеральному штабу, было предоставлено право носить мундиръ генеральнаго штаба. См. прик. по в. в. 1835 г. № 21.

Въ глазахъ общества того времени это отчисленіе имѣло то значеніе, что генеральный штабъ недостоинъ считать этихъ лицъ въ своихъ спискахъ, а между тѣмъ до 1825 года свитская молодежь особенно гордилась тѣмъ, что попадала въ одинъ списокъ съ заслуженными генералами, что въ этотъ же списокъ зачисляли и лицъ, занимавшихъ высшія должности и что всѣ они носятъ одинъ и тотъ же мундиръ, хотя и скромный, но красивый и почетный, служившій какъ бы «выставкою ума и высшаго образованія», на который смотрѣли съ уваженіемъ и войска, и общество [1]). Это ослабленіе значенія мундира генеральнаго штаба было тѣмъ болѣе прискорбно, что оно совпало съ временемъ, когда въ обществѣ и безъ того составилось неблагопріятное мнѣніе объ этомъ родѣ службы послѣ событій конца 1825 года [2]).

Сокращеніе числа офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба. Оцѣнка этой мѣры.

Такое же значеніе придавалось и состоявшемуся уменьшенію числа офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба (20 вмѣсто 47).

По этому поводу извѣстный исторіографъ нашего генеральнаго штаба говоритъ:

«На прежній гвардейскій генеральный штабъ никто не могъ жаловаться, потому что каждому по его способностямъ и заслугамъ былъ открытъ въ немъ доступъ; если допустить даже, что существованіе его было несправедливостью, то все-таки это зло уравновѣшивалось тѣмъ, что имъ каждый могъ воспользоваться, такъ какъ число офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба не ограничивалось никакими положеніями. Теперь же комплектъ гвардейскаго генеральнаго штаба былъ ограниченъ штатомъ, туда можно было попасть только на вакансію, слѣдовательно, право пользованія особыми преимуществами было предоставлено не отличнѣйшимъ, а тѣмъ, кому благопріятствовалъ случай, счастіе или протекція; даже экзаменное старшинство при выпускѣ изъ военной академіи не обезпечивало возможности попасть въ гвардейскій генеральный штабъ [3]); такъ, за тридцать лѣтъ

---

[1]) Это имѣло и нѣкоторыя отрицательныя стороны; такъ, напримѣръ, такое значеніе мундира поддерживало въ нѣкоторыхъ офицерахъ генеральнаго штаба самонадѣянность, заносчивость, рѣзкость приговоровъ объ авторитетахъ науки и военнаго дѣла и т. п. Но это не могло быть распространяемо на всю массу офицеровъ этого корпуса.

[2]) См. выше, стр. 17—19 и 26—28.

[3]) Это вопросъ спорный. Едва ли справедливо вознаграждать успѣхи хотя бы въ высшей школѣ такими преимуществами.

(съ 1834 по 1864 г...), только въ 17 выпускахъ, первые по экзамену были зачислены въ гвардейскій генеральный штабъ; изъ нѣкоторыхъ выпусковъ никто не былъ удостаиваемъ того по неимѣнію вакансіи, а были года, когда такой переводъ выпадалъ на долю 3, 4 офицеровъ, стоявшихъ по экзамену далеко не въ числѣ самыхъ первыхъ» [1]).

Вполнѣ согласиться съ этими доводами нельзя. Конечно, существованіе гвардейскаго генеральнаго штаба нарушало принципъ справедливости, а что всего хуже, подрывало единство и товарищество въ томъ родѣ службы, въ которомъ они особенно необходимы; съ этой точки зрѣнія уменьшеніе числа офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба, въ связи съ увеличеніемъ числа офицеровъ генеральнаго штаба, представляло шагъ впередъ.

Значеніе усиленія корпуса топографовъ.

На генеральномъ штабѣ отразилось неблагопріятно еще одно обстоятельство, а именно усиленіе (послѣ 1832 года) корпуса топографовъ, представителей котораго въ обществѣ очень часто смѣшивали съ офицерами генеральнаго штаба, вслѣдствіе общности ихъ мундира.

Въ корпусѣ топографовъ:	Состояло на службѣ въ началѣ 1832 г.	Положено по штату 1832 г.
Подполковниковъ	3	—
Капитановъ	4	5
Штабсъ-капитановъ	1	5
Поручиковъ.	8	10
Подпоручиковъ.	13	20
Прапорщиковъ	21	30
Всего офицеровъ корпуса топографовъ	50	70
Прикомандированныхъ къ корпусу . .	19	—
Топографовъ нижняго званія	347	456

Топографы нижняго званія раздѣлялись на восемь ротъ [2]), изъ

[1]) Слѣдовало бы, пожалуй, пояснить, за какія заслуги или по какимъ причинамъ эти офицеры были переведены въ генеральный штабъ.

[2]) Рота воен.-топогр. депо, рота № 1 при 1-й арміи, № 2 — при дѣйств. арміи, № 3—при отд. Кавказскомъ корпусѣ, № 4 — пополуротно при отдѣльныхъ Оренбургскомъ и Сибирскомъ корпусахъ, №№ 5, 6 и 7— при большихъ государственныхъ съемкахъ.

коихъ каждая имѣла своего ротнаго командира (изъ оберъ-офицеровъ арміи) и должностныхъ нижнихъ чиновъ [1]).

Чины генеральнаго штаба и корпуса топографовъ при главномъ штабѣ Его Величества и вообще при центральныхъ учрежденіяхъ генеральнаго штаба.

Нѣсколько менѣе половины чиновъ генеральнаго штаба и топографовъ было назначено на разныя должности при главномъ штабѣ Его Величества и вообще при центральныхъ учрежденіяхъ генеральнаго штаба, а остальные при войскахъ.

Изъ числа штабъ и оберъ-офицеровъ были назначены: а) въ распоряженіе военнаго министра и генералъ-квартирмейстера, для особыхъ работъ и порученій, или экстренныхъ довѣренныхъ командировокъ—8 штабъ и 12 оберъ-офицеровъ; б) постоянно при большихъ государственныхъ съемкахъ—4 полковника и 4 подполковника генеральнаго штаба и 33 оберъ-офицера корпуса топографовъ; в) въ канцелярію генералъ-квартирмейстера: 5 штабъ и 5 оберъ-офицеровъ; г) на должности по военно-топографическому депо—5 штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба или корпуса топографовъ и 22 оберъ-офицера корпуса топографовъ; д) при библіотекѣ генеральнаго штаба—1 полковникъ, въ должности ея начальника и въ помощь ему 1 капитанъ или штабсъ-капитанъ; е) при военной академіи — 2 полковника и 2 подполковника и изъ корпуса топографовъ 3 оберъ-офицера полагались въ постоянной командировкѣ въ Дерптѣ для слушанія тамъ лекцій астрономіи.

Канцелярія генералъ-квартирмейстера представляла соединеніе бывшей канцеляріи того же наименованія съ бывшею канцеляріею управлявшаго квартирмейстерскою частью и состояла теперь изъ шести отдѣленій: 1-го, инспекторскаго съ архивомъ, 2-го—по движеніямъ и расположенію войскъ, 3-го—военно-статистическаго, топографическаго и историческаго, 4-го — чертежнаго, 5-го — казначейскаго и 6-го—контрольнаго [2]); во главѣ канцеляріи былъ поставленъ правитель ея, полковникъ; отдѣленіями завѣдывали офицеры генеральнаго штаба (1 полковникъ, 3 подполковника и 1 капитанъ), кромѣ 5-го отдѣленія, которымъ управлялъ классный чиновникъ; при начальникахъ

---

[1]) Фельдфебеля, каптенармуса, писаря и цирюльника.

[2]) Контрольное отдѣленіе было учреждено въ 1831 г. при канцеляріи управлявшаго генеральнымъ штабомъ, для повѣрки отчетовъ о суммахъ, отпускаемыхъ на съемки и другія занятія генеральнаго штаба. Пр. Г. Ш. (приказъ по генеральному штабу) 21 октября 1831 г. № 252.

2, 3, 4 и 6 отдѣленій имѣлись помощники, капитаны или штабсъ-капитаны, а при отдѣленіяхъ 1, 2, 3 и 5 по одному классному чиновнику; при канцеляріи состояло 16 писарей и типографія, имѣвшая смотрителя изъ чиновниковъ и 7 наборщиковъ и печатниковъ.

Военно-топографическое депо состояло изъ шести отдѣленій: письмоводительнаго (1 офицеръ, 2 чиновника, 3 писаря и 1 вахтеръ), топографическаго (19 офицеровъ, изъ коихъ одинъ начальникъ отдѣленія и 3 помощника), астрономическаго (3 офицера), гравировальнаго и печатнаго (1 офицеръ, неопредѣленное число граверовъ, словорѣзовъ и литографовъ изъ чиновниковъ, 1 рисовальщикъ, 2 подмастерья печатниковъ, 3 ученика и 9 работниковъ), механическаго (начальникъ изъ чиновниковъ, 4 старшихъ и 48 простыхъ мастеровыхъ) и архивнаго (2 офицера, 2 переплетчика и 2 наклейщика).

Для разграниченія круга дѣятельности этого депо отъ дѣятельности собственно генеральнаго штаба, штатомъ опредѣлено, что государственныя съемки и геодезическія работы состоятъ въ вѣдѣніи генералъ-квартирмейстера и управляются имъ посредствомъ депо; всѣ же прочія съемки, рекогносцировки и т. п. работы «въ военномъ отношеніи» производятся подъ непосредственнымъ руководствомъ самого генералъ-квартирмейстера.

Къ составу депо принадлежала и школа топографовъ [1]), заключавшая въ себѣ: а) роту топографовъ военно-топографическаго депо (не имѣвшую нумера) изъ 120 топографовъ 1-го и 2 классовъ съ ротнымъ командиромъ, фельдфебелемъ и каптенармусомъ; изъ роты топографовъ 60 граверовъ, словорѣзовъ и литографовъ были назначены состоять при 4-мъ отдѣленіи депо; б) нестроевую команду изъ 24 нижнихъ чиновъ. Роты топографовъ, имѣвшія нумера, состояли каждая изъ 24 топографовъ 2-го класса и 24 топографовъ 3-го класса; онѣ состояли въ вѣдѣніи Управленія Генеральнаго Штаба, а по обученію топографовъ и по геодезическимъ работамъ относились къ директору военно-топографическаго депо.

Чины генеральнаго штаба и корпуса топографовъ при войскахъ.

Распредѣленіе офицеровъ генеральнаго штаба по войскамъ было опредѣлено согласно потребностямъ военнаго времени, при чемъ въ

[1]) Школа эта замѣнила прежнее училище. Во главѣ ея стоялъ инспекторъ изъ штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба или корпуса топографовъ.

основаніе принято было прежнее число чиновъ генеральнаго штаба при штабахъ армій, корпусовъ и дивизій, а именно: а) при штабѣ арміи, кромѣ генералъ-квартирмейстера, три старшихъ адъютанта и для особыхъ порученій—4 штабъ и 4 оберъ-офицера; б) при штабѣ пѣхотнаго корпуса, кромѣ оберъ-квартирмейстера, два старшихъ адъютанта и для особыхъ порученій 1 штабъ-офицеръ и 2 оберъ-офицера; в) при резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, кромѣ оберъ-квартирмейстера, 1 оберъ-офицеръ; г) при пѣхотной и кавалерійской дивизіи—по 1 дивизіонному квартирмейстеру и по 1 младшему офицеру. Исключенія составляли: а) 21-я и 22-я (кавказскія) дивизіи, при которыхъ полагалось по два младшихъ офицера; б) сводныя дивизіи, при коихъ младшихъ офицеровъ не было вовсе; в) отдѣльные корпуса, Кавказскій, Оренбургскій, Сибирскій и внутренней стражи, а также войска, расположенныя въ Финляндіи и управленіе военныхъ поселеній и резервныхъ войскъ, при которыхъ число офицеровъ генеральнаго штаба соотвѣтствовало или должно было соотвѣтствовать мѣстнымъ потребностямъ.

По штату оберъ-квартирмейстеры и старшіе адъютанты въ арміяхъ должны были состоять въ чинахъ полковниковъ и подполковниковъ, а старшіе адъютанты въ корпусныхъ штабахъ и дивизіонные квартирмейстеры въ чинахъ капитановъ и штабсъ-капитановъ. Исключеніе составляли оберъ-квартирмейстеры корпусовъ: гвардейскаго, отдѣльнаго Кавказскаго, внутренней стражи и поселенныхъ войскъ, въ которыхъ они полагались въ чинѣ генералъ-маіора; сверхъ того въ гвардейскомъ корпусѣ было два отдѣльныхъ оберъ-квартирмейстера пѣхоты и кавалеріи и въ Кавказскомъ корпусѣ особый оберъ-квартирмейстеръ на Кавказской линіи, всѣ трое въ чинѣ полковника [1]).

Въ дѣйствительности при войскахъ никогда не находилось такого числа офицеровъ генеральнаго штаба; мало того, имѣлся значительный некомплектъ; къ тому же и самымъ штатомъ было опредѣлено, чтобы въ мирное время всѣ младшіе офицеры, т. е. не занимающіе мѣстъ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ и старшихъ адъютантовъ, были команди-

---

[1]) Подробности распредѣленія офицеровъ генеральнаго штаба и корпуса топографовъ видны изъ слѣдующей таблицы: (См. слѣд. страницу).

руемы изъ войскъ для государственныхъ съемокъ и рекогносцировокъ, присоединяясь къ войскамъ лишь въ военное время. Послѣдняя мѣра окончательно отстраняла этихъ офицеровъ отъ войскъ и, само собою разумѣется, не могла не оказывать неблагопріятнаго вліянія на службу генеральнаго штаба.

Измѣненія въ окладахъ содержанія чиновъ генеральнаго штаба.

На должностяхъ по генеральному штабу, за малымъ числомъ исключеній, оклады содержанія оставлены прежніе; вновь введено, что генералъ, состоящій при главномъ штабѣ Его Величества для ученыхъ занятій, правитель канцеляріи генералъ-квартирмейстера и оберъ-квартирмейстеры военныхъ поселеній и отдѣльныхъ корпусовъ: гвардейскаго, кавказскаго и внутренней стражи, должны получать

СОСТОЯЛО: генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.	Генералъ-квартирмейстеровъ.	Оберъ-квартирмейстеровъ.		Старш. адъютант. штабъ-офицеровъ	Штабъ-офиц. для порученій и т. п.	Старш. адъютант. оберъ-офицеровъ.	При нихъ оберъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ для порученій и т. п.	Дивизіон. квартирмейстеровъ.	Оберъ-офиц. при дивизіон. кв. и т. п.	Итого офицеровъ генеральнаго штаба.	Офицеровъ топографовъ.
		Генералъ-маіоровъ.	Штабъ-офицеровъ.									
При отдѣльн. гвардейскомъ корпусѣ	—	1	2	—	—	2	4	—	6	6	21	—
При главн. кварт. двухъ армій	2	—	—	6	8	—	—	8	—	—	24	—
При гренадерскомъ корпусѣ	—	—	1	—	1	2	—	2	4	44	14	—
При 6-ти пѣхотныхъ корпусахъ	—	—	6	—	6	12	—	12	30	24	90	—
При 4-хъ рез. кавалер. корпусахъ	—	—	4	—	—	—	—	4	8	8	24	—
При отд. Кавказскомъ корпусѣ	—	1	1	1	3+1	2	—	4+1	3	4	21	—
При отд. Оренбургскомъ корпусѣ	—	—	1	—	—	2	—	4	1	—	8	3
При отд. Сибирскомъ корпусѣ	—	—	1	—	1	2	—	4	1	—	9	3
При корпусѣ внутренней стражи	—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	2	—
При войскахъ въ Финляндіи распол.	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1	3	—
При воен. посел. и резервн. войскахъ	—	1	—	—	3	—	—	6	7	—	17	—
При 4-й уланской дивизіи	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	—
Всего	2	4	17	7	23	22	4	46	62	48	235	6

столовыхъ денегъ по 3000 руб. ассигн. въ годъ; дивизіоннымъ квартирмейстерамъ и старшимъ адъютантамъ по части генеральнаго штаба въ корпусахъ назначены столовыя деньги наравнѣ со старшими дивизіонными адъютантами, по 500 рублей въ годъ [1]); при канцеляріи генералъ-квартирмейстера вновь установлено 4 классныхъ чиновника съ окладомъ столовыхъ по 1200 рублей ассигн. каждому. Все это увеличило расходы на столовыя деньги по генеральному штабу на 52,300 рублей.

Содержаніе военно-топографическаго депо.

На содержаніе военно-топографическаго депо по новому штату положено всего 100,835 рублей ассигн., т. е. на 6,256 рублей меньше противъ прежняго отпуска; но, сверхъ этой суммы, оставлены прежніе отпуски: 500 червонцевъ на покупку картъ для депо и 500 червонцевъ на покупку книгъ для библіотеки главнаго штаба.

Чинопроизводство по генеральному штабу и по корпусу топографовъ.

Тѣмъ же штатомъ опредѣленъ и порядокъ чинопроизводства по генеральному штабу. Старшинство генераловъ положено считать по общему генеральному списку [2]). Старшинство полковниковъ гвардейскаго генеральнаго штаба, генеральнаго штаба и корпуса топографовъ считалось съ пѣхотными полковниками, а потому и производство ихъ въ генералъ-маіоры могло состояться не иначе, какъ съ назначеніемъ на ту или другую генеральскую должность, смотря по способностямъ: тѣ же изъ нихъ, которые предназначались къ «поступленію во фронтъ», должны были прикомандировываться къ образцовымъ войскамъ или къ другой части войскъ «для вящшаго узнанія подробныхъ правилъ строевой службы»; за время нахожденія при образцовыхъ войскахъ имъ опредѣлено производить на общемъ положеніи двойное жалованье. Полковники, занимавшіе генеральскія должности, считались сверхштатными.

По корпусу топографовъ особыхъ штабъ-офицеровъ положено не было, но они должны были считаться въ общемъ числѣ штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба, нося, однако, мундиръ корпуса топографовъ [3]).

[1]) Это распространялось и на третьихъ старшихъ адъютантовъ, установленныхъ въ штабахъ двухъ армій.

[2]) Объ оберъ-квартирмейстерѣ гвардейскаго корпуса, директорѣ военной академіи и начальникахъ штабовъ армій и корпусовъ см. выше, стр. 187.

[3]) Въ этомъ выражалось отношеніе къ генеральному штабу графа Чернышева, охотнѣе выслушивавшаго доклады генерала Шуберта, чѣмъ генерала Нейдгардта.

Капитаны гвардейскаго генеральнаго штаба и подполковники генеральнаго штаба должны были состоять въ общемъ спискѣ и производиться въ полковники по общей линіи старшинства; изъ первыхъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ оставлялись лишь тѣ, которые занимали или должны были занять штабъ-офицерскія должности, положенныя при гвардейскомъ корпусѣ.

Офицеры прочихъ чиновъ производились по старшинству на вакансіи, при чемъ офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба повышались не только на открывающіяся въ ихъ линіи вакансіи, но и при общемъ производствѣ по генеральному штабу, въ послѣднемъ случаѣ съ переводомъ въ послѣдній, дабы они, при производствѣ по старшинству, ни въ какомъ случаѣ не могли быть обойдены офицерами генеральнаго штаба; переводы же изъ генеральнаго штаба въ гвардейскій генеральный штабъ дѣлались не иначе, какъ на вакансіи и съ пониженіемъ чина. Такимъ образомъ, новымъ положеніемъ о чинопроизводствѣ совершенно отмѣнялся прежній порядокъ, основанный на обычаѣ, который получилъ на практикѣ силу закона и по которому производство въ оберъ-офицерскихъ чинахъ по генеральному штабу совершалось черезъ три года.

Оберъ-офицеры корпуса топографовъ состояли въ одномъ спискѣ съ офицерами генеральнаго штаба и должны были сохранять общее съ ними производство по старшинству [1]).

Топографы нижняго званія, вмѣсто прежнихъ двухъ классовъ, дѣлились по своимъ познаніямъ на три класса.

Топографы 1-го класса полагались только въ ротѣ военно-топографическаго депо, такъ какъ при арміяхъ и при съемкахъ не имѣлось «способовъ для преподаванія наукъ, требуемыхъ отъ топографа 1-го класса».

Топографы 1-го класса, прослужившіе безпорочно въ унтеръ-офицерскомъ званіи 8—10 лѣтъ, производились въ прапорщики корпуса топографовъ не иначе, какъ по экзамену, по пробытіи не менѣе одного года въ школѣ топографовъ, на основаніи ранѣе существовавшихъ за-

---

[1]) Въ этомъ также выражалось отношеніе къ генеральному штабу графа Чернышева, указанное выше (см. выноску 3 на стр. 194).

коноположеній [1]) и въ томъ лишь случаѣ, если въ корпусѣ имѣлась вакансія; если же таковой не было, то, дабы не лишиться предоставленнаго ему преимущества въ чинѣ, топографъ, удовлетворяющій указаннымъ условіямъ, производился въ подпоручики въ одинъ изъ армейскихъ полковъ [2]).

Топографъ 2-го класса, выслужившій, при отличномъ поведеніи, въ унтеръ-офицерскомъ званіи безпорочно 12 лѣтъ, но не имѣвшій достаточныхъ познаній для поступленія въ корпусъ топографовъ и не могущій выдержать положеннаго по всѣмъ предметамъ экзамена, производился въ прапорщики въ армейскій полкъ [3]).

Примѣненіе къ жизни штата 1832 года. Дополненія и измѣненія.

Для оцѣнки штата 1832 года необходимо разсмотрѣть, какъ онъ примѣнялся къ жизни генеральнаго штаба и насколько онъ подвергался впослѣдствіи дополненіямъ и измѣненіямъ, имѣя въ виду, что преобразованіе генеральнаго штаба и точное опредѣленіе его мѣста въ средѣ военнаго вѣдомства было довершено при вр. и. д. генералъ-квартирмейстера генералъ-лейтенантѣ Шубертѣ [4]).

Установленіе штата для генеральнаго штаба имѣло цѣлью вос-

---

[1]) См. Высочайше утвержденное въ 28-й день января 1822 года положеніе о корпусѣ топографовъ. С. В. М., Г. Ш., IV, 1, 2, 1, стр. 400—403.

[2]) Если бы во время войны или при исполненіи какого-либо порученія, топографъ за отличіе былъ удостоенъ производства въ офицеры, то онъ производился въ прапорщики въ армейскій полкъ.

[3]) Топографъ 2-го класса, прослужившій, при отличномъ поведеніи, въ унтеръ-офицерскомъ званіи 8 лѣтъ, но не имѣвшій достаточныхъ познаній для поступленія въ первый классъ, переводился соотвѣтствующимъ званіемъ и съ своимъ старшинствомъ, смотря по способностямъ, въ артиллерію, въ саперы, или въ армейскіе полки, или же въ писаря главнаго штаба Его Величества.

Топографы 3-го класса не могли быть унтеръ-офицерами.

Топографъ 3-го класса, достигшій, при отличномъ поведеніи, 24-хъ лѣтняго возраста, но не имѣвшій, при всемъ прилежаніи, довольно умственныхъ способностей, чтобы поступить въ топографы 2-го класса, въ уваженіе хорошаго поведенія и прилежанія, производился въ унтеръ-офицеры и вмѣстѣ съ тѣмъ переводился соотвѣтствующимъ званіемъ, смотря по своимъ способностямъ, въ артиллерію, или въ саперы, или въ армейскіе полки, или въ писаря главнаго штаба Его Величества.

Наконецъ, топографы 2-го класса, состоявшіе при 4-мъ отдѣленіи депо (въ числѣ 60), по прослуженіи въ унтеръ-офицерскомъ званіи 10—12 лѣтъ, при отличномъ поведеніи и хорошихъ успѣхахъ въ соотвѣтственныхъ искусствахъ, производились въ 14-й классъ, въ граверы военно-топографическаго депо.

[4]) См. выше, стр. 184 и 185.

препятствовать тому, чтобы этотъ штабъ расплывался внѣ своей прямой спеціальности, и способствовать тому, чтобы онъ былъ связанъ съ нею какъ можно ближе и тѣснѣе. При составленіи штата возникли даже затрудненія по вопросу о томъ, на сколько необходи ы особые генералы для порученій и командировокъ при военномъ министрѣ и при генералъ-квартирмейстерѣ, и особая категорія этихъ чиновъ была установлена лишь благодаря особому ходатайству генералъ-адъютанта Нейдгардта. Вслѣдствіе той же основной идеи, принятой при составленіи штата 1832 года, строжайше подтверждалось, чтобы штабъ и оберъ-офицеры генеральнаго штаба отнюдь не были переводимы въ другія вѣдомства [1]); одно время даже признавалось, что офицерамъ генеральнаго штаба неумѣстно заниматься преподаваніемъ наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, «такъ какъ это болѣе или менѣе отвлекаетъ ихъ отъ предмета настоящихъ ихъ обязанностей, въ прямомъ смыслѣ къ генеральному штабу относящихся» [2]). Не только изъ офицеровъ генеральнаго штаба, но даже изъ прикомандированныхъ къ этому штабу воспрещалось брать къ кому-либо въ адъютанты [3]).

Такимъ образомъ, генеральный штабъ былъ поставленъ въ совершенно замкнутое положеніе, изъ котораго единственный возможный выходъ, безъ оставленія службы, представлялся для полковниковъ генеральнаго штаба, поставленныхъ въ одну линію съ полковниками пѣхоты. Но здѣсь встрѣчалось затрудненіе: собственно по генеральному штабу было весьма немного мѣстъ, которыя могли бы быть открыты для этихъ полковниковъ; переходъ же въ другой родъ службы или оружія требовалъ новой подготовки въ образцовыхъ войскахъ.

Прикомандированіе къ образцовымъ войскамъ.

Правомъ на прикомандированіе къ образцовымъ войскамъ ранѣе другихъ воспользовались: а) оставшійся за штатомъ помощникъ директора корпуса топографовъ, полковникъ Федоръ Андреевичъ

---

[1]) 22 П. С. З., XIII, 1838 г., № 10966.

[2]) Отношеніе военнаго министра къ главному начальнику пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго полка отъ 7-го марта 1836 г. за № 595. (Архивъ Генер. штаба) А. Г. Ш. 1838 г. дѣло № 506. Ссылка Н. П. Глиноецкаго, II, 279.

[3]) Точнѣе требовалось входить въ сношеніе съ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Величества. 2 П. С. З., VII, № 5828.

Шраммъ 1-й и б) оберъ-квартирмейстеръ военныхъ поселеній, полковникъ Морицъ Августовичъ Коцебу 1-й.

Полковникъ Шраммъ 1-й [1]) послѣ года, проведеннаго въ образцовомъ пѣхотномъ полку, былъ назначенъ командующимъ бригадою, а затѣмъ, послѣ испытанія, утвержденъ въ этой должности въ 1834 году съ производствомъ въ генералъ-маіоры.

Полковникъ Коцебу 1-й [2]), также послѣ года прикомандированія къ тому же полку, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ пѣхотной бригады.

Эти два примѣра, повидимому, произвели на полковниковъ генеральнаго штаба неблагопріятное впечатлѣніе, главнымъ образомъ, быть можетъ, потому, что по окладу столовыхъ денегъ (2000 руб. ассигн.) должность оберъ-квартирмейстера была приравнена къ должности бригаднаго командира и такимъ образомъ годичное прикомандированіе къ образцовымъ войскамъ доставляло лишь чинъ генералъ-маіора, не открывая однако дороги къ назначенію на должность начальника корпуснаго штаба, которую генеральный штабъ привыкъ считать своею и на которую между тѣмъ начали назначать лицъ, въ генеральномъ штабѣ не служившихъ. Неудивительно, что на первыхъ порахъ послѣ изданія штата 1832 года, кромѣ двухъ названныхъ полковниковъ, никто къ образцовымъ войскамъ не прикомандировывался, и только съ 1836 года явились вновь желающіе подвергнуться этому испытанію, но съ разсчетомъ не на производство въ генералъ-маіоры, а на полученіе полка; въ виду этого прикомандировывались по преимуществу только что произведенные полковники и даже подполковники.

Всего за время съ 1832 до 1853 года къ образцовымъ войскамъ были прикомандированы 1 генералъ-маіоръ и 41 штабъ-офицеръ

---

[1]) Поступилъ въ свиту по квартирмейстерской части въ 1813 г. подпоручикомъ изъ 20-го егерскаго полка; участвовалъ въ войнахъ 1813 и 1814 г.г.; былъ всегда на отличномъ счету; въ 1823 г. произведенъ въ полковники.

[2]) Поступилъ въ свиту по квартирмейстерской части изъ 1-го кадетскаго корпуса въ 1806 г.; былъ въ плѣну съ 1812 г. до 1814 г.; въ чинѣ подполковника исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера кавказскаго корпуса; въ 1823 г. полковникъ; на Кавказѣ до 1828 г., когда былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ военныхъ поселеній и резервныхъ войскъ. См. выше, стр. 69.

генеральнаго штаба [1]), изъ которыхъ только десять получили полки [2]).

Назначенія на должность начальника корпуснаго штаба.

На должность начальника корпуснаго штаба, до сороковыхъ годовъ, были назначены только двое: въ 1837 г. — полковникъ П. Я. Коцебу 2-й [3])—и. д. должность начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и въ 1838 г.—генералъ-маіоръ баронъ Ховенъ—начальникомъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса. Только въ 1843 году, по ходатайству генерала Берга, были объявлены особыя условія, при которыхъ офицеръ генеральнаго штаба могъ надѣяться быть назначеннымъ на эту должность: въ силу правилъ, Высочайше утвержденныхъ 12 ноября того года, было установлено постоянное командированіе по четыре изъ старшихъ по службѣ и способнѣйшихъ

---

[1]) Кромѣ полковниковъ Шрамма и Коцебу: въ 1836 г.—подполковникъ Веригинъ; 1837 г.—генералъ-маіоръ баронъ Ховенъ, полковники Богаевскій и Мартинау; 1838 г.—полковники Петровъ, Скалонъ 1-й и Горскій; 1839 г.—полковникъ Дайнезе и подполковники Похитоновъ и Форстенъ; 1841 г.—полковники Озерскій и Ковалевскій; 1843 г.—полковники Бломъ, Левшинъ, Новицкій, Шульцъ и Яковлевъ; 1844 г.—полковникъ Прибытковъ; 1846 г.—полковникъ Бруннеръ и подполковникъ Вранкенъ; 1848 г. полковники Чириковъ, Бибиковъ и Кайгеръ; 1849 г.—полковники Гросманъ, Тетеревниковъ, Гродскій, фонъ Цеймернъ и Веревкинъ; 1850 г.—полковники Мильковскій, Дараганъ, Гангартъ, Райзеръ, Марковичъ и Натъ; 1851 г.—Печковскій и Марксъ; 1852 г.— полковники Мицевичъ, Кузминскій и Веймарнъ 2-й (Петръ Владиміровичъ); 1853 г. — полковники Дуброво и Ульрихъ.

[2]) Въ 1836 г.—подполковникъ А. И. Веригинъ — Люблинскій пѣхотный; полковники: 1837 г.—К. А. Мартинау—Невскій морской; 1839 г.—Н. А. Скалонъ—Бѣлостокскій пѣхотный; 1842 г.—М. К. Ковалевскій—Невскій морской и В. Г. Богаевскій — Модлинскій пѣхотный; 1846 г.—Г. В. Новицкій—Ставропольскій егерскій; 1847 г. — подполковникъ А. К. Вранкенъ—Пражскій пѣхотный; полковники: 1848 г. — А. О. Бруннеръ—Брестскій пѣхотный; 1849 г.—Д. С. Бибиковъ—Охотскій егерскій; 1850 г.—А. Н. Веревкинъ — Тенгинскій пѣхотный; 1851 г. — Н. О. Печковскій—Сѣвскій пѣхотный; 1852 г.—А. П. Кузминскій—гусарскій Е. В. королевы Виртембергской. Кромѣ того обратились въ 1850 г. въ строй изъ образцовыхъ войскъ полковники: Гросманъ — въ Новороссійскій драгунскій полкъ и М. И. Дараганъ—въ Минскій пѣхотный полкъ (въ 1852—1857 г.г. командовалъ Замосцскимъ егерскимъ полкомъ). Сверхъ того, въ это же царствованіе были назначены изъ генеральнаго штаба командирами полковъ полковники: въ 1835 г. — А. К. Ушаковъ — Галицкаго егерскаго; 1840 г. — Р. К. Фрейтагъ — Куринскаго пѣхотнаго; 1844 г. Д. В. Пассекъ—Апшеронскаго пѣхотнаго; 1845 г.—баронъ И. А. Вревскій—Навагинскаго пѣхотнаго; 1846 г. Ф. Ф. фонъ-Ридигеръ—гренадерскаго принца Фридриха Нидерландскаго.

[3]) См. выше. стр. 70, 119 и 121.

полковниковъ генеральнаго штаба къ образцовымъ войскамъ для изученія фронтовой службы и занятія впослѣдствіи должностей начальниковъ штабовъ въ войскахъ [1]). Выборъ этихъ четырехъ штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба предоставлялся генералъ-квартирмейстеру, но не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи объ ихъ практическихъ способностяхъ съ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи или съ командирами отдѣльныхъ корпусовъ, которымъ эти офицеры могли быть извѣстны; избранные представлялись черезъ военнаго министра на Высочайшее утвержденіе, послѣ чего отчислялись отъ своихъ должностей и прикомандировывались къ образцовымъ войскамъ, при чемъ поступали въ распоряженіе начальства гвардейскаго корпуса; на время прикомандированія оберъ-квартирмейстерамъ сохранялось содержаніе по прежнимъ должностямъ, а прочимъ производилось, наравнѣ съ состоявшими въ кадрахъ образцовыхъ войскъ, двойное жалованье.

Срокъ прикомандированія былъ положенъ двухлѣтній, при чемъ первый годъ полагался на ознакомленіе во всѣхъ подробностяхъ съ пѣхотною службою; прикомандированные должны были изучить: рекрутскую школу, ротное, баталіонное, линейное и егерское ученья, а также уставъ гарнизонной службы. Затѣмъ слѣдовало прикомандированіе на 6 мѣсяцевъ къ образцовому кавалерійскому полку, для узнанія особенностей кавалерійской службы; въ правилахъ заключалось слѣдующее поясненіе: «а какъ срока сего недостаточно для образованія совершеннаго кавалериста, то вниманіе командированныхъ должно быть въ особенности обращено на пріобрѣтеніе полнаго понятія: о посадкѣ кавалериста, сѣдланіи лошадей, ѣздѣ на кордѣ и въ манежѣ и на изученіе шереножнаго, эскадроннаго, полкового и линейнаго ученій и фланкерской службы». Наконецъ, названные штабъ-офицеры прикомандировывались къ образцовымъ пѣшей и конной батареямъ, на 3 мѣсяца къ каждой, чтобы ознакомиться съ организаціею артиллеріи и съ правилами орудійной стрѣльбы и батарейнаго ученья.

Начальству гвардейскаго корпуса вмѣнялось въ особую обязанность обращать постоянное вниманіе на этихъ штабъ-офицеровъ, на-

---

[1]) 2 П. С. З., XVIII, 1843 г., № 17313.

значая ихъ во время лагерныхъ сборовъ и на маневрахъ для командованія особыми отрядами и вообще на службу при войскахъ, «какъ для вящшаго ихъ усовершенствованія, такъ равно и для того, чтобы предоставить имъ удобнѣйшій случаи выказать свои успѣхи и способности въ практическомъ ихъ примѣненіи».

Окончившіе съ успѣхомъ прикомандированіе и получившіе удостовѣреніе въ томъ отъ гвардейскаго начальства, могли быть назначаемы начальниками штабовъ, если имѣлись вакансіи, а въ противномъ случаѣ вносились въ списокъ кандидатовъ на эти должности и прикомандировывались еще къ штабу гвардейскаго корпуса, «дабы подъ руководствомъ начальника штаба этого корпуса имѣть случай ознакомиться съ ходомъ дѣлъ въ корпусныхъ штабахъ». Въ случаѣ производства ихъ въ это время въ генералъ-маіоры, они могли быть назначены бригадными командирами, оставаясь все-таки въ спискѣ кандидатовъ на должность начальника корпуснаго штаба. На обязанность генералъ-квартирмейстера возлагалось, чтобы постоянно въ этомъ спискѣ находилось четыре кандидата изъ генеральнаго штаба, подготовленные вышеозначеннымъ порядкомъ.

Изъ такихъ кандидатовъ были назначены начальниками штабовъ въ корпуса: П. И. Прибытковъ—въ 3-й резервный кавалерійскій (1844—1846), а затѣмъ въ отдѣльный Оренбургскій (1846—1848); О. Г. Бломъ—въ 3-й резервный кавалерійскій (1846—1850); И. А. Яковлевъ—въ отдѣльный Сибирскій (1848—1856) и Н. К. Тетеревниковъ — въ 3-й пѣхотный корпусъ (1851—1854). Всѣ они и ранѣе, и послѣ того считались прекрасно знающими свое дѣло и съ отличіемъ служили въ турецкую, польскую и венгерскую кампаніи.

Впослѣдствіи правила 1843 года были признаны недостаточными для надлежащей подготовки штабъ-офицера генеральнаго штаба къ должности начальника корпуснаго штаба. Въ 1852 году было объявлено, что такъ какъ не имѣется возможности при образцовыхъ войскахъ ознакомиться со всѣми подробностями внутренняго устройства и хозяйства войскъ, то до назначенія начальниками штабовъ опредѣлять: генералъ-маіоровъ бригадными, а полковниковъ — полковыми командирами на два года, и только послѣ того уже назначать ихъ начальниками штабовъ, а если нѣтъ вакансіи, то генералъ-маіоровъ

назначать состоять при корпусахъ, а полковниковъ въ полки подъ начальство старшихъ полковниковъ или генералъ-маіоровъ [1]).

Такимъ образомъ, штабъ-офицеру генеральнаго штаба для того, чтобы только попасть въ кандидаты на должность начальника штаба, надо было пробыть въ образцовыхъ войскахъ два года и сверхъ того въ должности бригаднаго или полкового командира два года, между тѣмъ какъ въ то же самое время служба въ строю, особенно въ гвардіи, давала возможность получить то же званіе безъ всякихъ испытаній.

Офицерамъ генеральнаго штаба того времени могло казаться особенно тягостнымъ то обстоятельство, что рядомъ съ столь большими затрудненіями для однихъ, другіе ихъ товарищи, благодаря счастію или случаю, обходили эти затрудненія. Изъ того же генеральнаго штаба нѣкоторыя лица были назначены начальниками штабовъ и на соотвѣтственныя должности безъ прикомандированія къ образцовымъ войскамъ и вообще безъ всякаго испытанія: генералъ-маіоръ А. А. Жемчужниковъ—Оренбургскаго корпуса (1841—1846), генералъ-маіоръ П. А. Тучковъ—гренадерскаго (1836—1840), генералъ-маіоръ баронъ И. А. Зальца—4-го пѣхотнаго (1843—1847), флигель-адъютантъ полковникъ И. Ф. Веймарнъ—гренадерскаго (1840—1842), а затѣмъ гвардейскаго (1842—1846), флигель-адъютантъ полковникъ А. С. Траскинъ—кавказской линіи (1838—1846) и генералъ-маіоръ Е. С. Герасимовъ—и. д. генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи (1846—1849), а затѣмъ начальникомъ штаба кавказской милиціи (1849—1852).

Назначенія на должности внѣ строя и штабовъ.

При такихъ условіяхъ, штабъ-офицеры генеральнаго штаба, естественно старались получить такія мѣста, на которыхъ они могли бы, не выходя изъ своего рода службы, оставаться даже въ генеральскихъ чинахъ при хорошемъ матеріальномъ обезпеченіи, какъ напр., должности по разнымъ размежеваніямъ казенныхъ земель; и дѣйствительно на эти должности, въ царствованіе Императора Николая I, было больше назначеній, чѣмъ къ войскамъ [2]).

---

[1]) Пр. Г. Ш. 25 ноября 1852 г. № 425.

[2]) Особенно во время управленія генеральнымъ штабомъ генерала Шуберта. Такъ только въ 1837 и 1838 г.г. были назначены начальниками межевыхъ съемокъ (по министерству государственныхъ имуществъ) 11

Некомплектъ въ генеральномъ штабѣ и его послѣдствія.

При установленіи штата 1832 года, некомплектъ въ генеральномъ штабѣ былъ очень великъ, а потому въ началѣ штатъ этотъ оказалъ даже благопріятное вліяніе на чинопроизводство; но уже къ 1-му января 1834 г. штабъ-офицерскіе чины были въ комплектѣ, а число капитановъ и штабсъ-капитановъ было столь незначительно, что ими невозможно было замѣстить всѣ штатныя должности, положенныя въ этихъ чинахъ. Вслѣдствіе этого многія дивизіи оставались безъ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ и въ 1834 году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, впредь до совершеннаго комплекта оберъ-офицеровъ, назначать на эти должности подполковниковъ [1]), а въ 1839 году это разрѣшеніе было распространено и на полковниковъ [2]). Съ начала сороковыхъ годовъ, корпусные оберъ-квартирмейстеры, пробывъ въ полковничьемъ чинѣ 10—12 лѣтъ, производились въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ своихъ должностяхъ [3]).

Такія отступленія отъ штата, независимо отъ неблагопріятнаго вліянія на ходъ чинопроизводства, естественно отражались весьма вредно и на службѣ генеральнаго штаба.

Положеніе генеральнаго штаба.

«Въ военной службѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой карьерѣ, важное значеніе имѣетъ возбужденіе и поддержаніе личнаго самолюбія каждаго изъ служащихъ; могущественнымъ рычагомъ къ тому служатъ чины и не только потому, что съ каждымъ изъ нихъ связано увеличеніе содержанія, но еще болѣе вслѣдствіе расширенія круга занятій, власти и значенія. Офицеру же генеральнаго штаба приходилось оставаться на одной и той же должности дивизіоннаго квартирмейстера съ штабсъ-капитанскаго чина до полковничьяго

полковниковъ генеральнаго штаба, а всего съ 1834 до 1843 года, такихъ назначеній было 17, тогда какъ въ управленіе генерала Берга только 6; между тѣмъ командирами полковъ изъ генеральнаго штаба были назначены при генералѣ Шубертѣ 7, а при генералѣ Бергѣ 10 полковниковъ.

[1]) Пр. Г. Ш. 15 ноября 1834 г. № 294.

[2]) 2 П. С. З., XIV, 1839 г. № 12754.

[3]) Такъ оберъ-квартирмейстеръ 6-го пѣх. корпуса, полковникъ Носковъ, произведенный въ генералъ-маіоры въ 1843 г., оставался въ этой должности до 1849 г., когда былъ назначенъ 2-мъ комендантомъ въ Севастополь, съ зачисленіемъ по арміи; полковникъ Руге, произведенный въ генералъ-маіоры также въ 1843 г., оставался оберъ-квартирмейстеромъ 1-го пѣх. корпуса еще 4 года; полковникъ Озерскій произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1840 г., оставаясь въ должности оберъ-квартирмейстера Сибирскаго корпуса.

включительно, на оберъ-квартирмейстерской съ подполковничьяго до генеральскаго. Если принять во вниманіе, что кругъ дѣятельности на этихъ должностяхъ, особенно въ мирное время, при расположеніи войскъ на постоянныхъ квартирахъ, былъ крайне ограниченъ и незначителенъ, то станетъ понятно, что подобная неподвижность въ должностяхъ должна была весьма вредно отзываться на самыя личности офицеровъ, на ихъ характеръ, зарождая и поддерживая въ нихъ полнѣйшую апатію къ своему дѣлу, которая тѣмъ гибельнѣе была, что не предвидѣлось и возможности выйти изъ нея [1])».

Относительно въ лучшемъ положеніи находился гвардейскій генеральный штабъ, но и то потому, что, благодаря инициативѣ гвардейскаго начальства, введены были нѣкоторыя измѣненія противъ штатнаго положенія. Такъ, въ концѣ 1838 г., вслѣдствіе ходатайства командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса Великаго Князя Михаила Павловича, состоялось Высочайшее повелѣніе, дабы въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ лишь общее число офицеровъ оставалось по штатному положенію, не стѣсняясь тѣмъ, если въ каждомъ чинѣ будетъ болѣе или менѣе противъ штата; производство въ чины сохранено по общей линіи съ генеральнымъ штабомъ, но по предварительномъ всегда сношеніи съ гвардейскимъ начальствомъ и съ тѣмъ, чтобы до капитана производить за выслугу трехъ лѣтъ; капитаны должны быть по прежнему производимы въ одной линіи съ подполковниками генеральнаго штаба и съ переводомъ въ послѣдній; но если въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ откроется штабъ-офицерская вакансія, то старшій капитанъ подлежалъ производству въ полковники, хотя-бы онъ обходилъ своихъ сверстниковъ по генеральному штабу [2]).

Повелѣніе это наносило явный ущербъ чинопроизводству генеральнаго штаба. Пользуясь повышеніемъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ черезъ каждые три года, между тѣмъ, какъ въ генеральномъ штабѣ не было столь быстраго производства, офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба обгоняли своихъ сверстниковъ всего на одинъ

---

[1]) См. Глиноецкій, II, 169.
[2]) 2 П. С. З, XIII, 1838 г. № 11752.Пр. Г. Ш., 1-го декабря 1838 г. № 307.

годъ, или на два года, но затѣмъ переходили подполковниками въ генеральный штабъ, замедляя этимъ повышеніе капитановъ этого штаба.

Разрѣшеніе переходить въ строй.

Однако, гвардейское начальство на этомъ не остановилось и въ 1847 году ходатайствовало, чтобы капитаны гвардейскаго генеральнаго штаба производились въ одной линіи съ капитанами гвардейской пѣхоты и по производствѣ въ полковники были оставляемы на должностяхъ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ и старшихъ адъютантовъ; но на этотъ разъ Государь Императоръ не согласился на удовлетвореніе этого ходатайства, находя, что и «безъ того офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба имѣютъ преимущества не заслуженныя»; впрочемъ, тогда же было разрѣшено представлять одного капитана и одного подполковника сверхъ штата, а вмѣстѣ съ тѣмъ не возбранять капитанамъ гвардейскаго генеральнаго штаба и подполковникамъ генеральнаго штаба переходить во фронтъ, но не иначе, какъ въ тѣ же полки, гдѣ они служили. При этомъ въ Высочайшемъ повелѣніи было сказано, что «офицеры эти, получивъ академическое образованіе и вновь поступивъ во фронтъ, могутъ принести пользу и быть впослѣдствіи хорошими полковыми командирами и отличнѣйшими генералами» [1]).

Это поясненіе еще разъ подтверждаетъ тотъ фактъ, что Императоръ Николай I понималъ значеніе высшаго военнаго образованія вполнѣ правильно; къ сожалѣнію нельзя сказать того же о ближайшемъ исполнителѣ Его воли по отношенію къ военному вѣдомству и вообще объ окружавшей Его средѣ.

Указаннымъ разрѣшеніемъ переходить въ строй не замедлили воспользоваться многіе офицеры генеральнаго штаба [2]) и это былъ первый шагъ къ тому, чтобы открыть выходъ изъ этого рода службы, что окончательно было разрѣшено лишь въ 1852 году.

---

[1]) 2 П. С. З., XXII, 1847 г., № 21649. Глиноецкій, II, 170.

[2]) Возвратились въ свои прежніе полки: а) изъ гвардейскаго генеральнаго штаба: капитаны Арцыбашевъ 1847 г., А. К. Баумгартенъ и Н. Ф. Козляниновъ въ 1848 г., и Лермонтовъ въ 1849 г.; б) изъ генеральнаго штаба: въ 1848 г. — подполковникъ Цумифортъ; въ 1849 г.— полковникъ П. Н. Броневскій; 1850 г.—полковники Дараганъ и Гросманъ и подполковникъ флигель-адъютантъ баронъ Л. П. Николаи; въ 1851 г.— полковникъ Марковичъ и подполковникъ Срезневскій; въ 1852 г.—полковникъ баронъ Дельвигъ и въ 1853 г. —полковники М. Я. Ольшевскій и Коваленскій.

Ростъ корпуса топографовъ въ ущербъ генеральному штабу.

Къ указаннымъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ введенія штата 1832 года присоединялось еще и то, что корпусъ топографовъ, имѣвшій съ генеральнымъ штабомъ одну линію и почти одинаковый мундиръ, постоянно разростался въ своей численности, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблицы, показывающей число чиновъ этого корпуса.

	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Прикомандированныхъ офицеровъ.	Топографовъ нижняго званія.
Къ 1 апрѣля 1832 г. . .	3	47	19	347.
По штату 1832 г. полож. .	»	70	»	456.
Къ 1 января 1842 г. полож.	10	89	22	483.
Къ » » 1852 г. полож.	13	157	50	688.

Въ 1832 году всѣ штабъ-офицеры корпуса топографовъ были изъ офицеровъ генеральнаго штаба; въ 1842 г. изъ десяти таковыхъ выло семь [1]), а въ 1852 году изъ тринадцати только двое [2]) служили въ генеральномъ штабѣ, прочіе же были изъ коренныхъ офицеровъ корпуса; они много отличались отъ офицеровъ генеральнаго штаба по происхожденію и особенно по воспитанію.

Корпусъ комплектовался по преимуществу офицерами, которые не выдерживали экзамена на производство въ прапорщики корпуса и производились въ прапорщики арміи за выслугу лѣтъ или за военныя отличія на Кавказѣ, а затѣмъ, пробывъ прикомандированными къ корпусу 2—3 года, переводились въ этотъ корпусъ. Такое комплектобаніе корпуса практиковалось главнымъ образомъ во время управленія генеральнымъ штабомъ генерала Шуберта [3]).

Несмотря на допущеніе въ школу топографовъ съ 1832 года вольноопредѣляющихся изъ дворянъ, оберъ-офицерскихъ и купеческихъ дѣтей [4]), а съ 1833 года и своекоштныхъ сверхкомплектныхъ топографовъ на правахъ вольноопредѣляющихся,—происходившіе изъ

[1]) Тарасовъ, Мѣдниковъ, Бахтистовъ, Безкорниловичъ, Меркушинъ, Меланъ и Бунинъ.

[2]) Будбергъ, и Цеге-фонъ-Мантейфель.

[3]) Съ 1833 до 1843 г. включительно произведено по экзамену въ прапорщики корпуса топографовъ—38 и переведено изъ прикомандированныхъ прапорщиковъ—50, тогда какъ за время управленія генерала Берга по экзамену произведено 55 и изъ прикомандированныхъ переведено—42 человѣка.

[4]) Въ незначительномъ числѣ.

солдатскихъ дѣтей, составляли сплошную массу, въ которой терялись принадлежавшіе къ привиллегированнымъ сословіямъ [1]). Къ тому же проходившіе черезъ школу топографовъ обладали самымъ ничтожнымъ общимъ образованіемъ и очень слабою математическою подготовкою [2]).

Изъ общихъ предметовъ въ школѣ топографовъ преподавались: Законъ Божій, географія, русскій и нѣмецкій языки; преподаваніе исторіи введено лишь въ 1856 году и тогда же отмѣнено изученіе нѣмецкаго языка, которое было установлено съ цѣлью доставленія топографамъ возможности слушать лекціи въ Дерптѣ, но въ дѣйствительности не давало никакихъ ощутительныхъ результатовъ.

Математическія занятія шли еще довольно хорошо во время управленія Шуберта, который строго и зорко слѣдилъ за ними, но послѣ него и они упали; наконецъ, пала и прямая спеціальность школы, т.-е. подготовка хорошихъ съемщиковъ, особенно послѣ 1843 года; инспекторы школы вовсе не заботились о знаніи топографами съемки и черченія и не считали себя обязанными слѣдить за этимъ главнымъ отдѣломъ спеціальнаго ихъ образованія [3]).

Въ первое время существованія корпуса топографовъ, всѣ его работы, произведенныя подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ генеральнаго штаба, отличались большою правильностью и изяществомъ, такъ что служили образцами не только для другихъ частей военнаго вѣдомства, но и для тѣхъ гражданскихъ учрежденій, въ которыхъ производились съемочныя и чертежныя работы [4]) и въ которыя командировались офицеры корпуса топографовъ для обученія правильному и изящному черченію [5]). Но уже къ концу тридцатыхъ

---

[1]) Изъ 92 офицеровъ, переведенныхъ изъ арміи въ корпусъ топографовъ въ 1833—1854 г.г., дворянъ было только двое.

[2]) Въ обоихъ классахъ школы было назначено: на черченіе, каллиграфію и рисованіе — 31 и 32; на математическія науки—15 и 14; на общіе предметы—13 и 11; на военныя упражненія—4 и 4 урока.

[3]) И. К. В. Т., 205.

[4]) Министерство Императорскаго Двора, департаментъ удѣловъ, министерства: юстиціи (по межевой части), морское (по части гидрографической и съемкѣ корабельныхъ лѣсовъ) и государственныхъ имуществъ.

[5]) Въ 1842 г. при этихъ вѣдомствахъ состояло 12 офицеровъ корпуса топографовъ.

годовъ замѣчается ослабленіе черченія между офицерами корпуса, что вызвало, въ 1838 году, рѣзкій приказъ генерала Шуберта, который указывалъ, что офицеры эти не обращаютъ на черченіе должнаго вниманія и старанія, и требовалъ, чтобы всѣ начальники обращали на этотъ предметъ особое вниманіе и заставляли всѣхъ офицеровъ, отъ прапорщика до поручика включительно, чертить въ свободное отъ занятій время, а затѣмъ ежегодно, въ исходѣ декабря, доставляли эти планы въ департаментъ [1]).

Такимъ образомъ, офицеры корпуса топографовъ не имѣли ничего общаго съ офицерами генеральнаго штаба ни по своему происхожденію, ни по получаемому ими образованію, а между тѣмъ были приравниваемы и смѣшиваемы съ ними не только въ глазахъ общества, но даже и офиціально: начиная съ тридцатыхъ годовъ, въ приказахъ по военному вѣдомству встрѣчаются выраженія: «офицеры генеральнаго штаба и замѣняющіе ихъ офицеры топографы», что устанавливало какъ бы тождество между тѣми и другими, выгодное для топографовъ и невыгодное для генеральнаго штаба. На это, въ сороковыхъ годахъ, указывалъ въ своей запискѣ генералъ Сухозанетъ: «Стоитъ только прислушаться къ невыгодному мнѣнію, распространившемуся о генеральномъ штабѣ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ производятся топографическія съемки, чтобы удостовѣриться, какъ несоотвѣтствующее званію поведеніе нѣкоторыхъ офицеровъ корпуса топографовъ можетъ подрывать репутацію всего корпуса генеральнаго штаба, потому только, что однообразіе формы подводитъ всѣхъ подъ общую категорію» [2]).

Усиленіе корпуса топографовъ отразилось и на занятіяхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Съ 1837 года двѣ роты топографовъ (№№ 1 и 2) были распредѣлены между штабами дѣйствующей арміи и корпусовъ; съ этого же времени число чиновъ этого корпуса, находившихся при войскахъ, постоянно возрастало и къ 1-му января 1852 года представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

---

[1]) Пр. Г. Ш., 17 октября 1838 г., № 262.

[2]) Въ 1848 г. генералъ Сухозанетъ составилъ записку о комплектованіи Императорской военной академіи и о зависимости онаго отъ прохожденія службы въ генеральномъ штабѣ. Записка эта предназначалась для представленія военному министру. Она находится въ архивѣ академіи.

	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Состояло при войскахъ гвардіи	»	13
» » штабѣ дѣйствующей арміи.	2	19.
» » гренадерскомъ, пѣх. и кав. корпусахъ.	1	47.
» » отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ. . .	17	Рота № 3.
» » » Оренбургскомъ » . . .	12	Рота № 4.
» » » Сибирскомъ » . . .	8	
Всего . .	40	

При наличности столь значительнаго числа чиновъ корпуса топографовъ, на нихъ и возлагались всѣ съемочныя и чертежныя работы, которыя прежде выполнялись офицерами генеральнаго штаба. Отмѣчая это, Н. П. Глиноецкій заключаетъ, что вслѣдствіе этого офицеры генеральнаго штаба «все болѣе и болѣе отвыкали отъ подобныхъ работъ, теряли практику въ оцѣнкѣ и осмотрѣ мѣстности и дѣлались неспособными къ тому, чтобы быть потомъ руководителями съемочныхъ и картографическихъ занятій» [1]).

Конечно, офицеры генеральнаго штаба не должны «терять практику въ оцѣнкѣ и осмотрѣ мѣстности», но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они должны были исполнять всѣ тѣ работы, кои могутъ быть выполнены топографами; они должны имѣть надлежащую практику въ производствѣ рекогносцировокъ и т. п. работъ тактическаго и стратегическаго характера, но занимать ихъ съемками такъ, какъ топографовъ, не слѣдуетъ; они должны, однако, знать это дѣло настолько, чтобы умѣть руководить работами топографовъ и производить повѣрку этихъ работъ. Съ этой точки зрѣнія можно сожалѣть объ ослабленіи соотвѣтственной подготовки офицеровъ генеральнаго штаба, но, въ то же время, должно признать, что указанная мѣра имѣла и свою положительную сторону, сводившуюся къ освобожденію генеральнаго штаба отъ обязанности производить работы, не требовавшія такой подготовки, какая давалась академіею, а лишь такой, которую получали въ своей школѣ топографы.

ОЦѢНКА ШТАТА 1832 ГОДА.

Въ общемъ штатъ 1832 года уронилъ прежнее значеніе генеральнаго штаба, не создалъ прочнаго положенія этого корпуса, оста-

1) Глиноецкій, II, 174 и 175.

вилъ существованіе гвардейскаго генеральнаго штаба (преимущества котораго позднѣйшими законоположеніями были еще усилены), оказалъ неблагопріятное вліяніе на чинопроизводство въ генеральномъ штабѣ вообще и не установилъ никакого выхода изъ этого рода службы (который открывали себѣ лишь немногіе, да и тѣ съ большимъ трудомъ).

Тѣмъ не менѣе, штатъ 1832 года просуществовалъ болѣе 30 лѣтъ, подвергаясь лишь частнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ.

Измѣненія въ устройствѣ генеральнаго штаба вслѣдствіе переработки учрежденія военнаго министерства въ 1836 году.

Наиболѣе крупныя измѣненія явились слѣдствіемъ переработки «учрежденія военнаго министерства». Новый проектъ этого учрежденія былъ Высочайше утвержденъ 29-го марта 1836 года [1]).

Права и обязанности военнаго министерства и разныхъ его чиновъ опредѣлены въ наказѣ, составляющемъ вторую часть Высочайше утвержденнаго положенія о министерствѣ. Къ числу «высшихъ обязанностей» министерства отнесены «размѣщеніе и движеніе войскъ, или часть генеральнаго штаба во всемъ ея пространствѣ» [2]); главная обязанность министерства «по снабженію войскъ офицерами генеральнаго штаба, заключается въ томъ, чтобы войска имѣли всегда достаточное число офицеровъ, совершенно приготовленныхъ къ сему высшему роду воинской службы»; по части военно-ученой министерство было обязано имѣть всегда вѣрныя, полныя и подробныя свѣдѣнія «о всѣхъ военныхъ силахъ и способахъ Россіи и о состояніи оной вообще, собственно въ военномъ отношеніи»; собирать таковыя же свѣдѣнія «о военныхъ силахъ и способахъ иностранныхъ государствъ»; содержать подробныя свѣдѣнія о направленіи и удобствахъ сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній; составлять, собирать и хранить военно-историческія свѣдѣнія и описанія и т. п.; разсматривать проекты и предположенія «относящіеся собственно до усовершенствованія военной науки»; послѣднее относилось къ совокупной обязанности какъ департамента генеральнаго штаба, такъ и военно-ученаго комитета.

Главнымъ основаніемъ дѣйствій военнаго министерства по размѣщенію и движенію войскъ и по всѣмъ вообще предметамъ части

---

[1]) 2 П. С. З., XI, 29 марта 1836 г., № 9038. С. В. М., I, 317—325.

[2]) Достаточно точнаго опредѣленія этого «пространства» въ наказѣ нѣтъ.

генеральнаго штаба должны служить точные и подробные планы и карты, а для составленія тѣхъ и другихъ министерство должно производить, по мѣрѣ надобности и возможности, военныя обозрѣнія, съемки и рекогносцировки; производство же этихъ работъ должно возлагаться на офицеровъ генеральнаго штаба при содѣйствіи корпуса топографовъ [1]).

Въ числѣ составныхъ частей военнаго министерства по «учрежденію» 1836 года находились: главный штабъ Его Императорскаго Величества и «департаментъ генеральнаго штаба»; во главѣ послѣдняго былъ поставленъ генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Императорскаго Величества.

Главный штабъ Его Императорскаго Величества по учрежденію 1836 года.

По тому же учрежденію составъ главнаго штаба Его Величества былъ измѣненъ сравнительно съ «образованіемъ военнаго министерства» 1832 года. Въ составъ его вошли: военный министръ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-инспекторъ по инженерной части, начальникъ военно-походной канцеляріи Его Величества, генералъ-квартирмейстеръ, дежурный генералъ, командующій Императорскою главною квартирою [2]), генералъ-адъютанты, генералы свиты Его Величества и флигель-адъютанты, главный инспекторъ медицинской части по арміи, комендантъ главной квартиры, генералъ-вагенмейстеръ, капитанъ надъ вожатыми [3]) и оберъ-священникъ.

Въ мирное время главный штабъ Его Величества не составлялъ никакой административной инстанціи и лишь нѣкоторые его чины управляли особыми частями. Въ указанномъ составѣ главный штабъ этотъ могъ дѣйствовать только въ военное время, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, при чемъ каждый разъ должны были быть опредѣляемы, какъ кругъ его дѣятельности, такъ и права и обязанности чиновъ, его составляющихъ.

Департаментъ генеральнаго штаба.

Департаментамъ военнаго министерства, вслѣдствіе различія сущности дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію этого министерства, было дано различное устройство. Бывшая канцелярія генералъ-квартирмейстера

[1]) §§ 414—422 наказа. Глиноецкій, II, 178—179.
[2]) Должности этой въ положеніи 1815 года не было.
[3]) Назначался въ случаѣ присутствія Государя Императора при дѣйствующей арміи.

была переименована въ департаментъ генеральнаго штаба[1]), при чемъ, вмѣсто прежнихъ шести отдѣленій, образовано три отдѣленія, съ особою канцеляріею и архивомъ. Къ вѣдѣнію департамента отнесено все касающееся общаго расположенія, расквартированія, передвиженія и дѣйствія военно-сухопутныхъ силъ Имперіи, а также управленіе «вспомогательными способами генеральнаго штаба»: Императорскою военною академіею, военно-топографическимъ депо и всѣми вообще геодезическими работами.

Генералъ-квартирмейстеръ завѣдывалъ чинами генеральнаго штаба и корпуса топографовъ, а также всѣми геодезическими работами въ Имперіи; онъ былъ обязанъ представлять военному министру свои предположенія о съемкахъ и наблюдать, чтобы снимались тѣ губерніи, которыя по важности своей въ военномъ отношеніи должны были быть сняты прежде другихъ.

Генералъ-квартирмейстеръ не назывался директоромъ, подобно начальникамъ другихъ департаментовъ [2]), но имѣлъ ближайшимъ помощникомъ вице-директора департамента, который завѣдывалъ письменною частью и распредѣленіемъ дѣлъ по отдѣленіямъ и замѣщалъ генералъ-квартирмейстера, въ случаѣ выбытія его изъ столицы съ Императорскою главною квартирою.

При открытіи департамента, вице-директоромъ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Ренненкампфъ 1-й [3]), который, въ апрѣлѣ 1837 года, былъ замѣненъ генералъ-маіоромъ Ризенкампфомъ 1-мъ [4]).

Отдѣленія департамента завѣдывали: 1-е (бывшія 2-е и 4-е)—

---

[1]) И прежде канцелярію генералъ-квартирмейстера называли не оффиціально «департаментомъ».

[2]) Во главѣ инспекторскаго департамента стоялъ также не директоръ, но дежурный генералъ главнаго штаба Его Величества.

[3]) Карлъ Павловичъ Ренненкампфъ; въ свитѣ по квартирмейстерской части съ 1808 г. (колонновожатымъ); въ 1809 г. подпоручикъ; за Бауценъ поручикъ; за Кацбахъ штабсъ-капитанъ; за Парижъ капитанъ; въ турецкую и польскую кампаніи оберъ-квартирмейстеръ 2-го пѣх. корпуса; за штурмъ Варшавы генералъ-маіоръ; въ 1832 г. директоръ Московскаго кадетскаго корпуса; въ 1834 г. вице-директоръ военной академіи. Ист. Ник. Ак. Г. Шт., 191 и т. д. Умеръ въ 1848 г. Сб. И. Р. И. О. LXII, 209.

[4]) Егоръ Евстафьевичъ Ризенкампфъ (1797+1871). Тамъ-же, 212 и Глиноецкій, II, 176.

размѣщеніемъ и движеніемъ войскъ; 2-е (бывшее 3-е, военно ученое)—военно-историческими, топографическими и военно-статистическими работами; 3-е (бывшія 5-е и 6-е)—заключало въ себѣ части бухгалтерскую и контрольную. Казначейская часть и бывшее 1-е отдѣленіе (инспекторское), отошли въ вѣдѣніе канцеляріи департамента, которая, имѣя особаго правителя, состояла изъ двухъ столовъ и особой казначейской части; столы были: 1-й, инспекторскій, къ которому были отнесены и дѣла по корпусу топографовъ, и 2-й, регистратуры и разныхъ общихъ дѣлъ, неподвѣдомственныхъ отдѣленіямъ.

Къ вѣдѣнію 1-го отдѣленія отнесенъ сборъ подробныхъ свѣдѣній о мѣстныхъ удобствахъ разныхъ частей государства для квартированія разныхъ родовъ войскъ и содержаніе этихъ свѣдѣній въ порядкѣ, т.-е. часть военно-статистическая, насколько она относилась къ расквартированію войскъ.

Въ кругъ дѣятельности 2-го, военно-ученаго отдѣленія было введено завѣдываніе «занятіями офицеровъ въ высшемъ отношеніи по прямой обязанности службы генеральнаго штаба» и «соображеніями объ оборонѣ и безопасности границъ Имперіи, въ общемъ и высшемъ отношеніи». По этому вопросу исторіографъ генеральнаго штаба говоритъ: «Нельзя не замѣтить, что туманное выраженіе въ высшемъ отношеніи очень часто встрѣчается въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ примѣненіи къ генеральному штабу; это какъ-бы модное выраженіе въ офиціальномъ языкѣ тогдашняго военнаго министерства, выраженіе, которое, не имѣя никакого точно опредѣленнаго значенія, могло лишь внушать, что генеральный штабъ имѣетъ что-то особенное въ своихъ занятіяхъ или въ своемъ значеніи» [1]).

Конечно, необходимо было болѣе обстоятельное и достаточно точное опредѣленіе этихъ обязанностей 2-го отдѣленія департамента генеральнаго штаба, но и безъ такого ихъ опредѣленія приведенные «пункты» слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что на департаментъ генеральнаго штаба, какъ вспомогательный органъ военнаго министерства, возлагалась разработка идей военнаго министра въ отношеніи общаго направленія соотвѣтственныхъ занятій офицеровъ генеральнаго штаба и мѣропріятій по оборонѣ границъ государства [2]);

[1]) Н. П. Глиноецкій, II, 177.
[2]) Точнѣе по оборонѣ государства.

въ департаментѣ же эти обязанности возлагались на 2-е его отдѣленіе, которое должно было получать соотвѣтствующія указанія отъ генералъ-квартирмейстера. Военный министръ могъ давать по этимъ вопросамъ необходимыя указанія генералъ-квартирмейстеру, или же могъ поручить ему самостоятельную выработку соотвѣтственныхъ соображеній и мѣропріятій; онъ могъ утвердить послѣднія цѣликомъ, или же ввести въ нихъ необходимыя поправки, или, наконецъ, совершенно ихъ отвергнуть и приказать разработать вновь. Этимъ и опредѣлялись кругъ дѣятельности и степень самостоятельности генералъ-квартирмейстера и департамента генеральнаго штаба, а отсюда и военно-ученаго его отдѣленія.

При департаментѣ состояли: общій архивъ, типографія, библіотека генеральнаго штаба съ особымъ библіотекаремъ и его помощникомъ, докторъ съ фельдшеромъ и курьеры [1]).

Начальниками отдѣленій были назначены: 1-го—генеральнаго штаба капитанъ А. А. Скалонъ 3-й [2]), 2-го—полковникъ Фантонъ-де-Верраіонъ [3]) и библіотекаремъ полковникъ Андреевскій [4]).

При 1-мъ отдѣленіи назначены состоять пять офицеровъ генеральнаго штаба и одинъ корпуса топографовъ, а при 2-мъ — три офицера генеральнаго штаба и одинъ чиновникъ. Канцелярія и 3-е отдѣленіе состояли изъ однихъ классныхъ чиновниковъ [5]).

Число офицеровъ при отдѣленіяхъ, особенно при первомъ, постоянно измѣнялось и зависѣло не столько отъ усиленія работы въ отдѣленіи, сколько отъ установившагося обычая причислять всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба, прибывающихъ въ Петербургъ, именно къ этому отдѣленію [6]).

---

[1]) 2 П. С. З, XI, 29 марта 1836 г., № 9038.

[2]) Антонъ Антоновичъ Скалонъ (1806+1872). Не смѣшивать съ генералъ-маіоромъ Антономъ Антоновичемъ де-Скалономъ (1767+1812), убитымъ подъ Смоленскомъ 5 августа 1812. Въ Пр. К. Ч., 1825 г. № 188—гвард. генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Скалонъ 1-й; 1826 г. № 10—кварт. части поручикъ Скалонъ 2-й и 1826 г. № 83—подпоручикъ Скалонъ 3-й. Пр. Г. Ш., 1836 г. № 136.

[3]) Тамъ-же и см. выше, стр. 40 и 68.

[4]) Тамъ-же и Глиноецкій, II, 177.

[5]) Правителемъ канцеляріи былъ назначенъ чиновникъ 7-го класса Бѣлявскій, а 3-го отдѣленія—чиновникъ того же класса Медвѣдевъ.

[6]) Число писарей увеличено противъ прежняго на одного, при чемъ

Вмѣстѣ съ положеніемъ о военномъ министерствѣ было Высочайше утверждено новое положеніе о военно-ученомъ комитетѣ, во главѣ котораго поставленъ директоръ съ канцеляріею [1]). Назначеніе комитета — распространеніе свѣдѣній по военно-научной части и разсмотрѣніе изобрѣтеній и открытій, относящихся до военнаго дѣла. Военно-ученый комитетъ.

На комитетъ возложена обязанность издавать военный журналъ.

Соотвѣтственно главнымъ спеціальностямъ военнаго дѣла, комитетъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій: генеральнаго штаба, артиллерійскаго и инженернаго. Каждое отдѣленіе имѣло начальника и двухъ членовъ, а для производства дѣлъ — ученаго секретаря съ помощникомъ и журналистомъ. Военному комитету было предоставлено право имѣть особыхъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ, русскихъ и иностранныхъ, на правахъ, присвоенныхъ академіямъ и университетамъ [2]).

Это смѣшеніе въ одномъ учрежденіи функцій бюрократическихъ и ученыхъ едва ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ, въ особенности послѣ учрежденія военной академіи.

Военно-топографическое депо оставалось въ прежнемъ видѣ безъ измѣненія до 1841 года, когда былъ Высочайше утвержденъ новый штатъ и для этого учрежденія [3]). Военно-топографическое депо.

Подобно департаменту генеральнаго штаба, оно состояло изъ канцеляріи (бывшее 1-е письмоводительское отдѣленіе), архива и трехъ отдѣленій: 1-го—топографическаго, 2-го—гравировально-печатнаго и 3-го—механическаго; бывшее 3-е отдѣленіе (астрономическое) упразднено. При депо состояли: школа топографовъ съ ротою военно-топографическаго депо, астрономъ, хранитель инструментовъ и коммисаръ для продажи картъ и плановъ [4]). Канцеляріею завѣдывалъ правитель канцеляріи, а отдѣленіями и архивомъ ихъ начальники, попрежнему Штатъ 1841 года.

въ отдѣленія назначено: въ первое—5, во второе—4, въ третье—2 и въ канцелярію—6 писарей. Съ увеличеніемъ переписки число писарей также увеличивалось и въ 1852 г. дошло до 24.

[1]) Канцелярія состояла изъ правителя дѣлъ и его помощника.

[2]) 2 П. С. З., XI, 29 марта 1836 г., № 9041.

[3]) 2 П. С. З., XVI, 1841 г., № 14098.

[4]) Кромѣ того, 1 вахтеръ и 7 писарей.

изъ офицеровъ генеральнаго штаба или корпуса топографовъ; прочіе чины депо назначались изъ офицеровъ корпуса топографовъ [5]).

Общее число чиновъ военно-топографическаго депо по новому штату было измѣнено весьма мало, но въ немъ уменьшено штатное число офицеровъ генеральнаго штаба. На дѣлѣ, къ 1-му января 1842 года, въ должностяхъ по этому депо состояло только два офицера генеральнаго штаба, а именно: начальникъ 2-го отдѣленія и инспекторъ школы топографовъ полковникъ Гецель и и. д. начальника архива подполковникъ Искрицкій [1]).

Такое вытѣсненіе офицеровъ генеральнаго штаба изъ военно-топографическаго депо являлось слѣдствіемъ развитія корпуса топографовъ, при извѣстномъ отношеніи къ дѣлу генерала Шуберта [2]).

По штату 1841 года, оклады содержанія чиновъ депо были усилены, при чемъ жалованье для нихъ установлено по чинамъ, а не по должностямъ, т. е. такъ, какъ въ департаментѣ генеральнаго штаба [3]).

Дальнѣйшія измѣненія въ штатныхъ положеніяхъ генеральнаго штаба и корпуса топографовъ.

Кромѣ вышеуказанныхъ, послѣдовали еще и другія измѣненія въ штатныхъ положеніяхъ генеральнаго штаба, а именно:

---

[1]) При отдѣленіяхъ полагалось: при 1-мъ—3 помощника начальника отдѣленія и 15 оберъ-офицеровъ; при 2-мъ—26 печатниковъ, иллюминаторовъ, граверовъ и т. п. чиновъ; при 3-мъ—52 мастеровыхъ; при архивѣ помощникъ начальника архива и 6 переплетчиковъ и наклейщиковъ; при канцеляріи—1 помощникъ правителя канцеляріи.

Школа топографовъ оставлена безъ измѣненій; въ ротѣ военно-топографическаго депо добавленъ 1 помощникъ командира роты.

[2]) И. К. В. Т., 204. Глиноецкій, II, 179 и 180.

[3]) Всего на военно-топографическое депо назначено штатной суммы—18,151 руб. 53 коп. сер., изъ коихъ 1,428 руб. 45 коп. сер. на изданіе записокъ депо. Сверхъ того, попрежнему отпускалось изъ кабинета Его Величества 500 червонцевъ на покупку картъ и особо изъ государственнаго казначейства на школу топографовъ — 8,327 руб. 79 коп. сер., изъ коихъ на преподаваніе 2,265 руб. сер.

Одновременно съ изданіемъ новаго штата для военно-топографическаго депо, въ штатѣ департамента генеральнаго штаба упразднена должность журналиста, при чемъ его обязанности возложены на секретаря 2-го стола департаментской канцеляріи; упразднена также должность генерала для занятій по части военно-исторической, статистической и ученой, такъ какъ занятія эти перешли во 2-е отдѣленіе департамента. Вмѣстѣ съ тѣмъ исключено изъ смѣты департамента 2,960 руб. 10 коп. сер., которые по прежнимъ положеніямъ предназначались на ремонтъ и ковку лошадей, полагаемыхъ при училищѣ колонновожатыхъ. Отпускъ этой суммы былъ оставленъ послѣ уничтоженія училища въ тѣхъ видахъ, что предполагалось завести обученіе верховой ѣздѣ въ школѣ топографовъ; это предположеніе осуществлено не было.

А) Въ 1835 году былъ упраздненъ штабъ бывшей 1-й арміи [1]); число должностей по генеральному штабу сократилось, но это не повліяло на число чиновъ этого штаба въ смыслѣ его уменьшенія.

Б) Въ томъ же году была упразднена должность генералъ-квартирмейстера войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ, при чемъ при 21-й пѣхотной дивизіи оставленъ лишь одинъ дивизіонный квартирмейстеръ [2]).

В) Въ 1839 году назначенъ оберъ-квартирмейстеръ въ штабъ инспектора резервной кавалеріи [3]).

Г) Кавказскій корпусъ съ теченіемъ времени превращался въ особую армію; это отражалось и на его штабѣ: число старшихъ адъютантовъ по части генеральнаго штаба возросло въ немъ до трехъ; число офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшихъ въ распоряженіи начальника штаба и оберъ-квартирмейстера, увеличилось до десяти; въ 1848 году установлены: особый завѣдывающій чертежною, архивъ, помощникъ журналиста и переводчикъ, а на канцелярскіе расходы прибавлено 500 рублей [4]); въ 1854 году при штабѣ этого же корпуса учрежденъ военно-топографическій отдѣлъ, коему подчинены всѣ производившіяся на Кавказѣ геодезическія, топографическія, межевыя и всѣ вообще военно-ученыя занятія. Завѣдываніе отдѣломъ поручено генералъ-маіору Ходзько [5]); въ составъ же отдѣла вошли: чертежная, рота топографовъ № 3, архивъ картъ и плановъ, геодезическіе инструменты, военно-походная литографія, Тифлисская магнитная обсерваторія и всѣ подвѣдомственныя ей станціи; начальнику отдѣла подчинены и всѣ работы по тріангуляціи въ Закавказскомъ краѣ [6]).

Кавказская линія получила свой особый штабъ съ начальникомъ штаба, оберъ-квартирмейстеромъ, двумя старшими адъютантами и пятью офицерами генеральнаго штаба, состоящими для порученій [7]).

---

[1]) 2 П. С. З., 31 іюля 1835 г., № 8355. У Глиноецкаго (II, 281) справка намѣчена, но не приведена.

[2]) Пр. Г. Ш., 30 іюля 1835 г., № 209.

[3]) 2 П. С. З., XIV, 1839 г., № 12,254.

[4]) 2 П. С. З., XXIII, 1848 г., № 21,870.

[5]) Іосифъ Ивановичъ Ходзько (1802+1881). Умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

[6]) Пр. Г. Ш., 22 марта 1854 г., № 97.

[7]) 2 П. С. З., XV, 1840 г., № 13,419.

Наконецъ, составились особыя управленія Черноморскою береговою линіею и командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, въ которыхъ полагалось по одному штабъ-офицеру, завѣдывающему штабомъ, и по одному старшему адъютанту по части генеральнаго штаба. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ дополненій, при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, въ 1853 году, состояло 29 офицеровъ генеральнаго штаба, 14 офицеровъ корпуса топографовъ и 19 офицеровъ арміи, причисленныхъ къ корпусу топографовъ.

Д) Въ 1848 году въ составѣ военно-топографическаго депо было учреждено, въ видѣ опыта на два года, особое геодезическое отдѣленіе, порученное капитану корпуса топографовъ Максимову [1]); для занятій въ немъ назначенъ одинъ помощникъ, 5 офицеровъ корпуса топографовъ и генеральнаго штаба поручикъ Писаревскій, который, въ чинѣ капитана, былъ назначенъ начальникомъ фотографическаго отдѣленія, учрежденнаго по его же инціативѣ и открытаго съ 1-го января 1856 вода [2]).

Е) Въ видахъ усиленія средствъ по печатанію картъ, прибавлено, въ 1851 году, къ составу того же депо 20 граверовъ и словорѣзовъ, а для полученія денежныхъ средствъ на ихъ содержаніе сдѣланы штатныя сокращенія: въ департаментѣ генеральнаго штаба упразднено счетное отдѣленіе, а взамѣнъ его при канцеляріи того же департамента учрежденъ контрольный столъ [3]); въ военно-топографическомъ депо упразднены должности помощника правителя канцеляріи и начальника 3-го (механическаго) отдѣленія, число рабочихъ при этомъ отдѣленіи уменьшено съ 48 до 28, уменьшена на 457 рублей сумма на ремонтъ инструментовъ и на 228 рублей сумма на изданіе записокъ того же депо [4]).

Такимъ образомъ и эти измѣненія соотвѣтствовали вышеотмѣченному росту корпуса топографовъ, отчасти на счетъ генеральнаго штаба и только на Кавказѣ происходилъ ростъ и этого штаба; послѣднее объясняется чисто боевыми условіями жизни и дѣятельности нашихъ войскъ и ихъ штабовъ на этой окраинѣ.

---

[1]) 2 П. С. З., XXIII, 1848 г., № 21,898.

[2]) Пр. Г. Ш., 26 ноября 1855 г., № 495.

[3]) Изъ контролера, его помощника и бухгалтера. 2 П. С. З., № 24,691.

[4]) П. В. М. (приказъ военнаго министра) 8 апрѣля 1851 г., № 41.

На генеральный штабъ были распространены тѣ же служебныя преимущества, кои были установлены для всѣхъ вообще войскъ; въ числѣ ихъ особенно важное значеніе имѣли положенія объ отпускахъ и о содержаніи.

Положенія объ отпускахъ.

Сверхкомплектъ, оказавшійся въ нашей арміи по окончаніи польской кампаніи, побудилъ правительство установить въ 1834 году продолжительные отпуски, которые съ 1836 года были распространены и на генеральный штабъ [1]), хотя въ немъ въ то время не имѣлось штатнаго комплекта. Первоначально было разрѣшено увольнять офицеровъ генеральнаго штаба въ продолжительный отпускъ (на годъ) не болѣе какъ отъ пѣхотнаго корпуса по три, отъ кавалерійскаго по два, а отъ прочихъ по одному противъ полнаго комплекта, при чемъ увольняемымъ не было сохраняемо содержаніе, но дозволялось входить съ представленіемъ о выдачѣ единовременнаго пособія въ уваженіе особыхъ заслугъ. Въ томъ же (1836) году было установлено, чтобы офицеры, уволенные въ продолжительный отпускъ, не считались при войскахъ, но были зачисляемы: офицеры генеральнаго штаба въ число положенныхъ по штату въ распоряженіе военнаго министра и генералъ-квартирмейстера, а корпуса топографовъ — по военно-топографическому депо. Вскорѣ послѣ того, именно въ 1841 году, были объявлены правила о безсрочныхъ отпускахъ, которыя съ 1843 года распространены и на генеральный штабъ; первоначально было установлено, чтобы эти отпуски были разрѣшаемы лишь бывшимъ въ военныхъ походахъ и штабъ-офицерамъ, прослужившимъ не менѣе 15 лѣтъ; впослѣдствіи же Высочайше было повелѣно сократить эти сроки: офицерамъ до 3, а оберъ-офицерамъ до 8 лѣтъ, не требуя вовсе участія въ походахъ [2]).

Такъ какъ по положенію 1848 года увольняемые въ отпускъ шестимѣсячный и свыше, а по Высочайшему повелѣнію 1851 года увольняемые на годъ [3]) не подлежали производству по линіи, то установленіе продолжительныхъ и безсрочныхъ отпусковъ могло бы оказывать нѣкоторое вліяніе на чинопроизводство въ генеральномъ штабѣ. Однако, лишь весьма немногіе офицеры генеральнаго штаба пользова-

---

[1]) 2 П. С. З., 10 февраля 1836 г., № 8859.
[2]) Пр. В. М., 30 декабря 1842 г., № 167.
[3]) Пр. В. М., 11 января 1848 г., № 9 и 8 апрѣля 1851 г-, № 40.

лись этими отпусками [1]) и такимъ образомъ вліяніе это не было значительно; происходившіе же случаи увольненія въ отпуски имѣли значеніе лишь въ виду наличности некомплекта въ генеральномъ штабѣ.

Положенія о содержаніи.

Въ тридцатыхъ годахъ произошло весьма значительное увеличеніе всѣхъ окладовъ жалованья [1]). Генеральный штабъ, получавшій, по положенію 1816 года, жалованье по окладамъ армейскихъ кирасиръ, былъ приравненъ съ 1-го января 1835 года къ артиллеріи [2]). Затѣмъ 6-го декабря 1838 года послѣдовало общее повышеніе окладовъ жалованья всѣмъ войскамъ, а въ томъ числѣ и генеральному штабу, и наконецъ, съ 1-го января 1840 года Высочайше повелѣно начать выдачу всѣхъ окладовъ съ переводомъ на серебро [3]). Оклады гвардейскаго генеральнаго штаба были приравнены къ соотвѣтствующимъ чинамъ, т. е. капитанъ получалъ окладъ подполковничій, штабсъ-капитанъ—капитанскій и т. д.

Во все время царствованія Императора Николая I сохранены были генеральному штабу деньги на чертежные припасы, установленные въ 1816 году [4]).

---

[1]) За время съ 1855 до 1853 года въ годовыхъ отпускахъ перебывало всего 77, а въ безсрочномъ отпуску только 9 офицеровъ генеральнаго штаба; при этомъ наибольшее число увольняемыхъ падаетъ на 1851 годъ, а обыкновенно изъ года въ годъ число это не превышало 4—5 офицеровъ. Пр. Г. Ш., 1835—1853 г.г. и Глиноецкій, II, 183.

[2]) Впрочемъ, впослѣдствіи, съ переводомъ этихъ новыхъ окладовъ на серебро, и при повседневной усилившейся дороговизнѣ жизни, они оказались недостаточными.

[3]) Глиноецкій, II, 184 со ссылкою на Пр. В. М.

[4]) 2 П. С. З., XIV, 1839 г., № 12627. Измѣненіе въ окладахъ жалованья чинамъ генеральнаго штаба показаны въ слѣдующей таблицѣ:

	По положенію 1816 г.		1834 г.	1838 г.	Съ переводомъ на серебро.	
	Ассигнаціями.					
Полковникъ	1,404 р.	— к.	1,700 р.	2,000 р.	560 р.	55 к.
Подполковникъ	1,170 »	— »	1,200 »	1,500 »	419 »	25 »
Капитанъ	877 »	50 »	1,000 »	1,200 »	336 »	30 »
Штабсъ-капитанъ	760 »	50 »	900 »	1,100 »	307 »	5 »
Поручикъ	702 »	— »	800 »	1,000 »	282 »	75 »
Подпоручикъ	643 »	20 »	700 »	850 »	238 »	85 »
Прапорщикъ	585 »	— »	650 »	800 »	224 »	25 »

[5]) Деньги эти отпускались въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	По положенію 1816 г. на ассигнаціи.	Съ 1840 г. на серебро.
Генералъ-квартирмейстеру	300 р.	85 р. 80 к.
Генералъ-маіору	150 »	42 » 90 »
Полковнику	585 »	167 » 25 »
Подполковнику	75 »	21 » 45 »

Оклады столовыхъ денегъ, установленные въ 1818 году, оставались почти безъ измѣненій; въ 1840 году они были переведены на серебро [1]).

Въ видахъ усиленія содержанія офицеровъ генеральнаго штаба и корпуса топографовъ при командировкахъ, порціонныя деньги, размѣръ коихъ былъ установленъ въ 1816 году, увеличены въ 1833 году для штабъ-офицеровъ до 3-хъ и для оберъ-офицеровъ до 2-хъ рублей [2]); на серебро это составляло для первыхъ 90 и для вторыхъ 60 копѣекъ. Тогда же было опредѣлено производить порціонныя деньги съ 1-го января 1834 года отъ департамента генеральнаго штаба, возлагая отвѣтственность за вѣрность требованій на генералъ-квартирмейстеровъ арміи и оберъ-квартирмейстеровъ; деньги требовались по третямъ за прошедшее время [3]). Этотъ порядокъ требованія

[1]) По переводѣ на серебро оклады столовыхъ денегъ были слѣдующіе: начальника главнаго штаба арміи — 2.802 руб.; генералъ-квартирмейстера арміи и начальника штаба гвардейскаго корпуса (наравнѣ съ начальникомъ дивизіи)—по 1,961 руб. 40 коп.; начальниковъ штабовъ прочихъ корпусовъ—по 1,401 руб. Для оберъ-квартирмейстеровъ были установлены три оклада: для гвардейскаго корпуса — въ 1,120 р. 80 к., для гренадерскаго—въ 840 р. 60 к. и для всѣхъ прочихъ—въ 560 р. 40 к. Впрочемъ, по особымъ ходатайствамъ оклады эти нерѣдко измѣнялись, т. е. повышались для отдѣльныхъ лицъ изъ низшаго въ высшій разрядъ. Съ 1848 г. Высочайше повелѣно производить столовыя оберъ-квартирмейстерамъ наравнѣ съ полковыми командирами, т. е. по 840 р. 60 к. Тогда же окладъ столовыхъ денегъ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ (на серебро—140 р. 10 к.) былъ приравненъ къ столовымъ баталіонныхъ командировъ, т. е. увеличенъ до 280 р. 20 к. Пр. Г. Ш., 27 декабря 1847 г., № 517. Такимъ образомъ, должность дивизіоннаго квартирмейстера признана штабъ-офицерскою. Оклады для старшихъ адъютантовъ были: для штаба гвардейскаго корпуса—420 р. 30 к., въ штабѣ дѣйствующей арміи—280 руб. 20 к. и въ корпусныхъ штабахъ — 140 р. 10 к. Послѣдній былъ меньше оклада помощника старшаго адъютанта въ гвардіи, получавшаго 280 р. 20 к.

Наиболѣе значительные оклады столовыхъ (на серебро) были назначены служащимъ въ департаментѣ (хотя, впрочемъ, число получавшихъ столовыя было не велико): директору (ген.-квартирмейстеру)—жалованья 1,681 р. 20 к. и столько же столовыхъ; вице-директору — жалованье по чину и столовыхъ 1,401 р. сер.; начальникамъ отдѣленій — жалованья 980 р. 70 к, и столовыхъ 420 р. 30 к.; 9 штатнымъ офицерамъ генеральнаго штаба—жалованья по чинамъ и столовыхъ каждому по 210 р. 15 к. 2 П. С. З., XV, 1840 г., №№ 14098—14140. Н. П. Глиноецкій, II, 184—186.

[2]) П. В. В. (приказъ по военному вѣдомству), 8 января, 1833 года, № 4.

[3]) Пр. Г. Ш., 11 декабря 1833 г., № 358.

порціонныхъ ставилъ офицеровъ въ крайне трудное положеніе: истратившись въ командировкѣ, приходилось ждать цѣлую треть, а иногда и болѣе, пока представленіе дойдетъ до департамента генеральнаго штаба и пока послѣдній отпуститъ эти деньги. Въ 1834 году прибавилось новое ограниченіе, въ силу коего порціонныя не выдавались за нахожденіе при составленіи дислокаціи, на маневрахъ и при сборахъ, когда это дѣлалось въ раіонѣ расположенія войскъ, при которыхъ состоялъ офицеръ, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда командировка выходила за предѣлы этого раіона [1]).

Такое ограниченіе въ выдачѣ порціонныхъ денегъ вовсе лишало права на ихъ полученіе всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшихъ при войскахъ, которымъ только и приходилось имѣть командировки въ раіонѣ расположенія тѣхъ частей, при которыхъ они состояли.

Приниженіе генеральнаго штаба.

Въ общемъ, въ разсматриваемое время, сложились условія, при которыхъ генеральный штабъ не только былъ выведенъ на путь приниженія, но и удерживался на этомъ пути силою обстоятельствъ, отъ него не зависѣвшихъ.

Являются вопросы, на сколько это отражалось на служебной подготовкѣ и на самой службѣ генеральнаго штаба? Отвѣты на эти вопросы могутъ быть даны лишь въ дальнѣйшемъ изложеніи.

---

[1]) Пр. Г. Ш., 6 іюня 1834 г., № 171.

ГЛАВА VI.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Подготовка Генеральнаго Штаба.

Теоретическая подготовка. Вліяніе учрежденія военной академіи.

О части теоретической подготовки нашъ генеральный штабъ былъ поставленъ, въ царствованіе Императора Николая I, въ положеніе гораздо болѣе благопріятное, чѣмъ ранѣе, вслѣдствіе учрежденія военной академіи [1]); но для того, чтобы благотворное вліяніе академіи въ этомъ отношеніи могло дать себя чувствовать, необходимо было время.

Дѣятельность первыхъ директора, вице-директора и профессоровъ академіи по тактикѣ.

Трудно было найти профессоровъ или преподавателей; образцовъ не было, особенно на русскомъ языкѣ; приходилось почти всѣ курсы создавать заново, примѣняясь къ новымъ требованіямъ, которыя также не выяснились въ окончательномъ видѣ.

Несмотря на это, съ перваго же года существованія академіи, учебная часть устанавливается въ довольно опредѣленной формѣ, которую она сохранила въ главныхъ чертахъ на долгое время. Всѣмъ этимъ академія болѣе всего обязана генералу Сухозанету [2]).

---

[1]) См. выше, главу IV и И. Ак. Г. Ш., гл. I и II. Глиноецкій, II, 188.

[2]) См. выше, стр. 170, 171, 172, 173 и 174.

Первый директоръ академіи ставилъ на первый планъ поддержаніе въ средѣ молодыхъ офицеровъ «дисциплины» [1]) въ полномъ значеніи этого слова. Любимое его выраженіе было: безъ науки побѣждать возможно, но безъ дисциплины никогда». Наука въ военномъ дѣлѣ, по его мнѣнію, «не болѣе какъ пуговица къ мундиру: мундиръ безъ пуговицы нельзя надѣть, но пуговица еще не составляетъ всего мундира» [2]).

Не взирая на такое заявленіе о своемъ отношеніи къ наукѣ, генералъ Сухозанетъ заботился о ней такъ, какъ не заботились о ней же нѣкоторые другіе его современники, стоявшіе у того же дѣла: «недостаточность ученой подготовки (онъ) восполнилъ своей энергіей, природнымъ умомъ и тактомъ» [3]).

Съ самаго назначенія своего на должность директора, онъ цѣлые дни проводилъ въ совѣщаніяхъ съ лицами, избранными для преподаванія, обсуждая съ ними программы разныхъ курсовъ и методы преподаванія; съ началомъ перваго учебнаго года обязалъ всѣхъ преподавателей представлять заблаговременно не только конспекты, но и записки того, что каждый изъ нихъ предполагаетъ читать въ теченіе предстоящаго полугодія; постоянно посѣщалъ лекціи, по вечерамъ приглашалъ къ себѣ преподавателей, бесѣдовалъ съ ними, знакомился съ ихъ взглядами и методами; внося свои мнѣнія, терпѣливо выслушивалъ дѣлаемыя ему объясненія и даже возраженія.

Съ сентября 1832 года дѣятельнымъ и полезнымъ помощникомъ генерала Сухозанета въ дѣлѣ постановки академическаго преподаванія является вице-директоръ баронъ Зедделеръ, имѣвшій уже практику по учебной части по своимъ прежнимъ занятіямъ въ Могилевской офицерской школѣ; ему въ особенности обязана академія постановкою практическихъ, какъ лѣтнихъ, такъ и зимнихъ, занятій. Къ сожалѣнію, содѣйствіе барона Зедделера было не продолжительно: между директоромъ и вице-директоромъ произошли столкновенія изъ за разногласій по вопросамъ о значеніи академической конференціи, объ

---

[1]) Въ это понятіе входитъ и «субординація».

[2]) И. Ак. Г. Ш., 106, со ссылкою на «Русскій Архивъ» 1875 г. (рѣчь И. О. Сухозанета при собраніи офицеровъ 14 ноября 1846 г.).

[3]) И. Ак. Г. Ш. 39.

отношеніяхъ къ обучающимся офицерамъ и т. д.[1]). Эти столкновенія привели къ увольненію генералъ-маіора барона Зедделера не только отъ должности но и отъ службы[2]).

По первоначальнымъ программамъ академическаго курса, тактика признана предметомъ наиболѣе необходимымъ для образованія будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба, а потому на нее обращено наибольшее вниманіе.

Первый профессоръ тактики, полковникъ баронъ Медемъ[3]) составилъ первоначальную программу этого предмета, прочиталъ весь курсъ (кромѣ малой войны), далъ записки пройденнаго курса и совмѣстно съ барономъ Зедделеромъ установилъ практическія занятія.

Въ основу своего преподаванія баронъ Медемъ принялъ опредѣленіе, что тактика есть искусство образовать войска и посредствомъ оныхъ приводить въ исполненіе соображенія стратегіи, которая, въ свою очередь, есть искусство устремлять наивыгоднѣйшимъ образомъ всѣ военныя средства къ достиженію цѣли войны. Стараясь переходить отъ простыхъ понятій къ сложнымъ, онъ раздѣлилъ тактику на три части: начальную тактику чистую, начальную тактику прикладную и высшую тактику.

Успѣхъ преподаванія тактики съ перваго же года существованія академіи былъ поставленъ болѣе всего въ зависимость отъ повтореній и практическихъ занятій. Задачи просматривались профессорами, штабъ-офицерами и вице-директоромъ, которые сообщали свои замѣчанія офицерамъ, а наиболѣе поучительныя разбирались вице-директоромъ въ присутствіи всѣхъ офицеровъ соотвѣтствующаго класса академіи.

Вскорѣ баронъ Медемъ передалъ дальнѣйшее руководство преподаваніемъ тактики[4]) полковнику Веймарну[5]) и его адъюнкту,

---

[1]) Баронъ Зедделеръ старался придать конференціи преобладающее значеніе; онъ полагалъ, что уваженіе къ личности подчиненнаго, нисколько не роняя начальника, охраняетъ самолюбіе, важнѣйшій рычагъ въ военной службѣ, что мягкость обращенія можетъ быть соединяема съ строгою справедливостью и т. п. См. И. А. Г. Ш., 96—100.

[2]) Рапортъ ген. Сухозанета военному министру 28 сентября 1834 г. № 581 и Высочайшій приказъ 3 октября 1834 г.

[3]) См. выше, стр. 172.

[5]) О причинѣ см. И. Ак. Г. Ш., 42.

[4]) См. выше, стр. 173.

флигель-адъютанту, гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитану Фролову [1]).

Совѣтъ академіи призналъ курсъ барона Медема слишкомъ элементарнымъ для высшаго учебнаго заведенія и поручилъ полковнику Веймарну переработать этотъ курсъ примѣнительно къ потребностямъ академіи [2]). Полковникъ Веймарнъ переработалъ «высшую тактику» и дополнилъ его краткимъ обзоромъ исторіи военнаго искусства и особымъ отдѣломъ о «малой войнѣ». Результатомъ этой работы явился въ 1840 году курсъ «высшей тактики», напечатанный на счетъ академіи.

Увеличеніе значенія высшей тактики повело къ измѣненіямъ въ изложеніи курса, а отчасти и въ практическихъ занятіяхъ по этому предмету. Въ изложеніи было принято за правило: «для большей ясности, дѣлать заключенія гдѣ можно, по большему количеству войскъ о меньшемъ, а не всегда во всей подробности излагать все и для малаго и для большого числа войскъ; черезъ это избѣгаются многія повторенія, предметъ дѣлается не такъ многосложенъ, доступнѣе и занимательнѣе для учащихся [3])».

Въ отношеніи практическихъ занятій, отъ прежнихъ, по преимуществу изустныхъ и мелкихъ задачъ, сдѣланъ былъ переходъ къ болѣе крупнымъ, имѣвшимъ предметомъ движенія наступательныя, отступательныя и фланговыя, принимая при каждой задачѣ разстояніе въ 2—3 перехода, съ подробнымъ показаніемъ расположенія войскъ на каждомъ ночлегѣ, со всѣми мѣрами осторожности, съ проектомъ построенія войскъ для боя на случай встрѣчи съ непріятелемъ и съ объясненіемъ измѣненій, могущихъ встрѣтиться отъ дѣйствій непріятеля. Каждый офицеръ старшаго класса рѣшалъ 5 — 6 и болѣе подобныхъ большихъ задачъ. Кромѣ того рѣшались еще въ классѣ мелкія, изустныя задачи, повторялось пройденное въ теоретическомъ отдѣленіи курса и производились описанія и разборы разныхъ сраженій изъ бывшихъ войнъ.

---

1) Адъюнктъ тактики и исторіи военнаго искусства въ 1833—1840 г.г. и профессоръ этихъ же предметовъ въ 1840—1843 г.г.

2) Начальная тактика съ 1837 г. была введена въ преподаваніе военно-учебныхъ заведеній, для которыхъ баронъ Медемъ и издалъ свой курсъ чистой и прикладной тактики.

3) Отчетъ по учебной части академіи за 1839 — 1840 годъ. И. Ак. Г. Ш., 43.

Спустя нѣкоторое время, перевѣсъ, данный высшей тактикѣ, а въ особенности развитіе обширныхъ задачъ съ большимъ числомъ войскъ, гдѣ «на первый планъ выдвигались стратегическія соображенія, въ ущербъ подробностямъ военной техники», признаны были не соотвѣтствовавшими условіямъ подготовки офицеровъ для службы въ генеральномъ штабѣ, а потому найдено необходимымъ снова обратить большее вниманіе на изученіе элементарной тактики [1]). Въ этомъ новомъ направленіи и проявилась дѣятельность послѣдующихъ профессоровъ тактики, офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба, Горемыкина [2]), Вуича [3]) и Карцева [4]), послѣдовательно занимавшихъ эту кафедру съ 1843 до 1856 года [5]).

Профессора тактики: полковники Горемыкинъ и Вуичъ.

Полковникъ Горемыкинъ поставилъ себѣ задачею привести въ надлежащую систему весь курсъ преподаваемаго имъ предмета, придавъ всѣмъ частямъ его одинаково соразмѣрное развитіе и руководствуясь тѣмъ, чтобы, начавъ съ самыхъ простыхъ положеній, относящихся порознь до каждаго рода войскъ, переходить постепенно къ понятіямъ болѣе обширнымъ и сложнымъ. Оставивъ прежнее дѣленіе тактики на низшую, прикладную и высшую, онъ отнесъ: къ первой части—элементарное изслѣдованіе устройства и дѣйствій войскъ, безъ всякихъ постороннихъ соображеній; ко второй части — элементъ мѣстности и вліяніе его на боевыя соображенія и наконецъ, къ третьей—главныя идеи и высшія предначертанія къ употребленію войскъ въ значительныхъ массахъ, на обширныхъ и разнообразныхъ пространствахъ мѣстности, принимая въ соображеніе положеніе непріятеля и всѣ обстоятельства, имѣющія вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Такъ какъ при этомъ тактика получила большій противъ прежняго объемъ, то съ 1848 года изъ нея былъ исключенъ отдѣлъ объ историческомъ развитіи военнаго искусства, который былъ

---

[1]) Это служило указаніемъ на неудовлетворительность преподаванія тактики въ кадетскихъ корпусахъ.

[2]) Федоръ Ивановичъ Горемыкинъ, адъюнктъ-профессоръ въ 1840—1843 г.г. и профессоръ въ 1843—1849 г.г. Умеръ въ 1850 г.

[3]) Иванъ Васильевичъ Вуичъ, адъюнктъ-профессоръ въ 1843—1849 г.г. и профессоръ въ 1849—1850 г.г.

[4]) Александръ Петровичъ Карцевъ, и. д. адъюнктъ-профессора съ 1847 г., адъюнктъ-профессоръ въ 1849 — 1850 г.г. и профессоръ въ 1850—1856 г.г.

[5]) Всѣ они окончили курсъ академіи.

присоединенъ къ курсу военной исторіи; однако это оказалось недостаточнымъ и пришлось перенести часть курса тактики въ практическій классъ академіи.

Сообразно съ этою программою, Горемыкинъ сначала исправилъ литографированныя записки, данныя его предшественникомъ, а затѣмъ, въ 1849 году, издалъ «Руководство къ изученію тактики», единственное въ то время по своей полнотѣ и систематическому изложенію [1]).

Полковникъ Вуичъ оставилъ по себѣ память въ составленныхъ имъ и напечатанныхъ въ 1850 году для академіи запискахъ «Малой войны».

Перемѣны въ системѣ преподаванія тактики. Усиленіе уставного элемента. Сближеніе преподаванія тактики съ занятіями Красносельскаго лагеря.

Вступленіе полковника Карцева на кафедру тактики было ознаменовано новыми перемѣнами въ системѣ изложенія этого предмета.

Еще въ 1849 году былъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ занятій, имѣвшихъ цѣлью ознакомленіе офицеровъ съ строевою службою (6-рядныхъ ученій, наряда въ караулъ, прикомандированія на лѣто къ войскамъ Красносельскаго лагеря). Признано было, что эти занятія окончательно не достигаютъ цѣли, а между тѣмъ отнимаютъ много времени отъ академическихъ лекцій и съемокъ. Поэтому въ 1850 году они были отмѣнены, а вмѣсто того было положено академическихъ офицеровъ, послѣ выпуска, прикомандировывать, для узнанія строевой службы и быта войскъ, на годъ къ образцовымъ частямъ всѣхъ трехъ родовъ войскъ [2]). Предполагалось, что, пройдя въ академіи полный курсъ тактики, офицеры эти будутъ обучаться строевой службѣ съ убѣжденіемъ, что практическое ея знаніе есть необходимое дополненіе академическаго курса,—что при этомъ они лучше постигнутъ и изучатъ всѣ подробности службы, строевое образованіе и бытъ солдата, службу субалтернъ-офицера и даже внутреннюю службу и хозяйство войскъ.

При образцовыхъ войскахъ перебывали только выпуски 1850, 1851 и 1852 годовъ. Судя по оффиціальнымъ отзывамъ командировъ частей этихъ войскъ, офицеры эти въ совершенствѣ изучили все, что требовалось; но такъ какъ при каждомъ родѣ войскъ имъ прихо-

---

[1]) Удостоилось отъ Академіи Наукъ—первой Демидовской преміи.

[2]) Пр. В. В., 15 марта 1850 г., № 20.

дилось состоять не болѣе 4—5 мѣсяцевъ, а при своемъ и того менѣе, то можно сомнѣваться въ томъ, что они хорошо изучили бытъ и хозяйство войскъ; въ строевомъ же отношеніи они могли вынести изъ этого прикомандированія сравнительно очень много.

Въ 1853 году, вслѣдствіе войны, эта мѣра была пріостановлена, а затѣмъ болѣе не возобновлялась.

Съ своей стороны академическое начальство, съ отмѣною строевыхъ занятій во время пребыванія офицеровъ въ академіи, сочло необходимымъ усилить ознакомленіе со строевыми уставами въ самомъ курсѣ тактики. Уже въ академическомъ отчетѣ за 1849 годъ указано, что наши строевые уставы должны служить основаніемъ преподаванія всѣхъ отдѣловъ начальной тактики, что основною идеею изложенія этого отдѣла въ академіи служитъ «мысль, что командныя слова есть единственный для войскъ языкъ и что войско съ полною отчетливостію можетъ выполнить только то, чему оно было обучено».

Усиленію уставнаго элемента въ курсѣ тактики къ началу пятидесятыхъ годовъ не мало способствовало также и то, что въ это время за безусловный образецъ тактической подготовки войскъ стали принимать не столько боевые примѣры и теоретическіе изъ нихъ выводы, сколько дѣятельность Красносельскаго лагеря, гдѣ при всѣхъ достоинствахъ производимыхъ въ немъ занятій, на первомъ планѣ стояли по преимуществу смотровыя условія. Это новое направленіе очерчено въ академическомъ отчетѣ за 1851 годъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

«Практическое направленіе въ преподаваніи тактики основано на томъ, что военная академія должна приготовлять не столько ученыхъ, сколько способныхъ офицеровъ для службы при войскахъ; и потому эта наука идетъ рядомъ съ тактическими усовершенствованіями Красносельскаго лагеря. Таковому развитію сего предмета много содѣйствуетъ то, что профессора избираются всегда изъ офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба; служа при гвардейскомъ корпусѣ, они не по однимъ книгамъ, а на опытѣ въ полѣ видятъ и изучаютъ, какъ должно двигать войска, слѣдовательно излагаютъ этотъ предметъ съ совершеннымъ знаніемъ дѣла».

Развитіе «начальной тактики», при оставленіи въ прежнихъ раз-

мѣрахъ «высшей тактики», привело къ увеличенію объема курса этого предмета, что, въ свою очередь, не замедлило отразиться на размѣрѣ практическихъ занятій, въ которыхъ также проявились нѣкоторыя существенныя измѣненія.

Съ 1850 года, въ видахъ усиленія значенія строевыхъ уставовъ въ курсѣ тактики, введено было въ число обязательныхъ классныхъ практическихъ занятій практическаго класса по этому предмету составленіе проектовъ ученія для пѣхотной и кавалерійской дивизій съ ихъ артиллеріею. Исполненіе одной такой задачи отнимало чрезвычайно много времени, такъ какъ приходилось изображать со всею отчетливостью на бумагѣ первоначальное расположеніе войскъ, всѣ продѣланныя ими движенія и построенія и сверхъ того въ особой легендѣ выписать всѣ командныя слова, какъ старшаго, такъ и младшихъ начальниковъ, до баталіоннаго, эскадроннаго и батарейнаго командировъ включительно. Для каждаго ученія профессоръ опредѣлялъ, какую тактическую цѣль оно должно преслѣдовать, а офицеру ставилось въ обязанность выполнить при рѣшеніи задачи и всѣ смотровыя условія: чтобы показаны были построенія всѣхъ Высочайше утвержденныхъ боевыхъ порядковъ, чтобы не повторялись одни и тѣже перестроенія, чтобы всѣ части перебывали на глазахъ старшаго начальника и т. п.

Это и было главнымъ проявленіемъ усиленія уставнаго элемента въ тактикѣ и сближенія преподаванія этого предмета съ занятіями Красносельскаго лагеря.

Другимъ слѣдствіемъ подражанія въ практическихъ занятіяхъ академіи занятіямъ этого лагеря было усиленіе размѣровъ даваемыхъ офицерамъ тактическихъ задачъ, которыя вполнѣ соотвѣтствовали большимъ Красносельскимъ маневрамъ. При этомъ офицеры распоряжались не баталіонами и полками, какъ прежде, а цѣлыми корпусами; вслѣдствіе этого прежніе литографированные планы оказались недостаточными и пришлось прибѣгать къ иностраннымъ картамъ, въ масштабѣ $1^1/_2$—3 версты въ дюймѣ, а такъ какъ въ такомъ масштабѣ нельзя было наносить со всею подробностію войска, то и приходилось перечерчивать въ увеличенномъ масштабѣ ту мѣстность, на которой рѣшались задачи. Въ тоже время заведено было въ академіи разыгрываніе тактическихъ задачъ, на подобіе военной игры, на планахъ

самаго крупнаго масштаба, которые также вычерчивались обучающимися офицерами [1]).

На полевыя тактическія занятія съ жалонерами посвящалось лишь два дня, изъ которыхъ въ первый рѣшались единовременно двѣ задачи, на подобіе двухстороннихъ маневровъ, производимыхъ войсками гвардейскаго корпуса, а во второй день рѣшалась третья задача противъ мнимаго противника, подобно корпуснымъ ученьямъ; на этихъ ученіяхъ академическіе офицеры исполняли поочереди должности дивизіонныхъ квартирмейстеровъ и полковыхъ жалонерныхъ офицеровъ.

Въ ряду профессоровъ академіи выразителемъ этого направленія явился полковникъ Карцевъ, на которомъ, главнымъ образомъ и лежало (въ 1847—1856 г.г.) веденіе курса тактики, ибо помощники его оставались въ академіи недолго: въ теченіе шести лѣтъ перебывали: гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитаны Казнаковъ [2]), Кармалинъ [3]) и Зотовъ [4]) и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Бушенъ [5]).

Профессоръ тактики полковникъ Карцевъ.

А. П. Карцевъ, «какъ лекторъ въ академіи, былъ замѣчательно хорошъ. Рѣчь его, простая, сжатая, звучала глубокимъ убѣжденіемъ, а потому неотразимо дѣйствовала на слушателей, глубоко запечатлѣвая въ нихъ излагаемыя положенія и образы. Особенною картинностію отличались изображенія военно-историческихъ эпизодовъ, приводимыхъ имъ въ подкрѣпленіе тактическихъ положеній; въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, онъ изображалъ нравственную сторону дѣла и душевное настроеніе войскъ и ихъ начальниковъ. Практическія занятія, веденныя имъ въ академіи, отличались особенною поучительностію: вѣрность военнаго взгляда, мѣткость замѣчаній, высказываемыхъ хотя и рѣзко, но всегда справедливо, откровенно, никого

---

[1]) Перечерчиваніе это отнимало много времени и многими доводилось до щегольства, а въ результатѣ, каждый офицеръ, за все время пребыванія въ академіи, рѣшалъ не болѣе 2—3 задачъ. Наконецъ, и самая повѣрка задачъ теряла поучительность, такъ какъ производилась однимъ лишь профессоромъ, или его адъюнктомъ и притомъ рѣдко въ присутствіи всего класса.

[2]) Николай Геннадіевичъ Казнаковъ, выпуска 1847 года.

[3]) Николай Николаевичъ Кармалинъ, выпуска 1849 г.

[4]) Павелъ Дмитріевичъ Зотовъ, выпуска 1848 г.

[5]) Дмитрій Христіановичъ Бушенъ.

не оскорбляла, а невольно привлекала къ нему сердца учениковъ и поддерживала въ нихъ полнѣйшее уваженіе къ его добросовѣстнымъ трудамъ. Безспорно можно признать, что профессорская дѣятельность А. И. Карцева многихъ пріохотила къ военному дѣлу, къ серьезному его изученію и имѣла сильное воспитательное значеніе для цѣлаго поколѣнія военно-служащихъ» [1]).

Не взирая на столь блестящія качества, Карцевъ все же въ своей «Тактикѣ» [2]) заплатилъ дань выше указанному направленію Красносельскаго лагеря и шелъ, въ извѣстной степени, въ униссонъ съ его увлеченіями, вмѣсто того, чтобы ихъ разъяснять. Самъ онъ былъ весьма талантливый человѣкъ и на него они повлять не могли, но его ученіе какъ бы поддерживало упомянутое направленіе и даже отчасти способствовало порабощенію тактики уставомъ.

Заключеніе о дѣятельности профессоровъ тактики.

Въ общемъ, въ первые 20 лѣтъ существованія академіи, по тактикѣ было сдѣлано очень много. Почти всѣ профессора этого предмета оставили по себѣ болѣе или менѣе почетный слѣдъ въ трудахъ, изданныхъ ими, какъ непосредственно для академіи, такъ и для военно-учебныхъ заведеній вообще [3]).

Равнымъ образомъ и по другимъ военнымъ наукамъ профессора академіи произвели весьма солидныя и цѣнныя работы, а именно:

Профессора стратегіи съ военною исторіею и военною литературою: баронъ Медемъ, князь Н. С. Голицынъ 6-й и М. И. Богдановичъ.

А) По стратегіи съ военною исторіею и военною литературою—прежде другихъ баронъ Медемъ, проводившій въ курсѣ тѣ же идеи, которыя были имъ изложены въ сочиненіи: «Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ стратегіи» [4]) и выражены

---

[1]) И. Ак. Г. Ш., 50 и 51.

[2]) «Тактика». 2 тома. Спб. 1850—1852 г.г. Изданіе 2-е, 1854 г. Изданіе 3-е, 1859—1860 г.г. Сверхъ того онъ издалъ: «Военно-историч. очеркъ сѣверной войны», Спб. 1851 г.; «военно-истор. обзоръ войны 1812 г.» Спб. 1852 г.; «военно-истор. обзоръ войны 1813 г.» Спб. 1855 г. Онъ же редактировалъ «карманную справочную книжку для русскихъ офицеровъ», изд. 2-е, Спб. 1859 г. Въ качествѣ главнаго наблюдателя по преподаванію военныхъ наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, онъ вліялъ на преподаваніе въ нихъ тактики. Перечисленные его труды, кромѣ послѣдняго, и служили руководствами для этихъ заведеній.

[3]) Кромѣ вышеуказанныхъ: Н. Г. Казнаковъ. Перевелъ (съ М. И. Богдановичемъ): «Королевство Вестфальское и разрушеніе его графомъ Чернышевымъ» (Шпехта). Спб. 1852 г.

[4]) Издано въ 1836 г. и составляетъ какъ бы результатъ занятій барона Медема по этому предмету въ академіи.

въ трехъ положеніяхъ: а) постоянныя и безусловныя правила для дѣйствій существовать не могутъ; б) теорія стратегіи заключается именно въ изслѣдованіи всѣхъ стратегическихъ элементовъ и средствъ и въ оцѣнкѣ взаимнаго ихъ вліянія на военныя дѣйствія; в) такія познанія составляютъ только матеріалы для соображенія, но отнюдь не могутъ служить руководствомъ для дѣйствій.

Труды барона Медема были облегчены содѣйствіемъ его адъюнкта, позже профессора [1]), князя Николая Сергѣевича Голицына 6-го, имѣвшаго, въ свою очередь, помощникомъ Модеста Ивановича Богдановича [2]). Преемники барона Медема по кафедрѣ стремились къ созданію «полн(аго) курс(а) военной исторіи, какого не имѣетъ ни одна изъ европейскихъ литературъ и ни одно изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній» [3]). Хотя эта мысль и не была осуществлена соотвѣтственно замыслу, а только отчасти [4]), но, во всякомъ случаѣ это предпріятіе не осталось безъ вліянія на академическое преподаваніе этого предмета; оно заронило мысль о необходимости для офицера съ академическимъ образованіемъ знакомства съ походами и войнами древнихъ и новѣйшихъ временъ, что, въ свою очередь, привело къ постепенному расширенію курса военной исторіи, къ которому, съ 1848 года, была присоединена и исторія военнаго искусства, входившая прежде въ курсъ тактики.

Труды князя Н. С. Голицына [5]) и М. И. Богдановича [6]) общеизвѣстны. Если они и не дали всего того, что было намѣчено, то все же указали путь дальнѣйшимъ изслѣдователямъ того же предмета [7]).

Профессора военной географіи и военной статистики: маіоръ Языковъ и подполковники Стефанъ и Милютинъ.

Б) По военной географіи и военной статистикѣ до того времени въ нашей литературѣ образцовъ вовсе не было, а въ иностранныхъ литературахъ имѣлись лишь военныя описанія нѣко-

---

[1]) Съ 1838 до 1848 г.

[2]) Посвятилъ академіи 25 лѣтъ (съ 1838 до 1863 года).

[3]) Журналъ совѣта военной академіи 27 марта 1843 года.

[4]) Въ 1848 г. князь Голицынъ былъ уволенъ отъ службы и передалъ свой трудъ (частію переписанный набѣло, частію въ черновомъ видѣ) на храненіе въ академію, но въ 1873 г. приступилъ къ его изданію на свой счетъ. И. Ак. Г. Ш., 55.

[5]) Тамъ же, списокъ учен. и литер. трудовъ профессоровъ академіи и офицеровъ, получившихъ въ ней высшее военное образованіе, 3 и 4.

[6]) Тамъ же, 7 и 8.

[7]) Тамъ же, текстъ, 51—58.

торыхъ замѣчательныхъ театровъ войнъ и попытки (въ Германіи) создать учебники военной географіи; о военной статистикѣ въ западно-европейскихъ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ не было и помину. Приходилось выработать какъ взглядъ на эти предметы, такъ и наиболѣе соотвѣтствующій имъ методъ изложенія. Эта трудная работа была блестяще исполнена, благодаря неусыпнымъ трудамъ профессоровъ: маіора корпуса инженеровъ путей сообщенія Языкова [1]) и генеральнаго штаба подполковниковъ Стефана [2]) и Милютина [3]). Въ особенности курсъ военной статистики выработался вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго подражанія Западной Европѣ, и занялъ весьма видное мѣсто въ ряду военныхъ наукъ.

Профессоръ Языковъ издалъ въ 1837 году «Теорію военной географіи», которая, впрочемъ, не имѣла успѣха, ни въ литературѣ, ни въ академіи. По его системѣ преподаванія изученіе каждой страны состояло изъ двухъ частей—описательной и изслѣдовательной; первая часть по возможности сокращалась посредствомъ исключенія изъ нея топографическихъ подробностей, а вторая, напротивъ того, по возможности развивалась посредствомъ подкрѣпленія ея разсужденіями, основанными на историческихъ событіяхъ.

У подполковника Стефана преобладалъ въ изложеніи описательный элементъ, благодаря чему офицеры основательно знакомились не только съ географическими, но и съ топографическими данными описываемыхъ пространствъ. Къ тому же подполковникъ Стефанъ, обладавшій болѣе серьезною военною подготовкою, придавалъ въ своихъ обзорахъ большое значеніе стратегическимъ разборамъ изслѣдуемыхъ пространствъ; у него разсмотрѣніе каждаго изъ сосѣднихъ съ Россіею государствъ состояло изъ военно географическаго и военно-статистическаго его обзора, при чемъ сообщались болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о вооруженныхъ силахъ этого государства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ разсматривались и наиболѣе замѣчательные театры войны, по преимуществу ближайшіе къ Россіи. По отношенію

[1]) См. выше, стр. 172. Съ 1832 до 1843 г.

[2]) Густавъ Карловичъ Стефанъ. Съ 1834 до 1844 г.

[3]) Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, нынѣ почетный президентъ академіи, генералъ-фельдмаршалъ. Его труды см. II. Ак. Г. III., списокъ трудовъ, 9 и 10.

къ самой Россіи, въ курсъ входили только военно-географическія изслѣдованія ея пограничныхъ частей: Финляндіи, Царства Польскаго, западнаго пограничнаго пространства и Кавказа.

Такимъ образомъ, благодаря полковнику Стефану, «курсъ военной географіи, совершенно новый въ нашемъ отечествѣ, получилъ твердое основаніе и, хотя въ послѣдствіи будутъ дѣлаемы въ немъ измѣненія, по мѣрѣ усовершенствованія науки и по самому свойству предмета, но главныя основанія не измѣнятся» [1].

Подполковникъ Милютинъ, пользуясь подготовкою, сдѣланною его предмѣстникомъ, прочно установилъ систему и методъ преподаванія. Въ 1847 году онъ издалъ сочиненіе: «Первые опыты военной статистики», заключившее въ себѣ критическое изслѣдованіе значенія военной географіи и военной статистики и установившее тотъ взглядъ на эти отдѣлы военной науки, который съ того времени принятъ повсемѣстно. Исходя изъ той основной мысли, что для вѣрнаго опредѣленія могущества государства недостаточно указать лишь одни географическія данныя о немъ и численную силу его войскъ, а надо изслѣдовать источники военныхъ средствъ государства, самую систему его военныхъ учрежденій и мѣстныя свойства страны съ ихъ слабыми и сильными сторонами, подполковникъ Милютинъ полагалъ необходимымъ разсматривать каждое государство по слѣдующимъ тремъ отдѣламъ: а) основныя начала военной силы государства: географическое положеніе, свойства страны, пути сообщенія, народонаселеніе, матеріальное и нравственное его состояніе, финансы; б) вооруженныя силы, т. е. военныя учрежденія, устройство и численный составъ арміи и самое состояніе войскъ; в) стратегическій разборъ тѣхъ пространствъ, которые могутъ служить театромъ войны между сосѣдними государствами.

Подобное изученіе государства, обнимая собою всѣ его средства и силы, существенно отличалось отъ того, что до него понимали подъ названіемъ военной географіи [2]. Съ 1847 года ему было присвоено названіе военной статистики; самая же программа этого

---

[1]) Академическій отчетъ за 1844—1845 годъ.

[2]) Военно-географическія данныя входили лишь въ видѣ частнаго матеріала, для стратегической оцѣнки цѣлаго государства, или отдѣльныхъ его частей.

предмета составлена изъ двухъ отдѣловъ: а) военной статистики сосѣднихъ съ Европейскою Россіею государствъ,—Пруссіи, Австріи, Швеціи и Турціи и б) стратегическихъ обзоровъ наиболѣе замѣчательныхъ въ военномъ отношеніи частей Россіи,—Финляндіи, западнаго пограничнаго пространства и Кавказа. По всѣмъ отдѣламъ курса были составлены весьма полныя и обстоятельныя записки. Практическія занятія также были поставлены прекрасно.

Въ общемъ курсъ военной статистики былъ поставленъ чуть ли не лучше всѣхъ другихъ курсовъ военной академіи того времени.

Профессора остальныхъ предметовъ академическаго курса: полковники Ивановъ, Вольфъ и др.

В) По курсу «Обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба» принесъ большую пользу генеральнаго штаба полковникъ Аполлонъ Алексѣевичъ Ивановъ 1-й [1]), который (въ 1833—1841 г.г.) придалъ этому курсу возможно полное развитіе. Онъ знакомилъ офицеровъ съ обязанностями всѣхъ чиновъ генеральнаго штаба въ штабахъ и управленіяхъ, какъ мирнаго, такъ и военнаго времени, съ военнымъ письмоводствомъ, съ составленіемъ маршрутовъ, квартирныхъ картъ и расписаній; имъ же введена была въ этотъ курсъ статья объ устройствѣ штабовъ и всѣхъ родовъ войскъ, съ показаніемъ разности между числительностью войскъ въ строю и на довольствіи.

Въ видѣ дополненія къ курсу полковника Иванова, съ 1834 года, былъ введенъ особый курсъ законовѣдѣнія [2]).

Преемникъ полковника Иванова, генеральнаго штаба подполковникъ Николай Ивановичъ Вольфъ [3]) призналъ необходимымъ: а) развить отдѣлъ объ устройствѣ штабовъ и войскъ до размѣровъ полнаго изслѣдованія образованія вооруженныхъ силъ, устройства дѣйствующихъ армій и разныхъ способовъ продовольствія ихъ въ военное время, и б) присвоить этому отдѣлу значеніе особаго курса военной администраціи. Предположенія подполковника Вольфа были утверждены совѣтомъ академіи въ 1842 году, и только внезапная его командировка на Кавказъ, а затѣмъ и отчисленіе его отъ академіи пріостановили на время осуществленіе разработки этого новаго курса [4]).

[1]) См. выше, стр. 172.

[2]) Курсъ этотъ былъ порученъ титулярному совѣтнику Палибину.

[3]) Выпуска 1837 г.

[4]) Въ отсутствіе подполковника Вольфа мѣсто его не было замѣщаемо до 1848 г.; курсъ обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба читали полковники Стефанъ и князь Голицынъ, капитаны Карцевъ и Лебедевъ и штабсъ-капитанъ Усовскій.

Г) По геодезіи и топографіи съ черченіемъ и съемкою прочное основаніе курсу было дано А. П. Болотовымъ [1]), который издалъ въ 1836 и 1837 г.г. «Курсъ низшей и высшей геодезіи» и постоянно его совершенствовалъ. Черченіе и съемки были хорошо поставлены [2]).

Д) По фортификаціи (долговременной и полевой) работали военные инженеры: Ласковскій [3]) и Квистъ [4]), а по артиллеріи—полковникъ Вессель [5]), поручикъ Рѣзвой [6]), штабсъ-капитанъ Силичъ [7]) и полковникъ Баумгартъ [8]).

Оцѣнка дѣятельности военной академіи въ первое время ея существованія. Вопросы, являющіеся слѣдствіемъ этой оцѣнки.

Не перечисляя остальныхъ профессоровъ и преподавателей по вышеуказаннымъ предметамъ, а равно и по политической исторіи, по русскому и иностраннымъ языкамъ, и не останавливаясь на ихъ работахъ [9]), должно признать, что академія, въ первые двадцать лѣтъ своего существованія, производила громадную и въ высшей степени плодотворную работу: не взирая на неизбѣжные въ такомъ дѣлѣ недочеты, она выполняла возложенныя на нее задачи, въ особенности первую [10]), и давала генеральному штабу такихъ именно офицеровъ, какіе были необходимы по мнѣнію Императора Николая I, получавшихъ хорошее военное образованіе и вообще на столько подготовленныхъ, насколько они могутъ быть подготовлены въ школѣ, хотя бы высшей [11]).

Являются вопросы: извлекалъ ли генеральный штабъ надлежащую пользу изъ такой ихъ подготовки? совершенствовалъ ли онъ

---

[1]) См. выше, стр. 172.
[2]) И. Ак. Г. Ш., 73—76.
[3]) И. д. ад.-проф. съ 1832 г. (штабсъ-капитанъ); профессоръ въ 1843—1850 г.г. (генералъ-маіоръ).
[4]) Александръ Ильичъ Квистъ (въ 1850—1856 г.г. и позже въ 1860—1878 г.г.).
[5]) Въ 1832—1836 г.г.
[6]) Въ 1836—1841 г.г.
[7]) Въ 1841—1848 г.г.
[8]) Въ 1848—1854 г.г.
[9]) См. И. Ак. Г. Ш., 80 и т. д.
[10]) См. выше, стр. 159 и др.
[11]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи составитель очерка будетъ касаться дѣятельности академіи и ея профессоровъ точно также лишь настолько, насколько это необходимо въ интересахъ изслѣдованія вопросовъ, включенныхъ въ программу очерка. До 1882 г. читатель можетъ пользоваться трудомъ Н. П. Глиноецкаго.

офицеровъ, поступавшихъ въ его составъ по окончаніи академіи? обладалъ ли онъ самъ надлежащею подготовкою? приносилъ ли онъ арміи ту пользу, которой можно было отъ него ожидать? если не приносилъ, то почему?

Какія требованія предъявлялись нашей арміи со времени окончанія наполеоновскихъ войнъ?

Прежде всего приходится выяснить, какія требованія предъявлялись арміи со времени окончанія наполеоновскихъ войнъ, когда войска наши перешли отъ боевой жизни къ мирной обстановкѣ и боевой опытъ долженъ былъ замѣниться мирнымъ воспитаніемъ и соотвѣтственною подготовкою къ войнѣ и бою?

Оказывается, что указанія столь богатаго боевого опыта были преданы забвенію и система воспитанія и образованія войскъ была поставлена на ложную почву.

Смотровыя условія стали брать верхъ надъ учебными. Тонъ давала и направленіе указывала «единственная въ своемъ родѣ на плацъ-парадахъ» польская армія, руководимая Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ [4]). Но и въ нашей арміи старались отъ нея не отставать.

Въ пѣхотѣ обращалось вниманіе, главнымъ образомъ, на стройность движенія, равненіе и на выдержку ноги; останавливались на сложныхъ эволюціяхъ, не имѣвшихъ никакого примѣненія въ бою.

Артиллерія менѣе пѣхоты поддавалась этому ложному направленію, но въ общей совокупности всѣхъ родовъ войскъ это не имѣло особенно существеннаго значенія.

Въ кавалеріи вниманіе было обращено почти исключительно на парадную показную сторону. Боевая подготовка совершенно позабыта. Увлеченію манежною ѣздою не было границъ. Заботились только о стройности и чистотѣ эволюцій и построеній на ровныхъ плацахъ, а маневрированіе на пересѣченной мѣстности считали излишнимъ.

Въ сторожевой службѣ регулярная кавалерія не практиковалась вовсе. Обращали большое вниманіе на тѣла лошадей, а въ виду этого избѣгали утомительныхъ движеній и нисколько не заботились о подготовкѣ лошадей къ трудамъ и лишеніямъ военнаго времени.

Считали, что кавалерія назначается исключительно для атакъ

---

[4]) См. выше, 75, 76, 78 и 79, а также выпускъ I настоящаго очерка, 373, 374 и т. д.

массами. Поэтому старались добиться того, чтобы кавалерія при движеніи массами не теряла ни сомкнутости, ни равненія, и въ этомъ стремленіи доходили до педантизма. Вслѣдствіе укоренившагося взгляда, что кавалерія должна дѣйствовать только массами, совершенно не заботились объ индивидуальномъ развитіи солдата, а только старались ему внушить, что онъ есть какъ бы атомъ того живого ядра, которое выбрасывается въ ту или другую минуту для пораженія врага; мало того, самостоятельная дѣятельность подавлялась.

Съ подобною подготовкою армія наша участвовала въ войнѣ съ Турціею 1828—1829 г.г. и въ польской кампаніи 1831 года и, конечно, эта мирная подготовка не замедлила отразиться въ военное время. И армія, и генеральный штабъ въ обѣ кампаніи сдѣлали свое дѣло, но сдѣлать его было бы много легче и арміи, и генеральному штабу при наличности лучшей мирной подготовки, т. е. прежде всего при наличности надлежащаго командного состава и правильныхъ требованій, предъявляемыхъ войскамъ, безъ чего не можетъ быть хорошей практической школы и для генеральнаго штаба.

ВОСПИТАНІЕ И ОБРАЗОВАНІЕ НАШИХЪ ВОЙСКЪ ПОСЛѢ КАМПАНІИ 1831 ГОДА.

Воспитаніе и образованіе нашихъ войскъ послѣ кампаніи 1831 года носило тотъ же характеръ, что и до нея; успѣхи наши въ упомянутыхъ кампаніяхъ скрыли недостатки нашей военной системы и еще болѣе вселяли убѣжденіе въ ея превосходствѣ надъ военными системами другихъ государствъ; это же убѣжденіе препятствовало какому бы то ни было усовершенствованію. Съ упраздненіемъ польской арміи значеніе ея, какъ образцоваго войска, перешло всецѣло къ нашей гвардіи, обучавшейся по системѣ, перенятой частью изъ Варшавы, частью изъ Пруссіи. Какъ прежде въ польской, такъ теперь въ прусской арміи наиболѣе поражали стройность и полное спокойствіе фронта, доведенныя до совершенства, однообразіе стойки и маршировки, почти механическая исполнительность на плацъ-парадахъ и смотрахъ.

Эти-то качества, будучи приняты за наиболѣе существенныя, и сдѣлались у насъ предметомъ слѣпого подражанія; мало того, было обращено полное вниманіе на ихъ развитіе и совершенствованіе. При такихъ условіяхъ, въ отношеніи военнаго дѣла и въ особенности въ отношеніи военнаго искусства, наша армія начала отставать отъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ армій.

Сущность дѣла заключалась не въ томъ, что она уступала этимъ арміямъ въ отношеніи вооруженія пѣхоты, а въ неправильной боевой ея подготовкѣ, которая основывалась почти исключительно на штыковомъ ударѣ; главныя эволюціи состояли въ разнообразныхъ построеніяхъ сомкнутаго строя баталіона; разсыпнымъ строемъ занимались мало; ученья производились всегда на ровной мѣстности; стрѣльба боевыми патронами была въ пренебреженіи, но зато много стрѣляли холостыми патронами для чистоты залповъ. Изъ солдата старались образовать не ловкаго, умѣлаго и находчиваго бойца, а машину, способную только безусловно и не разсуждая исполнять командныя слова.

Въ кавалеріи попрежнему царило увлеченіе манежною ѣздою и тѣлами лошадей. Командиръ полка смотрѣлъ на полкъ не какъ на часть, назначенную для дѣйствій противъ врага, но какъ на своего рода аренду или имѣніе. Боевая подготовка кавалеріи понизилась еще болѣе, чѣмъ въ предъидущую эпоху.

Подготовка артиллеріи стояла нѣсколько выше, чѣмъ въ остальныхъ родахъ войскъ [1]).

Въ общемъ подготовка войскъ велась неправильно. Строевые уставы были крайне сложны и замысловаты; введено было весьма большое число строевъ; старались дать нормы для дѣйствій въ бою, но эти нормы были обращены въ шаблоны; такимъ образомъ уставы указанной цѣли не достигали, но зато въ высокой степени усложняли обученіе войскъ.

Совокупныя дѣйствія всѣхъ родовъ войскъ были также подведены подъ шаблоны, лишавшіе войсковыхъ начальниковъ иниціативы и приспособленные къ ровной и открытой мѣстности [2]). Достаточно сказать, что боевые порядки строились на плацъ-парадахъ и военныхъ поляхъ по жалонерамъ, избѣгая пересѣченной, а тѣмъ болѣе закрытой мѣстности. Водворилась мертвая рутина, клонившаяся къ искаженію правильныхъ понятій о военномъ искусствѣ.

---

[1]) Артиллеріи приходилось считаться съ потерею прежняго значенія картечью вслѣдствіе появленія нарѣзного оружія у пѣхоты. Въ послѣднемъ отношеніи наша пѣхота уступала пѣхотѣ будущихъ нашихъ противниковъ.

[2]) И эти шаблоны получились вмѣсто установленныхъ нормъ, пользоваться которыми мы еще не умѣли.

Знающими свое дѣло офицерами считались тѣ, кои постигали премудрость, сводившуюся къ знанію всѣхъ уставныхъ формъ и построеній; ничего бо́льшаго не требовалось и отъ старшихъ начальниковъ въ мирное время; для военнаго же времени требовались сверхъ того храбрость и готовность не останавливаться ни передъ какою опасностью [1]). Умѣнье руководить войсками въ бою считалось исключительно даромъ приро́ды; значеніе науки не понималось. Люди, старавшіеся изучать военное искусство, не были въ почетѣ; умѣнье ловко подъѣхать на ординарцы ставилось неизмѣримо выше, чѣмъ умѣнье правильно оцѣнить свойства мѣстности и вообще обстановку и принять соотвѣтственно этому правильное рѣшеніе.

Сложность уставовъ и слабая подготовка мирнаго времени вели къ тому, что, несмотря на большое число различныхъ уставныхъ формъ построенія, нерѣдко на дѣлѣ начальники, знавшіе, какія команды слѣдуетъ произнести для того, чтобы принять тотъ или другой строй или порядокъ, становились въ тупикъ передъ тѣмъ, какая форма строя будетъ болѣе соотвѣтствовать обстановкѣ, и кончали тѣмъ, что выбирали самые несоотвѣтственные и несообразные строи и порядки.

Все это находилось въ связи и вполнѣ гармонировало съ происшедшимъ въ то время нарушеніемъ надлежащихъ отношеній между тактикою и уставомъ.

Основою для тактики должны служить тѣ общія идеи [2]), которыя являются выразителями различныхъ сторонъ сложной природы боя, и примѣненіе ихъ къ современной обстановкѣ. Для облегченія ихъ примѣненія устанавливаются въ низшихъ, ремесленныхъ частяхъ искусства разнаго рода **нормы** (задача устава), или же даются **руководящія начала** въ высшихъ частяхъ искусства (задача инструкцій и прикладной части тактики). Уставъ, какъ сборникъ формъ и нормъ, какъ выразитель ремесленной стороны дѣла, является весьма существеннымъ дополненіемъ къ тактикѣ, но отнюдь не основаніемъ ея; онъ долженъ ей подчиняться, но ни въ какомъ случаѣ ее не порабощать, а такое именно порабощеніе тактики уставомъ и со-

---

[1]) Само собою разумѣется, что эти качества должны быть присущи начальнику, но ихъ однихъ не достаточно.

[2]) По опредѣленію генерала Леера «принципы».

вершилось въ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія.

Въ результатѣ получилось увлеченіе отжившею свое время линейною тактикою. Достаточно отмѣтить, что вѣнцомъ пѣхотнаго устава [1]) было «линейное ученье» дивизіи въ прерывчатомъ боевомъ порядкѣ, т. е. въ формы тактики глубокой, наполеоновской былъ влитъ духъ тактики линейной, фридриховской. Духъ этотъ жилъ въ нашихъ войскахъ вплоть до войны, закончившей этотъ періодъ нашей исторіи.

Вліяніе практической школы (арміи) на теоретическую школу (военную академію).

Между искусствомъ и наукою всегда существуетъ тѣсная связь. Такое состояніе военнаго искусства въ практической школѣ, т. е. въ арміи, отражалось и на развитіи соотвѣтствующихъ идей въ теоретической школѣ, т. е. въ академіи, и чѣмъ талантливѣе былъ профессоръ, такъ или иначе платившій дань этому направленію, тѣмъ больше былъ вредъ, отсюда происходившій, не столько, впрочемъ, для академіи, сколько для всей нашей арміи. Къ чести академіи должно, однако, признать, что она сама не подчинялась указанному теченію вполнѣ, благодаря тому, что въ ней имѣлись данныя совершенно противоположныя по характеру и по значенію. Не то было въ арміи, въ которой подобныхъ данныхъ быть не могло, и такимъ образомъ, не академія вліяла на распространеніе здравыхъ понятій въ арміи, но армія вліяла въ обратномъ смыслѣ на академію, а въ особенности на генеральный штабъ.

Сравненіе съ Пруссіею.

Спрашивается, неужели вышеотмѣченное подражаніе Пруссіи не могло привести нашу армію и нашъ генеральный штабъ къ лучшимъ результатамъ? Вѣдь прусская армія и ея генеральный штабъ, послѣ войны 1806—1807 г.г., быстро пошли впередъ!

Прусскій уставъ 1808 года былъ выработанъ знаменитою комиссіею, учрежденною послѣ Тильзитскаго мира, душою которой былъ Шарнгорстъ; въ немъ пруссаки вполнѣ отрѣшились отъ фридриховъ-

[1]) Это направленіе ведетъ свое начало съ 1796—1801 г.г.; оно восторжествовало вторично во вторую половину царствованія Императора Александра I; при Императорѣ Николаѣ I сохранялось лишь то, что было унаслѣдовано отъ предшествовавшаго царствованія и только производилось упорядоченіе этого наслѣдства. Достаточно сравнить: «Руководство къ построенію гвардейской пѣхотной дивизіи въ Высочайше утвержденные боевые порядки и общія колонны, 1825 г.» съ позднѣйшими пѣхотными уставами.

ской тактики и обратили полное вниманіе на полевую службу, стрѣльбу въ цѣль и разсыпной строй. Затѣмъ пруссаки продолжали совершенствовать свой уставъ на основаніи опыта наполеоновскихъ войнъ.

Представителями новыхъ идей явились: а) профессоръ берлинской военной школы Грисгеймъ [1]), который еще въ тридцатыхъ годахъ настаивалъ на необходимости сдѣлать роту тактическою единицею въ пѣхотѣ, на упрощеніи всѣхъ уставныхъ построеній и на совершенной отмѣнѣ такъ называемыхъ «линейныхъ» ученій, что и было принято въ Пруссіи въ началѣ сороковыхъ годовъ; б) поручикъ графъ Вальдерзее, который также въ тридцатыхъ годахъ издалъ первое руководство къ образованію пѣхотнаго солдата, тогда же введенное въ прусскихъ войскахъ и до настоящаго времени не утратившее своего значенія.

Пруссаки шли впереди своего устава, который, въ свою очередь, опередилъ уставы прочихъ европейскихъ армій, но именно самыя сильныя стороны прусскихъ войскъ и хотя бы только прусскаго устава на себя вниманія не обращали.

Въ Пруссіи же было обращено полное вниманіе на умственное развитіе корпуса офицеровъ и на тактическую ихъ подготовку; труды Грисгейма и Вальдерзее и въ этомъ отношеніи имѣли весьма большое значеніе. Къ тому же еще съ начала XIX столѣтія была дана надлежащая постановка занятіямъ офицеровъ генеральнаго штаба, благодаря дѣятельности цѣлаго ряда такихъ талантливыхъ его представителей, какъ Шарнгорстъ [2]), Мюфлингъ [3]), Краузенекъ, Рейгеръ [4]) и Мольтке [5]).

Установлены были, еще съ 1808 года, полевыя поѣздки, а въ двадцатыхъ годахъ введена въ Пруссіи военная игра, сдѣлавшаяся почти обязательнымъ предметомъ занятій въ войскахъ. Все это испытывалось, постепенно развивалось и вполнѣ прочно утверждалось въ прус-

---

[1]) Генералъ Густавъ фонъ-Грисгеймъ, профессоръ тактики. Его «Лекціи о тактикѣ» напечатаны въ приложеніи къ «Воен. Сборнику» 1860 года.

[2]) См. трудъ составителя настоящаго очерка: «Генеральный Штабъ», I, 136—138, 144 и 145.

[3]) Тамъ-же, 145.

[4]) Нѣкоторые называютъ его Рейхеромъ, а иные даже Рейеромъ.

[5]) Бронзартъ-фонъ-Шеллендорфъ. «Служба Генеральнаго Штаба» (по франц. переводу 1876 г., стр. 33—38 и др.).

скихъ войскахъ и генеральномъ штабѣ, доводя ихъ постепенно до того блестящаго состоянія, которое выразилось впослѣдствіи ихъ замѣчательными успѣхами какъ на театрахъ военныхъ дѣйствій, такъ и на поляхъ сраженій [1].

Идеи пруссаковъ къ намъ не проникали

Вслѣдствіе выше разъясненныхъ причинъ идеи Грисгейма и Вальдерзее къ намъ вовсе не проникали; труды ихъ сдѣлались у насъ извѣстными лишь послѣ неудачъ, понесенныхъ нами въ восточную войну 1853—1854 г.г. Правда, дѣлались попытки перенести къ намъ изъ Пруссіи болѣе существенныя заимствованія, но попытки эти были безуспѣшны [2].

Дѣятельность нашего генеральнаго штаба отодвигается на второй планъ и иногда даже совсѣмъ стушевывается.

При такихъ условіяхъ дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба отодвигалась на второй планъ и даже совсѣмъ стушевывалась. Въ тогдашнихъ уставахъ и положеніяхъ не заключалось почти вовсе указаній относительно обязанностей генеральнаго штаба при войскахъ. До сороковыхъ годовъ по этому предмету не было издано никакихъ особыхъ положеній [3]. Затѣмъ были изданы: въ 1840 году «Правила для маневровъ» [4] и въ 1846 году «Уставъ о полевой службѣ въ мирное и военное время» и «Уставъ для управленія дѣйствующею арміей въ мирное и военное время» [5].

Въ первомъ изъ этихъ положеній вовсе не упоминается о чинахъ генеральнаго штаба; во второмъ-же, по самой сущности своей имѣющемъ весьма близкое отношеніе къ службѣ этихъ чиновъ, упоминается о нихъ лишь два раза, при изложеніи службы войскъ въ военное время, а именно: что передъ каждымъ движеніемъ офицеры генеральнаго штаба собираютъ свѣдѣнія о дорогахъ, по которымъ приходится слѣдовать, и что для занятія бивака высылаются жалонеры при офицерѣ генеральнаго штаба. Въ мирное время присутствіе этого офицера не требовалось даже при занятіи бивака, лагеря или квартиръ; для этого высылались по уставу жалонеры или квартирьеры, подъ командою завѣдывавшаго ими офицера; въ случаѣ расположенія цѣлой дивизіи, онъ долженъ былъ быть въ штабъ-офицерскомъ чинѣ.

---

[1] Тамъ-же, 34 и т. д.
[2] Глиноецкій, II, 191—193.
[3] Это было время опытовъ и разныхъ испытаній.
[4] 2 П. С. З., XV.
[5] Тамъ-же, XXI.

Такой пропускъ чиновъ генеральнаго штаба былъ тѣмъ болѣе замѣтенъ и характеристиченъ, что уставъ полевой службы, какъ и всѣ вообще уставы того времени, отличался чрезвычайною мелочностью и педантизмомъ въ изложеніи подробностей.

Уставъ для управленія дѣйствующею арміею въ мирное и военное время.

«Уставъ для управленія дѣйствующею арміею въ мирное и военное время» представлялъ измѣненное въ частностяхъ новое изданіе «Учрежденія для управленія большою дѣйствующею арміею» 1812 года. Въ немъ сохранено прежнее устройство штаба арміи, но въ составѣ управленія генералъ-квартирмейстера введена новая должность дежурнаго штабъ-офицера и увеличено число отдѣленій, которыхъ впредь полагалось имѣть три: 1-е, по движенію, дѣйствію и размѣщенію войскъ; 2-е, по сбору свѣдѣній о мѣстности и непріятелѣ, и 3-е, по части инспекторской и хозяйственной. Ко 2-му отдѣленію принадлежали: капитанъ надъ вожатыми, всѣ наличные въ штабѣ топографы, чертежная и военно-походная литографія. Сверхъ того, въ военное время, а въ мирное время лишь тогда, когда въ предѣлахъ расположенія арміи имѣлись крѣпости, полагалось еще 4-е отдѣленіе, инженерно-артиллерійское, которымъ завѣдывалъ инженеръ или артиллеристъ. Дежурный штабъ-офицеръ былъ непосредственнымъ начальникомъ управленія; онъ долженъ былъ облегчить занятія генералъ-квартирмейстера, дабы не отвлекать его отъ полевыхъ занятій; на дѣлѣ должность эта оказалась совершенно излишнею; она замедляла дѣлопроизводство и нисколько не облегчала генералъ-квартирмейстера, такъ какъ носителю ея не было предоставлено ни малѣйшей самостоятельности.

Обязанности генералъ-квартирмейстера и чиновъ его управленія въ военное время оставлены прежнія; въ мирное же время на генералъ-квартирмейстера возложена забота о распространеніи между офицерами генеральнаго штаба военныхъ знаній, о назначеніи имъ занятій, могущихъ служить къ ихъ усовершенствованію какъ по части генеральнаго штаба, такъ и по «фронтовому образованію», а также попеченіе объ образованіи топографовъ.

Недостатокъ положеній относительно исполненія общихъ указаній устава.

Однако, рядомъ съ этими общими указаніями не встрѣчается никакихъ положеній относительно того, какъ именно и при помощи какихъ средствъ возможно ихъ исполненіе.

Прежнія положенія по этому предмету пришли въ полное забве-

ніе. Изданное еще княземъ Волконскимъ руководство «О должности квартирмейстерскихъ офицеровъ, находящихся при корпусахъ и дивизіяхъ», совершенно потеряло всякое значеніе; новыхъ же изданій не появлялось. Впрочемъ, дѣлались неоднократныя къ тому попытки во время управленія генеральнымъ штабомъ генералъ - адъютанта Нейдгардта.

Практическія руководства для офицеровъ генеральнаго штаба и всѣхъ родовъ войскъ.

Въ 1832 году генералъ-маіоръ Гасфортъ [1]) составилъ «Инструкцію для офицеровъ генеральнаго штаба, находящихся при дѣйствующихъ отрядахъ на Кавказѣ противъ горцевъ». Тогда же было поручено полковнику Каменскому [2]) составить полное руководство для службы офицеровъ генеральнаго штаба, а когда трудъ его оказался недостаточнымъ, то приступлено было къ переводу съ нѣмецкаго VIII тома «Ручной библіотеки для офицеровъ», заключавшаго въ себѣ «Практическія свѣдѣнія генеральнаго штаба». Наконецъ, съ 1834 года возложено было на ученый комитетъ составленіе «Ручной книжки для офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ»; въ этой книжкѣ 4-я часть предназначалась для свѣдѣній по части генеральнаго штаба; составленіе ея было поручено генералъ-лейтенанту Хатову.

Однако, всѣ эти попытки оставались безъ всякихъ послѣдствій, частью потому, что всѣ подобнаго рода труды подвергались не только цензурѣ военнаго министра, но и фельдмаршала Паскевича, на утвержденіе котораго посылалось все касавшееся нашихъ войскъ.

Только въ 1848 году, съ Высочайшаго соизволенія, была издана «Памятная книжка для офицеровъ въ полѣ», составленная полковниками Искрицкимъ [3]) и Скалономъ [4]). Книжка эта имѣла въ свое время большой успѣхъ, пополняя весьма чувствительный у насъ недостатокъ въ подобнаго рода изданіяхъ, но она не была спеціальнымъ руководствомъ для генеральнаго штаба [5]), а имѣла исключительно характеръ справочнаго изданія для всѣхъ вообще родовъ войскъ. Авторы излагали вкратцѣ вообще тѣ предметы, которые,

---

[1]) Густавъ Христіановичъ Гасфортъ. См. выпускъ I сего очерка, стр. 341.

[2]) Глиноецкій, II, 195.

[3]) Александръ Александровичъ Искрицкій.

[4]) Антономъ Антоновичемъ Скалономъ.

[5]) Въ родѣ изданнаго Толемъ въ 1811 г. «Руководства къ отправленію службы чиновниками дивизіоннаго генералъ-штаба».

являясь дѣломъ памяти, легко забываются. Книжка эта была богата чертежами [1]), которые заключали въ себѣ планы лагерей и биваковъ, пѣхотные и кавалерійскіе боевые порядки, условные знаки для плановъ и картъ и чертежи полевыхъ укрѣпленій. Изъ всѣхъ этихъ чертежей наибольшее значеніе въ то время придавалось изображенію боевыхъ порядковъ; произвести ученье такъ, чтобы были продѣланы всѣ боевые порядки, не повторяя одного и того же построенія по два раза и представивъ все стройно и красиво—было верхомъ совершенства; твердое же знаніе всѣхъ интерваловъ и дистанцій при каждомъ боевомъ порядкѣ считалось чуть ли не послѣднимъ словомъ военной науки [2]).

Результаты увлеченія смотровою и парадною стороною войскового дѣла.

Не менѣе заботъ представлялъ и другой отдѣлъ смотровой практики: построеніе большихъ массъ войскъ для смотра, выборъ линіи для церемоніальнаго марша и переходъ войскъ на нее съ смотровой линіи. Эта дѣятельность, вызывавшая множество различныхъ соображеній, вполнѣ лежала на генеральномъ штабѣ, который передъ каждымъ смотромъ, при помощи топографовъ, тщательно вычерчивалъ планы расположенія войскъ въ линіяхъ, съ точнымъ обозначеніемъ всѣхъ интерваловъ и дистанцій; это требовало не малаго труда, такъ какъ обыкновенно заготовлялось очень много подобныхъ плановъ не только для лицъ, производившихъ смотры и вообще для высшихъ начальниковъ, но и для ихъ свиты. Выѣзжая на смотръ или на линейное ученье, офицеры генеральнаго штаба имѣли въ рукахъ не топографическія карты, но красиво вычерченные планы, или, точнѣе говоря, чертежи расположенія войскъ [3]). Рекогносцировки и осмотръ мѣстности почти вовсе не были въ ходу; буссоль забыта офицерами генеральнаго штаба; первостепенное значеніе получилъ эккеръ, необходимый для разбивки линій и при постановкѣ жалонеровъ и линейныхъ.

Составленіе чертежей смотровъ и проектовъ линейныхъ ученій было наиболѣе развито при штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, не только во время красносельскихъ лагерныхъ сборовъ, но и по случаю

---

[1]) 28 чертежей, прекрасно выгравированныхъ на мѣди.

[2]) Глиноецкій, II, 195 и 196.

[3]) Въ архивныхъ дѣлахъ такихъ чертежей имѣется много; плановъ же съ показаніемъ расположенія войскъ на мѣстности нѣтъ вовсе.

часто производившихся петербургскихъ парадовъ [1]). Неудивительно, что между офицерами гвардейскаго генеральнаго штаба образовались спеціалисты въ этихъ упражненіяхъ, которые посылались даже въ большіе сборы войскъ (подъ Калишемъ въ 1835 году, подъ Вознесенскомъ въ 1837 году и подъ Бородинымъ въ 1839 году) для показанія правилъ разстановки войскъ «въ провинціи», гдѣ такихъ знатоковъ этого дѣла не было [2]).

Такимъ образомъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ увлеченіе смотровою и парадною частью было гораздо болѣе значительно, чѣмъ другихъ частяхъ нашей арміи, но въ то же время въ его же средѣ дѣлались попытки и къ болѣе раціональному направленію занятій офицеровъ генеральнаго штаба.

ПОЛЕВЫЯ ПОѢЗДКИ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ гвардейскій генеральный штабъ переняль изъ Пруссіи такъ называемыя «полевыя поѣздки» [3]). Военная игра на топографическихъ планахъ быстро распространилась въ Германіи еще въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія [4]); въ 1824 году прусскій офицеръ Рейсвицъ издалъ къ ней руководство, а прусскій генеральный штабъ присоединилъ къ ней рекогносцировки на мѣстности, т. е. соединилъ это занятіе съ полевыми поѣздками офицеровъ генеральнаго штаба.

Въ 1834 году была произведена офицерами нашего гвардейскаго генеральнаго штаба, подъ руководствомъ оберъ-квартирмейстера отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, полковника Веймарна [5]), полевая поѣздка, подъ названіемъ «практическаго военнаго похода» [6]). Разыгранъ былъ на планахъ двухсторонній маневръ съ предположеніемъ, что «Лифляндскій корпусъ» (36 баталіоновъ и 48 эскадроновъ при 104-хъ орудіяхъ) наступаетъ отъ Ямбурга къ Петербургу, черезъ Ополье и Чирковицы, гдѣ встрѣчаетъ «Петербургскій корпусъ» (24 баталіона

[1]) Въ залахъ Зимняго дворца, на Дворцовой площади, на Марсовомъ полѣ и на Семеновскомъ плацу.

[2]) Чаще всего командировались полковники баронъ Ливенъ и Фроловъ и капитанъ Теслевъ.

[3]) См. выше, стр. 243.

[4]) См. напр. «Supplement zu den bisherigen Kriegsspielregeln. Von einer Gesellschaft preussischer Offiziere bearbeitet». 1828.

[5]) Ивана Федоровича Веймарна.

[6]) Ссылка Глиноецкаго (II, 197 и 283) на: Архивъ войскъ гвардіи. «Особое дѣло практическаго военнаго похода, произведеннаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1834 года».

и 24 эскадрона при 64-хъ орудіяхъ); послѣдній, будучи слабѣе противника, уклоняется отъ боя до прибытія къ нему подкрѣпленій, а, получивъ таковыя, переходитъ въ наступленіе и оттѣсняетъ Лифляндскій корпусъ за р. Лугу.

Сторонами завѣдывали полковники Венцель [1]) и баронъ Ливенъ [2]); при первомъ корпусѣ находились: капитанъ Бломъ, штабсъ-капитаны Холминскій и баронъ Росильонъ и поручикъ Теслевъ, а при второмъ: капитаны Фроловъ и Таваcтъ, штабсъ-капитанъ Волковъ и поручикъ Адеркасъ. Посредникомъ былъ полковникъ Веймарнъ; при немъ состоялъ штабсъ-капитанъ Глинка [3]). Каждый офицеръ имѣлъ особое назначеніе: состоять при авангардѣ, при какой-либо колоннѣ, при отдѣльномъ отрядѣ и т. п. Маневръ былъ веденъ по картѣ, но для выбора позиціи, съемки маршрутовъ и разстановки аванпостовъ офицеры командировались на мѣстность, исполняя каждую работу въ опредѣленное время. Диспозиціи отдавались, донесенія и распоряженія дѣлались письменно. Маневръ продолжался три дня; офицеры не получали никакого дополнительнаго содержанія и должны были имѣть своихъ собственныхъ верховыхъ лошадей. Отъ войскъ назначеній на эту поѣздку не было.

Полное собраніе документовъ по этому маневру, состоящее изъ 120-ти донесеній, предписаній и т. п. и 23-хъ плановъ, было представлено Государю Императору и по Высочайшему повелѣнію отлитографировано и разослано всѣмъ начальникамъ штабовъ и оберъ-квартирмейстерамъ, какъ трудъ, могущій служить руководствомъ и полезнымъ примѣромъ при занятіяхъ офицеровъ, и всѣмъ дивизіоннымъ квартирмейстерамъ для собственнаго ихъ руководства [4]).

Это было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы производство подобныхъ занятій могло установиться въ нашихъ войскахъ; въ 1835 году было даже предписано произвести «практическіе военные походы безъ войскъ»: въ отдѣльномъ гвардейскомъ корпусѣ подъ руководствомъ

---

[1]) Карлъ-Бургардъ Карловичъ Венцель (1797—1874) генералъ-лейтенантъ.

[2]) Баронъ Вильгельмъ Карловичъ Ливенъ (1800—1880), генералъ-лейтенантъ.

[3]) Борисъ Григорьевичъ Глинка, братъ Николая Григорьевича Глинки, выпущеннаго изъ академіи въ 1836 г.

[4]) Пр. Г. Ш., 29 декабря 1835 г.. №.377.

флигель-адъютанта полковника Веймарна, а въ корпусахъ, 5-мъ и 6-мъ пѣхотныхъ и 2-мъ и 3-мъ резервныхъ кавалерійскихъ, подъ руководствомъ ихъ оберъ-квартирмейстеровъ, полковниковъ Менда, Сохацкаго, Зандена и Балакирева. Въ дѣйствительности, повидимому, была произведена полевая поѣздка только въ одномъ гвардейскомъ корпусѣ, за что участникамъ ея было объявлено особое Высочайшее благоволеніе [1]). Повидимому, эти занятія у насъ не установились; болѣе всего это объясняется некомплектомъ офицеровъ въ корпусахъ, при которыхъ за разными командировками рѣдко бывало болѣе 2—3 офицеровъ налицо; а такъ какъ некомплектъ составлялъ въ то время въ нашемъ генеральномъ штабѣ постоянное явленіе, то и производство такъ называемыхъ «практическихъ военныхъ походовъ» пришло въ полнѣйшее забвеніе [2]).

Военная игра.

Почти такая же участь постигла у насъ и военную игру, въ дѣлѣ введенія которой также игралъ важную роль гвардейскій генеральный штабъ. Еще въ 1836 году было переведено съ нѣмецкаго на русскій языкъ руководство къ военной игрѣ Рейсвица; при этомъ оно было подведено подъ формы нашего устава. Въ 1847 году капитанъ Кузьминскій [3]) составилъ новое руководство къ военной игрѣ, которое было напечатано на казенный счетъ; составитель получилъ за это отъ Государя Императора бриллiантовый перстень.

Въ нашемъ военномъ обществѣ оба эти руководства были очень мало распространены, но между офицерами гвардейскаго генеральнаго штаба военная игра велась почти постоянно, чему немало способствовало то, что самъ Государь любилъ эти занятія и находилъ возможнымъ удѣлять ему свои досуги.

Распоряженій о введеніи военной игры въ видѣ обязательнаго занятія не было. Вообще въ то время военная игра не встрѣчала сочувствія въ нашемъ военномъ обществѣ. Этотъ неуспѣхъ военной игры объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ малымъ значеніемъ, которое придавалось въ то время мѣстности въ дѣлѣ обученія войскъ и подготовки ихъ начальниковъ.

---

[1]) Глиноецкій, II, 199.

[2]) Лѣтъ сорокъ спустя эти занятія были у насъ снова установлены подъ названіемъ «полевыхъ поѣздокъ».

[3]) Александръ Петровичъ Кузьминскій, выпуска изъ академіи 1837 г. Его «Руководство къ военной игрѣ» издано въ Петербургѣ, въ 1848 г.

Система подготовки войскъ къ войнѣ и бою не благопріятствуетъ надлежащей подготовкѣ генеральнаго штаба. Боевая школа на Кавказѣ.

Въ общемъ система подготовки войскъ къ войнѣ и бою, установившаяся у насъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, была крайне неблагопріятна для надлежащей подготовки офицеровъ генеральнаго штаба.

Лучшая школа, какъ для войскъ, такъ и для генеральнаго штаба, война. У насъ, въ разсматриваемое время, имѣлась постоянная боевая школа на Кавказѣ. Каково же было ея значеніе?

Въ 1836 году состоялось Высочайшее повелѣніе о постоянномъ командированіи строевыхъ офицеровъ отъ войскъ на Кавказъ, и тогда же это положеніе было распространено и на генеральный штабъ, изъ котораго повелѣно было командировать ежегодно къ войскамъ Кавказскаго корпуса 2—3 офицеровъ, преимущественно изъ числа такихъ, которые не имѣли случая участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, съ тѣмъ, чтобы они оставались тамъ по крайней мѣрѣ два года, а взамѣнъ ихъ были возвращаемы въ Европейскую Россію прослужившіе на Кавказѣ болѣе двухъ лѣтъ.

Положеніе это, однако, не исполнялось во всей точности по многимъ причинамъ: а) въ охотникахъ служить на Кавказѣ въ тѣ времена не было недостатка; манила туда жажда отличій и честолюбіе; кромѣ того, кавказская служба привлекала къ себѣ отсутствіемъ того мелочнаго педантизма, которымъ тяготились многіе въ Европейской Россіи; въ періодъ времени съ 1832 до 1855 года на службѣ при кавказскомъ корпусѣ [1]) никогда не встрѣчалось менѣе 25—30 офицеровъ генеральнаго штаба; по временамъ же, какъ, напримѣръ, съ прибытіемъ въ 1844 году на Кавказъ 5-го пѣхотнаго корпуса, число это значительно увеличивается [2]); въ общемъ, только вслѣдствіе этихъ причинъ на Кавказѣ постоянно имѣлся сверхкомплектъ офицеровъ генеральнаго штаба; б) сверхкомплектъ этотъ увеличивался и вслѣдствіе того, что многіе изъ назначаемыхъ на Кавказъ на срокъ оттуда не возвращались, а были оставляемы тамошнимъ начальствомъ на постоянную службу; в) наконецъ, не безъ

[1]) Корпусъ этотъ состоялъ изъ $3^1/_2$ дивизій пѣхоты.

[2]) Сверхъ того, вслѣдствіе значительнаго развитія на Кавказѣ съемокъ, тамъ постоянно находилось весьма значительное число топографовъ какъ офицерскаго, такъ и нижняго званія, которые назначались въ экспедиціи и во многомъ облегчали службу офицеровъ генеральнаго штаба, а иногда даже таки прямо назначались для несенія этой службы.

вліянія было и то, что кавказское начальство нерѣдко встрѣчало навязываемыхъ ему офицеровъ недружелюбно и старалось сохранить за собою иниціативу выбора [1]).

Военныя дѣйствія въ концѣ двадцатыхъ и въ тридцатыхъ годахъ.

Военныя дѣйствія на Кавказѣ, въ концѣ двадцатыхъ и въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія, во время командованія кавказскимъ корпусомъ Паскевича и барона Розена, состояли почти исключительно изъ отдѣльныхъ экспедицій, предпринимаемыхъ большею частью для наказанія того или другого горнаго общества; мюридизмъ не вошелъ еще тогда въ полную свою силу; Дагестанъ и Чечня не были соединены подъ властью одного лица; племена Западнаго Кавказа были вполнѣ разрознены. Кавказская линія и Черноморье представляли тогда главный театръ войны и главное поприще для отличій.

Главныя дѣйствующія лица.

Главными дѣйствующими лицами въ это время были генералы: Эммануэль, Вельяминовъ, Зассъ, Раевскій и Анрепъ; около нихъ группируются преимущественно офицеры генеральнаго штаба, о службѣ которыхъ имѣется, впрочемъ, сравнительно мало свѣдѣній.

Офицеры генеральнаго штаба и корпуса топографовъ.

Служба этихъ офицеровъ имѣетъ двѣ болѣе видныя стороны: одну—по части развѣдокъ и ознакомленія съ краемъ, а другую—по непосредственному участію въ экспедиціяхъ.

Штабсъ-капитанъ Бларамбергъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя дѣятельность нѣкоторыхъ офицеровъ въ первомъ отношеніи. Прежде всего приходится упомянуть о трудахъ штабсъ-капитана Бларамберга, который, воспользовавшись своимъ пребываніемъ на Кавказѣ въ 1830—1832 г.г., собралъ и привелъ въ систему разнообразныя свѣдѣнія о горскихъ народахъ. Рукопись его, подъ заглавіемъ: «Описаніе Кавказа въ географическомъ, историческомъ и военномъ отношеніи», была представлена Государю Императору и доставила автору «обильныя» награды, но затѣмъ «была схоронена» въ архивѣ военно-топографическаго депо [2]).

Штабсъ-капитанъ Новицкій.

Матеріалами для труда Бларамберга служили отчасти свѣдѣнія,

---

[1]) Командированные на Кавказъ въ 1837—1851 г.г. показаны у Глиноецкаго, II, прилож. 8-е къ главѣ XVII.

[2]) За первую часть своего сочиненія Бларамбергъ получилъ, въ 1833 г. 3000 руб. ассигн., а за вторую, въ 1834 г., 1500 руб. ассигн. и орденъ Св. Станислава 2-й степени.

собранныя штабсъ-капитаномъ 22-й артиллерійской бригады Новицкимъ, который воспользовался разсказами Тауша и Люлье, бывшихъ нѣкогда агентами де-Скасси [1]), проживишихъ до 1829 года, въ теченіе 15 лѣтъ, среди закубанскихъ горцевъ, а затѣмъ служившихъ переводчиками у Вельяминова и Раевскаго. Въ 1830 году Новицкій самъ совершилъ отважную скрытную поѣздку въ земли закубанскихъ горцевъ. За собранныя свѣдѣнія [2]) онъ былъ произведенъ въ капитаны и тогда же переведенъ въ генеральный штабъ [3]).

Штабсъ-капитанъ князь Шаховской.

Примѣръ Новицкаго не остался безъ подражателей. Въ 1834 году генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ князь Шаховской проникъ изъ Мингреліи черезъ Сванетію и снѣговой хребетъ въ землю карачаевцевъ и уруспіевъ, а въ 1835 году—изслѣдовалъ верховья Терека и Кубани, за что получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени.

Поручикъ баронъ Торнау.

Поручикъ баронъ Торнау, съ 22 декабря 1834 г. до 21 ноября 1835 г., находился въ горахъ западнаго Кавказа, при чемъ дважды прошелъ снѣговой хребетъ—изъ Абхазіи на Кубань и обратно къ мысу Адлеру. Поощренный этою удачею, Торнау предпринялъ, въ маѣ 1836 г., новый поискъ къ черноморскому побережью, но былъ задержанъ въ аулѣ кабардинскаго князя Асланъ-Гирея Біарсланова и возвращенъ изъ этого плѣна лишь къ 11-му ноября 1838 года [4]). За первый поискъ онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а за второй получилъ чинъ капитана, орденъ Св Владиміра 4-й степени и единовременное пособіе въ 4000 руб. ассигн.; сверхъ того, за все время плѣна ему было сохранено содержаніе по должности дивизіоннаго квартирмейстера кавказской гренадерской бригады [5]).

Чины корпуса топографовъ. Подполковникъ Беренгеймъ.

Неоднократно и чины корпуса топографовъ производили тайные и сопряженные съ явною опасностью поиски въ горы; партіи топо-

---

[1]) Де-Скасси взялся завести торговлю на восточномъ берегу Чернаго моря.

[2]) По мнѣнію Глиноецкаго (II, 203) поѣздка его какъ бы ничего не прибавила къ тому, что онъ узналъ отъ Таупіа и Люлье.

[3]) О поѣздкѣ Новицкаго см. «Военный Сборникъ», 1871 г., № 2, его статья: «Воспоминанія воспитанника перваго выпуска изъ артиллерійскаго училища».

[4]) Благодаря стараніямъ командовавшаго на Кубани генералъ-маіора Засса.

[5]) Глиноецкій, II, 203, со ссылкою на послужные списки названныхъ офицеровъ.

графовъ, посылаемыя на съемки за Кубань, производили работы подъ прикрытіемъ конвоя и нерѣдко подвергались нападеніямъ горцевъ.

При одномъ изъ такихъ нападеній топографъ Разуваевъ, работавшій въ верховьяхъ Бол. Зеленчука, былъ раненъ пулей въ грудь на вылетъ; нѣсколько казаковъ изъ конвоя было убито, а планшетъ съ инструментомъ разсѣченъ шашкою и отбитъ черкесами. Болѣе счастливъ былъ прапорщикъ корпуса топографовъ Чуркинъ, который съ двумя проводниками и однимъ переводчикомъ, отправившись въ 1836 г. изъ Карачая (на Кубани), спустился переодѣтымъ черезъ главный Кавказскій хребетъ въ Цебельду и оттуда благополучно достигъ Сухумъ-Кале [1]).

Въ восточномъ Кавказѣ, гдѣ съ двадцатыхъ годовъ сталъ усиливаться религіозный фанатизмъ горцевъ, подобные поиски были сопряжены еще съ большими затрудненіями. Такъ, въ 1836 г., былъ убитъ топографъ Бѣлкинъ на съемкѣ земель къ востоку отъ военно-грузинской дороги, а въ 1838 г., въ Аваріи, была истреблена горцами вся съемочная партія, посланная съ конвоемъ и состоявшая подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Беренгейма [2]), прекраснаго офицера, оказавшаго отличія въ Турціи въ 1829 году.

Полковникъ Гене.

Въ 1836 г. проникъ въ нагорный Дагестанъ полковникъ Гене [3]), переодѣтый лезгиномъ, въ свитѣ Нунцалъ-хана-Казикумыхскаго [4]), но въ с. Чохъ былъ узнанъ и приговоренъ къ смерти, отъ которой, однако, ему удалось (ночью) бѣжать; за собранныя въ Дагестанѣ свѣдѣнія онъ получилъ аренду на 12 лѣтъ. Вся его служба на Кавказѣ была посвящена преимущественно съемкамъ и картографической дѣятельности.

Топографъ Фейзулинъ.

Въ томъ же году топографъ Фейзулинъ тайно прошелъ изъ Бѣлоканъ черезъ Ункратль, Андаялъ и Гергебиль въ Темиръ-Ханъ-Шуру [5]).

---

[1]) И. К. В. Т., 360.

[2]) Глиноецкій, II, 204.

[3]) Федоръ Ивановичъ Гене произведенъ въ 1815 г. изъ колонновожатыхъ въ прапорщики свиты по квартирмейстерской части. Въ чинѣ поручика, за нерадѣніе къ съемкѣ, переведенъ тѣмъ же чиномъ на Кавказъ, въ Тифлисскій пѣхотный полкъ; въ 1828 г. возвращенъ капитаномъ въ генеральный штабъ. Умеръ въ 1838 г. Тамъ-же, 204 и 284, со ссылкою на послужной списокъ полк. Гене.

[4]) У Глиноецкаго: «Нуцалъ-хана-Казикухумскаго.

[5]) Тамъ-же, 204.

Штабсъ - капитанъ Мочульскій.

Съ неменьшими опасностями были сопряжены поиски штабсъ-капитана Мочульскаго въ Дагестанѣ; въ 1837 году онъ обозрѣлъ южные склоны хребта со стороны Лезгинской линіи; весною 1838 года, будучи отправленъ переодѣтымъ въ Хунзахъ, онъ былъ остановленъ въ с. Моксохѣ, подвергнутъ пыткѣ и приговоренъ къ смерти; однакожъ, выдержавъ всѣ испытанія, признанъ за джарца и отпущенъ вмѣстѣ съ другими, при чемъ едва ушелъ отъ преслѣдованія. За эти поиски онъ получилъ ордена Св. Владиміра 4-й степени и Св. Станислава 3-й (что нынѣ 2-й) степени [1]).

Оберъ - квартирмейстеры Кавказской линіи Занденъ и Горскій.

Постоянными спутниками генераловъ Эммануэля и Вельяминова въ ихъ закубанскихъ экспедиціяхъ являются оберъ-квартирмейстеры Кавказской линіи, Занденъ и Горскій.

Павелъ Карловичъ Занденъ [2]) былъ назначенъ на Кавказъ въ чинѣ подполковника въ 1829 году; въ теченіе пяти лѣтъ онъ почти безотлучно находился при генералѣ Вельяминовѣ и сопровождалъ его во всѣхъ экспедиціяхъ [3]). Онъ былъ раненъ пулею въ правое плечо, съ поврежденіемъ кости, при штурмѣ Чиръ-Юрта 19-го октября 1831 года, вслѣдствіе чего и служба его не могла быть продолжительной: онъ былъ уволенъ въ отставку въ 1838 году [4]).

Николай Ивановичъ Горскій [5]), по польской кампаніи 1831 года, былъ извѣстенъ командиру Кавказскаго корпуса барону Розену и въ 1833 году, по его ходатайству, переведенъ оберъ-квартирмейстеромъ на Кавказскую линію, гдѣ, независимо отъ участія во всѣхъ

---

[1]) Тамъ же, 205 со ссылкою на послужной списокъ полковника Мочульскаго.

[2]) Въ 1815 г. произведенъ изъ колонновожатыхъ въ свиту по квартирмейстерской части; первыя 10 лѣтъ провелъ на съемкахъ подъ руководствомъ Теннера, который высоко цѣнилъ его математическія способности и за окончаніе виленской съемки доставилъ ему (въ 1822 году) чинъ капитана.

[3]) Здѣсь онъ получилъ ордена: Св. Анны 2-й ст. съ короной, Св. Станислава 3-й ст., Св. Владиміра 3-й ст. и Св. Станислава 2-й ст. со звѣздою.

[4]) При этомъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора и пенсіею въ $^2/_3$ полнаго оклада.

[5]) Выпущенъ въ 1812 г. изъ Императорскаго военно-сиротскаго дома прапорщикомъ въ артиллерію; участвовалъ въ кампаніяхъ 1813 и 1814 г.г.; въ 1815 г. оставленъ для съемокъ при корпусѣ гр. Воронцова во Франціи; по возвращеніи въ Россію переведенъ въ свиту; въ 1820—1831 г.г. дивизіонный квартирмейстеръ 25-й пѣх. дивизіи; за отличіе въ сраженіи подъ Гроховымъ произведенъ въ полковники; вслѣдъ затѣмъ оберъ-квартирмейстеръ 5-го пѣх. корпуса.

экспедиціяхъ 1834—1838 г.г., оставилъ по себѣ память и въ дѣлѣ съемочныхъ работъ. До него на Кавказѣ производились лишь отдѣльныя съемки небольшихъ пространствъ для удовлетворенія текущихъ потребностей; Горскій внесъ въ это дѣло извѣстную систему и открылъ непрерывный рядъ съемокъ, которыя послужили цѣннымъ матеріаломъ для будущей картографіи Кавказа; особенное его вниманіе было обращено на верховья Малки и Кубани; при немъ же генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Кальмбергъ произвелъ первую инструментальную съемку Пятигорскаго округа.

Въ закубанскихъ экспедиціяхъ Вельяминова Горскій неоднократно командовалъ отдѣльными отрядами и былъ извѣстенъ въ войскахъ своимъ хладнокровіемъ и беззавѣтною храбростью. Въ экспедицію 1835 года онъ былъ раненъ въ кисть правой руки [1].

Послѣ удаленія барона Розена съ Кавказа, Горскій, въ 1838 году, перешелъ оберъ-квартирмейстеромъ въ отдѣльный Сибирскій корпусъ, гдѣ онъ удачными и молодецкими поисками противъ мятежнаго султана Кенисары-Касимова заслужилъ, въ 1840 году, чинъ генералъ-маіора. Затѣмъ онъ командовалъ 1-ю бригадою 23-й пѣхотной дивизіи, а въ 1845 году снова вернулся на Кавказъ, гдѣ до 1850 года исправлялъ должность начальника Джаро-Бѣлоканскаго округа и всей Лезгинской линіи и командовалъ 3-ю бригадою грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ [2]. Въ 1850 году Горскій былъ прикомандированъ на годъ къ образцовому пѣхотному полку «для изученія строевой пѣхотной службы» и послѣ этого испытанія получилъ мѣсто предсѣдателя межевой комиссіи Войска Донского, съ переводомъ въ генеральный штабъ [3].

Офицеры, прошедшіе военную школу подъ руководствомъ Зандена и Горскаго.

Подъ ближайшимъ руководствомъ Зандена и Горскаго, въ военной школѣ Вельяминова, воспитался цѣлый рядъ отличныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, которые, къ сожалѣнію, большею частью слиш-

---

[1]) За службу на Кавказѣ получилъ: аренду на 12 лѣтъ, годовое жалованье, ордена св. Станислава 2-й ст. и св. Анны 2-й ст. съ короною.

[2]) Съ 1841 г. отъ состоялъ по арміи, а за свою службу на Кавказѣ получилъ въ 1846 г. орденъ св. Станислава 1-й степени.

[3]) Нужно ли было изучать строевую службу въ образцовомъ полку для того, чтобы получить мѣсто предсѣдателя межевой комиссіи? Такому отличному офицеру пришлось искать мѣста, а между тѣмъ служба его представляетъ «очень интересный образчикъ служебной карьеры офицера генеральнаго штаба» 2-й четверти XIX столѣтія. Глиноецкій, II, 207.

комъ рано кончили свое служебное поприще: Ковалевскій, Богаевскій, Левиссонъ, Норденстамъ и многіе другіе.

М. К. КОВАЛЕВСКІЙ.

Михаилъ Константиновичъ Ковалевскій [1]), по домашнимъ обстоятельствамъ, подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы въ началѣ 1828 года, но прежде, чѣмъ вышла отставка, явился волонтеромъ въ войска, дѣйствовавшія противъ персіянъ; въ 1829 году снова зачисленъ въ генеральный штабъ и принималъ столь блистательное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, что въ теченіе одного года получилъ пять наградъ [2]). Назначенный дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 21-й, а затѣмъ 19-й пѣхотныхъ дивизій, Ковалевскій ежегодно участвовалъ съ ихъ частями въ разныхъ экспедиціяхъ, за что получилъ награды: въ 1832 году, за походъ Вельяминова противъ Гимровъ, ордена Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 2-й степени; въ 1834 году, за экспедицію полковника Клюки-фонъ-Клугенау, чинъ подполковника и орденъ Св. Георгія 4-й степени; въ 1836 году, за экспедицію генерала Фези въ Чечню, орденъ Св. Анны 2-й степени съ короною.

Въ 1835 году произведенъ въ полковники. Въ 1837 году командированъ на Черноморскую береговую линію «для показанія лучшаго устройства домовъ изъ сырцоваго кирпича» и въ томъ же году завѣдывалъ постройкою Новотроицкаго укрѣпленія. Въ 1839 году назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ 5-го пѣхотнаго корпуса. Несмотря на свою блестящую службу, для полученія полка долженъ былъ пройти черезъ образцовыя войска и только въ 1842 году назначенъ командиромъ Невскаго пѣхотнаго полка.

Н. Г. БОГАЕВСКІЙ.

Николай Григорьевичъ Богаевскій [3]) въ 1836 году окончилъ курсъ военной академіи, а въ 1837 году переведенъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ и назначенъ на службу на Кавказъ, гдѣ пребываніе его было не продолжительно, но блистательно; въ три года онъ получилъ: въ 1838 году, за отличіе въ дѣйствіяхъ противъ черкесовъ при спасеніи экипажа и судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе

---

[1]) Произведенъ въ 1824 г. изъ колонновожатыхъ въ прапорщики свиты по квартирмейстерской части.

[2]) Чины поручика и штабсъ-капитана, золотое оружіе и ордена св. Анны 3-й ст. и Владиміра 4-й ст. съ бантами.

[3]) Въ 1823 г. произведенъ въ офицеры изъ артиллерійскаго училища.

31-го мая того же года при устьѣ р. Сочи, орденъ Св. Георгія 4-й степени; въ 1839 году—золотое оружіе и въ 1840 году, за участіе въ дѣйствіяхъ на Кубани, чинъ капитана [1]).

Р. П. Левиссонъ.

Робертъ Петровичъ Левиссонъ [2]) служилъ на Кавказѣ два раза: первый разъ, въ 1829—1835 г.г., въ должности дивизіоннаго квартирмейстера 22-й пѣхотной дивизіи, и вторично, въ 1844 и 1845 г.г., въ такой же должности въ 13-й пѣхотной дивизіи; въ первый разъ онъ участвовалъ съ генералами Эммануэлемъ и Вельяминовымъ въ закубанскихъ экспедиціяхъ и съ генералъ-адъютантомъ барономъ Розеномъ въ походѣ въ Чечню, въ 1832 году; за отличіе въ послѣдней экспедиціи онъ получилъ золотое оружіе, а на Кубани три ордена [3]).

И. И. Норденстамъ.

И. И. Норденстамъ [4]) до 1846 года служилъ почти непрерывно на Кавказѣ. Исполняя послѣдовательно разныя должности по генеральному штабу при войскахъ Кавказскаго корпуса, Норденстамъ получилъ почти всѣ чины и соотвѣтствующіе ордена за боевыя отличія противъ горцевъ и въ томъ числѣ, въ чинѣ капитана, золотое оружіе за взятіе Гимровъ въ 1832 году. Наиболѣе видною была его дѣятельность въ должностяхъ: оберъ-квартирмейстера Кавказской линіи (въ 1838—1843 г.г.) и, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, начальника штаба той же линіи (въ 1843—1845 г.г.), такъ какъ въ это время всѣ наиболѣе важныя военныя дѣйствія происходили на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и въ сѣверномъ Дагестанѣ. Въ 1845 году И. И. Норденстамъ былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба войскъ на Кавказѣ, а въ 1846 году—Кавказскимъ граж-

---

[1]) Въ 1841 г. переведенъ съ Кавказа и умеръ въ должности старшаго адъютанта гренадерскаго корпуса.

[2]) Въ 1824 г. выпущенъ изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса въ свиту по квартирмейстерской части. Первые годы службы провелъ на съемкахъ.

[3]) Св. Станислава 3-й ст., св. Владиміра 4-й ст. и св. Анны 3-й ст. съ бантомъ.

[4]) Произведенъ въ офицеры также изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса лишь годомъ ранѣе Левиссона.

Первые годы службы провелъ на съемкахъ и въ Европейской Турціи, гдѣ, въ 1828 г., за отличіе подъ Шумлою, произведенъ въ поручики. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Т. А. Норденстренгомъ, служившимъ на Кавказѣ въ 1840—1846 г.г.

данскимъ губернаторомъ съ зачисленіемъ по арміи и такимъ образомъ оставилъ и боевую службу, и генеральный штабъ [1]).

Въ закубанскихъ же экспедиціяхъ участвовали генеральнаго штаба капитанъ князь Долгорукій и штабсъ-капитанъ Маныкинъ-Неустроевъ.

Князь Г. А. Долгорукій.

Князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукій переведенъ въ 1831 году изъ л.-гв. Измайловскаго полка подпоручикомъ въ гвардейскій генеральный штабъ, а въ 1834 году перечисленъ штабсъ-капитаномъ въ генеральный штабъ; въ 1836 году оставилъ службу, а въ 1837 году снова поступилъ въ генеральный штабъ (капитаномъ) на Кавказъ. Въ томъ же году онъ былъ раненъ при производствѣ дессанта въ устьѣ р. Шапсуго, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Серебрякова, а въ 1839 году, вслѣдствіе ранъ, вышелъ въ отставку подполковникомъ [2]).

Г. Г. Маныкинъ-Неуструевъ.

Григорій Герасимовичъ Маныкинъ-Неуструевъ [3]) провелъ на Кавказской линіи всего 2 года, но пріобрѣлъ извѣстность отличнаго и храбраго офицера, что доставило ему 2 награды [4]); при истребленіи шахгиреевскихъ ауловъ генераломъ Зассомъ въ ноябрѣ 1837 года онъ былъ тяжело раненъ пулею въ лѣвый бокъ и грудную полость и въ 1840 году вышелъ въ отставку подполковникомъ [5]).

Мѣры, принятыя противъ Шамиля.

Къ концу тридцатыхъ годовъ восточный Кавказъ сталъ обращать на себя вниманіе вслѣдствіе усиленія могущества Шамиля. Правительство признало необходимымъ принять рѣшительныя мѣры противъ новаго имама.

Офицеры генеральнаго штаба при командирѣ корпуса ген.-лейт. Головинѣ: П. Е. Коцебу и др.

Въ 1837 году занята была нашими войсками Аварія; къ концу года назначенъ новый командиръ Кавказскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Головинъ [6]), начальникомъ штаба корпуса, вмѣсто гене-

---

[1]) Въ 1873 году генералъ отъ инфантеріи Норденстамъ, состоя вице-предсѣдателемъ финляндскаго сената, вновь зачисленъ въ генеральный штабъ.

[2]) Глиноецкій, II, 210.

[3]) Въ 1825 г. выпущенъ изъ 2-го кадетскаго корпуса въ свиту по квартирмейстерской части. Позже въ генеральномъ штабѣ служилъ А. И. Маныкинъ-Невструевъ, выпуска изъ академіи 1859 г.

[4]) Орденъ Св. Владиміра 4-й степени и чинъ капитана.

[5]) Глиноецкій, II, 210.

[6]) Евгеній Александровичъ Головинъ (1782—1858), позже генералъ отъ инфантеріи, намѣстникъ Кавказскій, остзейскій генералъ-губернаторъ и Членъ Государственнаго Совѣта.

рала Вальховскаго, полковникъ П. Е. Коцебу [1]), а оберъ-квартирмейстеромъ, вмѣсто генералъ-маіора барона Ховена, оберъ-квартирмейстеръ 5-го пѣхотнаго корпуса полковникъ Менде [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Головинъ вызвалъ на Кавказъ лично ему извѣстныхъ по польской кампаніи генеральнаго штаба подполковниковъ Фрейтага [3]) и Форстена [4]) и капитана Дена [5]).

Волненія въ разныхъ частяхъ южнаго Дагестана отвлекли въ 1838 году наши войска отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Шамиля, вызвавъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ экспедицій противъ возставшихъ общинъ. Въ экспедиціи генерала Фези въ верховья Самура принималъ участіе капитанъ Денъ. 4-го іюня 1838 года, при штурмѣ урочища Аджіахура, онъ велъ двѣ роты пѣхотнаго князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка, причемъ былъ раненъ въ правый бокъ и пахъ, съ поврежденіемъ трехъ реберъ и подвздошной кости. Орденъ Св. Георгія 4-й степени былъ ему наградою, а быстро залеченная рана дала ему возможность принять участіе въ дѣйствіяхъ дагестанскаго отряда въ 1839 году [6]). Однако, съ теченіемъ времени, рана не замедлила обнаружиться; Денъ вышелъ въ отставку полковникомъ.

1839 г. Офицеры генеральнаго штаба при отрядѣ ген.-адъютанта Граббе.

Насталъ 1839 годъ, занимающій одну изъ наиболѣе славныхъ страницъ исторіи кавказской войны и русской арміи. Кавказскія войска, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе, пробивались черезъ Салатавію къ Ахульго, при чемъ дѣйствовали въ мѣстностяхъ, куда до того еще не проникало русское оружіе, и встрѣтили препятствія, какихъ имъ еще не приходилось преодолѣвать. Неудивительно, что одержанные успѣхи обошлись дорого: настойчивость и мужество начальника экспедиціи вполнѣ передались его войскамъ;

---

[1]) См. выше, главы II, III и V.

[2]) Карлъ Ивановичъ Менде, иначе Мендъ. См. выше, стр. 46. Умеръ въ 1878 г. въ чинѣ ген.-лейтенанта.

[3]) См. выше, стр. 123—125 и 199, вын. 2.

[4]) Карлъ Густавовичъ Форстенъ. Въ 1820 г. выпущенъ изъ Финляндскаго корпуса въ свиту по кварт. части.

[5]) Карлъ Ивановичъ Денъ. Въ 1825 г. выпущенъ изъ Финляндскаго корпуса въ свиту по квартирмейстерской части. Участвовалъ въ кампаніи 1831 г., гдѣ отличился и получилъ ордена съ бантами: Св. Анны 3-й ст., Св. Станислава и Св. Владиміра 4-й степени.

[6]) За это получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени.

каждый проникся убѣжденіемъ, что цѣль экспедиціи [1]) должна быть достигнута во что бы ни стало; неудивительно, что всѣми чинами экспедиціи были проявлены «необычайныя» мужество и энергія. Изъ чиновъ генеральнаго штаба при отрядѣ генерала Граббе находились четыре молодыхъ офицера: капитанъ Вольфъ, штабсъ-капитаны Шульцъ и баронъ Вревскій [2]) и гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ Милютинъ [3]). Такъ какъ боевая сила отряда не превышала 8.400 человѣкъ [4]), то можно признать число находившихся при немъ офицеровъ генеральнаго штаба достаточнымъ. Недостатокъ опытности молодыхъ офицеровъ въ горной войнѣ вполнѣ выкупался ихъ способностями, пылкою отвагою и усердіемъ. Всѣ они удостоились получить за эту экспедицію по нѣскольку наградъ; трое изъ нихъ были ранены; отличія ихъ въ 1839 году были только началомъ блестящаго ихъ служебнаго поприща.

Н. И. Вольфъ.

Николай Ивановичъ Вольфъ [5]) исполнялъ, во время экспедиціи подъ Ахульго, обязанности отряднаго оберъ-квартирмейстера и находился во всѣхъ дѣлахъ противъ горцевъ; за четыре мѣсяца этого труднаго и опаснаго похода онъ получилъ три награды [6]).

Б. К. Шульцъ.

Борисъ Касьяновичъ [7]) Шульцъ [8]) командированъ въ 1837 году на Кавказскую линію, что дало ему возможность участвовать въ 1838 г. въ небольшомъ поискѣ изъ крѣпости Внезапной въ Салатавію. Въ 1839 году онъ пріобрѣлъ [9]) громкую извѣстность своею отчаян-

---

[1]) Разрушеніе Ахульго.

[2]) Окончившіе курсъ военной академіи въ 1837 году и переведенные въ генеральный штабъ 25-го декабря 1838 г.

[3]) Окончившій курсъ военной академіи въ 1836 г. и прибывшій на Кавказъ въ началѣ 1839 года.

[4]) Съ нестроевыми и милиціями до 13.000 человѣкъ.

[5]) Выпущенъ въ 1829 г. изъ Пажескаго корпуса въ л.-гв. Измайловскій полкъ; участвовалъ съ полкомъ въ кампаніи 1831 г. и получилъ знакъ отличія за военныя достоинства 4-й ст. Въ академіи обратилъ на себя вниманіе блестящими способностями, кончилъ курсъ первымъ и получилъ чинъ и малую серебряную медаль. См. выше, стр. 236.

[6]) Чинъ подполковника, ордена Св. Владиміра 4-й ст. и Св. Станислава 3-й степени.

[7]) По позднѣйшимъ послужнымъ спискамъ Морицъ Христіановичъ.

[8]) Началъ службу въ 1826 г. въ артиллеріи. Участвовалъ въ кампаніи 1831 г. (съ 3-ю артиллер. бригадою) во многихъ дѣлахъ, при чемъ выказалъ свою отвагу и получилъ чинъ подпоручика, Св. Анны 4-й ст. и 3-й ст. съ бантомъ. Кончилъ курсъ академіи по 2-му разряду.

[9]) Не только у насъ, но и заграницею.

ною храбростью и тяжелыми ранами. Онъ участвовалъ въ дѣлахъ у Ахмедъ-тала и Саясани, а при обратномъ движеніи къ Внезапной былъ въ дѣлѣ съ горцами у дер. Балансу 14-го мая, гдѣ велъ въ обходъ непріятеля горскую милицію и раненъ въ правое бедро пулею на вылетъ. Оправившись нѣсколько отъ этой раны, онъ прибылъ подъ Ахульго 10-го іюня, а 19-го іюня ходилъ во главѣ охотниковъ для рекогносцировки рва, отдѣлявшаго нашу позицію отъ стараго Ахульго; порученіе это онъ исполнилъ съ успѣхомъ, но былъ раненъ пулею въ правую щеку, съ раздробленіемъ верхней и нижней челюсти, вышибомъ семи зубовъ и пробитіемъ поднебнаго свода. Получивъ затѣмъ нѣкоторое облегченіе, штабсъ-капитанъ Шульцъ самъ вызвался, при послѣднемъ штурмѣ Ахульго 21-го августа, вести колонну Апшеронскаго полка и при этомъ снова былъ раненъ пулею въ грудь на вылетъ съ пробитіемъ легкихъ и пробитіемъ восьмого ребра. Необыкновенно крѣпкая натура дала ему возможность не только пережить эту рану, но и быстро отъ нея поправиться. Въ концѣ 1839 года произведенъ по линіи въ капитаны. Представленъ къ чину подполковника и къ орденамъ Св. Георгія 4-й степени и Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Государь Императоръ, утвердивъ эти награды, произвелъ его еще въ полковники, а прусскій король, узнавъ о безпримѣрныхъ ранахъ Шульца, пожаловалъ ему орденъ Краснаго Орла 3-й степени [1]).

БАРОНЪ И. А. ВРЕВСКІЙ.

Баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій [2]), въ началѣ экспедиціи, при штурмѣ Аргуани, былъ раненъ, но не тяжело, и получилъ за боевое отличіе въ этомъ же году чинъ капитана и орденъ Св. Владиміра 4-й степени.

Д. А. МИЛЮТИНЪ.

Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ [3]) въ февралѣ 1839 года

[1]) Онъ былъ уволенъ въ годовой отпускъ для излеченія ранъ, причемъ ему сохранено содержаніе по грузинскому окладу и Высочайше пожаловано 1,000 рублей и повелѣно производить пенсію по 343 р. 20 к. въ годъ.

[2]) Въ 1833 г. кончилъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Началъ службу въ л.-гв. Финляндскомъ полку. Окончивъ академію, получилъ чинъ поручика и малую серебряную медаль.

[3]) Получивъ университетское образованіе, поступилъ въ 1833 г. фейерверкеромъ въ л.-гв. 1-ю артиллерійскую бригаду; 8-го ноября того же года произведенъ въ прапорщики. Въ 1835 г. поступилъ въ старшій классъ военной академіи. При выпускѣ награжденъ чиномъ поручика и малою серебряною медалью. Назначенъ на службу въ гвардейскій корпусъ. Въ 1837 г. переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ.

командированъ въ Кавказскій корпусъ «для пріобрѣтенія военныхъ познаній и опытности». Въ первомъ же дѣлѣ отряда генерала Граббе, 10-го мая, при урочищѣ Ахметъ-тала, онъ былъ раненъ пулею на вылетъ въ правое плечо; пуля хотя и не раздробила кости, но какъ бы скользнула по ней, и этимъ вызвала впослѣдствіи необходимость серьезнаго лѣченія. Тогда же, послѣ перевязки, поручикъ Милютинъ оставался при отрядѣ во все время экспедиціи. За отличія въ эту экспедицію онъ получилъ три награды [1]).

Это первое пребываніе Д. А. Милютина на Кавказѣ дало ему возможность составить «Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ» [2]), а также особую записку «О системѣ фортификаціи, примѣненной къ Кавказскому краю», за которую, въ 1840 году, было объявлено автору Высочайшее благоволеніе [3]).

Дѣйствія въ южномъ Дагестанѣ и на побережьѣ Чернаго моря.

Одновременно съ экспедиціею противъ Ахульго происходили военныя дѣйствія: а) въ южномъ Дагестанѣ, отрядъ, подъ начальствомъ самого генералъ-лейтенанта Головина, долженъ былъ окончательно покорить верхнія самурскія общества и б) на Черноморскомъ побережьѣ дессантный отрядъ генералъ-лейтенанта Раевскаго былъ назначенъ для усиленія Черноморской линіи тремя новыми укрѣпленіями.

Въ Дагестанскомъ отрядѣ впервые появляется на боевомъ Кавказскомъ поприщѣ знаменитый Р. К. Фрейтагъ.

Р. К. Фрейтагъ.

Послѣ кампаніи 1831 года капитанъ Фрейтагъ былъ назначенъ на топографическую съемку Царства Польскаго, но тяготился этими занятіями и даже хотѣлъ оставить службу. Однако, производство въ подполковники и назначеніе старшимъ адъютантомъ главнаго штаба дѣйствующей арміи, къ счастію, поколебали это намѣреніе [4]). Съ 1834 до 1838 года Фрейтагъ оставался въ Варшавѣ и здѣсь своимъ умомъ и

---

[1]) Ордена Св. Станислава 3-й ст. и Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и въ 1840 году чинъ капитана, не считая производства въ штабсъ-капитаны (по линіи) 6-го декабря 1839 года.

[2]) Первый его военно-историческій трудъ, напечатанный въ 1850 г.

[3]) Четыре названные офицера получили еще серебряную медаль за взятіе Ахульго. Всѣ они впослѣдствіи имѣли еще случай заявить себя службою на Кавказѣ въ штабъ-офицерскихъ и даже въ генеральскихъ чинахъ. Глиноецкій, II, 212—216 и 284 (со ссылкою на послужные списки).

[4]) Тамъ же, 216.

своимъ кроткимъ, спокойнымъ и всегда одинаково ровнымъ характеромъ невольно всѣхъ къ себѣ привязалъ; у него въ квартирѣ собиралась обѣдать дружеская товарищеская артель; къ нему, и въ радости, и въ горѣ, каждый спѣшилъ за добрымъ совѣтомъ. Когда онъ былъ назначенъ на Кавказъ, то сослуживцы, друзья и знакомые провожали его до первой станціи; по ихъ желанію сдѣланъ былъ портретъ Фрейтага съ оригинальною надписью: «Нѣмецъ, какихъ русскихъ мало!»

Съ прибытіемъ на Кавказъ, 17-го іюня 1838 года, Фрейтагъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ корпуснаго штаба, но тотчасъ же командированъ для устройства лезгинской кордонной линіи и вступилъ во временное управленіе ею. Здѣсь онъ обратилъ особенное вниманіе на правильную организацію мѣстной милиціи. Когда онъ получилъ приказаніе возвратиться въ Тифлисъ, то туземцы отправили отъ себя къ генералу Головину депутацію съ просьбою оставить Фрейтага на линіи. Такъ великъ былъ даръ этого человѣка привязывать къ себѣ сердца всѣхъ, кому приходилось съ нимъ встрѣчаться.

Въ 1839 году Фрейтагу довелось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ дагестанскаго отряда. На первомъ переходѣ отъ сборнаго пункта въ с. Хозры, 29-го марта, онъ участвовалъ въ дѣлѣ при с. Цукуль и при взятіи приступомъ аджіахурской позиціи. Фрейтагу было поручено съ двумя баталіонами прорвать непріятельскій лагерь. Съ пѣснями и съ плясунами впереди отрядъ его бросился въ штыки. Фрейтага, непривычнаго лазить по горамъ, егеря несли почти на рукахъ. Штурмомъ взяты были завалы. Ничто не могло остановить русскихъ солдатъ. Быстро преслѣдуя непріятеля, войска наши овладѣли, 5-го іюня, селеніемъ Ахты и приступили къ устройству укрѣпленія на Самурѣ. Наградою Фрейтагу за этотъ походъ былъ чинъ полковника. Въ декабрѣ того-же года Фрейтагъ сопровождалъ генерала Головина въ поѣздкѣ его въ Петербургъ, а въ мартѣ 1840 года назначенъ командиромъ славнаго Куринскаго егерскаго полка [1]).

Съ 1840 до 1848 года Фрейтагъ не принадлежалъ генеральному

---

[1]) «Русскій Инвалидъ», 1853 г. (Р. К. Фрейтагъ). Глиноецкій, II, 216—218.

штабу [1]), но, тѣмъ не менѣе, генеральный штабъ можетъ гордиться его славною дѣятельностью и за эти 8 лѣтъ.

Прочіе офицеры дагестанскаго отряда.

Въ дагестанскомъ отрядѣ было еще нѣсколько офицеровъ, служба которыхъ обращала на себя вниманіе начальства. Такъ, за походъ въ верховья Самура получили награды: подполковникъ Форстенъ [2]), капитаны Эрнъ и Немировичъ-Данченко. Оба послѣдніе недолго служили на Кавказѣ [3]), но оставили по себѣ память храбрыхъ и отличныхъ офицеровъ.

Г. И. Филипсонъ.

На Черноморскомъ побережьѣ въ 1839 году ближайшимъ помощникомъ Раевскаго является подполковникъ Георгій Ивановичъ Филипсонъ [4]), находившійся на Кавказской линіи [5]) съ 1836 до 1849 года. По должности дивизіоннаго квартирмейстера 20-й пѣхотной дивизіи, онъ принималъ постоянное участіе въ работахъ по первоначальному устройству береговой линіи и особенно въ дѣлахъ, сопровождавшихъ занятіе форта Вельяминовскаго, при р. Туапсе въ 1838 году и занятіе форта Головинскаго, при р. Субаши (Шахе) въ 1839 году. За отличія въ этихъ дѣлахъ онъ получилъ чины подполковника и полковника.

П. Е. Коцебу.

Въ дѣлѣ устройства Черноморской береговой линіи принималъ участіе и начальникъ штаба Кавказскаго корпуса полковникъ П. Е. Коцебу, произведенный, въ 1838 году, за боевое отличіе въ генералъ-маіоры и являвшійся ближайшимъ и дѣятельнымъ помощникомъ генералъ-адъютанта Головина [6]). Въ 1843 году онъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи и оставилъ Кавказъ, но въ 1846 году возвратился къ должности начальника штаба Кавказскаго корпуса, когда этотъ штабъ былъ переименованъ въ главный штабъ корпуса при главнокомандующемъ графѣ Воронцовѣ.

---

[1]) До назначенія его генералъ-квартирмейстеромъ арміи. См. ниже.

[2]) Дивизіонный квартирмейстеръ 19-й пѣх. дивизіи.

[3]) Первый былъ возвращенъ на службу въ Европейскую Россію въ 1841 году, а второй скончался на Кавказѣ въ 1840 г. Глиноецкій, II, 218.

[4]) Кончилъ курсъ академіи въ 1835 г. съ серебряною медалью; переведенъ въ генеральный штабъ въ 1836 г. капитаномъ съ назначеніемъ въ Кавказскій корпусъ.

[5]) И преимущественно на правомъ ея флангѣ и на Черноморской береговой линіи.

[6]) Получилъ здѣсь: крупныя денежныя награды, ордена Св. Станислава 1-й ст. и Св. Анны 1-й ст.; зачисленъ въ Свиту Его Императорскаго Величества.

Погибшіе вслѣдствіе вреднаго вліянія климата, умершіе отъ ранъ и убитые.

Независимо отъ опасностей, которымъ подвергались служившіе въ Черноморіи отъ отважныхъ и предпріимчивыхъ племенъ, даже самый климатъ этого побережья вліялъ на вновь прибывающихъ крайне вредно, что отразилось и на генеральномъ штабѣ: въ 1839 году здѣсь умерли три молодыхъ офицера: капитанъ Бѣлозоръ [1]), штабсъ-капитанъ Шлегель [2]) и капитанъ Глинка [3]); всѣ они кончили курсъ академіи отлично, а затѣмъ и на Кавказѣ составили себѣ хорошую репутацію.

Время управленія Кавказскимъ краемъ генераломъ Головинымъ обильно отдѣльными экспедиціями, сопряженными съ большими потерями, которыя коснулись и генеральнаго штаба; послѣдній лишился за это время еще четырехъ молодыхъ офицеровъ, кончившихъ курсъ академіи: капитановъ Эдельгейма [4]), Рубца [5]), Засѣцкаго [6]) и штабсъ-капитана Доливо-Добровольскаго [7]).

Экспедиціи конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ способствуютъ выдвиженію Фрейтага и Пассека.

Экспедиціи конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ дали возможность выдвинуться Фрейтагу и Пассеку.

Фрейтагъ принялъ Куринскій полкъ очень скоро, за что получилъ особую благодарность командира корпуса. Лѣтомъ 1840 года ему было приказано, оставаясь въ Грозной, охранять линію отъ набѣговъ горцевъ. Куринцы исполняли эту задачу отлично съ своимъ новымъ командиромъ. Бдительный и дѣятельный, онъ постоянно предупреждалъ предпріятія горцевъ, находясь въ постоянныхъ передвиженіяхъ, быстро переносясь съ одного пункта на другой и счастливо разбивая противника при каждой встрѣчѣ. Въ концѣ іюня, Фрейтагъ съ частью своего полка, въ составѣ отряда генералъ-лейтенанта Гала-

---

[1]), [2]) и [3]) Выпущены изъ академіи: Бѣлозоръ въ 1834 г., Шлегель въ 1835 г. и Глинка (Николай Григорьевичъ) въ 1836 г.

[4]) Вступилъ въ генеральный штабъ въ 1838 г.; умеръ отъ ранъ, полученныхъ на Кубани, въ 1839 г.

[5]) Переведенъ въ генеральный штабъ въ 1837 г. штабсъ-капитаномъ; дивизіонный квартирмейстеръ 19-й пѣх. дивизіи; въ 1841 г., за отличія въ экспедиціяхъ, получилъ чинъ капитана и орденъ Св. Станислава 3-й ст. съ бантомъ; въ томъ же году умеръ отъ ранъ.

[6]) Николай Павловичъ Засѣцкій. Переведенъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ въ 1840 г. съ назначеніемъ на Кавказъ. За боевое отличіе произведенъ въ капитаны, а затѣмъ убитъ горцами на Кубани въ 1842 г.

[7]) Петръ Флоровичъ Доливо-Добровольскій переведенъ въ генеральный штабъ въ 1840 г. Въ ичкеринскую экспедицію 1842 г. израненъ шашками и умеръ отъ этихъ ранъ въ 1843 г.

фѣева, участвовалъ въ дѣйствіяхъ на верховьяхъ р. Сунжи, а 11-го іюля—въ упорномъ и кровопролитномъ бою при овладѣніи завалами на р. Валерикъ [1]). Послѣ этого дѣла Фрейтагъ писалъ матери: «много храбрыхъ мы не досчитались; меня Богъ хранилъ! Доволенъ я куринцами,—кажется, и куринцы довольны мною».

Въ 1841—1842 г.г. Фрейтагъ почти постоянно находился въ разныхъ экспедиціяхъ, предпринимаемыхъ на лѣвомъ флангѣ противъ Чечни; дѣйствія его всегда приводили къ успѣху; за это время онъ получилъ ордена Св. Владиміра 3-й ст. и Св. Георгія 4-й ст. [2]), а 22-го декабря произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи и начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи. Новое назначеніе дало ему болѣе обширный и самостоятельный кругъ дѣятельности, при чемъ не замедлили высказаться въ полномъ блескѣ его способности, какъ военачальника. Въ 1843 году онъ былъ занятъ окончаніемъ постройки Куринскаго укрѣпленія [3]); но болѣе важными его подвигами въ этомъ году было освобожденіе имъ Низового укрѣпленія и участіе въ очищеніи сѣвернаго Дагестана отъ скопищъ Шамиля.

Капитанъ Діомидъ Васильевичъ Пассекъ [4]) былъ назначенъ въ кавказскій корпусъ 12-го мая 1840 года; командированъ въ распоряженіе генералъ-маіора Клюки-фонъ-Клугенау, командовавшаго войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ. Черезъ три дня по прибытіи къ отряду, 14-го сентября, Пассекъ обратилъ уже на себя вниманіе храбростью при пораженіи скопищъ Шамиля въ Гимрин-

[1]) За отличіе въ этомъ дѣлѣ получилъ участокъ земли въ 1,500 десятинъ.

[2]) 3-го декабря 1842 г. за безпорочную выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25 лѣтъ.

[3]) Мѣсто для этого укрѣпленія было имъ же выбрано и отбито у горцевъ въ 1842 г.

[4]) Кончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ, Пассекъ поступилъ, въ 1830 г., въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія портупей-прапорщикомъ 1-го класса и черезъ полгода произведенъ въ прапорщики, а затѣмъ, за успѣхи въ наукахъ, въ подпоручики и поручики. Въ 1836 г. поступилъ въ военную академію (въ старшій классъ); состоя въ академіи, произведенъ въ капитаны; переведенъ въ генеральный штабъ 25-го декабря 1838 г. (послѣ прикомандированія къ образцовому кавалерійскому полку; 25-го января 1839 г. назначенъ въ 6-й пѣх. корпусъ, а въ августѣ того-же года участвовалъ въ празднованіи годовщины Бородинскаго сраженія; получилъ нѣсколько разъ Высочайшее благоволеніе и орденъ Св. Станислава 3-й степени.

скомъ ущельѣ, взятіи штурмомъ заваловъ и укрѣпленныхъ пещеръ и занятіи с. Гимры. Чинъ подполковника [1]) былъ первою наградою, заслуженною имъ на Кавказѣ.

Въ январѣ 1841 года Пассекъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ Кавказской резервной гренадерской бригады. Въ это время въ Аваріи возникло волненіе, во главѣ котораго находился Хаджи-Муратъ, занявшій аулъ Цельмесъ. Противъ него двинулся генералъ Бакунинъ съ баталіономъ и двумя горными орудіями. Поискъ этотъ кончился неудачею: Бакунинъ смертельно раненъ, а отрядъ его едва успѣлъ спастись, будучи выведенъ изъ боя Пассекомъ. Въ этомъ же и въ 1842 годахъ Пассеку довелось участвовать во взятіи Хубарскихъ высотъ, въ возведеніи Евгеніевскаго укрѣпленія и во многихъ другихъ поискахъ, при чемъ онъ обратилъ на себя вниманіе начальства храбростью и военными способностями, не занимая самостоятельной должности и ограничиваясь лишь исполненіемъ обязанностей офицера генеральнаго штаба и участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Боевая жизнь не препятствовала ученымъ занятіямъ Пассека; мало того, она доставляла ему богатый матеріалъ для изученія горъ и ихъ обитателей. Обладая счастливою памятью мѣстности, Пассекъ помнилъ въ подробностяхъ малѣйшіе оттѣнки однажды пройденнаго имъ пространства и въ этомъ отношеніи едва-ли имѣлъ себѣ равнаго на Кавказѣ. Въ первые же годы своей службы на Кавказѣ онъ ознакомился съ главными театрами тогдашнихъ военныхъ предпріятій. Справедливо считая, что «важнѣе всего знать тѣхъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло», онъ съ особенною любовью изучалъ нравы и обычаи горцевъ, ихъ общественное устройство и, по его же опредѣленію, «политику горъ», т.-е. средства и стремленія Шамиля, характеръ, качества, подвиги и взаимныя отношенія главныхъ его сподручниковъ. Какъ результатъ этого изученія сохранилась записка, представленная Пассекомъ князю Воронцову, о различіи въ образѣ дѣйствій въ Чечнѣ и Дагестанѣ, въ которой, съ необыкновенною ясностью и рельефностью, дѣлается полная характеристика и мѣткая оцѣнка этихъ раіоновъ театра дѣйствій [2]).

[1]) Со старшинствомъ съ 14-го сентября 1840 года.

[2]) Послужной списокъ Пассека. Біографія его въ изданіи Новосе-

Въ 1843 году Пассекъ былъ командированъ въ Дагестанъ для изысканія средствъ къ снабженію дровами гарнизоновъ укрѣпленій Нагорнаго Дагестана. Эта командировка привела его въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда онъ (въ апрѣлѣ) отправился въ Хунзахъ по той самой дорогѣ, которая, спустя съ небольшимъ полгода, послужила ему путемъ блистательнаго отступленія изъ Хунзаха.

Новое усиленіе могущества Шамиля.

Блестящіе успѣхи, одержанные кавказскими войсками въ экспедиціяхъ 1839 и послѣдующихъ годовъ, къ сожалѣнію, не имѣли почти никакихъ послѣдствій: власть Шамиля, поколебленная взятіемъ Ахульго, снова усилилась вслѣдствіе присоединенія къ нему Чечни; въ Южномъ Дагестанѣ дѣйствовалъ талантливый его сподвижникъ Хаджи-Муратъ; покорившіяся общества снова взволновались.

Командиръ корпуса ген.-адъютантъ А. И. Нейдгардтъ. Сотрудники его—А. С. Траскинъ и Е. С. Герасимовъ.

Въ 1842 году былъ командированъ на Кавказъ военный министръ князь Чернышевъ, который долженъ былъ на мѣстѣ изслѣдовать положеніе дѣлъ и изыскать прочныя основы для будущихъ дѣйствій. Результатомъ этой командировки явилась замѣна генералъ-адъютанта Головина генералъ-адъютантомъ А. И. Нейдгардтомъ [1]), который долженъ былъ дѣйствовать по новому плану, выработанному въ Петербургѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ были назначены въ кавказскій корпусъ: начальникомъ штаба генералъ-маіоръ Траскинъ и оберъ-квартирмейстеромъ полковникъ Герасимовъ, пользовавшіеся въ военномъ министерствѣ громкою репутаціею.

Флигель-адъютантъ полковникъ Александръ Семеновичъ Траскинъ [2]) былъ ближайшимъ сотрудникомъ генерала Нейдгардта до 1845 года [3]).

лова: Кавказцы. Окольничій, «Перечень послѣднихъ военныхъ событій въ Дагестанѣ (1843 г.)». См. Военный Сборникъ 1859 г. Глиноецкій, II, 221—223 и 284.

[1]) Бывшій генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Величества. См. выше, стр. 178—183.

[2]) Въ 1822 г. произведенъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики гвардейскаго генеральнаго штаба. (См. выше, стр. 4). Послѣ 14 декабря 1825 г. назначался для сопровожденія Государя на маневрахъ и ученьяхъ. Съ любовью занимался военными науками, особенно стратегіею и считался знатокомъ послѣдней. Благодаря этому, а быть можетъ и своему родству съ княземъ Чернышевымъ, капитанъ Траскинъ состоялъ въ 1831 г. правителемъ дѣлъ комитета, образованнаго по Высочайшему повелѣнію «для назначенія во всей Имперіи стратегическихъ пунктовъ».

[3]) Въ 1832 г. переведенъ въ генеральный штабъ подполковникомъ.

Полковникъ Егоръ Семеновичъ Герасимовъ [1]) произведенъ, въ 1845 году, въ генералъ-маіоры, а въ 1846 году назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи. Вслѣдствіе болѣзни онъ долженъ былъ уѣхать для леченія за границу съ отчисленіемъ отъ должности, а возвратившись въ Россію, снова продолжалъ службу на Кавказѣ, въ должности начальника штаба Кавказской линіи, съ 1849 года до самой своей смерти, т. е. до 1852 года.

Условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать ген.-адъют. Нейдгардту.

Ожиданія благопріятнаго поворота въ кавказскихъ дѣлахъ съ назначеніемъ новаго командира корпуса не осуществились. Генералъ Нейдгардтъ, принявшій это назначеніе лишь вслѣдствіе крайнихъ настояній Императора Николая I, считалъ себя не соотвѣтствующимъ выполненію этого назначенія при той обстановкѣ, въ которую онъ былъ поставленъ. Никогда не служивъ на Кавказѣ, онъ не былъ знакомъ ни съ тамошними дѣятелями, ни съ особенностями тамошней войны; онъ былъ изнуренъ своею 44-хъ-лѣтнею службою; къ тому же ему предстояло дѣйствовать по планамъ, составленнымъ и разработаннымъ въ Петербургѣ, которымъ онъ не вполнѣ сочувствовалъ, но за неудачу которыхъ долженъ былъ нести отвѣтственность. А неудачу этихъ плановъ легко можно было предвидѣть, такъ какъ положеніе дѣлъ въ горахъ восточнаго Кавказа въ послѣднее время сильно измѣнилось не въ нашу пользу.

Блестящія, но безрезультатныя наши экспедиціи, а еще болѣе ошибки въ управленіи покорными обществами и племенами, ослабили прежній страхъ горцевъ передъ нашей силой и усилили ихъ вѣру въ могущество и непобѣдимость Шамиля.

Сами горцы пріучились уже къ войнѣ съ нами, а между тѣмъ

Въ 1833 г. на него возложено устройство и завѣдываніе первою нашею телеграфною (оптическою) линіею между Петербургомъ и Кронштадтомъ. Въ 1834 г. полковникъ и флигель-адъютантъ. Въ 1838 г. начальникъ штаба Кавказской линіи и войскъ, въ Черноморіи расположенныхъ. Въ 1842 г. генералъ-маіоръ и начальникъ штаба кавказскаго корпуса.

[1]) Поступилъ въ генеральный штабъ въ 1826 г. прапорщикомъ изъ Жандармскаго полка. Благодаря отличіямъ въ турецкой и польской кампаніяхъ и двойному переводу въ гвардейскій генеральный штабъ и обратно въ полевой, въ 1838 г. достигъ уже чина полковника. Зналъ хорошо иностранные языки; командированъ за границу для присутствованія при сборѣ въ 1840 г. баварскихъ войскъ у Нюренберга и въ 1842 г. прусскихъ войскъ на Рейнѣ. Въ 1843 г., по желанію Нейдгардта, назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ Кавказскаго корпуса.

мы, желая все охранять и все защищать, раздробляли свои и безъ того незначительныя силы. Раздробленность эта достигла крайнихъ предѣловъ въ 1843 году. Этимъ и воспользовался Шамиль.

Шамиль пользуется благопріятною обстановкою. Дѣятельность Д. В. Пассека, Р. К. Фрейтага и другихъ офицеровъ генеральн. штаба.

Въ концѣ августа полчища его устремились на преданный намъ Анцукуль; четыре наши укрѣпленія были взяты горцами, а неискусно веденныя къ нимъ подкрѣпленія уничтожены; часть резервовъ была спасена отъ истребленія и благополучно достигла Хунзаха лишь благодаря распорядительности офицеровъ генеральнаго штаба: подполковниковъ Гротенфельда[1]), Пассека и капитана Капгера[2]). Гротенфельдъ, командуя баталіономъ Кабардинскаго полка и конвоируя транспортъ боевыхъ припасовъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Хунзахъ, присоединился къ отряду Пассека, высланному изъ Хунзаха на Харачинскія высоты; къ нему же, благодаря настойчивости капитана Капгера, присоединились отъ Балаканъ еще пять ротъ разныхъ полковъ, которымъ удалось избѣжать пораженія. Самъ Пассекъ содѣйствовалъ сбору остатковъ разныхъ отрядовъ къ Хунзаху, что и дало генералу Клюки-фонъ-Клугенау возможность удержать Аварію до прибытія подкрѣпленія князя Аргутинскаго, остановившаго дальнѣйшіе успѣхи Шамиля.

Вслѣдствіе настояній генерала Клугенау, генералъ Нейдгардтъ согласился на занятіе нашими войсками попрежнему Аваріи, что снова вело къ полному раздробленію силъ, занимавшихъ Дагестанъ.

Шамиль, въ концѣ октября, вторично собралъ свои скопища и овладѣлъ Гергебилемъ; возстаніе общинъ Аварскаго Койсу отрѣзало Аварію отъ прибрежнаго Дагестана; обложеніе горцами Темиръ-Ханъ-Шуры и осада ими Низового укрѣпленія отняли всякую возможность подать помощь хунзахскому гарнизону. Къ счастью, этотъ гарнизонъ былъ ввѣренъ Пассеку, который, въ виду неблагопріятнаго для насъ оборота дѣлъ, рѣшилъ выступить изъ Аваріи съ тѣмъ, чтобы, присоединивъ къ себѣ отряды изъ попутныхъ укрѣпленій, облегчить себѣ выходъ на плоскость. Быстро собравшись и уничтоживъ все

[1]) Произведенъ, въ 1824 г., изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса въ прапорщики свиты по квартирмейстерской части. Впослѣдствіи перешелъ на службу въ строй.

[2]) Капгеръ, Александръ Хрисанѳовичъ (по Глиноецкому, Христіановичъ), впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ (1812†1776). Выпуска изъ академіи 1838 г.

излишнія тяжести, Пассекъ, съ $3^1/_2$ баталіонами, при 6 горныхъ орудіяхъ, взявъ съ собою больныхъ, раненыхъ и семейства преданныхъ намъ хунзахцевъ, двинулся 16-го ноября къ Зырани (Зирани); присоединивъ къ себѣ небольшіе встрѣченные по пути отряды и узнавъ, что дальнѣйшее слѣдованіе на плоскость ему отрѣзано вслѣдствіе занятія горцами Бурундукъ-Кале, онъ рѣшилъ обороняться до послѣдней крайности въ Зырани, занявъ не только находившееся тамъ укрѣпленіе, но и позицію на командующихъ имъ высотахъ. Отрядъ его (2400 штыковъ, 7 горныхъ, 4 полевыхъ и 3 крѣпостныхъ орудія, 3 мортирки) былъ окруженъ огромными скопищами горцевъ подъ начальствомъ Хаджи-Мурата. Отрядъ Пассека воздвигъ новыя укрѣпленія и отразилъ всѣ нападенія горцевъ; не взирая на уменьшеніе дачи до 1 фунта сухарей, безъ соли и мяса, энергія его и рѣшимость погибнуть, но не сдаваться—не ослабѣвала. Съ 7-го декабря присоединилось новое бѣдствіе—сильные морозы. Для поддержанія силъ солдатъ Пассекъ разрѣшилъ и уговорилъ всѣхъ ѣсть конину, а затѣмъ люди дѣлили и кости лошадей. Лишенія и страданія отряда съ трудомъ поддаются описанію [1]).

17-го декабря аварскій отрядъ Пассека былъ выручепъ дагестанскимъ отрядомъ Фрейтага, который изъ Грозной зорко слѣдилъ за Чечнею, предупреждая всѣ нападенія оттуда на линію и, при всякомъ удобномъ случаѣ, подавая помощь войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Дагестанѣ. Въ ноябрѣ 1843 года, получивъ извѣстіе, что горцы угрожаютъ Низовому укрѣпленію, Фрейтагъ, съ 4 баталіонами и 1400 казаками при 16 орудіяхъ, неимовѣрно быстро прошелъ къ этому укрѣпленію, внезапно обрушился на горцевъ [2]), разбилъ ихъ подъ валами укрѣпленія, разсѣялъ и обратилъ въ бѣгство [3]). Не успѣлъ онъ еще вернуться въ Грозную, какъ получилъ новый призывъ о помощи со стороны начальника Кавказской линіи, генералъ-лейтенанта Гурко, запертаго Шамилемъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Усиливъ свой от-

[1]) Рапортъ подполковника Пассека командующему войсками въ Сѣв. и Нагорномъ Дагестанѣ отъ 11 января 1844 г., № 1. Глиноецкій, II, 228—229.

[2]) Которые были почти въ 10 разъ сильнѣе гарнизона.

[3]) Гарнизонъ и находившіеся въ Низовомъ мужчины и женщины встрѣтили своего избавителя крикомъ «ура», цѣловали его ноги, его лошадь, со слезами благословляя его имя.

рядъ, Фрейтагъ съ обычною быстротою перенесся въ Дагестанъ и 14-го декабря прибылъ къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Шамиль не успѣлъ стянуть всѣхъ своихъ силъ и былъ разбитъ подъ Большими Казанищами [1]), что и дало затѣмъ Фрейтагу возможность двинуться на Бурундукъ-кале и къ Зырани и освободить Пассека.

За участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1843 года, а равно и за выказанныя храбрость и благоразумную распорядительность, Фрейтагъ получилъ орденъ Св. Станислава 1-й степени. По этому поводу Глиноецкій [2]) говоритъ:

«Вообще Фрейтагъ не былъ особеннымъ баловнемъ счастья относительно получаемыхъ наградъ; за наиболѣе даже блистательные свои подвиги онъ получалъ ихъ постоянно въ порядкѣ постепенности, не дѣлая скачковъ; несмотря на всѣмъ извѣстную его храбрость, онъ и орденъ св. Георгія 4-й ст. получилъ... за выслугу 25-ти лѣтъ».

Пассекъ былъ награжденъ щедро: 1-го января 1844 года [3]) произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка; 25-го февраля того же года получилъ орденъ Св. Георгія 4-й ст. за защиту Зырани, а на слѣдующій день, пробывъ въ чинѣ полковника менѣе двухъ мѣсяцевъ, произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ должности командира Апшеронскаго полка.

Весною 1844 года Пассеку было поручено прикрывать Шуру со стороны Акуши и Мехтулинскаго ханства съ отрядомъ изъ 3-хъ баталіоновъ апшеронцевъ, 4-хъ сотенъ и 6-ти горныхъ орудій. Всего, съ подкрѣпленіями, у него было не болѣе 1,500 человѣкъ. Съ этими силами Пассекъ не только отразилъ нападеніе скопища въ 27,000 горцевъ, но и разсѣялъ его 3-го іюня, при Кака-шура (Гилли). Успѣхомъ этимъ онъ былъ обязанъ какъ чрезвычайно ловкому и своевременному употребленію всѣхъ силъ отряда, такъ и во-время подоспѣвшему резерву, который былъ приведенъ состоявшимъ при отрядѣ генеральнаго штаба капитаномъ Вранкеномъ.

---

[1]) Въ этомъ бою значительная доля успѣха была обезпечена блестящими атаками линейныхъ и Донскихъ казаковъ, подъ личнымъ начальствомъ самого Фрейтага.

[2]) II, 230 и 231.

[3]) По первому донесенію о его подвигѣ.

Агафонъ Карловичъ Вранкенъ [1]) переведенъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ въ 1840 году и почти одновременно съ Пассекомъ прибылъ на Кавказъ. Ему были поручены статистическія работы въ Тифлисѣ и Кутаисской губерніи, и только зимою 1840—1841 гг. ему довелось участвовать въ экспедиціи полковника Муравьева противъ дальцевъ, за что онъ былъ произведенъ въ капитаны. Затѣмъ онъ служилъ въ южномъ Дагестанѣ, а въ январѣ 1843 г. былъ командированъ въ Турцію; возвратившись оттуда, получилъ возможность лично представить Государю составленную имъ записку о Кавказскомъ краѣ и о военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ. Только въ 1844 году ему удалось сойтись въ одномъ отрядѣ съ своимъ другомъ Пассекомъ.

Когда Пассекъ началъ дѣло 3-го іюня съ донцами, то Вранкенъ, съ 3-мъ баталіономъ апшеронцевъ, сдѣлалъ, не взирая на жару, семь верстъ въ часъ и подоспѣлъ на поддержку; когда же горцы охватили апшеронцевъ съ трехъ сторонъ, то Вранкенъ выдержалъ ихъ напоръ; несмотря на три сильныя контузіи въ грудь и лѣвое плечо, онъ не оставлялъ командованія, пока новая тяжелая рана въ голову [2]) не сразила его, какъ казалось, окончательно... Положеніе отряда представлялось крайне опаснымъ. Пассекъ, воспользовавшись минутою, когда горцы дрогнули отъ удачнаго картечнаго выстрѣла, съ обнаженною шашкою бросился впередъ, воскликнувъ: «Ребята! татарва бѣжитъ! Кто апшеронецъ, за мной! Ура!» Единодушный, дружный ударъ сломилъ непріятеля; началось его истребленіе; самъ Пассекъ изрубилъ двухъ мюридовъ...

Пассекъ считалъ Вранкена раненымъ смертельно [3]), но Вран-

---

[1]) Выпущенъ въ 1834 г. изъ Павловскаго корпуса. Началъ службу въ л.-гв. Гренадерскомъ полку. Поступилъ въ младшій классъ академіи въ 1836 г., когда Пассекъ поступилъ въ старшій ея классъ; въ академическихъ залахъ тѣсно сблизился съ Пассекомъ.

[2]) Пуля, углубляясь горизонтально въ шейныя мышцы и повредивъ слуховые и другіе головные органы, вышибла всѣ коренные зубы, оторвала часть языка и, переломивъ посрединѣ нижнюю челюсть, разорвала нижнюю губу до подбородка; нижняя челюсть осталась свороченною на сторону.

[3]) Онъ сказалъ, подъѣхавъ къ нему послѣ боя: «Радуйся, другъ мой! мы отомстили за смерть твою: знамя даргинскаго народа, 20 значковъ и нѣсколько сотъ тѣлъ послужатъ тебѣ надгробнымъ памятникомъ».

кенъ выздоровѣлъ и пережилъ самого Пассека. Получивъ за бой при Кака-шурѣ чинъ подполковника и орденъ Св. Георгія 4-й ст., онъ былъ прикомандированъ къ образцовому пѣхотному полку; получивъ затѣмъ чинъ полковника, назначенъ, въ 1847 году, командиромъ Прагскаго пѣхотнаго полка [1]).

Пассекъ получилъ за бой при Кака-шурѣ орденъ Св. Владиміра 3-й степени; въ томъ же 1844 году онъ участвовалъ еще въ двухъ экспедиціяхъ, въ Дагестанѣ у Салатавіи, а въ ноябрѣ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи и сдалъ Апшеронскій полкъ полковнику Ковалевскому [2]). М. К. Ковалевскій командовалъ апшеронцами недолго: въ 1846 году, за боевое отличіе въ Чечнѣ, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1847 году умеръ, состоя командиромъ 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи.

Послѣдствія неудачъ 1843 и 1844 г.г. Главнокомандующій графъ Воронцовъ.

Неудачи 1843 года обрушились всею своею тяжестью на генералъ-адъютанта Нейдгардта, отъ котораго продолжали требовать рѣшительныхъ дѣйствій для сокрушенія могущества Шамиля. Однако и опытъ 1844 года показалъ невыполнимость предположеній военнаго министерства; были одержаны лишь частные успѣхи, которые нисколько не поколебали владычества Шамиля. Тѣмъ не менѣе положено было продолжать исполненіе плановъ военнаго министерства. Для исполненія ихъ былъ призванъ генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ, назначенный намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, съ правами, какихъ не имѣлъ ни одинъ изъ начальниковъ этого края [3]).

Экспедиція въ Дарго. Участвовавшіе въ ней генералы и офицеры генеральнаго штаба.

Графу Воронцову было указано: въ 1845 году разбить «буде возможно», скопища Шамиля, проникнуть въ центръ его владычества и тамъ утвердиться. Результатомъ этихъ указаній явилась экспедиція въ Дарго, для которой были назначены чеченскій и дагестанскій отряды, соединившіеся въ Салатавіи 3-го іюля, всего 21 баталіонъ, 7 ротъ и 13 сотенъ при 46 орудіяхъ съ транспортомъ, заключавшимъ

---

[1]) Онъ командовалъ этимъ полкомъ до назначенія начальникомъ штаба 2-го пѣх. корпуса въ 1850 году.

[2]) См. выше, стр. 257.

[3]) Высочайшій приказъ 27-го декабря 1844 г. А. И. Нейдгардъ, удаленный отъ должности, разстроенный физически и нравственно, заболѣлъ и умеръ въ 1845 г.

болѣе 2,500 вьюковъ [1]). При отрядѣ находились походный штабъ главнокомандующаго и штабъ 5-го корпуса, въ коихъ состояло 20 офицеровъ генеральнаго штаба. Въ экспедиціи принимали участіе опытные въ кавказской войнѣ генералы: Гурко, Клюки-фонъ-Клугенау, князь Бебутовъ, Лабинцовъ [2]) и Пассекъ, первый въ должности начальника главнаго штаба войскъ, на Кавказѣ находившихся, а послѣдній, какъ командиръ бригады.

Даргинская экспедиція не привела къ удачному исходу, но, тѣмъ не менѣе, оставила въ себѣ славныя воспоминанія; войска наши вышли изъ нея съ честью. Въ тяжкія «минуты» [3]) всѣ наперерывъ выказывали мужество и героизмъ, запечатлѣвая кровью свое рвеніе на пользу дѣла; офицеры генеральнаго штаба не отставали въ этомъ отношеніи отъ другихъ соучастниковъ экспедиціи; изъ нихъ убито двое—подполковникъ Левиссонъ и капитанъ Корсаковъ и ранено четверо—капитаны Прушановскій и Леонтьевъ и штабсъ-капитаны баронъ Дельвигъ и графъ Гейденъ.

Р. П. ЛЕВИССОНЪ.

Подполковникъ Р. П. Левиссонъ [4]) прибылъ вторично на Кавказъ въ 1844 году съ войсками 5-го корпуса, въ качествѣ дивизіоннаго квартирмейстера 13-й пѣхотной дивизіи и и. д. оберъ-квартирмейстера штаба корпуса [5]). 6-го іюля честь идти въ головѣ отряда и брать сооруженные непріятелемъ завалы была предоставлена 1-му баталіону Литовскаго полка, который долженъ былъ пріобрѣсть себѣ знамя, потерянное въ кампанію 1831 года, и загладить неудачу, которую потерпѣла одна изъ его ротъ въ горахъ. Левиссонъ, какъ дивизіонный квартирмейстеръ, считалъ своимъ долгомъ стать въ главѣ этого баталіона. Овладѣвъ первымъ заваломъ, литовцы бросились на второй; при этомъ Левиссонъ былъ смертельно раненъ и тутъ же скончался.

---

[1]) «Воен. Сборникъ», 1859 г., № 5 («Походъ 1845 г. въ Дарго»); 1864 г., № 7 (статья бар. Н. Дельвига: «Воспоминанія объ экспедиціи въ Дарго»). Глиноецкій, II, 234 и 284.

[2]) Иванъ Михайловичъ Лабинцовъ (по Глиноецкому Лабынцовъ), р. 1800 г. † 1883 г.

[3]) Понимая, конечно, не буквально.

[4]) См. выше, стр. 258.

[5]) Полковникъ Мильковскій, оберъ-квартирмейстеръ, временно исправлялъ должность начальника штаба корпуса.

Д. Корсаковъ.

Дмитрій Николаевичъ Корсаковъ [1]) назначенъ на Кавказъ въ 1842 году; почти постоянно находился на Кавказской линіи [2]). Состоя дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 15-й пѣхотной дивизіи, онъ дошелъ съ отрядомъ до Дарго, но здѣсь получилъ назначеніе находиться при войскахъ, отправленныхъ за продовольствіемъ, которое подвозилъ транспортъ, слѣдовавшій изъ Андіи. Въ этой «сухарной экспедиціи» были убиты Корсаковъ и Пассекъ.

Д. В. Пассекъ. Конецъ его дѣятельности.

Въ самомъ началѣ даргинской экспедиціи Пассекъ съ авангардомъ отряда одержалъ первый значительный успѣхъ, занявъ гору Анчимееръ. Когда войска выстраивались для атаки, имѣя впереди Куринскій полкъ, Пассекъ [3]) подскакалъ къ куринцамъ и воскликнулъ: «За счастіе сочту быть куринцемъ; примите меня въ свой полкъ». Въ отвѣтъ раздалось громкое «ура»; шапки полетѣли на воздухъ... Гора была взята [4]).

Пассекъ, желая воспользоваться этимъ успѣхомъ, двинулся впередъ на 15 верстъ, на высоты Зупу-Мееръ [5]). Во 2-й день экспедиціи, 11-го іюля, Пассекъ, по обыкновенію, былъ въ авангардѣ, которому приходилось пробиваться черезъ лѣсъ, гдѣ горцы успѣли устроить завалы и преградить дорогу засѣкою. Нѣсколько заваловъ были взяты нами, но горцы внезапно врѣзались въ нашу колонну и отняли

---

[1]) Началъ службу въ саперахъ; кончивъ курсъ академіи, переведенъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ въ 1840 г.

[2]) За военныя дѣйствія въ Чечнѣ, лѣтомъ 1844 года, онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

[3]) Имѣя за собою блестящую свиту и значекъ (бѣлый съ серебрянымъ крестомъ).

[4]) Графъ Воронцовъ, въ своемъ донесеніи отъ 8-го іюля, писалъ: «Взятіе штурмомъ горы Анчимееръ есть одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ, которое я когда-либо видѣлъ. Не знаю, рѣшился-ли бы я штурмовать гору, еслибы не помогли этому два обстоятельства: первое было то, что я уже видѣлъ два подобные штурма... второе—это восторгъ, съ которымъ храбрый Пассекъ принялъ предпріятіе; радость блистала въ его глазахъ, когда я говорилъ ему объ этомъ. Съ такими людьми и съ такими войсками... нѣтъ ничего невозможнаго».

[5]) Многіе обвиняли его за это движеніе, которое удаляло его отъ главныхъ силъ и средствъ продовольствія, что въ особенности сдѣлалось пагубнымъ для его отряда, такъ какъ дурная погода, снѣгъ и холодъ на этой высотѣ произвели опустошеніе между его чинами. Нѣкоторые «даже» благословляли судьбу, похитившую его такъ рано съ военнаго поприща, опасаясь, что его «отчаянная заносчивость» будетъ причиною гибели ввѣренныхъ ему войскъ.

эти завалы. Въ колоннѣ произошло страшное смятеніе; Пассекъ тщетн старался устроить навагинскія роты; онѣ разбрелись кучками и бились съ горцами разрозненно. Рѣшивъ увлечь ихъ впередъ личнымъ примѣромъ, онъ обнажилъ шашку и съ крикомъ «ура, за мной!» бросился на завалы. Завалы были взяты, но самъ Пассекъ былъ сраженъ нѣсколькими пулями [1]). Такъ кончилась блестящая, но кратковременная карьера этого 37-лѣтняго героя!

К. И. ПРУШАНОВСКІЙ.

Казиміръ Игнатьевичъ Прушановскій [2]) переведенъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ, съ назначеніемъ на Кавказъ, въ 1840 году; въ 1844 году произведенъ въ капитаны; во время даргинской экспедиціи состоялъ при главномъ штабѣ [3]); будучи назначенъ въ авангардъ главнаго отряда при слѣдованіи его отъ Дарго къ Герзель-аулу, былъ тяжело раненъ при атакѣ заваловъ 18-го іюля. Перевезенъ въ кр. Внезапную и тамъ умеръ.

Я. Л. ЛЕОНТЬЕВЪ.

Яковъ Леонтьевичъ Леонтьевъ [4]) переведенъ въ генеральный штабъ поручикомъ, съ назначеніемъ на Кавказъ, въ 1843 году. Здѣсь онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и капитаны и получилъ 2 ордена. Рана, полученная имъ при занятіи Дарго, остановила его дальнѣйшую карьеру. Въ нашей военной литературѣ онъ оставилъ по себѣ память, какъ переводчикъ сочиненія Каузлера: «Мысли и мнѣнія Наполеона о военномъ искусствѣ, военной исторіи и военномъ дѣлѣ».

13-го іюля, при слѣдованіи экспедиціоннаго отряда отъ дороги близъ деревни Шуани были ранены: баронъ Дельвигъ въ ногу и графъ Гейденъ въ предплечіе правой руки навылетъ.

БАР. Н. И. ДЕЛЬВИГЪ.

Баронъ Николай Ивановичъ Дельвигъ [5]) перешелъ на Кавказъ со штабомъ 5-го корпуса. Въ 1844 и 1845 гг. онъ получилъ

---

[1]) Тѣло его осталось въ рукахъ горцевъ.

[2]) Началъ службу въ артиллеріи; окончилъ курсъ военной академіи.

[3]) За первую половину этой экспедиціи онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

[4]) Началъ службу въ Невскомъ морскомъ полку; окончилъ курсъ военной академіи.

[5]) Выпущенъ въ 1883 г. изъ Московскаго корпуса въ конную артиллерію; по окончаніи курса академіи, въ 1840 г. переведенъ въ генеральный штабъ поручикомъ, съ назначеніемъ въ штабъ 5-го пѣхотнаго корпуса.

три награды [1]) за службу преимущественно при передовыхъ войскахъ. Во время движенія экспедиціоннаго отряда къ Гогатлю, онъ находился при авангардѣ чеченскаго отряда; впереди шелъ главный отрядъ генерала Клугенау. Лишь только послышались первые выстрѣлы въ главномъ авангардѣ, какъ Дельвигъ поскакалъ туда, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, явился въ распоряженіе командира Кабардинскаго полка полковника Козловскаго и, по его свидѣтельству, принесъ большую пользу [2]).

Графъ Ѳ. Л. Гейденъ.

Штабсъ-капитанъ графъ Ѳедоръ Логиновичъ [3]) Гейденъ [4]) прибылъ на Кавказъ незадолго до начала экспедиціи и состоялъ при главнокомандующемъ; исполнялъ «опасныя» порученія; будучи посланъ въ авангардъ, слѣдовавшій къ д. Шуани, онъ находился въ крайне трудномъ положеніи, изъ котораго вышелъ, потерявъ лошадь и получивъ легкую рану въ руку; только доложивъ главнокомандующему объ исполненіи порученія, онъ далъ доктору перевязать свою руку; за даргинскую экспедицію произведенъ въ капитаны [5]) и получилъ орденъ Св. Анны 3-й степени.

Остальнымъ офицерамъ генеральнаго штаба, участвовавшимъ въ даргинской экспедиціи, пришлось перенести много лишеній и тягостей; службою ихъ начальники были довольны; никто изъ нихъ меньше двухъ наградъ не получилъ.

Подполковники Индреніусъ, Непокойчицкій и баронъ Вревскій.

Изъ числа награжденныхъ нѣкоторые, впослѣдствіи, дошли до высшихъ должностей, а именно: подполковникъ Индреніусъ [6]),

[1]) Въ 1844 г.—ордена Св. Анны 3-й ст. съ бантомъ и въ 1845 г.— Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и Св. Анны 2-й степени.

[2]) Интересенъ разсказъ самаго Дельвига о томъ, какъ онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й ст. См. Глиноецкій, II, 239—241.

[3]) По Глиноецкому: Лонгиновичъ.

[4]) Сынъ адмирала графа Логина Петровича Гейдена (1772 † 1850). Выпущенъ въ 1840 г. изъ камеръ-пажей въ л.-гв. Преображенскій полкъ; въ 1842 прикомандированъ къ гвардейскому генеральному штабу; въ 1843 году выдержалъ экзаменъ по академической программѣ для перехода въ старшій классъ; переведенъ въ гвардейскій генер. штабъ подпоручикомъ; въ 1844 г. произведенъ въ поручики; въ 1845 г., по собственному желанію, перешелъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ.

[5]) Со старшинствомъ съ 7-го іюня 1845 г.

[6]) Бернгардъ (Борисъ) Эммануиловичъ; на службѣ въ артиллеріи съ 1829 г., выпуска изъ академіи 1834 г. Послѣ перевода въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ, въ 1836 г. командированъ на Кавказъ, гдѣ прослужилъ 20 лѣтъ; въ 1836—1849 гг. старшій адъютантъ штаба кав-

состоявшій при главномъ штабѣ; подполковникъ Непокойчицкій [1]), бывшій старшимъ адъютантомъ 5-го корпуса, а послѣ смерти Левиссона исправлявшій должность корпуснаго оберъ-квартирмейстера; подполковникъ баронъ Вревскій [2]), произведенный во время экспедиціи въ полковники и тутъ же вступившій въ командованіе Навагинскимъ полкомъ [3]); славно прокомандовавъ этимъ полкомъ пять лѣтъ и получивъ во главѣ навагинцевъ золотое оружіе [4]) и чинъ генералъ-маіора, онъ командовалъ затѣмъ послѣдовательно 1-ю бригадою 19-й пѣхотной дивизіи и Кавказскою гренадерскою дивизіею, пріобрѣлъ извѣстность, какъ храбрый, чрезвычайно способный и дѣятельный начальникъ, и оставался на Кавказѣ, пока горская пуля не сразила его въ 1858 году.

Даргинская экспедиція могла бы имѣть для главнаго отряда гибельныя послѣдствія, еслибы къ нему не прибылъ во-время на выручку Фрейтагъ!

Р. К. Фрейтагъ. Послѣ занятія Дарго графъ Воронцовъ, рѣшивъ вернуться на линію вдоль Аксая, черезъ Герзель-аулъ, послалъ генералъ-маіору Фрейтагу [5]) приказаніе: идти навстрѣчу главному отряду отъ Герзель-аула, со всѣми войсками, какія возможно будетъ собрать. Фрейтагъ и до полученія этого приказанія оказалъ экспедиціонному отряду содѣйствіе тѣмъ, что, вторгнувшись въ Большую Чечню, отвлекъ часть силъ горцевъ, собиравшихся въ Дарго; получивъ же приказаніе, онъ неимовѣрно быстро собралъ войска [6]) и освободилъ экспедиціонный отрядъ отъ угрожавшей ему опасности [7]). Когда отряды соединились,

---

казскаго корпуса; участвовалъ въ 1837 г. въ покореніи Цебельды, въ занятіи мыса Адлера и при заложеніи укрѣпленія Св. Духа; въ 1840 г. на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, въ 1845 г. въ даргинской экспедиціи и въ 1847 г. въ Чечнѣ подъ начальствомъ Фрейтага.

[1]) Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій. Началъ службу въ л.-гв. Преображенскомъ полку. Выпуска изъ академіи 1834 г.

[2]) Баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій. Изъ школы гвард. подпрапорщиковъ. Выпуска изъ академіи 1837 г. Въ генер. штабѣ съ 1838 г.

[3]) Вмѣсто убитаго полковника Бибикова.

[4]) Онъ получилъ золотое оружіе три раза: въ 1848 г. и дважды съ алмазами, въ 1852 г. и въ 1857 г.

[5]) Начальнику лѣваго фланга Кавказской линіи.

[6]) Нѣкоторые баталіоны въ двое сутокъ сдѣлали до 150 верстъ.

[7]) Еслибы онъ опоздалъ только на сутки, то отрядъ, въ лучшемъ случаѣ, едва ли спасъ бы своихъ раненыхъ и артиллерію.

графъ Воронцовъ подалъ Фрейтагу руку и сказалъ, обращаясь къ войскамъ: «Кричите ура вашему избавителю!» Затѣмъ, въ приказѣ по корпусу (21-го іюля), онъ благодарилъ Фрейтага и прибывшія съ нимъ войска за помощь, оказанную ими экспедиціонному отряду. За это отличіе Фрейтагъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и утвержденъ начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи, съ оставленіемъ начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи.

Система дѣйствій послѣ даргинской экспедиціи.

Даргинская экспедиція была послѣднею попыткою сломить мюридовъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Съ 1846 года началась медленная, но болѣе вѣрная система дѣйствій противъ горцевъ,—система вытѣсненія ихъ изъ плоскости въ горы, прочнаго занятія тѣхъ мѣстностей, которыя подпали подъ нашу власть.

За время управленія Кавказомъ графомъ Воронцовымъ (до 1854 года) во главѣ штабной службы Кавказскаго корпуса стояли: П. Е. Коцебу и Н. И. Вольфъ [1]).

П. Е. Коцебу.

Генералъ-маіоръ Коцебу былъ назначенъ начальникомъ штаба кавказской арміи 1-го января 1846 года и оставался въ этой должности до 1853 года [2]). За это время онъ получилъ: чинъ генералъ-лейтенанта, званіе генералъ-адъютанта и ордена: Св. Владиміра 2-й ст., Бѣлаго Орла и Св. Александра Невскаго.

Н. И. Вольфъ.

Н. И. Вольфъ сопровождалъ князя Чернышева въ его поѣздкѣ на Кавказъ и пользовался полнымъ его довѣріемъ. Обладая основательнымъ образованіемъ и обширною эрудиціею и мастерски владѣя перомъ, онъ былъ человѣкомъ по преимуществу кабинетныхъ занятій. Въ 1842—1844 гг. онъ побывалъ на Кавказѣ четыре раза съ особыми порученіями къ генераламъ Головину и Нейдгардту; Государь прочитывалъ съ удовольствіемъ представляемыя имъ военному министру свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на Кавказѣ, за что, въ 1844 году, онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. За экспедицію въ Дарго произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту.

Въ 1846 году назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ кавказскаго корпуса и оставался въ этой должности до увольненія въ от-

---

[1]) См. выше стр. 261.

[2]) Когда его вызвали на должность начальника штаба войскъ, предназначенныхъ для дѣйствій въ Европейской Турціи.

ставку по болѣзни въ 1854 году [1]). Въ 1850 году ему, какъ отличному знатоку Кавказа, было поручено сопровождать Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича въ путешествіи по этому краю.

Значеніе службы и вообще дѣятельности Н. И. Вольфа опредѣляется тѣмъ, что онъ, за время своего оберъ-квартирмейстерства, былъ непосредственнымъ участникомъ при разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касавшихся Кавказа, во время управленія этимъ краемъ графа Воронцова.

Штабъ Кавказской линіи и другіе мѣстные штабы. Полковники Траскинъ, Норденстамъ и Д. А. Милютинъ.

Кромѣ главнаго штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса весьма важное значеніе имѣли штабы мѣстныхъ управленій различныхъ частей края, являвшіеся вспомогательными органами соотвѣтствующихъ начальниковъ въ дѣлѣ завѣдыванія войсками и всѣми ихъ дѣйствіями. Первое мѣсто между ними занимаетъ штабъ Кавказской линіи и войскъ, расположенныхъ въ Черноморіи, находившійся въ Ставрополѣ и служившій центромъ военнаго управленія всего сѣвернаго Кавказа. Онъ былъ учрежденъ, по ходатайству генерала Вельяминова, въ 1834 г., въ видѣ временной мѣры, и получилъ окончательное устройство и штатъ въ 1840 году, когда во главѣ его стоялъ полковникъ Траскинъ [2]), а оберъ-квартирмейстеромъ былъ полковникъ Норденстамъ [3]). Въ 1843 году послѣдній былъ назначенъ начальникомъ штаба, а его мѣсто занялъ полковникъ Милютинъ [4]). Преемниками ихъ были: по должности начальника штаба — Филипсонъ [5]) и Герасимовъ [6]), а по должности оберъ-квартирмейстера— Броневскій [7]) и Рудановскій [8]).

Д. А. Милютинъ въ 1843 году перешелъ изъ гвардейскаго

---

[1]) Въ 1856 г. вновь принятъ на службу; состоялъ при министерствѣ; генералъ-лейтенантъ, членъ военнаго совѣта. Умеръ въ 1881 г.

[2]) и [3]) См. выше, стр. 269 и 258.

[4]) См. выше, стр. 262 и 263.

[5]) См. выше, стр. 265.

[6]) См. выше, стр. 270.

[7]) Павелъ Николаевичъ Броневскій, по окончаніи курса академіи, переведенъ въ генеральный штабъ капитаномъ въ 1840 г.; произведенъ въ подполковники въ 1844 году, послѣ чего командированъ на Кавказъ.

[8]) Леонидъ Платоновичъ Рудановскій, получивъ образованіе въ Нѣжинскомъ лицеѣ, началъ службу юнкеромъ; въ 1835 году произведенъ въ офицеры въ Якутскій пѣх. полкъ; окончилъ курсъ академіи; въ 1842 г. переведенъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ и прямо командированъ на Кавказъ.

генеральнаго штаба въ генеральный штабъ подполковникомъ и по пріѣздѣ на Кавказъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ линіи; но пребываніе его здѣсь было непродолжительно: въ ноябрѣ 1844 года онъ былъ вызванъ въ академію на кафедру военной статистики [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ число штабъ-офицеровъ, посылаемыхъ въ распоряженіе военнаго министра.

Г. И. Филипсонъ съ 1836 года служилъ непрерывно на Кавказѣ; въ должности начальника штаба линіи пробылъ съ 1845 до 1849 года, когда былъ назначенъ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса; въ 1850 году вышелъ въ отставку [2]). *Г. И. Филипсонъ.*

Подполковникъ Броневскій назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ Кавказской линіи въ 1845 году; за дѣйствія въ Чечнѣ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ и чинъ полковника; въ 1849 году назначенъ командиромъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка и отлично имъ командовалъ до 1854 года, когда назначеніе на должность оберъ-квартирмейстера Кавказскаго корпуса, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, снова возвратило его, къ сожалѣнію ненадолго, въ генеральный штабъ [3]). *П. Н. Броневскій.*

Его замѣстилъ Л. П. Рудановскій. Еще въ чинѣ штабсъ-капитана, состоя при князѣ Аргутинскомъ-Долгорукомъ, командовавшемъ войсками въ южномъ Дагестанѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе своими познаніями, храбростью и строгою исполнительностью. Князь Аргутинскій-Долгоруковъ умѣлъ цѣнить способныхъ людей; менѣе чѣмъ въ три года Рудановскій получилъ чины капитана и подполковника и три ордена [4]). Въ декабрѣ 1847 года назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 20-й пѣхотной дивизіи, попалъ на театръ дѣйствій въ Чечнѣ и здѣсь получилъ золотое оружіе. Въ 1849 году вступилъ въ должность оберъ-квартирмейстера Кавказской линіи и, участвуя во всѣхъ болѣе значительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ на *Л. П. Рудановскій.*

---

[1]) См. выше, стр. 235.

[2]) Позже новыя событія на Кавказѣ вызвали его на то же поприще.

[3]) Въ томъ же 1854 г. Броневскій отчисленъ отъ должности, съ зачисленіемъ по арміи, а въ 1856 г. перешелъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній.

[4]) Св. Анны 3-й степени съ бантомъ и 2-й ст. и Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

сѣверномъ склонѣ Кавказа, получилъ чинъ полковника и нѣсколько другихъ наградъ [1]).

При графѣ Воронцовѣ получило значеніе управленіе командующаго войсками, расположенными въ Прикаспійскомъ краѣ. Въ 1849 году здѣсь былъ образованъ штабъ въ составѣ двухъ офицеровъ генеральнаго штаба: управлявшаго штабомъ и старшаго адъютанта.

Б. Э. Индреніусъ.

Управлялъ штабомъ съ 1849 до 1853 года Б. Э. Индреніусъ [2]), произведенный, за боевыя отличія въ Дагестанѣ, въ 1849 году, въ полковники и въ 1852 году въ генералъ-маіоры; въ 1853 году онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба, а въ 1855 году—начальникомъ главнаго штаба Кавказскаго корпуса; въ послѣдней должности онъ состоялъ до 1856 года [3]).

Дѣйствія въ Чечнѣ. Р. К. Фрейтагъ.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ Кавказской войны 1846 — 1853 г.г. особенно важное значеніе имѣютъ дѣйствія въ Чечнѣ. Главнымъ дѣятелемъ здѣсь до 1848 года оставался Фрейтагъ [4]), сдѣлавшій прочное начало утвержденію нашей власти въ этой землѣ. Лично начальствуя войсками, назначаемыми въ зимнія экспедиціи для рубки лѣсовъ, онъ проложилъ по Чечнѣ широкія просѣки, уничтожилъ хутора, служившіе главными притоками чеченцевъ и держалъ въ постоянномъ страхѣ горское населеніе, предупреждая и разрушая всѣ его враждебные замыслы. Особенно блистательно было исполнено имъ преслѣдованіе въ 1846 году Шамиля, намѣревавшагося со всѣми силами Чечни и части Дагестана вторгнуться въ Кабарду съ тѣмъ, чтобы поднять тамошнее населеніе и овладѣть военно-грузинскою дорогою. Быстро собравъ отрядъ и разгадавъ намѣренія противника, Фрейтагъ вынудилъ его къ бѣгству и неутомимо преслѣдовалъ [1]). Куринцы сложили по этому поводу особую пѣсню, начинавшуюся словами:

«Съ нами Богъ и Фрейтагъ съ нами, кто-жъ насъ можетъ устрашить».

---

[1]) Впослѣдствіи Рудановскій принималъ не менѣе дѣятельное участіе въ восточной войнѣ и въ окончательномъ покореніи Кавказа.

[2]) См. выше, стр. 279. За указанныя дѣйствія получилъ ордена: 1840 г. — Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и за 1845 г.—Св. Станислава и Св. Анны 2-й ст., а за 1847 г.—золотое оружіе.

[3]) Въ 1856 г. назначенъ С.-Михельскимъ губернаторомъ, съ зачисленіемъ по арміи.

[4]) За это Фрейтагъ получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени.

Графъ Воронцовъ, выражая удивленіе по этому-же поводу, писалъ Фрейтагу:

«Надо признаться, что вы—настоящій бичъ Шамиля; какъ скоро онъ затѣваетъ что-нибудь сильное, вы тутъ какъ тѣнь передъ его глазами,—онъ долженъ васъ ужасно ненавидѣть!».

Самъ Фрейтагъ былъ скроменъ; онъ писалъ объ этой-же экспедиціи:

«Я ходилъ въ Кабардѣ по слѣдамъ Шамиля; обширны были его замыслы и немного недоставало, чтобы замыслы его исполнились; но, благодаря Бога, все кончилось хорошо; оно могло бы кончиться гораздо лучше для насъ, Шамиль долженъ былъ потерять свои пушки; когда онъ бѣжалъ изъ Кабарды, я въ 32 часа сдѣлалъ около 150 верстъ; изъ этого числа верстъ 90 по безводному пространству; Шамиль бѣжалъ шибче меня,—я его не догналъ» [1]).

Глубоко сознавая чувство долга, въ высшей степени честно относясь къ своимъ обязанностямъ, Фрейтагъ, повидимому всегда спокойный, веселый, даже безпечный, постоянно отличался полнѣйшею заботливостью о нуждахъ солдата и о безопасности ввѣреннаго ему отряда [2]).

Несмотря на самое строгое отношеніе Фрейтага къ своимъ обязанностямъ, рѣдко можно было встрѣтить болѣе привѣтливаго и обходительнаго начальника въ часы досуга и отдыха. Въ экспедиціяхъ, каждый вечеръ, у костра его собиралось большое общество; разговаривали, шутили, пѣли и время проходило незамѣтно; привѣтливость Фрейтага одушевляла всѣхъ неподдѣльнымъ весельемъ. Фрейтагъ говорилъ: «Въ походѣ радость прилипчива; она передается весьма легко; если солдаты увидятъ, что начальникъ пасмуренъ, то и у нихъ сдѣлается пасмурно на душѣ».

Отлично зная характеръ и свойства русскаго солдата, Фрейтагъ

---

[1]) Въ это самое время Фрейтагъ пользовался первыми годами счастливаго супружества. Женившись въ 1844 г. на дочери тайнаго совѣтника Беклемишева, онъ перевезъ молодую жену въ кр. Грозную; горячо любя жену, онъ не допускалъ даже мысли о томъ, чтобы для нея сдѣлать какое-либо послабленіе въ своихъ обязанностяхъ. Въ одномъ изъ писемъ къ ней онъ писалъ: «Не разсчитывай и не обманывай себя, чтобы мы могли скоро увидѣться,—сколь бы я не любилъ тебя, но ни на одну минуту не рѣшусь оставить отряда, участь котораго зависитъ отъ меня».

[2]) Онъ писалъ женѣ: «У меня много заботъ и есть о чемъ подумать; подушка часто вертится у меня подъ головою, когда все спитъ вокругъ; это не мнительность, потому что до сего времени Богъ былъ милостивъ и не съ чего быть мнительнымъ: но тяжело будетъ на совѣсти, если по моей ошибкѣ или неосмотрительности произойдетъ неудача».

умѣлъ поднять его духъ, сдѣлать его героемъ. Лично храбрый, онъ во время дѣла находился въ огнѣ, сохраняя полнѣйшее спокойствіе и зорко слѣдя за ходомъ дѣйствій; въ это время онъ былъ сосредоточенъ и серьезенъ; если же гдѣ-либо на полѣ сраженія обнаруживалось разстройство, онъ тотчасъ же отправлялся туда и, не обращая вниманія на какую бы то ни было опасность, личнымъ присутствіемъ и распоряженіями, старался привести въ порядокъ разстроенную часть. Всѣ указанныя качества дѣлали Фрейтага замѣчательнымъ, выходящимъ изъ ряда, военачальникомъ; имя его стало извѣстно всей Россіи, а генеральный штабъ могъ справедливо гордиться, когда Фрейтагъ, съ назначеніемъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи, снова былъ зачисленъ въ его списки [1]).

ШКОЛА ФРЕЙТАГА.

Десятилѣтнее пребываніе на Кавказѣ столь замѣчательнаго по своимъ военнымъ дарованіямъ человѣка не могло остаться безъ вліянія на окружавшую его среду, на его сослуживцевъ и подчиненныхъ. Фрейтагъ былъ безусловно всѣми любимъ и уважаемъ. Командованіе его Куринскимъ полкомъ поколебало убѣжденіе въ томъ, что, только пройдя черезъ образцовыя войска, офицеръ генеральнаго штаба можетъ сдѣлаться хорошимъ полковымъ командиромъ; послѣ него офицеры генеральнаго штаба, не бывшіе въ этихъ войскахъ, назначались командирами полковъ все чаще и чаще; въ сороковыхъ годахъ были назначены: Пассекъ, баронъ Вревскій, Новицкій и Броневскій [2]). Всѣ они отлично командовали полками; имена ихъ составляютъ украшеніе нашей военной исторіи.

Подъ непосредственнымъ начальствомъ Фрейтага служили блестящіе кавказскіе дѣятели: Слѣпцовъ и князь Барятинскій.

Н. П. СЛѢПЦОВЪ.

Николай Павловичъ Слѣпцовъ [3]) назначенъ командиромъ Сунженскаго полка въ 1845 году, когда лѣвымъ флангомъ линіи начальствовалъ Фрейтагъ, въ предпріятіяхъ котораго онъ съ своими сунженцами участвовалъ почти постоянно.

КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій [4]) впервые по-

---

[1]) Высочайшій приказъ 26-го апрѣля 1848 года.

[2]) Командовали полками: Апшеронскимъ, Навагинскимъ, Ставропольскимъ и Дагестанскимъ.

[3]) Убитъ въ сраженіи съ горцами 10 декабря 1845 года.

[4]) Родился въ 1814 г. Въ 1833 г. корнетъ л.-кирасирскаго Е. В. Наслѣдника Цесаревича полка. Въ мартѣ 1835 г. командированъ на Кав-

явился на Кавказѣ въ 1835 году, а затѣмъ подъ Дарго, гдѣ онъ былъ раненъ [1]) и получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степени. Съ 1847 года онъ вступилъ въ среду коренныхъ кавказскихъ дѣятелей, будучи назначенъ командиромъ егерскаго ген.-адъют. кн. Чернышева полка [2]). Будущій покоритель восточнаго Кавказа совершилъ первые свои боевые подвиги въ Чечнѣ (осенью 1847 и зимою 1847—1848 г.г.) по указаніямъ и отчасти подъ непосредственнымъ начальствомъ Фрейтага.

На лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, также во время начальствованія имъ Фрейтага, служили весьма многіе офицеры генеральнаго штаба, изъ коихъ большинство сдѣлало послѣ того болѣе или менѣе блестящую карьеру. Нисколько не умаляя значенія ихъ личныхъ достоинствъ, должно, однако, признать, что примѣръ такого начальника, какимъ былъ Фрейтагъ, не могъ не оказать на нихъ вліянія.

Прочіе ученики Фрейтага.

Дивизіонными квартирмейстерами 20-й пѣхотной дивизіи при Фрейтагѣ перебывали: подполковникъ Невѣровскій [3]), капитанъ Колодѣевъ [4]) и подполковникъ Рудановскій [5]), а при отрядахъ, которыми командовалъ Фрейтагъ (кромѣ вышеупомянутыхъ): баронъ Вревскій [6]), Веревкинъ [7]), Бибиковъ [8]), подполковникъ

казъ; участвовалъ въ экспедиціи за Кубань г.-л. Вельяминова; командовалъ авангардомъ отряда полковника Безобразова; отличился; раненъ; получилъ золотое оружіе. Въ 1845 г. командовалъ баталіономъ егерскаго ген.-адъют. кн. Чернышева полка.

[1]) Остался въ строю.

[2]) Кабардинскаго полка. Въ 1848 г. генералъ-маіоръ; 1850 г.—командиръ Кавказской резервной гренадерской бригады; 1851 г.—командующій 20-ю пѣх. дивизіею и и. д. начальника лѣваго фланга линіи; 1853 г. — генералъ-адъютантъ и начальникъ главнаго штаба войскъ на Кавказѣ; 1856 г.—генералъ отъ инфантеріи, намѣстникъ и главнокомандующій; 1859 г.—генералъ-фельдмаршалъ.

[3]) Александръ Андреевичъ Невѣровскій. Выпуска изъ академіи 1839 г. На Кавказѣ въ 1840—1845 и въ 1853—1857 г.г. Въ 1865 г. умеръ (ген.-лейтенантъ; членъ совѣта министерства государств. имуществъ).

[4]) Хрисанфъ Ивановичъ Колодѣевъ. Выпуска изъ академіи 1840 г. На Кавказѣ въ 1845—1856 г.г. Въ 1876 г. ген.-лейт.; въ отставкѣ.

[5]) См. выше, стр. 283.

[6]) См. выше, стр. 280.

[7]) Александръ Николаевичъ Веревкинъ. Выпуска изъ академіи 1838 г. На Кавказѣ съ 1840 г. Въ 1850 г.—командиръ Тенгинскаго полка; 1852 г.—генералъ-маіоръ. Умеръ въ 1854 г.

[8]) Дмитрій Сергѣевичъ Бибиковъ. Выпуска изъ академіи 1834 г. На Кавказѣ въ 1836—1848 г.г. Въ 1849—1855 г.г. командиръ Охотскаго полка. Въ 1855 г. генералъ-маіоръ. Умеръ въ 1861 г.

Бруннеръ [1]), капитанъ Минквицъ [2]), штабсъ-капитанъ Баумгартенъ [3]), поручикъ Исаковъ [4]), капитаны Мацневъ [5]), Дрейеръ [6]) и Ольшевскій [7]), подполковникъ Торнау [8]) и многіе другіе.

Всѣ они дѣлали первые свои шаги на боевомъ поприщѣ на глазахъ Фрейтага, получали награды по его представленіямъ и вынесли изъ служебнаго сближенія съ нимъ не только пріятныя, но и полезныя воспоминанія, которыя, быть можетъ, не остались безъ вліянія на ихъ дальнѣйшую службу.

Такимъ образомъ Фрейтагъ былъ полезенъ не только своимъ участіемъ въ дѣлахъ, но и тѣмъ вліяніемъ, какое онъ оказывалъ на всѣхъ его окружавшихъ. Онъ олицетворялъ собою типъ офицера генеральнаго штаба, въ самой чистой и возвышенной ея формѣ, и вотъ почему память о немъ столь дорога генеральному штабу.

Истребленіе лѣсовъ, лѣсныхъ ауловъ и хуторовъ въ Чечнѣ и постройка укрѣпленій служили поводомъ къ постояннымъ экспедиціямъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, въ которыхъ принимали дѣятельное участіе и офицеры генеральнаго штаба. Кромѣ офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшихъ въ войскахъ въ этой мѣстности, въ экспедиціяхъ обыкновенно участвовали и многіе офицеры, присылае-

---

[1]) Андрей Осиповичъ Бруннеръ. Въ 1838 г. выпущенъ изъ академіи 1-мъ съ мал. серебрян. медалью. Съ 1844 г. на Кавказѣ. Въ 1848 — 1854 г.г. командиръ Брестскаго полка. За дѣло при Архурѣ получилъ орденъ Св. Георгія 4-й ст. Въ 1851 г. нач. 9 пѣх. дивизіи. Въ 1872 г. командующій войсками Казанскаго воен. округа. Въ 1882 г. — по запаснымъ войскамъ.

[2]) Александръ Федоровичъ Минквицъ выпущенъ изъ академіи въ 1840 г. съ мал. серебрян. медалью. 1862 г. — начальникъ штаба Варш. воен. округа. 1868 г.—ген.-адъютантъ. Въ 1882 г. умеръ.

[3]) Александръ Карловичъ Баумгартенъ. Выпуска изъ академіи 1838 г. Въ 1840 — 1841 г.г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ.

[4]) Николай Васильевичъ Исаковъ. Выпуска изъ академіи 1843 г. На Кавказѣ въ 1846—1848 г.г. За дѣйствія въ Чечнѣ 1846 г. получилъ орденъ Св. Анны 4-й ст. «за храбрость».

[5]) Владиміръ Николаевичъ Мацневъ. Выпуска изъ академіи 1840 г. На Кавказѣ въ 1841—1847 г.г.

[6]) Николай Николаевичъ Дрейеръ. Выпуска изъ академіи 1837 г.

[7]) Мелентій Яковлевичъ Ольшевскій. Выпуска изъ академіи 1840 г. На Кавказѣ съ 1842 г. Въ 1853 г. переведенъ въ Кабардинскій полкъ и принялъ баталіонъ.

[8]) Федоръ Федоровичъ Торнау.

мые изъ Петербурга и изъ главнаго штаба Кавказскаго корпуса. Среди многочисленныхъ наградъ, заслуженныхъ на этомъ театрѣ дѣйствій офицерами генеральнаго штаба, наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе, послѣ ордена Св. Георгія [1]), пожалованія золотымъ оружіемъ «за храбрость». Эту награду получили: въ 1848 году состоявшіе при главномъ штабѣ Кавказской арміи полковникъ Форстенъ [2]), подполковники Индреніусъ [3]) и Стишинскій [4]) и дивизіонный квартирмейстеръ 20-й дивизіи подполковникъ Рудановскій [5]); въ 1849 году—див. квартирмейстеръ Кавказской резервной гренадерской бригады, полковникъ Веревкинъ [6]); въ 1850 году—див. квартирмейстеръ 20-й дивизіи подполковникъ Ольшевскій [7]); въ 1852 г.—подполковникъ баронъ Сталь [8]) и капитанъ Усларъ [9]); въ 1853 году—капитанъ Радичъ [10]).

Дѣйствія въ Дагестанѣ. Школа князя М. З. Аргутинскаго-Долгорукаго.

Въ Дагестанѣ, въ 1842—1853 г.г., главнымъ дѣятелемъ являлся князь Моисей Захаровичъ Аргутинскій-Долгоруковъ [11]), съ именемъ котораго связаны всѣ наиболѣе славныя дѣла въ этой части Кавказа; офицеры генеральнаго штаба, служившіе подъ его начальствомъ и получившіе награды по его представленіямъ, точно также могутъ гордиться, что награды эти пріобрѣтены ими путемъ многихъ тяжелыхъ испытаній и трудностей, перенесенныхъ въ опасныхъ экспедиціяхъ.

---

[1]) См. выше, стр. 257 и слѣдующія.

[2]) См. выше, стр. 260 и 265. Въ 1848 году назначенъ командующимъ 2-ю бригадою кавк. лин. баталіоновъ.

[3]) См. выше, стр. 279 и 284.

[4]) Семенъ Григорьевичъ Стишинскій. Изъ юнкеровъ Апшеронскаго полка. Въ 1835 г. переведенъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ. На Кавказѣ до отставки въ 1856 г.

[5]) См. выше, стр. 283.

[6]) См. выше, стр. 287.

[7]) См. выше, стр. 288.

[8]) Баронъ Карлъ Федоровичъ Сталь. Выпуска изъ академіи 1842 г. На Кавказѣ съ 1844 г. Пользовался особымъ довѣріемъ Слѣпцова.

[9]) Петръ Константиновичъ Усларъ. Выпуска изъ академіи 1842 г. Въ 1850 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, назначенъ на Кавказъ. Получилъ здѣсь еще два чина и орденъ Св. Владиміра 4-й ст. Во время восточной войны — въ полковники. Ученый изслѣдователь Кавказскихъ языковъ. Членъ-корреспондентъ академіи наукъ. Получилъ половинную Демидовскую премію.

[10]) Николай Яковлевичъ Радичъ. Выпуска изъ академіи 1848 г.

[11]) Род. въ 1799 г., †1855 г., генералъ-адъютантъ.

Ближайшими помощниками князя Аргутинскаго по управленію штабомъ самурскаго отряда были: А. П. Рудановскій, а послѣ него Б. Э. Индреніусъ [1]); въ отрядахъ-же подъ его начальствомъ служили болѣе или менѣе продолжительно: штабсъ-капитанъ Николай Федоровичъ Козляниновъ [2]), капитанъ графъ Ө. Л. Гейденъ [3]) и штабсъ-капитанъ Н. В. Исаковъ [4]); капитаны: Михаилъ Эммануиловичъ Маркъ [5]), Н. Н. Дрейеръ [6]), и Аполлонъ Эрастовичъ Циммерманъ [7]), штабсъ-капитанъ Михаилъ Ивановичъ Астафьевъ [8]), капитанъ Александръ Васильевичъ Фрейгангъ [9]), штабсъ-капитанъ Дмитрій Христіановичъ Бушенъ [10]), капитанъ баронъ Леонтій Павловичъ Николаи [11]) и др.

Изъ многочисленныхъ экспедицій и походовъ, совершенныхъ въ горахъ Дагестана подъ начальствомъ князя Аргутинскаго, наиболѣе славными и блестящими могутъ быть признаны: предпріятія противъ Гергебиля и Салты въ 1847 и 1848 г.г. и противъ аула Чохъ въ 1849 году. И въ этихъ предпріятіяхъ офицеры генеральнаго штаба совершили нѣсколько блестящихъ отличій. Въ ряду наиболѣе отличившихся въ экспедиціи 1847 года противъ Гергебиля и Салты нельзя не упомянуть капитана графа Ө. Л. Гейдена [12]) и поручика Исакова [13]), а въ походѣ въ нагорный Дагестанъ и при осадѣ аула Чохъ

---

[1]) См. выше, стр. 279 и 284.

[2]) Изъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Выпуска изъ академіи 1840 г. На Кавказѣ въ 1845 г. Впослѣдствіи командующій войсками Кіевскаго воен. округа и генералъ-адъютантъ.

[3]) Переведенъ въ генеральный штабъ 4 марта 1845 года.

[4]) См. выше, стр. 279.

[5]) Выпуска изъ академіи 1836 г. На Кавказѣ въ 1845—1850 г.г.

[6]) См. выше, стр. 288.

[7]) Изъ академіи 1847 г. съ мал. серебрян. медалью.

[8]) Изъ академіи—1844 г. На Кавказѣ въ 1846—1860 г.г.

[9]) Изъ академіи—1843 г. На Кавказѣ съ 1848 г.

[10]) Изъ академіи—1849 г. Съ 1854 г.—въ Никол. акад. ген. штаба—адъютантъ, профессоръ и правитель дѣлъ.

[11]) Изъ академіи—1846 г. Въ 1868 г. въ отставкѣ. Въ 1891 г. умеръ во Франціи картезіанскимъ монахомъ.

[12]) Подъ Гергебилемъ и Салтами исполнялъ самыя разнообразныя порученія, какъ въ раіонѣ осадныхъ работъ, такъ и при дѣйствіяхъ противъ скопищъ горцевъ. Получилъ ордена Св. Анны 2-й ст. и Св. Георгія 4-й ст. Раненъ пулею въ нижнюю часть живота.

[13]) За Гергебиль и Салты получилъ ордена Св. Анны 3 ст. и Св. Владиміра 4-й ст. съ бантами, золотое оружіе, а за дальнѣйшія дѣйствія (Ахты и т. д.) чинъ капитана и званіе флигель-адъютанта.

отличились капитанъ Свѣчинъ [1]) и штабсъ-капитанъ Астафьевъ [2]).

Въ связи съ дѣйствіями въ Дагестанѣ, предпринимались постоянныя экспедиціи и со стороны Лезгинской линіи, которая при князѣ Воронцовѣ постоянно усиливалась. Замѣтнымъ дѣятелемъ по устройству этой линіи и проложенію сообщеній явился Н. И. Горскій [3]), а ближайшимъ его помощникомъ Д. И. Гродскій [4]).

Дѣйствія со стороны Лезгинской линіи. Н. И. Горскій, Д. И. Гродскій.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ и съ Лезгинской линіи начинается болѣе рѣшительное движеніе внутрь Дагестана. Въ числѣ наиболѣе отличившихся здѣсь должно упомянуть подполковника Марка [5]) и полковника Капгера [6]).

На Лезгинской-же линіи появляется, въ 1851 году, генеральнаго штаба капитанъ Федоръ Федоровичъ Радецкій, начавшій здѣсь службу еще до поступленія въ военную академію и прославившійся впослѣдствіи на Шипкѣ [7]).

Въ западной части Кавказа продолжались, начатыя еще до прибытія графа Воронцова, систематическія дѣйствія противъ горцевъ,

Дѣйствія въ западной части Кавказа

---

[1]) Дмитрій Ивановичъ Свѣчинъ. Изъ академіи 1-мъ въ 1843 г. съ мал. сер. медалью. На Кавказѣ въ 1845—1853 г.г. Получилъ чинъ капитана, орденъ Св. Владиміра 4-й ст. и золотое оружіе.

[2]) За отличіе при штурмѣ аула Чохъ получилъ золотое оружіе.

[3]) См. выше. Состоя начальникомъ Джаро-Бѣлоканскаго округа и Лезгинской линіи, въ 1846 г., заложилъ передовое укрѣпленіе Кадоръ, за что получилъ орденъ Св. Станислава 1-й ст.

[4]) Дмитрій Ивановичъ Гродскій. Выпуска изъ академіи 1840 г. На Кавказѣ въ 1842—1853 г.г. На Лезгинской линіи за боевыя отличія получилъ чины подполковника и полковника, ордена Св. Владиміра 4-й ст., Св. Анны 2-й ст., корону къ нему и золотое оружіе. Див. квартирмейстеръ 21-й дивизіи. Прикомандированъ къ образцовому полку, гдѣ встрѣтился снова съ Н. И. Горскимъ. Въ 1851 г. оба они окончили свое пребываніе въ этомъ полку и были назначены: Горскій предсѣдателемъ межевой комиссіи войска Донского, а полковникъ Гродскій див. квартирмейстеромъ 2-й легкой кав. дивизіи, а въ 1853 г.—предсѣдателемъ межевой-же комиссіи Терскаго войска.

[5]) См. выше, стр. 290. За боевыя отличія на Кавказѣ получилъ чины подполковника и полковника и золотое оружіе.

[6]) См. выше. На Кавказѣ въ 1840—1842 г.г., въ 1843—1848 г.г. и 1849—1859 г.г. Получилъ чины подполковника и полковника, орденъ Св. Владиміра 3 ст., золотое оружіе и чинъ генералъ-маіора. Въ 1852 г. начальникъ штаба Кавказской линіи.

[7]) На Кавказѣ съ 1843 до 1847 г., саперный офицеръ. Выпуска изъ академіи 1849 г. Въ 1855 г. начальникъ штаба въ Прикаспійскомъ краѣ.

имѣвшія цѣлью стѣсненіе горцевъ заселеніемъ Лабы и пространства между нею и Кубанью. Въ происшедшихъ при этомъ военныхъ дѣйствіяхъ отличились многіе офицеры генеральнаго штаба, изъ которыхъ чаще другихъ упоминаются: Карлгофъ [1]), Кроіерусъ [2]), Забудскій [3]), Сальстетъ [4]), Комаровъ [5]), Фокъ [6]), Жданъ-Пушкинъ [7]) и Назанскій [8]).

Результатъ обзора дѣятельности офицеровъ генеральнаго штаба на Кавказѣ.

Въ общемъ вышеприведенный обзоръ боевой дѣятельности офицеровъ нашего генеральнаго штаба на Кавказѣ, въ 1832—1853 г.г., даетъ длинный списокъ славныхъ именъ. Между ними оказываются первые піонеры цивилизаціи, которые безстрашно пускались въ совершенно невѣдомыя горы; въ ихъ числѣ находимъ передовыхъ вожатыхъ, направлявшихъ колонны нашихъ войскъ въ недоступныя ущелья и увлекавшихъ эти колонны на непріятельскіе завалы; многіе изъ нихъ своею кровью и жизнью запечатлѣли преданность Государю и Отечеству. Въ ихъ же рядахъ и притомъ—въ немаломъ числѣ встрѣчаются и такія лица, которыя могущественно содѣйствовали боевому воспитанію Кавказской арміи; достаточно указать хотя бы на то, что—именно въ это время славными полками: Апшеронскимъ, Дагестанскимъ, Куринскимъ, Навагинскимъ и Тенгинскимъ—

[1]) Николай Ивановичъ Карлгофъ. Изъ академіи 1839 г. Въ 1854 г. оберъ-квартирмейстеръ Кавказскаго корпуса, а въ 1857 г. генералъ-квартирмейстеръ Кавказской арміи.

[2]) Аксель Самойловичъ Кроіерусъ. Изъ академіи 1841 г. Въ 1853 г. на Кубани получилъ золотое оружіе. Ген.-лейтенантъ. Умеръ въ 1876 г.

[3]) Николай Николаевичъ Забудскій. Изъ академіи 1844 г. Служилъ до 1865 г. на правомъ флангѣ Кавказской линіи.

[4]) Служилъ въ Навагинскомъ полку до чина штабсъ-капитана; занималъ штабныя должности, за что и переведенъ въ генеральный штабъ. Въ 1856 г. градоначальникъ гор. Ейска.

[5]) Наркизъ Дмитріевичъ Комаровъ. Служилъ въ Рыльскомъ полку. Въ 1832 г. переведенъ поручикомъ въ генеральный штабъ. Въ 1845 г. оберъ-квартирмейстеръ своднаго кавалер. корпуса.

[6]) Николай Александровичъ Фокъ. Изъ академіи 1842 г. За Даргинскую экспедицію капитанъ. Получилъ орденъ Св. Анны 2 ст., корону къ нему и золотое оружіе.

[7]) Викентій Викентьевичъ Жданъ-Пушкинъ. Изъ академіи 1846 г. Былъ во многихъ экспедиціяхъ. Тяжело раненъ. Получилъ ордена Св. Анны 3-й и 2-й ст.

[8]) Иванъ Николаевичъ Назанскій. Изъ академіи 1848 г. На правомъ флангѣ линіи. Получилъ ордена Св. Владиміра 4-й ст., Св. Анны 2-й ст. и золотое оружіе.

командовали бывшіе офицеры генеральнаго штаба. Наконецъ, въ кавказской школѣ воспитывались многіе дѣятели, игравшіе впослѣдствіи видныя роли въ событіяхъ царствованія Императора Александра II.

Значеніе Кавказской военной школы для арміи и для генеральнаго штаба.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Кавказская боевая школа имѣла могущественное значеніе въ отношеніи образованія офицеровъ генеральнаго штаба, но, къ сожалѣнію, та польза, которую они, какъ и всѣ вообще служившіе на Кавказѣ, извлекали изъ этой службы, оставалась только при нихъ, нисколько не вліяя на другія войска нашей арміи.

Французы, благодаря своей боевой алжирской школѣ, пріобрѣли очень многое, что доставило имъ важныя преимущества въ восточную войну [1]); у насъ же Кавказская война къ этому же времени соотвѣтственнаго вліянія на усовершенствованіе арміи не оказала; мало того, начальники, воспитывавшіеся на Кавказѣ, не пользовались подобающимъ имъ значеніемъ въ Европейской Россіи, ихъ упрекали въ незнаніи тонкостей фронтовой службы, въ слабости къ подчиненнымъ и въ неумѣніи поддерживать «дисциплину».

Наша Кавказская война, въ разсмотрѣнный періодъ, представляла рядъ подвиговъ величайшаго самоотверженія и безпредѣльной отваги. Это была школа чисто военныхъ характеровъ; она поддерживала энергію и способности лицъ, въ ней участвовавшихъ, не допуская ихъ до усыпленія и давая имъ обширное поприще для собственнаго ихъ развитія. На процвѣтаніе у насъ военнаго дѣла она могла вліять только косвенно тѣмъ, что выдвигала впередъ офицеровъ и начальниковъ болѣе выдающихся.

При такихъ условіяхъ Кавказская война имѣла чуть ли не исключительно мѣстное значеніе и никакого вліянія внѣ предѣловъ Кавказа не проявляла.

Таково было положеніе дѣлъ по отношенію ко всей нашей арміи вообще; таково же оно было и по отношенію къ генеральному штабу.

Заключеніе о подготовкѣ генеральнаго штаба въ царствованіе Императора Николая I.

Въ общемъ, вслѣдствіе вышеуказанныхъ недостатковъ нашей военной системы того времени, подготовка нашей арміи къ войнѣ и

[1]) Они ввели стрѣлковые баталіоны, усовершенствовали разсыпной строй, измѣнили систему обученія войскъ; ихъ генералы напрактиковались въ командованіи отдѣльными отрядами.

бою получила въ значительной степени ложное направленіе. Командный составъ попрежнему не находился на высотѣ своего назначенія. Военно-бюрократическій элементъ пріобрѣлъ немалую силу и большое значеніе.

При такихъ условіяхъ, хотя вновь учрежденная военная академія и давала генеральному штабу офицеровъ, настолько подготовленныхъ, насколько ихъ можетъ подготовить школа — генеральный штабъ, находившійся къ тому же въ приниженномъ положеніи, не извлекалъ изъ такой ихъ подготовки надлежащей пользы и не только не могъ вліять на армію въ смыслѣ усовершенствованія ея боевой подготовки, но не могъ совершенствоваться и самъ.

Такое положеніе дѣлъ могло измѣниться лишь послѣ достаточно серьезнаго боевого опыта, который только одинъ и могъ выяснить недостатки нашей военной системы вообще, ложность направленія подготовки нашей арміи къ войнѣ и бою въ особенности и неправильность постановки и подготовки нашего генеральнаго штаба въ частности.

ГЛАВА VII.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ ВЪ ВЕНГЕРСКУЮ КАМПАНІЮ 1849 ГОДА И ВЪ ВОСТОЧНУЮ ВОЙНУ 1853—56 Г.Г.

Подготовка къ кампаніи 1849 года. Условія, поставленныя Императоромъ Николаемъ I.

Ъ виду революціи въ Парижѣ (въ 1848 году) и непосредственно за нею послѣдовавшихъ возстаній въ Италіи, Австріи и германскихъ земляхъ, Императоръ Николай I немедленно принялъ самыя энергическія мѣры, чтобы быть готовымъ на всѣ случайности, могущія возникнуть изъ современнаго положенія дѣлъ.

Дѣйствующая армія была приведена на военное положеніе и расположена на западныхъ границахъ имперіи. Отъ прямого вмѣшательства въ дѣла другихъ державъ Россія пока воздерживалась; только 5-й пѣхотный корпусъ былъ введенъ въ Дунайскія княжества—и то по соглашенію съ турецкимъ правительствомъ [1]), а затѣмъ небольшіе отряды Скарятина и Энгельгардта были двинуты въ Трансильванію только вслѣдствіе неоднократныхъ ходатайствъ австрійскихъ начальниковъ и усиленныхъ просьбъ жителей Кронштадта и Германштадта.

Съ теченіемъ времени дѣла австрійцевъ въ Венгріи и Трансиль-

---

[1]) Требовали того опасные безпорядки, производимые въ Молдавіи и Валахіи революціонерами всѣхъ странъ и, преимущественно, польскими выходцами.

ваніи становились все хуже и хуже. Императоръ Николай вошелъ въ положеніе юнаго австрійскаго монарха и изъявилъ готовность оказать ему помощь, но ставилъ непремѣннымъ условіемъ: а) чтобы призываемые вспомогательные отряды были достаточно сильны для самостоятельныхъ дѣйствій въ указанномъ направленіи и б) чтобы они дѣйствовали отдѣльно отъ австрійскихъ войскъ. Условія эти были приняты вѣнскимъ кабинетомъ.

Планъ дѣйствій.

Планъ дѣйствій подвергался различнымъ видоизмѣненіямъ, находившимся въ зависимости: а) отъ измѣненія обстановки на австро-венгерскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій и б) отъ положенія дѣлъ въ сосѣднихъ германскихъ государствахъ. Пока венгерское возстаніе не грозило разрушеніемъ монархіи Габсбурговъ и пока не выяснились отношенія наши къ Пруссіи,—предполагалось послать на помощь австрійцамъ только одинъ корпусъ; затѣмъ же, по мѣрѣ торжества консервативныхъ началъ въ германскихъ государствахъ и въ виду успѣховъ революціи въ Венгріи, было признано возможнымъ и необходимымъ увеличить размѣры военной помощи Австріи.

Положено было: а) послѣ предварительнаго занятія Галиціи и Буковины направить главную массу нашихъ войскъ въ Венгрію черезъ Карпаты по перевалу близъ Дуклы, открывающему путь въ самую середину страны [1]); наступая этимъ путемъ, наши главныя силы разрѣзывали Венгрію на двѣ части и раздѣляли силы непріятеля, находившіяся на западѣ, отъ тѣхъ, которыя находились на востокѣ; по этому пути предполагалось направить не менѣе двухъ корпусовъ (слишкомъ 85,000 человѣкъ при 320 орудіяхъ); б) въ то же время, для отвлеченія вниманія и силъ непріятеля, двинуть отдѣльные отряды въ Трансильванію [2]).

Дѣйствующая армія. Главнокомандующій.

Для дѣйствій противъ венгерцевъ была назначена армія подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, въ составѣ 2-го, 3-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ [3]) и дивизій: 1-й легкой кава-

[1]) Черезъ г.г. Пряшевъ (Эперіешъ), Кашау и Мишковецъ (Мишкольцъ).

[2]) И. Ореусъ. Описаніе венгерской войны 1849 года. Спб. 1880 г. Стр. 93—101.

[3]) Въ этихъ корпусахъ состояли дивизіи: во 2-мъ: 2-я легкая кавалерійская, 4-я, 5-я и 6-я пѣхотныя и 2-я артиллерійская; въ 3-мъ: 3-я

лерійской и 2-й уланской, двухъ батарей 2-й конно-артиллерійской дивизіи, дивизіона Жандармскаго полка, и полковъ: кавказскаго сводно-иррегулярнаго, закавказскаго конно-мусульманскаго и 7-ми донскихъ казачьихъ съ 3-мя донскими же батареями [1]), а всего 168 баталіоновъ, 138 эскадроновъ и 52 сотни при 528 орудіяхъ, въ коихъ (прибавляя парки) состояло: 68 генераловъ, 3.530 штабъ и оберъ-офицеровъ, 153.530 строевыхъ и 5.891 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ.

Въ Трансильваніи дѣйствовалъ 5-й пѣхотный корпусъ, въ которомъ состояло: 28 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 18 сотенъ при 56 орудіяхъ, 11 генераловъ, 605 штабъ и оберъ-офицеровъ, 27.069 строевыхъ и 962 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ [2]).

Итого, для дѣйствій противъ венгровъ, было направлено до 180.000 нашихъ войскъ; боевая ихъ сила была не менѣе 140.000—150.000 чел. при 584 орудіяхъ. Къ тому же времени Австрія выставила для той же цѣли не болѣе 100.000 чел. при 460 орудіяхъ, тогда какъ венгры располагали чуть ли не 200,000 чел. при 1.800 орудіяхъ; впрочемъ $^{1}/_{3}$ ихъ арміи имѣла милиціонный характеръ.

Начальникъ главнаго штаба арміи и генералъ-квартирмейстеръ.

Начальникомъ главнаго штаба дѣйствующей арміи состоялъ генералъ-отъ-артиллеріи, генералъ-адъютантъ князь М. Д. Горчаковъ [3]). Быть начальникомъ штаба при князѣ Паскевичѣ было нелегко: онъ оберегалъ свою власть весьма ревниво, не терпѣлъ возраженій и, не отличаясь мягкостью въ обращеніи вообще, съ подчиненными обращался деспотически. Служба подъ начальствомъ такого главнокомандующаго могла только способствовать обезличенію непо-

легкая кавалерійская, 7-я, 8-я и 9-я пѣхотныя и 3-я артиллерійская; въ 4-мъ: 4-я легкая кавалерійская, 10-я, 11-я и 12-я пѣхотная и 4-я артиллерійская.

[1]) Полки №№ 15, 32, 41, 45, 46, 50, 51; батареи № 6 и резервныя №№ 1 и 2.

[2]) Ореусъ, приложенія, стр. 19—59.

[3]) Князь М. Д. Горчаковъ (1793+1861)—въ 1807 г. юнкеръ л.-гв. арт. баталіона; 1809 г. командированъ на Кавказъ; участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 1813, 1814, 1828—29 г.г. и 1831 г.; въ 1817 г. произведенъ въ полковники съ переводомъ въ Генеральный штабъ; въ 1820 г. назначенъ начальникомъ штаба 3-го пѣх. корпуса; передъ кампаніею 1831 г.—начальникомъ штаба 1-го пѣх. корпуса; при Ваврѣ замѣстилъ ген.-адъютанта Сухозанета въ должности начальника артиллеріи арміи; послѣ кампаніи 1831 г. назначенъ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи. См. выше, стр. 41, 67, 109 и 116.

средственнаго его докладчика и сотрудника. Впрочемъ, пока это не давало еще себя чувствовать. Князь Горчаковъ справедливо пользовался репутаціей человѣка беззавѣтно храбраго и рыцарски честнаго и благороднаго; черты эти ясно проявлялись какъ въ частной его жизни, такъ и въ служебной дѣятельности.

Генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба арміи былъ генералъ-лейтенантъ Фрейтагъ [1]). Лучшее назначеніе едва-ли было возможно.

КОМАНДИРЫ КОРПУСОВЪ И НАЧАЛЬНИКИ КОРПУСНЫХЪ ШТАБОВЪ.

Корпусами командовали: 2-мъ пѣхотнымъ—генералъ-лейтенантъ *Купріяновъ* [2]), 3-мъ пѣхотнымъ—генералъ-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютантъ графъ Ридигеръ [3]), 4-мъ пѣхотнымъ—генералъ-отъ-инфантеріи Чеодаевъ [4]) и 5-мъ пѣхотнымъ—генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ *Лидерсъ* [5]); начальниками же названныхъ корпусныхъ штабовъ состояли генералъ-маіоры Ушаковъ и Фроловъ [6]), полковникъ Веселицкій [7]) и Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скарятинъ [8]), который замѣстилъ генералъ-лейтенанта Данненберга [9]) и котораго позже замѣстилъ полковникъ Непокойчицкій [10]).

Генералъ Чеодаевъ не отличался ни искусствомъ, ни энергіею, но зато такіе военачальники, какъ генералы графъ Ридигеръ и Лидерсъ, сдѣлали бы честь любой арміи; съ точки зрѣнія военнаго таланта они стояли весьма высоко, во всякомъ случаѣ много выше самого

---

[1]) См. выше, главы III, V и VI.

[2]) Павелъ Яковлевичъ. Его называютъ и Купреяновымъ (1789+1874); участвовалъ въ кампаніяхъ 1807, 1813, 1814, 1828—29 г.г. и 1831 г. За оборону Праводъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й ст.

[3]) Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ридигеръ (1783—1856); участвовалъ въ кампаніяхъ 1807, 1808, 1812, 1813, 1814, 1828—29 г.г. и 1831 г.; за Лейпцигъ получилъ орденъ Св. Георгія 3-й ст. О дѣйствіяхъ его въ 1831 г. см. у Пузыревскаго.

[4]) Михаилъ Ивановичъ. Его называютъ и Чаадаевымъ. Сб. Имп. Р. И. О. LX, 418.

[5]) Александръ Николаевичъ Лидерсъ, позже графъ (1790—1874); участвовалъ въ кампаніяхъ 1807, 1810, 1812, 1813, 1828—29 г.г. и 1831 г.; въ тур. камп. получилъ орденъ Св. Георгія 4-й ст.

[6]) О Фроловѣ см. выше, стр. 121.

[7]) «Въ должности начальника штаба корпуса».

[8]) С. В. М. И. Исторія Государевой Свиты.

[9]) Назначенъ начальникомъ отряда, оставленнаго въ Дунайскихъ княжествахъ.

[10]) См. выше, главы IV и VI.

Паскевича. Начальники корпусныхъ штабовъ вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію.

Генеральный штабъ

Офицеры генеральнаго штаба находились при войскахъ въ числѣ нѣсколько меньшемъ противъ установленнаго штата [1]); подготовка ихъ была хороша. Нужно было только умѣть ими пользоваться [2]).

Общая диспозиція для наступленія въ Венгрію.

Обращаетъ на себя вниманіе «общая диспозиція для начатія военныхъ дѣйствій», представляющая совокупность указаній, данныхъ всѣмъ отдѣльнымъ колоннамъ арміи, «для вступленія въ Венгрію» и для движенія черезъ Карпаты и не подходящая подъ понятіе о «диспозиціи», нынѣ у насъ установившееся [3]); это скорѣе частью директивы, частью инструкціи, кои Паскевичъ призналъ необходимымъ дать подчиненнымъ ему начальникамъ, но безъ надлежащей оріентировки ихъ относительно обстановки вообще и положенія противника и союзныхъ войскъ въ особенности. При составленіи этой «диспозиціи», равно какъ и въ другихъ подобныхъ же случаяхъ, генеральный штабъ нашей арміи исполнилъ вполнѣ точно волю главнокомандующаго, а потому подвергать критикѣ соотвѣтственную его дѣятельность не приходится.

---

[1]) См. выше, главу V.

[2]) См. выше, главу VI.

[3]) *Общее раздѣленіе войскъ для вступленія въ Венгрію.*

а) Главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ моимъ, переходятъ черезъ Карпаты противъ Дуклы и наступаютъ по направленію на Кашау.

б) Войска генерала гр. Ридигера переходятъ Карпаты восточнѣе Неймарка и идутъ на присоединеніе къ главнымъ силамъ южными долинами сихъ горъ, очищая долины отъ мятежниковъ и дѣйствуя въ лѣвый флангъ или тылъ непріятеля, противъ него находящагося.

Для обезпеченія нашего базиса въ Галиціи назначаются: со стороны запада отрядъ генер. Граббе, а со стороны востока отрядъ подъ начальствомъ генер.-отъ-кавалеріи барона Остенъ-Сакена.

Движеніе войскъ черезъ Карпаты.

а) Главныя силы, подъ общимъ моимъ начальствомъ; общее направленіе сихъ войскъ есть на Бартфельдъ. Онѣ слѣдуютъ по тремъ главнымъ путямъ.

Первая колонна г.-л. Лабинцова. Она имѣетъ назначеніемъ идти отъ Гржибова, черезъ Избы, на Бартфельдъ, дабы симъ обходнымъ движеніемъ отрѣзать непріятеля, стоящаго впереди Зборо. Она выступаетъ изъ Гржибова 5-го іюня, до самихъ горъ, примѣрно до Чертина (20 верстъ), на другой день продолжаетъ движеніе и тѣснитъ непріятеля къ Бартфельду 30 верстъ). Если не будетъ большого сопротивленія, она достигнетъ сего пункта 6-го или 7-го іюня; въ противномъ случаѣ, она подается медленно, доколѣ войска генер. Ридигера, движеніе которыхъ объяснено ниже, не зайдутъ съ своей стороны въ тылъ непріятеля, дви-

Оцѣнка дѣятельности главнокомандующаго.

Императоръ Николай I признавалъ необходимымъ дѣйствовать большими самостоятельными массами, а потому назначилъ въ распоряженіе князя Паскевича болѣе 100,000 чел. и сверхъ того около 38,000 чел. для дѣйствій въ Трансильваніи.

Противиться этимъ силамъ, отбиваясь въ то-же время отъ австрійцевъ, подкрѣпленныхъ русскою дивизіею Панютина, венгры не могли. Подавленіе ихъ являлось лишь вопросомъ времени.

женіемъ отъ Любло, черезъ Палочу, на Тарно, куда гр. Ридигеръ можетъ прибыть 8-го іюня. Достигнувъ Тарно, г.-л. Лабинцовъ открываетъ сообщенія съ ген.-ад. графомъ Ридигеромъ черезъ Обручно.

Вторая колонна г.-л. Купріянова. Она имѣетъ назначеніе идти отъ Горлицы на Зборо. Она выступаетъ изъ Горлицы 5-го іюня, до Здунь (20 верстъ), а на другой день атакуетъ горы. Достигнувъ Смильно (15 в.), соединяется съ 3-ю колонною и идетъ вмѣстѣ съ нею на Зборо. Если не будетъ большого сопротивленія, она можетъ прибыть въ Зборо 6-го числа.

Третья колонна г.-л. Бушена. Она выступаетъ изъ Змигрода 5-го іюня и доходитъ до Зидовицъ (17 в.); на другой день атакуетъ горы и, достигнувъ Смильно (15 в.), продолжаетъ движеніе до Зборо (17 в.) совокупно со второю колонною. Если не будетъ большого сопротивленія, она можетъ достигнуть Зборо 6-го іюня.

Общее примѣчаніе.

Три помянутыя колонны, если бы и не могли 6-го числа занять южнаго перевала горъ, стараются овладѣть вершинами оныхъ.

Четвертая колонна (для демонстраціи). Она идетъ 5-го іюня изъ Дуклы, черезъ Барвинекъ, до передовыхъ непріятельскихъ постовъ, сбиваетъ ихъ, подается впередъ сколько можетъ, не подвергаясь опасности, даже за перевалъ главныхъ горъ, примѣрно до Крайно-Поляны, и распускаетъ слухъ, что главныя силы идутъ за нею.

5-го же іюня, резервъ подъ начальствомъ генерала Чеодаева собирается у Змигрода. При семъ резервѣ будетъ находиться и сводная иррегулярная бригада.

Войска генерала графа Ридигера.

Генералъ гр. Ридигеръ выступаетъ 3-го іюня изъ Неймарка къ с. Любло, на р. Попрадъ (60 вер.). Онъ старается достигнуть этого пункта 5-го или 6-го іюня; немедленно открываетъ непріятеля въ направленіи къ Бартфельду и старается войти въ сношеніе съ г.-л. Лабинцовымъ, черезъ Обручно.

Если, по свѣдѣніямъ имъ собраннымъ, непріятель имѣетъ возможность защищать горы противъ меня, онъ выступаетъ немедленно черезъ Палочу, въ тылъ войскамъ, которыя будутъ защищать проходъ горъ противъ главныхъ силъ и, прибывъ въ Тарно, онъ дѣйствуетъ по обстоятельствамъ, т. е. или въ тылъ непріятеля, если онъ удерживаетъ еще переходъ Карпатовъ, или на флангъ его, если онъ отступилъ къ Бартфельду. Отъ Любло до Тарно 45 верстъ; слѣдовательно, онъ можетъ прибыть туда ранѣе 8-го іюня.

Если же, напротивъ, въ Любло генер. Ридигеръ удостовѣрится, что непріятель между Бартфельдомъ и Карпатами имѣетъ только ничтожные

По соображеніямъ князя Паскевича военныя дѣйствія могли продолжаться не болѣе трехъ мѣсяцевъ; въ дѣйствительности кампанія была окончена въ восемь недѣль.

Уже въ польскую кампанію 1831 года Паскевичъ проявлялъ нерѣдко излишнюю осторожность; въ 1849 году онъ ее проявлялъ сплошь и рядомъ въ весьма большой степени. Важную роль въ этомъ отношеніи играли его возрастъ и разстройство здоровья, но еще бо́льшее значеніе имѣли причины чисто нравственнаго характера: фельдмаршалъ

отряды, которые не будутъ оспаривать перехода горъ, въ такомъ случаѣ онъ идетъ черезъ Кезмаркъ и Лейтшау на Эперіешъ, выступая изъ окрестности Любло не прежде, какъ 9-го іюня, буде не получитъ противнаго приказанія. Отъ Любло до Эперіеша 120 в., слѣдовательно, онъ достигнетъ сего города не прежде 13-го іюня.

Отрядъ ген.-ад. Граббе переходитъ Карпаты 3-го іюня, смѣняетъ отрядъ ген.-л. Засса у Альшо-Кубина (80 в.), 5-го или 6-го іюня. Стоя тамъ, онъ заслоняетъ западную Галицію, посылаетъ партіи по р. Вагъ и, буде найдетъ возможнымъ, дѣлаетъ по сей долинѣ экспедиціи для разогнанія мятежническихъ скопищъ, словомъ: дѣйствуетъ, какъ такъ называемыя colonnes mobiles, не теряя изъ вида главной цѣли своей—охраненія западной Галиціи, и не вдаваясь въ экспедиціи, которыя могли бы поставить отрядъ его въ опасность.

Съ прибытіемъ ген.-ад. Граббе въ Альшо-Кубинъ, онъ выходитъ изъ подъ начальства ген.-ад. графа Ридигера и доноситъ обо всемъ прямо Государю Императору въ Варшаву, и мнѣ—въ мѣсто моего пребыванія.

Примѣчаніе: полкъ и батарея 6-й пѣх. дивизіи, въ Краковѣ находящіеся, и 1-я бригада 1-й легкой кавал. дивизіи, съ конною № 1 батареею, прибывающіе въ Мѣховъ и Сломники 19-го іюня, поступаютъ въ его распоряженіе. Но при семъ вмѣняется въ обязанность ген.-ад. Граббе помянутую кавал. бригаду съ батареею не переводить за границу Царства Польскаго безъ крайней необходимости, напр., для охраненія Кракова, если бы мятежники прорвались за Карпаты, въ пространствѣ, его охраненію ввѣренномъ.

Отрядъ ген.-л. Засса, по смѣнѣ его отрядомъ ген.-ад. Граббе, присоединяется къ главнымъ силамъ ген.-ад. графа Ридигера. Отъ ген-ад. графа Ридигера зависитъ присоединить его къ себѣ, или, направивъ долиною р. Вагъ, на м. Попрадъ, или же черезъ Неймаркъ, вслѣдъ за главными своими силами.

Въ вѣдѣніе генер. барона Сакена поступаютъ: 1-я бригада 10-й пѣх. дивизіи, три полка 2-й уланской дивизіи и пять сотенъ донского № 50 полка. Сими войсками онъ охраняетъ восточную Галицію, требуя, буде нужно, содѣйствія отъ австрійскихъ войскъ, тамъ находящихся. Самому ему имѣть пребываніе въ Стрыѣ, при 1-й бригадѣ 10-й пѣх. див. и 1-й бригадѣ 2-й уланской дивизіи, которая туда направлена. Это расположеніе есть самое выгодное, потому что изъ онаго заслоняетъ Подоль и Волынь и можетъ дѣйствовать во флангъ непріятелю, который прорвался бы западнѣе или восточнѣе дороги изъ Венгріи въ Стрый. См. Ореусъ, приложенія, 66—69, со ссылкою на Воен. уч. архивъ, отд. II, № 3.282.

не хотѣлъ допустить, чтобы ореолъ славы, его окружавшей, помрачился какою-нибудь случайною неудачею, — особенно въ дѣйствіяхъ противъ полководца молодого (Гёргея), имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ плохо обученныя войска.

Основываясь на крайне преувеличенныхъ свѣдѣніяхъ о силахъ противника, Паскевичъ, послѣ дѣла подъ Вайценомъ, отказался отъ настойчиваго преслѣдованія арміи Гёргея, вопреки неоднократнымъ донесеніямъ гр. Ридигера о разстройствѣ венгровъ и о выгодахъ, которыя могли бы быть достигнуты подобнымъ преслѣдованіемъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить доводамъ командира 3-го корпуса, хотя, казалось бы, долженъ былъ бы знать Ридигера, отъ котораго не слѣдовало ожидать ни соображеній, ни дѣйствій легкомысленныхъ.

Опасаясь внезапнаго перехода Гёргея [1]) въ наступленіе, Паскевичъ не долженъ былъ забывать, что и Ридигеръ могъ разсчитывать на содѣйствіе всего отряда Граббе, которому было послано приказаніе двинуться за противникомъ.

Если бы 4-й корпусъ, вслѣдствіе преувеличенія силъ противника отведенный отъ Мишкольца, былъ оставленъ у этого города, то войска Гёргея, истомленныя и упавшія духомъ, попали бы между двухъ огней, и Гёргею если бы и удалось спасти, то развѣ какіе-нибудь обломки своей арміи.

Вмѣсто этого Паскевичъ притянулъ 3-й корпусъ къ себѣ на дорогу Эрлау-Пештъ и предпринялъ дальнее движеніе, предоставивъ армію Гёргея, до поры до времени, почти на произволъ судьбы. Правда, онъ опасался быть атакованнымъ съ юга, такъ называемою «арміею» Перцеля, но такая чрезмѣрная осторожность не оправдывалась обстановкою, такъ какъ у Перцеля были хороши только гусары, а остальныя его войска, какъ новонабранныя, не были опасны.

При настойчивомъ преслѣдованіи противника съ запада, при занятіи выходовъ изъ горъ съ востока рушилось бы само собою опасеніе фельдмаршала за наши запасы, собранные на коммуникаціонной линіи, которое столь часто возникало въ умѣ Паскевича и заставляло перемѣнять уже сдѣланныя распоряженія [2]).

[1]) Съ мнимо превосходными силами!

[2]) Не до истребленія нашихъ запасовъ было бы Гёргею, когда у него на хвостѣ находились бы два нашихъ корпуса, а съ сѣвера угрожалъ бы отрядъ Остенъ-Сакена.

Въ запискѣ, представленной Императору Николаю [1]), Паскевичъ, между прочимъ, говоритъ, что послѣ Вайценскаго сраженія онъ убѣдился, что «венгерская война не баталіями должна быть рѣшена, а маневрами» [2]).

И дѣйствительно, за исключеніемъ переправы у Тисса-Фюреда и безрезультатныхъ (а частію и неуспѣшныхъ для насъ) на р.р. Шайо и Гернадѣ, другихъ, сколько нибудь серьезныхъ, боевыхъ схватокъ въ это время не происходило; зато маневрировать пришлось много, особенно войскамъ 4-го корпуса, безпрестанно передвигавшимся на пространствѣ между Мишкольцемъ и Мезо-Кёвездомъ. Однако, всѣ эти маневры привели лишь къ тому, что фельдмаршалъ не достигъ своей цѣли—прегражденія противнику пути на югъ, а Гёргей успѣлъ, хотя и съ пожертвованіемъ части своихъ войскъ, пробраться именно къ югу.

Паскевичъ послѣ этого былъ недоволенъ дѣйствіями подчиненныхъ ему генераловъ, особенно Чеодаева, но, во имя справедливости, должно замѣтить, что на Чеодаевѣ, повидимому, отразились тѣ внушенія самого фельдмаршала, въ которыхъ выдающуюся черту составляетъ чрезмѣрная осторожность и которыя, главнымъ образомъ, налегали не на то, чтобы разбить непріятеля, а на то, чтобы самому не быть разбитымъ [3]).

Такого образа дѣйствій Паскевичъ придерживался до конца кампаніи. Характернымъ примѣромъ такихъ его дѣйствій является бой при Дебречинѣ 21-го іюля, который существенной пользы намъ не принесъ (ибо вышеуказанная цѣль опять не была достигнута) и передъ которымъ фельдмаршалъ велъ армію въ боевомъ порядкѣ на протяженіи цѣлаго перехода [4]).

Армія Гёргея сдалась русскимъ, а не австрійцамъ; только благодаря дѣйствіямъ русской арміи венгры были подавлены, но происшедшая отсюда слава должна принадлежать, главнымъ образомъ, нашимъ войскамъ и нѣкоторымъ ихъ начальникамъ, а не главнокомандующему,

---

[1]) Съ послѣднею частью «Описанія военныхъ дѣйствій россійскихъ войскъ противъ венгерскихъ мятежниковъ».

[2]) Ореусъ, 327, со ссылкою на «Воен. Сборникъ», 1875 г., № 6.

[3]) См. предписаніе Чеодаеву 7 іюля (въ извлеченіи) у Ореуса, приложенія 101 и 102, со ссылкою на В. Уч. Арх., II, № 3283.

[4]) Ореусъ, 448—454.

который неоднократно далъ противнику возможность ускользнуть отъ предполагаемыхъ ударовъ и затянуть борьбу, а, что всего хуже, сковывалъ инціативу младшихъ начальниковъ.

Дѣятельность генеральнаго штаба.

Выше очерченная дѣятельность главнокомандующаго не могла не отражаться и на дѣятельности генеральнаго штаба, создавая для послѣдняго условія болѣе или менѣе неблагопріятныя.

Тѣмъ не менѣе кампанія 1849 года даетъ не мало примѣровъ отличнаго исполненія своихъ обязанностей чинами генеральнаго штаба, начиная со старшихъ и кончая младшими. Однако, эти примѣры встрѣчаются въ главныхъ силахъ Паскевича сравнительно рѣдко.

Дѣятельность начальника главнаго штаба арміи.

Подъ Вайценомъ начальникъ главнаго штаба арміи князь Горчаковъ былъ посланъ Паскевичемъ къ авангарду для производства развѣдки о противникѣ и для оцѣнки положенія самого авангарда. Князь Горчаковъ затѣмъ совѣтовалъ своевременно атаковать непріятеля; фельдмаршалъ же и самъ имѣлъ такое намѣреніе, но въ исполненіе его не привелъ [1]). 11—23-го іюля, въ Дьёндьёшѣ, Паскевичъ выдѣлилъ отрядъ, силою въ $1\frac{1}{2}$ дивизіи пѣхоты съ соотвѣтственными частями другихъ родовъ войскъ, для овладѣнія тисса-фюредскою переправою, при чемъ исполненіе этого предпріятія поручилъ князю Горчакову; отрядъ этотъ 12—24 іюля перешелъ изъ С. Керечендa къ м. Поросло, послѣ чего князь Горчаковъ произвелъ развѣдку въ направленіи къ Тиссѣ и убѣдился при этомъ, что мѣстность представляетъ большія затрудненія и что хотя болота во многихъ мѣстахъ, по сторонамъ плотины, высохли, но слѣдовать постоянно стороною отъ дороги, не только артиллеріи, но даже и пѣхотѣ, не было никакой возможности. Тѣмъ не менѣе, князь Горчаковъ рѣшилъ, не теряя времени, приступить къ овладѣнію переправою, а затѣмъ не безъ искусства исполнилъ это рѣшеніе [2]).

Совѣтъ генералъ-квартирмейстера Фрейтага и исполненіе капитана Менькова.

Подъ Вайценомъ, когда войска нашего авангарда были остановлены въ ожиданіи извѣстія, занятъ ли еще городъ противникомъ, къ авангарду прибылъ генералъ-квартирмейстеръ арміи Фрейтагъ, который, произведя рекогносцировку, предложилъ гр. Ридигеру направить часть войскъ вдоль подошвъ высотъ, лежащихъ къ востоку отъ Вайцена. По мнѣнію Фрейтага, войска эти могли бы еще успѣть,

---

[1]) Ореусъ, 274 и 287.
[2]) Тамъ же, 313—316.

выйдя на дорогу, «сѣсть на хвостъ» непріятельскому аріергарду, отступавшему изъ города. Гр. Ридигеръ назначилъ для совершенія этого обходнаго движенія Могилевскій пѣх. полкъ съ батареею, дивизіономъ уланъ и донскимъ № 15 полкомъ, а веденіе этого отряда было поручено генеральнаго штаба капитану Менькову [1]), исполнившему это порученіе съ успѣхомъ [2]).

Когда парламентеры, отправленные Гёргеемъ, прибыли къ передовымъ постамъ нашего 3-го корпуса [3]), послѣ чего письмо Гёргея было прочитано графомъ Ридигеромъ, то онъ отправилъ къ Гёргею начальника штаба генералъ-маіора Фролова для соглашенія на счетъ порядка сдачи венгерской арміи и сложенія ею оружія; Фроловъ же сопровождалъ Гёргея, ѣхавшаго впереди своей плѣненной арміи въ Кишъ-Іено [4]).

Порученія, возложенныя на генералъ-маіора Фролова.

Повидимому, нравственное давленіе, производимое Паскевичемъ на его подчиненныхъ, было столь сильно, что не обо всемъ, заслуживавшемъ вниманія, ему рѣшались докладывать; въ особенности это давало себя чувствовать офицерамъ генеральнаго штаба.

Совершенно не то происходило въ корпусѣ Лидерса, дѣйствовавшемъ отдѣльно отъ главныхъ силъ Паскевича, въ Трансильваніи.

Офицеры генеральнаго штаба (и служившіе въ немъ) въ Трансильваніи генералъ-лейтенантъ Гасфордъ.

Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе дѣйствія бывшаго офицера генеральнаго штаба, начальника 15-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Гасфорда [5]), котораго Лидерсъ назначилъ на первыхъ порахъ начальникомъ главныхъ силъ колонны, во главѣ которой онъ самъ вступилъ въ Трансильванію. Затѣмъ Лидерсъ же возложилъ на него рядъ весьма важныхъ и отвѣтственныхъ порученій, исполненныхъ Гасфордомъ съ искусствомъ и успѣхомъ. За молодецкій бой у Кельнекскаго оврага [6]) Гасфордъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія

---

[1]) Петръ Кононовичъ Меньковъ началъ службу въ 1-й арт. бригадѣ; выпуска изъ академіи 1840 г.

[2]) Ореусъ, 280. За боевое отличіе въ 1849 г. Меньковъ произведенъ въ подполковники. И. Ак. Г. Ш. (Глиноецкаго), списки, 48.

[3]) Въ Кишъ-Іено (въ $1^1/_2$—2 переходахъ отъ Вилагоша).

[4]) Ореусъ, 489—493..

[5]) См. выше, стр. 246, напечатано: Гасфортъ.

[6]) Гасфордъ, оставленный Лидерсомъ въ Германштадтѣ, въ виду наступленія венгерскихъ отрядовъ изъ долины р. Марошъ, двинулся противъ ближайшаго изъ нихъ (Форро), занимавшаго позицію на Кельнекскомъ оврагѣ, и разбилъ его 20-го іюля, а 21-го вернулся въ Германштадтъ.

3-й степени, а за отличія въ бояхъ подъ Германштадтомъ 24-го и 25-го іюля [1]—золотою шпагою, алмазами украшенною, съ надписью «за храбрость» [2].

Генералъ маіоръ Скарятинъ.

Генеральнаго штаба полковникъ Скарятинъ [3], еще до начала кампаніи 1849 года, въ виду ходатайства командовавшаго австрійскими войсками въ Трансильваніи фельдмаршалъ-лейтенанта Пухнера, былъ двинутъ изъ Валахіи (по распоряженію Лидерса) съ отрядомъ изъ 4 баталіоновъ и 5 сотенъ при 8 орудіяхъ къ Германштадту, которому угрожали мятежные секлеры. 23-го января онъ выручилъ Пухнера и помогъ ему отбросить Бема; затѣмъ Пухнеръ обратился къ наступательнымъ дѣйствіямъ, оставивъ Германштадтъ подъ защитою Скарятина, при чемъ предпринялъ дальнее обходное движеніе противъ лѣваго фланга противника, имѣвшаго укрѣпленную позицію близъ Шегешвара. Тогда Бемъ быстро двинулся, по оставленной Пухнеромъ большой дорогѣ, на Германштадтъ, съ цѣлью разбить Скарятина и отбросить его въ Валахію. 27-го февраля Скарятинъ [4], занявшій позицію близъ с. Гросъ-Шеренъ [5], отразилъ атаку Бема, но затѣмъ, въ виду явной несоразмѣрности въ силахъ, отошелъ, черезъ Шелленбергъ [6], Толмачъ и Ротентурмское ущелье [7], обратно въ Валахію. 30-го марта, за отличіе въ этихъ дѣлахъ, полковникъ Скарятинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества, а къ началу похода назначенъ и. д. начальника штаба 5-го пѣхотнаго корпуса.

---

[1] 24-го іюля Гасфорду съ небольшимъ отрядомъ пришлось выдержать бой противъ превосходныхъ силъ Бема впереди Германштадта, а затѣмъ съ боемъ отойти назадъ черезъ городъ по пути на Ротентурмъ; 25-го подошелъ Лидерсъ и разбилъ Бема, при чемъ Гасфордъ, въ свою очередь, перешелъ въ наступленіе и соединился съ Лидерсомъ.

[2] См. Ореусъ, 206, 216—220, 347, 398—404, 418—443 и 519.

[3] Григорій Яковлевичъ Скарятинъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству въ 1838 г.

[4] Считая съ австрійскимъ баталіономъ, у него было 2090 чел. пѣхоты, 350 казаковъ и 12 орудій.

[5] Въ 4½ верстахъ къ С. отъ Германштадта.

[6] Къ югу отъ Германштадта.

[7] При этомъ отступленіи Скарятину пришлось отражать рядъ атакъ со стороны противника. Послѣдняя его атака была отражена Скарятинымъ на позиціи у карантина въ самомъ ущельѣ, послѣ чего онъ отвелъ отрядъ къ с. Кинени.

При овладѣніи Ротентурмскимъ ущельемъ 8-го іюля, Скарятинъ приказалъ проводникамъ вести нашу обходную колонну на ту самую высоту, куда вышли венгерцы, когда онъ отражалъ ихъ послѣднюю атаку на позиціи у пограничнаго карантина 16-го марта.

19-го іюля, когда Бемъ произвелъ нападеніе, со стороны Удваргели, на главную нашу колонну, расположившуюся подъ Шегешваромъ, при чемъ самъ Лидерсъ находился у бивака на дорогѣ въ Маромъ-Вашаргели, Скарятинъ послалъ къ нему адъютанта съ донесеніемъ, а самъ поскакалъ къ войскамъ, стоявшимъ на дорогѣ въ Удваргели, поставилъ ихъ на первой представившейся позиціи и сдѣлалъ необходимыя распоряженія для боя, которыя затѣмъ были одобрены Лидерсомъ. Въ этомъ бою Скарятинъ былъ контуженъ ядромъ въ грудь, отвезенъ въ городъ и черезъ нѣсколько часовъ скончался [1].

Генералъ-маіоръ Непокойчицкій.

О его замѣстителѣ, генеральнаго штаба полковникѣ Непокойчицкомъ, Лидерсъ доносилъ: «Достойному и отличному сему штабъ-офицеру я вполнѣ обязанъ за точное исполненіе всѣхъ моихъ распоряженій во время послѣдняго и предшествовавшаго дѣла при Шесбургѣ (Шегешварѣ)». За отличіе въ этихъ дѣлахъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры [2].

Капитанъ графъ Гейденъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лидерсъ съ особенною похвалою отзывался о флигель-адъютантѣ гвардейскаго генеральнаго штаба капитанѣ графѣ Гейденѣ, который всѣ, даваемыя ему безпрестанно порученія, исполнялъ съ отличнымъ знаніемъ дѣла и хладнокровіемъ [3].

Полковникъ Вранкенъ.

При наступленіи главной нашей колонны черезъ Темешскій проходъ къ Кронштадту, отличился командиръ Прагскаго пѣхотнаго полка полковникъ Вранкенъ [4], который, находясь съ полкомъ въ первой линіи, послалъ, для обхода позиціи противника, по одному баталіону вправо и влѣво, по утесистымъ крутизнамъ, окаймлявшимъ съ обѣихъ сторонъ нижне-темешскую тѣснину, а другіе два бата-

---

[1] Ореусъ, 66, 81—83, 94, 359, 408—413 и др. Въ С. В. М., II (стр. 337) сказано, что онъ получилъ сильную контузію въ плечо и голову.

[2] См. о немъ выше, главу VI. Ореусъ, 443.

[3] Старшій адъютантъ штаба Е. И. В. Главнокомандующаго гвард. и гренад. корпусами. См. выше, главу VI и С. В. М. II, прил. 313. Ореусъ, 43.

[4] См. выше, главу VI.

ліона, укрываясь за высотою, на которой расположились наши 4 орудія, служили имъ прикрытіемъ; застрѣльщики Прагскаго полка, взобравшись на скалы, считавшіяся доступными только для козъ, успѣли обойти правый флангъ противника, занимавшаго укрѣпленія, открыли огонь и навели паническій ужасъ на венгерцевъ. Дѣйствія Вранкена не мало способствовали общему успѣху [1]).

Подполковникъ Дараганъ.

Генеральнаго штаба подполковникъ Дараганъ [2]), при овладѣніи Ротентурмскимъ ущельемъ 8 іюля, велъ ту самую обходную колонну (изъ 2-хъ баталіоновъ Замосцскаго полка), направленіе которой было дано генералъ-маіоромъ Скарятинымъ. Ему же, въ бою подъ Мюленбахомъ 31-го іюля, Лидерсъ приказалъ найти бродъ на р. Шебешъ выше города для того, чтобы, переведя черезъ этотъ бродъ кавалерію, угрожать правому флангу противника. Онъ же былъ отправленъ, въ началѣ августа, къ маіору Фруммеру, начальнику венгерскаго отряда, находившагося у Гатцега, съ порученіемъ склонить его къ сдачѣ; послѣ 2-дневныхъ переговоровъ Фруммеръ рѣшилъ сдаться; отрядъ его (97 офицеровъ и 1,902 нижнихъ чина при 8 орудіяхъ) былъ отправленъ въ Германштадтъ. За отличіе подъ Фогарашемъ произведенъ въ полковники [3]).

Подполковникъ Глѣбовъ.

Генеральнаго штаба подполковникъ Глѣбовъ [4]), также при овладѣніи Ротентурмскимъ ущельемъ 8 іюля, велъ колонну ген. Адлерберга (изъ двухъ баталіоновъ Житомирскаго полка), направленную въ обходъ лѣваго фланга противника, для содѣйствія атакѣ съ фронта. Колонна эта исполнила свое назначеніе вполнѣ успѣшно. Затѣмъ, во время боя подъ Германштадтомъ 24 іюля, при отступленіи черезъ городъ, Гасфордъ поручилъ подполковнику Глѣбову прикрывать входъ въ главную часть города, черезъ Карльсбургскія ворота и, впереди ихъ, мостъ черезъ р. Сибину [5]).

---

[1]) Ореусъ, 213—215.

[2]) Михаилъ Ивановичъ Дараганъ. Началъ службу въ 13-й арт. бригадѣ. Выпуска изъ Академіи 1835 г. Оставилъ трудъ «Записки о войнѣ въ Трансильваніи, въ 1849 г.». Тамъ-же, приложенія. См. также И. Ак. Г. Ш., списки, 35.

[3]) Ореусъ, 359, 512 и 519.

[4]) Константинъ Николаевичъ Глѣбовъ. Началъ службу въ гренадерскомъ принца Оранскаго полку. Выпуска изъ академіи 1832 г. За Германштадтъ получилъ золотое оружіе.

[5]) Ореусъ, 358 и 424.

Генеральнаго штаба капитанъ Драчевскій [1]) 23 іюня, въ бою близъ Сенъ-Георги, велъ кавалерію генералъ-маіора Ренненкампфа, которую Лидерсъ выслалъ для преслѣдованія отступавшихъ секлеровъ Галъ-Шандора. Контуженъ подъ Германштадтомъ. За взятіе Кронштадта получилъ золотое оружіе [2]).

Капитанъ Драчевскій.

Въ бою отряда генералъ-лейтенанта Гротенгельма [3]) у с.с. Тихо и Борго-Брундъ 10-го іюня, непріятельскимъ ядромъ былъ сраженъ дивизіонный квартирмейстеръ 2-й уланской дивизіи, генеральнаго штаба капитанъ Рогалевъ [4]), извѣстный своей храбростью и распорядительностью.

Капитанъ Рогалевъ

1-го августа отрядъ Гротенгельма собрался у с. Кишъ-Чегъ. Получивъ извѣстіе, что непріятель (7.000 чел. при 24 орудіяхъ) занимаетъ городъ Клаузенбургъ и редуты впереди этого города, Гротенгельмъ выслалъ на рекогносцировку генеральнаго штаба капитана Кисловскаго [5]) съ двумя сотнями казаковъ, а самъ двинулся за нимъ со всѣмъ отрядомъ. Капитанъ Кисловскій не только развѣдывалъ, но и опрокинулъ непріятельскихъ гусаръ, при чемъ казаки отбили 1 орудіе. 3-го августа капитанъ Кисловскій, съ тѣми же сотнями, былъ направленъ въ тылъ противнику, который бросилъ Клаузенбургъ и началъ быстро отступать по пути на Гросъ-Вардейнъ; казаки капитана Кисловскаго преслѣдовали его до д. Садъ-Фенешъ. 6-го августа Гротенгельмъ отправилъ Кисловскаго (съ австрійскимъ офицеромъ графомъ Карнишъ) въ д. Шибо для передачи начальнику венгерскаго отряда Касинчи письма Гёргея и предложенія сложить оружіе безусловно.

Капитанъ Кисловскій.

---

[1]) Василій Даниловичъ Драчевскій. Началъ службу въ 1-й арт. бригадѣ. Выпуска изъ академіи 1844 г.

[2]) Ореусъ, 348. И. Ак. Г. Ш., списки, 55.

[3]) Начальникъ 2-й уланской дивизіи (2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса) принялъ отрядъ, охранявшій западную границу Бессарабіи и Подольской губерніи отъ ген.-лейт. Фрейтага, а затѣмъ наступалъ съ сѣверо-востока въ Трансильванію.

[4]) Александръ Яковлевичъ Рогалевъ. Началъ службу въ Украинскомъ уланскомъ полку. Выпуска 1836 г. Ореусъ, 224.

[5]) Левъ Дмитріевичъ Кисловскій. Началъ службу въ л.-гв. Гродненскомъ гусарскомъ полку. Выпущенъ изъ академіи въ 1844 г. съ малою серебр. медалью.

За атаку 1-го августа Кисловскій былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени [1]).

Полковникъ Баумгартенъ. Офицеры отряда г.-л. Панютина.

Въ бояхъ сводной дивизіи генералъ-лейтенанта Панютина [2]) отличились: а) командовавшій Брянскимъ пѣхотнымъ полкомъ полковникъ Баумгартенъ [3]), подъ которымъ была убита лошадь и который, схвативъ знамя, бросился впередъ и увлекъ за собою 2-й баталіонъ того же полка, пріостановившійся было вслѣдствіе выбытія изъ строя его командира и понесеннаго большого урона; это наступленіе брянцевъ не мало содѣйствовало общему успѣху въ этомъ бою; онъ же, въ сраженіи при Темешварѣ 28 іюля, находясь при двухъ баталіонахъ Орловскаго полка, посланныхъ на подкрѣпленіе къ отряду Семякина, и сознавая всю важность предупрежденія противника въ занятіи д. Бѣшеновы, быстро двинулъ туда эти баталіоны и удачно разсыпалъ одинъ изъ нихъ въ виноградникахъ, а другимъ во-время занялъ селеніе [4]); б) генеральнаго штаба подполковникъ Ульрихъ, капитанъ Копьевъ и штабсъ-капитанъ Эрнротъ [5]).

Подпоручикъ Гершельманъ.

Должно еще упомянуть прикомандированнаго къ генеральному штабу л.-гв. Павловскаго полка подпоручика Гершельмана [6]), контуженнаго ядромъ въ голову въ дѣлѣ 16-го іюня подъ Токаемъ [7]).

Заключеніе объ участіи офицеровъ генеральнаго штаба въ кампаніи 1849 г.

Въ общемъ генералы и офицеры генеральнаго штаба и прежде служившіе въ генеральномъ штабѣ, въ кампанію 1849 года, находились на высотѣ своего назначенія и выполняли какъ свои обычныя обязанности, такъ и возлагавшіяся на нихъ особыя порученія съ полнымъ успѣхомъ. Тотъ фактъ, что больше всего отличій было въ корпусѣ Лидерса, говоритъ самъ за себя въ пользу офицеровъ

---

[1]) Ореусъ, 524—526.

[2]) Эта дивизія составила вспомогательный отрядъ и дѣйствовала въ составѣ австрійской арміи барона Гайнау.

[3]) Александръ Карловичъ Баумгартенъ. Началъ службу въ л.-гв. Измайловскомъ полку. Выпуска 1838 г. Въ генер. штабѣ въ 1840—48 г г

[4]) Ореусъ, 186 и 479.

[5]) Ореусъ, 191. Сергѣй Петровичъ Копьевъ началъ службу въ л.-гв. Волынскомъ полку. Выпуска изъ академіи 1841 г. Магнусъ Густавовичъ Эрнротъ началъ службу въ л.-гв. Финскомъ стр. баталіонѣ. Выпуска изъ академіи 1843 г. За Коморнъ произведенъ въ капитаны.

[6]) Константинъ Ивановичъ Гершельманъ. Выпуска изъ академіи 1848 г.

[7]) Ореусъ, 158.

генеральнаго штаба, въ пользу самого Лидерса и не въ пользу фельдмаршала князя Паскевича. Фельдмаршалъ рѣшалъ отлично интендантскіе и т. п. вопросы, но не вопросы стратегическаго и тактическаго характера. Не дурно рѣшались имъ и вопросы дипломатическіе [1]).

Война 1853—1856 г. г. Отсутствіе у Государя помощниковъ, достойныхъ этого названія.

Изслѣдователь восточной войны 1853—1856 г.г., оцѣнивая боевую подготовку нашей арміи передъ этою войною, говоритъ слѣдующее:

«Личность Императора Николая Павловича должна была бы играть первенствующую роль [2]) въ дѣлѣ образованія нашей арміи. Его прирожденные таланты, здравый взглядъ, его любовь къ военному дѣлу и къ своей арміи должны были бы служить порукой успѣшному веденію дѣла, но въ дѣйствительности этого не оказалось. Военная дѣятельность Императора Николая Павловича служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, насколько благія намѣренія монарха могутъ оказаться безполезными, если онъ одинокъ въ своей работѣ» [3]).

Военный министръ князь В. А. Долгорукій.

Во главѣ военнаго министерства (незадолго до войны) стоялъ князь Василій Андреевичъ Долгорукій [4]), человѣкъ высокой честности и отличныхъ душевныхъ качествъ, но совершенно не подготовленный къ этой трудной должности, мало знакомый съ боевымъ дѣломъ и плохой администраторъ. Онъ «могъ проявлять только честность, преданность и усердіе, но умѣнье было ему не подъ силу»...

Въ нашемъ центральномъ военномъ управленіи процвѣтали «бюрократическія начала и поверхностный взглядъ на дѣло» [5]).

Фельдмаршалъ князь Паскевичъ

Неограниченнымъ довѣріемъ Государя пользовался фельдмаршалъ

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Бергъ былъ посланъ въ Вѣну (въ началѣ апрѣля) для переговоровъ о совокупныхъ военныхъ дѣйствіяхъ; онъ оставался при австрійской главной квартирѣ до конца кампаніи и находился въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ княземъ Паскевичемъ. См. Ореусъ, 104, 107, 484 и приложенія.

[2]) Въ подлинникѣ: «первенствующее значеніе».

[3]) А. М. Заіончковскій. «Восточная война 1853—1856 г.г. въ связи съ современной политической обстановкой». Томъ I. Спб. 1908 г. стр. 549.

[4]) Точнѣе: Долгоруковъ. С. В. М. Имп. Гл. Кварт., II, прил., 297.

[5]) Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». I, 28. Заіончковскій, 591.

князь Паскевичъ [1]), котораго легкіе успѣхи въ кампаніяхъ персидской, турецкой и польской окружили ореоломъ славы и непобѣдимости. Дѣйствія его въ венгерскую кампанію 1849 года вызвали было у Государя нѣкоторыя сомнѣнія въ его военныхъ способностяхъ, но безкровная сдача арміи Гёргея вновь возвеличила его до высоты отданія ему войсками Царскихъ почестей. Между тѣмъ, какъ полководецъ онъ застылъ на основахъ, примѣненныхъ имъ въ персидской кампаніи, въ которыхъ и вылился весь его военный кругозоръ, обрисовавшійся «въ двухъ аксіомахъ—въ держаніи войскъ въ кулакѣ и въ солидномъ обезпеченіи ихъ продовольствіемъ».

Какъ руководитель дѣла воспитанія и образованія войскъ въ мирное время, въ видахъ подготовки ихъ къ войнѣ и бою, онъ нисколько не выдѣлялся изъ среды современныхъ генераловъ, не препятствовалъ проведенію въ жизнь извѣстныхъ ложныхъ взглядовъ и требованій и вообще не только не шелъ противъ господствовавшаго плацпараднаго направленія, но даже являлся какъ бы однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ его представителей [2]).

Оцѣнка докладовъ Государю, дѣлаемыхъ довѣренными его лицами. Слѣдствіе этихъ докладовъ.

Вообще довѣренныя лица Государя очень часто не имѣли гражданскаго мужества сознаться въ непорядкахъ подвѣдомственныхъ имъ частей, и рѣдко доходило до Государя слово правды; чуть ли не всѣ отрасли государственнаго управленія и государственной жизни представлялись Императору въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности.

При такихъ условіяхъ Императоръ считалъ свою армію лучшею въ мірѣ и стоявшею на высотѣ совершенства, чѣмъ онъ и надѣялся восполнить извѣстные и ему, какъ казалось, сравнительно маловажные недостатки нашей военной системы [3]). Имѣлись ли основанія для подобныхъ надеждъ?

Оцѣнка состоянія нашей арміи вообще и ея подготовки къ войнѣ и бою въ особенности.

«Идеальныя войска наши исполнены изумительнаго терпѣнія, усердія и самоотверженія... Генералы наши, исключая единицъ, не

---

[1]) См. выше, стр. 69, 106—112, 132, 178 и начало настоящей главы. Заіончковскій, стр. 539, 540, 552—554 и т. д.

[2]) Интересно сравнить это отношеніе къ дѣлу князя Паскевича съ его же взглядами на отношеніе къ тому же дѣлу фельдмаршала Барклая-де-Толли послѣ 1815 г. См. Шильдеръ, И. Н. I, томъ I, 103.

[3]) Такъ Императору была извѣстна наличность злоупотребленій по хозяйственной части и т. п.

соотвѣтствуютъ офицерамъ и солдатамъ. Я не говорю о личной храбрости, которая одна недостаточна для генерала» [1]).

Это вѣрно, но должно также принять во вниманіе, что и эти же самые генералы вышли изъ среды того же корпуса офицеровъ. Отсутствіе интереса къ усовершенствованію въ военномъ искусствѣ и къ развитію своего умственнаго кругозора, отсутствіе соотвѣтствующихъ требованій свыше, извѣстная грубость нравовъ армейской среды и т. д.,—таковы были условія, при которыхъ проходили школу службы и жизни будущіе генералы, выдвигавшіеся изъ числа массы армейцевъ; въ гвардіи условія эти были много лучше, но любовь къ военному искусству и тамъ далеко не преобладала. Имѣлись и нѣкоторыя, общія для гвардіи и арміи, условія. Маневрами у насъ начали заниматься, но эти занятія развивали у офицеровъ страхъ отвѣтственности и страхъ начальства [2]). Гдѣ же было офицерамъ, будущимъ генераламъ, усвоить себѣ правильныя понятія и правильное отношеніе къ вопросамъ, относящимся къ сферѣ военнаго искусства? Развѣ на Кавказѣ, но тамъ была лишь часть арміи, нисколько не вліявшая на цѣлое.

Въ результатѣ наша армія, въ отношеніи подготовки къ войнѣ и бою, отстала отъ передовыхъ армій Западной Европы, а болѣе всего отсталъ въ этомъ отношеніи нашъ командный составъ [3]).

Генеральный штабъ. Отстраненіе его отъ подготовки арміи къ войнѣ и бою и т. д.

Генеральный штабъ былъ приниженъ [4]); изъ числа болѣе или менѣе выдающихся его представителей одни подлаживались къ господствовавшему направленію, а другіе спасались отъ этой участи, переходя на Кавказъ; послѣдніе, за рѣдкими исключеніями, подозрѣвались въ недостаточномъ знаніи службы и не считались столь же подходящими кандидатами для выдвиженія на вліятельные посты въ арміи, какъ первые.

Такая постановка генеральнаго штаба не могла способствовать тому, чтобы онъ игралъ сколько-нибудь вліятельную роль не только въ дѣлѣ подготовки арміи къ войнѣ и бою, но и въ отношеніи выра-

[1]) Такъ писалъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ графу П. Д. Киселеву изъ Севастополя 16 февраля 1855 г. Заіончковскій, 593 и 594.

[2]) Заіончковскій, I, 566—574.

[3]) Въ нравственномъ отношеніи онъ все же былъ выше командпаго состава конца царствованія Императора Александра I.

[4]) См. выше, главы I и V.

ботки плановъ войны и кампаніи. Къ творческой части этого дѣла онъ допущенъ не былъ.

Численность арміи.

Къ 1-му января 1853 года состояло: а) на дѣйствительной службѣ подъ знаменами въ регулярныхъ войскахъ—27.581 генералъ и офицеръ и 911.150 нижнихъ чиновъ; б) въ безсрочномъ и годовомъ отпускахъ—244 генерала и офицера и 212.433 нижнихъ чина; в) въ иррегулярныхъ войскахъ—3647 генераловъ и офицеровъ и 242.203 нижнихъ чина (въ томъ числѣ на дѣйствительной службѣ 89.168 человѣкъ); итого по спискамъ 31.392 генерала и офицера и 1.365.786 нижнихъ чина, изъ коихъ дѣйствительно несли службу 1,000,318 нижнихъ чиновъ [1]). Силы эти нельзя не признать въ численномъ отношеніи достаточными.

Оцѣнка высшею военною властью значенія пограничныхъ областей и вліяніе ея на дислокацію арміи.

Протяженіе всѣхъ границъ Россіи доходило до 20.000 верстъ, при чемъ болѣе $^2/_3$ пограничной линіи приходилось на долю морскихъ и около $^1/_3$ на долю сухопутныхъ границъ. Особенно важное значеніе имѣли наши границы на западѣ и югѣ, въ предѣлахъ Европейской Россіи и Кавказа, гдѣ мы соприкасались съ сильными государствами и съ воинственными племенами Кавказа, поддерживаемыми Турціею, а между тѣмъ эти границы не представляли для вторженія непріятеля, кромѣ Кавказа, никакихъ серьезныхъ естественныхъ преградъ.

Поэтому и вниманіе правительства было обращено главнымъ образомъ на приданіе большей обороноспособности нашей границѣ съ европейскими государствами и Турціей. Императоръ Николай I впервые и положилъ прочное основаніе стройной системѣ обороны границъ государства, существующей и въ настоящее время [2]).

Важное значеніе столицы, Балтійскаго побережья и Царства Польскаго вызывало необходимость сосредоточивать въ этихъ частяхъ Имперіи большую часть полевыхъ войскъ. Въ началѣ 1853 года были расположены: а) въ Финляндіи—14 баталіоновъ и 6 сотенъ; б) въ Петербургѣ и прибалтійскихъ губерніяхъ—76 баталіоновъ, 102 эскадрона и 29 батарей; в) въ литовскихъ губерніяхъ - 50 баталіоновъ, 32 эскадрона и 14 батарей; г) въ Царствѣ Польскомъ—101 баталіонъ, 124 эск. и сотни и 38 батарей; д) въ юго-западныхъ губерніяхъ—

[1]) Заіончковскій, I, 453—469.
[2]) См. тамъ же, 691—723.

62 баталіона, 32 эск. и 18 батарей; на берегахъ Чернаго моря—38 баталіоновъ, 50 эск. и сотенъ и 10 батарей [1]); е) на Кавказѣ—124½ бат., 263½ эск. и сотни и 21 батарея [2]).

Сверхъ того, внутри Европейской Россіи было сосредоточено 50 баталіоновъ, 194 эск. и 26 батарей, которые могли считаться резервомъ вооруженныхъ силъ, выдвинутыхъ къ границамъ.

Въ общемъ, эта дислокація нашей арміи въ достаточной степени удовлетворяла обстановкѣ. Правда, большія разстоянія, недостатокъ удобныхъ путей сообщенія и прочія неблагопріятныя условія сильно затрудняли и замедляли сосредоточеніе арміи въ угрожаемой части пограничной полосы, но все же удовлетворительное рѣшеніе этой задачи было возможно.

Дипломатическое воздѣйствіе на Турцію. Усиленіе нашей боевой готовности.

Въ концѣ 1852 года [3]) Императоръ Николай I пришелъ къ заключенію о необходимости прибѣгнуть по отношенію къ Турціи къ особо внушительнымъ дипломатическимъ мѣрамъ воздѣйствія и съ этою цѣлью отправилъ въ Константинополь, въ качествѣ чрезвычайнаго полномочнаго посла, князя А. С. Меншикова [4]). На случай неудачи его миссіи это воздѣйствіе необходимо было поддержать соотвѣтственною боевою готовностью.

Планъ Императора Николая I-го.

Въ виду этого, Императоръ, въ декабрѣ того же года, далъ повелѣніе о сборѣ резервныхъ и запасныхъ частей 5-го пѣхотнаго корпуса и соотвѣтствующихъ частей артиллеріи и саперъ и о подготовкѣ къ сбору такихъ же частей 4-го корпуса и соотвѣтствующихъ кавалерійскихъ дивизій [5]); въ собственноручной же запискѣ отъ

---

[1]) Въ томъ числѣ въ Крыму только 12 баталіоновъ и 4 батареи.

[2]) Корпуса были расположены: гвардейскій—въ С.-Петербургской губерніи, гренадерскій въ треугольникѣ Новгородъ—Псковъ—Тверь, I—въ четыреугольникѣ Либава — Рига — Динабургъ — Брестъ-Литовскъ, II—въ Царствѣ Польскомъ, III—въ четыреугольникѣ Слонимъ — Новогрудокъ—Рославль—Переяславль, IV—въ полосѣ Варшава—Люблинъ—Луцкъ—Житоміръ—Винница, V—въ Новороссійскомъ краѣ, VI—въ четыреугольникѣ Кострома—Ярославль—Калуга—Чугуевъ и Кавказскій на Кавказѣ; резервные кавалерійскіе: I—въ треугольникѣ Вознесенскъ—Умань—Нов. Прага и II—въ треугольникѣ Курскъ—Воронежъ—Чугуевъ.

[3]) Политическая обстановка прекрасно изложена въ упомянутомъ сочиненіи Заіончковскаго.

[4]) Богдановичъ. Восточная война 1853—56 г.г. Изд. 2, Т. I, 28—65. Заіончковскій, I, 399—440.

[5]) Высочайшія повелѣнія отъ 15 и 19 декабря 1852 г.

7-го января 1853 года [1]) онъ изложилъ свои общія соображенія и предположенія на случай войны съ Турціею.

Императоръ полагалъ, что «чѣмъ разительнѣе, неожиданнѣе и рѣшительнѣе нанесемъ ударъ, тѣмъ скорѣе положимъ конецъ борьбѣ»; всякая же медленность и нерѣшительность позволитъ туркамъ опомниться, приготовиться къ оборонѣ и, кромѣ того, дастъ время и французамъ вмѣшаться въ это дѣло. «Итакъ,—заключалъ Государь,—быстрыя приготовленія, возможная тайна и рѣшительность въ дѣйствіяхъ необходимы для успѣха». Онъ полагалъ, что «сильная экспедиція съ помощью флота въ Босфоръ и Царьградъ можетъ все рѣшить весьма скоро».

Не ограничиваясь этимъ, Императоръ вошелъ въ разборъ и необходимыхъ подробностей для выполненія задуманнаго плана. Для дессанта предназначались 13-я и 14-я дивизіи [2]) съ прикомандированными къ нимъ частями [3]). Предполагалось посадить дессанты въ Севастополѣ и въ Одессѣ въ одинъ и тотъ же день и идти на соединеніе къ Босфору; ежели бы турецкій флотъ вышелъ въ море, разбить его, а затѣмъ уже входить въ Босфоръ; въ противномъ случаѣ приступить непосредственно къ прорыву въ Босфоръ или высадкой въ тылъ батареямъ, или прямой атакой мимо нихъ на самый Царьградъ; въ случаѣ удачнаго прорыва стать передъ городомъ и требовать безусловной сдачи; въ противномъ случаѣ приступить къ бомбардировкѣ и высадкѣ дессанта. Появленіе въ Дарданеллахъ европейскаго враждебнаго флота предполагалось предупредить быстрымъ занятіемъ Дарданеллъ. Въ такомъ способѣ дѣйствій Императоръ видѣлъ лучшее средство къ скорому примиренію съ Турціей.

Отношеніе къ плану Государя князя А. С. Меншикова и В. А. Корнилова.

Во исполненіе этой Высочайшей воли былъ составленъ подробный докладъ, лично разсмотрѣнный и исправленный Императоромъ. Дѣлались соотвѣтствующія приготовленія къ исполненію этого плана, но планъ этотъ «не встрѣтилъ поддержки со стороны князя А. С.

---

[1]) Заіончковскій, I, 728, со ссылкою на (Архивъ Канцеляріи воен. министерства) А. К. В. М., 1853 г., секр. д. № 4.

[2]) Полки должны были выступать въ 3-баталіонномъ составѣ.

[3]) Позже Императоръ призналъ необходимымъ подготовить еще и сухопутный отрядъ изъ всего 4-го корпуса, 15-й пѣхотной и 5-й легкой кавалерійской дивизій, 3—6 казачьихъ полковъ и прикомандированныхъ къ нимъ частей.

Меншикова и В. А. Корнилова, которые полагали, что нашъ флотъ могъ бы отстоять Дарданеллы, имѣя «примѣрно дивизію на полуостровѣ Гелеспонтъ», но что для сухопутной высадки съ цѣлью занятія Босфора и вообще для успѣха всего предпріятія необходимо было сохраненіе глубокой тайны, а между тѣмъ турки уже слышали о нашихъ приготовленіяхъ къ экспедиціи въ Босфоръ и принимаютъ рядъ мѣръ къ укрѣпленію пролива, для котораго природа сдѣлала все, чтобы малѣйшее толковое распоряженіе могло затруднить всякое предпріятіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ предлагалъ, взамѣнъ форсированія Босфора, произвести высадку въ Варнѣ или Бургасѣ, для дальнѣйшаго наступленія на Константинополь сухимъ путемъ черезъ Айдосъ. Это предложеніе, конечно, отнимало отъ первоначальной мысли Императора Николая весь рискъ задуманнаго предпріятія, но зато и окончательно лишало его тѣхъ плодотворныхъ результатовъ, къ которымъ оно могло привести. Высадка въ Варнѣ и даже въ Бургасѣ не могла произвести на Турцію такого внушительнаго впечатлѣнія, какъ неожиданное появленіе нашего флота съ большимъ дессантомъ непосредственно подъ стѣнами Константинополя, которое могло бы заставить турокъ тотчасъ же подчиниться нашимъ требованіямъ; главный же недостатокъ плана, предложеннаго княземъ Меншиковымъ, заключался въ томъ, что онъ давалъ возможность западнымъ державамъ принять, до нанесенія нами туркамъ рѣшительнаго удара, активное участіе въ нашей распрѣ и оставлялъ Черное море открытымъ для входа ихъ судовъ. *Планъ князя Меншикова.*

Мнѣніе князя Меншикова, котораго предполагалось поставить во главѣ всего предпріятія, подкрѣпленное мнѣніемъ Корнилова, не могло не оказать воздѣйствія на Императора Николая, остававшагося одинокимъ и не находившаго въ средѣ своихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ ни одного лица, которое было бы въ состояніи понять его предначертанія и принять на себя ихъ выполненіе.

Съ этого времени начинаются постепенныя уступки Императора мнѣніямъ его довѣренныхъ совѣтниковъ. Уступки эти дѣлались не безъ труда, такъ какъ Императоръ ясно сознавалъ искусственность той обстановки, въ которую приближенныя къ нему лица старались облечь военныя операціи и которая въ концѣ-концовъ вылилась въ *Измѣненія въ планѣ Государя. Идеи князя Паскевича. Вліяніе ихъ на веденіе нами операцій.*

форму безцвѣтнаго почти годового сидѣнія въ княжествахъ, энергично поддерживаемаго иниціаторомъ этого сидѣнія, княземъ Паскевичемъ, и давшаго созрѣть пагубной для насъ Крымской экспедиціи союзниковъ [1]).

Разсмотрѣвъ измѣненный Императоромъ планъ дѣйствій, фельдмаршалъ представилъ Государю особую записку, въ которой признавалъ возможность овладѣнія Константинополемъ съ сухого пути, но находилъ, что, послѣ выполненія этой операціи, положеніе Россіи будетъ чрезвычайно затруднительно. Это заставило князя Паскевича посмотрѣть на турецкія дѣла «съ другой точки зрѣнія» и привело его къ заключенію, что можно было бы «за неисполненіе турецкимъ правительствомъ заключенныхъ трактатовъ прежде всего занять княжества и объявить, что они до тѣхъ поръ не будутъ очищены, пока Турція не выполнитъ своихъ обязательствъ».

Мысли, изложенныя княземъ Паскевичемъ въ упомянутой запискѣ [2]), легли въ основу нашихъ дѣйствій на Дунаѣ въ 1853 году.

Рѣшено было раздѣлить военныя дѣйствія на три «эпохи»: а) первая эпоха—заключалась въ занятіи княжествъ въ залогъ; б) вторая эпоха, если Турція будетъ продолжать упорствовать,—въ блокадѣ Босфора, въ предложеніи Австріи занять Герцеговину и Сербію и т. п., и в) третья эпоха—въ приведеніи всѣхъ угрозъ въ исполненіе, чтобы признаніемъ независимости княжествъ положить начало разрушенію Оттоманской Имперіи. Переходить черезъ Дунай и приступать къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ не предполагалось и послѣ этого.

16-го мая было повелѣно нашимъ войскамъ [3]) сосредоточиться на исходныхъ для занятія княжествъ пунктахъ, не переступая, однако, границы до особаго распоряженія. Войска наши должны были даже избѣгать вооруженнаго столкновенія съ турками и лишь отражать ихъ нападенія и попытки появленія ихъ на лѣвомъ берегу Дуная.

Это была «полу-военная, полу-дипломатическая мѣра, ставив-

---

[1]) Заіончковскій, I, 729—738.

[2]) Всеподданнѣйшая записка князя Паскевича отъ 24-го марта 1853 г. См. тамъ же, 740—742.

[3]) Заіончковскій, I, 746.

шая... армію въ самое фальшивое положеніе». Въ такой роли нашего оккупаціоннаго корпуса, дававшей турецкой арміи возможность, подъ прикрытіемъ Дуная, свободно усиливаться и производить свое стратегическое сосредоточеніе, и заключался «зачатокъ нашихъ неудачныхъ дѣйствій на Дунаѣ».

На Кавказѣ рѣшено было также придерживаться строго оборонительнаго образа дѣйствій [1]).

Готовность Турціи къ войнѣ. Дѣйствія Омера паши.

Первыя приготовленія турокъ или, точнѣе, ихъ будущихъ союзниковъ къ войнѣ съ Россіею относятся къ 1849 году [2]).

По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, въ началѣ 1853 года въ Европейской Турціи находилось свободныхъ для дѣйствій противъ насъ войскъ не болѣе 20.000 чел.; къ серединѣ іюня число турецкихъ войскъ, назначенныхъ для дѣйствій противъ насъ, доходило до 58.000, къ августу мѣсяцу оно возросло до 75.000 и въ серединѣ октября до 143.000 человѣкъ [3]).

Турецкій главнокомандующій Омеръ-паша [4]) отлично воспользовался нашимъ бездѣйствіемъ въ княжествахъ и добровольно принятымъ на себя обязательствомъ не переходить Дуная. Это дало ему возможность не только безопасно сосредоточить и организовать свою армію, но и придать ей въ теченіе зимы необходимую боевую спайку, держать въ постоянной тревогѣ наши войска и при помощи услужливой прессы раздуть въ глазахъ Европы свою славу и славу своей арміи. Основательныхъ надеждъ развить успѣхъ по ту сторону Дуная Омеръ-паша, повидимому, не имѣлъ никогда. Если иногда у него и являлись военныя и политическія иллюзіи, то онѣ тотчасъ же уничтожались его природною осторожностью и нерѣшительностью, а главное, онъ отлично сознавалъ, что «онъ не можетъ одинъ противостоять

---

[1]) Заіончковскій, I, 747. Въ это самое время князь Паскевичъ успокаивалъ Государя, что «миролюбивое занятіе княжествъ должно показать Европѣ снисходительную умѣренность Вашего Величества и вмѣстѣ произвести важное вліяніе на судьбу Турецкой Имперіи». Тамъ же, 749.

[2]) Дѣятельность французскаго посла, генерала Опикъ, который, при помощи цѣлой группы французскихъ офицеровъ, ознакомился съ состояніемъ турецкой арміи, съ театромъ войны и т. д. и выработалъ планъ дѣйствій.

[3]) Заіончковскій, I, 756 и 757.

[4]) Тамъ же, 757—759.

русскимъ; вступить же съ ними въ открытый бой, это значитъ желать полнаго разстройства своей арміи» [1]), короче—обречь ее на гибель.

Дѣйствія нашей южной арміи.

Не турецкая, но наша армія перешла черезъ Дунай [2]) и приступила къ осадѣ Силистріи. Крѣпость эта могла быть взята; не турецкая армія могла бы намъ въ томъ помѣшать... [3]). Возможно, что наши быстрыя и рѣшительныя дѣйствія разстроили бы и наступательные планы не только турокъ, но и остальныхъ нашихъ противниковъ.

Но быстрыя и рѣшительныя дѣйствія съ нашей стороны становились невозможными главнымъ образомъ вслѣдствіе неспособности къ ихъ веденію нашего высшаго командованія.

Раздѣленіе пограничной полосы на участки. Мысль о соединеніи западной и южной армій.

Въ февралѣ 1854 года вся пограничная полоса Россіи, отъ Сѣвернаго океана до Кавказа, была раздѣлена на участки, подчиненные каждый особому начальнику, на правахъ главнокомандующаго арміей, либо отдѣльнымъ корпусомъ [4]). Въ то же время двусмысленная политика Австріи и возможность скораго разрыва съ этою державою заставляли наше правительство принять мѣры къ защитѣ западныхъ границъ Имперіи отъ покушеній новыхъ враговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить отъ нападенія тѣхъ же австрійцевъ тылъ и фланги южной арміи, дѣйствовавшей на Дунаѣ. Это привело къ мысли о необходимости соединить начальство надъ южною и западною арміями въ лицѣ фельдмаршала князя Паскевича, все еще пользовавшагося довѣріемъ Государя [5]).

Дѣятельность Паскевича, какъ главнокомандующаго.

Паскевичъ, опасаясь на закатѣ своей жизни потерять всю свою боевую славу, считалъ себя въ правѣ ставить такія условія и предъявлять такія требованія, которыя могли бы дать ему извѣстный залогъ въ успѣхѣ предстоявшихъ дѣйствій. Онъ видѣлъ опасность только тамъ, гдѣ самъ командовалъ войсками, и не признавалъ важности другихъ участковъ обороны. Опасаясь объявленія намъ

---

[1]) Заіончковскій, I, 760 и 761.

[2]) Богдановичъ. Восточная война 1853—1856 г.г. Изд. 2-е, 1877 г. Т. II, 1—40.

[3]) Тамъ же, II, 41—106.

[4]) Тамъ же, I, 277—279.

[5]) Назначеніе это было слѣдствіемъ того, что Государь былъ недоволенъ медленностью и нерѣшительностью дѣйствій князя Горчакова.

войны Австріею, онъ находилъ необходимымъ имѣть въ Царствѣ Польскомъ какъ можно больше войскъ и препятствовалъ отправленію даже настоятельно необходимыхъ подкрѣпленій на другіе театры дѣйствій, въ томъ числѣ и въ Крымъ [1]). Онъ же оказывалъ вредное вліяніе и на ходъ операцій Дунайской арміи: прежде всего принятіе имъ начальства надъ этою арміею не повело къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ [2]), а затѣмъ его неувѣренность въ благопріятномъ исходѣ борьбы и сомнѣнія постепенно возростали во все время его пребыванія на театрѣ дѣйствій. Уже въ апрѣлѣ 1854 года фельдмаршалъ предлагалъ Государю «очистить добровольно княжества, чтобы занять въ нашихъ предѣлахъ болѣе надежную позицію и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами» [3]).

Государь не согласился съ этимъ предложеніемъ и въ концѣ письма Паскевичу приписалъ: «Ожидаю нетерпѣливо твоего донесенія, что Лидерсъ подъ Силистріею... Ради Бога, не упускай драгоцѣннаго времени» [4]).

Тѣмъ не менѣе, потеряно было болѣе мѣсяца времени [5]), и этому обстоятельству должно приписать неудачу нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій за Дунаемъ. Не доведя дѣла до конца, фельдмаршалъ по болѣзни сдалъ армію князю Горчакову и предписалъ ему снять осаду Силистріи, неправильно истолковавъ разрѣшеніе, данное на то Государемъ, снять осаду въ такомъ лишь случаѣ, если бы осадный корпусъ не могъ взять Силистріи, не подвергаясь опасности быть атакованнымъ превосходными силами прежде окончанія осады [6]).

Такой опасности не было; если бы мы, не потерявъ времени, успѣли овладѣть Силистріею въ маѣ мѣсяцѣ, то Австрія была бы осторожнѣе въ своихъ домогательствахъ, а Англо-Французы, пожалуй, и не рѣшились бы предпринять Крымскую экспедицію.

Заключеніе о Паскевичѣ.

Въ общемъ, Паскевичъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду тѣхъ

---

[1]) Дубровинъ. Исторія Крымской войны и обороны Севастополя. 1900 г. Т. I, 72, 73, 135 и т. д.
[2]) Чѣмъ при князѣ Горчаковѣ.
[3]) Богдановичъ, II, 37.
[4]) Богдановичъ, II, 37—39.
[5]) Къ Силистріи наши войска подошли только 4/16 мая.
[6]) Богдановичъ, II, 99 и 100.

военныхъ дѣятелей того времени, ошибки коихъ должны быть отнесены къ числу причинъ неудачнаго исхода этой войны.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КН. А. С. МЕНШИКОВА.

Непосредственно за нимъ слѣдуетъ первый главнокомандующій Крымскою арміею, генералъ-адъютантъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ [1]). Достаточно отмѣтить слѣдующіе факты: а) послѣ полученія рескрипта Государя отъ $^{1}/_{13}$ августа 1854 года князь Меншиковъ «вѣрилъ и не вѣрилъ тому, что союзники могутъ высадиться въ Крыму» [2]); б) во второй половинѣ того же мѣсяца онъ былъ убѣжденъ, что высадка ихъ въ Крыму не состоится [3]); в) ко времени сраженія при р. Альмѣ у него не было ни начальника штаба, ни самаго штаба, правильно организованнаго, ни «довѣренныхъ лицъ, на которыхъ онъ могъ бы положиться» [4]), при чемъ только онъ одинъ и былъ въ томъ виновенъ; г) никакой диспозиціи для этого боя онъ не отдалъ; войска разставлялись однимъ офицеромъ генеральнаго штаба [5]) по личнымъ указаніямъ самого князя, который вообще всѣ распоряженія дѣлалъ самъ, черезъ случайно бывшихъ у него подъ рукою офицеровъ и личныхъ адъютантовъ [6]); д) расположеніе нашихъ войскъ на позиціи у р. Альмы не соотвѣтствовало мѣстнымъ условіямъ; находились лица, совѣтовавшія князю укрѣпить лѣвый флангъ, но князь ихъ не послушалъ; е) въ самомъ бою, по справедливому опредѣленію Императора Николая I, замѣчалось «дурное распоряженіе войсками» [7]); ж) въ этомъ же бою не было «взаимной связи въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ» [8]); причиною оставленія позиціи при р. Альмѣ князь Меншиковъ (въ донесеніи Императору) выставилъ не только «неопытность войскъ», но и ихъ «малодушіе» [9]);

---

[1]) См. Заіончковскій, I, 399—401 и т. д. Дубровинъ, I, II и начало III.

[2]) Дубровинъ, I, 158.

[3]) Дубровинъ, I, 168—170.

[4]) Дубровинъ, I, 205 и др.

[5]) Подполковникъ Залѣсскій, Иванъ Ксаверіевичъ (выпуска 1844 г.), оберъ-квартирмейстеръ войскъ, собранныхъ на р. Альмѣ; въ 1855 г. уволенъ отъ службы полковникомъ.

[6]) См. трудъ составителя сего очерка «Оборона Севастополя», а также Дубровинъ, I, 204—207.

[7]) «Обзоръ войнъ Россіи», ч. III, кн. I, 240.

[8]) См. сочиненія Дубровина и Богдановича.

[9]) Дубровинъ, I, 270.

з) если фланговый маршъ союзниковъ 13-го сентября къ р. Черной былъ произведенъ весьма неудовлетворительно, то и князь Меншиковъ явился достойнымъ соперникомъ союзныхъ вождей: фланговый маршъ нашей арміи былъ произведенъ ночью, безъ бокового авангарда и безъ отданія общей диспозиціи для движенія; распоряженія дѣлались княземъ на словахъ и передавались отдѣльно разнымъ начальникамъ, при чемъ естественно происходили разныя недоразумѣнія, задержки и т. п.; и) если бы, передъ боемъ подъ Балаклавою, князь Меншиковъ выждалъ прибытія 10-й и 11-й дивизій, то численность нашей арміи дошла бы до 85.000 противъ 70.000 чел. союзныхъ войскъ, изъ коихъ въ полѣ намъ могли бы быть противопоставлены лишь небольшія силы; но князь Меншиковъ, получивъ невѣрное свѣдѣніе о недостаткѣ въ Севастополѣ пороха, приказалъ генералу Липранди, не ожидая прибытія подкрѣпленій, отвлечь союзниковъ отъ Севастополя хотя бы взятіемъ Кадыкіойскихъ редутовъ; і) послѣ подхода 10-й и 11-й дивизій, за вычетомъ больныхъ и раненыхъ, въ нашей арміи состояло 71.000 противъ 63.000 чел. союзниковъ; духъ войскъ былъ поднятъ [1]); нужно было умѣть воспользоваться этими благопріятными для насъ условіями; князь и предпринялъ наступленіе, но оно привело къ Инкерманскому сраженію; при этомъ самъ онъ не имѣлъ яснаго представленія о томъ, что надлежало дѣлать; не удивительно, что его неясно сознаваемыя идеи и не могли быть облечены въ ясную форму (въ диспозиціи), а требовать отъ исполнителей, чтобы они исполняли грубыя ошибки руководителя операціи, невозможно; к) князь Меншиковъ былъ уволенъ отъ командованія арміею слишкомъ поздно [2]), а главное онъ оставилъ своему преемнику, князю М. Д. Горчакову [3]), настолько «отвратительное наслѣдство» [4]), что исправить наши дѣла въ Крыму было невозможно, по крайней мѣрѣ, для генерала, не могущаго быть причисленнымъ къ великимъ полководцамъ.

[1]) Дубровинъ, II, 172—190, 243—246 и др.

[2]) Дубровинъ, III, 6—8, 24, 25 и т. д.

[3]) Данныя о службѣ и характеристика князя М. Д. Горчакова изложены выше (см. стр. 41, 67, 109, 118, 297, 298 и 304). См. сверхъ того соч. Богдановича, I, 96, 97; соч. Дубровина, особенно III, 2—5 и Ковалевскій. Война съ Турціей и разрывъ съ зап. державами. 1868 г. стр. 33—38.

[4]) Дубровинъ, III, 23 и др.

Главныя причины нашихъ неудачъ въ 1853--56 г.г.

При вышеочерченныхъ условіяхъ, главными причинами нашихъ неудачъ [1]) въ разсматриваемую войну (въ военномъ отношеніи) являлись: недостатки нашей военной системы вообще и высшаго военнаго управленія въ особенности; недочеты, кои нельзя не усмотрѣть въ дѣятельности высшаго командованія, а въ особенности князей Паскевича и Меншикова.

Погрѣшности князя М. Д. Горчакова имѣютъ, говоря сравнительно, второстепенное значеніе, тѣмъ болѣе, что Паскевичъ его обезличилъ, а Меншиковъ оставилъ ему въ Крыму непоправимо «отвратительное наслѣдство».

Генеральный штабъ свободенъ отъ отвѣтственности за идейную часть веденія войны и операцій.

Генеральный штабъ, приниженный во время мира, оставался столь же приниженнымъ и во время войны; онъ долженъ быть признанъ совершенно свободнымъ отъ отвѣтственности какъ за подготовку къ войнѣ, такъ и за руководительство операціями и вообще за всю идейную часть веденія и всей войны, и отдѣльно взятыхъ военныхъ операцій. Остается оцѣнить дѣятельность нашего генеральнаго штаба, какъ вспомогательнаго органа высшаго командованія во время войны

Дѣятельность генеральнаго штаба Дунайской арміи. Генералъ-адъютантъ Коцебу и генералъ-маіоръ Бутурлинъ.

Начальникъ штаба Дунайской арміи генералъ-адъютантъ Коцебу, при переправѣ черезъ Дунай у Браилова 11-го марта 1854 года, принявъ начальство надъ войсками дессанта, составилъ изъ первыхъ высадившихся людей цѣпь застрѣльщиковъ, дабы, подъ прикрытіемъ ея, дать время выходившей съ судовъ на берегъ пѣхотѣ построиться въ ротныя колонны, и лично повелъ цѣпь въ направленіи на Мачинъ Онъ же послалъ и. д. генералъ-квартирмейстера, генералъ-маіора Бутурлина, съ нѣсколькими греческими волонтерами, влѣво отъ дороги, на оставленную противникомъ батарею, для рекогносцировки мѣстности, закрытой камышомъ. Противникъ, скрывавшійся позади въ лощинѣ и въ окопахъ, открылъ огонь изъ штуцеровъ, когда генералъ Бутурлинъ взошелъ на батарею. Генералъ Коцебу остановилъ цѣпь, завязавшую перестрѣлку съ непріятелемъ.

Въ общемъ, эти дѣйствія генерала Коцебу показываютъ, что онъ уже тогда понималъ характеръ веденія боя пѣхотою при усилившемся значеніи огня [2]).

---

[1]) На европейскихъ театрахъ дѣйствій, дунайскомъ и крымскомъ.
[2]) Богдановичъ, II, 20 и 21.

За переправу черезъ Дунай генералъ-адъютантъ Коцебу получилъ орденъ св. Александра Невскаго съ алмазами, а генералъ Бутурлинъ орденъ св. Влад міра 2-й степени.

Штабсъ-капитанъ Мейендорфъ.

При этой же переправѣ, въ первой лодкѣ, приставшей къ непріятельскому берегу, кромѣ генераловъ Коцебу и Бутурлина, находился одинъ изъ достойнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, поручикъ Мейендорфъ, получившій въ эту же кампанію (за Силистрію) чинъ штабсъ-капитана [1]).

Штабсъ-капитаны Вагнеръ и Будогоскій.

При переправѣ черезъ Нижній Дунай [2]) отряда генералъ-лейтенанта Ушакова, 11-го же марта, былъ раненъ пулею въ голову ведшій колонну полковника Тяжельникова генеральнаго штаба капитанъ Вагнеръ [3]), который отъ этой раны и умеръ. При этой же переправѣ колонну генералъ-маіора Копьева велъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Будогоскій [4]).

Подполковникъ Эрнротъ и штабсъ-капитанъ Батезатулъ 1-й.

Ранѣе упомянутой переправы, 22 октября 1853 года, подполковникъ Эрнротъ [5]), съ коннымъ отрядомъ [6]) производилъ усиленную рекогносцировку расположенія турокъ у Ольтеницы [7]), а въ самомъ бою при Ольтеницѣ штабсъ-капитанъ Батезатулъ 1-й [8]), несмотря на контузію, шелъ впереди 1-го баталіона Якутскаго полка, опередившаго другія части нашего отряда во время атаки [9]).

Полковникъ Веймарнъ.

Въ февралѣ 1854 года турки сосредоточили значительный отрядъ между Видиномъ и Тимокомъ; лодки ихъ ходили по Дунаю вверхъ до устья Тимока. Генералъ Липранди выслалъ полковника Веймарна [10]) съ особымъ отрядомъ вверхъ до Груи, чтобы препятствовать свободному плаванію непріятельскихъ судовъ. Полковникъ Веймарнъ огнемъ артиллеріи повредилъ нѣсколько турецкихъ лодокъ и

---

[1]) Александръ Петровичъ Мейендорфъ. Выпуска изъ академіи 1852 г. Ковалевскій, 170.

[2]) Близъ раздѣленія Килійскаго и Сулинскаго рукавовъ. Богдановичъ, II, 28 и 29.

[3]) Феликсъ Фридриховичъ Вагнеръ. Выпуска изъ академіи 1852 г.

[4]) Константинъ Фаддѣевичъ Будогоскій. Выпуска изъ академіи 1846 г. Впослѣдствіи командиръ 1 бригады 12 пѣх. дивизіи. Богдановичъ, II, 28.

[5]) Магнусъ Густавовичъ Эрнротъ. Выпуска 1843 г.

[6]) 2 эскадрона и 3 сотни при 2 орудіяхъ.

[7]) Богдановичъ, I, 131.

[8]) Александръ Михайловичъ Батезатулъ. Выпуска 1845 г.

[9]) Ковалевскій, 90 и др.

[10]) Петръ Владиміровичъ Веймарнъ. Выпуска 1834 г.

прекратилъ ихъ движеніе на ближайшемъ участкѣ рѣки, а затѣмъ произвелъ усиленную рекогносцировку расположенія противника въ Калафатскихъ укрѣпленіяхъ, довершенную на слѣдующій день наступленіемъ всѣхъ силъ генерала Липранди [1]). Позже, за отличіе подъ Силистріею, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры [2]).

Прочіе офицеры, окончившіе курсъ академіи. Полковникъ Баумгартенъ.

Въ этой же кампаніи участвовали и обратили на себя вниманіе слѣдующіе офицеры, окончившіе курсъ военной академіи: а) выпуска 1835 года: полковникъ Дараганъ [3]), командиръ Замосцскаго егерскаго полка, получившій золотое оружіе за Браиловскую переправу; б) выпуска 1836 года: генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ [4]), помощникъ генералъ-лейтенанта Бухмейера, командовавшаго войсками въ траншеяхъ подъ Силистріею; в) выпуска 1838 г.: полковникъ Баумгартенъ [5]), командиръ Тобольскаго пѣхотнаго полка, прославившійся въ особенности геройскимъ отраженіемъ атаки 18.000 турокъ въ бою при Четати 25 декабря 1853 г., при чемъ былъ раненъ; за этотъ подвигъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени [6]); полковникъ Глѣбовъ [7]); г) выпуска 1840 г.: подполковникъ Меньковъ [8]), произведенный за Браиловскую переправу въ полковники; д) выпуска 1843 г.: подполковникъ Эрнротъ [9]), получившій золотое оружіе за отличіе подъ Силистріею; е) выпуска 1844 г.: подполковникъ Драчевскій [10]), раненый подъ Силистріею; ж) выпуска 1846 г.: капитанъ Макшеевъ [11]); з) выпуска 1851 г.: гвардейскаго генеральнаго штаба

---

[1]) Это наступленіе имѣло значеніе демонстраціи. См. Ковалевскій, 152 и 153 и др.

[2]) И. Ак. Г. Ш.

[3]) Михаилъ Ивановичъ Дараганъ.

[4]) Николай Борисовичъ Герсевановъ (его называютъ и Герсивановымъ).

[5]) Александръ Карловичъ Баумгартенъ. Въ 1840 и 1841 г.г. служилъ на Кавказѣ. Участвовалъ въ венгерской кампаніи 1849 г. въ Черниговскомъ пѣх. полку. См. выше.

[6]) Богдановичъ, I, 169—181; II, 44, 45, 50, 109 и др.

[7]) Константинъ Николаевичъ Глѣбовъ.

[8]) Петръ Кононовичъ Меньковъ, впослѣдствіи редакторъ «Военнаго Сборника». Авторъ извѣстныхъ записокъ о восточной войнѣ, часть коихъ напечатана въ «Изборникѣ Развѣдчика».

[9]) Участвовалъ въ кампаніи 1849 года.

[10]) Василій Даниловичъ Драчевскій, впослѣдствіи помощникъ начальника штаба Одесскаго военнаго округа.

[11]) Алексѣй Ивановичъ Макшеевъ, впослѣдствіи профессоръ академіи

штабсъ-капитанъ Чарторижскій [1]), произведенный за Браиловскую переправу въ капитаны; штабсъ-капитанъ Черняевъ [2]), находившійся при отрядѣ полковника Карамзина [3]) въ Малой Валахіи [4]); и) выпуска 1852 г.: поручикъ Алексѣевъ [5]), произведенный за Силистрію въ штабсъ-капитаны, и штабсъ-капитанъ Лавровъ [6]), получившій тамъ же золотое оружіе [7]).

Заключеніе объ участіи офицеровъ генеральнаго штаба въ операціяхъ на Дунаѣ.

Въ общемъ, въ теченіе дунайской кампаніи, офицеры генеральнаго штаба и прежде въ немъ служившіе [8]), отъ старшихъ до младшихъ включительно, исполняли свои обязанности, при различныхъ условіяхъ обстановки, съ знаніемъ дѣла, съ безукоризненнымъ мужествомъ и съ соотвѣтствующимъ успѣхомъ; они дѣлали не только все то, что можно было отъ нихъ требовать, но нерѣдко и то, на что нельзя было разсчитывать.

Операціи въ Крыму. Отсутствіе штаба у князя Меншикова. Его причины и слѣдствія.

Въ началѣ крымской кампаніи у князя Меншикова не было сколько-нибудь правильно организованнаго штаба [9]). Достаточно отмѣтить, что передъ Альминскимъ сраженіемъ князь Меншиковъ поручилъ, «помимо старшихъ начальниковъ», состоявшему въ должности оберъ-квартирмейстера, дивизіонному квартирмейстеру 14-й дивизіи, подполковнику Залѣсскому [10]) «всѣ распоряженія по размѣщенію войскъ на позиціи и по приготовленію къ бою» [11]). Былъ ли со стороны Залѣсскаго злой умыселъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ не онъ является передъ судомъ исторіи главнымъ виновникомъ неудачи.

Въ самомъ Севастополѣ силою обстоятельствъ выдвинулся на первое мѣсто начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ, вице-адміралъ

---

[1]) Левъ Ивановичъ Чарторижскій, впослѣдствіи Енисейскій губернаторъ.

[2]) Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, впослѣдствіи покоритель Ташкента.

[3]) Сынъ историка.

[4]) Онъ не обращалъ вниманія на дѣльные совѣты Черняева.

[5]) Александръ Дмитріевичъ Алексѣевъ.

[6]) Дмитрій Петровичъ Лавровъ.

[7]) См. соч. Богдановича, Глиноецкаго и др.

[8]) Изъ числа окончившихъ курсъ военной академіи.

[9]) См. выше.

[10]) См. стр. 322.

[11]) См. Дубровинъ, I, 204—208. Дубровинъ придаетъ большое значеніе тому, что Залѣсскій былъ полякъ. Кажется, однако, что главное значеніе принадлежало отсутствію у него необходимыхъ способностей.

Корниловъ [1]), сдѣлавшійся руководителемъ обороны не по старшинству, а по своимъ способностямъ и энергіи. Послѣ кончины Корнилова оборона города была возложена на вице-адмирала Станюковича [2]); командующимъ же войсками въ Севастополѣ былъ оставленъ попрежнему генералъ-лейтенантъ Моллеръ [3]), начальникомъ штаба къ которому былъ назначенъ присланный изъ Петербурга генеральнаго штаба полковникъ Поповъ [4]). Князь Меншиковъ не могъ додуматься до необходимости установленія единовластія.

Въ арміи положеніе было еще хуже. До ноября князь Меншиковъ все еще «не имѣлъ правильно организованнаго штаба и принужденъ былъ во все входить самъ». Корпусные командиры не внушали ему къ себѣ довѣрія: князь П. Д. Горчаковъ [5]) былъ дряхлъ; главнокомандующій смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, который, не сегодня, такъ завтра, откажется отъ всякой дѣятельности; генералъ же Данненбергъ, по мнѣнію главнокомандующаго, имѣлъ мало энергіи, былъ «идеалистъ и кабинетный утопистъ», которому нельзя было поручить командованіе какою-либо отдѣльною частью, а тѣмъ болѣе поставить во главѣ арміи [6]). Инкерманское сраженіе познакомило князя Меншикова съ начальниками дивизій: генералъ Павловъ [7]) былъ устраненъ отъ всякой дѣятельности; генерала Липранди [8]) онъ считалъ человѣкомъ хитрымъ и двуличнымъ, а бригадныхъ командировъ не зналъ настолько, чтобы можно было на нихъ положиться.

Князь Меншиковъ писалъ князю М. Д. Горчакову 17-го декабря 1854 года: «Я чрезвычайно нуждаюсь въ способныхъ офицерахъ генеральнаго штаба. Всѣ находящіеся у меня, за исключеніемъ

---

[1]) Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ. См. Дубровинъ, I и II, 1—89.

[2]) Тамъ же, II, 89.

[3]) Начальникъ гарнизона.

[4]) Александръ Ефимовичъ Поповъ. Выпуска 1840 г. Въ 1843—1846 г.г. на Кавказѣ. Въ 1854 г. за Балаклаву получилъ зол. оружіе. Въ 1855 г. оберъ-квартирмейстеръ гвард. пѣх. корпуса.

[5]) Дубровинъ, II, 279.

[6]) Князь Меншиковъ полагалъ, что если Данненбергъ станетъ во главѣ арміи, то «это будетъ истинное несчастіе».

[7]) Начальникъ 11-й пѣх. дивизіи.

[8]) Начальникъ 12-й пѣхотной дивизіи.

одного или двухъ, полнѣйшая ничтожность, въ томъ числѣ и Герсвановъ, неспособность котораго къ исполненію обязанности генералъ-квартирмейстера ниже всякой критики» [1]).

Въ Петербургѣ готовы были помочь главнокомандующему, но «стѣснялись личнымъ характеромъ князя Александра Сергѣевича».

Военный министръ писалъ князю М. Д. Горчакову 19-го ноября:

«Вы говорите о сформированіи этого штаба; я не желаю ничего лучшаго, но несмотря на истинно дружескія отношенія, въ которыхъ мы находимся съ княземъ Меншиковымъ, весьма трудно удовлетворить его вкусу. Ему посылаютъ лучшихъ офицеровъ и опытныхъ чиновниковъ, и однако-же это не приводитъ ни къ чему. Если вы находитесь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Меншиковымъ, не можете ли внушить ему какую-нибудь хорошую мысль» [2]).

Организація штаба при князѣ Меншиковѣ.

Князь Горчаковъ и раньше совѣтовалъ князю Меншикову образовать себѣ штабъ какъ можно скорѣе; въ концѣ октября онъ обратился къ нему вновь съ такимъ же совѣтомъ. Князь Меншиковъ прежде всего ходатайствовалъ о назначеніи командировъ 3-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ, генераловъ барона Остенъ-Сакена и Данненберга, одного на мѣсто другого, а затѣмъ избралъ себѣ начальникомъ штаба командира 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіора Семякина [3]). Сверхъ того въ Севастополѣ начальникомъ штаба назначенъ былъ князь Васильчиковъ [4]), а начальникомъ гарнизона командиръ 4-го корпуса генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ 1-й [5]).

Теперь уже жаловаться не слѣдовало. Ходъ военныхъ дѣйствій долженъ былъ бы измѣниться въ нашу пользу, если бы это зависѣло отъ штаба; но зло коренилось главнымъ образомъ въ самой личности князя Меншикова, которому не могъ оказать дѣйствительной помощи самый лучшій штабъ; мало того, онъ могъ низвести на нѣтъ дѣятельность самаго лучшаго штаба.

Штабъ арміи при князѣ М. Д. Горчаковѣ.

Послѣ назначенія главнокомандующимъ крымскою арміею князя

---

[1]) Дубровинъ, II, 279.
[2]) Дубровинъ, II, 280 и 281.
[3]) Дубровинъ, II, 281—284.
[4]) Дубровинъ II, 321 и др.
[5]) Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, впослѣдствіи графъ.

М. Д. Горчакова съ нимъ отправились въ Крымъ начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Коцебу и генералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ [1]). О томъ, что первый изъ нихъ былъ на высотѣ своего назначенія, едва ли можно спорить [2]); второй же при первомъ игралъ роль второстепенную.

Заключеніе о начальникахъ штабовъ.

Въ общемъ, не начальники штабовъ и вообще не помощники главнокомандующаго крымскою арміею уменьшали наши шансы на успѣхъ; свое же прямое дѣло они исполняли вполнѣ умѣло и успѣшно; исключенія были рѣдки.

Дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба на крымскомъ театрѣ дѣйствій.

Въ операціяхъ на крымскомъ театрѣ дѣйствій участвовали и обратили на себя вниманіе слѣдующіе офицеры, окончившіе курсъ военной академіи: а) выпуска 1834 г.: полковникъ Бибиковъ [3]), командиръ Охотскаго пѣх. полка, произведенный за Инкерманское сраженіе въ генералъ-маіоры; б) выпуска 1836 г.: полковникъ Норденстренгъ 1-й [4]), командиръ Азовскаго пѣх. полка, раненый подъ Инкерманомъ, получилъ золотое оружіе и чинъ генералъ-маіора; генеральнаго штаба полковникъ Маркъ 2-й [5]), произведенный за сраженіе при р. Черной въ генералъ-маіоры; в) выпуска 1837 г.: генералъ-маіоръ Шульцъ [6]), получившій за Севастополь золотое оружіе съ брилліантами; г) выпуска 1838 г.: генералъ-маіоръ Баумгартенъ [7]); генералъ-маіоръ Вранкенъ [8]), назначенный командующимъ 5-ю пѣх. дивизіею и раненый въ сраженіи на р. Черной; полковникъ баронъ Дельвигъ [9]), командиръ Владимірскаго пѣх. полка, участвовалъ въ сраженіи подъ Инкерманомъ и въ Севастополѣ; два раза сильно раненъ и контуженъ; произведенъ въ генералъ-

[1]) Дубровинъ, III, 23. 340, 341, 358, 365, 379, 441. На него были нареканія.

[2]) См. Дубровинъ, III, 441 и др.

[3]) Дмитрій Сергѣевичъ Бибиковъ; въ 1836—1848 г.г. въ генеральномъ штабѣ на Кавказѣ.

[4]) Туръ Андреевичъ Норденстренгъ. См. выше, стр. 258. О полковникѣ Герсевановѣ (Николаѣ Борисовичѣ) того же выпуска см. выше. За Севастополь генералъ-маіоръ.

[5]) Михаилъ Эммануиловичъ Маркъ.

[6]) Морицъ Христіановичъ Шульцъ (см. выше), Александропольскій комендантъ; отпросился въ отпускъ, явился въ Севастополь и былъ назначенъ начальникомъ 2-го отдѣленія оборонительной линіи.

[7]) См. выше.

[8]) Агафонъ Карловичъ Вранкенъ (см. выше).

[9]) Баронъ Николай Ивановичъ Дельвигъ.

маіоры; д) выпуска 1839 г.: полковникъ Саблеръ [1]), получившій золотое оружіе за Севастополь; е) выпуска 1840 г.: полковникъ Грандидьеръ [2]), убитый въ Севастополѣ; ж) выпуска 1841 г.: подполковникъ Колянковскій [3]), получившій золотое оружіе за Балаклаву; з) выпуска 1843 г.: подполковникъ Пестовъ [4]), участвовавшій въ оборонѣ Севастополя, и Вилькъ [5]), раненый тамъ же; и) выпуска 1844 г.: капитанъ Феоктистовъ [6]), произведенный за Севастополь въ подполковники; і) выпуска 1845 г.: капитанъ Ростковскій [7]), произведенный въ подполковники за Инкерманъ; капитанъ Яковлевъ [8]), контуженный въ голову подъ Инкерманомъ [9]) и получившій золотое оружіе за Севастополь; к) выпуска 1846 г.: капитанъ Кебеке [10]), произведенный за Севастополь въ подполковники; л) выпуска 1848 года: подполковникъ Батезатулъ 2-й [11]), составлявшій проектъ нападенія на Евпаторію и получившій въ 1855 г. чинъ полковника и золотое оружіе; полковникъ Циммерманъ [12]), контуженный въ Севастополѣ и получившій дважды золотое оружіе; м) выпуска 1849 г.: штабсъ-капитанъ Дерожинскій [13]), произведенный въ капитаны за Севастополь, гдѣ былъ контуженъ въ голову; н) выпуска 1850 г.: подполковникъ Яроцкій [14]),

---

[1]) Карлъ Федоровичъ Саблеръ. Въ 1862 г. генералъ-маіоръ; уволенъ отъ службы.

[2]) Егоръ Егоровичъ Грандидьеръ. О полк. Поповѣ того же выпуска см. выше.

[3]) Титъ Петровичъ Колянковскій. Въ 1866 г. генералъ-маіоръ; уволенъ по болѣзни отъ службы.

[4]) Григорій Семеновичъ Пестовъ; въ 1856 г. уволенъ отъ службы полковникомъ.

[5]) Карлъ Андреевичъ Вилькъ; позже штабъ-офицеръ и библіотекарь академіи.

[6]) Владиміръ Христофоровичъ. Позже командиръ 33 пѣх. Елецкаго полка.

[7]) Аркадій Францовичъ. Позже командиръ 43-го пѣх. Охотскаго полка.

[8]) Григорій Александровичъ. Уволенъ по болѣзни (генералъ-маіоръ) 1866 г.

[9]) Упомянутъ въ диспозиціи ген. Данненберга на 24-е октября.

[10]) Августъ Фердинандовичъ. Умеръ подполковникомъ 1859 г.

[11]) Николай Михайловичъ.

[12]) Аполлонъ Эрастовичъ. Позже командиръ 14-го корпуса и членъ военнаго совѣта.

[13]) Валеріанъ Филипповичъ. Убитъ на Шипкѣ 1877 г.

[14]) Венедиктъ Яковлевичъ. Позже адъюнктъ-профессоръ академіи.

контуженный въ Севастополѣ, и капитанъ Норденстренгъ 2-й [1]), контуженный подъ Инкерманомъ въ правое плечо и голень и въ Севастополѣ въ голову; о) выпуска 1851 г.: штабсъ-капитанъ Пейкеръ [2]), участвовавшій въ оборонѣ Севастополя, и штабсъ-капитанъ Черняевъ [3]), произведенный въ капитаны за Инкерманъ и получившій золотое оружіе за Севастополь; п) выпуска 1852 г.: штабсъ-капитаны Мейендорфъ [4]) и Лавровъ [5]), убитые въ Севастополѣ; р) выпуска 1853 г.: причисленный къ генеральному штабу штабсъ-ротмистръ Жолобовъ [6]), умершій отъ раны, полученной подъ Инкерманомъ; с) выпуска 1854 г.: причисленный къ генеральному штабу поручикъ Ракѣевъ [7]), убитый подъ Инкерманомъ; капитанъ Ростовцевъ [8]), получившій золотое оружіе за Севастополь; штабсъ-капитанъ Бѣлышевъ [9]), пропавшій безъ вѣсти 27-го августа 1855 г. въ Севастополѣ; т) выпуска 1855 г.: причисленный къ генеральному штабу есаулъ Щербачевъ [10]), получившій въ Севастополѣ золотое оружіе за 6 іюня и убитый тамъ же 27 августа.

Въ штабахъ дунайской, южной и крымской армій, кромѣ вышепоименованныхъ, во время этой войны служили: а) выпуска 1834 г.: генералъ-маіоръ Непокойчицкій [11]), начальникъ штаба 5-го корпуса и южной арміи; б) выпуска 1852 г. штабсъ-капитанъ Глиноецкій [12]), состоявшій при штабѣ дѣйствующей южной арміи; в) вы-

---

[1]) Альмаръ Андреевичъ. Позже С.-Михельскій губернаторъ.

[2]) Иванъ Федоровичъ. Умеръ въ 1861 г.

[3]) См. выше.

[4]) См. выше.

[5]) См. выше.

[6]) Имя и отчество неизвѣстны. Изъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Кирасирскаго Е. И. В. Великой Княгини Елены Павловны полка.

[7]) Изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Л.-гв. Преображенскаго полка.

[8]) Николай Яковлевичъ. Позже флигель-адъютантъ, уволенъ отъ службы 1862 г., принятъ вторично на службу въ 1877 г. (графъ).

[9]) Николай Алексѣевичъ.

[10]) Василій Сергѣевичъ. Изъ Оренбургскаго кадетскаго корпуса.

[11]) См. выше, стр. 298.

[12]) Николай Павловичъ. Исторіографъ генеральнаго штаба и академіи, адъюнктъ-профессоръ, позже начальникъ штаба 1-го корпуса, а затѣмъ начальникъ 13-й пѣх. дивизіи.

пуска 1855 г.: причисленный къ генеральному штабу поручикъ Шнитниковъ [1]), состоявшій въ главномъ штабѣ южной арміи.

Должно упомянуть участвовавшихъ въ военномъ совѣтѣ подъ Севастополемъ 28 іюля 1855 г. (кромѣ вышеназванныхъ): генералъ-маіора Крыжановскаго, полковниковъ Исакова (выпуска 1843 г.) и Козлянинова (выпуска 1840 г.).

Дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба на побережьи Балтійскаго моря.

На побережьи Балтійскаго моря, говоря сравнительно, серьезныхъ операцій, а въ западной пограничной полосѣ никакихъ операцій не происходило. Во всякомъ случаѣ гвардейскій генеральный штабъ и соотвѣтствующая часть генеральнаго штаба исполняли весьма серьезныя работы съ такимъ же знаніемъ дѣла и усердіемъ, какъ и ихъ товарищи въ дѣйствующихъ арміяхъ.

Изъ нихъ нельзя не упомянуть капитана, позже полковника гвардейскаго генеральнаго штаба Игнатьева [2]), который въ 1854—55 г.г. исполнялъ обязанности оберъ-квартирмейстера войскъ, оборонявшихъ Балтійское побережье, а затѣмъ въ 1856 году, состоя военнымъ агентомъ въ Лондонѣ, былъ командированъ въ Парижъ на время мирныхъ переговоровъ, завершившихся заключеніемъ Парижскаго трактата того же года; при этомъ онъ искусно отстаивалъ интересы Россіи во время обсужденія вопроса о проведеніи новой границы въ южной Бессарабіи противъ соотвѣтственныхъ агентовъ другихъ державъ [3]).

Дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба на Кавказскомъ театрѣ дѣйствій.

Въ операціяхъ на Кавказскомъ театрѣ дѣйствій участвовали и отличились или обратили на себя вниманіе: а) выпуска изъ академіи 1837 г.: полковникъ Дрейеръ [4]), произведенный за бой при Чолокѣ въ генералъ-маіоры; б) выпуска 1838 г.: генералъ-маіоръ Бруннеръ [5]), участвовавшій въ бояхъ при Чолокѣ, при Ацхурѣ и при Ахалцыхѣ и получившій ордена: за Ацхуръ Св. Георгія 4-й степени

---

[1]) Николай Федоровичъ. Позже начальникъ штаба 9-го корпуса и командующій 30 пѣх. дивизіею.

[2]) Николай Павловичъ, позже генералъ-адъютантъ, графъ, посолъ въ Константинополѣ, министръ внутр. дѣлъ, членъ государственнаго совѣта, почетный членъ академіи.

[3]) Матеріалы архива покойнаго графа Н. П. Игнатьева и личныя его сообщенія составителю очерка.

[4]) Николай Николаевичъ. Участвовалъ и въ сраженіи при Ахалцыхѣ.

[5]) См. выше, стр. 288.

и за Ахалцыхъ—Св. Станислава 1-й степени; полковникъ, позже генералъ-маіоръ, Броневскій [1]), и. д. оберъ-квартирмейстера Кавказскаго корпуса; генералъ-маіоръ Веревкинъ [2]), умершій во время похода; в) выпуска 1839 г.: полковникъ Невѣровскій [3]), произведенный за Кюрюкъ-Дара въ генералъ-маіоры; полковникъ Карлгофъ [4]), произведенный въ генералъ-маіоры за отличіе въ Черноморіи; подполковникъ Лихутинъ [5]), произведенный въ полковники за отличіе въ бою на Чингильскихъ высотахъ; г) выпуска 1840 г.: полковникъ Рудановскій [6]), оберъ-квартирмейстеръ дѣйствующаго корпуса, раненый при штурмѣ Карса и произведенный въ генералъ-маіоры; полковникъ Колодѣевъ [7]), получившій золотое оружіе за Кюрюкъ-Дара; полковникъ Ольшевскій [8]), командиръ Бѣлевскаго пѣх. полка, произведенный, за отличіе въ томъ же сраженіи, въ генералъ-маіоры; д) выпуска 1844 г.: подполковникъ Чижиковъ [9]), умершій отъ ранъ, полученныхъ въ бою при Чолокѣ; е) выпуска 1847 г.: подполковникъ Циммерманъ [10]), составлявшій диспозицію для боя предъ Ахалцыхомъ (у Суплиса) и получившій за этотъ бой орденъ Св. Георгія 4-й степени; ж) выпуска 1848 г.: капитанъ Радичъ [11]), раненый при штурмѣ Карса пулею въ голову и умершій отъ этой раны; з) выпуска 1849 г.: капитанъ Прохоровъ [12]), убитый въ одномъ изъ мелкихъ дѣлъ противъ турокъ; и) выпуска 1850 г. рядовой, позже прапорщикъ Апшеронскаго пѣх. полка Романовскій [13]), возвращенный за боевое отличіе капитаномъ въ генеральный штабъ и і) выпуска 1851 г.: поручикъ Кременчугскаго егер-

---

[1]) См. выше, стр. 282 и 283.
[2]) Александръ Николаевичъ.
[3]) См. выше, стр. 287.
[4]) См. выше, стр. 292.
[5]) Михаилъ Доримедонтовичъ.
[6]) См. выше, стр. 283—290.
[7]) См. выше, стр. 287.
[8]) См. выше, стр. 288.
[9]) Петръ Кузьмичъ. Глиноецкій считаетъ его капитаномъ, но у Богдановича (II, 161) онъ показанъ подполковникомъ.
[10]) См. выше, стр. 290 и т. д.
[11]) См. выше, стр. 289.
[12]) Александръ Ивановичъ.
[13]) Дмитрій Ильичъ. За ссору передъ строемъ уволенъ (по суду) отъ службы. Вновь принятъ на службу рядовымъ. Авторъ сочиненія: «Кавказъ и Кавказская война» (лекціи, читанныя въ залѣ Пассажа въ 1860 г.).

скаго полка Чернявскій [1]), въ 1853 г. причисленный къ генеральному штабу и въ 1855 г. переведенный за боевое отличіе въ генеральный штабъ [2]).

Заключеніе о генеральномъ штабѣ въ концѣ царствованія Императора Николая I.

Побѣды, одержанныя нашими войсками на Кавказскомъ театрѣ дѣйствій, свидѣтельствуютъ о томъ, что тамъ, гдѣ во главѣ нашихъ отрядовъ находились начальники, обладавшіе необходимыми военными качествами и дарованіями, не было и жалобъ ни на войска, ни на офицеровъ генеральнаго штаба [3]). Въ то же время внимательное изученіе дѣятельности офицеровъ генеральнаго штаба на различныхъ театрахъ дѣйствій приводитъ къ выводу, что, за рѣдкими исключеніями, офицеры эти знали свое дѣло отлично, исполняли свои обязанности въ высшей степени усердно и умѣло, а въ отношеніи мужества и военной доблести не давали себя опережать никому изъ славныхъ участниковъ разсмотрѣнной войны [4]).

Это какъ нельзя лучше подтверждается словами, произнесенными Императоромъ Александромъ II 21 февраля 1855 года, когда Онъ, по вступленіи на престолъ, принималъ все вѣдомство военно-учебныхъ заведеній. Обнявъ начальника академіи генерала Стефана, Государь сказалъ: «НАДѢЮСЬ, ЧТО ВОЕННАЯ АКАДЕМІЯ БУДЕТЪ И ВПРЕДЬ ДАВАТЬ ТАКИХЪ ЖЕ ОТЛИЧНЫХЪ ОФИЦЕРОВЪ, КАКИХЪ УЖЕ ДАЛА ВОЙСКАМЪ» [5]).

Вспомогательный органъ высшаго командованія и военнаго управленія, какимъ являлся нашъ генеральный штабъ въ концѣ царствованія Императора Николая I, не взирая ни на свою неправильную

---

[1]) Иванъ Александровичъ.

[2]) Должно еще упомянуть слѣдующихъ офицеровъ, окончившихъ курсъ академіи, объ участіи коихъ въ этой войнѣ не удалось собрать достовѣрныхъ данныхъ: выпуска 1843 г. капитана Тверитинова; выпуска 1846 г. полковника барона Николаи; выпуска 1849 г. подполковника Радецкаго; выпуска 1852 г. штабсъ-капитана Окольничаго; выпуска 1854 г. поручика Ружицкаго, капитана Гарднера, поручиковъ Цытовича и Кузьминскаго. Перечисленіе всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба и служившихъ въ немъ, участвовавшихъ въ этой войнѣ, крайне затруднительно.

[3]) См., напр., соч. Богдановича, I, 232 (слова князя Андроникова въ засѣданіи военнаго совѣта наканунѣ сраженія подъ Ахалцыхомъ).

[4]) Это видно даже изъ приведеннаго, далеко не полнаго перечня офицеровъ генеральнаго штаба, участниковъ войны и ихъ подвиговъ.

[5]) Глиноецкій (И. Ак. Г. Ш.), 137.

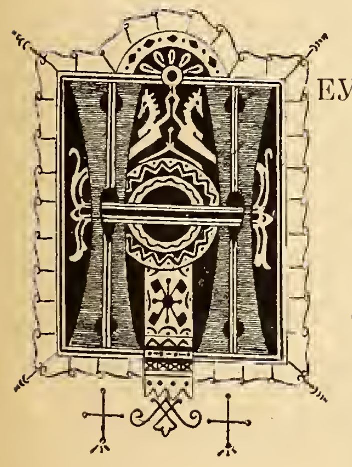
постановку, ни на недостатки своей организаціи и подготовки, вовсе не былъ плохъ, какъ это хотятъ доказать нѣкоторые писатели.

Сваливать на него чужую вину, вину высшаго командованія и особенно высшей военной администраціи—это значитъ творить надъ нимъ Шемякинъ судъ исторіи. Составитель настоящаго очерка протестуетъ противъ такого суда и за упомянутыми писателями не послѣдуетъ.

ГЛАВА VIII.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

ЗНАЧЕНІЕ НЕУДАЧЪ 1853—56 Г. Г. СОЗНАНІЕ НЕОБХОДИМОСТИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ. ИДЕИ ГРАФА РИДИГЕРА.



ЕУДАЧИ наши во время восточной войны 1853—56 г.г. произвели сильное впечатлѣніе на всю Россію. Не удивительно, что многіе русскіе военные люди старались выяснить причины этихъ неудачъ, въ видахъ усовершенствованія нашей военной системы и устраненія возможности новыхъ неудачъ въ будущемъ. Одинъ изъ нихъ, генералъ-адъютантъ графъ Ридигеръ [1]), представилъ Императору Александру II двѣ записки: въ первой онъ объяснялъ наши неудачи: а) «пребываніемъ неспособныхъ людей на всѣхъ важныхъ должностяхъ въ арміи и въ военномъ управленіи вообще», какъ слѣдствіемъ «излишней централизаціи власти», и б) «полнымъ забвеніемъ основныхъ началъ военнаго искусства» [2]); то и другое отражалось неблагопріятно на способностяхъ начальниковъ, такъ какъ не давало никакой пищи уму и отталкивало отъ военной службы наиболѣе одаренныхъ людей въ пользу посредственностей.

---

[1]) Главнокомандующій гвардейскими и гренадерскимъ корпусами. См. выше, стр. 298 и др.

[2]) Армія въ мирное время увлекалась изученіемъ тонкостей сложнаго устава и парадной стороны дѣла, упуская изъ виду свое главное назначеніе.

Во второй запискѣ графъ Ридигеръ указывалъ тѣ мѣропріятія, посредствомъ коихъ можно было поправить дѣло [1]).

Графъ Ридигеръ явился какъ бы вдохновителемъ Императора Александра II въ дѣлѣ осуществленныхъ Имъ преобразованій: его указанія послужили первообразомъ программы для мѣропріятій военнаго министерства по улучшенію военнаго управленія; нѣкоторыя изъ его мыслей принимались за исходныя положенія въ осуществляемыхъ преобразованіяхъ не только ближайшимъ преемникомъ князя Долгорукова въ должности военнаго министра, генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ 2-мъ [2]), но и вторымъ его преемникомъ генералъ-адъютантомъ Милютинымъ [3]).

Преобразованія при военномъ министрѣ генералъ-адъютантѣ Сухозанетѣ 2-мъ. Упраздненіе отдѣленія ученаго комитета.

Преобразованія, осуществленныя въ бытность военнымъ министромъ генерала Сухозанета, коснулись центральнаго, строевого и мѣстнаго военнаго управленія.

Въ отношеніи генеральнаго штаба за это время должно отмѣтить упраздненіе отдѣленія генеральнаго штаба въ военно-ученомъ комитетѣ, находившееся въ связи съ созданіемъ (20-го мая 1859 года) изъ артиллерійскаго отдѣленія того же комитета самостоятельнаго временнаго артиллерійскаго комитета [4]).

Упраздненіе должностей двухъ главнокомандующихъ и главнаго штаба 2-й арміи. Образованіе Кавказской арміи. Измѣненія въ управленіи корпусами и дивизіями.

Въ одной изъ записокъ графа Ридигера [5]) указывалось на то, что постоянное вмѣшательство главнокомандующаго и его штаба во

---

[1]) О запискахъ графа Ридигера, см. С. В. М., I, 382—396 и приложенія 19—51.

[2]) Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ. См. С. В. М., I, 392—394.

[3]) Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ (нынѣ генералъ-фельдмаршалъ и графъ) родился 28-го іюня 1816 г. Окончивъ курсъ Московскаго университета съ серебряною медалью, поступилъ 1-го марта 1833 г. фейерверкеромъ въ батар. № 2 роту л.-гв. 1-й арт. бригады; въ томъ же году прапорщикъ. Въ 1835—37 г.г. въ военной академіи; окончилъ курсъ съ малою сереб. медалью; 1837 г.—въ гвардейскій генер. штабъ; въ 1839—1844 г.г. на Кавказѣ; въ 1845—1856 г.г. профессоръ Академіи; сверхъ того управляющій 3-мъ отд. штаба военно-учебн. заведеній, а затѣмъ состоялъ при военномъ министрѣ; 1856 г.—и. д. начальника главнаго штаба войскъ на Кавказѣ; 1860 г.—товарищъ военнаго министра; 1861 г.—военный министръ.

За свой замѣчательный трудъ: «Исторія войны 1799 г.» получилъ брилліантовый перстень съ вензь. изобр. Имени Его Величества. Почетный членъ Академіи Наукъ. Докторъ исторіи. См. выше, стр. 234, 261—263, 282 и 283.

[4]) С. В. М., I, 406 и 407.

[5]) Въ 3-й запискѣ, представленной Государю 11-го августа 1855 г. С. В. М., I, 386—388.

всѣ мелочныя подробности службы уничтожило всякое стремленіе къ усовершенствованію, замѣнивъ его желаніемъ избѣжать непріятностей, которыя могло бы навлечь какое-либо проявленіе самостоятельности: это же вмѣшательство снимало всякую отвѣтственность съ подчиненнаго. Въ виду этого графъ Ридигеръ предлагалъ упразднить въ мирное время должность главнокомандующаго арміею и ея штабъ съ цѣлью поставить корпусныхъ командировъ въ вполнѣ самостоятельное положеніе и этимъ возбудить среди нихъ соревнованіе на почвѣ усовершенствованія ввѣренныхъ имъ войскъ.

Это предложеніе было осуществлено: въ октябрѣ 1856 года должность главнокомандующаго 2-ю арміею и ея главный штабъ были упразднены, армія эта была расформирована, а корпуса, входившіе въ ея составъ, были обращены въ отдѣльные [1]; въ томъ же году было упразднено званіе главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами и образованы штабы отдѣльныхъ корпусовъ: гвардейскаго [2] и гренадерскаго.

Совершенно обратное значеніе имѣло преобразованіе отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ Кавказскую армію [3], но нельзя не признать, что оно было вызвано особыми условіями обстановки [4].

Корпусные штабы остались почти безъ измѣненій; существенное измѣненіе было произведено въ устройствѣ дивизіонныхъ штабовъ: во главѣ дивизіоннаго штаба былъ поставленъ начальникъ штаба [5], а дѣлопроизводство въ немъ возложено на старшихъ адъютантовъ по строевой и хозяйственной частямъ (см. ниже).

Проектъ новаго штата генеральнаго штаба.

Въ 1858 году генералъ-квартирмейстеру барону Ливену было разрѣшено приступить къ составленію новаго штата генеральнаго штаба, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы комплектовать этотъ штабъ только офицерами, командовавшими ротою или эскадрономъ. Исполнить это условіе было весьма затруднительно, а потому въ составленномъ проектѣ штата генеральнаго штаба было установлено, чтобы

---

[1] Пр. В. М., 1856 г., № 257.

[2] Отдѣльный гвардейскій корпусъ былъ подраздѣленъ на гвардейскій пѣхотный и гвардейскій резервный кавалерійскій корпуса.

[3] С. В. М., I, 409 и 410.

[4] Необходимо было довершить покореніе Кавказа; нужна была на мѣстѣ полная организація.

[5] Пр. В. М., 1856 г., №№ 132 и 175.

его не требовать отъ офицеровъ, кончающихъ курсъ академіи въ разрядѣ отличныхъ; предполагалось, что таковыхъ будетъ ежегодно 10—15 и что они и будутъ переводимы въ генеральный штабъ немедленно послѣ выпуска изъ академіи для пополненія убыли; всѣхъ же прочихъ офицеровъ надлежало обращать въ строй, для командованія ротами, при чемъ и они должны были находиться въ вѣдѣніи генералъ-квартирмейстера, который, по мѣрѣ надобности, могъ ихъ требовать для пополненія генеральнаго штаба.

Возраженія генералъ-адъютанта Герштенцвейга.

Проектъ новаго штата былъ разосланъ на разсмотрѣніе высшимъ начальствующимъ лицамъ и въ совѣтъ академіи; онъ вызвалъ очень много возраженій, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ возраженія дежурнаго генерала главнаго штаба Его Величества, генералъ-адъютанта Герштенцвейга [1]).

Проектъ барона Ливена былъ построенъ на томъ, что устройство генеральнаго штаба должно быть приноравливаемо къ организаціи арміи, а академія должна имѣть назначеніемъ удовлетворять потребностямъ генеральнаго штаба; Герштенцвейгъ же требовалъ, чтобы академія приноравливалась къ потребностямъ арміи и чтобы она давала образованныхъ офицеровъ, которые въ случаѣ надобности могли бы исполнять и службу генеральнаго штаба, а главное служили бы проводниками въ армію просвѣщенія, такъ какъ нашей арміи нужны прежде всего образованные офицеры, а потомъ уже офицеры генеральнаго штаба [2]).

Исходя изъ такихъ основаній, генералъ Герштенцвейгъ требовалъ, чтобы обучающіеся въ академіи офицеры были выпускаемы изъ нея безъ какихъ бы то ни было преимуществъ прямо въ строй, гдѣ ихъ службу должно было цѣнить войсковое начальство, которому и надлежитъ предоставить право выбирать на всѣ низшія штабныя должности, а слѣдовательно и на должности по генеральному штабу; затѣмъ дальнѣйшее производство въ чины должно быть основано на аттестаціи тѣхъ же частныхъ начальниковъ, равно какъ и назначенія на высшія должности по генеральному штабу (по кандидатскому списку).

---

[1]) Александръ Даниловичъ Герштенцвейгъ. С. В. М., Импер. Гл. Кв. (Исторія Государевой Свиты), II, 491—497 и приложенія, 313.

[2]) Въ его замѣчаніяхъ не мало вѣрнаго, но не все.

Сверхъ того генералъ Герштенцвейгъ предлагалъ упразднить гвардейскій генеральный штабъ.

Отпоръ со стороны совѣта академіи и генеральнаго штаба.

Предложенія генерала Герштенцвейга[1]) встрѣтили сильный отпоръ въ совѣтѣ академіи и вообще въ генеральномъ штабѣ. Въ совѣтѣ академіи возникла мысль, что въ виду трудностей, представляемыхъ условіемъ, чтобы офицеры до поступленія въ генеральный штабъ непремѣнно командовали ротою, возможно замѣнить это условіе требованіемъ 4-хъ лѣтъ службы отъ офицеровъ, поступающихъ въ академію; предполагалось, что подобные офицеры будутъ достаточно ознакомлены со строевою службою и съ бытомъ войскъ, а слѣдовательно сознательно усвоятъ академическій курсъ и затѣмъ, занимая должности старшихъ адъютантовъ, пріобрѣтутъ вполнѣ достаточный служебный опытъ для занятія потомъ высшихъ штабныхъ должностей. Совѣтъ полагалъ также, что условіе командованія ротою невыполнимо для артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, что ему не будутъ удовлетворять всѣ находящіеся уже на службѣ штабъ-офицеры генеральнаго штаба и что было бы удобнѣе прикомандировывать всѣхъ капитановъ генеральнаго штаба къ войскамъ на два года для командованія ротами, послѣ чего уже производить ихъ въ подполковники.

Передача вопроса о генеральномъ штабѣ генералъ-адъютанту Милютину.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о генеральномъ штабѣ въ 1860 году, когда онъ былъ переданъ военнымъ министромъ генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ генералъ-адъютанту Милютину, который вскорѣ послѣ того (въ маѣ 1861 года) вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ.

Связь съ вопросомъ объ академіи.

Вопросъ этотъ находился въ тѣсной связи съ вопросомъ о постановкѣ академіи, о требованіяхъ, предъявляемыхъ обучающимся въ ней офицерамъ, и т. д.

Академія въ подчиненіи главному начальнику военно-учебныхъ заведеній.

Къ указанному времени академія находилась въ подчиненіи главному начальнику военно-учебныхъ заведеній.

Къ концу царствованія Императора Николая I, благодаря дѣятельности Великаго Князя Михаила Павловича и его начальника

[1]) Глиноецкій (И. Ак. Г. Ш., 201) полагаетъ, что эти предложенія клонились къ упраздненію генеральнаго штаба и даже самой должности генералъ-квартирмейстера.

штаба генералъ-адъютанта Ростовцова [1]), военно-учебныя заведенія и все управленіе ими были приведены въ стройную систему, а въ то же время сознавалась необходимость большаго сближенія между учебными курсами кадетскихъ корпусовъ, спеціальныхъ училищъ и военной академіи, какъ школы генеральнаго штаба. Послѣ кончины Великаго Князя Михаила Павловича (28 августа 1849 года) начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ назначенъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ [2]); въ томъ же году были присоединены къ вѣдомству военно-учебныхъ заведеній училища инженерное и артиллерійское; въ 1852 году учреждены въ столичныхъ кадетскихъ корпусахъ и въ дворянскомъ полку третьи спеціальные классы, строго согласованные съ курсами спеціальныхъ училищъ и военной академіи; въ 1853 году генералъ-адъютантъ Ростовцовъ назначенъ членомъ совѣта академіи, а 4 февраля 1854 года и самая академія подчинена Его Высочеству, главному начальнику военно-учебныхъ заведеній [3]).

Вслѣдъ за тѣмъ генералъ-адъютантъ Сухозанетъ 1-й уволенъ отъ должности директора академіи [4]), а вице-директоръ, генералъ-маіоръ Стефанъ [5]) назначенъ начальникомъ военной академіи [6]).

Въ это время академическій совѣтъ потерялъ всякую самостоятельность; въ рѣшеніяхъ его преобладалъ голосъ генералъ-адъютанта Ростовцова [7]), значеніе котораго для академіи выразилось въ цѣломъ рядѣ преобразованій и новыхъ мѣръ, получившихъ особенно широкое развитіе по вступленіи на престолъ Императора Александра II, когда

---

[1]) Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ. С. В. М., И. Г. К., II, 259, 358 и др.

[2]) Впослѣдствіи Императоръ Александръ II. Высочайшій приказъ 19 октября 1849 г.

[3]) 2 П. С. З., V, № 3.975.

[4]) При чемъ удостоенъ чрезвычайно лестнаго Высочайшаго рескрипта и назначенъ почетнымъ членомъ академіи.

[5]) Густавъ Карловичъ Стефанъ. См. соч. Глиноецкаго: а) Исторія русск. генер. штаба, I и II и б) Истор. оч. Ник. акад. генер. штаба, 125 и др.

[6]) Такимъ образомъ должности директора и вице-директора замѣнялись должностью начальника академіи. Прочія постановленія, касающіяся академіи, оставлены въ своей силѣ, съ нѣкоторыми лишь дополненіями.

[7]) Въ числѣ ближайшихъ его сотрудниковъ были чины учебной части академіи: полковникъ Горемыкинъ, подполковникъ Милютинъ и капитанъ Карцовъ. См. И. ак. г. ш., 124—127.

штабъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній былъ наименованъ главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ, а генералъ-адъютантъ Ростовцовъ былъ назначенъ начальникомъ этого штаба съ правами и обязанностями бывшаго главнаго начальника названныхъ заведеній [1]).

Сліяніе трехъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній. Переименованіе Императорской военной академіи въ Николаевскую академію генеральнаго штаба въ связи съ другими переименованіями.

30 августа 1855 года состоялось Высочайшее повелѣніе о сліяніи трехъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній [2]).

Съ этою цѣлью Императорская военная академія и офицерскіе классы Николаевскаго инженернаго и Михайловскаго артиллерійскаго училищъ были переименованы въ академіи: Николаевскую генеральнаго штаба, Николаевскую инженерную и Михайловскую артиллерійскую; всѣ эти три академіи должны были впредь образовать одну Императорскую военную академію и подчинялись общему «Совѣту Императорской военной академіи» [3]), предсѣдателемъ коего состоялъ начальникъ главнаго штаба по военно-учебнымъ заведеніямъ, имѣвшій право соединять подъ своимъ же предсѣдательствомъ конференціи трехъ спеціальныхъ академій, для обсужденія вопросовъ о преобразованіяхъ и объ измѣненіяхъ въ курсахъ [4]).

Вліяніе генералъ-адъютанта Ростовцова на рѣшеніе вопросовъ, касающихся генеральнаго штаба.

Хотя это «переименованіе» и представляло существенное отступленіе отъ идей Державнаго Основателя единой военной академіи, но собственно идея единства все еще сохранялась; главное же его значеніе заключалось въ сохраненіи преобладающаго вліянія на рѣшеніе соотвѣтствующихъ вопросовъ генералъ-адъютанта Ростовцова, который принесъ много пользы не только академіи, но и генеральному штабу.

Выше отмѣченное приниженіе генеральнаго штаба привело, между прочимъ, къ ослабленію прилива офицеровъ въ академію, обратившему на себя вниманіе Императора Николая I. Обсужденіе этого вопроса привело къ нѣкоторому расширенію правъ академіи и генеральнаго штаба; бóльшему ихъ расширенію препятствовали съ одной стороны заявленія генералъ-адъютанта Берга [5]), а съ другой насту-

---

1) 2 П. С. З., XXX, № 29.055. Приказъ по воен.-уч. заведеніямъ, 1855 г., № 2.034. И. ак. г. ш., 127 и 128.

2) Указъ Пр. Сенату 30 августа 1855 г.

3) Совѣту этому были присвоены права и обязанности совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ.

4) Подобная соединенная конференція имѣла лишь одно собраніе, не оставившее по себѣ никакихъ результатовъ. И. ак. г. ш., 129.

5) Стоявшаго въ то время во главѣ генеральнаго штаба.

пившая вскорѣ послѣ того война. Такъ или иначе, было выражено желаніе поднять и улучшить положеніе генеральнаго штаба. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала не генералъ-квартирмейстеру барону Ливену [1]), но генералъ-адъютантамъ Ростовцову и Герштенцвейгу.

Тотчасъ по окончаніи войны по инспекторскому департаменту послѣдовалъ всеподданнѣйшій докладъ (отъ 31 іюля 1856 г., № 456) «о старшихъ и младшихъ дивизіонныхъ квартирмейстерахъ», въ которомъ выяснялись существенныя невыгоды службы въ генеральномъ штабѣ: служба эта не доставляетъ преимуществъ, соотвѣтствующихъ трудамъ офицеровъ; содержаніе, получаемое ими по выпускѣ изъ академіи, мало; наконецъ, офицеры генеральнаго штаба, находящіеся при войскахъ, отстранены отъ всякаго дѣлопроизводства и незнакомы съ хозяйственною и фронтовою частями. Для устраненія этихъ невыгодъ предполагалось сосредоточить въ дивизіонномъ квартирмейстерѣ всѣ отрасли дивизіоннаго управленія, такъ какъ «въ этомъ случаѣ, офицеры генеральнаго штаба будутъ имѣть возможность ознакомиться съ ходомъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, какія въ большихъ размѣрахъ производятся въ корпусныхъ штабахъ, именно съ фронтовою и хозяйственною частями и вообще съ потребностями войскъ по артиллерійской, комиссаріатской, провіантской и медицинской частямъ, по предметамъ, относящимся до военной полиціи, судебныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ дѣйствительно будутъ практически подготовлены къ занятію высшихъ должностей».

На этомъ докладѣ Императоръ Александръ II положилъ слѣдующую резолюцію 2-го августа 1856 года: «С о г л а с е н ъ н а в с е, н о б ы в ш и х ъ д и в и з і о н н ы х ъ к в а р т и р м е й с т е р о в ъ н а з ы в а т ь в п р е д ь н а ч а л ь н и к а м и д и в и з і о н н ы х ъ ш т а б о в ъ, а м л а д ш и х ъ о ф и ц е р о в ъ г е н е р а л ь н а г о ш т а б а, с о с т о я щ и х ъ п р и д и в и з і и, — д и в и з і о н н ы м и к в а р т и р м е й с т е р а м и» [2]).

Учрежденіе должности начальника дивизіоннаго штаба нанесло окончательный ударъ штату 1832 года; оно же улучшило положеніе генеральнаго штаба, такъ какъ для офицеровъ, прошедшихъ академію, теперь открылась болѣе обширная и разнообразная дѣятельность, что

---

[1]) Генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Величества съ 24 февраля 1855 г. по 4 ноября 1861 г.

[2]) И. ак. г. ш., 138 и 139.

вскорѣ отразилось на усиленіи прилива офицеровъ въ академію [1]); оно же отразилось и на практикѣ дѣла управленія войсками, такъ какъ способствовало объединенію дѣятельности частей штаба и дало начальникамъ дивизій болѣе просвѣщенныхъ докладчиковъ и исполнителей ихъ предначертаній [2]).

Равнымъ образомъ, благодаря инціативѣ генералъ-адъютанта Ростовцова принимались мѣры, клонившіяся къ открытію офицерамъ, прошедшимъ академію, по возможности болѣе широкаго служебнаго простора: а) 4 октября 1857 г. Высочайше разрѣшено, чтобы, за укомплектованіемъ генеральнаго штаба, адъютанты къ строевымъ начальникамъ, до корпусныхъ командировъ включительно, назначались только изъ офицеровъ академическаго образованія; б) въ 1859 г. Высочайше повелѣно, чтобы въ штабахъ и управленіяхъ должности дежурныхъ штабъ-офицеровъ и адъютантовъ замѣщались офицерами академическаго образованія, выпущенными изъ военно-учебныхъ заведеній въ гвардію, въ артиллерію, или поручиками въ армію, или же окончившими курсъ университета, а также чтобы всѣмъ офицерамъ, прошедшимъ академію и возвращающимся во фронтъ, было дозволено (въ оберъ- и штабъ-офицерскихъ чинахъ) носить аксельбанты, тогда какъ до того времени [3]) это разрѣшалось только офицерамъ, окончившимъ академію по первому разряду; в) офицерамъ генеральнаго штаба, по желанію, разрѣшалось возвращаться въ строй на три года, для командованія ротою, съ сохраненіемъ мундира [4]).

Подъемъ значенія академіи и генеральнаго штаба.

Совокупность указанныхъ и другихъ мѣръ, имѣвшихъ подобное же значеніе, способствовала подъему значенія какъ академіи [5]), такъ и генеральнаго штаба.

---

[1]) Уже въ 1856 г. къ пріемному экзамену явилось 74 офицера, цифра невиданная съ основанія академіи. Весною 1857 г. ген.-адъют. Ростовцовъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе, чтобы въ академіи былъ допущенъ неограниченный пріемъ офицеровъ. Въ теченіе шести послѣдующихъ лѣтъ къ пріемному экзамену явилось отъ войскъ 1.010 офицеровъ, т.-е. болѣе чѣмъ на сотню больше противъ общаго числа прибывшихъ къ экзаменамъ съ 1832 до 1856 года. Тамъ же, 139 и 140.

[2]) До того времени многіе начальники дивизій слишкомъ много довѣряли старшимъ адъютантамъ по хозяйств. части, игравшимъ несоотвѣтственно важную роль.

[3]) Въ силу приказа по в. в. 4 марта 1857 г., № 63.

[4]) И. ак. г. ш., 140 и др.

[5]) См. тамъ же, 141 и т. д.

Въ 1857 году начальникомъ академіи, вмѣсто генералъ-лейтенанта Стефана, былъ назначенъ герой Четати, генералъ-маіоръ Баумгартенъ [1]), дѣятельность котораго для всего генеральнаго штаба особенно важнаго значенія не имѣла.

9-го февраля 1860 года Великій Князь Михаилъ Николаевичъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, а главный штабъ этихъ заведеній переименованъ въ штабъ Е. И. Высочества Главнаго Начальника [2]). При этомъ всѣ прежнія предположенія были временно пріостановлены въ виду того, что было приступлено къ разработкѣ новыхъ началъ для предстоящаго преобразованія всей системы нашихъ военно-учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и академіи.

Преобразованія при военномъ министрѣ генералъ-адъютантѣ Милютинѣ.

Со вступленіемъ въ управленіе военнымъ министерствомъ генералъ-адъютанта Милютина [3]), колебанія по вопросу о генеральномъ штабѣ прекратились.

Преобразованія по этой части находились въ связи съ преобразованіями по военному вѣдомству вообще.

Въ своемъ знаменитомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 15-го января 1862 года генералъ-адъютантъ Милютинъ говорилъ:

«Настоящей нашей организаціи военнаго управленія въ особенности можно поставить въ упрекъ крайнюю централизацію, которая уничтожаетъ всякую иниціативу административныхъ органовъ, стѣсняетъ ихъ мелочною опекою высшихъ властей и лишаетъ сіи послѣднія возможности неупустительнаго надзора и фактическаго контроля за дѣйствіями подчиненныхъ лицъ и установленій. Та же централизація, со всѣми вредными ея послѣдствіями, развита у насъ и въ строевомъ управленіи войскъ, гдѣ недостатокъ иниціативы въ частныхъ воинскихъ начальникахъ, въ особенности въ военное время, проявлялся не разъ и приводилъ къ самымъ печальнымъ результатамъ...» [4]).

Децентрализація власти. Военные округа и окружные штабы.

Единственнымъ средствомъ для устраненія отмѣченныхъ имъ

---

[1]) См. выше, главу VII.

[2]) Во главѣ этого штаба былъ поставленъ генералъ-адъютантъ Путята; въ апрѣлѣ 1862 г. его замѣнилъ генералъ-маіоръ Корсаковъ.

[3]) Въ маѣ 1861 г., за отъѣздомъ генерала Сухозанета въ Варшаву.

[4]) С. В. М., I, приложеніе, № 11, стр. 88.

недостатковъ устройства военнаго управленія генералъ Милютинъ признавалъ децентрализацію власти и расширеніе правъ мѣстныхъ управленій, а наиболѣе удобнымъ способомъ осуществленія этой идеи онъ считалъ переходъ къ территоріальной системѣ военнаго управленія [1]). Такую систему онъ предлагалъ ввести посредствомъ раздѣленія государства на нѣсколько военныхъ округовъ и учрежденія въ каждомъ изъ нихъ военно-окружного управленія, на которое должна была быть возложена исполнительная часть; при этомъ каждая составная часть военно-окружныхь управленій должна была оставаться въ подчиненіи соотвѣтствующему департаменту министерства, а начальники военныхъ округовъ имѣли бы власть «болѣе наблюдательнаго характера».

Государь призналъ соотвѣтственнымъ «облечь военно-окружныхъ начальниковъ полною властью надъ всѣми подвѣдомственными имъ частями управленія на правахъ отдѣльныхъ корпусныхъ командировъ или, скорѣе, главнокомандующихъ арміями въ мирное время...» [2]).

На такихъ основаніяхъ и были введены у насъ военные округа, во главѣ коихъ поставлены командующіе войсками округовъ [3]); въ ряду же военно-окружныхъ управленій первое мѣсто заняли окружные штабы, въ составъ коихъ вошли бывшія части генеральнаго штаба и дежурства [4]). Во главѣ штаба округа былъ поставленъ начальникъ штаба, который могъ быть назначаемъ не изъ состава генеральнаго штаба.

Въ связи съ упраздненіемъ штаба корпуса внутренней стражи были учреждены штабы мѣстныхъ войскъ въ округахъ, организованные на основаніяхъ одинаковыхъ съ дивизіонными штабами [5]).

Главное управленія генеральнаго штаба.

Въ 1862 году департаментъ генеральнаго штаба было признано полезнымъ преобразовать въ управленіе генералъ-квартирмейстера, съ особымъ совѣщательнымъ комитетомъ, съ цѣлью предоставить генералъ-квартирмейстеру возможность съ большимъ единствомъ управлять какъ частью генеральнаго штаба, такъ

[1]) По французскому образцу, примѣненному, конечно, къ условіямъ государственнаго устройства Россіи, ея пространства, населенности и т. д.
[2]) С. В. М., I, 437.
[3]) Тамъ же, 508—510 и др.
[4]) Тамъ же, 512 и др.
[5]) Пр. В. М., 1864 г., № 241.

и военно-топографическою, и, при содѣйствіи совѣщательнаго комитета, дать болѣе раціональное и систематическое направленіе военно-ученой дѣятельности генеральнаго штаба по частямъ статистической, военно-исторической и топографической [1]).

Преобразованіе департамента генеральнаго штаба было приведено въ исполненіе, но новому учрежденію дано названіе не управленія генералъ-квартирмейстера, но главнаго управленія генеральнаго штаба [2]).

Это управленіе было составлено изъ департамента генеральнаго штаба и военно-топографическаго депо и подчинено генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба Его Величества, генералъ-лейтенанту Веригину [3]). Въ составъ управленія входилъ совѣщательный комитетъ, подраздѣленный на 4 отдѣла: а) тактическій, б) военно-историческій, в) военно-статистическій и г) геодезическій и военно-топографическій. Цѣлью комитета было поставлено—направлять ученую дѣятельность генеральнаго штаба и корпуса топографовъ по всѣмъ отраслямъ, составляющимъ ихъ спеціальность; сборъ же свѣдѣній о военныхъ силахъ и средствахъ Россіи и иностранныхъ государствъ былъ возложенъ на военно-ученое отдѣленіе главнаго управленія. Начальство надъ корпусомъ топографовъ было ввѣрено управляющему военно-топографическою частью.

Вопросъ «объ общемъ значеніи генеральнаго штаба».

Въ это же время обсуждался вопросъ «объ общемъ значеніи генеральнаго штаба».

По этому вопросу генералъ-адъютантъ Милютинъ, въ своемъ докладѣ, писалъ:

«Въ настоящее время по сему предмету готовится докладъ собственно о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо принять нынѣ же относительно распредѣленія и правъ офицеровъ, окончившихъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба; но впослѣдствіи имѣется

---

[1]) Толчкомъ къ этому мѣропріятію отчасти послужило присоединеніе (въ декабрѣ 1862 г.) къ вновь образованному главному инженерному управленію инженернаго отдѣленія военно-ученаго комитета, остававшагося съ 1859 г. единственнымъ. См. выше объ упраздненіи отдѣленія генеральнаго штаба того же комитета и т. д.

[2]) Положеніе и штатъ этого управленія были Высочайше утверждены въ видѣ опыта на 2 года. Пр. В. М., 1863 г., № 349.

[3]) С. В. М., I, 454.

въ виду подробное развитіе указаній Вашего Императорскаго Величества касательно организаціи генеральнаго штаба, на подобіе французскаго, съ тѣмъ, чтобы вѣдомство это, не составляя слишкомъ спеціальнаго установленія, обняло бы собою всѣ вообще отрасли штабной службы» [1]).

Устраненіе раздѣленія частей квартирмейстерской и дежурства.

Для этого представлялось необходимымъ устранить рѣзкое раздѣленіе частей квартирмейстерской и дежурства. Первымъ къ этому шагомъ явилось (въ 1857 году) вышеотмѣченное учрежденіе должности начальника штаба дивизіи, объединившаго дѣятельность этихъ двухъ отраслей управленія.

При разработкѣ положеній о военныхъ округахъ оказалась возможность слить эти части и въ окружныхъ штабахъ: вмѣсто дежурнаго штабъ-офицера и оберъ-квартирмейстера положено было имѣть общаго обѣимъ частямъ помощника начальника штаба [2]).

Главный штабъ.

Наконецъ сліяніе обѣихъ частей послѣдовало и въ центральномъ управленіи: 31 декабря 1865 года были соединены вмѣстѣ главное управленіе генеральнаго штаба и инспекторскій департаментъ подъ названіемъ главнаго штаба [3]); при этомъ военно-топографическая часть выдѣлена въ особое учрежденіе, названное военно-топографическимъ отдѣломъ главнаго штаба. Главный штабъ былъ ввѣренъ начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту графу Гейдену [4]), а военно-топографическій отдѣлъ [5]) и корпусъ военныхъ топографовъ—начальнику военно-топографическаго отдѣла, съ подчиненіемъ послѣдняго начальнику главнаго штаба [6]). При этомъ были упразднены: должности генералъ-квартирмейстера и дежурнаго генерала и главный штабъ Его Императорскаго Величества [7]).

Генералъ-адъютантъ Милютинъ высказался противъ постояннаго

---

[1]) С. В. М., I, приложенія, 90.

[2]) Изъ генераловъ генеральнаго штаба. С. В. М., I, 455.

[3]) Пр. В. М., 1865 г., № 471.

[4]) Бывшему дежурному генералу главнаго штаба Его Императорскаго Величества.

[5]) Съ военно-топографическимъ училищемъ.

[6]) При главномъ штабѣ сверхъ того состояли: Николаевская академія генеральнаго штаба, военно-ученый комитетъ, комитетъ по передвиженію войскъ (по желѣзнымъ дорогамъ и водою), корпуса офицеровъ генеральнаго штаба и фельдъегерскій. С. В. М., I, 455 и 484.

[7]) Императорская главная квартира была оставлена въ составѣ военнаго министерства на прежнемъ основаніи.

содержанія всѣхъ штабовъ, отъ дивизіоннаго до главнаго штаба включительно:

Упраздненіе корпусовъ и ихъ штабовъ.

«Хотя такой системѣ и приписывалась та выгода, что, въ случаѣ приведенія на военное положеніе, армія имѣла уже готовые штабы, и войска выступали въ походъ подъ начальствомъ знающихъ ихъ и извѣстныхъ имъ начальниковъ, командующихъ ими постоянно и въ мирное время, однако же это не вполнѣ осуществлялось на практикѣ: весьма рѣдко случалось, чтобы не только арміи, но даже и корпуса дѣйствовали на театрѣ войны совокупно, въ нормальномъ своемъ составѣ мирнаго времени. Гораздо чаще, по разнымъ стратегическимъ соображеніямъ, на самомъ театрѣ войны формировались отряды изъ войскъ разныхъ корпусовъ, для которыхъ учреждались отрядные штабы. Такъ, въ войну 1853 — 1856 годовъ ни одинъ корпусъ дѣйствительно не оставался въ полномъ своемъ составѣ. Вообще же опытъ нѣсколькихъ послѣднихъ войнъ указалъ, что наши корпуса представляли слишкомъ крупныя тактическія единицы для постояннаго употребленія на театрѣ войны въ цѣломъ ихъ составѣ».

Исходя изъ такихъ соображеній, военный министръ признавалъ упраздненіе корпусныхъ штабовъ выгоднымъ въ экономическомъ отношеніи и не заключавшимъ въ себѣ никакихъ неудобствъ въ отношеніи военномъ. Въ то же время, оставленіе дивизіи высшею тактическою единицею признавалось полезнымъ по слѣдующимъ причинамъ: а) при мобилизаціи дивизіи могли сводиться въ корпуса или отряды такой силы и такого состава, какіе въ данномъ случаѣ признавались необходимыми; б) для командованія этими отрядами могли быть избираемы наиболѣе способные генералы, при назначеніи которыхъ высшее начальство не стѣснялось бы положеніемъ, занимаемымъ этими лицами въ военное время; в) штабы арміи, корпусовъ и отрядовъ формировались бы выборомъ способнѣйшихъ офицеровъ изъ всей арміи.

Высшая тактическая единица—дивизія.

Противъ упраздненія корпусовъ раздавалось много голосовъ въ нашей арміи, но мнѣніе генералъ-адъютанта Милютина восторжествовало, и корпуса при образованіи военныхъ округовъ были постепенно упразднены. Высшею тактическою единицею въ пѣхотѣ и кавалеріи осталась дивизія [1]).

[1]) С. В. М., I, 531—533.

Оцѣнка этой мѣры

Ни выводы теоріи военнаго искусства, ни даже факты военной исторіи въ общемъ не совпадаютъ съ соображеніями генералъ-адъютанта Милютина, направленными противъ существованія корпусовъ не только въ военное, но и въ мирное время.

Всякая «импровизація» на войнѣ вредна и если можно, то лучше ея избѣжать. Цѣлесообразность существованія корпусовъ выяснена опытомъ наполеоновскихъ войнъ. Въ большой арміи главнокомандующему невозможно имѣть дѣло съ слишкомъ большимъ числомъ начальниковъ дивизій и равныхъ имъ начальниковъ, а организація арміи мирнаго времени должна быть возможно лучше и возможно полнѣе приноравливаема къ переходу въ организацію военнаго времени; значительное же число «импровизацій» затрудняетъ этотъ переходъ и составляетъ несомнѣнный недостатокъ, а не достоинство военной системы. То обстоятельство, что въ 1853—1856 г.г. ни одинъ корпусъ дѣйствительно не оставался въ полномъ своемъ составѣ, доказываетъ только, что у насъ съ легкимъ сердцемъ нарушалась азбука военнаго искусства; въ другихъ арміяхъ этого не было, или если и было, то не въ такой степени: правда, у французовъ въ мирное время высшею единицею была дивизія, но зато они организацію своихъ дивизій такъ не разстраивали, какъ это дѣлали мы.

Если наши корпуса изъ трехъ дивизій одной пѣхоты были слишкомъ велики, то не трудно было уменьшить ихъ составъ, но полное упраздненіе корпусовъ не оправдывается рѣшительно ничѣмъ.

Возстановленіе корпусовъ и ихъ штабовъ.

И вскорѣ войны 1866 и 1870—71 г.г. вновь показали необходимость существованія во время войны не только корпусовъ, но и армій, а въ мирное время, по крайней мѣрѣ, корпусовъ. Вслѣдствіе этого, передъ войною въ 1877—1878 г.г., корпуса у насъ были возстановлены, при чемъ вновь появились корпусные штабы, а значеніе дивизій и въ частности дивизіонныхъ штабавъ соотвѣтственно понизилось [1]).

Положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время.

Въ 1868 году было Высочайше утверждено новое «положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время», на основаніи котораго начальникъ штаба арміи былъ обращенъ въ ближайшаго помощника главнокомандующаго по всѣмъ отраслямъ управленія арміею

[1]) С. В. М., I. 531—534. Пр. в. в. (приказъ по военному вѣдомству), 1874 г., № 235.

безъ исключенія; сверхъ того на него было еще возложено руководство устройствомъ санитарной части, военною полиціею на театрѣ войны, военными сообщеніями и почтовою частью.

Должности генералъ-квартирмейстера и дежурнаго генерала были и здѣсь упразднены, а взамѣнъ ихъ при начальникѣ штаба положенъ помощникъ.

Къ общему составу полевого штаба были причислены военно-топографическій отдѣлъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ топографическія и статистическія свѣдѣнія о театрѣ войны, и штабъ-офицеръ надъ вожатыми, завѣдывавшій проводниками и сборомъ свѣдѣній о непріятелѣ, посредствомъ опроса плѣнныхъ и лазутчиковъ; на него, кромѣ обязанностей прежняго капитана надъ вожатыми, была возложена еще часть обязанностей прежняго генералъ-полицеймейстера [1]).

Полевое управленіе отдѣльнаго корпуса составлялось изъ тѣхъ же отдѣловъ и частей и имѣло тѣ же предметы вѣдѣнія, какъ и полевое управленіе арміи [2]), а составъ управленій отрядовъ опредѣлялся по усмотрѣнію главнокомандующаго. Въ зависимости отъ сказаннаго опредѣлялись постановка и кругъ обязанностей начальниковъ штабовъ корпусовъ и отрядовъ и подчиненныхъ имъ офицеровъ генеральнаго штаба [3]).

Опытъ войны 1870—71 т.г. повліялъ на наше положеніе объ управленіи войскъ въ военное время въ смыслѣ его обновленія: для приведенія въ исполненіе всѣхъ распоряженій, касавшихся устройства и поддержанія связи арміи съ ея базою, образовано было управленіе военными сообщеніями [4]), начальникъ котораго былъ подчиненъ непосредственно главнокомандующему, на одинаковыхъ основаніяхъ съ начальниками прочихъ главныхъ отдѣловъ полевого управленія арміи.

Главнокомандующему подчинялось непосредственно одиннадцать лицъ; онъ былъ обязанъ объединять дѣятельность одиннадцати раз-

---

[1]) С. В. М., I, 546—559.

[2]) Управленіе корпуса, входившаго въ составъ арміи, было образовано изъ корпуснаго штаба и управленія начальника артиллеріи корпуса. Сверхъ того могли быть добавлены корпусные интендантъ и врачъ.

[3]) О критикѣ этого положенія см. тамъ-же, 560—562.

[4]) Новое положеніе утверждено 1-го ноября 1876 года.

личныхъ отраслей управленія; начальникъ же штаба арміи долженъ былъ не только руководить дѣятельностью штаба арміи, но еще и помогать главнокомандующему, просматривая письменные доклады остальныхъ десяти лицъ и присутствуя при личныхъ ихъ докладахъ главнокомандующему; онъ же долженъ былъ руководить дѣятельностью подчиненныхъ ему лично второстепенныхъ отдѣловъ полевого управленія.

Въ общемъ, главнокомандующій и его начальникъ штаба были завалены массою дѣлъ, отвлекавшихъ ихъ вниманіе отъ главной заботы—вожденія арміи [1]), а въ послѣднемъ отношеніи положеніе ихъ было тѣмъ болѣе затруднительно, чѣмъ больше было число корпусовъ и отрядовъ, на которые расчленялась дѣйствующая армія, такъ какъ въ данномъ случаѣ у насъ не былъ принятъ во вниманіе опытъ войны 1870—71 г.г., когда у нѣмцевъ дѣйствующая армія дѣлилась на нѣсколько частныхъ армій, правильно организованныхъ и могущихъ вести операціи съ достаточною самостоятельностью; намъ же приходилось формировать слишкомъ много отрядовъ, т. е. увеличивать и безъ того значительное число «импровизацій».

Академія превращается въ высшую школу генеральнаго штаба.

Генералъ-адъютантъ Милютинъ призналъ необходимымъ, чтобы конференція академіи генеральнаго штаба получила извнѣ, отъ опытныхъ лицъ, близко знакомыхъ со службою генеральнаго штаба, указанія относительно того, «чего еще недостаетъ въ приготовленіи академическихъ офицеровъ къ предстоящей имъ службѣ». Въ этихъ видахъ была образована особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Менькова, которой было поручено, присутствуя на выпускныхъ экзаменахъ и ознакомившись съ системою академическаго преподаванія, представить подробный отчетъ и мнѣніе свое о томъ, насколько преподаваніе это удовлетворяетъ данной цѣли. Затѣмъ, въ особыхъ совѣщаніяхъ [2]), подъ личнымъ предсѣдательствомъ военнаго министра, приступлено было къ всестороннему обсужденію

---

[1]) С. В. М., I, 567, со ссылкою на сочин. А. Ф. Редигера.

[2]) Въ этихъ совѣщаніяхъ приняли участіе: генералъ-адъютанты Веригинъ, Баранцовъ, Тотлебенъ, графъ Гейденъ и фонъ-Кауфманъ 1-й; свиты Е. В. генералъ-маіоръ Исаковъ; генералъ-лейтенанты Стефанъ; князь Голицынъ, Бларамбергъ и Богдановичъ; генералъ-маіоры Меньковъ и Мещериновъ; полковники Окольничій и Бобровскій; подполковники Зыковъ и Лаврентьевъ; вся академическая конференція.

главныхъ основаній, на которыхъ должна быть построена учебная часть академіи.

Въ первомъ же совѣщаніи генералъ-адъютантъ Милютинъ, указавъ на «преобладаніе математическаго и геодезическаго направленія» въ прежнемъ генеральномъ штабѣ, такъ охарактеризовалъ современное положеніе генеральнаго штаба:

«Съ учрежденіемъ бывшей военной академіи дѣятельность генеральнаго штаба преимущественно сосредоточилась на тактическихъ и боевыхъ занятіяхъ войскъ. Офицеръ генеральнаго штаба признавалъ своею обязанностью водить, располагать баталіоны, но видѣлъ въ этихъ баталіонахъ только тактическія единицы; внутреннее же устройство войскъ, бытъ и потребности солдата едва были знакомы ему; въ самомъ управленіи войсками онъ почти не принималъ участія.

Подобный порядокъ не могъ продолжаться въ виду реформъ, предпринятыхъ въ послѣднее время. Уже самое учрежденіе должностей начальниковъ дивизіонныхъ штабовъ потребовало отъ назначаемыхъ въ эти должности офицеровъ генеральнаго штаба извѣстной подготовки къ административной дѣятельности и знакомства съ внутреннимъ бытомъ войскъ.

Произведенное въ послѣднее время сліяніе обѣихъ отраслей штабной службы: дежурства и части генеральнаго штаба, новыя должности, установленныя въ военныхъ округахъ, и другія преобразованія должны были показать, что отъ офицеровъ генеральнаго штаба Правительство требуетъ основательнаго ознакомленія со всѣмъ механизмомъ внутренняго войскового управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ офицеры эти должны, какъ и прежде, обладать свѣдѣніями по части топографической и тактической. Военныя съемки и обозрѣнія всегда будутъ входить въ прямую обязанность офицеровъ генеральнаго штаба точно такъ же, какъ черезъ ихъ посредство и впредь будутъ приводиться въ исполненіе всѣ предначертанія начальства, относящіяся до движенія, расположенія и обученія войскъ [1]).

При расширившемся такимъ образомъ кругѣ обязанностей генеральнаго штаба оказалось необходимымъ поставить академію въ пол-

[1]) Курсивъ составителя очерка.

ную зависимость отъ главнаго управленія генеральнаго штаба съ тѣмъ, чтобы направить ея дѣятельность соотвѣтственно требованіямъ и нуждамъ того вѣдомства, для укомплектованія котораго она предназначена.

Та же самая мѣра была примѣнена и къ двумъ другимъ академіямъ: Михайловской артиллерійской и Николаевской инженерной. Подчиненіемъ каждой изъ трехъ академій соотвѣтствующимъ вѣдомствамъ имѣлось въ виду прекратить значеніе академіи въ смыслѣ университетскихъ факультетовъ военнаго образованія и сдѣлать ихъ апликаціонными школами каждаго изъ спеціальныхъ вѣдомствъ».

Основнымъ положеніемъ для всего академическаго преподаванія было постановлено, что прямое назначеніе академіи состоитъ въ приготовленіи офицеровъ къ службѣ въ генеральномъ штабѣ, при чемъ должно быть обращено особое вниманіе на практическія требованія службы. Затѣмъ уже второю цѣлью должно быть поставлено распространеніе военныхъ познаній въ арміи; но цѣль эта должна достигаться не столько постановкою предметовъ преподаванія въ академіи, сколько научными трудами профессоровъ, какъ лицъ ученаго сословія [1]).

Академія, отчисленная отъ военно-учебныхъ заведеній, подчиненная сначала генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба Его Величества, а затѣмъ начальнику новаго главнаго штаба, и получившая новаго начальника, въ лицѣ гвардейскаго генеральнаго штаба генералъ-маіора Леонтьева [2]), съ этихъ поръ и начала развивать свою дѣятельность согласно съ указаніями, данными ей генералъ-адъютантомъ Милютинымъ. При этомъ она замѣтно отклонилась отъ направленія, сообщеннаго ей ея Державнымъ Основателемъ: распространеніе военныхъ познаній въ арміи научными трудами профессоровъ академіи въ то время могло осуществляться лишь въ довольно скромныхъ размѣрахъ, скользя преимущественно по поверхности и не затрогивая армейскую массу; превращеніе же академіи въ «апликаціонную школу» генеральнаго штаба представляло подражаніе не лучшему,

---

[1]) И. Ак. Г. Ш., 218—220.

[2]) Александръ Николаевичъ Леонтьевъ. Выпущенъ изъ академіи въ 1850 г. съ малою серебряною медалью. Съ 1854 г. оберъ-квартирмейстеръ гвардейскаго корпуса. Съ 1862 г. начальникъ академіи. Въ 1868 г. генералъ-лейтенантъ. Умеръ въ 1878 г.

прусскому, но худшему, французскому образцу [1]), не говоря уже о присвоеніи этому учебному заведенію не соотвѣтствующаго ему названія [2]).

Правила комплектованія генеральнаго штаба и распредѣленіе на службу офицеровъ, оканчивающихъ курсъ академіи

Въ это же время были измѣнены правила комплектованія генеральнаго штаба и распредѣленія на службу офицеровъ, оканчивающихъ курсъ академіи. Правила эти заключались въ слѣдующемъ:

Въ академію съ 1863 года могутъ поступать только офицеры, прослужившіе въ строю не менѣе 4-хъ лѣтъ [3]). Къ пріему въ академію допускаются всѣ оберъ-офицеры, а штабъ-офицерамъ разрѣшается только посѣщать академическія лекціи; для полученія академическихъ преимуществъ они должны держать всѣ экзамены. Офицерамъ, оканчивающимъ курсъ по 1-му разряду, дается слѣдующій чинъ и академическое отличіе — аксельбантъ, а офицерамъ 2-го разряда только аксельбантъ [4]). За успѣхи въ академіи дается чинъ не выше капитана генеральнаго штаба или маіора арміи. Изъ офицеровъ, оканчивающихъ курсъ, ежегодно переводится въ генеральный штабъ столько офицеровъ по старшинству [5]), сколько имѣется въ генеральномъ штабѣ вакансій; остальные возвращаются въ мѣста прежняго служенія для перевода въ генеральный штабъ въ военное время [6]). Офицеры, которымъ при переводѣ въ генеральный штабъ будетъ доставаться штабъ-офицерскій чинъ, переводятся не иначе, какъ на штабъ-офицерскія вакансіи, а до открытія таковыхъ остаются прикомандированными къ генеральному штабу.

Офицерамъ генеральнаго штаба и вообще всѣмъ окончившимъ курсъ академіи дозволено занимать штатныя должности по дежурствамъ, управленіямъ и департаментамъ военнаго министерства. Начальникамъ вмѣнено въ обязанность замѣщать академическими офи-

---

[1]) Сама академическая конференція это замѣтила. И. Ак. Г. Ш., 243 и 244.

[2]) «Апликаціонной школѣ» названіе «академія» не подходитъ.

[3]) Считается только дѣйствительная служба въ строю, но не въ отпускахъ и въ должностяхъ внѣ строя.

[4]) Право носить аксельбантъ съ переходомъ въ практическій классъ отмѣнено.

[5]) Едва ли это было правильно: старшинство далеко не всегда совпадаетъ съ большимъ достоинствомъ.

[6]) Едва ли они однако оставались бы въ строю въ ожиданіи сомнительной возможности перевода въ генеральный штабъ.

церами какъ означенныя должности, такъ и мѣста полковыхъ адъютантовъ [1]) и другія административныя должности въ полкахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялось положеніе офицеровъ генеральнаго штаба на должностяхъ внѣ этого корпуса, устанавливался порядокъ опредѣленія офицеровъ на младшія должности генеральнаго штаба при войскахъ, а равно и порядокъ занесенія въ кандидатскіе списки на высшія должности [2]).

Различные вопросы, касающіеся положенія и службы офицеровъ генеральнаго штаба.

По вопросу о службѣ генеральнаго штаба работала особая комиссія, которая предложила упразднить гвардейскій генеральный штабъ и опредѣлить составъ единаго генеральнаго штаба штатомъ, включивъ въ него всѣ должности, положенныя для офицеровъ генеральнаго штаба.

Первое предложеніе комиссіи было осуществлено; второе же, съ теченіемъ времени, измѣнялось въ смыслѣ расширенія рамокъ штата и перешло въ полное его упраздненіе.

Основное положеніе для генеральнаго штаба получило силу закона въ началѣ 1865 года. Сущность его сводилась къ слѣдующему.

Основное положеніе 1865 года.

Генеральный штабъ не имѣетъ опредѣленнаго штата. Въ спискахъ его состоятъ: а) всѣ занимающіе мѣста, на которыхъ опредѣлено имѣть офицеровъ этого корпуса и б) обширная категорія лицъ, изъ коихъ для однихъ это только почетное отличіе, а для другихъ служебное положеніе; къ этой же категоріи относятся лица, сохраняющія право носить мундиръ генеральнаго штаба, оставаясь въ спискахъ этого корпуса, при нахожденіи въ нештатныхъ должностяхъ по военному министерству, по военнымъ и юнкерскимъ училищамъ, по военно-народному управленію на Кавказѣ, а также военными агентами и профессорами военныхъ академій.

Сверхъ того разрѣшено: а) числиться въ генеральномъ штабѣ и носить мундиръ этого штаба—генераламъ, назначаемымъ на должности начальниковъ дивизій и выше, а также на должности начальниковъ окружныхъ штабовъ, хотя бы послѣдніе и не служили раньше въ генеральномъ штабѣ; б) числиться въ генеральномъ штабѣ флигель-адъютантамъ, адъютантамъ Особъ Императорской Фамиліи, военнаго

[1]) Это, кажется, вовсе не исполнялось.
[2]) С. В. П., 1859 г., ч. II, кн. I и по V продолженію.

министра и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ должностныхъ лицъ, если они назначаются изъ генеральнаго штаба.

Установлена была категорія офицеровъ, причисленныхъ къ генеральному штабу, на первыхъ порахъ—30 [1]).

Строевой цензъ. Былъ ли онъ достаточенъ?

Въ шестидесятыхъ же годахъ было принято, чтобы офицеры генеральнаго штаба, по возможности, проходили черезъ командованіе отдѣльными частями войскъ, и въ началѣ семидесятыхъ годовъ было постановлено, чтобы они, до зачисленія въ кандидаты на должность командира полка, обязательно командовали ротами и баталіонами въ пѣхотѣ или эскадронами и дивизіонами въ кавалеріи въ теченіе одного года [2]). Но этого было недостаточно, съ точки зрѣнія сближенія ихъ съ войсками. Правда, этому сближенію до извѣстной степени способствовала служба офицеровъ генеральнаго штаба въ войсковыхъ штабахъ, связанная съ занятіями войскъ въ полѣ, а равно и участіе ихъ въ руководствѣ теоретическими занятіями строевыхъ офицеровъ, но и то и другое не могло восполнить недостававшаго многимъ изъ нихъ основательнаго и всесторонняго знанія быта войскъ, всѣхъ ихъ потребностей и вообще всего того, что даетъ умѣнье распорядиться этими же войсками наилучшимъ образомъ, въ видахъ возможно полнаго достиженія цѣлей войны и боя съ наименьшими усиліями и потерями. Этотъ пробѣлъ могъ бы быть заполненъ при соблюденіи слѣдующихъ условій: а) при достаточно продолжительномъ пребываніи офицеровъ генеральнаго штаба въ строю и притомъ не заразъ, а съ перерывами, въ видахъ прохожденія службы на различныхъ ступеняхъ строевой іерархической лѣстницы [3]) и б) при наличности высшаго начальствующаго состава, который во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и теоретическаго знанія военнаго искусства, стоялъ бы выше всѣхъ въ арміи и могъ бы самъ направлять офицеровъ генеральнаго штаба, а не подчиняться ихъ руководству.

---

[1]) Пр. В. В., 1865 г., № 2.

Правила производства по генеральному штабу и прохожденіе службы въ генеральномъ штабѣ. Св. В. П., 1859 г., ч. II, кн. 1, по V продолженію.

[2]) Пр. В. В., 1872 г., № 236. Этотъ же цензъ требовался и для назначенія на должность начальника дивизіоннаго штаба.

[3]) Составитель настоящаго очерка разсматривалъ этотъ вопросъ въ своихъ трудахъ: а) «Опытъ изслѣдованія тактики массовыхъ армій», 1894 г. и б) «Генеральный Штабъ» («Русскій Инвалидъ», 1905 г., №№ 91—94).

Отсутствіе необходимаго руководства.

При отсутствіи перваго особенно важное значеніе принадлежало бы второму условію. Къ сожалѣнію, наша военная система не удовлетворяла и второму условію: правда, встрѣчались начальники, находившіеся на высотѣ своего назначенія, но это были исключенія изъ общаго правила; большинство же не только не могло играть роли руководителей офицеровъ генеральнаго штаба, но еще и не могло обходиться безъ ихъ помощи, переходившей весьма часто въ руководство [1]); правда, попадались и такіе, кои не только не поддавались подобному руководству, но даже вмѣшивались въ сферу дѣятельности подчиненныхъ имъ офицеровъ генеральнаго штаба и совершенно ихъ обезличивали [2]); конечно, и результаты ихъ дѣятельности были соотвѣтственно неудовлетворительны.

При такихъ условіяхъ масса офицеровъ генеральнаго штаба, по выходѣ изъ академіи, была лишена необходимаго руководства на службѣ при войскахъ и должна была сама находить путь къ самоусовершенствованію, которому препятствовало также обремененіе ея канцелярскою работою.

Не было должнаго руководства и въ отношеніи чисто штабной службы [3]), чему препятствовали недостатки организаціи штабовъ вообще и генеральнаго штаба въ особенности, въ связи съ обремененіемъ старшихъ начальствующихъ лицъ генеральнаго штаба множествомъ обязанностей, выполненіе коихъ въ общей ихъ сложности было невозможно [4]).

Генеральный штабъ приносилъ арміи большую пользу и въ общемъ удовлетворялъ своему назначенію, но не могъ пополнить недочеты командного состава.

Офицеры генеральнаго штаба были много обязаны академіи, дававшей надежное основаніе для самоусовершенствованія, къ которому и стремилось ихъ большинство. Благодаря тому и другому, генеральный штабъ все же приносилъ арміи большую пользу. Изъ рядовъ генеральнаго штаба впервые раздался «неумолкавшій съ того времени голосъ» М. И. Драгомирова, напоминавшій забытую старую истину,

---

[1]) Это портило офицеровъ генеральнаго штаба, даже выдающихся: пройдя такую школу и сдѣлавшись современемъ высшими начальниками, они считали офицеровъ генеральнаго штаба отвѣтственными за ошибки ихъ начальниковъ.

[2]) Подобно тому, какъ князь Паскевичъ обезличилъ князя Горчакова.

[3]) Конечно, были и исключенія изъ этого общаго правила.

[4]) Таково было положеніе, напр., начальниковъ окружныхъ штабовъ и въ особенности начальника главнаго штаба.

что «въ мирное время надо учить тому только, что нужно для войны». Офицеры генеральнаго штаба, съ М. И. Драгомировымъ и Г. А. Лееромъ и другими профессорами академіи во главѣ, проводили въ арміи раціональные взгляды на дѣло подготовки войскъ къ войнѣ и бою, но взгляды эти прививались медленно и туго [1]).

Очерченныя условія вліяли, въ свою очередь, неблагопріятно и на генеральный штабъ въ смыслѣ замедленія его собственнаго совершенствованія. Ко времени войны 1877—78 г.г. онъ если и не находился вполнѣ на высотѣ своего назначенія, какъ вспомогательный органъ высшаго командованія [2]), то все же въ достаточной степени удовлетворялъ своему назначенію [3]); устранить же вредныя послѣдствія недочетовъ высшаго командованія, а тѣмъ болѣе военнаго управленія, онъ, конечно, не могъ.

Генералъ-адъютантъ Милютинъ признавалъ наличность указанныхъ недостатковъ нашего высшаго командованія, но, ко времени испытанія нашей военной системы, какимъ явилась война 1877—78 г.г., недостатки эти не были устранены; если они и были ослаблены, то сравнительно въ малой степени. Повидимому, генералъ-адъютантъ Милютинъ надѣялся хорошимъ генеральнымъ штабомъ пополнить всѣ недостатки команднаго состава, но это противорѣчило природѣ вещей и отношеній и не могло быть достигнуто.

Подготовка къ войнѣ. Генералъ-лейтенантъ Обручевъ.

Во главѣ генеральнаго штаба стоялъ начальникъ главнаго штаба, но, будучи заваленъ непомѣрными обязанностями, онъ не имѣлъ никакой возможности заниматься дѣлами генеральнаго штаба и въ частности подготовкою къ войнѣ. Фактически это дѣло вѣдалъ управляющій дѣлами военно-ученаго комитета главнаго штаба, генералъ-лейтенантъ Обручевъ [4]), дѣлавшій доклады въ важныхъ случаяхъ прямо военному министру.

---

[1]) О работѣ офицеровъ, окончившихъ курсъ академіи, въ области знанія и просвѣщенія вообще см. И. Ак. Г. Ш., прилож., списокъ ученыхъ и литерат. трудовъ профессоровъ и т. д.

[2]) См., напр., Баженовъ. «Дѣйствія русской кавалеріи во время русско-турецкой войны 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ». Спб., 1904.

[3]) См. Высочайшій приказъ 29 января 1878 г. и приказъ по Кавказскому военному округу 4 ноября 1877 г., № 221. И. Ак. Г. Ш., 314 и 315.

[4]) Николай Николаевичъ Обручевъ началъ службу въ л.-гв. Измайловскомъ полку. 1856 г.—адъюнктъ-профессоръ, а съ 1857 г.—профессоръ

Человѣкъ высокоталантливый вообще, окончившій первымъ курсъ академіи, столь же талантливый профессоръ той же академіи, выдающійся военный писатель по вопросамъ, имѣвшимъ не только военное, но и государственное значеніе, генералъ Обручевъ, казалось, являлся какъ бы спеціально созданнымъ для веденія того дѣла, которое было ему поручено. Если не весь нашъ генеральный штабъ, то громадное его большинство, а за нимъ и армія, были въ томъ искренно убѣждены, а главное, ему оказывалъ полное довѣріе военный министръ [1]).

Какова же была его творческая работа передъ войною 1877—1878 г.г.?

Предположенія главнаго штаба о сосредоточеніи войскъ, назначаемыхъ для дѣйствій противъ Турціи.

Осенью 1876 года были потребованы отъ главнаго штаба «предположенія о сосредоточеніи и передвиженіи въ разныхъ случаяхъ войскъ».

21-го сентября повелѣно было приступить къ предварительнымъ распоряженіямъ на случай, если бы было признано необходимымъ силою оружія побудить Порту къ принятію условій, установленныхъ по соглашенію между великими державами, для чего имѣлось въ виду поставить на военное положеніе войска Одесскаго и Харьковскаго округовъ, а на Кавказѣ лишь тѣ войска, которыя предназначены къ дѣйствію въ Азіатской Турціи (4 дивизіи, стрѣлковую бригаду и нѣкоторыя другія части войскъ).

Наступательныя дѣйствія предполагалось произвести одновременно съ двухъ сторонъ: изъ Закавказья въ Азіатскую Турцію войсками, которыя уже были направлены къ границѣ, и изъ Бессарабіи 4-мя пѣхотными и 2-мя кавалерійскими дивизіями со стрѣлковою и саперною бригадами и съ другими «вспомогательными частями войскъ».

25-го сентября главный штабъ былъ извѣщенъ о повелѣніи приступить къ предварительнымъ распоряженіямъ для мобилизаціи войскъ Кіевскаго округа; въ случаѣ войны съ Турціею, предполагалось добавить въ составъ дѣйствующей арміи 1 или 2 корпуса, смотря по обстоятельствамъ.

академіи по военной статистикѣ. 1861 г.—дѣлопроизводитель военно-ученаго комитета главнаго штаба. 1875 г.—заслуженный профессоръ. Редакторъ «Военнаго Сборника» въ 1858 г. и «Военно-Статистическаго Сборника» на 1868 г. Сочиненія его см. П. Ак. Г. Ш., приложенія.

[1]) Не такъ высоко оцѣнивалъ генерала Обручева Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, будущій главнокомандующій нашей дѣйствующей арміи 1877 г.

Къ 26-му октября былъ выработанъ «проектъ распредѣленія» по корпусамъ и назначенія ихъ въ составъ предполагаемой Дунайской арміи, на основаніи котораго должны были сосредоточиться: а) въ Бессарабіи: четыре корпуса, стрѣлковая и саперная бригады, два понтонныхъ полубаталіона, 8 [1]) казачьихъ полковъ и 4 казачьихъ батареи съ парками и б) для охраненія Черноморскаго побережья два корпуса.

Такимъ образомъ еще 21-го сентября учрежденіе, вѣдавшее подготовку къ войнѣ и признававшее малоазіатскій театръ второстепеннымъ, находило возможнымъ посылать и на главный европейскій театръ столько же войскъ, сколько посылалось и на второстепенный, а 25-го сентября эти силы предполагалось увеличить въ $1^1/_2$—2 раза, т.-е. или о серьезномъ веденіи военныхъ дѣйствій не было и рѣчи, или же силы Турціи оцѣнивались слишкомъ низко.

Предположеніе генерала Леера.

Профессоръ [2]) академіи генеральнаго штаба генералъ Л е е р ъ [3]) полагалъ, что въ данномъ случаѣ необходимо было выставить армію, преслѣдующую главную цѣль вторженія—150.000 чел. и три вспомогательныхъ арміи: 1-ую въ 100.000 чел., которая должна была овладѣть Дунаемъ, наблюдать и обложить крѣпости и вообще обезпечить операціонную линію въ смыслѣ пути подвозовъ и пути отступленія; 2-ую также въ 100.000 чел., для непосредственной обороны прибрежья Чернаго моря и 3-ю въ 300.000 чел., для обезпеченія базы и операціонной линіи со стороны Австріи, всего около 650.000 человѣкъ, или 21—26 корпусовъ, а противъ одной Турціи на первое время 8—10 корпусовъ [4]).

Идеи генерала Обручева. Планъ войны.

Взгляды генерала Леера раздѣлялись лишь отчасти генераломъ Обручевымъ [5]), идеи котораго легли въ основу составленнаго имъ плана войны; онѣ заключались въ нижеслѣдующемъ:

Къ веснѣ 1877 года обстановка измѣнилась не въ нашу пользу вслѣдствіе того, что въ теченіе зимы турки успѣли значительно раз-

[1]) Позже 10.

[2]) Военнаго искусства.

[3]) Знакомый отчасти и съ Балканскимъ полуостровомъ, такъ какъ онъ находился въ командировкѣ въ Сербіи.

[4]) См. его «Условія театра войны на Балканскомъ полуостровѣ для русской арміи» («Сборникъ Государственныхъ Знаній», 1877 г., IV).

[5]) Генералъ Обручевъ признавалъ необходимымъ соглашеніе съ Австро-Венгріею, для чего Россія должна была допустить занятіе ею Босніи и Герцеговины.

вить свои силы, стянули все, что могли, на Дунайскій театръ, увеличили число судовъ на Дунаѣ, усовершенствовали крѣпости и дополнили ихъ вооруженіе, а между тѣмъ сербы совершенно сошли съ поля, тогда какъ румыны чуть ли уже не отказываются отъ участія въ войнѣ. Со стороны Австріи мы болѣе обезпечены, но со стороны Англіи слѣдуетъ ожидать «самыхъ коварныхъ дѣйствій».

Прежній планъ дѣйствій требуетъ дополненій и измѣненій.

Цѣль войны — полное безповоротное рѣшеніе восточнаго вопроса; цѣлью же нашихъ стратегическихъ дѣйствій долженъ быть самый Константинополь, ибо только на берегахъ Босфора можно сломить владычество турокъ и получить прочный миръ, разъ навсегда рѣшающій нашъ споръ съ ними изъ-за балканскихъ христіанъ.

Овладѣніе Константинополемъ трудно, но, при рѣшительности и быстротѣ дѣйствій, возможно и даже весьма вѣроятно, а потому отказываться отъ этой единственной рѣшительной цѣли было бы величайшею стратегическою и политическою ошибкою.

Теперь 4 наши корпуса встрѣтятъ на Дунаѣ и въ Придунайской Болгаріи такой отпоръ, что если въ состояніи будутъ сразу выдѣлить за Балканы какія-нибудь силы, то только весьма незначительныя, съ которыми далеко не уйдешь. Пока же армія сладитъ со всѣми препятствіями и турецкими войсками въ Придунайской Болгаріи и сдѣлается свободною для дальнѣйшаго движенія, пройдетъ столько времени, что взятіе Константинополя, а слѣдовательно и рѣшеніе вопроса, сдѣлается для нея, пожалуй, невозможнымъ.

Необходимо, чтобы армія, двигающаяся въ Турцію, могла сразу выдѣлить за Балканы не слабый отрядъ, а вполнѣ достаточныя силы для безостановочнаго движенія и взятія Константинополя. Намъ теперь нужно подготовить двѣ арміи, изъ коихъ одна приняла бы на себя борьбу въ Придунайской Болгаріи, а другая—тотчасъ по переправѣ двигалась бы прямо къ Константинополю, видѣла бы передъ собою только 500 верстъ пути и стремилась бы пройти ихъ возможно скорѣе, въ 5, буде можно — въ 4 недѣли [1]), не отвлекаясь отъ этой

[1]) Задача по плечу полководцу, въ родѣ Наполеона I.

цѣли никакими побочными операціями, ни огражденіемъ своего тыла, ни осадою крѣпостей, ни даже сторонними сраженіями [1]).

Силы турокъ, по опредѣленію генерала Обручева, доходили до 158.115 человѣкъ; увеличить ихъ какими-нибудь регулярными войсками Турція не можетъ, но ей остается еще формированіе новыхъ «милицій», помощь Египта, а подъ конецъ, быть можетъ, и англичанъ, въ численности отъ 50 до 60 тысячъ.

По «примѣрному расчету нашихъ войскъ», для обезпеченія удара на Константинополь нужно было добавить новую армію изъ 76 баталіоновъ и 60 эскадроновъ при 324 орудіяхъ (съ вспомогательными частями и учрежденіями 130.000 чел. и 40.000 лошадей), сверхъ тѣхъ силъ, кои уже были включены въ составъ дѣйствующей арміи, т.-е. сверхъ 100 баталіоновъ и 153 эскадроновъ при 450 орудіяхъ (съ вспомогательными частями и учрежденіями 163.000 чел. и 51.000 лошадей). Итого для рѣшительнаго веденія войны на главномъ театрѣ генералъ Обручевъ находилъ достаточнымъ назначить 186 баталіоновъ и 213 эскадроновъ при 774 орудіяхъ. Онъ полагалъ, что все, что требуется на рѣшительномъ театрѣ дѣйствій, должно быть обезпечено широко, но зато во всемъ, что выходитъ изъ цифры рѣшительныхъ дѣйствій, мы должны быть до педантичности скупы, памятуя, что несвоевременное и непомѣрное развитіе силъ въ Крымскую войну, доведенное до $2^1/_2$ милліоновъ чел., тогда какъ противъ насъ дралось только 200.000 чел., повело Россію къ быстрому истощенію и заставило ее прекратить борьбу. Надо избѣгать дополнительной мобилизаціи или, по крайней мѣрѣ, ограничить ее самыми ничтожными размѣрами, стараясь обойтись тѣмъ, что есть [2]).

Роль Кавказской арміи предполагалось ограничить второстепенными наступательными дѣйствіями, потребными для огражденія нашей собственной безопасности и отвлеченія силъ противника [3]).

О серьезныхъ морскихъ дѣйствіяхъ съ нашей стороны не мо-

---

[1]) Однако непріятель можетъ принудить наступающаго къ подобному «стороннему сраженію».

[2]) Не одно только непомѣрное развитіе силъ Россіи заставило ее прекратить борьбу. Были и другія причины.

[3]) Если бы Константинополь оказался недоступнымъ съ европейской стороны, то пришлось бы усилить и закавказскую армію, какъ и европейскую.

жетъ быть и рѣчи. Если намъ удастся, по вступленіи арміи въ Болгарію, открыть легкими отрядами сообщеніе съ нѣкоторыми портами Чернаго моря, то черезъ нихъ, при посредствѣ пароходовъ, могъ бы быть организованъ довольно значительный подвозъ запасовъ къ арміи, что облегчило бы сухопутную доставку. Если бы турецкій флотъ отошелъ въ Босфоръ, то мы могли бы перекинуть черезъ Черное море цѣлый отрядъ. Если высадка совпадетъ съ движеніями арміи, то результаты могутъ быть громадные [1]).

ПЛАНЪ КАМПАНІИ.

Планъ кампаніи былъ, повидимому, составленъ помощникомъ начальника штаба арміи генералъ-маіоромъ Левицкимъ или же кѣмъ-либо изъ подчиненныхъ ему офицеровъ. Составитель этого плана позаимствовалъ то, что ему было нужно, изъ плана войны генерала Обручева и изъ труда генеральнаго штаба полковника Артамонова, производившаго развѣдки въ Турціи.

Разсмотрѣвъ обстановку, а затѣмъ три главныхъ направленія для дѣйствій, восточное, западное и центральное, составитель плана отдаетъ предпочтеніе центральному направленію, послѣ чего излагаетъ проектъ предстоящихъ дѣйствій, обнимающій мѣры по обезпеченію цѣлости желѣзнодорожнаго участка Галацъ-Браиловъ, нѣкоторыя подробности развертыванія нашей арміи передъ началомъ войны, соображенія о занятіи Румыніи, о выборѣ пункта переправы черезъ Дунай, дѣйствія послѣ переправы, приблизительный расчетъ времени для исполненія указанныхъ операцій (всего около 2—2½ мѣсяцевъ) и соображенія относительно употребленія румынскихъ войскъ «на дѣйствія второстепенныя и на тыловую службу».

Этотъ планъ кампаніи представляетъ не болѣе не менѣе, какъ развитіе основной идеи плана войны. Самостоятельнаго значенія онъ не имѣетъ. Вся суть въ планѣ войны генерала Обручева.

РАЗБОРЪ ПЛАНА ВОЙНЫ 1877 ГОДА.

Планъ войны не вполнѣ отвѣчалъ требованіямъ той политической обстановки, которая существовала въ дѣйствительности, но отвѣчалъ требованіямъ той политической обстановки, кото-

[1]) Наше офиціальное сочиненіе о войнѣ 1877—78 г.г. (Оф. соч. 1877—78, II, 14) приписываетъ этотъ планъ главнокомандующему, но не поясняетъ, что планъ кампаніи составленъ въ развитіе плана войны, и не указываетъ, кѣмъ составленъ послѣдній.

рую нарисовала себѣ наша дипломатія [1]) и въ значительной степени, но все же не вполнѣ отвѣчалъ той военной обстановкѣ, которую пришлось нарисовать себѣ военному министерству и въ частности главному штабу, кои, повидимому, не были посвящены во всѣ тайны дипломатіи.

Составитель плана основательно изучилъ обстановку лишь въ отношеніи условій мѣста и времени, но не относительно условія силы. Силы турокъ опредѣлены меньше, чѣмъ онѣ были и могли быть въ дѣйствительности.

По намѣченной нормальной организаціи турецкой арміи, въ низамѣ [2]) и редифѣ [3]) должно было состоять 655.510 чел., въ томъ числѣ одной пѣхоты — въ 610 баталіонахъ около 500.000 чел., получающихъ болѣе или менѣе законченную и прочную организацію. Въ дѣйствительности число военно-обязанныхъ, состоявшихъ въ распоряженіи турецкаго правительства, доходило чуть ли не до 1.000.000 человѣкъ [4]). Однако слѣдуетъ принять въ соображеніе, что намѣченная основнымъ закономъ организація, вслѣдствіе возстаній въ разныхъ частяхъ государства, вслѣдствіе сербско-турецкой войны и вслѣдствіе поспѣшности въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ съ Россіею, была нарушена; сверхъ того сколько-нибудь прочные кадры имѣлись только для войскъ, включенныхъ въ штатныя исчисленія.

По свѣдѣніямъ штаба нашей дѣйствующей арміи, въ началѣ войны, силы турокъ состояли изъ 580 баталіоновъ, 147 эскадроновъ и 143 батарей, или 406.000 чел. регулярныхъ и 70.000 чел. иррегулярныхъ войскъ при 858 полевыхъ орудіяхъ [5]); сами же турки опредѣлили свои силы къ этому времени почти въ 500.000 чел., для укомплектованія которыхъ поступило тогда же 160.000 чел. [6]). Турція могла выставить на европейскомъ театрѣ дѣйствій, въ первый періодъ войны, 186.000—286.000, круглымъ числомъ до 300.000 человѣкъ [7]).

---

[1]) См. трудъ составителя настоящаго очерка: «Введеніе въ исторію русско-турецкой войны 1877 г.», 1906 г.

[2]) Низамъ соотвѣтствовалъ германской дѣйствующей арміи.

[3]) Редифъ соотвѣтствовалъ германскому ландверу.

[4]) См. труды Нормана: «Armenia and the campaign of 1877 и Збоинскаго: «Armée ottomane».

[5]) Оф. соч. 1877, I, 44.

[6]) Это близко подходитъ къ расчету Нормана.

[7]) «Зубдетуль-Хакаикъ» (Сборникъ турецкихъ документовъ), 11 и др.

Мало того, въ нашемъ планѣ войны и наши собственныя силы разсчитаны не точно, а именно въ 303.000 чел., т.-е. примѣрно не менѣе, какъ въ 10 корпусовъ, но, взявъ число баталіоновъ пѣхоты (за вычетомъ 10 резервныхъ)—176, получимъ, что наша армія могла состоять не болѣе, какъ изъ $7^1/_3$ корпусовъ.

Такъ или иначе, по нашему плану войны назначались силы недостаточныя для тѣхъ рѣшительныхъ дѣйствій, кои намѣчались составителемъ этого плана.

Планъ обнималъ постановку ближайшей цѣли, весьма важной, но не вполнѣ, ибо ставилъ цѣлью овладѣніе однимъ только Константинополемъ, упуская изъ виду Дарданеллы, но это являлось слѣдствіемъ отсутствія у насъ надлежащей связи между политикою и стратегіею.

Избранная нами операціонная линія вела къ достиженію важной цѣли [1]), была до извѣстной степени удобнѣйшею, но не удовлетворяла условію безопасности, ни въ политическомъ, ни въ военномъ отношеніи. Въ военномъ отношеніи она могла сдѣлаться достаточно безопасною при условіи назначенія въ распоряженіе главнокомандующаго силъ безусловно достаточныхъ. Между тѣмъ были назначены силы безусловно недостаточныя. Естественно, веденіе операцій не могло привести къ успѣху и опасность, угрожавшая нашей операціонной линіи, должна была обнаружиться ранѣе или позднѣе. Большее или меньшее проявленіе нами искусства въ веденіи операцій могло повліять только на ту форму, въ которой могла проявиться эта опасность, но устранить ее не могло.

Теорія военнаго искусства требуетъ, чтобы составитель плана былъ его исполнителемъ. На практикѣ достаточно, чтобы онъ былъ ближайшимъ помощникомъ, докладчикомъ и единственнымъ совѣтникомъ главнокомандующаго. Это требованіе исполнено не было.

Главнокомандующій и начальникъ штаба арміи.

Главнокомандующимъ нашею арміею на европейскомъ театрѣ дѣйствій былъ назначенъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, а начальникомъ полевого штаба арміи—генералъ-адъютантъ Непокойчицкій [2]), почти 20 лѣтъ находившійся на службѣ внѣ строя и генеральнаго штаба, къ назначенію на эту долж-

[1]) Вопреки пониманію дѣла и дѣйствіямъ нашей дипломатіи.
[2]) См. выше, главы VI и VII.

ность до послѣдняго времени не намѣченный и къ занятію ея не подготовлявшійся.

Помощникъ начальника штаба арміи.

Помощникомъ начальника полевого штаба арміи, завѣдывавшимъ оперативною частью, былъ назначенъ генералъ-маіоръ Левицкій [1]), прошедшій службу и штабную, и строевую, но послѣдняя не была продолжительна; онъ былъ причастенъ и къ военно-ученой дѣятельности, но и эта его дѣятельность не была достаточно продолжительна, что видно изъ того, что не осталось никакихъ ея слѣдовъ, имѣющихъ научное значеніе. Онъ обладалъ многими положительными качествами въ томъ числѣ большою работоспособностью, но въ то же время отличался и большою разсѣянностью, а въ дѣлѣ службы генеральнаго штаба былъ болѣе способенъ къ разработкѣ деталей, чѣмъ къ соображеніямъ, требующимъ широкаго кругозора и творчества. Послѣднее могло бы, пожалуй, считаться достаточнымъ, если бы ему не приходилось фактически работать за начальника штаба арміи [2]).

Такимъ образомъ Главнокомандующій не располагалъ ни такими силами, которыя могли бы считаться достаточными для выполненія плана войны, ни такимъ начальникомъ штаба и его помощникомъ, которые могли бы быть признаны находящимися на высотѣ своего назначенія.

Оцѣнка рѣшенія вопроса о постановкѣ высшаго командованія.

Мало того, Главнокомандующій не пользовался полною самостоятельностью: военный министръ, находившійся при Императорской Главной Квартирѣ, считалъ необходимымъ держать его какъ бы подъ опекою [3]); правда, эта опека проводилась въ жизнь большею частью довольно тонко и незамѣтно для арміи, но, тѣмъ не менѣе, такое рѣшеніе вопроса о постановкѣ высшаго командованія имѣло безусловно

---

[1]) Казиміръ Васильевичъ Левицкій, выпуска изъ академіи 1859 г.; въ 1870 г. адъюнктъ-профессоръ военнаго искусства; въ 1875 г. профессоръ и командиръ гвардейскаго кавалерійскаго полка.

[2]) Очевидно, были въ штабѣ арміи и полезные для дѣла службы работники изъ младшихъ чиновъ генеральнаго штаба. О генералахъ Непокойчицкомъ и Левицкомъ см. М. Газенкампфъ. «Мой дневникъ 1877—78 г.г.», стр. 91 и др.

[3]) (Сборникъ матеріаловъ по русско-тур. войнѣ на Балк. полуостровѣ) С. М. XXVI, 27 — 28, 152 — 156 и др. (Въ томъ числѣ «Записка военнаго министра объ измѣненіи плана кампаніи»). М. Газенкампфъ, 78—85. (Отвѣтъ Главнокомандующаго). Д. А. Скалонъ. «Очеркъ дѣятельности Главнокомандующаго въ р.-т. войну 1877—78 г.г. на Б. пол.».

отрицательное значеніе и, конечно, могло оказывать только вредное вліяніе на веденіе операцій.

Что произошло при осуществленіи плана войны?

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ наше наступленіе «захлебнулось» подъ Плевною. Самъ военный министръ пришелъ къ заключенію, что «начавъ эту войну, мы имѣли не совсѣмъ вѣрное представленіе о нашемъ противникѣ»... [1]). Пришлось произвести не одну, но нѣсколько дополнительныхъ мобилизацій и довести армію примѣрно до той нормы, которую указывалъ генералъ Лееръ, и только послѣ этого наша армія, преодолѣвъ и сопротивленіе противника, и преграду въ видѣ Балканъ [2]), и прочія препятствія и затрудненія, подошла къ окрестностямъ Царьграда и вынудила противника просить мира [3]).

Самъ Главнокомандующій (при переходѣ черезъ Дунай и особенно при переходѣ черезъ Балканы, а также при дальнѣйшемъ наступленіи къ Константинополю), Начальникъ Рущукскаго отряда, генералы Гурко, Радецкій [4]), Тотлебенъ и Скобелевъ 2-й [5]), равно какъ и Циммерманъ [6]) и Драгомировъ [7]) дали образцы искусства, поучительные въ смыслѣ положительномъ [8]); проявляли искусство и другіе, менѣе извѣстные, начальники; войска наши, начавшія войну на европейскомъ театрѣ дѣйствій съ недостаточною тактическою подготовкою, быстро совершенствовались; въ концѣ кампаніи ихъ трудно было узнать тому, кто видѣлъ ихъ въ началѣ. Конечно, были и неудачныя, и неискусныя дѣйствія (три Плевны, Елена и т. д.), но гораздо больше было удачныхъ и болѣе или ме-

---

[1]) Точнѣе, весьма невѣрное, хотя ничто не мѣшало бы намъ имѣть вѣрное представленіе о нашемъ противникѣ, если бы управляющій дѣлами военно-ученаго комитета главнаго штаба не относился къ дѣлу предвзято.

[2]) И къ тому же зимою, что самъ Мольтке считалъ невозможнымъ.

[3]) Армія наша могла занять и Константинополь, но не заняла его вслѣдствіе отсутствія у насъ надлежащей связи политики со стратегіею.

[4]) См. выше, стр. 291. Командиръ 8-го корпуса.

[5]) Михаилъ Дмитріевичъ. Пріобрѣлъ еще до войны 1877 г. громкую извѣстность своею боевою дѣятельностью въ Туркестанѣ.

[6]) См. выше, главу VII.

[7]) Михаилъ Ивановичъ. Военный мыслитель и писатель, имѣвшій огромное вліяніе на работу мысли нашего военнаго общества.

[8]) См. трудъ составителя сего очерка: «Русско-турецкая война 1877—78 г.г.» (оттискъ изъ Изв. Спб. Слав. Благ. Общ.), 1903 г.

нѣе искусныхъ (Шипка, Чаиркіой, Мечка, Ташкисенъ, Горнее Бугарово, бой подъ Филиппополемъ и др.) и вообще такихъ, которыя сдѣлали бы честь любой арміи.

Дѣятельность штабовъ.

При всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ штабы арміи, корпусовъ, дивизій и отрядовъ и отдѣльные чины генеральнаго штаба играли болѣе или менѣе выдающіяся роли.

Полевому штабу арміи должно поставить въ укоръ главнымъ образомъ возникновеніе турецкихъ Плевненскихъ укрѣпленныхъ позицій, а затѣмъ лагеря, оказывавшихъ задерживающее вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій съ начала іюля до конца ноября 1877 года, но полевой штабъ повиненъ въ томъ не вполнѣ, а лишь отчасти [1]). Были и другіе недочеты и даже было ихъ немало [2]), но, въ общемъ, полевой штабъ арміи все же исполнилъ свои обязанности настолько, что Главнокомандующій могъ довести дѣло до конца [3]), а такія операціи, какъ зимній переходъ черезъ Балканы и наступленіе отъ Балканъ къ Константинополю, говорятъ не иначе, какъ въ пользу того же штаба. Въ службѣ штабовъ отрядовъ, корпусовъ и дивизій положительныя стороны преобладаютъ надъ отрицательными; послѣднихъ было бы меньше, если бы командный составъ находился на высотѣ своего назначенія: штабы Рущукскаго и передового отрядовъ, 8-го корпуса, 14-й и 16-й пѣхотныхъ дивизій (Драгомировской и Скобелевской) и нѣкоторые другіе дѣйствовали лучше прочихъ потому, что начальники соотвѣтствующихъ частей арміи правильно пользовались своими штабами; наоборотъ, могли ли правильно функціонировать штабы такихъ частей арміи, начальники коихъ, напримѣръ, не сообщали своимъ начальникамъ штабовъ необходимыхъ свѣдѣній объ обстановкѣ [4]) или хотя и сообщали, но отдавали такія приказанія, исполненіе коихъ клонилось ко вреду для нашей арміи, или же, наконецъ, чувствуя свою несостоятельность въ дѣлѣ управленія войсками, отдавали все это дѣло въ руки начальниковъ штабовъ [5]), т. е.

---

[1]) См. выше.

[2]) См. труды составителя сего очерка о войнѣ 1877—78 г.г.

[3]) Т. е. довести армію до самаго Константинополя, который не былъ занятъ не по его винѣ.

[4]) См. трудъ начальника штаба 3-й гвард. пѣх. дивизіи, полковника Энкеля о походѣ 1877—78 г.г. (въ «Военномъ Сборникѣ»).

[5]) Такихъ было немало.

какъ бы заставляли ихъ играть роль, совершенно не соотвѣтствовавшую ни условіямъ военнаго быта, ни пользѣ службы.

Особенно неблагопріятныя условія должно отмѣтить въ штабѣ войскъ, собранныхъ подъ Плевною, гдѣ была допущена крайне неправильная организація управленія (двойственность командованія союзными войсками при условіи присутствія двухъ главныхъ квартиръ и вліянія ихъ на веденіе операцій). Здѣсь сначала (при генералѣ Зотовѣ) дѣло налажено не было, но затѣмъ (при генералѣ Тотлебенѣ) оно наладилось.

Въ Кавказскомъ дѣйствующемъ корпусѣ и въ отдѣльно дѣйствовавшихъ отрядахъ вопросы штабной службы рѣшались такъ же, какъ и на европейскомъ театрѣ дѣйствій.

Въ общемъ, служба штабовъ замѣтно усовершенствовалась во время самой войны.

Образецъ работы офицера генеральнаго штаба.

Образцомъ подготовительныхъ къ бою распоряженій нельзя не признать записку, представленную ген.-маіоромъ Скобелевымъ князю Имеретинскому передъ атакой Ловчи, 19 августа 1877 г., въ которой онъ, выяснивъ сущность задачи и обстановку, установилъ принципы, коими слѣдовало руководствоваться въ данномъ случаѣ.

Участники войны.

Перечисленіе всѣхъ участниковъ этой войны, офицеровъ генеральнаго штаба и окончившихъ курсъ академіи, а тѣмъ болѣе ихъ подвиговъ и отличій, невозможно [1]).

Георгіевскіе кавалеры.

Приходится отмѣтить болѣе выдающихся, по выпускамъ, а именно: получившіе орденъ Св. Георгія: генералы: 1834 г. — Непокойчицкій—3 и 2 степени; 1835 г.—баронъ Криденеръ—3 ст.; 1836 г.—Милютинъ—2-й ст.; 1845 г.—Свѣчинъ—4 ст.; 1848 г. Дандевиль—4 и 3 ст.; 1849 г. — Радецкій — 3 и 2 ст.; Цитлядзевъ—4 ст.; 1854 г.—Обручевъ и Роопъ—3 ст.; полковникъ Немира—4 ст.; ген.-маіоръ Цытовичъ—4 ст.; полковникъ Комаровъ 4-й—4 и 3 ст.; 1855 г. генералы: Раухъ—4 и 3 ст.; 1856 г.—Драгомировъ—3 ст.; Бискупскій—4 ст.; 1857 г.,—баронъ Зедделеръ—4 ст.; 1858 г.—полковникъ Синкевичъ—

[1]) Всего участвовало въ кампаніи на обоихъ театрахъ 252 генерала и офицера генеральнаго штаба и окончившихъ академію съ 1834 до 1878 года (считая и 1-й ускоренный выпускъ этого года, безъ послѣдней задачи въ дополнительномъ курсѣ).

4 ст.; 1859 г.—ген.-маіоръ Левицкій—4 ст.; полковникъ Липинскій—4 ст.; ген.-маіоры Столѣтовъ, Мирковичъ 2-й и Дмитровскій — 4 ст.; 1860 г. — полковникъ Жиржинскій — 4 ст.; генералъ Смѣкаловъ — 4 ст.; Петрушевскій — 4 и 3 ст.; 1861 г. — полковникъ Любовицкій — 3 ст. [1]); ген.-маіоръ князь Имеретинскій—4 и 3 ст.; полковники Скалонъ, Крюковъ и Филипповъ—4 ст.; 1862 г.—полковники Духовской, Духонинъ и Тутолминъ и подполковникъ Липранди—4 ст.; 1863 г. 1-го выпуска—ген.-маіоръ Шелковниковъ [2])—3 ст.; 1864 г.—полковники Бунаковъ — 4 ст.; 1866 г. — Бобриковъ — 4 ст.; 1867 г.—ген.-маіоръ Нагловскій—4 и 3 ст.; 1868 г.—полковники баронъ Аминовъ, Соболевъ, Малама и Таль—4 ст.; подполковникъ Сосновскій—4 ст.; 1871 г.—полковники Фрезе и фонъ-Раабенъ—4 ст.; 1872 г.—подполковники Ставровскій и Энгельгардтъ; 1873 г.—подполк. Пузыревскій и полк. Медвѣдовскій—4 ст.; подполковникъ Сухомлиновъ и капитанъ Мальцовъ—4 ст.; 1875 г.—капитаны Шнеуръ, Андреяновъ и подполковники Домантовичъ и графъ Келлеръ — 4 ст.; 1876 г. — Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій—4 ст.; капитанъ Протопоповъ и подполковникъ Шутлевортъ—4 ст.

Въ этой же войнѣ участвовали получившіе орденъ Св. Георгія въ предшествующихъ походахъ: 1847 г.—ген.-лейтенантъ Циммерманъ [3]); 1851 г.—ген.-маіоръ Черняевъ [4]); 1865 г.—полковникъ Шафгаузенъ-Шенбергъ-Экъ-Шауфусъ [5]); 1868 г. — ген.-маіоръ Скобелевъ [6]) и 1874 г.—капитанъ Куропаткинъ [7]).

Получившіе прочія награды.

Золотое оружіе получили 119 генераловъ и офицеровъ, въ томъ

---

[1]) Получилъ орденъ Св. Георгія 4 ст. за отличіе въ Восточную войну 1853—56 г.г. (на Финляндскомъ побережьѣ).

[2]) Орденъ Св. Георгія 4 ст. онъ получилъ за отличіе при усмиреніи польскаго мятежа въ 1863 г.

[3]) 4 ст. См. выше, главу VII.

[4]) За боевыя отличія противъ кокандцевъ—3 ст. Сверхъ того, Св. Станислава 1 ст. съ мечами въ 1864 г., а въ 1865 г. Св. Анны 1 ст. съ мечами и золотое оружіе съ бриллiантами за взятіе Ташкента.

[5]) 4 ст. въ 1867 г. въ Туркестанѣ.

[6]) Тамъ же 4 и 3 ст.

[7]) 4 ст. въ 1876 г. Туркестанѣ. Тамъ же раненъ.

числѣ съ бриллiантами: генералъ-лейтенанты Радецкій, Роопъ, Павловъ [1]), Петрушевскій и Скобелевъ и генералъ-маіоръ Гурчинъ.

Въ отношеніи числа боевыхъ наградъ, полученныхъ офицерами генеральнаго штаба и окончившими академію, эта кампанія близко подходитъ къ нашимъ противо-наполеоновскимъ походамъ и къ кампаніи 1828—1829 г.г. [2]).

Убитые, раненые, контуженные и умершіе отъ ранъ и лишеній походной жизни.

Убиты: генералъ-маіоры: выпуска 1849 г.—Дерожинскій и 1859 г.—Добровольскій, пол. Бѣлинскій; 1873 г.—л.-гв. Павловскаго полка штабсъ-капитанъ Баталинъ и 1876 г.,—штабсъ-капитанъ Воеводичъ.

Смертельно ранены генералъ-маіоры: выпуска 1859 г. — Лавровъ и 1860 г.—Философовъ.

Ранены: выпуска 1856 г.—генералъ-маіоры Драгомировъ и Комаровъ, 1857 г.—баронъ Зедделеръ и полк. Елецъ; 1858 г.—полк. Громанъ; 1859 г.—ген.-маіоръ Мирковичъ 2-ой; 1860 г.—полковники Жиржинскій; 1861 г.—Любовицкій и Скалонъ; 1862 г. — Духонинъ и Водаръ; 1867 г. — Реннерфельдъ; 1868 г.—Штрикъ; 1874 г.—подполк. Куропаткинъ и капитанъ Мальцовъ; 1875 г.—подполковники Рынкевичъ и Боголюбовъ.

Контужены: выпуска 1845 г.—ген.-лейт. Свѣчинъ, умершій (въ 1878 г.) отъ тифа; 1854 г.—полк. Немира; 1868 г.—ген.-маіоръ Скобелевъ; 1870 г.—полк. Казбекъ; 1873 г.—подполк. Аффанасовичъ.

Умеръ въ 1878 г. отъ тифа генералъ-маіоръ Шелковниковъ.

Оцѣнка дѣятельности офицеровъ генеральнаго штаба въ войну 1877—78 г.г.

По всему вѣроятію, будущіе изслѣдователи гораздо болѣе обстоятельно выяснятъ подвиги и заслуги какъ отмѣченныхъ, такъ и не отмѣченныхъ въ настоящемъ очеркѣ офицеровъ генеральнаго штаба и окончившихъ курсъ академіи, участвовавшихъ въ войнѣ 1877—78 г.г. [3]). Довольно однако и того, что выше указано. Выводъ вытекаетъ самъ собою: офицеры генеральнаго штаба и служившіе въ

[1]) Съ 1875 г. начальникъ штаба Кавказскаго округа.

[2]) См. выше, I часть и главу II части II сего очерка.

[3]) Сверхъ того имъ придется обратить вниманіе и на то, что многіе офицеры, участвовавшіе въ этой войнѣ, поступили затѣмъ въ академію и окончили ея курсъ: въ 1880 г.—1, въ 1881 г.—32, въ 1882 г.—40 и т. д.

немъ, а равно и прошедшіе академію, и возвратившіеся въ строй въ отношеніи воинской доблести служили примѣромъ для другихъ, а въ отношеніи службы генеральнаго штаба исполнили свой долгъ, въ общемъ, настолько хорошо, что упреки по адресу всего генеральнаго штаба были бы неумѣстны и несправедливы [1]).

Правда, генеральный штабъ не исправилъ погрѣшностей и недочетовъ командпаго состава, но этого отъ него и требовать не слѣдовало. Соотвѣтственная оцѣнка послѣдовала и съ высоты престола. Императоръ Александръ II призналъ службу генеральнаго штаба во время войны 1877—78 г.г. «отличною» [2]).

Погрѣшности и недочеты въ отношеніи подготовки къ войнѣ въ главныхъ чертахъ не могутъ быть поставлены въ вину всему генеральному штабу, а только прежде всего управляющему дѣлами военноученаго комитета главнаго штаба, который стоялъ непосредственно у дѣла, а затѣмъ начальнику главнаго штаба и военному министру, которые относились излишне довѣрчиво къ производимой имъ оцѣнкѣ силъ и средствъ Турціи и къ соотвѣтствующимъ его политическимъ и стратегическимъ соображеніямъ [3]).

Участіе офицеровъ генеральнаго штаба въ усмиреніи польскаго мятежа 1863—1864 г. г.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вспыхнуло возстаніе въ русской части Польши, или такъ называемомъ Царствѣ Польскомъ, распространившееся отчасти на западный край, а въ особенности на Литву.

Не взирая на то, что «наша военная администрація въ краѣ была далека отъ мысли предполагать возможность вооруженнаго возстанія», и вообще вся дислокація нашихъ войскъ была спеціально пріурочена лишь къ требованіямъ удобствъ квартированія» [4]),—это возстаніе не имѣло ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ. На долю офицеровъ нашего генеральнаго штаба выпала большая работа, необходимая для того, чтобы исправить недочеты такой подготовки, вѣрнѣе

---

[1]) Упреки по адресу отдѣльныхъ лицъ (сравнительно немногочисленныхъ) вполнѣ возможны.

[2]) И. Ак. Г. Ш., 314 и 315. Высочайшій приказъ 29 января 1878 г. Тамъ же приведено извлеченіе изъ приказа по Кавказскому округу 1877 г., № 221, также весьма лестное для генеральнаго штаба.

[3]) См. труды составителя сего очерка о войнѣ 1877—78 г.г., особенно изданіе 1906 г.

[4]) См. С. Гескетъ. «Военныя дѣйствія въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 г. Начало возстанія». Варшава. 1894. Стр. 16 и прил. № 2.

отстутствія у насъ подготовки къ этой своеобразной борьбѣ, при условіи исполненія и своихъ обычныхъ обязанностей.

Во главѣ нашихъ вооруженныхъ силъ, усмирившихъ мятежъ въ предѣлахъ Варшавскаго и Виленскаго округовъ, стояли генералы Бергъ [1]) и Муравьевъ [2]).

Изъ офицеровъ генеральнаго штаба и прошедшихъ ададемію, участвовавшихъ въ этихъ операціяхъ, должны быть упомянуты: генералы: выпуска 1836 г.—Маркъ; 1838 г.—Бруннеръ, Семека; 1840 г.—Минквицъ; полк. Мацневъ; 1845 г.—ген.-маіоръ Черницкій; 1850 г.—подполк. Орановскій; 1854 г.—капитанъ Тарасенковъ; 1855 г.—полк. Эрнротъ, Анучинъ; 1859 г.—штабсъ-капитанъ Лавровъ; подполк. Добровольскій; 1860 г.—штабсъ-ротмистръ фонъ-Бахъ; 1862 г.—штабсъ-капитанъ Кржививицкій; 1863 г.—поручикъ Шелковниковъ, получившій орденъ Св. Георгія 4 ст.

Офицеры-поляки въ 1863—1864 г. г.

Далеко не почетную извѣстность получили нѣкоторые офицеры-поляки, выпущенные изъ академіи и даже служившіе въ генеральномъ штабѣ, но затѣмъ уклонившіеся отъ службы Государю Императору и Россіи во время возстанія 1863—64 г.г., а именно: выпуска 1859 г.—капитаны Станевичъ и Александровичъ; 1861 г.—гвардіи подпоручикъ Родкевичъ, поручики Голеневичъ, Ковалевскій, Туровскій и Добровольскій и 1862 г.—штабсъ-ротмистръ Каменскій [3]), уволенные отъ службы «по домашнимъ обстоятельствамъ»; но еще съ большею печалью академія и генеральный штабъ могутъ вспомнить тѣхъ, кои явно нарушили присягу и перешли въ ряды мятежниковъ, каковыми приходится считать «исключенныхъ изъ службы» въ это же время: выпуска 1858 года—кап. Жвирждовскаго; 1859 г.—кап. Сѣраковскаго [4]); 1860 г.—воен. инж. шт.-кап. Рудницкаго и 1862 г.—3 стр. ба-

[1]) См. часть I и главы II, III, V, VI и VII части II сего очерка.

[2]) См. часть I сего очерка.

[3]) Родкевичъ и Голеневичъ были причислены къ генеральному штабу, а остальные четверо возвратились въ свои части.

[4]) Капитанъ Сѣраковскій пользовался расположеніемъ высшаго начальства; возникло даже предположеніе провести его въ профессора академіи. Первымъ противъ этого выступилъ М. И. Драгомировъ. Его поддержали и нѣкоторые другіе профессора академіи.

таліона шт.-кап. Обезерскаго и Одесскаго пѣх. полка подпор. Черняка.

Большинство офицеровъ-поляковъ, прошедшихъ академію, осталось на своихъ мѣстахъ въ войскахъ и при войскахъ и честно исполнило свой долгъ.

Офицеры генеральнаго штаба на Кавказѣ и на другихъ окраинахъ.

Въ царствованіе Императора Александра II окончилось «замиреніе» Кавказа, а съ нимъ прекратилось и дѣйствіе отличной Кавказской боевой школы. Въ этомъ заключительномъ актѣ, какъ и во всей этой славной борьбѣ части русской арміи съ многочисленными и храбрыми врагами, видную роль сыграли офицеры генеральнаго штаба съ генераломъ Милютинымъ во главѣ. Приходится только перечислить тѣхъ, которые еще не были упомянуты выше [1]), или же оказали выдающіяся заслуги именно во время окончанія Кавказской борьбы.

Выпуска 1834 г.—полк. Иванинъ; 1835 г.—генералы Филипсонъ; 1837 г.—Шульцъ и баронъ Вревскій; 1838 г.—Капгеръ; 1839 г.—Карлгофъ и полк. Лихутинъ; 1840 г.—ген.-маіоръ Рудановскій и Ольшевскій; 1841 г.—ген.-маіоръ Карцевъ; 1842 г.—полк. Усларъ; 1843 г.—Фрейгангъ и 1844 г.—Забудскій; 1846 г.—ген.-маіоръ баронъ Николаи; 1847 г. — ген.-маіоръ Батезатулъ; 1848 г. — полк. Зотовъ; 1849 г.—полк. Радецкій [2]); 1850 г.—кап. Романовскій [3]); 1851 г.—полк. Черняевъ; 1852 г.—полк. Кравченко; 1854 г.—кап. Гарднеръ; поручики Цытовичъ, Кузьминскій и Комаровъ 4-й; 1855 г.—шт.-кап. Комаровъ 3-й; 1856 г.—пор. Шолковскій и шт.-кап. Комаровъ; 1857 г.—кап. Олендзскій; 1858 г.—шт.-кап. Шишкинъ, Павловъ и Шаликовъ; 1859 г. кап. Маныкинъ-Невструевъ, пор. Лебединскій, кап. Гурчинъ и пор. Краевичъ; 1860 г.—подполк. князь Голицынъ; шт.-кап. графъ Кутайсовъ и Фрейеръ и подпор. Кишмишевъ [4]); 1861 г.—шт.-кап. Черкесовъ.

---

[1]) См. выше, главу VII.

[2]) 1859 г.—орденъ Св. Георгія 4 ст.

[3]) Читалъ лекціи о Кавказской войнѣ.

[4]) 1877 г. генералъ-маіоръ. Авторъ труда о войнѣ 1877 г. на Кавказѣ, которымъ надо пользоваться умѣло.

Не взирая на окончаніе Кавказской войны, служба при Кавказскихъ войскахъ была и послѣ того полезна для офицеровъ генеральнаго штаба въ виду того замѣчательнаго военнаго духа, который сохранился въ этихъ войскахъ, показавшихъ себя и въ 1877 году достойными преемниками своихъ славныхъ предковъ.

Движеніе наше въ Среднюю Азію вызвало возникновеніе Оренбургской, а затѣмъ Туркестанской боевой школы; нѣсколько позже послѣдней начала возникать, опираясь на Кавказъ, Закаспійская военная школа, которая, къ концу разсматриваемаго царствованія, слилась съ Туркестанскою.

Изъ числа офицеровъ генеральнаго штаба и прошедшихъ академію обращаютъ на себя вниманіе своею службою на этихъ окраинахъ нижеслѣдующіе: выпуска 1848 г.—подполк. Дандевиль; генералы: 1851 г.—Черняевъ; 1858 г.—Анненковъ; 1859 г.—Звѣревъ; подполк. Столѣтовъ и полк. Дмитровскій; 1860 г.—полк. Троцкій [1]); 1861 г.—полк. Костенко; 1862 г.—подполк. Фриде [2]); 1863 г.—кап. Глуховскій [3]); 1864 г.—полк. фонъ-Гойеръ, подполк. Ивановъ и Тихменьевъ; 1865 г.—кап. Шафгаузенъ-Шенбергъ-Экъ-Шауфусъ [4]); 1868 г.—подполк. баронъ Каульбарсъ, баронъ Аминовъ; причисленный къ генеральному штабу штабсъ-ротмистръ, позже получившій чины отъ подполковника до генерала-отъ-инфантеріи Скобелевъ [5]) и его сподвижникъ Гродековъ [6]); 1874 г.—кап. Куропаткинъ и 1875 г.—кап. Боголюбовъ. Центральною фигурою въ дѣлѣ службы генеральнаго штаба въ Средней Азіи является Скобелевъ, давшій и первоклассный образецъ искусства въ Ахалъ-Текинской экспедиціи 1880—1881 г.г. На Дальнемъ Востокѣ еще только складывались условія, которыя привели впослѣдствіи къ возникновенію на этой окраинѣ совершенно самостоятельной боевой школы, будущее значеніе которой

[1]) Въ 1873 г. за Хивинскій походъ орд. Св. Георгія 3 ст. и золотое оружіе съ алмазами.

[2]) Въ 1873 г.—орденъ Св. Георгія 4 ст.

[3]) Въ Оренбургскомъ округѣ; въ 1867 г. орд. Св. Георгія 4 ст.

[4]) Въ 1867 г. орд. Св. Георгія 4 ст. (въ Туркестанѣ).

[5]) Въ 1869—1876 г.г. съ перерывами; въ 1880—81 г.г. завоевалъ Ахалъ-Текинскій оазисъ, за что получилъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи и орд. Св. Георгія 2 ст.

[6]) Въ 1881 г. орд. Св. Георгія 4 ст.

если и предвидѣлось, то лишь весьма немногими изъ числа нашихъ военныхъ людей.

Изслѣдователи азіатскихъ странъ.

Значеніе нашихъ средне- и восточно-азіатскихъ окраинъ вообще сознавалось такими представителями генеральнаго штаба, какъ кап. Венюковъ и штабсъ-капитанъ Пржевальскій [1]), изъ коихъ особенно прославился послѣдній. Оба эти изслѣдователя сосѣднихъ съ Россіею азіатскихъ владѣній оставили по себѣ глубокій слѣдъ въ области географіи, какъ военной, такъ и общей и находящихся въ связи съ ней отраслей знанія.

Офицеръ генеральнаго штаба—дипломатъ.

Особеннаго вниманія не только каждаго русскаго воина, но и каждаго русскаго человѣка заслуживаетъ если не всеобъемлющая, то весьма много объемлющая дѣятельность питомца военной академіи 1851 г. Николая Павловича, впослѣдствіи графа, Игнатьева: съ 1852 г. офицеръ гвардейскаго генеральнаго штаба; въ 1854—55 г.г. оберъ-квартирмейстеръ войскъ, оборонявшихъ Балтійское побережье; въ 1856 г. военный агентъ въ Лондонѣ; въ 1857 г. во главѣ миссіи, посланной въ Хиву и Бухару; въ 1859 г. посланникъ въ Пекинѣ; въ 1860 г. заключилъ Пекинскій договоръ; въ 1861 г. генералъ-адъютантъ; въ 1861—64 г.г. директоръ азіятскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ; съ 1864 г. посланникъ, а съ 1867 г. чрезвычайный и полномочный посолъ въ Турціи, гдѣ высоко поднялъ престижъ и вліяніе Россіи; въ 1878 г. (19 февраля) заключилъ Санъ-Стефанскій договоръ [2]).

Дѣятельность его, такъ или иначе, охватила всѣ наши вѣроятные и дѣйствительные театры военныхъ дѣйствій. Онъ одинъ изъ нашихъ государственныхъ людей того времени могъ бы установить единство между политикою и стратегіею, но онъ выступилъ на это поприще слишкомъ рано, а потому и не далъ всего того, чего можно было отъ него ожидать.

Офицеры генеральнаго штаба въ разныхъ вѣдомствахъ. Фактическая роль академіи.

Въ это именно время офицеры генеральнаго штаба переходили отъ своей спеціальной службы къ самой разнообразной дѣятельности чуть ли не на всѣхъ поприщахъ и во всѣхъ вѣдомствахъ. Конечно,

---

[1]) Выпусковъ 1853 и 1863 г.г.

[2]) Результаты этого договора были уменьшены Берлинскимъ трактатомъ на конгрессѣ того же года, но не гр. Игнатьевъ былъ тамъ представителемъ Россіи.

противъ подобнаго перехода такихъ исключительно одаренныхъ талантами людей, какъ графъ Н. П. Игнатьевъ, возражать не приходится; но большее число такихъ переходовъ офицеровъ генеральнаго штаба не соотвѣтствуетъ цѣли, ради коей была учреждена военная академія. Это и составляетъ одинъ изъ недочетовъ нашей военной системы, преобразованной по идеямъ генералъ-адъютанта Милютина, который находилъ излишнимъ, чтобы военная академія представляла собою какъ бы «военный университетъ», а между тѣмъ допустилъ такого рода порядокъ, при которомъ академія и служба генеральнаго штаба являлись какъ бы разсадникомъ и школою универсальной подготовки къ какимъ угодно должностямъ какъ въ самомъ военномъ вѣдомствѣ, такъ и далеко за его предѣлами, короче—во всѣхъ вѣдомствахъ вообще.

Оцѣнка дѣятельности академіи.

Сама академія свое дѣло исполняла такъ, какъ это отъ нея требовалось и принесла большую пользу какъ генеральному штабу, такъ и всей арміи вообще, какъ это и подтверждается знаменательнымъ Высочайшимъ приказомъ 29-го января 1878 года, въ которомъ была объявлена Высочайшая благодарность начальнику, профессорамъ, преподавателямъ и штабъ-офицерамъ академіи за «отличную службу генеральнаго штаба» въ 1877—78 г.г., явившуюся результатомъ плодотворной дѣятельности академіи [1]).

Корпусъ военныхъ топографовъ.

Корпусъ военныхъ топографовъ, быстро возвысившійся при генералѣ Шубертѣ, вошелъ въ нормальную колею и продолжалъ свою полезную дѣятельность, выполняя то, что отъ него требовалось [2]).

Съ 1856 года геодезическое отдѣленіе академіи дало этому корпусу рядъ знающихъ свое дѣло, подчасъ и талантливыхъ геодезистовъ, изъ числа коихъ должны быть упомянуты: выпуска 1856 г.—пор. Рехневскій (позже профессоръ) и Стебницкій и шт.-кап. Форшъ; 1858 г.—пор. Жилинскій, 1860 г.—пор. Штубендорфъ (позже профессоръ) и Картаци; 1862 г.—пор. Коверскій; 1864 г.—шт.-кап. Артамоновъ и пор. Тилло; 1868 г.—шт.-кап. Шарнгорстъ (позже профессоръ) и кап. Цингеръ (позже профессоръ) и 1882 г.—пор. Витковскій [3]).

[1]) См. И. Ак. Г. Ш., 314 и 315.
[2]) И. К. В. Т., «Военный Сборникъ» и «Русскій Инвалидъ».
[3]) И. Ак. Г. Ш. (съ приложеніями).

Заключеніе о преобразовательной дѣятельности генералъ-адъютанта Милютина по отношенію къ генеральному штабу.

Преобразовательная дѣятельность генералъ - адъютанта Милютина сильно отразилась на всемъ нашемъ военномъ вѣдомствѣ вообще и на генеральномъ штабѣ въ особенности. Можно критиковать эту дѣятельность, но нельзя отказать ей въ извѣстной цѣльности, обдуманности и систематичности ея программы, а равно и въ послѣдовательности ея проведенія въ жизнь. Самая критика этой дѣятельности, произведенная въ настоящемъ очеркѣ, имѣетъ цѣлью лишь выясненіе ея погрѣшностей въ назиданіе будущимъ дѣятелямъ, а отнюдь не умаленіе несомнѣнныхъ ея достоинствъ и великихъ заслугъ того, кто произвелъ столь почтенную государственную работу, принесшую, въ общемъ, великую пользу Россіи, русской арміи и въ особенности русскому генеральному штабу.

Генеральный штабъ былъ выведенъ генералъ-адъютантомъ Милютинымъ изъ прежняго приниженнаго положенія; ему было открыто чрезвычайно широкое поприще для дѣятельности, далеко выходившей за предѣлы его спеціальности. Въ этомъ и заключалась сначала его сила, а затѣмъ и его слабость, ибо, разбрасываясь, онъ не могъ сосредоточиваться на главномъ своемъ дѣлѣ.

Съ теченіемъ времени исторія выяснитъ, что воспрепятствовало генералъ-адъютанту Милютину провести въ жизнь намѣреніе улучшить въ достаточной степени командный составъ нашей арміи. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что совершенствуемый по его идеямъ нашъ генеральный штабъ не могъ возмѣстить недостатки и слабыя стороны командпаго состава, а тѣмъ болѣе всей военной системы государства, и что такихъ надеждъ на него и возлагать не слѣдуетъ.

ГЛАВА IX.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ ВЪ 1881—1902 Г.Г.

ВСКОРѢ по вступленіи на престолъ Императора Александра III, 21 мая 1881 года, замѣстителемъ графа Д. А. Милютина въ должности военнаго министра былъ назначенъ командиръ 12-го армейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Ванновскій [1]).

Военный министръ генералъ-адъютантъ Ванновскій и начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Обручевъ.

Предшествовавшая дѣятельность генерала Ванновскаго, тѣсно связанная съ жизнью офицера и солдата, дала ему возможность ознакомиться до малѣйшихъ подробностей съ особенностями ихъ быта и съ ихъ нуждами. Сверхъ того, пройдя всѣ ступени военной іерархіи, онъ имѣлъ возможность близко узнать работу различныхъ органовъ военнаго управленія, а потому вступилъ въ управленіе военнымъ министромъ «съ огромнымъ запасомъ знаній, вынесеннымъ изъ долголѣтняго опыта».

Ближайшимъ сотрудникомъ новаго военнаго министра явился замѣститель графа Гейдена въ должности начальника главнаго штаба, генералъ-адъютантъ Обручевъ [2]).

---

[1]) С. В. М., I, 573—576.
[2]) См. главу VIII.

Вопросъ объ улучшеніи устройства военнаго управленія.

Ко времени вступленія на престолъ Императора Александра III, опытъ успѣлъ обнаружить нѣкоторые недостатки въ различныхъ отрасляхъ военнаго управленія и вообще во всей нашей военной системѣ, преобразованной по идеямъ графа Милютина.

Комиссія ген.-адъютанта графа Коцебу.

Въ октябрѣ 1881 года, по Высочайшему повелѣнію, была образована особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа П. Е. Коцебу, для обсужденія вопросовъ объ улучшеніи устройства военнаго управленія [1]).

Въ числѣ вопросовъ, подлежавшихъ обужденію этой комиссіи, находились слѣдующіе: а) будетъ ли удобно примѣнить у насъ германскую систему устройства центральнаго военнаго управленія, при которой въ лицѣ военнаго министра сосредоточены всѣ распорядительныя дѣйствія, касающіяся какъ войскъ, такъ хозяйственныхъ управленій, но въ то же время непосредственными докладчиками Императору, не подчиненными военному министру, являются два лица: начальникъ генеральнаго штаба, вѣдающій спеціальныя военно-учебныя работы этого корпуса, а также всѣ высшіе вопросы, касающіеся стратегическихъ операцій и подготовки средствъ для веденія войны, и начальникъ военнаго кабинета, въ которомъ сосредоточивается дѣлопроизводство по Императорской главной квартирѣ и по назначеніямъ на высшія военныя должности? и б) будетъ ли удобно примѣнить при настоящихъ условіяхъ ту систему, которая существовала у насъ въ царствованіе Императора Александра I и заключалась въ отдѣленіи управленія войсками отъ управленія хозяйственною частью, при чемъ первое находилось въ вѣдѣніи начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, а послѣднее въ вѣдѣніи военнаго министра?

Большинство комиссіи считало нужнымъ сохранить и впредь коренное основаніе существовавшей системы центральнаго военнаго управленія, при которомъ всѣ отрасли управленія войсками, хозяйственною частью и личнымъ составомъ сосредоточены у военнаго министра, являющагося единственнымъ докладчикомъ Государю Императору, тогда какъ меньшинство считало необходимымъ учре-

[1]) О составѣ этой комиссіи см. С. В. М. I, 579.

дить вновь должность начальника главнаго штаба Его Величества, предоставивъ въ его вѣдѣніе части инспекторскую и генеральнаго штаба, а часть военно-хозяйственную оставить въ вѣдѣніи военнаго министра, не подчиненнаго начальнику главнаго штаба Его Величества [1]).

Мнѣніе ген.-адъютанта Ванновскаго. Рѣшеніе вопроса отложено.

Генералъ-адъютантъ Ванновскій, раздѣлявшій мнѣніе большинства комиссіи, пользовался полнымъ довѣріемъ Императора Александра III. При такихъ условіяхъ мнѣніе меньшинства восторжествовать не могло. Рѣшеніе этого вопроса было отложено до разсмотрѣнія Государемъ Императоромъ общаго свода всѣхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ комиссіи [2]).

Частныя измѣненія системы военнаго управленія.

До конца XIX столѣтія существенныхъ измѣненій въ устройствѣ центральнаго военнаго управленія произведено не было, т.-е. система въ крупныхъ чертахъ оставалась та же; производились лишь частныя измѣненія ея деталей и вводились дополненія, признававшіяся назрѣвшими, подъ давленіемъ обстановки.

Новые отдѣлы главнаго штаба.

Увеличеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ и возрастаніе производившихся по нимъ перевозокъ и, въ особенности, необходимость тщательной подготовки работы желѣзныхъ дорогъ въ періодъ мобилизаціи и во время войны вызвали, въ 1885 году, образованіе въ составѣ главнаго штаба новаго отдѣла по перевозкѣ войскъ и военныхъ грузовъ [3]).

Быстрое расширеніе нашихъ азіатскихъ предѣловъ и усиленіе расположенныхъ тамъ войскъ повели, въ томъ же году, къ преобразованію азіатской части въ азіатскій отдѣлъ главнаго штаба [4]).

Измѣненіе въ организаціи окружныхъ управленій.

Въ организаціи военно-окружныхъ управленій особенно важное значеніе имѣли измѣненія, сдѣланныя въ видахъ лучшей подготовки мобилизаціи войскъ и организаціи дѣйствующей арміи: а) преобразованіе устройства штабовъ Виленскаго, Варшавскаго и Кіевскаго округовъ, произведенное съ такимъ расчетомъ, чтобы они уже и въ мирное время заключали въ себѣ кадры для всѣхъ главныхъ и большей

---

[1]) Оба они должны были имѣть докладъ у Государя Императора по своей части; военный министръ долженъ былъ докладывать въ присутствіи начальника главнаго штаба.

[2]) С. В. М., I, 578—585.

[3]) 3-е П. С. З., V, № 3.289.

[4]) 3-е П. С. З., VI, № 3.850.

части второстепенныхъ отдѣловъ соотвѣтствующаго полевого штаба [1]); вмѣсто двухъ помощниковъ начальника штаба [2]) были учреждены должности генералъ-квартирмейстера, дежурнаго генерала и начальника военныхъ сообщеній, съ предоставленіемъ имъ большихъ правъ и самостоятельности по завѣдыванію соотвѣтствующими отдѣлами штаба [3]); б) учрежденіе, въ составѣ окружныхъ штабовъ, мобилизованныхъ отдѣленій для разработки всѣхъ данныхъ для мобилизаціи войскъ [4]).

Другія мѣры, клонившіяся къ улучшеніямъ въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ.

Въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ имѣли также важное значеніе развитіе и упорядоченіе устройства крѣпостныхъ укрѣпленій [5]), равно какъ и сформированіе новыхъ корпусовъ [6]), вызвавшее образованіе соотвѣтствующихъ корпусныхъ штабовъ, а въ особенности преобразованія въ полевомъ управленіи войскъ въ военное время.

Положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время 1890 г.

Положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время было переработано на основаніи опыта войны 1877—78 гг. и получило силу закона 26 февраля 1890 года [7]). Главныя отличія новаго положенія отъ прежняго заключались въ слѣдующемъ:

Для дѣйствій на одномъ театрѣ войны формируются одна или нѣсколько армій; начальство надъ каждою изъ этихъ армій ввѣряется командующему арміею, а общее начальство надъ нѣсколькими арміями, если Государь Императоръ не начальствуетъ ими лично,— главнокомандующему арміями, который является представителемъ Лица Его Величества. Заботы по довольствію отдѣльныхъ армій переданы въ полное вѣдѣніе начальства этихъ армій; главнокомандующій же имѣетъ лишь общее наблюденіе за тѣмъ, чтобы мѣры по довольствію подчиненныхъ ему армій соотвѣтствовали его стратегическимъ соображеніямъ. Начальникъ штаба главнокомандующаго, какъ ближайшій сотрудникъ главнокомандующаго, въ случаѣ его болѣзни или смерти, долженъ вступать въ исправленіе его должности впредь до назначенія новаго главнокомандующаго.

---

[1]) Пр. в. в., 1881 г., № 134, 1888 г., № 266, 1892 г., №№ 105 и 204.
[2]) Пр. в. в., 1894 г., № 207.
[3]) Пр. в. в., 1892 г., № 219.
[4]) С. В. М., I, 610.
[5]) Пр. в. в. 1887 г., № 82.
[6]) Пр. в. в., 1888 г., № 222, 1892, № 257 и 1894 г., № 129; 1896 г., № 167 и 1897 г., № 294.
[7]) См. С. В. М., I, 615—617.

Штабъ главнокомандующаго составленъ изъ трехъ отдѣловъ: а) управленія генералъ-квартирмейстера; б) управленія дежурнаго генерала и в) желѣзнодорожнаго отдѣла штаба главнокомандующаго.

Полевое управленіе арміи составлено изъ 8 главныхъ и нѣсколькихъ второстепенныхъ отдѣловъ. Изъ главныхъ отдѣловъ начальнику штаба арміи были подчинены три: а) управленіе генералъ-квартирмейстера, б) управленіе дежурнаго генерала и в) управленіе начальника военныхъ сообщеній арміи; эти три управленія, съ канцеляріею полевого штаба, составили полевой штабъ арміи.

На начальника полевого штаба была возложена обязанность объединять дѣятельность всѣхъ частей полевого управленія, давая имъ необходимыя указанія, просматривая и докладывая всѣ письменныя представленія, восходящія къ командующему арміею, и присутствуя при личныхъ докладахъ послѣднему начальниковъ отдѣловъ полевого управленія.

Такимъ образомъ, вмѣсто 11 лицъ, подчиненныхъ командующему арміею, осталось только 6, что облегчило дѣятельность командующаго арміею. Равнымъ образомъ и дѣятельность начальника штаба арміи была облегчена благодаря: а) раздѣленію полевого штаба на нѣсколько самостоятельныхъ отдѣловъ, б) обращенію прежней личной его канцеляріи въ канцелярію полевого штаба [1]; в) изъятію второстепенныхъ мало самостоятельныхъ отдѣловъ изъ прямого подчиненія начальнику штаба и г) подчиненію ему начальника военныхъ сообщеній, которое облегчило ему объединеніе дѣятельности отдѣловъ полевого управленія и направленіе ихъ усилій къ общей цѣли.

Для облегченія быстраго формированія полевыхъ управленій, по положенію 1890 года, постановлено правиломъ, что управленія пограничныхъ военныхъ округовъ переформировываются въ управленія соотвѣтствующихъ армій, оставляя лишь часть своего личнаго состава для образованія военно-окружного управленія театра войны. При этомъ командующему войсками округа указано вступать въ должность командующаго арміею, формируемою во ввѣренномъ ему округѣ (если не послѣдуетъ иного Высочайшаго повелѣнія), а началь-

[1] Начальнику ея была предоставлена большая самостоятельность по веденію дѣлопроизводства.

нику штаба округа и начальникамъ другихъ отдѣловъ окружного управленія вступать въ должности начальника штаба арміи, интенданта арміи и т. д.; помощнику командующаго войсками округа оставаться на мѣстѣ начальникомъ военно-окружныхъ управленій, а помощникамъ начальниковъ отдѣловъ военно-окружныхъ управленій вступать въ завѣдываніе соотвѣтствующими отдѣлами временнаго военно-окружного управленія.

Оцѣнка выше отмѣченныхъ измѣненій въ системѣ военнаго управленія.

Не взирая на наличность нѣкоторыхъ недостатковъ въ положеніи о полевомъ управленіи войскъ въ военное время 1890 г., должно признать, что оно представляло большой шагъ впередъ, въ сравненіи съ предшествовавшимъ ему положеніемъ, и явилось наиболѣе крупнымъ законоположеніемъ, созданнымъ во время пребыванія генералъ-адъютанта Ванновскаго во главѣ военнаго министерства. Затѣмъ важное значеніе имѣли соотвѣтственныя перемѣны въ устройствѣ и функціонированіи окружныхъ управленій. Не легко понять, а еще труднѣе объяснить, почему не было проведено соотвѣтственное преобразованіе въ центральномъ управленіи нашими вооруженными силами по мирному времени и почему главный штабъ продолжалъ оставаться въ прежнемъ своемъ видѣ и устройствѣ, неся на себѣ такую массу обязанностей и вѣдая такое множество дѣлъ, какихъ не знало ни одно изъ соотвѣтствующихъ управленій другихъ европейскихъ армій.

Строевое управленіе.

Въ строевомъ управленіи войскъ существенныхъ перемѣнъ не было, за исключеніемъ только нѣкотораго пониженія начальника дивизіоннаго штаба, которое нисколько не вызывалось необходимостью.

Вліяніе отмѣченныхъ перемѣнъ на улучшеніе подготовки къ войнѣ и соотвѣтствующей подготовки офицеровъ генеральнаго штаба. Что ограничивало это вліяніе?

Съ измѣненіемъ организаціи военно-окружныхъ управленій въ смыслѣ подготовки ихъ къ превращенію въ полевые штабы арміи получилась возможность улучшить дѣло подготовки къ войнѣ въ военныхъ округахъ и ввести большую систематичность въ соотвѣтствующую подготовку офицеровъ генеральнаго штаба тамъ же, въ военныхъ округахъ, но для того, чтобы это преобразованіе дало ощутительные и при томъ положительные результаты, нужны были: достаточное время и соотвѣтственное направленіе этого дѣла. Послѣднее не могло быть повсюду одинаково въ виду отсутствія объединяющаго и все направляющаго центральнаго органа, ибо начальникъ главнаго штаба, являвшійся въ то же время и начальникомъ генеральнаго штаба, но обремененный массою обязанностей и работъ, и его по-

мощникъ, какъ бы замѣнявшій прежняго генералъ-квартирмейстера, но не занимавшій соотвѣтствующаго служебнаго положенія, установленнаго закономъ, и также обремененный дѣлами, не имѣли никакой возможности направлять службу генеральнаго штаба такъ, какъ это дѣлалось, напримѣръ, въ прусской, позже въ германской арміи «большимъ генеральнымъ штабомъ», съ особымъ начальникомъ генеральнаго штаба во главѣ.

Стремленіе къ сближенію генеральнаго штаба со строемъ.

Сознавалась необходимость сблизить генеральный штабъ со строемъ, что и вызвало рядъ частныхъ мѣропріятій, касавшихся прикомандированія офицеровъ генеральнаго штаба къ войскамъ для командованія ротами, эскадронами и баталіонами [1]); въ видѣ исключеній практиковались таковыя же прикомандированія генераловъ генеральнаго штаба для командованія бригадами [2]).

Такимъ образомъ существенныхъ измѣненій въ дѣлѣ сближенія генеральнаго штаба со строемъ произведено не было; были только нѣсколько усилены требованія въ отношеніи отбытія строевого ценза, но это усиленіе не имѣло общаго характера, т.-е. попрежнему не всѣ офицеры генеральнаго штаба были въ достаточной степени знакомы со строемъ; нерѣдко попадались и весьма мало съ нимъ знакомые, которые по генеральному штабу продвигались быстрѣе своихъ товарищей, не только отбывшихъ обязательные цензы, но и хорошо знающихъ строй и вообще всѣ условія службы и быта войскъ.

Недостатокъ надлежащихъ руководителей генеральнаго штаба. Отсутствіе единой школы.

Необходимость усовершенствованія командного состава сознавалась вполнѣ; принимались мѣры въ видахъ тщательной оцѣнки и подбора кандидатовъ на должности строевыхъ начальниковъ, начиная съ командира отдѣльной части и выше; но улучшенія командного состава не послѣдовало, вслѣдствіе чего, попрежнему, офицеры генеральнаго штаба, служившіе при войскахъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣли надлежащихъ руководителей, а такъ какъ и руководители ихъ по спеціальной службѣ генеральнаго штаба не-

---

[1]) Пр. в. в., 1884 г., № 123 (о командованіи эскадронами) и 1885 г. № 152 (о командованіи ротою до производства въ подполковники и баталіономъ въ теченіе 1 сбора). Позже обязательный срокъ командованія ротою и эскадрономъ былъ увеличенъ до двухъ лѣтъ.

[2]) Обыкновенно на время лѣтнихъ сборовъ, т.-е. на нѣсколько мѣсяцевъ. Позже срокъ командованія бригадою для лицъ, не командовавшихъ полками, увеличенъ до одного года.

рѣдко не находились на высотѣ своего назначенія [1]), то, въ общемъ надлежащей, единой для всей арміи школы не было: подготовка каждаго, отдѣльно взятаго, офицера генеральнаго штаба, какъ при войскахъ, такъ и въ штабахъ, зависѣла больше всего отъ случайностей.

Оцѣнка состава генеральнаго штаба въ качественномъ отношеніи. Что порождало эти качества? Какъ выполняла свои задачи академія?

Если, при такихъ условіяхъ, составъ нашего генеральнаго штаба былъ все же, въ общемъ, хорошъ, то это свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о томъ, что въ самой арміи имѣлось достаточное число хорошихъ офицеровъ; во-вторыхъ, о томъ, что условія службы и жизни способствовали стремленію ихъ въ генеральный штабъ и что академія (независимо отъ неизбѣжныхъ частныхъ въ ней несовершенствъ), въ общемъ, выполняла свое главное назначеніе настолько, что большаго отъ нея, при извѣстныхъ условіяхъ, требовать не приходилось.

Въ апрѣлѣ 1878 года во главѣ академіи былъ поставленъ генералъ-адъютантъ Драгомировъ. Незадолго до того, съ высоты Престола было признано, что академія удовлетворяетъ своему назначенію [2]).

При такихъ условіяхъ вопросъ о преобразованіяхъ въ академіи не могъ быть возбуждаемъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Но общій голосъ и начальствующихъ лицъ, и военнаго общества высказывался въ пользу принятія мѣръ къ тому, чтобы увеличить число офицеровъ генеральнаго штаба, даваемыхъ академіею для генеральнаго штаба, дабы этотъ штабъ не только могъ пополнять свой комплектъ, особенно въ младшихъ чинахъ, но и образовалъ бы нѣкоторый запасъ чиновъ на случай усиленія арміи.

Увеличеніе числа обучающихся въ академіи офицеровъ.

Идя навстрѣчу этому требованію, конференція академіи ходатайствовала: а) о сокращеніи обязательнаго срока для поступленія въ академію съ 4-хъ на три года (въ томъ числѣ непремѣнно 2 года въ строю); б) объ ограниченіи чиновъ поступающихъ въ академію офицеровъ чиномъ поручика гвардіи, штабсъ-капитана спеціальныхъ родовъ войскъ и капитана арміи; в) о томъ, чтобы число поступающихъ въ академію не ограничивалось никакою нормою. Хотя хода-

[1]) Такъ какъ и система назначеній по генеральному штабу, въ общемъ, мало отличалась отъ системы назначеній на должности строевыхъ начальниковъ.

[2]) См. главу VIII.

тайство это не было узаконено, но въ 1879—1882 г.г. имъ разрѣшалось руководствоваться при пріемѣ офицеровъ въ академію.

Въ результатѣ число офицеровъ, обучавшихся въ академіи, быстро увеличилось, по крайней мѣрѣ вдвое, но, до конца пребыванія во главѣ академіи генерала Драгомирова и даже въ началѣ дѣятельности его замѣстителя, генералъ-лейтенанта Леера [1]), академія стремилась сохранить упрочившееся въ ней устройство, допуская въ немъ лишь небольшія поправки, вызываемыя необходимостью, главное же стараніе было обращено на то, чтобы, увеличивая число проходящихъ черезъ академію офицеровъ, не ослаблять при этомъ степени ихъ подготовки къ службѣ въ генеральномъ штабѣ.

Нареканія на академію.

Если уже въ это время многимъ казалось, что результаты такой дѣятельности академіи какъ бы начинаютъ не соотвѣтствовать возлагаемымъ на нее надеждамъ, то не удивительно, что, послѣ узаконенія пріема въ академію большаго, въ сравненіи съ прежнимъ, числа офицеровъ [2]), въ связи съ установленіемъ возвращенія изъ академіи въ строй части офицеровъ по окончаніи неполнаго, 2-хлѣтняго курса [3]), академія начала подвергаться разнаго рода нареканіямъ и въ ея несовершенствахъ стали отыскивать причины замѣчаемыхъ [4]) несовершенствъ всего генеральнаго штаба.

---

[1]) Генрихъ Антоновичъ Лееръ родился 4 апрѣля 1829 г. Получилъ образованіе въ Ларинской гимназіи и въ главномъ инженерномъ училищѣ; 1850 г. выпущенъ въ офицеры на Кавказъ, въ 3-й рез. саперный баталіонъ; 1851 г.—участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Большой Чечнѣ; 1852 г. — поступилъ въ военную академію, изъ которой выпущенъ, въ 1854 г., въ распоряженіе командующаго войсками въ Эстляндіи; въ мартѣ 1855 г. переведенъ въ генеральный штабъ; 1856 г. назначенъ состоять при департаментѣ генеральнаго штаба и съ этого времени началъ свою педагогическую дѣятельность, съ 1858 г. въ академіи (и. д. адъюнктъ-профессора); 1860 адъюнктъ-профессоръ; 1861 г.—профессоръ; 1873 г.—заслуженный профессоръ; 1882 г.—ген.-лейтенантъ; 1889 г.—начальникъ академіи; 1896 г. ген. отъ инфантеріи; 1898 г. членъ военнаго совѣта. Умеръ 16 апрѣля 1904 г. Его военно-ученая и военно-литературная дѣятельность началась въ 50-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Въ исторіи стратегіи онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, наравнѣ съ Ллойдомъ, Жомини и Клаузевицемъ. См. статью о немъ составителя сего очерка въ «Развѣдчикѣ», 1904 г.

[2]) Окончательно число офицеровъ, обучающихся въ академіи (включая и геодезическое отдѣленіе), было опредѣлено въ 314 человѣкъ.

[3]) Эта идея принадлежала Г. А. Лееру. Съ нимъ не соглашалось большинство профессоровъ академіи, не ожидавшее отъ этой мѣры благопріятныхъ результатовъ.

[4]) Иногда дѣйствительно существовавшихъ, а иногда и кажущихся.

Академіи, конечно, были присущи нѣкоторыя несовершенства, значеніе коихъ, съ теченіемъ времени, могло лишь усугубляться; необходимо было энергичное стремленіе къ ихъ устраненію, которое проявлялось не всегда [1]); но, въ общемъ, академія и въ этотъ періодъ, какъ и въ предшествующіе, выполняла свои задачи хорошо [2]). Конечно, увеличеніе числа обучающихся въ академіи офицеровъ, въ сочетаніи съ возвращеніемъ значительной ихъ части въ строй, безъ права окончанія полнаго курса и перевода въ генеральный штабъ, отвлекало академію отъ ея назначенія, какъ подготовительной школы генеральнаго штаба, и сверхъ того выбивало изъ колеи офицеровъ, возвращаемыхъ въ строй, которые въ строю не оставались и переходили на службу въ разныя вѣдомства, т.-е. строю пользы не приносили.

Но въ упомянутыхъ несовершенствахъ нашего генеральнаго штаба академія была неповинна.

Въ 80-хъ и особенно въ 90-хъ годахъ минувшаго столѣтія замѣчалось, все въ большей мѣрѣ, ухудшеніе качествъ контингента слушателей, допускаемыхъ въ академію, въ чемъ были повинны семья и средняя школа, не дававшія молодымъ людямъ ни необходимаго воспитанія, ни соотвѣтствующаго развитія и образованія. Наша средняя военная школа имѣла отчасти тѣ же недостатки, которые были присущи средней школѣ гражданской и которые не уравновѣшивались ея достоинствами. Среднія школы, какъ гражданская, такъ и военная, безразлично, выпускали юношей, болѣе или менѣе слабо воспитанныхъ и даже иногда вовсе не воспитанныхъ, болѣе или менѣе слабо образованныхъ и недостаточно развитыхъ и усвоившихъ себѣ неправильное отношеніе къ наукѣ вообще и неправильные пріемы въ дѣлѣ ученія въ особенности. Военныя училища не могли вполнѣ перевоспитать и переучить такихъ юнкеровъ и, въ свою очередь, выпускали офицеровъ, еще не достигшихъ той степени развитія, которая необходима для начальника, хотя бы только начинающаго свою начальни-

---

[1]) Особенно это было ощутительно при Г. А. Леерѣ, первоклассномъ ученомъ и высокоталантливомъ профессорѣ, но не обладавшемъ качествами, необходимыми для начальника и администратора.

[2]) Настолько, насколько она могла ихъ выполнять при данныхъ условіяхъ (увеличеніе числа обучающихся, ухудшеніе ихъ подготовки до поступленія въ академію и т. д.).

ческую дѣятельность; юнкерскія же училища давали своимъ питомцамъ лишь большую готовность къ практической дѣятельности на первыхъ же порахъ; въ общемъ, войска получали изъ училищъ офицеровъ, не подготовленныхъ къ исполненію всѣхъ своихъ обязанностей, а главное не пріобрѣвшихъ охоты къ самоусовершенствованію.

При такихъ условіяхъ академіи приходилось выполнять не только свою собственную задачу, но и не додѣланныя части задачъ средней школы и военнаго (или юнкерскаго) училища; мало того, ей приходилось перевоспитывать уже совершенно взрослыхъ людей, съ сложившимися взглядами и убѣжденіями.

Гдѣ коренились причины несовершенствъ генеральнаго штаба.

Такимъ образомъ причины извѣстныхъ несовершенствъ нашего генеральнаго штаба коренились не въ академіи и даже не въ самомъ генеральномъ штабѣ, но внѣ его, въ соотвѣтствующихъ несовершенствахъ всей военной системы государства, въ ряду коихъ важнѣйшими являлись: а) несовершенства организаціи высшаго военнаго управленія, особенно главнаго штаба; б) недостатки высшаго командованія; в) недостаточно правильная организація и неправильная постановка генеральнаго штаба, безъ которыхъ была немыслима и надлежащая его подготовка.

Проектъ новой организаціи главнаго штаба, составленный ген. Обручевымъ.

Отмѣченные недочеты нашей военной системы, такъ или иначе отражавшіеся на нашемъ генеральномъ штабѣ, сознавались начальникомъ главнаго штаба генералъ-адъютантомъ Обручевымъ, который обратилъ особенное вниманіе на несовершенства организаціи главнаго штаба [1]).

Въ 1894 году онъ представилъ военному министру вполнѣ законченный и разработанный во всѣхъ подробностяхъ проектъ новой организаціи главнаго штаба.

Въ этомъ проектѣ главному штабу придавался характеръ учрежденія, организованнаго на болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ другія главныя управленія, съ которыми главный штабъ трудно было сравнивать по объему и по значенію лежавшихъ на немъ задачъ.

Генералъ-адъютантъ Ванновскій призналъ необходимымъ разсмотрѣть одновременно штаты всѣхъ главныхъ управленій и 23 января 1897 года испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе для сего

[1]) С. В. М., I, 647—651.

особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Лобко.

Въ основаніе работъ этой комиссіи были положены, между прочимъ, слѣдующія указанія: а) сохранить существовавшее внутреннее устройство составныхъ частей военнаго министерства, въ видахъ соблюденія однообразія съ внутреннимъ устройствомъ прочихъ министерствъ [1]) и б) допустить только такія (въ изъятіе изъ этого порядка) преобразованія, которыя обусловливались неизбѣжною потребностью согласовать внутреннее устройство главныхъ управленій съ устройствомъ тѣхъ изъ окружныхъ управленій, организація коихъ измѣнилась согласно указаніямъ опыта послѣдней войны и мобилизаціоннымъ потребностямъ.

Повидимому, генералъ-адъютантъ Ванновскій опасался, чтобы возвышеніе главнаго штаба, а съ нимъ и генеральнаго штаба, не привело къ чему-либо, напоминающему преобразованіе управленія военнымъ вѣдомствомъ по идеямъ князя Волконскаго 1815 года.

Комиссія генерала Лобко приступила къ указаннымъ работамъ, а въ то же время и генералъ Обручевъ подвергъ пересмотру свой проектъ, въ видахъ согласованія его съ вышеприведенными указаніями; но затѣмъ дѣло это не получило дальнѣйшаго развитія въ виду предстоявшаго оставленія своихъ постовъ генералами Ванновскимъ, Обручевымъ и Лобко.

НАЗНАЧЕНІЕ НА ДОЛЖНОСТЬ ВОЕННАГО МИНИСТРА ГЕН.-ЛЕЙТ. КУРОПАТКИНА.

Къ началу 1898 года генералъ-адъютантъ Ванновскій былъ уволенъ отъ должности военнаго министра, а на его мѣсто назначенъ генералъ-лейтенантъ Куропаткинъ [2]), предшествовавшая дѣятель-

[1]) Курсивъ составителя очерка.

[2]) Родился въ 1848 г. Въ 1866 г. подпоручикъ 1 Турк. стр. баталіона; участвовалъ въ кампаніи 1867—68 г.г.; 1874 г. (по окончаніи академіи) за границею, съ ученою цѣлью; былъ 11 мѣсяцевъ въ Алжирѣ; съ конца 1875 г. въ Туркестанѣ; въ походѣ 1875—1876 г.г. былъ и. о. начальника штаба ген. Скобелева, получилъ чинъ капитана и орденъ Св. Георгія 4 ст. за Учъ-Курганъ; въ 1876—1877 г.г. во главѣ посольства въ Кашгарію, при чемъ раненъ въ руку; объ участіи его въ походѣ 1877 г. см. выше (главу VIII). 1878 г.—завѣдывалъ азіятскою частью главнаго штаба и былъ ад.-профессоромъ военной статистики въ акад. ген. штаба; 1879 г.—командующій Турк. стр. бригадою; въ 1880—81 г.г. въ ахалъ-текинской экспедиціи — привелъ отрядъ изъ Туркестана и получилъ орденъ Св. Георгія 3 ст. за штурмъ Геокъ-Тепе; 1883 г. — при главномъ штабѣ; 1890 г, — ген.-лейтенантъ, начальникъ Закаспійской области и командующій въ ней войсками.

ность котораго отличалась большимъ разнообразіемъ, при чемъ почти половина его службы протекла въ Средней Азіи, впрочемъ, съ довольно продолжительными перерывами [1]).

Въ его лицѣ на этотъ въ высшей степени трудный и отвѣтственный постъ, требующій самого широкаго кругозора, вступилъ представитель Туркестанской боевой школы, создавшейся на почвѣ сравнительно мелкихъ военныхъ операцій, который, къ тому же, подвизался тамъ хотя и съ честью и даже славою, но не въ роли руководителя или самостоятельнаго распорядителя, а только въ роляхъ докладчика или исполнителя чужихъ предначертаній [2]). Его боевая практика въ 1877 году была также весьма почтенна, но и здѣсь онъ занималъ не самостоятельный постъ начальника штаба при такомъ первоклассномъ военномъ человѣкѣ, какъ Скобелевъ. Вполнѣ самостоятельная дѣятельность выпала на его долю лишь во время мира въ 1890—1897 г.г., въ должностяхъ начальника Закаспійской области и командующаго въ ней войсками [3]).

Оцѣнка дѣятельности генералъ-адъютанта Обручева. Его замѣститель генералъ Сахаровъ и первый его помощникъ ген. Уссаковскій.

Въ это же время оставилъ свой постъ начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Обручевъ [4]), вложившій свое знаніе дѣла, всю свою энергію и вообще всѣ свои силы въ дѣло усовершенствованія нашей подготовки къ войнѣ на томъ вѣроятномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, который онъ считалъ главнымъ, т.-е. на западномъ фронтѣ [5]). Во имя справедливости должно признать, что положительные результаты соотвѣтственной дѣятельности генералъ-адъютанта Ванновскаго если и были достигнуты, то лишь благодаря отмѣченной работѣ генералъ-адъютанта Обручева.

---

[1]) 1871—1875 г.г. (въ академіи и за границею); 1877—1879 г.г. (на войнѣ 1877—78 г.г. и въ главномъ штабѣ); 1883—1890 г.г. (исполнялъ важныя стратегическія работы).

[2]) Самостоятельно онъ велъ только отрядъ изъ Туркестана къ Скобелеву въ 1880 г.

[3]) О дѣятельности его на этомъ посту см. С. В. М., I, 644.

[4]) См. выше (главу VII). Родился въ 1830 г. Съ 1856 адъюнктъ-профессоръ (воен. статистики); 1857 г. профессоръ; 1859—1863 г.г. начальникъ штаба 2 гвард. пѣх. дивизіи; 1863—1867 г.г. дѣлопроизводитель воен.-уч. ком. гл. штаба; 1867—1881 г.г. управляющій дѣлами того же комитета; съ 19 февраля до 10 іюня 1881 г. помощникъ начальника главнаго штаба; въ 1881—1897 г.г. начальникъ главнаго штаба; съ 31 декабря 1897 г. членъ государственнаго совѣта.

[5]) Онъ имѣлъ полное основаніе считать главнымъ именно этотъ театръ дѣйствій

На его мѣсто начальникомъ главнаго штаба былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Сахаровъ [1]), а его первымъ помощникомъ [2]) генералъ-маіоръ Уссаковскій [3]).

Программа генерала Куропаткина.

Точное опредѣленіе программы, съ которою вступилъ въ управленіе военнымъ вѣдомствомъ генералъ Куропаткинъ, можетъ составить задачу лишь будущаго историка; пока же можно только признать, что въ основѣ этой программы лежалъ научный эклектизмъ, въ сочетаніи съ житейскимъ оппортунизмомъ, при условіи проявленія болѣе или менѣе сильнаго вліянія элемента случайностей.

Новое положеніе о главномъ штабѣ. Проведеніе его въ жизнь.

На первыхъ порахъ было признано необходимымъ возобновить дѣятельность комиссіи генерала Лобко [4]), при чемъ во главѣ этой комиссіи былъ поставленъ генералъ Гончаровъ [5]).

Проектъ преобразованія главнаго штаба былъ въ 3-ій разъ подвергнутъ пересмотру, а 14 марта 1900 года основанія этого проекта, за нѣкоторыми лишь измѣненіями, были Высочайше утверждены, послѣ чего явилась возможность приступить къ составленію положенія о главномъ штабѣ и штата того же штаба.

По новому «положенію», въ случаѣ болѣзни или отсутствія военнаго министра, начальникъ главнаго штаба долженъ былъ вступать въ исправленіе его должности, если только Государемъ Императоромъ не будетъ для сего назначено особое лицо.

Главный штабъ составленъ изъ пяти управленій: а) перваго генералъ-квартирмейстера, б) второго генералъ-квартирмейстера, в) дежурнаго генерала, г) военныхъ сообщеній и д) военно-топографическаго.

Въ вѣдѣніи главнаго штаба, попрежнему, оставлены: а) Николаевская академія генеральнаго штаба и корпуса: б) офицеровъ генеральнаго штаба, в) военныхъ топографовъ и г) фельдъегерскій.

---

[1]) Викторъ Викторовичъ родился въ 1848 г. Выпуска изъ академіи 1875 г. Въ 1876—1878 г.г. въ штабѣ дѣйствующей арміи; въ 1878—1889 г.г. при войскахъ гвардіи и Петерб. воен. округа; 1890 — 1898 г.г. помощникъ начальника штаба и ген.-квартирм. Варш. воен. округа и начальникъ штаба Одесскаго воен. округа; 1898—1904 г.г. начальникъ главнаго штаба; въ 1904 г. военный министръ.

[2]) Въ вѣдѣніи котораго состоялъ генеральный штабъ.

[3]) Евгеній Евгеніевичъ. Выпуска изъ академіи 1876 г. Въ 1877—1878 г.г. въ штабѣ дѣйствующей арміи; въ 1878—1882 г.г. въ Петерб. воен. округѣ; въ 1882—1895 г.г. въ главномъ штабѣ; 1895—1897 г.г. начальникъ штаба 10-го корпуса и помощникъ нач. главн. упр. казачьихъ войскъ.

[4]) См. выше.

[5]) С. В. М., I, 651—653.

По финансовымъ соображеніямъ проведеніе въ жизнь новаго положенія о главномъ штабѣ было отложено до болѣе благопріятнаго времени. Однако, вслѣдствіе политическихъ осложненій, а затѣмъ и военныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ, явилась необходимость осуществить безотлагательно нѣкоторую часть реорганизаціоннаго проекта, чтобы создать немедленно главнѣйшіе органы для наилучшаго руководства военными дѣйствіями на столь отдаленныхъ театрахъ войны и упорядочить доставку туда войскъ и военныхъ грузовъ.

Съ этою цѣлью, въ 1900 же году, въ составѣ главнаго штаба были образованы два новыя отдѣленія: оперативное и статистическое. Эти отдѣленія, вмѣстѣ съ канцеляріею военно-ученаго комитета, нѣсколько сокращенною въ своемъ составѣ, образовали часть генералъ-квартирмейстера; отдѣлъ же главнаго штаба по передвиженію войскъ и военныхъ грузовъ былъ преобразованъ въ управленіе военныхъ сообщеній [1]).

Генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба былъ назначенъ генералъ-маіоръ Жилинскій [2]).

Въ такомъ видѣ главный штабъ просуществовалъ до 1903 года, когда было проведено въ жизнь полностью выше разсмотрѣнное «положеніе» 1900 года, на основаніи коего главный штабъ функціонировалъ и во время войны съ Японіею 1904—1905 г.г.

Оцѣнка произведенной перемѣны въ организаціи главнаго штаба.

Такимъ образомъ организація главнаго штаба была нѣсколько улучшена; но, попрежнему, начальникъ главнаго штаба оставался и главнымъ начальникомъ всего генеральнаго штаба, каковымъ могъ быть только по имени, но не фактически; генералъ-квартирмейстеръ, по организаціи 1900 года, не могъ его въ этомъ отношеніи вполнѣ замѣстить, ибо имѣлъ много своего прямого дѣла по подготовкѣ къ войнѣ; въ остальномъ начальника главнаго штаба, попрежнему, какъ бы замѣщалъ его первый помощникъ, т.-е. короче говоря, начальника

---

[1]) Пр. в. в., 1900 г., № 366.

[2]) Яковъ Григорьевичъ Жилинскій; выпуска изъ академіи 1883 г.; началъ службу въ Кавалергардскомъ полку; въ канцеляріи военно-ученаго комитета гл. штаба въ 1887—1898 г.г.; былъ въ командировкахъ на Гаагской конференціи и на театрѣ дѣйствій въ испано-американскую войну; командиръ 52 драг. Нѣжинскаго полка въ 1899—1900 г.г.; 2-й генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба съ 1 мая 1903 до 29 января 1904 г.; начальникъ полевого штаба Намѣстника Е. И. В. и главнокомандующаго на Дальнемъ Востокѣ съ 29 янв. 1904 г. до 9 янв. 1905 г.

генеральнаго штаба не было вовсе; не было лица, отвѣтственнаго за благоустройство и правильное функціонированіе генеральнаго штаба; некому было и заботиться объ устраненіи недочетовъ въ дѣлѣ организаціи, постановки и подготовки генеральнаго штаба. Недочеты эти были устранимы, но нужно было ихъ выяснить и сознать, а между тѣмъ по этому вопросу среди лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ этому дѣлу, господствовало полное разногласіе.

Возможно ли было устраненіе недочетовъ въ организаціи, постановкѣ и подготовкѣ генеральнаго штаба? Была ли у насъ въ этотъ періодъ надлежащая школа генеральн. штаба?

Продолжались попытки взвалить отвѣтственность за упомянутые недочеты на академію, которыя, однако, были столь же слабо обоснованы, какъ и прежнія, ибо никакая школа не можетъ подготовить практическихъ дѣятелей; недочеты, дѣйствительно существовавшіе въ академіи, конечно, слѣдовало устранять, но не слѣдовало убаюкивать себя тѣмъ предположеніемъ, что больше ничего и не требуется для усовершенствованія генеральнаго штаба.

А руководители генеральнаго штаба, какъ на высшихъ командныхъ, такъ нерѣдко и на соотвѣтствующихъ спеціальныхъ постахъ, попрежнему, не находились на высотѣ своего назначенія; попрежнему начальники штабовъ считались отвѣтственными не только за свои погрѣшности, но и за ошибки и неправильныя дѣйствія своихъ начальниковъ.

Въ результатѣ, не взирая на наличность многихъ отличныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, устраненіе упомянутыхъ недочетовъ едва ли было возможно, а служба всего этого корпуса не приносила нашей арміи той пользы, которой можно и должно было отъ него ожидать и требовать: если до 1898 года не было у насъ въ арміи надлежащей, единой школы генеральнаго штаба, то, начиная съ 1898 года, внесено было разстройство и въ имѣвшееся до того времени подобіе этой школы. Иначе и быть не могло, ибо разстройство всей нашей военной системы, обращавшее на себя вниманіе нѣкоторыхъ наблюдателей, не только за границею, но и у насъ въ Россіи, еще до 1898 года,—именно начиная съ этого года, стало быстро развиваться, а на генеральномъ штабѣ это положеніе дѣлъ отражалось особенно сильно, сильнѣе, чѣмъ на другихъ частяхъ нашей арміи.

Подготовка къ войнѣ. Отвѣтственъ ли весь генеральный штабъ за недочеты въ этой подготовкѣ?

Въ связи съ такимъ положеніемъ дѣлъ наша подготовка къ войнѣ не только перестала совершенствоваться, но даже начала ухудшаться, не исключая и западнаго фронта. Правда, одною изъ причинъ

ухудшенія нашей подготовки къ войнѣ на западномъ фронтѣ была необходимость развить и улучшить таковую же подготовку на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ, со времени японо-китайской войны 1894—1895 г.г., выступилъ новый противникъ, весьма быстро усиливавшійся и готовившійся къ войнѣ съ Россіею. Правда и то, что въ самомъ приступѣ къ развитію нашихъ вооруженныхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ (еще до 1898 года) были допущены довольно существенныя погрѣшности, какъ, напр., развертываніе слишкомъ малочисленныхъ, а иногда и недостаточно прочныхъ кадровъ, въ видахъ образованія восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ частей и вообще довольно ощутительное допущеніе импровизаціи въ дѣлѣ устройства этой части нашей арміи.

Однако, начиная съ 1898 года, въ нашемъ военномъ управленіи утвердилась система, приведшая къ разстройству всѣ части нашей арміи и быстро приблизившая ихъ къ типу армій милиціоннаго характера, что давало себя чувствовать уже со времени военныхъ дѣйствій въ Китаѣ 1900 года. Подобное разжиженіе постоянной арміи, въ связи съ лишеніемъ ея организаціи необходимой устойчивости, не могло не отражаться и на генеральномъ штабѣ, который и самъ никакъ не могъ дождаться правильной организаціи и постановки, а теперь, вдобавокъ къ этому, былъ еще пущенъ внизъ по теченію разстройства всей арміи. Отсюда и всѣ соотвѣтственныя послѣдствія.

Достаточно отмѣтить, что почти всѣ офицеры генеральнаго штаба, не только долго служившіе на Дальнемъ Востокѣ, но даже просто побывавшіе тамъ въ 1900 году, признавали, что Японія является весьма серьезнымъ противникомъ. Между тѣмъ, повидимому, предпочтеніе отдавалось мнѣніямъ немногихъ лицъ, оцѣнивавшихъ положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ болѣе или менѣе оптимистически. Въ результатѣ чуть ли не весь генеральный штабъ былъ обвиненъ въ неправильной оцѣнкѣ силы Японіи и въ томъ, что противъ нея не были нами выставлены силы, достаточныя въ численномъ и вполнѣ подготовленныя въ боевомъ отношеніи.

Едва ли необходимо доказывать, что весь генеральный штабъ не можетъ считаться отвѣтственнымъ за соображенія, мнѣнія и рѣшенія лица, стоявшаго во главѣ военнаго министерства, хотя бы основанныя на докладахъ двухъ, трехъ офицеровъ генеральнаго штаба. Вообще

нападки на весь нашъ генеральный штабъ въ этомъ отношеніи не основательны. Отдѣльныя же личности могутъ отвѣчать предъ судомъ исторіи.

Генеральный штабъ, какъ вспомогательный органъ высшаго военнаго управленія и онъ же на службѣ внѣ военнаго вѣдомства.

Въ качествѣ вспомогательнаго органа высшаго военнаго управленія, нашъ генеральный штабъ, въ разсматриваемый періодъ, исполнялъ то, что отъ него требовалось. Можно поставить вопросъ, не слишкомъ ли велико было стремленіе офицеровъ генеральнаго штаба къ службѣ въ высшихъ штабахъ и даже въ управленіяхъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ службою генеральнаго штаба, не говоря уже о стремленіи ихъ же къ службѣ внѣ военнаго вѣдомства? Пожалуй, придется признать, что это стремленіе дѣйствительно проявлялось довольно сильно, но это объясняется слѣдующими обстоятельствами: а) потребностью въ способныхъ и образованныхъ людяхъ, ощущавшеюся во всѣхъ вообще вѣдомствахъ, а въ частности въ штабахъ и управленіяхъ военнаго вѣдомства; б) уничтоженіемъ замкнутаго характера корпуса генеральнаго штаба и возвышеніемъ значенія этого корпуса при военномъ министрѣ генералъ-адъютантѣ Милютинѣ; в) отсутствіемъ правилъ, ограничивающихъ прикомандированія офицеровъ генеральнаго штаба и вообще службу ихъ въ другихъ вѣдомствахъ, и г) извѣстною приниженностью службы военной, а въ особенности строевой, въ сравненіи съ службою въ нѣкоторыхъ другихъ вѣдомствахъ и въ управленіяхъ. Можно было, не служа совершенно при войскахъ и нося при этомъ мундиръ генеральнаго штаба, достичь весьма высокихъ чиновъ и соотвѣтственно высокаго положенія. Конечно, говоря теоретически, было бы желательно, чтобы офицеры генеральнаго штаба проявляли достаточную склонность къ самопожертвованію и не были карьеристами; но, на практикѣ, требовать этого нельзя; вмѣсто этого должно урегулировать ихъ положеніе юридически, при чемъ служба генеральнаго штаба должна все же оставаться достаточно привлекательною и даже заманчивою, конечно, не въ ущербъ тѣмъ офицерамъ, прошедшимъ курсъ академіи, которые пожелали бы продолжать службу въ строю; такіе офицеры должны продвигаться наравнѣ съ офицерами генеральнаго штаба.

Генеральный штабъ, какъ вспомогательный органъ высшаго командованія.

Въ качествѣ вспомогательнаго органа высшаго командованія генеральный штабъ въ этотъ, какъ и въ предшествовавшій ему періодъ, долженъ былъ не только исполнять свои собственныя обязанности, но,

въ большей части случаевъ, работать и отвѣчать за само высшее командованіе, а такъ какъ бывали случаи, когда начальниками большихъ штабовъ назначались лица, совершенно не знакомыя ни съ службою генеральнаго штаба, ни со штабною службою вообще, то офицерамъ генеральнаго штаба, иногда даже не въ особенно большихъ чинахъ, приходилось фактически направлять дѣятельность не только штабовъ, но и войскъ.

Роль генеральнаго штаба въ дѣлѣ веденія занятій съ офицерами.

Одной этой неправильной постановки генеральнаго штаба достаточно для того, чтобы сложить съ него если не всю, то большую часть отвѣтственности за недочеты въ этомъ отношеніи.

Эта неправильная постановка генеральнаго штаба, находящаяся въ связи съ недостатками командного состава арміи, отражалась, съ одной стороны, на войскахъ, а съ другой—на самомъ генеральномъ штабѣ, создавая какъ бы заколдованный кругъ, изъ котораго наша армія не могла выбраться, не взирая на усилія многихъ офицеровъ генеральнаго штаба и нѣкоторыхъ высшихъ строевыхъ начальниковъ, уяснившихъ себѣ сущность дѣла и расходившихся во взглядахъ съ большинствомъ своихъ товарищей.

Большинство строевыхъ начальниковъ считало своимъ дѣломъ только «строй» и «хозяйственную часть»; занятія же съ офицерами и вообще все, сколько-нибудь соприкасающееся съ «тактикою», признавалось, во-первыхъ, не столь важнымъ, въ лучшемъ случаѣ второстепеннымъ дѣломъ, составляющимъ спеціальность офицеровъ генеральнаго штаба. Естественно, и войска въ лицѣ офицеровъ также старались отдѣлаться отъ какой бы то ни было «тактики» и если занимались ею, то лишь въ силу принужденія къ тому свыше. Командиры полковъ терпѣли «тактическія занятія», какъ своего рода неизбѣжное зло, и охотно уступали руководящую роль офицерамъ генеральнаго штаба, которые, будучи большею частью обременены штабною работою, могли отправляться въ войска сравнительно рѣдко. Такимъ образомъ занятія съ офицерами оставались почти всецѣло въ рукахъ баталіонныхъ командировъ пѣхоты и соотвѣтствующихъ штабъ-офицеровъ другихъ родовъ войскъ, которые, въ общемъ, не были подготовлены къ роли руководителей.

Въ 1882 году была издана «Инструкція для занятій съ офицерами». Ей были присущи извѣстные недочеты, но это нисколько не

мѣшало правильной постановкѣ и успѣху этихъ занятій. Мѣшалъ недостатокъ подготовленныхъ и опытныхъ руководителей, значеніе коего усугублялось неумѣніемъ или нежеланіемъ массы командировъ частей принять на себя направленіе этого дѣла во ввѣренныхъ имъ частяхъ и нежеланіемъ старшихъ начальниковъ энергически потребовать отъ командировъ частей правильнаго отношенія къ этому дѣлу.

При такихъ условіяхъ офицеры генеральнаго штаба, командируемые высшими начальниками въ помощь командирамъ частей для веденія занятій съ офицерами, являлись чуть ли не единственными компетентными руководителями этихъ занятій, нелюбимыхъ строевыми офицерами. Они являлись единственными представителями элемента «тактическаго», что и было одною изъ причинъ ихъ непопулярности въ войскахъ.

Съ другой стороны такое отношеніе къ этому дѣлу строевыхъ начальниковъ и офицеровъ не могло не оказывать вреднаго вліянія и на офицеровъ генеральнаго штаба, изъ коихъ одни теряли энергію (по отношенію къ этому дѣлу), а другіе даже усваивали себѣ соотвѣтствующіе взгляды строевыхъ офицеровъ, и лишь только часть офицеровъ генеральнаго штаба продолжала съ полнымъ усердіемъ работать на этой почвѣ, въ надеждѣ на благопріятные результаты если не для настоящаго, то хотя бы для будущаго времени.

Роль генеральнаго штаба въ дѣлѣ совершенствованія тактической подготовки войскъ.

На маневрахъ строевые начальники и офицеры не могли устраниться отъ «тактики» такъ, какъ это имъ удавалось на офицерскихъ занятіяхъ зимняго времени; но, во всякомъ случаѣ, отношеніе ихъ къ этому дѣлу было лишь немногимъ лучше, чѣмъ на упомянутыхъ занятіяхъ. Въ связи съ этимъ и результаты хотя и получались лучшіе, но и они должны быть признаны недостаточными: тактическая подготовка войскъ если и совершенствовалась, то весьма медленно и вообще была недостаточна. Мало того, въ разсматриваемый періодъ въ нашей арміи укоренились нѣкоторые ложные взгляды и пріемы.

Такъ, подъ вліяніемъ неправильнаго пониманія опыта войны 1877—78 г.г., у насъ укоренился своего рода культъ обороны въ ущербъ наступленію: занятіе позицій и болѣе или менѣе упорная ихъ оборона сдѣлались у насъ излюбленными пріемами; нормы обращались въ шаблоны; частной инціативѣ простора не было; мало того, старшіе начальники сплошь и рядомъ держали млад-

нихъ подъ опекою и вмѣшивались въ ихъ дѣло; стремленіе распознать и оцѣнить обстановку, дабы принять соотвѣтственное рѣшеніе, проявлялось весьма слабо; надлежащаго взаимодѣйствія между родами войскъ и частями одного и того же отряда не было...

Генеральный штабъ если и можетъ считаться за это отвѣтственнымъ, то лишь въ весьма малой степени.

Профессора военнаго искусства академіи генеральнаго штаба всѣ въ одинъ голосъ отстаивали важное значеніе наступленія и вообще активнаго образа дѣйствій, и только нѣкоторые ихъ товарищи, профессора военной статистики, придавая несоотвѣтственное значеніе различнымъ «оборонительнымъ линіямъ» нашихъ пограничныхъ пространствъ, особенно западной пограничной полосы, отчасти шли въ разрѣзъ съ профессорами военнаго искусства, что отражалось на разборѣ соотвѣтствующихъ работъ слушателей академіи. Въ результатѣ нѣкоторые офицеры, прошедшіе курсъ академіи и имѣвшіе склонность къ «выжиданію съ цѣлью противодѣйствія», могли утвердиться въ своихъ пассивныхъ тенденціяхъ и, впослѣдствіи, явиться проводниками таковыхъ въ войскахъ; но громадное большинство офицеровъ генеральнаго штаба было насквозь пропитано сознаніемъ преимуществъ наступательнаго образа дѣйствій, сознаніемъ истины того положенія, въ силу коего «лучшая оборона есть наступленіе». Однако въ войскахъ они встрѣчали неодолимыя препятствія къ проведенію такихъ взглядовъ и понятій, такъ какъ во всей нашей арміи преобладали именно пассивныя тенденціи, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что принятіе оборонительнаго плана дѣйствій требовало наименьшей работы мысли. Впрочемъ, активное начало было присуще нашей оборонѣ, но лишь на короткѣ: всякая оборона должна была заканчиваться переходомъ въ наступленіе, въ видѣ контръ-атаки, съ ударомъ въ штыки; но, при сидѣніи на позиціяхъ, это было возможно въ бою лишь съ такимъ противникомъ, какимъ были турки въ 1877 году.

Въ эту войну наши войска несли большія потери отъ огня турокъ, оборонявшихся за укрѣпленіями, главнымъ образомъ вслѣдствіе злоупотребленія компактными строями и недостаточно внимательнаго отношенія къ примѣненію къ мѣстности. Послѣ этой войны мы ухватились за турецкое сидѣніе на укрѣпленныхъ позиціяхъ, но не уяснили себѣ ни значенія огня при наступленіи, ни значенія охватовъ для

обѣихъ сторонъ, и какъ бы застыли въ формахъ, уже отжившихъ свое время.

Существуетъ мнѣніе, что виновникомъ этого преобладанія ложныхъ взглядовъ и пріемовъ въ нашей арміи былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей генеральнаго штаба, генералъ М. И. Драгомировъ, высказывавшійся противъ введенія лучшихъ образцовъ огнестрѣльнаго оружія и проповѣдывавшій Суворовское положеніе «пуля дура, штыкъ молодецъ», вопреки измѣнившимся условіямъ веденія боя, вслѣдствіе совершившихся измѣненій въ вооруженіи пѣхоты и артиллеріи.

Идеи Драгомирова слѣдуетъ разсматривать и оцѣнивать въ цѣломъ, а не по частямъ; онъ не отрицалъ значенія огня [1]), а только опасался преувеличенія его значенія; ведя борьбу противъ «огнепоклонниковъ», онъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, заходилъ дальше, чѣмъ это было желательно съ точки зрѣнія объективнаго изслѣдователя даннаго вопроса; съ принадлежащими ему рѣшеніями нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ согласиться нельзя, даже не принадлежа къ числу его противниковъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится присоединиться къ «огнепоклонникамъ»; но, въ общемъ, его ученіе не могло принести вреда нашей арміи. Не Драгомировъ виновенъ въ томъ, что его противники уступали ему въ способности къ діалектикѣ и т. п. качествахъ. Если даже считать, что онъ погрѣшилъ своею проповѣдью Суворовскихъ идей о значеніи штыка и т. п., то, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно признать, что не онъ виновенъ въ преобладаніи у насъ пассивныхъ, узко оборонительныхъ тенденцій, противъ которыхъ онъ ратовалъ гораздо болѣе, чѣмъ его противники. Если бы онъ имѣлъ на нашу армію такое вліяніе, какое ему приписывали, то эти пассивныя тенденціи у насъ бы не утвердились, а въ этихъ именно тенденціяхъ и заключалась сущность ложныхъ понятій, приведшихъ къ укорененію въ нашей арміи и соотвѣтственно ложныхъ привычекъ и пріемовъ.

Въ общемъ, приходится признать, что, въ дѣлѣ совершенствованія тактической подготовки войскъ, генеральный штабъ и въ этотъ періодъ сдѣлалъ чуть ли не все, что отъ него зависѣло, вслѣдствіе чего онъ и не можетъ считаться отвѣтственнымъ за погрѣшности, допу-

---

[1]) См. трудъ составителя сего очерка: «Русско-Турецкая война 1877—1878 г.г. въ Европейской Турціи» (изд. 1906 г.), II, 35—37.

щенныя въ этомъ отношеніи высшею военною администраціею и высшимъ командованіемъ.

Научная и литературная дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба.

Какъ научная, такъ и литературная дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба была весьма разнообразна. Та и другая разрослись до такой степени, что въ настоящемъ очеркѣ приходится ограничиться лишь самымъ краткимъ ихъ обзоромъ.

Во главѣ нашего генеральнаго штаба, въ дѣлѣ разработки военной науки, стояли «учителя нашей арміи», Драгомировъ и Лееръ, при чемъ первый, отрицавшій «военную науку» и признававшій лишь «теорію военнаго искусства», принесъ этому дѣлу такую же пользу, какъ и второй, выяснившій, какимъ путемъ должна идти «теорія военнаго искусства» для того, чтобы дорасти до степени «военной науки». Разногласіе между ними являлось слѣдствіемъ того, что они различно понимали «науку». Приходится признать, что пониманіе второго было болѣе научно, чѣмъ пониманіе перваго.

Г. А. Леeръ явился основателемъ русской школы въ стратегіи; какъ его послѣдователи, такъ и его противники и критики только продолжаютъ дѣло, начатое имъ въ трудахъ: а) «Стратегія» (тактика театра военныхъ дѣйствій)»; б) «Методъ военныхъ наукъ»; в) «Коренные вопросы» и т. д.

Изъ послѣдователей Леера нельзя не упомянуть его преемника по кафедрѣ, ген. Н. П. Михневича, который издалъ академическое руководство подъ заглавіемъ «Стратегія», обнимающее: изслѣдованіе войны, какъ явленія въ жизни обществъ; планъ войны; приведеніе плана войны въ исполненіе; военныя дѣйствія; устройство тыла и снабженіе арміи.

Совершенно самостоятельнымъ явился ген. К. М. Войде, авторъ классическаго труда: «Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 года и дѣйствительныя ихъ причины» и другихъ трудовъ.

Изъ противниковъ и критиковъ Леера обратилъ на себя вниманіе В. Е. Борисовъ замѣчательною эрудиціею, упорнымъ трудомъ по изученію переписки Наполеона I, основательнымъ изученіемъ дѣятельности и другихъ мастеровъ военнаго дѣла. Погрѣшности его являются слѣдствіемъ главнымъ образомъ его желанія разъяснить сущность важнѣйшихъ научныхъ вопросовъ, не считаясь съ работою всей

массы предшествовавшихъ ему дѣятелей въ области науки вообще (а не только науки военной) и какъ бы выступая съ попыткою создать свою собственную науку [1]). Не взирая на эти погрѣшности, нельзя пройти молчаніемъ такіе его труды, какъ, напр., «Изъ полководческой практики», «Работа начальника генеральнаго штаба» и нѣкоторые другіе.

Изъ числа спеціальныхъ изслѣдованій, имѣющихъ значеніе какъ для стратегіи, такъ и для военной исторіи, заслуживаютъ вниманія труды Н. П. Михневича, посвященные войнѣ 1870—71 г.г., и полк. К. Дружинина, посвященные изслѣдованію стратегической дѣятельности германской кавалеріи въ ту же войну. Сверхъ того должно отмѣтить трудъ Н. А. Обручева: «Смѣшанныя морскія экспедиціи».

Въ области тактики направленіе дано Драгомировымъ и Леером̆ъ еще въ предшествовавшій періодъ [2]); въ разсматриваемый же періодъ тактическіе вопросы разрабатывались учениками обоихъ этихъ писателей при дѣятельномъ участіи одного Драгомирова [3]); Лееръ же игралъ видную роль только въ дѣлѣ составленія уставовъ.

«Учебникъ тактики» Драгомирова, въ разсматриваемый періодъ, вышелъ въ свѣтъ 2-мъ изданіемъ (1881 г.). Нѣкоторые отдѣлы этого учебника сохранятъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать войска. Его «Опытъ руководства для подготовки частей къ бою»—настольная книга строевыхъ начальниковъ.

Большая часть статей Драгомирова издана отдѣльно подъ заглавіемъ: «Сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ статей» (въ 1881 г.) и «14 лѣтъ, 1881—1894» (прил. къ журн. «Развѣдчикъ» за 1895 г.).

Всѣ наши военные люди, отъ генераловъ до подпоручиковъ, читали и будутъ читать эти статьи; извѣстны онѣ и въ иностранныхъ арміяхъ, особенно во французской.

---

[1]) Въ теоріи не приходится осуждать такую попытку, но на практикѣ нельзя не считаться съ невозможностью для одного человѣка продѣлать вновь работу всѣхъ предшествовавшихъ намъ поколѣній.

[2]) См. главу VIII сего очерка и И. Ак. Г. Ш., 159—160. Драгомировъ и Лееръ отлично другъ друга дополняли.

[3]) Въ его статьяхъ, какъ писателя, и въ его же приказахъ войскамъ Кіевскаго военнаго округа; и тутъ, и тамъ онъ давалъ указанія и отвѣты на вопросы, относящіеся къ области не только тактики, но и военной администраціи.

Перечислить всѣ труды по тактикѣ учениковъ Драгомирова и Леера невозможно. Нельзя не упомянуть трудъ ген. И. П. Маслова «Научныя изслѣдованія по тактикѣ», обнимающія: предварительныя понятія о тактикѣ; элементарныя силы бойца; анализъ нравственныхъ силъ бойца. Этотъ оригинальный трудъ имѣетъ значеніе и въ литературѣ исторіи военнаго искусства.

Заслуживаютъ также вниманія труды ген. Гершельмана: а) «Нравственный элементъ подъ Севастополемъ»; б) «Нравственный элементъ въ рукахъ Суворова» и в) «Нравственный элементъ въ рукахъ М. Д. Скобелева», а равно и вышедшіе въ свѣтъ въ разсматриваемый періодъ труды профессоровъ академіи генеральнаго штаба.

По исторіи военнаго искусства, и особенно по военной исторіи всеобщей и русской, въ разсматриваемый періодъ была исполнена довольно большая работа учениками Леера и Драгомирова, которые именно въ областяхъ этихъ отдѣловъ военной науки работали болѣе или менѣе самостоятельно.

Должно упомянуть труды: а) по исторіи военнаго искусства: А. К. Пузыревскаго, Н. Н. Сухотина, Д. Ф. Масловскаго, А. З. Мышлаевскаго, и имѣть въ виду труды другихъ профессоровъ академіи генеральнаго штаба по этой кафедрѣ; б) по военной исторіи: «Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней» и труды М. А. Газенкампфа [1]), А. К. Пузыревскаго, А. Н. Куропаткина, В. А. Сухомлинова, Н. Н. Сухотина, А. П. Скугаревскаго, П. О. Бобровскаго, Н. И. Гродекова [2]), П. Д. Паренсова, Б. М. Колюбакина, Н. А. Орлова [3]), А. В. Алексѣева, В. И. Харкевича, В. И. Баскакова, Н. А. Епанчина, Н. А. Данилова, А. К. Баіова, А. М. Заіончковскаго, Н. Н. Путилова, М. К. Марченко, Е. И. Мартынова, С. Д. Гескета, П. Н. Симанскаго, В. И. Чекмарева и многихъ другихъ, которые и въ настоящее время продолжаютъ эту же дѣятельность съ пользою для дѣла.

---

[1]) См. главу VIII.
[2]) «Война въ Туркменіи» (Походъ Скобелева въ 1880—1881 г.г.) и др.
[3]) «Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1791 г.» и др.

По военной администраціи, военно-уголовному праву и т. п. обращаютъ на себя вниманіе труды: П. Л. Лобко, А. Ф. Редигера, М. А. Газенкампфа, А. А. Поливанова, Ѳ. А. Макшеева, А. А. Гулевича, Н. И. Соловьева, Н. А. Василевскаго и Н. А. Ходоровича, Я. Б. Преженцова, П. О. Бобровскаго и т. д.

По военной статистикѣ и географіи должно упомянуть труды: А. М. Золотарева, П. О. Щербова-Нефедовича, Д. В. Путята, Н. Д. Богуславскаго, Г. Г. Христіани, А. Е. Тизенгаузена, В. Ф. Новицкаго, М. В. Грулева и т. д.

По военной топографіи, геодезіи и астрономіи обращаютъ на себя вниманіе труды преемниковъ и учениковъ Штубендорфа, Н. Д. Артамонова и А. А. Тилло, Н. Я. Цингера, К. В. Шарнгорста, В. В. Витковскаго и др. Должно упомянуть также работы Э. А. Коверскаго, какъ выходящія за предѣлы этой спеціальности.

Перечисленіе всѣхъ, хотя бы только болѣе замѣчательныхъ, переводныхъ трудовъ военно-научнаго и оригинальныхъ трудовъ беллетристическаго характера, а равно и различныхъ изданій справочнаго характера, невозможно.

Въ общемъ, совокупность всѣхъ этихъ работъ, исполненныхъ офицерами генеральнаго штаба и прошедшими курсъ академіи, производитъ сильное впечатлѣніе не только своимъ разнообразіемъ, но и богатствомъ своего внутренняго содержанія. Правда, бросается въ глаза неравномѣрное распредѣленіе числа авторовъ, посвящающихъ свои труды различнымъ отдѣламъ военной науки, но это нетрудно понять, если принять во вниманіе, что мыслящіе слои русскаго общества вообще переживали въ это время періодъ сильнѣйшаго умственнаго броженія, а это не могло не отражаться и на всемъ русскомъ военномъ обществѣ, въ томъ числѣ и на офицерахъ русскаго генеральнаго штаба.

Во всякомъ случаѣ, исполненная уже ими работа служитъ залогомъ того, что и въ будущемъ они будутъ работать съ тѣмъ же рвеніемъ и умѣніемъ на пользу русской арміи.

Корпусъ военныхъ топографовъ.

Дѣятельность корпуса военныхъ топографовъ, въ разсматриваемый періодъ, протекала въ тѣсной связи съ дѣятельностью главнаго и гене

ральнаго штабовъ. Недочеты въ дѣятельности этого корпуса вытекали изъ тѣхъ же причинъ, кои вызывали наличность недочетовъ въ дѣятельности названныхъ штабовъ [1]).

Заключенiе о генеральномъ штабѣ въ 1881—1902 г. г.

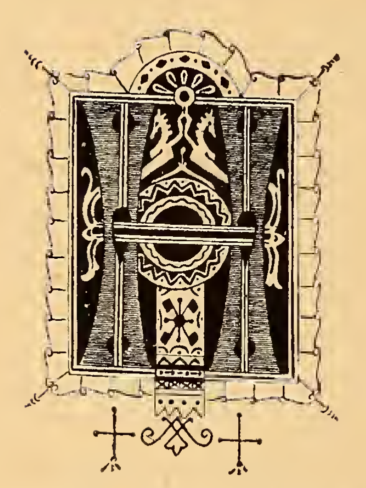
Въ общемъ, въ разсматриваемый перiодъ, совершенствованiе нашего генеральнаго штаба было замедлено, а въ девятидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтiя даже задержано причинами, лежавшими внѣ генеральнаго штаба, т. е. главнымъ образомъ тѣми рамками, кои были установлены для генеральнаго штаба всею военною системою государства; начиная же съ 1898 года, разстройство этой системы получило довольно быстрое развитiе, а это не могло остаться безъ влiянiя и на нашъ генеральный штабъ, не взирая на извѣстную его устойчивость.

---

[1]) См. выше, главы VII, VIII и IX, части 2-й сего очерка, а также истор. очеркъ корп. военныхъ топографовъ, истор. очеркъ академiи ген. штаба и «Военный Сборникъ».

ГЛАВА X.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ [1]).



ЕДОСТАТКИ нашей военной системы начала царствованія Императора Николая I были унаслѣдованы отъ предшествовавшаго царствованія. Однимъ изъ важнѣйшихъ, если не самымъ важнымъ ея недостаткомъ, была неудовлетворительность командняго состава въ войскахъ. Между тѣмъ квартирмейстерская часть, въ царствованіе Императора Александра I, быстро двинулась впередъ и достигла возможной по тому времени степени совершенства. Наше высшее военное управленіе предполагало, что хорошая квартирмейстерская часть сдѣлаетъ все дѣло и за себя, и за начальниковъ. Въ этомъ расчетѣ оно ошиблось.

При такихъ условіяхъ, и квартирмейстерская часть, не имѣя возможности оставаться оторванною отъ другихъ частей вооруженной силы государства, не взирая на наличность хорошей организаціи, соотвѣтственной постановки и даже талантливыхъ руководителей, также пошла по пути разстройства.

По волѣ Императора Николая I училище колонновожатыхъ, являвшееся главнымъ источникомъ комплектованія квартирмейстерской

[1]) См. таковые же выводы въ концѣ первой части сего очерка.

части, было упразднено, а сама свита Е. И. В. по квартирмейстерской части была переименована въ генеральный штабъ, которому было отведено нѣсколько приниженное, особенно въ сравненіи съ прежнимъ, положеніе.

Участіе нашего генеральнаго штаба въ войнѣ 1828—1829 г.г., не взирая на извѣстные недочеты, говоритъ въ его пользу. Отвѣтственность за наши недочеты въ эту войну падаетъ не на генеральный штабъ, а прежде всего на высшую военную администрацію, на главнаго начальника генеральнаго штаба и на высшее комадованіе.

Точно также и въ кампанію 1831 года генеральный штабъ дѣйствующей арміи исполнилъ свои обязанности съ несомнѣннымъ и полнымъ успѣхомъ; неудачи же и замедленіе операціи являлись слѣдствіемъ погрѣшностей политическаго характера, недостатковъ нашей военной системы и погрѣшностей высшаго командованія, а не генеральнаго штаба.

Реформа 1832 года положила прочное основаніе тому единству военнаго управленія, которое призналъ за благо установить Императоръ Николай I. Но это единство могло быть достигнуто и безъ упомянутаго приниженія генеральнаго штаба, наглядно выразившагося въ низведеніи главнаго его начальника, въ составѣ главнаго штаба Его Величества, съ перваго на четвертое мѣсто. Можно было оставить генеральный штабъ въ положеніи, соотвѣтствующемъ его важности и назначенію, а его начальника, генералъ-квартирмейстера, въ положеніи перваго лица послѣ военнаго министра; нужно было отнять у нихъ только то, что отходило къ самому военному министру, какъ главному начальнику всего военнаго вѣдомства, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить (а еще лучше развить) ту организацію генеральнаго штаба, благодаря которой онъ былъ въ значительной степени приспособленъ къ достаточно хорошему исполненію одной изъ самыхъ главныхъ своихъ обязанностей—подготовки къ войнѣ, а вся военная система государства была также приспособлена къ выдѣленію, въ случаѣ войны, дѣйствующихъ армій и отдѣльныхъ корпусовъ, такъ какъ она не была къ этому приспособлена ни до 1815 г., ни послѣ 1826—1832 г.г.

Графъ Чернышевъ не былъ объективенъ въ дѣлѣ оцѣнки дѣятельности генеральнаго штаба и въ особенности нѣкоторыхъ его представителей, вслѣдствіе чего относился къ нимъ съ предубѣжденіемъ; онъ

не понималъ ни значенія генеральнаго штаба, какъ важнѣйшаго вспомогательнаго органа высшаго командованія, ни необходимости приспособленія всей военной системы вообще, а слѣдовательно и военнаго управленія въ частности, къ потребностямъ военнаго, а не мирнаго времени.

Если бы реформа 1832 года была проведена въ духѣ вышеприведенныхъ разъясненій, то не былъ бы такъ возвеличенъ бюрократическій элементъ во всемъ нашемъ военномъ управленіи; проведенное же въ жизнь его возвеличеніе, въ связи съ другими данными, отразилось на всей военной системѣ въ смыслѣ постепеннаго приниженія представителей стратегіи и тактики въ пользу представителей высшей военной администраціи, т. е. въ смыслѣ постепеннаго приниженія не только генеральнаго штаба, но за нимъ и команднаго состава арміи, а слѣдовательно въ смыслѣ постепеннаго ухудшенія всей военной системы государства вообще и подготовки его къ войнѣ въ особенности.

При такихъ условіяхъ «департаментъ генеральнаго штаба» долженъ былъ, въ большей или меньшей степени, превратиться въ бюрократическое учрежденіе, которому, ранѣе или позднѣе, должно было оказаться не по силамъ выполненіе лежавшихъ на немъ задачъ и обязанностей.

Штатъ 1832 года уронилъ прежнее значеніе генеральнаго штаба, не создалъ прочнаго положенія этого корпуса, оставилъ существованіе гвардейскаго генеральнаго штаба, оказалъ неблагопріятное вліяніе на чинопроизводство въ генеральномъ штабѣ вообще и не установилъ никакого выхода изъ этого рода службы [1]).

Штатъ этотъ просуществовалъ около 30 лѣтъ, подвергаясь лишь частнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ.

Въ этотъ періодъ генеральный штабъ удерживался въ вышеотмѣченномъ приниженномъ положеніи силою обстоятельствъ, отъ него не зависѣвшихъ.

Комплектованіе генеральнаго штаба было обезпечено учрежденіемъ Императорской военной академіи, недостатокъ которой заключался лишь въ томъ, что она имѣла главною цѣлью давать соотвѣт-

[1]) Открывали себѣ выходъ лишь нѣкоторые офицеры генеральнаго штаба, коимъ благопріятствовали особыя обстоятельства.

ственную подготовку будущимъ офицерамъ генеральнаго штаба, оставляя въ сторонѣ будущихъ высшихъ строевыхъ начальниковъ, что должно было привести къ такому положенію, при которомъ помощники этихъ начальниковъ обладали бы лучшею военною подготовкою (въ широкомъ смыслѣ), чѣмъ сами эти начальники.

Военная академія производила въ высшей степени плодотворную работу: не взирая на неизбѣжные въ такомъ дѣлѣ недочеты, она выполняла съ достаточнымъ успѣхомъ возложенныя на нее задачи, въ особенности главную, и давала генеральному штабу такихъ именно офицеровъ, какіе были необходимы по мнѣнію Императора Николая I, получавшихъ хорошее военное образованіе и вообще настолько подготовленныхъ, насколько они могутъ быть подготовлены въ школѣ, хотя бы высшей.

Однако генеральный штабъ не могъ ни извлекать надлежащую пользу изъ такой подготовки офицеровъ, даваемыхъ ему академіею, ни совершенствовать ихъ по принятіи ихъ въ свой составъ, ни совершенствовать въ должной мѣрѣ свою собственную подготовку, ни приносить арміи ту пользу, которой можно было отъ него ожидать,—по той причинѣ, что послѣ наполеоновскихъ войнъ система воспитанія и образованія нашихъ войскъ была поставлена на ложную почву и это продолжалось вплоть до войны 1853—1856 г.г.

Въ нашей арміи господствовало увлеченіе отжившею свое время линейною, фридриховскою тактикою, духъ которой былъ влитъ въ формы тактики глубокой, наполеоновской.

Такое состояніе военнаго искусства въ практической школѣ (арміи) отражалось и на развитіи соотвѣтствующихъ идей въ теоретической школѣ (академіи). Сама академія не подчинялась указанному теченію вполнѣ, благодаря тому, что въ ней имѣлись данныя совершенно противоположныя по характеру и по значенію; но не то было въ арміи, въ которой подобныхъ данныхъ быть не могло, и такимъ образомъ не академія вліяла на распространеніе здравыхъ понятій въ арміи, но армія вліяла въ обратномъ смыслѣ отчасти на академію, а въ особенности на генеральный штабъ.

Въ общемъ, система подготовки войскъ къ войнѣ и бою, установившаяся у насъ въ первой половинѣ XIX столѣтія, была крайне неблагопріятна для надлежащей подготовки генеральнаго штаба.

У насъ въ это время имѣлась постоянная боевая школа на Кавказѣ, но она не принесла намъ такой пользы, какую извлекали французы изъ своей алжирской школы; она имѣла чуть ли не исключительно мѣстное значеніе и особенно замѣтнаго вліянія внѣ предѣловъ Кавказа не проявляла.

Такое положеніе дѣлъ могло измѣниться лишь послѣ достаточно серьезнаго боевого опыта. Опытъ этотъ доставила намъ не успѣшно проведенная венгерская кампанія 1849 года, но неудачная для насъ война 1853—1856 г.г.

Главными причинами нашихъ неудачъ въ эту войну (въ военномъ отношеніи) являлись: недостатки нашей военной системы вообще и высшаго военнаго управленія въ особенности, а также недочеты, кои нельзя не усмотрѣть въ дѣятельности высшаго командованія, а въ особенности князей Паскевича и Меньшикова.

Выше отмѣченная постановка генеральнаго штаба не могла способствовать тому, чтобы онъ игралъ сколько-нибудь вліятельную роль не только въ дѣлѣ подготовки арміи къ войнѣ и бою, но и въ отношеніи выработки плановъ войны и кампаніи. Къ творческой части этого дѣла онъ допущенъ не былъ.

Поэтому генеральный штабъ долженъ быть признанъ свободнымъ отъ отвѣтственности не только за подготовку къ войнѣ, но и за руководительство операціями и вообще за всю идейную часть веденія и всей войны, и отдѣльно взятыхъ военныхъ операцій. Какъ вспомогательный органъ высшаго командованія во время войны, генеральный штабъ (за рѣдкими, единичными исключеніями) находился на высотѣ своего назначенія и выполнялъ свои задачи отлично. Сваливать на него вину высшаго командованія и особенно высшей военной администраціи не должно.

Въ царствованіе Императора Александра II въ военномъ вѣдомствѣ были произведены большія преобразованія; при этомъ генеральный штабъ былъ выведенъ изъ приниженнаго состоянія и занялъ довольно вліятельное положеніе, но его организація не была улучшена, а что всего хуже, онъ лишился фактически своего главнаго начальника, такъ какъ начальникъ главнаго штаба, являвшійся въ тоже время и начальникомъ генеральнаго штаба и обремененный массою дѣлъ и обязанностей, не имѣлъ никакой возможности заниматься

дѣлами генеральнаго штаба такъ, какъ это было необходимо; точно также не могъ ими заниматься такъ, какъ должно, и его первый помощникъ, какъ бы замѣнившій прежняго генералъ-квартирмейстера. Подготовку къ войнѣ вѣдалъ военно-ученый комитетъ главнаго штаба; фактически у этого дѣла стоялъ управляющій дѣлами этого комитета съ извѣстнымъ числомъ дѣлопроизводителей.

Въ это же время академія изъ «военной» вообще была превращена въ «академію генеральнаго штаба», т. е. въ высшую спеціальную школу этого рода службы. Это привело къ тому, что отъ нея начали требовать, чтобы она давала готовыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, что было неисполнимо.

Къ войнѣ 1877 — 78 г.г. Россія готова не была; командный составъ попрежнему не находился на высотѣ своего назначенія; планъ войны не соотвѣтствовалъ обстановкѣ; повторились ошибки 1828 года, которыя были исправлены во время самой войны, конечно, цѣною большихъ расходовъ, усилій и пожертвованій.

За все это генеральный штабъ не отвѣтственъ; отвѣтственность (въ военномъ отношеніи) падаетъ опять-таки на высшее военное управленіе и на управляющаго дѣлами военно-ученаго комитета главнаго штаба.

Какъ вспомогательный органъ высшаго командованія, генеральный штабъ, за рѣдкими исключеніями, и въ эту войну находился на высотѣ своего назначенія и выполнялъ свои задачи отлично. Недочеты въ его дѣятельности, конечно, были, но при ихъ оцѣнкѣ должно имѣть въ виду неправильную постановку генеральнаго штаба и несоотвѣтствіе своему назначенію большей части командного состава арміи.

При военномъ министрѣ генералъ-адъютантѣ Ванновскомъ система въ крупныхъ чертахъ оставалась та же, что и при его предшественникѣ; производились лишь частныя измѣненія ея деталей и вводились дополненія, признававшіяся назрѣвшими, подъ давленіемъ обстановки.

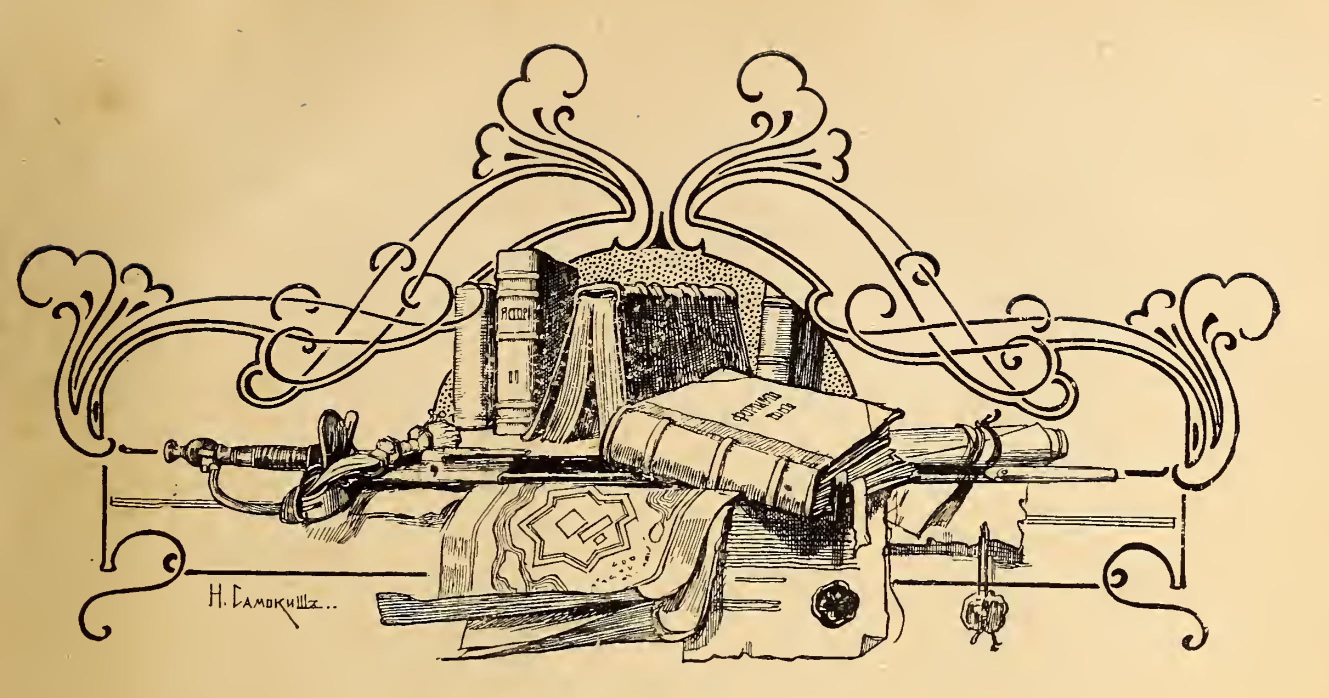
Наиболѣе крупнымъ законоположеніемъ, созданнымъ въ это время, явилось положеніе о полевомъ управленіи войскъ въ военное время 1890 года. Затѣмъ важное значеніе имѣли соотвѣтственныя перемѣны въ устройствѣ и функціонированіи окружныхъ управленій, благодаря чему явилась возможность улучшить дѣло подготовки къ войнѣ въ округахъ и ввести бо́льшую систематичность въ соотвѣт-

ствующую подготовку офицеровъ генеральнаго штаба; но этимъ была выполнена только малая часть дѣла, такъ какъ въ центральномъ управленіи соотвѣтствующихъ перемѣнъ произведено не было.

Начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Обручевъ сдѣлалъ очень много въ отношеніи подготовки къ войнѣ на западномъ фронтѣ. Онъ же выработалъ проектъ новой организаціи главнаго штаба, отвѣчавшій, въ общемъ, потребностямъ времени, но этотъ проектъ, до конца управленія военнымъ вѣдомствомъ генералъ-адъютанта Ванновскаго, осуществленъ не былъ.

Въ 1900 году было произведено осуществленіе небольшой части этого проекта образованіемъ въ составѣ главнаго штаба «части генералъ-квартирмейстера», но этого, конечно, было недостаточно. Въ общемъ, условій, благопріятствовавшихъ усовершенствованію всей военной системы государства и въ частности генеральнаго штаба, не было. Мало того, въ 90 хъ годахъ XIX столѣтія, особенно въ 1898—1902 г.г., наша военная система шла по пути разстройства, и это положеніе дѣлъ особенно сильно отражалось на генеральномъ штабѣ, не взирая на то, что значительное большинство состава этого корпуса и теперь, какъ и ранѣе, находилось на высотѣ своего назначенія. Главными причинами тому являлись несовершенства всей военной системы государства, а въ особенности неудовлетворительная организація генеральнаго штаба, неправильная его постановка и отсутствіе необходимыхъ условій для неустаннаго совершенствованія его подготовки.

Съ этой точки зрѣнія генеральный штабъ вообще является наилучшимъ показателемъ доброкачественности или недоброкачественности всей военной системы государства. И генеральный штабъ, и армія могутъ быть даже не дурны, но война можетъ быть проиграна, если во всей военной системѣ нѣтъ должной гармоніи. Тѣмъ болѣе вѣроятны неудачи на войнѣ, если въ военной системѣ имѣются серьезные недочеты. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ начинать съ изученія генеральнаго штаба, которое облегчитъ выясненіе недочетовъ всей военной системы государства, а слѣдовательно облегчитъ и ихъ устраненіе.



ОГЛАВЛЕНІЕ

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАЗВИТІЯ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ВЪ РОССІИ ДО XVIII-ГО СТОЛѢТІЯ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.

ЧАСТЬ II.

ОГЛАВЛЕНІЕ

15-